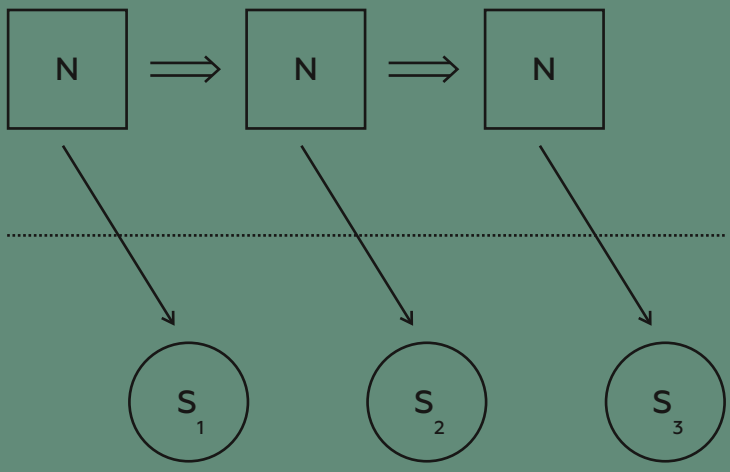
Георгий Щедровицкий



НА ПЕРЕКРЕСТКЕ МЫСЛИ: ВВЕДЕНИЕ В СИСТЕМО-МЫСЛЕДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД

МИИ

Некоммерческий научный фонд
«Институт развития им. Г. П. Щедровицкого»

УЧЕНИЕ ГЕОРГИЯ ЩЕДРОВИЦКОГО

в 10 томах

Редакционная коллегия:

А. Г. Реус (главный редактор), Н. Ф. Андрейченко,
Ю. Б. Грязнова, Г. А. Давыдова, С. Б. Крайчинская,
С. А. Малявина, А. В. Русаков

Георгий Щедровицкий

Том I. Подход

Книга первая

На перекрестке мысли: введение в системомыследеятельностный подход

Москва
МИФ
2024

УДК 16:159.955
ББК 87.22:87.4:88.3
Щ36

Издано при поддержке Некоммерческого научного фонда
«Институт развития им. Г. П. Щедровицкого»

Редактор-составитель Г. А. Давыдова

Щедровицкий, Георгий Петрович
Щ36 Учение Георгия Щедровицкого : в 10 т. / Г. П. Щедровицкий. — Москва : МИФ, 2024 —.

ISBN 978-5-00214-693-2

Том I : Подход. Книга 1 : На перекрестке мысли: введение в системомыследеятельностный подход. — 2024. — 672 с.
ISBN 978-5-00214-612-3

В 1979 году Г. П. Щедровицкий подвел итог 25-летней деятельности Московского методологического кружка. В частности, он предложил развернутое понятие подхода, которое позволяет ретроспективно по-новому понять содержание методологической работы и историю исследований и разработок кружка. Собранные в книге тексты Г. П. Щедровицкого (большинство из них публикуются впервые по архивным материалам) дают общее представление о том, что такое методология, ее основных подходах и принципах организации методологической работы.

Данное собрание сочинений представляет наследие Г. П. Щедровицкого в наиболее полном объеме и систематизированном виде и сопровождается научным аппаратом. Предназначено для философов, логиков, методологов, исследователей отечественной интеллектуальной истории и философии, а также студентов и аспирантов, обучающихся по этим специальностям.

УДК 16:159.955
ББК 87.22:87.4:88.3

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ISBN 978-5-00214-612-3

© Текст, составление. Некоммерческий научный фонд «Институт развития им. Г. П. Щедровицкого», 2024
© Список литературы, примечания редактора, указатель имен, предметный указатель. А. В. Русаков, 2024
© Оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие А. Г. Реуса к многотомному изданию «Учение Георгия Щедровицкого» **9**

I ПРОБЛЕМЫ ПОСТРОЕНИЯ ТЕОРИИ МЫШЛЕНИЯ И СИСТЕМОМЫСЛЕДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД

Проблемы построения теории мышления **13**

1. [Пространство методологической работы и деятельностный подход] 13

2. [Проблемы организации пространства методологического мышления. Рефлексия и мышление] 42

3. Мышление, мыслительная деятельность и деятельность 65

4. [Смысл методологической работы. Проблематизация основных методологических понятий] 92

5. [Построение понятий и вопросы онтологии] 115

6. [Понятие рефлексии. Рефлексия и мышление. Рефлексия и сознание] 138

7. [Чистая рефлексия и организованная рефлексия] 168

II «ПОДХОД» — ЧТО ЭТО?

О понятии «подход» **195**

1. Деятельностный подход. Введение в тему 195

2. Системно-структурный подход 210

3. О понятии «подход» (продолжение) 235

4. О системном подходе в структуре подхода 266

III КАК «ПОДХОД» УПОТРЕБЛЯТЬ В КООПЕРАТИВНОЙ РАБОТЕ?

В чем специфика методологического подхода к проблемам науки **295**

Системно-структурный подход в анализе и описании эволюции мышления **305**

Проблемы организации исследований: от теоретико-мыслительной к оргдеятельностной методологии анализа **310**

Нормативно-деятельностный подход в исследовании интеллектуальных процессов **332**

Человеческая деятельность и предметный мир **366**

1. Старые понятия и новый подход 369

2. Основания объектно-онтологической картины 393

3. Схема анализа предметного мира и людей в контексте деятельностного подхода 398

IV КАК «ПОДХОД» ПЕРЕДАВАТЬ ДРУГИМ (ВОСПРОИЗВОДСТВО)?

О значении исследования коммуникации для развития представлений о мыследеятельности **411**

Методологический смысл оппозиции натуралистического и системодеятельностного подходов **451**

Организационно-деятельностный подход: цели и задачи психологических исследований в сфере физкультуры и спорта **466**

I. Современное состояние, основные проблемы и перспективы развития психологии спорта 466

2. Организация и управление в контексте борьбы и конкуренции — суть спортивной работы 469

3. Значение знаний для развивающейся сферы деятельности. Проблема приложения знаний 471

4. Простейшая схема цикла жизни знания 473

5. Схема использования нескольких разнопредметных знаний 476

6. Проблема применения научных знаний в практике. Идеальные объекты науки и реальные предметы практики 476

7. Представление о прикладной дисциплине 480

V КАК РАБОТАЕТ СИСТЕМОМЫСЛЕ-ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД?

Основные понятия и проблемы системомыследеятельностного подхода 483

1. Проблема психологизма и методологизма в Московском методологическом кружке 483

2. [Основания системомыследеятельностного подхода. Смысл и границы деятельностного подхода] 506

Перспективы и программы развития системомыследеятельностной методологии 528

Краткая характеристика метода работы, или способа мышления [13 принципов системомыследеятельностного подхода] 574

Примечания редактора 617

Литература 633

Именной указатель 643

Предметный указатель 657

ПРЕДИСЛОВИЕ К МНОГОТОМНОМУ ИЗДАНИЮ «УЧЕНИЕ ГЕОРГИЯ ЩЕДРОВИЦКОГО»

Перед вами главный проект моей жизни — издание Учения Г. П. Щедровицкого. Ничего более существенного и полезного для людей я сделать не в силах.

Идея издания появилась с момента смерти Георгия Петровича в 1994 году. Появились отдельные книги. Их вышло около двадцати. Но это не было целым. А целое замысливалось то в хронологическом подходе, то в тематическом, собирались деньги, работы начинались и останавливались, при этом публикация Учения становилась, на мой взгляд, все более актуальной задачей.

В начале 2021 года я понял совершенно отчетливо, что человек не вечен и, если не начать, все может расползтись и исчезнуть. Единственным утешением могла оказаться только та работа по архиву Георгия Петровича, которая была проделана в последние годы. Этот архив собран, оцифрован и с ним удобно работать*.

В этот раз составители предложили вместо хронологии и тематической логики логику подхода. И мне, после некоторых размышлений, эта идея показалась правильной. То ли потому, что я являюсь адептом СМД-подхода (системомыследеятельностного), то ли потому, что, будучи управленцем, понимаю, что самое главное, что подлежит трансляции в нашей среде, — это подход, то есть набор способов, инструментов интеллектуальной работы, которые позволяют нам мыслить мир, деятельность и мыследеятельность, участниками которой мы являемся.

Несмотря на политический флер, который в последнее время окружает Учение, когда разным как бы методологам приписывают серьезное политическое влияние на происходящее в России, я должен сказать, что «методологи» не оказали никакого, повторяю, никакого влияния на политические реалии.

---

* https://www.fondgp.ru/projects/archive/

При распространении Учение может кардинально поменять картину мира и, следовательно, мир как таковой. Но этот процесс займет как минимум сотню, а то и две сотни лет (хотя сетевые эффекты могут ускорять такие процессы).

Это не означает, что адепты Учения асоциальны. Нет, как люди они могут действовать: как управленцы — управлять, как образовыватели — учить, растить людей, способных меняться.

Люди живут лишь мгновенье, большинству попытка присоединиться к Великому и в нем существовать не нужна, ибо последствия зачастую несопоставимы с жизнью.

Жизнь апостолов, проповедников христианства — тому подтверждение. Только одному из них удалось умереть своей смертью — остальные были уничтожены людьми с предельной жестокостью. Но никто из них, несмотря на отсутствие интернета в то время, не исчез.

Это сравнение может показаться вычурным, но для меня оно житейское: если у тебя появилась идеология, то есть набор идей, которые после критического осмысления ты себе присвоил, превратив в подход, то они тобой движут, и ничего с этим не поделаешь.

Подход — это не концепции, это идеи и инструменты, реализуемые в живом мышлении, деятельности, коммуникации, мыследеятельности. Отдельные конкретные концепции могут быть ошибочными или неполными, а подход будет оставаться актуальным. Посмотрите на историю философии — там беспрерывно ошибались всю ее историю, но это, к счастью, не мешает человечеству философствовать.

Методология — это Учение, оно предполагает человека в деятельности, то есть человека, который постоянно практикует это Учение. А как только перестает практиковать, Учение исчезает.

Самое трудное — передать читателю Учение как подход. Поэтому мы решили, что предисловие должно состоять из живого текста тех, кто работал и продолжает работать в школе Щедровицкого, использует и развивает это Учение. Они ответили на вопрос: «Зачем это Учение нужно и что я делаю с ним?»

А. Г. Реус

Полный текст предисловия по ссылке: clck.ru/3AsXuY

I. ПРОБЛЕМЫ ПОСТРОЕНИЯ ТЕОРИИ МЫШЛЕНИЯ И СИСТЕМОМЫСЛЕ-ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД

ПРОБЛЕМЫ ПОСТРОЕНИЯ ТЕОРИИ МЫШЛЕНИЯ

1. [Пространство методологической работы и деятельностный подход]*

Эта тема является невероятно сложной. Здесь уже говорилось — в докладе А. А. Тюкова, в моем выступлении по его докладу, а потом в дискуссии, которая у нас была в прошлый раз, — что эта тема, по сути дела, была исходной для работы Московского методологического кружка. Она была сформулирована в начале 1954 года, и с тех пор мы постоянно и непрерывно пытались решить эту задачу или, во всяком случае, наметить достаточно детализированную и эффективную программу работы по этой теме.

За прошедшие годы предпринималось несколько массированных попыток ответить на поставленные вопросы, в частности в 1959–1960 году здесь, в работе нашей Комиссии[1]. Затем в 1975 году, опять же на заседаниях нашей Комиссии, я предпринял попытку еще раз сделать обзорный, обобщающий доклад на эту тему. Но в ходе самого доклада и дискуссий по нему было выявлено, что мы еще не можем не только ответить на эти вопросы, но и правильно организовать сам анализ и систематизацию накопленных проблем, представлений, знаний. И вот теперь, через четыре года, я делаю новую попытку как-то соорганизовать эту тему.

---

7 докладов, прочитанных на семинарах Комиссии по психологии мышления и логике при Московском отделении Общества психологов (соответственно 26 апреля, 10, 24, 31 мая, 7, 21, 28 июня 1979 г.). Публикуются по архивным материалам (№№ 2869-01–04). См. также: Анналы ММК: 1979(1). М.: Наследие ММК, 2013. С. 7–175.

* Здесь и далее названия в квадратных скобках даны редактором. *Примеч. ред.*

Мне кажется, что за эти четыре года мы сумели пополнить те основные пункты, которых недоставало в 1975 году. Но я при этом понимаю, что эта задача остается невероятно сложной; вполне возможно, что мне так и не удастся привести все это к единому знаменателю. Сложной также и потому, что она предполагает обсуждение во многих разных планах — о чем я буду говорить дальше — и, следовательно, она очень объемна даже и в массиве тех представлений, которые здесь должны быть созданы и собраны в одно целое. И этим определяются, во всяком случае, мои ближайшие задачи.

Я попытаюсь, во-первых, задать то пространство, в котором, с моей точки зрения, эта тема может обсуждаться. Во-вторых, я попытаюсь использовать схему этого пространства в качестве некоторого организационного средства для того, чтобы распределить связки и области проблем и соотнести их друг с другом.

У меня будет довольно много разных смысловых кусков и частей, и я буду каждый раз выделять и четко фиксировать начало и конец каждой части обсуждения. Вы поймете дальше, почему я специально обращаю на это внимание, почему я стремлюсь так организовать само обсуждение. Это связано с принципиальной неоднородностью этих частей, и фиксация переходов из одного пространства в другое очень важна для понимания всего того, что будет происходить.

Итак, пункт первый: *методологическая организация и системодеятельностный подход*.

Хотя речь идет о построении теории мышления и проблемах организации этой работы, я тем не менее начинаю весь этот разговор не с понятия теории и не с понятия мышления, а именно с задания той «машины», или той формы организации мыслительной работы, в которую я включаю себя и в рамках которой я буду осуществлять все свои движения. При этом, как мне представляется, я реализую основной принцип деятельностного подхода. И вот эти две узловые точки, эти два пункта, требуют взаимного обсуждения: методологическая организация и системодеятельностный подход.

В принципе, к изучению мышления не обязательно подходить системодеятельностно. Можно подходить натуралистически, как это и делали многие исследователи, можно подходить эпистемологически и, соответственно, реализовывать такого рода подходы. Я же с самого начала объявляю, что я буду работать деятельностно, или системодеятельностно. Для того чтобы стало понятно, что это означает, я буду далее объяснять и задавать суть деятельностного подхода на оппозициях натуралистическому и эпистемологическому подходам.

Если мы подходим либо к исследованию мышления, либо к построению теории мышления натуралистически, то мы с самого начала

полагаем, что нам противостоит определенный объект. В натуралистическом подходе это обычно объект изучения и одновременно объект практической деятельности, ибо суть натуралистического подхода состоит в том, что эти два объекта не различаются. В натуралистическом подходе не важно, какую деятельность я осуществляю или предполагаю осуществлять, важно, что существует этот объект, который остается одним и тем же, инвариантным. Этот объект остается не зависимым от того, как я к нему подхожу и какую деятельность по отношению к нему буду осуществлять, остается или должен оставаться в принципе одним и тем же в своих естественных, натуральных законах, проявлениях. И, следовательно, вся моя деятельность, какой бы она ни была: исследовательской, проектной, организационной, управленческой — какой угодно, — каждый раз должна приводить всегда к одному представлению объекта или строиться на одном и том же представлении объекта. Объект или представление об объекте остается тем инвариантом, который проходит через все и любые деятельности и, по сути дела, соорганизовывает сами эти деятельности между собой, или друг с другом.

Если бы я попробовал нарисовать основной схематизм натуралистического подхода на своем деятельностном языке, то я бы должен был нарисовать вот такое представление об объекте, а дальше какие-то системы деятельности, которые берут его с разных сторон (см. рис. 1)… Но при этом все они замкнуты на одном объекте и работают на нем и вокруг него. И этот объект не зависит от того, *что* мы делаем и *как* мы делаем.

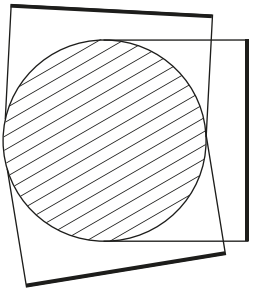


Рис. 1

Эпистемологический подход отличается тем, что центрация работы — мышления или деятельности — производится не на объекте, а на знании об объекте. В этом смысле эпистемологический подход уже учитывает всю кантовскую критику и вообще существование критики в истории философии. И в этом смысле он учитывает достижения агностицизма, хотя это не значит, что он агностичен.

Эпистемологический подход исходит из того, что в нашей деятельности движется некоторое знание об объекте, и это знание всегда соотнесено с характером самой деятельности и определяется теми средствами, процедурами, которые используются в нашей мыслительной работе. Но центрация тем не менее производится не на самой деятельности, а на некоем представлении, или знании об объекте. Эти знания связаны с определенными типами деятельности, но, переходя из одной деятельности в другую, мы должны особым образом, по определенным правилам трансформировать сами эти знания. И, собственно, эпистемологический подход строит определенные формы, правила, технологии перехода от одного знания к другому, когда мы переходим из одной деятельности в другую: например, от исследования к проектированию, от проектирования к конструированию и т. д. Но движущимся образованием является именно представление, или знание, — развивающееся исторически или двигающееся по законам восхождения от абстрактного к конкретному, или от одностороннего к многостороннему представлению и т. д.

В истории философии после Канта был намечен целый ряд таких эпистемологических принципов, в соответствии с которыми проводится развитие, организация и систематизация знаний. Наверное, можно было бы сказать, что с конца XVIII и по первую четверть XX века в основном в философии и методологии занимались тем, что пытались нащупать основные принципы эпистемологической организации и задать их как некоторые верховодящие принципы и нормы нашей работы. Отсюда, скажем, обсуждения 20–30-х годов, развертывающиеся вокруг физики, о классической логике, неклассической логике, диалектической логике, которые, по идее философов, методологов, задают одни, другие или третьи принципы соорганизации [знаний].

Деятельностный подход отличается тем, что он требует от мыслителя, исследователя, чтобы он с самого начала отнес себя к определенной культурно заданной «машине», или организации деятельности, чтобы он сразу поместил себя в определенную организацию этой деятельности и сказал бы, *кто он есть*. Если он исследователь, то он должен соблюдать нормы исследования. И чтобы быть исследователем, он должен прежде всего представить себе эти нормы. Если он не ориентируется в том, что такое научно-исследовательская работа, то он просто некомпетентен.

Скажем, все факультеты университета, институты типа физтеха и другие, по сути дела, в скрытой форме все время и задают эту нормировку деятельности. Они как бы «штампуют» головы и тем самым организуют их очень жестко, часто предельно догматически (и в этом смысл дела), вкладывают в них эти программы профессиональной

работы и еще дают некое рефлексивное представление о том, что же это за работа. И точно так же — если вы проектировщик, то в каком-то архитектурном или инженерно-строительном институте, соответственно, задают нормы и представления такой работы, некоторый минимум рефлексивного осознания, что это за работа. И человек, приступающий к решению какой-то практической задачи — будь то исследование атомного ядра или проектирование какого-то здания, — прежде всего относит себя ко всему набору норм своей профессиональной деятельности и начинает работать в соответствии с этими нормами. Здесь реализуется собственно деятельностный подход, хотя он еще и не отрефлектирован, не осознан.

Деятельностный подход этот момент фиксирует как принцип. Он требует — независимо от того, осуществляете вы деятельность или мыслите, — чтобы вы прежде всего сказали, в какой «машине» вы эту деятельность или это мышление осуществляете, и зафиксировали в *рефлексии* (это очень важный момент!) представление о вашей деятельности. Тем самым вы помещаете себя в эту деятельность или подключаетесь к этой деятельности. А уже потом, после того как в рефлексии зафиксирована эта деятельностная установка, принадлежность к определенной культурно-исторической форме, можно вырабатывать представления о самом предмете деятельности — будь то исследование, проектирование и т. д. (см. рис. 2а). И, собственно, характерным для мышления этого человека, для концепций, которые создаются, является всегда связка между рефлексивным представлением того типа деятельности, которую осуществляет данный человек, и представлением о предмете его деятельности: если это будет исследование, то это будет предмет исследования, если проектирование — то предмет проектирования, если организация — то предмет организации и т. д. (см. рис. 2б).

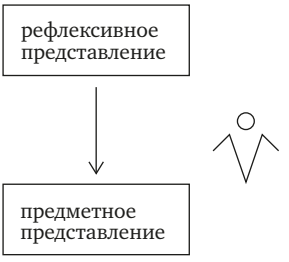


Рис. 2а

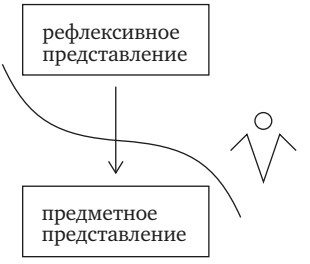


Рис. 2б

И тогда бы я мог дальше сказать, что связки этих двух знаний — знания рефлексивного, определяющего собственную позицию и свое отношение к объекту, и представления об объекте, — собственно,

и характеризуют каждое мыслительное образование. И дальше я буду все время работать в этих связках.

Иными словами, я бы добавил следующее: нельзя рассматривать человеческое мышление так, как этого требовали классический сциентизм и классическая сциентистская философия. По ее правилам и нормам, по ее идеологии надо задать предмет, потом метод изучения этого предмета… Вспомните все эти классические введения в книжки: предмет и метод (психологии, биологии, физики и т. д.). И при этом вроде бы получалось так, что, собственно, принадлежащим к концепции является представление о предмете.

И когда мы сейчас анализируем в историческом ракурсе работы Выготского, Рубинштейна, Леонтьева или кого-то другого в области психологии, мы каждый раз прежде всего спрашиваем: а как он представлял себе предмет? И начинаем обсуждать: принцип деятельности у Выготского был или его не было? Принцип деятельности или идея деятельности у Леонтьева были или нет? И при этом нет этого разложения и растяжки на рефлексивный план и предметный план.

В противоположность тому глобальному подходу, который я сейчас разбираю и критикую, с моей точки зрения, каждый раз надо было бы задавать вопрос иначе и с другой стороны, а именно: каково было рефлексивное представление о своей деятельности у данного мыслителя? к чему он себя относил? к какой культурной традиции, к какому учреждению? кто он был — философ, ученый, естествоиспытатель? или кто? А уже потом, после того, как мы наполнили это рефлексивное представление (не представление об объекте, противостоящем исследователю, а представление его о самом себе, о том, кто он есть и что он делает), ответили на этот первый вопрос, мы можем переходить ко второму и спрашивать себя: и как же он, определив самого себя, видел и представлял себе предмет своей работы? Тогда мы будем очень четко разделять все его утверждения, все принципы на рефлексивный план, с одной стороны, и на предметный план, с другой стороны. И я утверждаю, что нет и не может быть никакой культурно значимой концепции, в которой бы вот так не соединялись эти два момента.

Для того чтобы эта картинка была правильной, я бы нарисовал это иначе. Я пока ввел эти два представления как бы механически: вот есть одно — рефлексивное, есть другое — предметное (см. рис. 2а). Их надо разделять, класть как бы порознь. Так я сказал раньше. А теперь я сделаю иную вещь: я буду каждый раз рисовать рефлективное представление как объемлющее, а предметное — как включенное в него (см. рис. 3).

Рис. 3

Это особый формальный трюк, но он соответствует, как мне кажется, сути дела, и, собственно, только он дает нам возможность правильно схематизировать здесь суть дела. Поскольку и представление о предмете, как показали наши исследования последних 15 лет, является лишь элементом рефлексивного представления, только особым образом организованным и часто выбрасываемым из рефлексивного плана и противопоставляемым рефлексии.

Я фактически утверждаю для меня очень важную вещь в отношении нашего сознания: наше сознание так устроено, что в нем есть это пространство рефлексии, пространство самосознания, и в нем есть какой-то выделенный кусочек, уголок, фрагментик, куда мы кладем предмет. И при этом мы предмет можем поворачивать как угодно…

Я вспоминаю одну из первых публикаций В. В. Давыдова в «Докладах Академии педагогических наук» о структуре акта мышления*. Она очень интересная, и в ней можно увидеть, каким образом мы тогда, в 1954–1957 годах, подходили к этой проблеме. Там намечен этот сложный «поворот» рефлексии и как бы «обтекания» ею объекта: рефлексивный план «обтекает» план объекта и может заходить с самых разных сторон, а представление объекта, предметное представление, всегда как бы «плавает» там. Это мне очень важно для образа.

Итак, в первом пункте я фактически уже сделал то, что мне было нужно: я сказал о том, что мы можем подходить к работе, к построению теории мышления в самых разных подходах. Их много: есть натуралистический, есть эпистемологический… Есть, например, и такой очень интересный подход — психологистический, сложившийся во второй половине XIX века и имеющий свои «хвосты» до сих пор. Это есть особый способ трактовки этой объемлющей системы и отнесения предмета… Одновременно тут решается вопрос существования и т. д. Там развертываются дальше очень сложные планы… И среди этих подходов есть деятельностный.

---

* См. [Давыдов, 1960]. *Примеч. ред.*

Этот деятельностный подход требует, чтобы мы прежде всего задали рефлективное представление о наших деятельностях и вместе с тем нашу принадлежность к определенной культурной традиции, к определенным нормам и культурным значениям. Мы должны при этом понять, что именно они определяют, как об этом прекрасно говорил Ушинский, способ нашего *в*идения объекта, и в этом плане человек никогда не делает ошибок — он всегда лишь видит через свои средства, через свой подход… Мы должны задать этот подход и затем обсуждать вопрос о предмете.

Второй важнейший принцип деятельностного подхода гласит, что предмет, и, соответственно, представление об объекте, и, соответственно, сам объект будут каждый раз разными в зависимости от нашей деятельности. Это значит, что у исследования — один объект, у организации — другой объект, у проектирования — третий объект, у конструирования — четвертый объект и т. д. Даже если мы каждый раз употребляем один и тот же термин — говорим ли мы о мышлении, или о деятельности, или об атомном ядре, или об ученике, — [объекты будут разными]… Например, если мы ученика воспитываем, то у нас — один объект, если мы ученика начинаем исследовать, то у нас — другой объект. И, в принципе, нельзя просто так отождествлять эти объекты.

Процедура сведения объектов одной деятельности к объектам другой деятельности есть всегда особая процедура, требующая очень сложной техники. И мне представляется, что именно в этом надо видеть причину одной важной современной социокультурной коллизии, когда, скажем, в проектном институте проектировщики говорят про свой исследовательский сектор, что там собрались люди, которые ничего не понимают в деле, а исследовательский сектор каждый раз отвечает точно так же проектировщикам… Или когда, скажем, ученые говорят, что тренер, работающий со спортсменом, невежда, а тренер говорит, что эти «яйцеголовые» настолько идиоты, что ничего не понимают в том, что происходит… Каждый раз это — не система взаимных обвинений, а только проявления того совершенно очевидного с точки зрения деятельностного подхода и необходимого факта, что у каждого из них в соответствии с их деятельностью есть свой особый объект. Нельзя на базе представлений, полученных в исследовании, начинать проектировать этот объект или организовывать реальную работу с тренером. Точно так же, как нельзя на базе психологических знаний о человеке, личности, сознании начинать его воспитывать или обучать. Это бессмысленно. Ничего хорошего из этого получиться не может, ибо это разные объекты. А если мы хотим свести их друг к другу, то мы должны делать это совершенно особым образом.

Итак, с точки зрения деятельностного подхода каждая деятельность создает себе свой собственный, особый объект. И этот объект значим и работает только в рамках этого типа деятельности. А если мы хотим перейти в другую деятельность, то мы там должны формировать с помощью нашей рефлексии другое представление об объекте, ибо там и объект будет принципиально другой.

И здесь я перехожу к проблеме *методологической организации*. Если мы теперь хотим связать друг с другом проектирование, конструирование, исследование, организацию и т. д., связать между собой разные типы деятельности и осуществлять комплексный, или синтетический, подход, то для того, чтобы решать эту задачу, мы должны обратиться к очень сложному пространству деятельности и осуществлять связь разных видов деятельности не через объект, а непосредственно. Собственно, для этого-то и возникает *методологическая организация*. Методологическая организация исходит из идеи множественности разных деятельностей, и основным принципом социальной кооперации и координации становится деятельностное рефлексивное представление. Не предметное представление, не объект в XX веке является условием и средством синтеза [знаний и представлений] людей из разных деятельностей, как это было в XIX веке и несколько раньше, а именно представление о деятельности, пространстве деятельности и возможных стыковках их друг с другом непосредственно как деятельностей.

Если бы я, обсуждая эту тему, мог задать полное, достаточно адекватное представление методологической организации деятельности и мышления, то вопрос был бы очень прост… Мы бы нарисовали ее здесь и сказали, что наш мир теперь организован вот так — методологически: там есть такие-то «улицы», «переулки», «мосты», «переходы», и можно, например, из физики попасть в современную теорию искусства, или социологию искусства, или в психологию вот по этой «дороге» — так, так, так… Если бы такое было, все было бы очень просто, но такого еще нет, такое лишь намечается. Мы хотим это получить, но, может быть, пройдет еще 100 или 200 лет, прежде чем что-то из этого получится.

Мы сейчас находимся в ситуации, когда просто не понимаем друг друга, не хотим разговаривать друг с другом, если мы, скажем, представители разных профессий, разных стилей и способов мышления или просто сторонники разных концепций в одной и той же научной дисциплине. Каждый делает свое дело и остается глухим по отношению к высказываниям, мыслям, утверждениям других. За исключением тех случаев, когда надо осуществить социальное

действие и «врезать им, чтобы знали свое место». Вот тогда выбираются некоторые противоречивые, странные, несуразные вещи в концепции противника, вытаскиваются, развертываются, вытряхиваются и говорится: «Вот, следовательно, она очень нехорошая…» Обычно же предпочитают вообще не обращать внимания на идеи и концепции других, вообще их не знать. Отсюда, скажем, вся система ссылок в нашей современной научной литературе. Но это происходит потому, что все эти методологические переходы, методологическая организация деятельности, мышления еще не существуют, и поэтому не знать о существовании других — это пока что самый хороший, самый верный способ сохранить себя в работоспособном состоянии.

Вместо того чтобы рисовать такую сферу организации методологии, я ввожу здесь понятие пространства — *пространства мыслительной работы*.

Понятие пространства очень сложно. Было бы интересно, вообще, посмотреть, почему и как вводили его древние греки, чем, скажем, математическое пространство Демокрита и Архимеда отличалось от геометрического пространства Евдокса и Евклида и чем это [последнее] отличалось от физического пространства Аристотеля и Птолемея. Там было много разных пространств. Во всяком случае, то понятие пространства, или, как потом его называл Кант, «топоса», или «топики», очень интересно для объяснения нашей нынешней ситуации. Мне представляется, что то, что я сейчас рисую, очень напоминает это понятие пространства.

Я зарисовываю пространство моей мыслительной работы и предполагаю, что таким образом (пусть неполно, неточно) я задаю каким-то образом то, с чем буду иметь дело, а вместе с тем и средства для организации моего мышления и систематизации знаний, которые я буду получать (см. рис. 4).

Эта большая объемлющая рамка есть граница моей и в той мере, в какой вы слушаете меня и движетесь вместе со мной, вашей *методологической рефлексии*. Это, по сути дела, универсум, ибо за границами его для меня ничего нет. Во всяком случае, я не смотрю за эти границы. В этом пространстве у меня находится всё. Но, естественно, всё, что мне нужно для работы.

Главная, ядерная часть [этой схемы] представляет собой набор тех деятельностей, которыми я могу сознательно и культурно пользоваться в подходе к мышлению и в работе по построению теории мышления. Здесь будут определенные подпространства, соответственно, каждый блок здесь нарисован, а кроме того, будут определенные композиции из этих блоков.

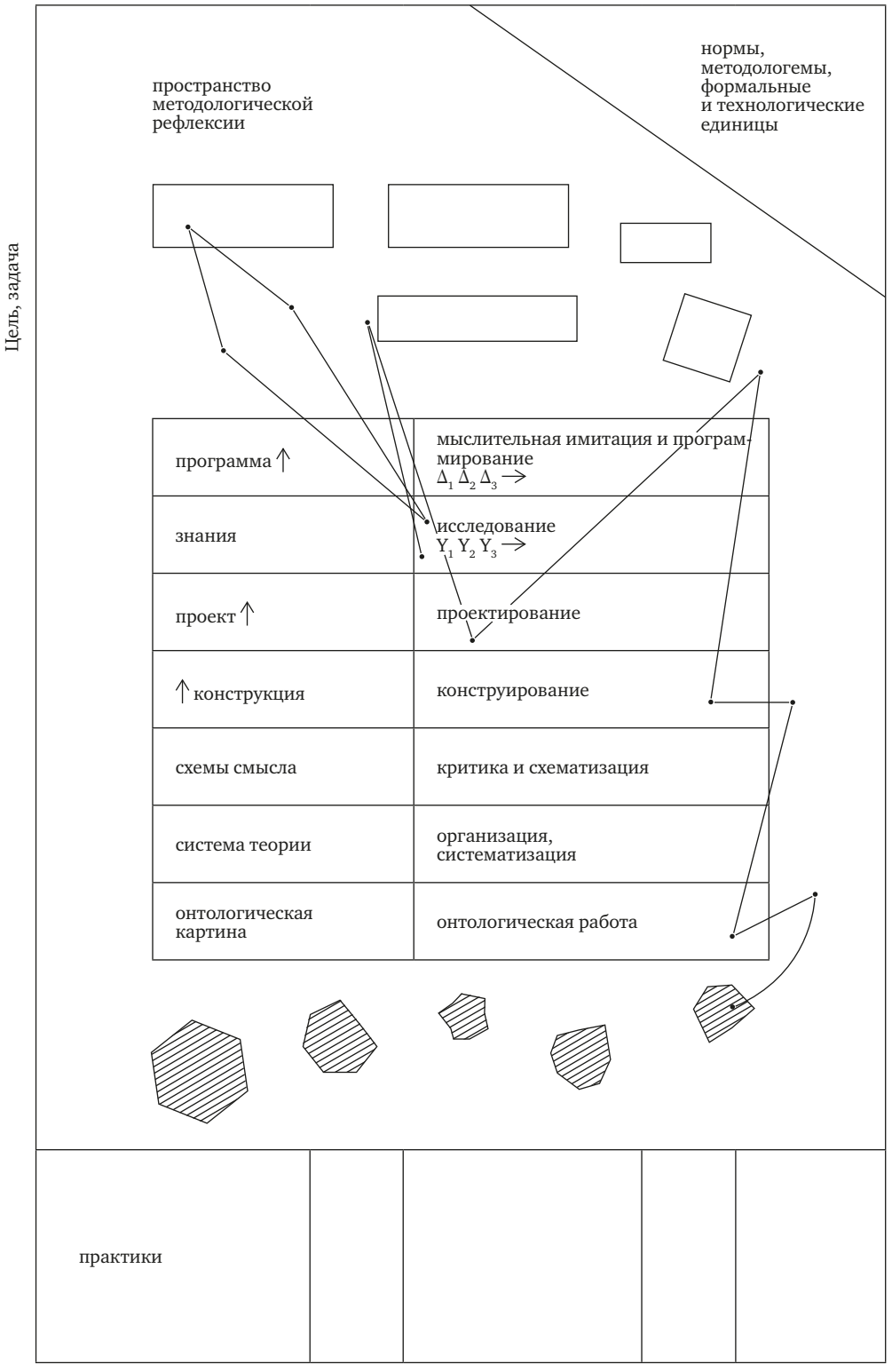

Цель, задача
пространство методологической рефлексии
нормы, методологемы, формальные и технологические единицы
программа
мыслительная имитация и программирование
$\Delta_1 \Delta_2 \Delta_3 \rightarrow$
знания
исследование
$Y_1 Y_2 Y_3 \rightarrow$
проект
проектирование
конструкция
конструирование
схемы смысла
критика и схематизация
система теории
организация, систематизация
онтологическая картина
онтологическая работа
практики

Рис. 4

Эта ядерная композиция разделена на две части: в правой части развертываются процессы и процедуры данного типа деятельности, а в левой части точно так же развертывается, или строится, продукт этой деятельности. И если я, скажем, подхожу к построению теории мышления, имея в виду в качестве объекта мышление, то я буду, во-первых, осуществлять некоторую мыслительную имитацию и программирование своей работы, то есть работы по построению теории мышления. Это будет происходить в правой части, где, следовательно, будут развертываться процедуры мыслительной имитации и программирования. И они будут идти вот так — в ряд… Причем по своим нормам, по своей логике. А слева будет развиваться, расти программа — программа построения теории мышления, или, если хотите, программа теории мышления, или программное представление мышления, или представление мышления в программе. Здесь будет развертываться мышление — опять же, по своей логике. И здесь же будут развертываться некоторые знания, соответствующие этим операциям и процедурам. И точно так же я могу пользоваться проектированием и создавать продукт, который, опять-таки в ходе моей мыслительной работы, в ходе того дискурса, рассуждения, которое я осуществляю, будет разворачиваться.

Значит, я могу пользоваться проектированием, конструированием, организацией, схематизацией… Я могу осуществлять критику предшествующих смыслов, содержаний, схематизацию этих смыслов. У меня будут появляться схемы смыслов, касающиеся мышления, поскольку это все построено для того, чтобы осуществлять работу по построению мышления. Я могу производить *онтологическую работу*, и у меня будет появляться *онтологическая картина*. Кроме того, в этом же пространстве методологической рефлексии у меня будут «плавать» *предметы* разного рода. И это могут быть научные предметы, проектные предметы, практико-методические предметы… Все множество разных практико-методических, научных, проектных, конструктивных и других предметов, с которыми я знаком, про которые я что-то слышал, «плавают» здесь, в этом пространстве моей рефлексии, и это означает, что я могу каждый раз залезть туда, заимствовать оттуда какие-то фрагменты теории, какие-то представления, понятия и т. д. и перетащить их в любое другое место. Но об этом я скажу особо.

Внизу, в этом пространстве рефлексии, точно так же «плавают» так называемые *онтологические картины*, или метафизики, и *практики* разного рода, поскольку я могу осуществлять рефлексию различных практик. Если, скажем, я начинал физиком, то я знаю практику той работы, которая там существует. Потом мне пришлось

быть психологом, педагогом, логиком, дизайнером, тренером, учителем и еще кем-то… Каждый раз мне даны соответствующие практики, которые я каким-то образом освоил, оспособил, и я имею, соответственно, в рефлексии набор тех предметных и всяких других представлений, которые я оттуда могу заимствовать. Каждый раз за счет своей памяти я могу возвращаться туда и что-то оттуда вытаскивать.

Кроме того, есть особая часть, отсек в этом пространстве, который заполнен *нормами*, *методологемами* и т. д., поскольку, для того чтобы у меня было не просто мышление, а и мыслительная деятельность, я еще должен все время проделывать работу извлечения из моего дискурса определенных средств, определенных норм, форм, осуществлять категориальную организацию всего этого для самого себя. И поскольку здесь будет еще масса каких-то вещей, которые вроде бы присутствуют, я их должен зафиксировать. Возможно, что они не попадают в пространство моей мыслительной работы, может быть, попадают, — я пока этого не знаю.

Последнее, что я должен здесь отметить, — это то, как же будет идти моя работа. Задав это представление о пространстве моего мышления и имея задачей построить теорию мышления, я теперь должен воспользоваться всем этим набором деятельностей. Я буду осуществлять эту сложнейшую работу мыслительного рассуждения, пользуясь этой структурной, или организационной схемой. Как это все будет выглядеть?

Я должен фактически двигаться поверх этой схемы. Я должен здесь, на этом левом блоке онтологических картин, схем смыслов, систем теорий, конструкций, проектов, знаний, программ, строить то, что получит название «теории мышления», что потом будет выпихнуто из этого пространства и получит собственное существование на других носителях, которые войдут в этот предмет. Мне не важно, какой он будет: естественно-научный, нормативно-деятельностный… Моя цель состоит в том, чтобы его построить и задать, а потом «пнуть ногой» и вышибить его из этого пространства, чтобы он мог жить своей собственной жизнью, чтобы у него появились адепты, чтобы они образовали свой Институт теории мышления, как в свое время был Институт языка и мышления им. Н. Я. Марра[2], и начали бы там все это как-то строить, развертывать и т. д. Но пока что до этого далеко. Я должен его строить. И это означает, что я должен буду программировать эту работу, проводить какие-то исследования, дабы фундировать мои проекты, конструкции и схематизацию. Эти знания, которые я буду получать, я должен систематизировать… Я должен вести критику предшествующих теорий, схематизацию смысла… Я должен

строить онтологическую картину мышления… Задача, которая передо мной стоит, — построить теорию мышления…*

При этом, когда я строю свой дискурс, я должен пользоваться какими-то понятиями. (Я этот пункт буду дальше разбирать подробно, поскольку он узловой и самый интересный.) Значит, я буду проделывать такое странное движение… Например, я могу начать с некоторого знания, при этом окажется, что у меня нет какого-то понятия. Я это отрефлектирую, зафиксирую какую-то точку и буду искать: а есть какое-то понятие в одном из научных предметов? Ага, вот взял его и перетащил его сюда, обязательно через рефлексию. Потом, когда я сделаю здесь какой-то один кусочек, окажется, что мне нужен проект. Я тогда возвращаюсь в рефлексию и попадаю в проект — здесь я что-то сделаю. Потом — опять в рефлексию и, скажем, в конструирование. Потом — опять в рефлексию и в онтологическую работу. Отсюда — опять в рефлексию и вдруг — сюда, в этот предмет, поскольку он мне нужен, или, наоборот, в рефлексию и в какую-то онтологическую картину.

Итак, мое движение, мое рассуждение, или процесс моего мышления, будет развертываться на всем этом пространстве по очень сложному рисунку. И это, собственно, и образует единую схему теоретического рассуждения. Здесь будет развертываться такой сложный процесс теоретического рассуждения, в определенном смысле слова «теория» (я точно так же об этом буду говорить дальше) — теоретическое как еще не принадлежащее ни философии, ни науке, теоретическое как мыслительное в противоположность практике.

При этом в ходе этой работы (я обращаю внимание на одну очень сложную вещь) будут, с одной стороны, развертываться некоторые процессы в каждом из этих блоков: процессы проектирования, конструирования, исследования и т. д. То есть каждый раз будут какие-то маленькие фрагменты, но эти фрагментики будут собираться и стыковаться по нормам, правилам и законам конструирования, проектирования, исследования, еще каким-то… А кроме того, в ходе этого конструирования будет расти, скажем, конструкция… В ходе развертывания процедур проектирования будет расти проект и т. д.

Здесь есть очень простая и прозрачная аналогия. Представьте себе строительство здания. Одно дело — это люди, которые бегают по строительной площадке, суетятся, подтаскивают сначала кирпичи и камни, потом столярку и т. д., и будет там очень сложный процесс замены частей с возвратами и прочее. Но здание-то будет расти по законам строительства, законам роста самого здания, а не по логике

---

* Далее отсутствует небольшой фрагмент доклада, который не был записан по техническим причинам. *Примеч. ред.*

всей этой беготни и суеты. Точно так же в проектном институте проектировщики, создавая проект какого-то здания, много суетятся и много чего делают, но проект растет по законам проектирования.

Я заканчиваю этот кусочек, возвращаясь к идее организации мыслительного пространства. Внутри каждого из этих блоков движение происходит только по нормам, правилам и законам соответствующего блока. Следовательно, это мое мыслительное пространство принципиально является *гетерогенным*, и почти для всех его составляющих есть свои законы, правила и нормы. И там развертывается только это.

Здесь я бы заметил, что это — тривиальное и простое решение альтернативы Поппер–Кун. Почему я называю эти дискуссии смешными и наивными? По каким законам идет строительство: по логическим или по социально-психологическим? Это наивно и смешно, потому что нельзя ставить такой вопрос по поводу гетерогенных системных образований. Они живут сразу по множеству законов. И все постановки вопроса, что здесь *или* социальная психология, *или* логика, *или* историческая эволюция, [не учитывают, что] в каждом из этих «отсеков» разворачивание — будь то процедур и процессов, будь то продуктов или конструкций — идет по своим особым законам. А стыкуется все это за счет того, что все это «плавает» в рефлексии, и вот она — единственная — не имеет законов. Это и есть пространство творчества, интуиции и вообще всех подобных любимых нами образований.

Дело в том, что [рефлексия] и есть как раз то пространство свободы, которое дает нам возможность целенаправленно строить процесс рассуждения, или творческий процесс. Он у меня изображен в виде переходов из разных блоков. И здесь я действительно должен рассуждать, двигаясь к своим целям, особым образом комбинируя имеющиеся у меня средства. Но, как я постараюсь дальше показать, это нельзя называть «процессом мышления». Это, скорее, процессы работы нашего сознания. У каждого — свои собственные, отличные от других: у меня это будет иначе, чем у Анатолия Александровича Тюкова… И у каждого будет по-своему, пока мы не получим результаты и не отнормируем [этот процесс]. Но тогда это попадает в один из этих блоков и будет там закреплено как определенная технология, как блоки приемов, способов, методов и т. д. — уже не мышления как такового, а проектировочной, конструктивной, исследовательской или какой-то еще деятельности. И тогда они будут давать нам продукцию в одном из этих блоков. Вот что мне очень важно.

Итак, резюмирую этот кусочек… Я нарисовал то пространство мыслительной работы, принципиально гетерогенное, принципиально многодеятельностное, многомыслительное, в котором я буду работать и осуществлять… А что осуществлять? Я могу разное

осуществлять — в зависимости от того, на каком блоке я буду центрироваться в построении теории мышления: либо мыслительной имитации и программирования, либо, скажем, исследования, либо проектирования, конструирования… Хотя у меня будет единое рассуждение.

Здесь возникает еще такой вопрос: важен ли здесь порядок организации этих блоков деятельности? Да, очень важен. В каком плане важен? Важен в плане экономности или, наоборот, неэкономности мышления.

Сазонов: Почему это мощное пространство твоей мыслительной работы порождает такой продукт — теорию мышления, а не мышление?

Это хороший вопрос, Борис Васильевич, но не по адресу. Это, скорее, упрек моей дисциплинированности.

Я различаю организацию сферы методологии и пространство моей частной мыслительной работы. Это пространство задается той задачей, которую я буду здесь выполнять. Оно каждый раз задается ради решения задачи. Я специально на этом акцентировал внимание, сказав, что у древних греков, у Демокрита при решении проблем математического атомизма было одно пространство, у Архимеда — другое пространство, у Евдокса для теории пропорций было третье пространство, у Евклида — четвертое, у Аристотеля в физике — пятое, в учении о душе — шестое и т. д. Пространство каждый раз создается для решения строго определенных задач. И здесь я имею задачу — построить теорию мышления. Я применяю мощную методологическую организацию для решения этой задачи, потому что я не думаю, что эта задача достаточно тривиальная и может быть решена с помощью других форм организации. Наоборот, я уверен, что не может. Здесь нужно использовать всю мощь методологического мышления.

Но в твоем вопросе есть еще один аспект: а нужно ли нам сейчас строить теорию мышления? Может быть, мы уже дошли до понимания того, что все это в XX–XXI веке вообще не нужно. Это в XIX веке ученые думали, что все дело в том, чтобы построить картинку объекта, и всё… Поскольку они были метафизиками, у них был вечный, неизменный природный мир, они думали, что познание конечно. Борис Васильевич [Сазонов] говорит: если каждый раз строить теорию только для того, чтобы ее опровергать, то зачем тратить на это столько сил? Надо просто организовать мышление, обучать ему, создавать мыслящих людей, и пусть их становится все больше и больше, и пусть они лавинообразно размножаются… И все это можно сделать без теории мышления. Не надо никакой теории мышления! Дело ведь не в том, чтобы написать книжку, а в том, чтобы дело было, чтобы оно двигалось, росло, занимало бы пространство социальной жизни.

Вообще мне эта мысль очень симпатична. Я бы даже сказал, что она единственно правильная и истинная. Но только я полагаю, что тут без теории мышления, которая появляется во фрагментах всей этой работы, не обойтись. То есть я боюсь, что нельзя эффективно учить мыслить большие массы людей, не создавая теории мышления. Скажем, несколько учеников можно научить за счет втягивания их в семинары такого рода. И, действительно, лет через 5–6 они осваивают почти все, что есть, и могут считаться людьми мыслящими. У кого-то на это уходит 8–10 лет, но какая разница? Пять, десять, двадцать учеников научить так можно, а вот 100 000 человек так уже не научишь. Для этого нужны теоретические формы.

Брянкин: Эти предметы у вас наверху — это предметы как подходы или специфические предметы?

Эти предметы не подходы. Это очень важно. То, что вы называете «подходами», будет существовать в том отсеке, который я нарисовал здесь справа [вверху]. Подходы — это единицы методологической нормировки, это фактически те методологемы, которые у меня там записаны в обобщенном виде. А вот это — «плавающие» предметы, — это все множество предметов, построенных на сегодняшний день человеческой культурой: термодинамика, электродинамика, лесоводство, архитектура в ее разных вариантах и т. д.

Брянкин: Почему эта ядерная часть всегда принадлежит этой схеме?

Вы, по сути дела, продолжаете вопрос Бориса Васильевича [Сазонова]. Это указывает мне на то, что я очень плохо сформулировал какие-то важные для меня положения мысли.

У меня есть строго определенная цель и задача: построить теорию мышления. При этом я говорю: «задать программу», «выделить основные связки и области проблем»… Поскольку я-то не могу построить теорию мышления. Это очень большая, кропотливая работа, и жизни на это не хватит. Поэтому я предпочитаю построить *программу* для этой работы, и, может быть, на базе этой программы пять, десять, двадцать, тридцать человек [ее сделают]… Во всяком случае, будет больше шансов ее построить.

Именно под эту очень определенную цель и задачу я, используя схему методологии со всеми ее средствами, строю определенное пространство своей работы, если хотите, — задаю свою «строительную площадку». И сначала организую эту «строительную площадку». Что мне надо туда определить? Прежде всего все типы работ, которые я буду осуществлять. Я разместил все эти работы, которые мне доступны, в эту основную часть, и в ней я предполагаю работать. Я так понимаю, что я буду работать в программировании и буду сводить

исследование к минимуму, по возможности поручая это своим ученикам, поскольку это работа кропотливая и мало дает для дела. Я буду работать в плане проектирования, меньше — в конструировании. Это и есть основная часть моей «строительной площадки», своего рода «верстак», на котором я буду все это собирать непосредственно. А вот эта «плавающая» часть — это мои «кладовые», «амбары», куда я кладу строительные средства, определенным образом их организую, дабы меньше времени затрачивалось на вытягивание всего этого… В частности, я опираюсь на целый ряд практик, которыми я владею, чтобы их оттуда по возможности тянуть…

Не ищите в этом законов. Здесь нет никакой необходимости. Эта работа сугубо практическая, организационная.

Давайте совсем по-простому… Мне [нужно нарисовать это пространство], чтобы работать эффективно, чтобы иметь возможность в голове держать все это и знать, где и когда я нахожусь, не путаться там, не тратить недели, месяцы и годы на то, чтобы распутывать какие-то узелки, возникшие из-за того, что… я-то думал, что я штукатурил, а я на самом деле глину бросал… Я должен как-то соорганизоваться, и я привожу это в порядок: это — мои особым образом организованные «кладовые» и «амбары», это — «верстак»… Вот в чем смысл пространства. Пространство — это всегда пространство работы.

Брянкин: Мне кажется, что на вашей схеме должен быть объемлющий блок всей этой «этажерки». Меня удивляет, почему его нет.

Я действительно буду центрировать свою работу на одном из блоков. Центрировать. И это будет задаваться задачей.

Если мне сказали «построить теорию мышления», то я у такого заказчика или у самого себя буду дополнительно выпытывать: что он хочет получить? Что для него значит «построить теорию мышления»? Пожалуйста! Двести лет, столько-то человек, такие-то затраты. Вас устраивает такая раскладка? Он мне говорит: «Нет, мне нужно за три года». Я говорю: «Пожалуйста. Через три года я вам могу построить программу построения теории мышления». Тогда я автоматически, по заданию центрируюсь на программе и начинаю осуществлять все другие деятельности лишь в той мере, в какой они нужны, чтобы разработать программу.

Обратите внимание, здесь очень хитрый блок стоит: «мыслительная имитация и программирование». То есть я тогда не буду, например, проделывать организацию, исследование, проектирование, критику, конструирование, а буду имитировать их за счет особой работы. Я буду тогда так говорить: скажем, в разделе проектирования я делаю то-то, то-то и могу получить то-то или то-то. Не надо всего это делать — я произвел мыслительную имитацию и задал, записал

это в соответствующий блок проблем в программе или в соответствующий элемент программы. И всё.

Если же мой заказчик говорит, что ему нужна конструкция, я говорю: ладно, давайте конструкцию… Я вам дам конструкцию, но давайте сообразим — чего? Поскольку я всего не могу, я вам дам конструкцию какой-то части. Тогда что я должен буду делать? Я должен буду построить программу всего, потом спроектировать какие-то другие элементы и потом по этому проекту выдать ему соответствующую конструкцию. Но я могу и увильнуть… Я скажу ему: зачем тебе исследование, проект, конструкция? Все равно этим на практике никто не пользуется. Ни научное исследование, ни проект для практики не нужны на самом деле. Это иллюзия XX века. А нужны онтологические картины, или метафизики. Вот на них действительно осуществляется работа. И так было последние две с половиной тысячи лет. Давайте я вам построю онтологическую картину теории мышления, и работайте так, как будто у вас есть теория мышления.

Каждый раз будет *центрация*…

Брянкин (неразборчиво).

Я готов отвечать на ваши вопросы, но я не могу принимать ваших безответственных слов.

Выбор какого-то блока в качестве центрального определяется целью и задачей. Сами по себе цели могут лишь частично задать этот выбор. Задача — когда мне говорят, что мне нужно выдать то-то, то-то, то-то: программу, конструкцию и прочее, — задает мне центрацию на том или ином блоке работы…

Если вы хотите называть это «произволом», называйте, пожалуйста, но имейте в виду, что вы здесь разошлись с человечеством. Вы слово не по значению употребляете.

Тюков: Сергей Васильевич [Брянкин] спрашивает, по-видимому, о технологии этого определения. Постановка задачи будет определяться либо заказчиком, и он знает язык, на котором она ставится, либо вы начнете вырабатывать язык для ее постановки. А тогда опять срабатывает вся эта машина методологической рефлексии… Например, в зависимости от того, какую деятельность вы будете осуществлять, вы будете так или иначе формулировать свою задачу. Даже если предположить, что технологии в каждом из этих блоков достаточно жестки и определенны, то, во всяком случае, можно спросить: о какой технологии, кроме свободной творческой рефлексии, идет речь, когда идет разговор об определенности задачи, вашей центрации, вашего выбора позиции и типа деятельности?

Единственное, что я могу зафиксировать: этот разговор никак не связан с моим докладом, с тем, что я говорил. Это — в каком-то

другом «трамвае». Мне абсолютно безразлично, какую задачу решать. Я могу решать одну, другую, третью — какую хотите.

Тюков: Формулировка задачи, которую вам предъявят, не будет соответствовать ни одному из ваших блоков, типов деятельности.

Я рассчитываю, что мои заказчики сидят здесь, и пытаюсь сорганизовать их сознание. Я говорю: я — методолог и работаю в рамках деятельностного подхода. Это означает то-то, то-то и то-то. Рисую это всё. Говорю заказчику: ну конечно же, когда вы говорите «построить теорию мышления», вы говорите незнамо что, поскольку вы человек некультурный, в школе и университете не учились, историю не проходили, ничего не знаете, ничего не понимаете. Задачи могут быть какие? Построить программу для разработки теории мышления… Вот в 1979 году только так можно формулировать: провести исследование, спроектировать, сконструировать, провести критику… Вы что хотите?

Тюков: Вы так и спрашиваете?

Конечно. «Вы что хотите?»

Тюков: Он вас посылает…

Естественно. Я для того картинку и нарисовал, чтобы разойтись со всеми. Я дальше буду работать в ней. Кто хочет работать в ней и на тех основаниях, которые я задал, — милости просим. Понятно, да? Поэтому вопросы ваши — незнамо откуда…

Брянкин: Не считаете ли вы, что эта схема достаточно универсальна, что в качестве объекта, с которым она работает, может быть не только мышление, но что угодно?

Конечно.

Брянкин: Насколько я понял, деятельностный подход — это синтез массы подходов. И вроде бы связь этих подходов осуществляется, по вашей трактовке, не через объект, а между определенными…

Да, деятельностный подход есть синтез всех подходов. Но синтез всех подходов не есть механическое складывание их в кучу, а создание *нового* подхода.

Брянкин: На какой вопрос вы отвечаете? Я ведь еще не успел задать свой вопрос…

Ни на какой. Я хочу, чтобы ваш вопрос относился к моим построениям.

Брянкин: Я все-таки хочу задать свой вопрос… Вроде бы эти отдельные подходы в вашем деятельностном подходе должны объединяться не по объекту, а сами по себе. И в этом смысле можно ли считать деятельностный подход многообъектным? Вы соединяете конструирование, проектирование, организацию, критику и т. д.

сами по себе, и потом туда разные объекты только попадают. И связь идет не через объекты, а процедуры сами по себе. То есть наша задача состоит в том, чтобы эти процедуры, которые могут относиться к очень многим объектам, в том числе и к мышлению, надо, во-первых, объединить между собой, то есть надо иметь эту «машину», а потом мы можем запускать туда разные объекты. Так ли это?

Ваш вопрос к моей работе не относится. Поскольку, как строятся подходы, я ни слова не говорил, а поэтому обсуждать вопрос, как связаны между собой подходы, — это очень интересно, это особый доклад об устройстве сферы методологии… А думаете вы как натуралист, что для меня неприемлемо…

Давыдов: Нет, вопрос все-таки есть. И он может быть сформулирован так: все-таки в основе синтеза, который вы предполагаете, лежит процесс, основанный на онтологическом единстве какого-то синтетического объекта, или он есть все-таки по законам сочетания ваших блоков, конгруэнтный объект? Да, это дальше у вас возникать будет вопрос, каково устройство всех этих процедур и что за чем следует. Но все-таки вопрос остается.

Нет, вопрос не остается. Нет такого вопроса для меня — об объекте.

Давыдов: Не обязательно тот вопрос, который нас интересует, возникает в натуралистической точке зрения. Согласитесь, что натурализм в данном контексте и нас не устраивает, и вы его критикуете. Но есть же сермяжная правда в нем? И, кстати, есть же сермяжная правда в исходном натуралистическом установлении? Не полностью эта сермяжная правда в натурализме реализовалась… А я вернусь опять к Канту: «возможно ли…» Тот же вопрос.

Я еще раз уточню… Если вы считаете, что наши разговоры, эти вопросы встанут на более конкретном рассмотрении существа вашего доклада, что на этом уровне рассмотрения природы синтеза и соотношения онтологически представляемого объекта и способа построения этого синтеза речь не возникает, тогда мы вам эти вопросы зададим при продолжении доклада. Но возникает вопрос все равно уже сейчас.

Василий Васильевич, ваш вопрос меня вполне устраивает, и мне он представляется важным для проработки принципов. Но давайте зафиксируем, что то, что вы спрашиваете, в основной фокусировке и акцентации, — это нечто иное, чем то, что спрашивает Сергей Васильевич [Брянкин]. Я должен здесь три пункта зафиксировать.

Первое. Теснейшая связь всего того, что спрашивал Сергей Васильевич, и того, что прозвучало в вашем вопросе, с тем подтекстом, который мне предлагал Борис Васильевич Сазонов. Вообще, когда

говорят: зачем вам нужна теория? зачем вы всю эту старую дребедень с теориями поднимаете? — пафос этих вопросов я понимаю в плане борьбы с натурализмом. Вся наша сейчас развертывающаяся дискуссия — а она, несмотря на свой лапидарный характер, очень богата тем подтекстом, который за ней стоит, — показывает, насколько трудна борьба с натурализмом и насколько натурализм въелся в нас. И, может быть, в этом плане, когда Борис Васильевич говорит: да перестаньте вы говорить о теориях, — в этом, наверное, есть какой-то социокультурный и социополитический смысл. Может быть, вообще не надо говорить о теории, и тогда не будут возникать все эти вопросы.

Но… *Второй пункт* ответа. Здесь надо вспомнить идею, высказанную в свое время О. И. Генисаретским, — образ «молевого сплава»… Плывет огромное количество бревен. Они у вас не связаны. Вот вы стоите на одном бревне, багром разгребаете какие-то заторы… Тут бревно под вами начинает тонуть, вы перескакиваете на другое бревно и тянете все это относительно него. Оно, в свою очередь, начинает тонуть — вы перескакиваете на третье. Появляется здесь Сергей Васильевич Брянкин, вытаскивает своей длинной рукой на берег этого сплавщика и говорит: «Слушай, ты ответь, какое у тебя бревно главное?» Тот говорит: «Каждый раз то, на котором стою». «Нет, — говорит Сергей Васильевич, — ты меня не проведешь! Ты мне скажи! А если ты не скажешь, какое бревно главное, то это произвол! Как это так?!»

Теперь я отвечаю по *третьему пункту* на ваш очень интересный вопрос. И вы правы, говоря, что это должно обсуждаться дальше, — у меня так и было запланировано. Я теперь должен буду обсуждать, что это за движения, заданные вот этими линиями. Во-вторых, что представляет собой каждый из этих блоков. И там, в частности, возникает та самая проблема, которую вы сформулировали, а именно: роль натурализма, его оправданность в определенных ситуациях. Мы уже начинаем понимать, что натурализм хорош при определенном «заторе» — когда нужно всю эту штуку в определенную сторону толкнуть. Здесь, наверное, можно сказать, что между всеми этими блоками — обратите внимание, Сергей Васильевич, — за счет такой процедуры рассуждения, или мыслительной работы, которую я предлагаю, существует все время отношение рефлексивного отражения…

Брянкин: Эта кривая показывает, что вы задаете связь между блоками через объект, а не процедурно, не через процедуры. Именно на это был направлен мой вопрос.

Опять это неправильно… Обратите внимание, *что* есть *мой объект*. Мой объект всегда — вот это пространство. Мой объект всегда — «плывущие бревна»…

И в этом смысле Сазонов опять прав. Он говорит: «Ну, помилуйте, вы такую мощную штуку имеете, а строите такую ерунду…» Я ему отвечаю: «Простите, теория мышления не ерунда».

Но когда я *вам* отвечаю, я должен ответить совсем в другом контексте. Ну, конечно, по отношению к этой штуке теория мышления — ерунда. Конечно, подумаешь, теория мышления… И это и есть мой ответ. Мой ответ есть методологическая организация деятельности, методологическая организация пространства мышления. А какие там *выходы* из нее… Все зависит от ситуации. Скажем, если надо психологию поворачивать определенным образом, надо обеспечить ее развитие — надо повернуть психологию. Если социологию — социологию, если, скажем, архитектуру и проектирование — значит, надо архитектуру и проектирование. А объект теоретического анализа — методологическая организация мышления и деятельности. Но когда я решаю конкретные задачи, то я говорю — в силу своей дисциплинированности — о том, о чем и говорил, и о том, что я должен сделать.

Да, я рисовал такую занятную схему (см. рис. 3). Вот есть рефлексивное представление, вот есть предметное. Рефлексивное здесь — объемлющее. Теперь, обратите внимание, я ведь могу теперь это рефлексивное представление предметизировать. И тогда для меня предметом является *методологическая организация мышления и деятельности*. Эта моя рефлексия дает мне мой объект и вместе с тем универсум человеческого мышления и деятельности. А в нем «плавают» самые разные вещи.

Когда я сижу дома, занимаюсь для удовольствия, я занимаюсь вот этим. Я это продумал, я это анализирую, предметизую и т. д. А когда я прихожу на работу, то я решаю там те задачи, которые стоят, с помощью этого методологического подхода, этой организации и т. д.

Вы про что спрашиваете?

Брянкин: Я спрашиваю про мышление.

Вы что думаете, меня действительно мышление интересует? Впрочем, так же, как и вас…

*Брянкин: Я про ваше хобби спрашиваю…**

Представьте себе мышление как объект. Каким образом его поймали, сделали из него онтологию и запустили туда — пока не обсуждаем. Поймали — запускаем, и он у нас начинает обрабатываться в каждом блоке: проектировочном, конструктивном и т. д.

Вы меня по понятию спрашиваете или по предмету? Что я вам сейчас инкриминирую? Вы путаете понятие с предметом. Если вы

---

* Далее отсутствует небольшой фрагмент доклада, который не был записан по техническим причинам. *Примеч. ред.*

задаете вопрос по понятию, то я вам по понятию отвечаю: есть блоки, а движение у меня намечено как некое неопределенное движение…

Давыдов: Георгий Петрович, вы не повторяйте много раз. Это все ясно. Вы берете тот момент абстрактности, где конкретизация и, следовательно, последовательность движений для вас несущественна. Впрочем, вы сразу выразили это в следующей фразе: «исследование, проект, конструкция и т. п.». Вам безразлично, что дальше будет. Вы чисто эмпирически, житейски берете и содержание исследования, и проектирование… Вы говорите: «Такие процедуры могут быть, такие блоки могут быть построены. Вот как они задают пространство мышления». А как они связаны, что они такое сами по себе — это вас пока не интересует.

То есть наши вопросы, конечно, имеют оттенок втягивания вас в ту степень конкретности, которую вы нам не задаете. Но вместе с тем можно правомерно ставить вопрос: а в каком направлении вы дальше будете размышлять на следующем, более конкретном уровне? Ведь нам тоже хочется в вашем мысленном пространстве двигаться — не стоять, а двигаться. Во всяком случае, домашнее задание для себя получить. Я задаю тот же вопрос: впоследствии что это будет? Роды действительности, соответствующие исследованию, проектности и т. п. и т. д.? Либо само разделение на эти аспекты есть определенная характеристика реального — вне все-таки вашего пространственного мышления — синтетически целостного объекта?

Нет никакого «синтетически целостного объекта». Это все устаревшие догмы натурализма.

Давыдов: Это не устаревший принцип натурализма. Это — тот принцип, который отрицает ваш способ построения пространства мышления. Не потому, что то устарело…

Ваш принцип, кстати, так же стар, как и то, что связано с натурализмом. Можно показать, что ваш принцип достаточно стар и не очень оригинален. Вы сегодня в красивых метафорических выражениях повторяете моменты, которые, во всяком случае в нынешней терминологии, называются «предельным релятивизмом». И не очень уж новые эти вещи… А в старой классической терминологии ваша установка, на мой взгляд, называется давно известным «принципом деятельности» Фихте. В той форме, в той мере конкретности и абстрактности, в которой вы ее излагаете, это — фихтеанская установка, ограниченная в своих претензиях в свое время Гегелем. Уж не очень-то это новое.

Вы сказали: это — устаревший натурализм. Я могу вам ответить: это тоже устаревший абстрактный деятельностный подход. Тогда термин «устаревший» мы выбрасываем и должны прочертить

одно и другое. Найти корни. И у меня вопрос: в чем исторические корни такой постановки вопроса? Что такое натурализм, мы знаем. В чем мера ограниченности натурализма, мы тоже понимаем. Я тоже в этом смысле имею отношение к натурализму. Но я понимаю меру его ограниченности, понимаю, из каких корней это выходит…

Вы представили свою концепцию как якобы (условно) изобретенную в 1954 году. Ничего подобного! Это давно известная концепция. Видимо, справедливая в определенном плане. Но все-таки каковы ее основания? Вы как-то отбросили натурализм и говорите: «Это устарело, пойдемте дальше». Отрицание теоретического, исследовательского подхода со стороны прагматического сознания также давно присутствовало. Кстати, особенно в определенных античных культурах. Ничего оригинального тут нет.

Следовательно, на каком основании сейчас, в 1979 году, и в такой конкретно форме вы реально абсолютизируете этот релятивистский подход, так называемый «деятельностный подход»? Какие основания у вас есть? На какие исторические тенденции вы опираетесь? Вы можете сказать: опираясь на эту исторически складывающуюся тенденцию, я на таком-то основании отрицаю односторонний натуралистический подход… Тогда это будет разговор. А так…

В чем мера неопределенности? Такое неопределенное рассуждение возможно. Но основание и мера этой неопределенности мне как слушателю непонятны. Может быть, из-за ограниченности вашего времени — в попытке изложить суть подхода… Но тогда я задам вам более конкретный вопрос: в чем ваш способ построения пространства мышления отличается от способа построения пространства духа Фихте? Если ничем не отличается, тогда мне незачем слушать подобные премудрости. Если чем-то отличается, тогда вы можете доказывать, что нет, другие истоки… А если эти же истоки или подобные, тогда чем конкретно отличается? Что дало 200 лет развития истории философии? Уже не говоря о том, что вы все время оперируете то понятиями логики, то понятиями психологии… Но, простите, где та возможность метафорической подмены этих понятий, внутри которой это действительно оказывается тем пространством, в котором при общей знаменательности «все кошки серы»?

То есть, понимаете, какая-то мера неопределенности присутствует. Сама мера. Говоря на нашем гегелевском языке, при всяком абстрактном ничто есть и абстрактное бытие, но они взаимопереходят… И есть мера этого перехода. В чем мера этого перехода? Не понимаю.

Это вовсе не упрек. Я только высказываю чисто дидактические соображения. Из существа очень интересного и в принципе понятного

сообщения неясно, каковы истоки такой постановки вопроса. Ссылка на историю вашего развития в этой связи ничего нам не разъясняет. Мало ли что сам индивидуальный мыслящий человек пришел к этому. Мы все-таки достаточно грамотные люди и скажем, что за этим нашим индивидуальным развитием стоят какие-то исторические тенденции. Думать, что вы выбились из этих тенденций, нельзя. Вот почему возникают соображения.

Я не знаю, была ли логика в тех соображениях, явно или неявно в вопросах, которые другие задавали, но у меня есть масса недоумений… Но, кстати, недоумений, исходящих из вашего содержательного разговора, поэтому я и претензии вам предъявляю. Поэтому вопросы есть… Где та историческая традиция, внутри которой ваше рассуждение двигается? Это, как вы сказали, борьба с натурализмом… Борьба в какой традиции?

Мне представляется, что ваша трактовка, эти исторические параллели, сведения связаны с тем, что деятельностный подход еще недостаточно отделен и отдифференцирован от эпистемологического подхода.

Давыдов: А почему это достоинство — такая тончайшая дифференциация? Может быть, при «дифференцированном» подходе теряется сам объект рассмотрения?

Думаю, что нет.

Давыдов: Это, кстати, не так уж просто…

Если бы это было просто, я бы вообще делал вид, что не заметил вашего замечания, и пошел бы дальше. А я потому и отвечаю, что это очень непросто.

Сергей Васильевич Брянкин был прав в одном своем замечании, когда он сказал, что деятельностный подход снимает в себе другие подходы. Мне представляется, что он снимает в себе и натуралистический подход, в частности за счет особого развития связки онтологической работы и исследования. Я дальше буду говорить об этом.

С другой стороны, он снимает и эпистемологический подход. Когда вы, скажем, проводите параллели с Фихте, то можно было бы добавить туда, даже с большим правом, Шеллинга… Происходит вот эта склейка деятельностного подхода с эпистемологическим. Действительно, деятельностный подход в истории философии рос из кантовского критического и эпистемологического подхода. Но тем не менее он принципиально отличается от эпистемологического подхода. Обратите внимание, у Фихте было *«наукоучение»*. И даже у Шеллинга в «Системе трансцендентального идеализма» (эта работа, может быть, наиболее близкая к современным деятельностным

представлениям) все разворачивается в действительности существования знаний и представлений. И именно так это и трактовал Шеллинг. И именно так это косвенно все время критикует Гегель.

Деятельностный подход действительно имеет глубокие истоки — от Аристотеля через Лейбница, Канта и дальше (я только что называл имена) через Маркса…

Маркс, кстати, сделал тут важнейшую вещь: он соединил эпистемологию с натурализмом. Это важнейший шаг. И, собственно, именно Маркс должен считаться родоначальником деятельностного подхода — в большей мере, чем, скажем, Гегель, на которого он опирался и который не мог войти в эту линию, как и Фихте, и Шеллинг…

Но что здесь кардинально? Что то новое, что делает деятельностный подход деятельностным и отделяет его от всех исторических предформ, из которых он вырос? Я отвечаю прямо на ваш вопрос: освобождение от фетишизма исследования и равноправие множества деятельностей… Мы уже не можем [позиционировать себя] ни на одном из этих видов деятельности… Ни одна из этих деятельностей не имеет превалирующего значения…

Кстати, на мой взгляд, это прозвучало и в докладе Анатолия Александровича [Тюкова]. Все сводилось к знанию и теоретическому представлению, и именно они, обратите внимание, задавали представление об объекте. Вот это очень важно и принципиально. Еще пять или восемь лет назад я сам, скажем, в полемике с Олегом Игоревичем Генисаретским с пеной у рта доказывал, что говорить об объекте мы можем, только если мы становимся на точку зрения исследования. Мне казалось, что только исследование дает представление об объекте. И тогда я не понимал этой кардинальнейшей вещи, которую, как мне кажется, я уже понимаю сейчас, что представление об объекте дается пониманием, а не мышлением. Это очень важная вещь. Очень! Я ее пока не трогаю…

Но с того момента, как мы сказали, что ни одна из этих деятельностей не имеет превалирующего значения… И это то, что сейчас, скажем, М. К. Мамардашвили и другие характеризуют как «неклассическую ситуацию» в современной философии… Мы не можем сказать, кто же прав, какая из этих деятельностей права. Они все правы по-своему. И вот когда они все правы по-своему и каждая из них дает свой объект и свое рефлексивное представление объекта, свое ограничение, то мы не можем уже стыковать [представления] через объект. Вот в чем отрицание принципа натурализма.

Давыдов: Через метафизически представленный объект мы не можем стыковать, да? Якобы вне реальной деятельности существующий, инвариантный… То есть, говоря кантовским языком, «вещь в себе» как основание всякого синтеза…

Да. С того момента, как мы, критикуя Канта, говорим, что нет «вещи в себе» и говорить о ней бессмысленно как о «вещи в себе», мы попадаем в «неклассическую ситуацию». Мы вынуждены сказать, что все эти деятельности равноправны, каждая дает свое особое представление об объекте. И тогда мы попадаем в очень сложную ситуацию: если каждая дает свое, то как их стыковать? Объект не дает основания для стыковки. Кроме того, всякая попытка вернуться к объекту есть фактически редукция этой множественности к одной из произвольно выбранных систем. То есть произвол оказывается на другом полюсе по отношению к деятельностной позиции. Вот что очень важно. Потому что каждый раз, когда вы говорите: дайте нам все-таки представление об объекте, это означает, что вы центрировались на какой-то из этих деятельностей, и что-то мы как практику принимаем за основание. А скажите мне, пожалуйста, чем практика лучше теории? В смысле формирования объекта?

Между прочим, именно точка зрения такого выделения практики — как ограничивающего — и есть прагматизм. А в чем состоит деятельностный подход, развиваемый в диалектическом материализме? Он состоит в том — и Маркс на это специально указывал и в ранних работах, и в поздних, и Энгельс специально в ряде писем поучал вульгарных материалистов, — что деятельность, сложная социокультурная деятельность во всех своих проявлениях есть деятельность. Нет среди них первой, главной деятельности.

Кстати, в этом же основание вульгарного социологизма в области искусства 20-х годов… Тогда спрашивали: «Скажите, а музыка зачем нужна? Она что, организует нас лучше на производстве?» Или: «А что, ученые, сходив в консерваторию, лучше начинают анализировать строение ядра?» Это — бессмысленный подход, потому что музыка *есть*, она есть одна из форм человеческой культуры и деятельности, она сама по себе значима и имеет ценность, и она есть сама по себе самодостаточное отражение всего мира, рефлексивное отражение всего мира деятельности.

И тогда мы приходим к этому важнейшему и решающему тезису о том, что человеческий мир создается деятельностью. [Человеческий мир] не объект созерцания. Это только частная точка зрения — метафизическая или исследовательская — в зависимости от того, как мы ее трактуем… [Человеческий мир — это] деятельность как универсум деятельности.

И предметность человеческой деятельности… А что означает «предметность»? Предметность объекта означает то, что объект неотрывен от деятельности, он ею задается. Какова деятельность — таково и представление объекта, таков сам реальный объект, формируемый на материале. Я здесь подчеркиваю этот последний момент: *сам объект*, а не только *представление* об объекте…

Когда деятельностный принцип начинают сводить к выявлению зависимости представления от деятельности, то это — эпистемологический подход. А последний, одиннадцатый тезис Маркса о Фейербахе гласит, что [должна быть] критическая, конструктивно-преобразующая деятельность человека по отношению к материалу[3]… Значит, не только представления формируются человеческой деятельностью, но и мир, «вторая природа» создается за счет инженерной, конструктивно-технической, технологической деятельности, за счет активного вмешательства в мир. Мы формируем людей, мы их воспитываем, обучаем. Мы развиваем свое мышление. Мы ко всему относимся как к единству искусственного и естественного. А следовательно, мы на материал сажаем формы нашего мышления и нашей деятельности. Как это говорится у Маркса: чем дальше развивается человеческое мышление и деятельность, тем больше природа становится лишь материализованным воплощением его мысли, его идей[4].

И когда мы это поняли, то у нас единственным объектом, *абсолютным объектом* становится сама деятельность. Релятивизм эпистемологического подхода снимается за счет абсолютного онтологического полагания деятельности — не знания о деятельности, не представления о деятельности, не сознание, не критика и т. д., а *деятельность как объективный мир*, как универсальный объект. Вот в чем особенность деятельностного подхода, с моей точки зрения.

И это не новое, это не родилось в 1954 году. Потому что это родилось в 1845 году[5]. Но это, во всяком случае, есть ответ на вопрос о релятивизме, на вопрос об отличии деятельностного подхода от эпистемологического. В деятельностном подходе не может быть релятивизма. Потому что ведь вопрос задается как? Какое из представлений объекта является истинным? А ответ: да никакое! Ибо единственный объект человеческой рефлексии и всех «плавающих» в ней форм есть сама человеческая деятельность. И не как деятельность Ивана, Петра и Сидора, а как мир человеческой общественной деятельности. И это есть абсолютный и единственный объект. Вот в чем суть ответа деятельностного подхода. И это проводит очень жесткую демаркационную линию и дает нам возможность найти и основание, и предшественников.

2. [Проблемы организации пространства методологического мышления. Рефлексия и мышление]

В прошлый раз, реализуя основные принципы деятельностного, или мыслительно-деятельностного, подхода, я нарисовал схему (см. рис. 4) и назвал ее схемой, задающей *пространство методологической работы* и таким образом организующей (именно через схему пространства) мое мышление и деятельность или вообще мышление и деятельность методолога.

Эта схема — и в этом ее основной, отличительный признак как схемы — должна была изображать и символизировать некоторое гетерогенное целое, состоящее из того, что у нас здесь в прошлый раз называлось *пространством методологической рефлексии* (объемлющий и замыкающий контур), в котором «плавают» ядра различного рода.

Здесь, на этой схеме, были представлены следующие типы таких ядер… Во-первых, предметы разного рода: практико-методические, конструктивно-технические, проектные, исследовательские… Во-вторых, то, что называлось «верстаками»; причем сами верстаки содержали две неоднородные части, а именно на каждом таком верстаке было еще выделено место, где росла и развивалась создаваемая на нем конструкция. Кроме того, был некоторый набор онтологических картин, или онтологических схем, — то, что мы называем условно «исходными онтологиями», чтобы терминологически это не смешивать с верстаком онтологической работы. А кроме того, были представлены различные практики как особые образования, которые были точно так же здесь помещены.

Причем я специально оговаривал, что для упрощения всей картины я пока не обсуждаю вопрос о взаимоотношениях между предметами и практиками. Дело в том, что в истории человеческого общества эти отношения менялись. Сейчас мы живем в эпоху, когда подавляющее большинство таких практик организовано соответствующими предметами, и поэтому эти практики являются, как правило, предметными. Но это частная особенность нашего времени.

И все эти образования, ядра, как бы «плавают» в пространстве рефлексии. И это очень существенно. А смысл гетерогенности состоял в том, что, по сути дела, в этом пространстве я или кто-то другой осуществляет рассуждение или некий мыслительный процесс и при этом непрерывно передвигается. Это происходит обязательно в пространстве рефлексии, но при этом происходят непрерывные

вхождения внутрь так организованных верстаков, онтологических картин, предметов, практик и т. д., выходы из них, переходы с одного верстака на другой, с верстаков *в* или *на* предметы, онтологические картины и т. д. И мы это изобразили особым образом. Значит, поверх всего этого развертывается собственно мыслительное движение или рефлексивное движение (я дальше буду обсуждать этот вопрос специально), или, более точно, то, что называется «рассуждением». И за счет этого рассуждения, проходящего в пространстве рефлексии, все эти моменты связываются друг с другом.

Наверное, нужно оговорить и специально напомнить, что практически в каждом таком ядре фиксируются определенный тип деятельности и мышления и продукты. И поэтому практически, наверное, каждое ядро должно быть представлено двухчастным образом: оно имеет подсистему процессов и блок продуктов этих процессов. Эти продукты тоже не статичны, поскольку они в ходе процессов разворачиваются, растут. И, наверное, точно так же должно быть представлено и всякое другое ядро. Причем я сейчас не обсуждаю, как это надо изображать, как они членятся…

Единственное, что бы я здесь еще добавил… Если бы я рассматривал методологическую работу не в той узкой теме, как она была сформулирована в докладе, а, скажем, должен был бы рассматривать спорт как деятельность или, скажем, военное сражение, то я бы должен был наряду с такими верстаками включить еще образования двоякого рода, которые точно так же будут «плавать» в пространстве рефлексии, а именно: стадионы для игр и плацдармы для военных действий, то есть там, где осуществляется прямое столкновение.

Итак, задано пространство моей работы. И это сделано в соответствии с основным принципом деятельностного подхода, который требует, чтобы мы обращались не к предмету нашей работы, не к изучаемому объекту, а прежде всего к своей собственной деятельности. И, таким образом, эта схема (я тут начинаю новое содержание) есть особая форма и особое средство организации моего мышления и моей деятельности.

И вот тут мне приходится (я чуть-чуть отставлю вперед объяснение моих дальнейших целей и задач) вернуться к замечанию Бориса Васильевича Сазонова. В ходе обсуждения этого замечания, ответа на него я и задам основания для уточнения цели следующей части моих рассуждений.

Итак, тема работы: «Проблемы построения теории мышления». И тут Борис Васильевич спрашивает: «Зачем нам нужна теория мышления? Не лучше ли, скажем, заниматься построением методологии мышления или вообще разработкой средств, обеспечивающих

трансляцию мышления из поколения в поколение и его непрерывное совершенствование и развитие?»

Первое, на что я хочу обратить здесь ваше внимание — это то, что сама формулировка темы является исключительно сложной. И я бы даже сказал — двусмысленной в плане цели, или целевого определения. Что же, собственно, является целью моей работы?

Конечно, можно все дело представить так, что моя цель состоит в том, чтобы построить теорию мышления. И если бы мы с вами работали в натуралистической модальности, то мы бы так с вами и понимали эту задачу. Но если мы работаем в деятельностной модальности, то этого так понимать нельзя. Потому что деятельностный подход требует прежде всего, чтобы мы определились внутри того типа деятельности, в котором мы предполагаем работать, произвели бы соответствующую окультурацию самих себя и задали бы схемы предстоящей нам деятельности. И, собственно, я так и делаю. Эта схема (см. рис. 4) должна организовать мою деятельность. Я ее зарисовываю и дальше все время работаю именно в ней.

И тогда возникает вопрос: можем ли мы сказать, что наша цель состоит в том, чтобы задать организацию деятельности по построению теории мышления? Или еще грубее: а что, собственно, задано в формулировке темы — *теория мышления* или *построение* теории мышления? Если мы переставим акценты и будем говорить, что основная цель этой работы, поскольку она является методологической, состоит в *построении* теории мышления, а условием осуществления такой работы (опять-таки в соответствии с основными принципами методологии) является задание схемы, организующей нашу деятельность в достаточно общем виде, то тогда оказывается совершенно неясным, что же, собственно, мы делаем. Строим ли мы теорию мышления, имея в виду построить эту теорию, или мы строим теорию мышления, имея целью положить средства для построения подобных или каких-то других теорий? Или вообще для построения, если хотите, чего угодно? То есть положить схему для организации нашего мышления и нашей деятельности вообще при решении разного рода задач и проблем?

И если мы это себе представим, то тогда это замечание, которое сделал Борис Васильевич, оказывается уже не таким острым и резким, каким оно казалось вначале. И, собственно, так и формулируется тема: это ведь «Проблемы *построения* теории мышления». И дальше, на протяжении всех оставшихся частей моего доклада, я и буду обсуждать не проблемы *теории мышления*, а проблемы *построения* теории мышления. И в этом, с моей точки зрения, и состоит смысл всякой формулировки темы в методологической работе.

Чернов: Тогда зачем же говорить про теорию мышления?

Особенность методологической работы всегда состоит в том, что она, по крайней мере, двухслойная. Она предполагает: 1) определенный тип деятельности и 2) рефлексию по поводу этой деятельности. И, собственно, это и представлено здесь, на схеме.

Как бы я должен был теперь сказать? Вся эта совокупность ядер, «плавающих» в пространстве рефлексии, задает мне совокупность всех сфер деятельности и деятельностных образований, которые я буду использовать в своей работе при решении той или иной задачи. Причем я буду их использовать по-разному, в разных связях в зависимости от того, какие у меня задачи. Например, при построении теории спорта я это буду делать иначе, чем при построении теории мышления. При организации мясомолочной промышленности я это буду делать иначе, чем при построении теории спорта. Но каждый раз вся эта соорганизация будет задаваться и определяться рефлексивным процессом, который, собственно, стягивает и объединяет все эти образования. При этом будут происходить разные центрации внутри верстаков: одни будут становиться ведущими, другие, наоборот, вторичными и обслуживающими. По-разному будут использоваться разные «кусты» ядер, «плавающих» внутри этого пространства. Будут разные типы рассуждений. Но пространство в целом, заданное через эту совокупность ядер, будет оставаться одним и тем же.

И второе замечание здесь очень существенно. Оно касается вообще роли целей и целевых определений в организации деятельности. Мы не можем рассматривать деятельность и мышление как одноцелевые образования. Любая работа такого рода всегда является и должна быть многоцелевым образованием. Это все время важно помнить: человеческая деятельность и человеческое мышление не могут рассматриваться как одноцелевое образование. Кстати, в этом ограниченность и ошибка всех одноцелевых программ. Они потому и не находят применения. Только многоцелевые программы, превращающиеся, по сути дела, в программы организации функционирования и развития — не важно чего, — могут иметь надежду на успешную и полезную реализацию.

Итак, еще раз возвращаюсь к вопросу Бориса Васильевича [Сазонова]. Этот вопрос очень точен, но, по-видимому, не релевантен методологической работе. В методологической работе всегда должна быть задана некоторая практическая или квазипрактическая цель, а кроме того, всегда должно осуществляться обобщение за счет используемой нами схемы организации этой работы. Сама схема создается и задается в следующих, более высоких слоях, и именно наличие такой рефлексивной надстройки, пространства, в котором все это

«плавает» и в котором за счет рассуждения или мыслительного процесса все организуется, создает всегда принципиально полицелевой характер всего этого движения. И в этом состоит смысл методологической организации. Именно методологическая организация такого рода избавляет нашу работу от той специализированности, которая является вредной в условиях функционирования и развития современных сложных систем.

Пункт второй. Очень существенный. В наших предшествующих исследованиях и дискуссиях, которые мы проводили здесь, на этом семинаре, мы часто пользовались таким понятием, как *предмет*, в частности научный предмет, подразумевая определенную организацию средств научного исследования, или научно-исследовательской деятельности и мышления. Кроме того, мы нередко рисовали еще дополнительные схемы так называемых «машин» в обобщенном смысле. И, кроме того, у нас иногда осуществлялись отождествления этих предметов с машинами, иногда не осуществлялись. Во всяком случае, [обсуждались] определенные процедуры переходов и трансформации одного в другое. Предметы не есть машины — так мы всегда считали. Предмет может стать машиной, если туда добавляется человек, который работает с этим предметом, по законам этого предмета и нарушая иногда эти законы. И поэтому как-то все очень привыкли к тому, что когда рисуется схема такого рода или похожая, то это — машина, предмет и надо каждый раз спрашивать, какие у вас средства, какой метод, как одно увязано с другим…

Так вот, все это не имеет отношения к моему докладу, ибо он принципиально иного рода и построен на принципиально иных категориях. И весь смысл дела в этом докладе, в частности, заключался в том, чтобы уйти от понятия предмета и машины и ввести другие понятия и, соответственно, другие формы организации мышления, принципиально отличающиеся от предметных и машинных. А диктовалось это тем, что, как красиво писал Л. С. Выготский: метод должен быть соразмерен предмету[6].

И поэтому сейчас, когда я перехожу к проблемам построения теории мышления и должен рассматривать мышление, то мой метод должен быть не просто деятельностным, а мыслительно-деятельностным, то есть деятельность надо рассматривать мыслительно. И поэтому, когда я апеллировал раньше к деятельностному подходу и говорил, что я реализую деятельностный подход, то я (правда, совершенно сознательно) делал известную натяжку. Я исходил при этом из того, что тот принцип или принципы, которые я формулировал, а именно задание, прежде всего этого пространства как бы деятельностей и рефлексии, — это деятельностный принцип, имеющий

непосредственное приложение ко всем мыслительным подходам. Но между деятельностным и мыслительным подходом, точнее между деятельностным и деятельностно-мыслительным, есть известная разница… И, в частности, это различие реализуется в том, что я не говорю о машине, а я говорю о пространстве моего мышления, и еще точнее: я говорю о *пространстве рефлексивной работы*, в котором «плавают» различные образования. Понятие пространства, которое я начертил, — это не предмет и не машина. Поэтому мне и понадобилась эта категория пространства.

Намек на появление в дальнейшем машин был задан в верхнем углу, «нормы, методологемы, формальные и технологические единицы» (см. рис. 4). Этот кусочек открывает перед нами некоторую перспективу превращения потом всего этого в машину. А вопрос с предметом также очень сложен и требует обсуждения. И вот к этому я сейчас и обращаюсь.

Прежде всего, мне надо подчеркнуть, что я только нарисовал на доске определенную схему. Схема есть схема, и как таковая она выступает не как указание на предмет моей работы, а как средство организации моего собственного движения. Это очень важно.

Мы уже не раз обсуждали вопрос, что схемы могут организовывать мышление и деятельность и в тех случаях, когда они интерпретированы, и в тех случаях, когда они не интерпретированы. В этом особенность схем. Или я бы сказал слабее: такого рода схемы имеют многочисленные, разные интерпретации, и они будут по-разному организовывать мыслительную работу в зависимости от этих интерпретаций. Иногда могут быть совершенно формальные интерпретации. Например, появится [такой] знак — [нажимаешь] сразу две кнопки, а когда будут такие два знака подряд — дергаешь рычаг на себя. Тут схема сводится к совокупности следующих друг за другом сигналов. Она даже не выступает как знаковая схема. В других случаях знаковые схемы предполагают очень сложную систему интерпретаций — может быть, многоплоскостную, до 10–12 плоскостей в глубину. И все это определяется тем, насколько сложно иерархирована сама мыслительная деятельность: если она развертывается по многим плоскостям замещения и все это как предмет должно выниматься, тогда она имеет, соответственно, много интерпретаций. Но это уже речь идет о предмете и предметной организации, то есть это то, что мы сейчас обсуждаем.

А пока я задаю совершенно другое образование, а именно то, что я назвал «пространством». Тут я фактически должен был бы сформулировать одну из важнейших проблем для работы нашего семинара. Дело в том, что деятельность всегда развертывается

в определенных ситуациях. Когда мы можем произвести абстракцию *моей* деятельности или рассматривать индивидуальную деятельность в ее проекции на сознание, то нам не особенно нужна категория пространства. Но когда начинают развертываться разные деятельности, причем через рефлексивные выходы по отношению к прошлой деятельности, когда возникают сложнейшие системы кооперации и коммуникации… Например, я сейчас проделываю какую-то деятельность. Вы стараетесь понять, что я делаю, и поэтому находитесь в принципиально ином пространстве, чем я, действующий. Если я захочу сам сообразить, что же я делаю и как это все относится к тому, как вы воспринимаете и понимаете мое сообщение, то я должен буду выйти в третий план. И возникает вот такая сложнейшая *гетерархированная система*. Обратите внимание на это понятие.

Представьте себе, что я осуществляю какую-то деятельность. У меня предметное отношение к этой деятельности. Теперь я вышел в рефлексивную позицию. У меня возникает соответствующая «матрешечная» иерархия. У меня возникает новое пространство. И, как мы с вами хорошо знаем, при такой организации ситуаций и актов деятельности коммуникация и вообще кооперированная деятельность становятся в принципе невозможными. Для того чтобы сложиться в человечество и развиваться как человечество, людям приходилось создавать какие-то особые формы организации совместной, коллективной деятельности. И здесь возникает — как одно из таких средств — понятие пространства.

Пространство деятельности отнюдь не трехмерное и вообще не *n*-мерное. Поскольку оно *гетерархированное*. То есть это — масса таких подпространств, или локальных единичных пространств, которые либо лежат сами по себе, либо пересекаются друг с другом, либо захватывают друг друга. И поэтому в принципе-то пространство деятельности и мышления является, как я уже сказал, таким гетерархированным, с массой вложений. А вот потом, для того чтобы привести все это к единому знаменателю, приходилось осуществлять *предметизацию*. Но, по-видимому, промежуточным шагом на пути к этой предметизации было задание пространства. Поначалу эти пространства были очень сложны за счет массы таких гетерогенных частей внутри них, и потом постепенно, благодаря работам Демокрита, Архимеда, Евдокса, в какой-то мере — Евклида, если он был самостоятелен, складывается представление о геометрическом пространстве, возникает представление о плоскости, о третьем измерении, уже собственно пространстве, и оно становится бесконечным. По сути дела, процедуру, которую осуществил в свое время Георг

Кантор, задав бесконечность, древние греки сделали давным-давно, введя это понятие о пространстве с его развертывающимися осями.

Нечто подобное как задача стоит сейчас перед нами. Для того чтобы соотнести друг с другом эти разнотипные деятельности, надо задать понятие пространства — пространства мышления и деятельности как универсального. Не для геометрического или физического пространства, как это делал дальше Ньютон, а именно для организации деятельности.

Но как мне все это приходится делать? В принципе, поскольку я хочу говорить о мыслительной работе, о мышлении, я ведь должен задать пространство именно для того, что создается первоначально субстанцией мышления, — для *рефлексии*. Ибо мы понимаем сейчас, что мышление рождается из рефлексии. Мышление — это особая, превращенная форма рефлексии. Значит, я должен все это задать для рефлексии, и поэтому я проделываю в этом смысле довольно сложный трюк: я задаю эту объемлющую систему, границу, прорезающую пространство рефлексии, и говорю все время о пространстве рефлексии, мышления и т. д. Но на самом-то деле я рисую лишь плоскую картину, в которой все это лежит.

Что я этим самым фиксирую? Практически границу между моей рефлексией и теми деятельностями, по поводу которых я рефлектирую, или иначе: между рефлексией и рефлектируемыми деятельностями. Если я начинаю осуществлять рефлексию и захватываю различные прошлые деятельности, то у меня получается на пересечении моей рефлексии с этими деятельностями как бы срез — все то, что я захватил, здесь каким-то образом лежит. А рефлексия задается моими движениями, в частности процессом рассуждения. Я как бы двигаюсь в этом пространстве рефлексии, переходя от одного к другому.

В принципе, я мог бы положить эти ядра впритык одно к другому. Тогда бы я сказал, что рефлексия надстраивается как бы *над* этими ядрами. А она ведь (в нашем представлении) обладает и той возможностью, что она имитирует то, что происходит там [внутри]. Поэтому фактически рефлексия — это такая субстанция, грубо и образно говоря, которая проходит *над*, но может проходить и *внутрь*. И больше того, она сама по себе развертывается *поверх*.

Поэтому смотрите, как мне приходится говорить… Вот я работаю сначала в некоторой структуре деятельности или, предположим, в предмете. Но ведь я, кроме того, могу выйти и начать работать *над* этой деятельностью и по поводу этой как бы предметно организованной деятельности. А потом я могу опять вернуться сюда — назад, причем вернуться либо реально, то есть спустившись в эти структуры, либо в рефлексии — за счет имитирующих процедур.

Представьте себе, что я встал утром и планирую какую-то лекцию. Я ведь не читаю эту лекцию — я ее именно имитирую, намечаю. И это происходит за счет рефлексии. Но если какие-то места у меня слабо проработаны и я не уверен, что я их вижу, я скажу: «Здравствуйте, дорогие товарищи! Поздравляю вас…» Что я здесь делаю? Двигаюсь в рефлексии или уже осуществляю реально этот кусок лекции или чего-то? Тут нельзя ответить на этот вопрос. Отношения между этими кусками очень сложны.

Рефлексия как раз может двигаться поверх, над, отображая, имитируя, но может воспроизводить саму деятельность как таковую, то есть будет автонимное, как говорят логики, представительство этой деятельности внутри рефлексии. И поэтому я ввожу это третье измерение и говорю: фактически-то я должен осуществить рефлексию по поводу всего этого, следовательно, у меня пространство, мне нужно третье измерение. Обратите внимание: третье, потом четвертое, потом пятое… В общем, очень много, пока я их не замкну. Но, в принципе, введение третьего измерения дает мне возможность выходить из этого каждый раз, в каждой деятельности из моей рефлексии, из рефлексии рефлексии и т. д. И я говорю: это есть пространство рефлексии, и все остальное в нем «плавает». И оно объемно. Тем самым я совершаю такую же процедуру примерно, как задание трехмерного пространства.

Следующий пункт, который я должен буду обсуждать, — это вопрос об отношении между *рефлексией* и *мышлением*. Чем они отличаются? Почему я это называю иногда *пространством рефлексии*, а иногда *пространством мышления*? Как они друг с другом связаны? Но, прежде чем я к этому перейду, я скажу буквально пару слов о рефлексии.

Что такое рефлексия? Рефлексия ведь не имеет собственных форм и, следовательно, не имеет своего собственного идеального содержания. Рефлексия, в отличие от исследования, существует лишь тогда, когда мы движемся по чему-то уже данному в нашей деятельности. Мы как бы второй раз, за счет особых средств, а именно за счет сознания и работы механизмов сознания, повторяем, воспроизводим, имитируем какую-то деятельность, которую мы либо уже совершили, либо предполагаем, что будем совершать. В этом смысле рефлексия может быть *ретроспективной* и *проспективной*. Но обратите внимание, что проспективная рефлексия имеет дело с пустыми блоками, с функциональными местами. Ретроспективная рефлексия всегда имеет дело с наполненными образованиями.

Поэтому то, по чему я двигаюсь, обязательно должно быть *моим*. То есть я никогда в рефлексии не могу выйти за границы своей

деятельности. Если я вдруг какую-то организованность деятельности вынимаю из границ своей деятельности и предполагаю, что она начинает жить своей собственной жизнью, то это уже не рефлексия, а исследование. Здесь граница между рефлексивной и исследовательской работой, между рефлексивным мышлением и исследовательским мышлением. Рефлексия всегда остается только в границах моей или нашей деятельности, то есть деятельности коллектива, членом и участником которого я являюсь. Она развертывается в тех границах деятельности, которую я рассматриваю как свою, подчиненную мне и осуществляющуюся по моей воле.

И теперь обратите внимание, что рефлексия не имеет как таковая другой логики, кроме логики той деятельности, которая рефлектируется. То есть можно было бы сказать: как и все сознательные процессы, рефлексия не имеет ни законов, ни самостоятельных механизмов. Это очень важно. Сознание ведь не имеет самостоятельных механизмов. Поэтому те психологи, которые еще пытаются найти эти механизмы, занимаются совершенной ерундой, а не работой. Смысл сознания в том, что оно не имеет собственных механизмов и законов. Оно определяется тем, что было; оно есть чистое отражение. И это обстоятельство и ставит границы рефлексии.

И в этом смысле рефлексия не имеет логики и не нормирована. Хотя рефлексия все время ухватывает то, над чем она движется, и может каждый раз имитировать и воспроизводить эти куски деятельности, она каждый раз *входит* и начинает жить по законам той ядерной структуры, в которую она вошла. И остается еще один очень интересный вопрос: а когда она переходит из одной ядерной структуры в другую, что тогда? А тогда мы говорим о творчестве, мы говорим о поиске, мы говорим о «методе тыка и ляпа». Ибо никаких законов и правил перехода нет, хотя есть телеологические, то есть целевые регулятивы, и об этом я дальше буду говорить. В этом смысле рефлексия и есть область подлинной свободы. Мы там можем метаться как хотим. В рефлексии нет никаких законов и никаких механизмов, кроме всех тех, которые она охватила. И кроме «закона толчеи», то есть единственного закона, отрицающего возможность законов.

Рефлексия обладает бесконечным множеством законов, соответственно тому, что она рефлектирует. Вошла в организационную деятельность — живет по законам организации. Вошла в конструктивную деятельность — живет по законам конструирования. Работает в онтологии — развертывается по ее схемам. Есть еще механизмы сознания, механизмы восприятия, механизмы понимания — о них сейчас речь не идет. Это каждый раз реализационные механизмы,

а не феноменологические законы и механизмы. Надо это очень четко различать.

Рефлексия всегда есть процессы. Но законов у них нет. И в этом, кстати, основное назначение и смысл рефлексии. Но и в этом же основная слабость. Поэтому рефлексия — это *моя* рефлексия, и я ее могу осуществлять. Но передать ее другому невозможно. Передать ее из поколения в поколение невозможно. И поэтому люди все время борются с этими рефлексивными процессами, идет работа по их нормировке, их исследованию и т. д. и их оформлению в виде закономерных, нормированных процессов. Но уже не рефлексии, а мышления.

Когда это происходит, тогда мы покидаем пространство рефлексии и переходим в пространство мышления. И все те же самые процессы, те же самые по своим функциям, выходам, продуктивной стороне, достижению результатов (каких, чего — я буду обсуждать дальше), теперь уже начинают осуществляться, во-первых, либо на предметной организации (что есть особая форма организации мышления), либо на машинах особого рода (что есть уже форма организации мышления как деятельности, по-видимому). Но уже не будет пространства рефлексии в прямом и точном смысле этого слова.

Пока что я рисовал пространство рефлексии, и поэтому все ваши вопросы по поводу того, чем это нормируется, как и т. д., — это все законные вопросы, необходимые для вас, поскольку вы хотите понять, воспроизвести мою работу как основательную, как понимаемую и т. д. Только ничем не могу вам помочь: то, что я осуществляю как рефлексию моей деятельности и моего мышления, то вы уже осуществлять как рефлексию не можете. Вы можете осуществлять это только как мышление, а следовательно, вам нужны целевые ориентиры, нормы, средства и т. д. Следовательно, я, чтобы передать вам свою работу, осуществляемую в рефлексии, должен теперь оформить все это как мышление, зафиксировать понятийно… Там еще масса других вещей, которые мы будем обсуждать дальше. В этом весь смысл дела.

И я должен здесь зафиксировать как принцип следующий момент… Итак, для того чтобы это стало работать, я теперь должен проделать очень длинную и большую работу, во-первых, по проблематизации…

Брянкин: Вы так говорите, будто вы мне отвечаете.

Я вам и отвечаю.

Тюков: Совершенно точно, между прочим, отвечает. Обратите внимание, Сергей Васильевич, что наши с вами вопросы касались вовсе не пространства рефлексии, которое задавалось, и даже

не пространства мышления, а, по сути дела, пространства мыслительной деятельности и ее предметной организации. Вот там будет возникать отношение задач к построению технологий, отношения технологий… и т. д. То есть только там можно будет говорить об образцах этой работы.

Брянкин: Это разговор для бедных.

Вы правы, Сергей Васильевич. Я только дам этому не такую форму, немного вульгаризирующую все дело, а подлинную формулировку.

Конечно, если бы все было так, как я сейчас рассказываю, здесь бы пока не происходило подлинной коммуникации. Вот я вроде бы задал вам пространство моей рефлексии, но обратите внимание, что я просто *показал* это пространство. Причем показал на схеме. Это пространство моей рефлексии, эта схема принадлежит моему сознанию, моему мышлению, моей деятельности как лежащей *под* моей рефлексией, или рефлексией моего сознания. Я вам это показал. И если бы я вам это только показал и ничего бы не сказал, это была бы первая часть коммуникации. Для того чтобы теперь это приняло коммуникативно правильные формы, я теперь должен всему этому придать мыслительную форму и построить соответствующий текст, сопровождающий эту картинку…

Ведь мышление, с одной стороны, развертывается между нами, а с другой стороны, я это должен все время изображать на доске. Поэтому у нас здесь фактически удвоенный предмет: предмет, как он есть между нами, и предмет, как я его изображаю. Все время надо учитывать эту логику. Для того чтобы теперь все это я мог передать, я должен начать оформлять это мыслительно, то есть в понятиях, как рассуждение с соответствующими апелляциями к подобным предметным, онтологическим и т. д. образованиям.

Кстати, я ведь это все время и делаю. И поэтому это «не разговор для бедных», поскольку я не просто показал вам картинку, а я начинаю оформлять это все, вводя целый ряд понятий, и говорю: различите, в частности, понятие пространства, понятие предмета и понятие машины. И здесь, в понятийной форме, уже через дискурс, развертывающийся в моем тексте, я начинаю вам передавать содержание, которое для меня было *рефлективным*, в виде *мыслительного* содержания. Поэтому мы и говорим, что мышление есть превращенная форма рефлексии. Но мы с вами должны обсудить, что это за превращенная форма, и положить это в наш предмет изучения. Но пока что все это развертывается как иллюстрация между нами. И поэтому вы правы. Если бы я просто полагал это пространство рефлексии, это был бы «разговор для бедных». А так как я это еще сопровождаю

мыслительно оформленным текстом, то надо эти понятия фиксировать и понимать.

Фактически я уже подошел к следующему, третьему пункту — о *методе* моей работы…*

Для того чтобы это все объяснить толково, нужно проделать определенную работу, а именно объяснить, что такое *пространство*.

Вот это подобие кафедры имеет свое пространство. У вас — свое пространство, у меня — свое. Теперь возникает вопрос: а почему все мы сидим в пространстве Большой психологической аудитории[7]? Вообще, в принципе, каждый из нас мог бы сидеть в своей комнате, у каждого был бы телевизор, и вы, не выходя из дома, слушали бы мой доклад. И мы бы с вами беседовали. Можно было бы и так. Это будет следующая форма человеческого общения. Тогда люди будут сидеть в своих пространствах, хотя у них при этом будет еще организовываться вот это пространство телевизионной коммуникации. Поскольку у нас так жизнь устроена, что мы строим конференц-залы, создаем средства коммуникации… И мы говорим: вот этот стул стоит в Большой психологической аудитории, и вы сидите в Большой психологической аудитории, и эта кафедра здесь…

Мы считаем после Ньютона, что пространство есть некоторое вместилище разных предметов. Вот точно так же и я: я беру все деятельности, которые мне известны, — мыслительную и т. д., — которые я «проходил» в своей жизни, и все их мысленно, за счет механизмов своего сознания схватываю и помещаю в одно пространство, друг с другом соотношу и перехожу от одной к другой. Почему они все здесь помещены? Потому что я их поместил. Я создал для себя такое вместилище, пространство, где они у меня все лежат. И я про каждую могу немножко поболтать…

Сазонов: То, что там в рамке, — содержание рефлексии?

Да, те деятельности, по которым осуществляется [рефлексия]…

Сазонов: Все возможные деятельности или те, которые вы знаете?

Которые я знаю.

Тюков: Неправильно отвечаете… В прошлый раз вы ни слова не говорили о различии пространства методологической работы и своего пространства рефлексии.

И сейчас не говорю.

Тюков: А задают вам именно этот вопрос.

---

* Далее отсутствует небольшой фрагмент доклада, который не был записан по техническим причинам. *Примеч. ред.*

Не говорил и не говорю. Для меня это одно и то же: для меня пространство методологической работы и есть пространство методологической рефлексии. Вот оно, нарисовано (см. рис. 4). Они сейчас отождествлены и будут отождествлены до определенного пункта.

Тюков: Вопрос остается: откуда набраны элементы?

Если Борис Васильевич [Сазонов] задает вопрос «откуда набраны?», то я снова, в третий раз повторяю: я рефлектирую свою историю, или историю своей деятельности. Если вы меня теперь спрашиваете про деятельности, я вам отвечаю: я занимался сначала теоретической физикой, потом философией, потом педагогикой, дизайном, психологией, спортом и т. д., каждый раз входил в соответствующие деятельности, проводил историко-критическую работу, много сидел в Ленинской библиотеке, читал книжки и схематизировал их содержания. И вот после всей этой критической работы я теперь строю такую схему, дабы решить одну задачку: создать пространство себе и другим, в котором лежит все, что я знаю, могу и умею…

Сазонов: А рефлексия дискурсивна?

Нельзя так спрашивать о рефлексии, ибо рефлексия есть рефлексия. А дискурс есть особая, последующая форма мыслительной организации рефлексии.

Сазонов: И основная?

Смотря для кого. Для одних — основная…

Я недавно слышал напутствие одному очень уважаемому ученому… Говорил другой, еще более уважаемый: «Ты только не рассуждай во время доклада, иначе все провалишь. Ты чего видишь — то и говори». Это — рефлексия, поток сознания, и он это фиксирует. Есть даже такая идеология, что у художников, киношников, психологов и еще у кого-то так и должно быть: они не должны рассуждать, если хотят быть психологами или художниками. Они должны — «как увидел, так и говорю». Есть и такие точки зрения. Говорят: «художественное мышление»…

— Мышление отличается от рефлексии тем, что у него свои законы?

Не законы, а средства и нормы.

— Это не означает, что оно не может подчиняться тем деятельностям, которые у вас здесь обозначены?

Оно не может подчиняться. Оно существует само по себе. Причем я бы добавил: оно имеет язык, оно имеет свою операционализацию в разных формах, оно имеет свое идеальное содержание, которое принципиально отличается от рефлексивного содержания. И в этом смысле у мышления иное содержание, нежели у рефлексии.

Теперь давайте взглянем — рефлексивно, со стороны — на то, что я делаю.

Итак, у меня есть эти мои, мною отрефлектированные содержания, удерживаемые моим сознанием только за счет рефлексии. Когда мы спрашиваем: как человеку дана его деятельность — прошлая, будущая?.. Она ему дана прежде всего в рефлексии. Даже простейшие деятельности, вроде умывания и чистки зубов, тоже сначала определяются рефлексивно. Потом рефлексия свертывается, по-видимому, уходит в подсознательное, удерживается там как таковая. Это и есть особая форма материализации наших действий. Если же деятельность сложная, это творческая деятельность, то она удерживается достаточно развернутой и особым образом организованной рефлексией.

Но для того чтобы организовать коммуникацию по поводу рефлексии, мы должны переводить [эти отрефлектированные содержания] в мыслительные средства, то есть особым образом это означковывать, особым образом синтаксически строить, особым образом каждый раз интерпретировать и т. д. И при этом (о чем я буду говорить опять-таки дальше) мы пользуемся такой особой формой организации рефлексии, как *понятия*.

Я утверждаю, что понятия есть единицы рефлексии и особая, специфическая форма мыслительной организации рефлексии. Не единственная, но я бы сказал, что на сегодня основная, может быть, даже единственная. Когда я, нечто рассказывая, описываю содержание моей рефлексии, схематизирую, описываю схемы, начинаю их интерпретировать так или иначе, я каждый раз рассуждаю, говорю, пользуясь понятиями. И при этом вы по поводу каждого понятия можете произвести соответствующие проблематизации.

Скажем, я употребил важные для меня понятийные слова: «пространство рефлексии». Нарисовал какую-то схему. Слушающий меня, привыкший, что подобным же образом рисуются предметы либо машины деятельности, сразу задает мне кучу вопросов: а почему у вас здесь нет нормы, логики, правил и т. д.? И я начинаю объяснять, что у меня не понятие предмета, машины и т. д., а понятие пространства. И мне сразу задают вопрос: а что такое пространство? Что я тогда должен делать? А как я, собственно, могу ответить на этот вопрос? Тут фиксируется одна очень важная вещь… Я вынужден каждый раз в своей рефлексии по поводу этого понятия входить в ту или иную из мыслительных деятельностей или на тот или иной верстак, «плавающий» в моей рефлексии, и оттуда извлекать соответствующее понятие, более точно — содержание соответствующего понятия. Я начинаю там работать с этими понятиями, или

с содержаниями этих понятий, или с предметными организованностями, операциональными организованностями этих понятий. Как это будет происходить?

Итак, мне задают вопрос: что такое пространство? Что я делаю? Я стараюсь это осмыслить и говорю себе: ага, меня проблематизировали. Я должен отвечать на вопрос «что такое пространство?» соответственно употребленному мною термину. Меня проблематизировали. Где это происходило? Это происходило на верстаке проблематизации. Я своей рефлексией туда вошел и говорю: проблематизация. И там зафиксировал соответствующую точку. Значит, в ходе нашей коммуникации и нашей дискуссии отметилось такое разрывное образование, где мне задали в процессе коммуникации встречный вопрос. Это по смыслу дела, по логике.

Если мне задали вопрос, а я не хочу коммуницировать, то я сделаю вид, что я не понял. Но чтобы отвечать, я должен понять, что произошло. А что значит «что произошло»? Ведь, следовательно, образец того, что произошло, уже должен быть в этой схеме — в одном из этих мест. И я его должен найти. И я сразу подвожу под понятие, говорю: ага, произошла *проблематизация*. И я фиксирую в ходе нашего дискурса и дискуссии определенную точку на верстаке проблематизации.

Итак, я произвел проблематизацию. И тогда одно из двух… Я могу перебросить эту точку в программу, в программирование, что я, собственно, и попытался сделать. Я говорил: есть такой интересный вопрос «что такое пространство?». Тогда я перешел в программу и там, соответственно, пишу себе отметочку: «Иванов будет разрабатывать эту тему». Но при этом я могу ее еще разложить в программе, то есть спуститься на другие верстаки. И я это делаю. Я говорю: там нужен критический анализ понятия пространства в античной геометрии, скажем, в физике, на материале первобытных народов и т. д. Это если ответа нет. А если ответ есть, то я проделываю совершенно другое движение… Мне задали вопрос, а у меня, скажем, в предмете «философские проблемы естествознания» или «теория мышления» уже есть проработанные 20 лет назад соответствующие тексты. Я вынимаю оттуда это понятие, перетаскиваю его за счет своей рефлексии и предъявляю прямо на верстаке проблематизации. И говорю: вот оно — это понятие. Я его вынимаю и репрезентирую в его предметном содержании и отвечаю на вопрос. Теперь вы должны сообразить, что там, то есть представить себе объектно-операциональный и замещающий слой знаковой формы и переходы, уровни интерпретации.

Двинулись дальше… Меня спрашивают: что такое рефлексия? что такое мышление? У меня опять-таки та же самая работа.

Я обращаюсь к предмету, например к предмету, который называется «теория мышления и его естественные основания». Там есть понятие мышления, есть понятие рефлексии. Я его представляю. Вы можете быть согласны или нет, я, во всяком случае, пользуюсь этим. Может случиться, что там такого понятия нет. Тогда я вхожу в блок онтологической работы, строю соответствующую картинку в этом блоке на верстаке… Получаю здесь такую онтологическую картинку, в которой у меня различены рефлексия и мышление, и оформляю это в понятийной форме за счет текста, то есть указываю, что, как, почему, в каких оппозициях. Так как понятия определяются в заданных культурных формах, соответственно, в логике. Опять-таки для каждой эпохи [эти формы] свои. И в результате этой работы у нас с вами эта картинка начинает постепенно заполняться.

После того как я задал эту картинку и очерчено все пространство со всем набором предметов, мы начинаем с вами работать в логике того дискурса, который я строю, естественно, трансформируемого теми вопросами, которые мне задают. И в этом смысле это такой «рыскающий» процесс. И в этом его смысл. Потому что, если бы я мог сам заранее предусмотреть, какого рода вопросы, недоумения здесь будут возникать, я бы сидел у себя в кабинете и писал бы все это. Но этого предусмотреть невозможно.

— Может быть, в кабинете вы бы работали быстрее.

Видите ли, в чем дело… Я бы работал быстрее, чем когда мне приходится здесь тянуть весь этот воз. Но тогда бы я не был человеком. Потому что человеческое существование предполагает взаимопонимание и коммуникацию. Кроме того, я еще рассчитываю все время на лавинный процесс. Я, может быть, немножечко сделаю, но зато потом будут делать лучше. Для этого я это все и делаю.

Что мне сейчас важно? Мы начинаем фактически заполнять все ядерные образования. Какой бы вопрос мне ни задали, какой бы ответ я ни дал, — каждый из них получает соответствующее отображение во многих, чуть ли не во всех блоках, причем разнородных.

Смотрите, что происходит… Во-первых, все эти верстаки между собой связаны, и между ними существуют эти отношения. Я пытался это продемонстрировать. Вот сразу у меня блок проблематизации и программирования. Когда вы меня спрашиваете, а какую культурную историю имеют эти ваши понятия рефлексии и мышления, то я сразу начинаю отвечать: ага, вот Аристотель, Локк, Фихте, Шеллинг, Гегель, Маркс, Гуссерль и т. д. говорили то-то, то-то… У меня здесь заполняется блок критики. Если я разделил еще на схематизмы, я говорю: они высказывали то-то и то-то, а вот, смотрите, я сам в своих прошлых работах как интересно все это объединил,

«снял» и конфигурировал. Вот у меня конфигуратор, вот соответствующая схема. Когда это получено здесь, на верстаке, я беру целые куски и их туда вбрасываю — в предмет теории рефлексии или теории мышления или исследования рефлексии, исследования мышления. Не важно, как мы это назовем. Я перебрасываю этот кусок в онтологию, скажем, мышления. Заполняю. В онтологию деятельности — заполняю. Я могу спустить это в соответствующую практику, то есть я начинаю в соответствии с этим строить свои лекции, занятия, беседы какие-то. Вся эта система начинает развертываться именно за счет такого многопланового, параллельно осуществляющегося движения. И в этом специфика методологического подхода и методологического метода организации работы на этом пространстве.

Резюмирую этот кусочек, перед тем как перейти к следующему, четвертому пункту. По сути дела, я уже рассказал, что я должен делать дальше. Я теперь должен, следуя этой только что определенной методе, двигаться дальше и определять прежде всего все основные понятия, с которыми мне придется дальше работать. И в этом, собственно, и будет состоять решение той темы, которую я объявил.

Эта тема — «Проблемы построения теории мышления». Из того ответа, который я давал Борису Васильевичу [Сазонову], уже совершенно ясно, что мне надо не *теорию мышления* построить, а осуществлять *построение* теории мышления. Из второго пункта следует, что в этом и состоит смысл всей этой работы, потому что мне надо не теорию мышления построить и выпихнуть, а мне надо это пространство заполнить (см. рис. 4). Весь дискурс, который я буду делать, и есть заполнение элементов этого пространства. Но в соответствии с темой доклада я буду фиксировать все на проблемах и на программе.

Таким образом, я выделил в соответствии со своей узкой задачей главный верстак. Я буду все вводить и рассматривать относительно него. И движение по нему будет самым важным и самым главным. Это мой метод. А моя задача по *материалу* состоит теперь в том, чтобы практически все основные понятия прошлой эпистемологии, теории мышления, теории деятельности, в том числе и те, которые мы вводили за прошедшие 25 лет, подвергнуть критике и проблематизировать.

Что я должен теперь обсудить? Мышление и деятельность, рассуждение, понятие, знание, предмет, теория. Я должен задать все эти понятия: что такое онтологическая работа, что такое критика, что такое систематизация, что такое организация. То есть практически

из этого изображения пространства уже намечаются все аспекты той большой работы, которая предстоит.

Я могу, соответственно, произвести программирование и организацию. Мы уже попытались это сделать и будем продолжать это дальше. Например, кто-то берет и рассматривает структуру онтологической работы, кто-то берет и рассматривает структуру критики и схематизации и т. д. Но теперь каждый раз не сами по себе, а так, как они выступают в рамках методологической организации, или методологической работы. Хотя это не исключает и другого варианта: когда мы берем, скажем, проектирование, но не то, которое здесь, на верстаке, а как проектный предмет. Если здесь есть, к примеру, архитекторы, то они могут взять архитектурное проектирование и рассматривать его само по себе — в методологических формах и постметодологических, интерметодологических формах. И то же самое — историческая критика, критика источников и т. д. Для историка это, по сути дела, основной вопрос. На схеме у меня отсутствует историческая деятельность, которая должна была бы быть включена. Я оговаривался в прошлый раз, что это отнюдь не полное перечисление. Оно, вообще говоря, может развертываться дальше, щепиться и т. д.

Так что здесь уже появляется возможность для организации коллективной работы, регулируемой едиными установками и правилами. Нужно только произвести правильные распределения. Но я-то пока должен проделать (для себя, во всяком случае) основную работу такого рода, дабы снять недоразумения и возможную толчею.

Дело в том, что, с одной стороны, эта схема как бы подводит итог всем нашим работам за 25 лет и она есть форма их синтеза и соорганизации. Во всяком случае, мне так сейчас представляется, что она очень удачно соединяет все, что я знал, все, что я мог делать. Все здесь находит свое место. А с другой стороны, оказывается, что при таком заходе подавляющая часть тех понятий, которыми мы пользовались (я их перечислил), требует кардинальной перестройки. И поэтому я свою цель и задачу вижу сейчас в том, чтобы их последовательно, одно за другим проблематизировать. То есть показать, какого рода парадоксы здесь сейчас возникают и в каком направлении требуется совершенствование этих понятий. Когда я это сделаю с основной их массой — это примерно пятнадцать понятий, — я буду считать цели своего доклада достигнутыми. Как такой первый этап.

Тюков: Если я правильно понимаю вопрос Сергея Васильевича [Брянкина], то он спрашивает: возможно ли, кроме такой проблематизирующей или реконструктивной работы с этими ядерными образованиями, использование проектирования, организации, но в виде

уже готовых средств и машин? То есть можно ли даже не в смысле предмета взять какую-то готовую технологическую организацию и в работе использовать такие готовые образцы или средства?

Я вижу в вашем вопросе-замечании три разных вопроса, на которые я буду по-разному отвечать.

Первое. Если бы теорию мышления можно было конструировать, проектировать или программировать по существующим образцам, мы бы это давно сделали. Это сделать нельзя в первую очередь потому, что оказывается, что теория мышления не является традиционной естественно-научной теорией и не может быть таковой. Нет образца нормативно-деятельностной теории, он еще не построен. И осуществить такого рода проектирование можно только в рамках всей методологической организации. А методологическая организация не задана. Я ее здесь только задаю.

Второй момент. Я на него уже ответил: надо построить методологическую организацию.

И третий момент. У меня по теме — проблемы построения теории мышления. Если бы я, например, ставил такую задачу: [выделить] конструктивные фрагменты, — то я бы решал все иначе. Я бы обсуждал, что можно уже сейчас конструктивно представить. Но такой задачи у меня пока нет.

Я теперь перехожу к следующему пункту, уже реализуя свою программу. Первый вопрос, который здесь возникает, связан с понятием *предмета*.

В предыдущей части я уже заметил (правда, мимоходом), что, с моей точки зрения, понятие пространства или вообще пространственное представление материала есть некий предваряющий шаг в задании предметной организации. И тут я ставлю для меня очень важную проблему… Если мы построили такую схему как организующую нашу методологическую работу, произвели соответствующие интерпретации и говорим, что это — пространство рефлексии, которая переходит дальше в мышление за счет нормировки, обеспечения языком, средствами и т. д., то нельзя ли теперь сделать следующий шаг и сказать, что вся эта схема дает нам основание для соответствующей предметной интерпретации и предметной организации всей нашей методологической работы? Что, собственно, мешает проделать такую интерпретацию?

Тюков: Каковы все-таки критерии наличия этого содержания для задачи предметизации?

А это зависит от того, удается ли мне решать те или иные задачи.

Теперь я формулирую тезис… Наверное, если мы рассматриваем всю эту схему пространства, то нельзя ее рассматривать

как предмет в силу того, что это — пространство. А как же дальше должна в этом плане строиться работа? В соответствии с задачами. Если у меня есть задача построить теорию мышления, то я организую такое подпространство, которое связано с построением теории мышления, дает возможность эту единичную (для нашего времени) задачу решить. Я выделяю те или иные организованности, организую процессы моей дискурсии целевым образом или продуктивным образом, если я это определил. И тогда я как бы создаю из блоков, лежащих в этом пространстве, за счет их особой соорганизации тот или иной предмет. Причем он у меня может быть исследовательским…

Обратите внимание, что хотя я здесь написал «исследовательский» как один [блок], но дальше я постараюсь показать, что то, что мы сейчас называем исследованием, всегда организует несколько таких верстаков и целый ряд предметов… Проектный точно так же организует несколько верстаков. Больше того, я бы даже сказал, что в плане критического исторического анализа эта схема исключительно мощна. И именно задав здесь в качестве конструктивных элементов все эти верстаки, онтологемы, практики, предметы, я получаю возможность теперь каждый раз собирать их на историю. И говорить: ага, исследование Птолемея… Какими предметами он пользовался? какие у него были верстаки? Скажем, историческое исследование у Геродота: какие верстаки и какая работа? Скажем, исследование у Галилея — вот это. А исследование у Вундта — это вот это. Каждый раз я набираю те или иные композиции… Хочу ли я имитировать чью-то работу или решить новую задачу, я каждый раз собираю это в особую соорганизацию, обеспечивающую выполнение некоторых режимов работы: исследовательской, проектной, критической и т. д., и тогда я получаю здесь соответствующий предмет.

Итак, я говорю: ага, мы ведь должны теперь здесь, в этом пространстве, «вырезать», сформировать из этих блоков такой научный предмет, который даст нам теорию мышления. Но для того чтобы этот предмет сформировать, мы должны ответить на вопрос: что есть *теория мышления*? То есть мы должны задать этот предмет продуктивно и ответить еще на вопрос: что значит сформировать [его] в методологическом смысле и т. д.? И каждый раз мы должны будем вводить целый ряд соответствующих критериев и обращаться в блок методологической нормировки и к практике, возможно, проводить предварительно какие-то методологические исследования, с тем чтобы доопределить эту цель, сформулировать ее в виде задачи, то есть соответственно решающему предмету. При этом будут создаваться те или иные логики в блоке нормировки. Вот тогда будут организовываться

предметы и машины — предметы мыслительной работы и машины деятельностной работы.

Тюков: Тогда получается, что ваша деятельность по построению организуется моноцелевым образом.

Нет. *Этот кусочек* у меня организуется моноцелевым образом. Да и то непонятно… А вся моя деятельность всегда организована полицелевым образом.

В любой сложной работе всегда можно произвести такое разбиение на кусочки, которые в конце концов могут трактоваться как моноцелевые. И больше того, я вам и говорю: цель и целевое членение для того нам и нужны, чтобы членить нашу мыслительную работу в сфере методологической работы на кусочки. Цели и есть такая штука, чтобы определить вектор движения в этом кусочке. Человеческая деятельность и мышление должны быть полицелевыми. Только тогда они эффективны. А вот маленькие кусочки этих деятельностей можно организовать моноцелевым образом.

Чернов: Когда вся деятельность не будет полицелевой, она распадается.

Правильно, Константин Львович. Я благодарю вас за это замечание.

Я бы даже выдвинул в противоположность этой широко распространенной, общепринятой догме прямо противоположное высказывание, а именно: методологическая организация мышления и деятельности и есть средство полицелевой организации мышления и деятельности, при которой мышление и деятельность не распадаются. А если вы будете исходить из идеи моноцелевой организации, то, сколько вы ни организуйте моноцелевым образом, у вас все равно мышление и деятельность распадутся. И ада вам не миновать.

Последний кусочек. Но дело в том, что, когда мы начинаем теперь обсуждать вопрос, что такое *теория*, мы прежде всего сталкиваемся с тем, что это понятие давным-давно не работает. Оно сейчас неосмысленно. И поэтому мы, как правило, отождествляли теорию с научным предметом. Но это был ложный шаг. Потому что необходимо к этому понятию подходить исторически. Ибо теория в Древней Греции, теория в Средние века, теория в Новое время, теория сейчас — это вещи совершенно разные, причем включенные в принципиально разные структуры деятельности и мышления.

Как примерно намечаются все эти линии? Мы здесь должны войти в блок исследования или онтологической работы и начертить это примерно так… Первая оппозиция, задающая первый функциональный признак теории, — это оппозиция теории и практики у деятеля. Теорией называлось то, что он получил от других

в теоретической форме, противопоставленной практике. Как могла получиться такая теория? (Я рисую первый режим и первый цикл*.) Она могла получаться в результате особой работы по систематизации знаний. И, следовательно, сюда на вход к систематизатору поступают знания, которые производились сами по себе. Вот эти позиции: позиция-1, позиция-2, позиция-3. Следовательно, теория была результатом определенной соорганизации и систематизации независимо и изолированно полученных знаний. Что произошло потом, когда был зафиксирован принцип зависимости элемента теории от всех других элементов, то есть нельзя уже было внешним образом соорганизовывать знания в систему? Вот только тогда впервые появляется научный предмет как форма соорганизации всех режимов работы, или как машина, производящая теорию. Я переворачиваю наши обычные изображения и фиксирую это так: был научный предмет как машина, производящая теорию. И здесь, следовательно, возникла позиция-4…

Тут, между прочим, все прозрачно и ясно. Итак, есть один способ получения: теоретическая система получается в результате работы по систематизации знаний. Другой способ: мы сами процедуры получения знаний соорганизуем, подчиняя их требованию выдачи систематического образования. Тогда здесь увязываются процедуры онтологизирования, моделирования, экспериментирования, обработки фактических данных и переработки их в знания, соответственно, под управляющим воздействием моделей, онтологических картин и при опровергающей функции эксперимента. Получается научный предмет.

А что делаем мы теперь, после того как я нарисовал эту схему методологической организации (см. рис. 4)? Мы задаем совершенно новый режим, а именно: я под этот научный предмет помещаю все это пространство методологической работы. За счет этого пространства строится предмет. И вот сюда выдается теория. Поэтому мы практически имеем дело с многоцелевой разверткой. Мы говорим: мы должны построить пространство методологической работы, чтобы в нем и из него сформировать научный предмет, производящий теорию.

Тюков: А между этими фазами нет отношений, например, «условия–задача», «цель–средства»?..

Нет конечно.

Тюков: То есть они все существуют как цели?

Конечно.

Тюков: Рядоположенные, независимые друг от друга?

---

* В стенограмме доклада данная схема не была воспроизведена. *Примеч. ред.*

А я этого не говорил. Не рядоположенные и не независимые.

Есть дерево целей. Мы можем рисовать особый граф. Но, кстати, нельзя это делать так, как делают американцы, когда у них предыдущая цель становится средством достижения следующей: одна цель, чтобы достичь другой цели, чтобы достичь третьей цели… Это не есть обеспечение средствами. И, кстати, средствами-то будет совершенно другое.

Когда я работаю в этом методологическом пространстве, то я говорю: я-то должен учитывать все эти цели, ибо ведь фактически то, что должно быть получено, — теория в исходном пункте (и это действительно правильно по смыслу дела), — это то, что должен получать практик и что противостоит его практической рефлексии и т. д. И мы должны это в блоке исследования, кстати, зафиксировать как условия естественной жизни теории. Тут у нас возникает исследовательская проблема.

Ведь здесь нужно, прежде чем начинать всю работу, ответить на очень интересный вопрос… И если бы кто-нибудь на него ответил, он бы заслуживал Нобелевской премии. А именно: кому, зачем, для чего нужны теории? Была ли какая-либо теория использована в какой-либо практике? И если нет, то зачем все же нужны теории? Кто их строит? Очень интересный вопрос. Больше того, тут вообще ведь надо обернуть всю задачку и спрашивать: для организации той или иной практики — социотехнической, организационно-управленческой, инженерной, милицейской… какой хотите — какие знания нужны? И могут ли они организовываться теоретически, в системы теории? И что, интересно, милиционер, инженер и т. д., которые должны работать, делают с теорией?

Тюков: Расписывают на справочники.

Может быть, сразу расписывать на справочники? «Может быть, не надо строить теории?» — спрашивает Борис Васильевич [Сазонов]. Я бы хотел получить ответ.

3. Мышление, мыслительная деятельность и деятельность

В прошлый раз, воспроизводя схему, которая нарисована на доске слева (см. рис. 4), я начал определенную работу на ней, поставил целый ряд вопросов, касающихся, с одной стороны, традиционных для нас проблем мышления и деятельности, а с другой стороны, неразрывно связанных с графикой этой действительности, форм ее организации.

После доклада мои коллеги и друзья сделали мне кучу критических замечаний, которые, с одной стороны, мне понятны в своих

мотивах, основаниях, а с другой стороны, характеризуют, в общем, очень стереотипные позиции, стереотипный подход, я бы сказал, весьма характерные ошибки в понимании и трактовке того, что я делал. Мне даже сказали, что, отказавшись от обычной манеры конструктивной работы в обсуждении, я продемонстрировал совершенно свободный и неорганизованный поток сознания. Мне тоже понятно, почему это говорилось.

Но так как по моей программе обращение к этому кругу вопросов, затронутому в этих замечаниях, репликах, комментариях, планировалось как раз в следующем пункте, то я и обращаюсь сейчас к обсуждению этих замечаний, всего того смысла и содержания, которые в этих замечаниях были подняты, и начинаю обсуждать это, выделяя особый пункт нашей программы. Он может быть назван так: «Мышление, мыслительная деятельность и деятельность».

Во многом эти замечания были связаны с той репликой Сергея Васильевича Брянкина, которую я уже обсуждал, и с той попыткой понимания и интерпретаций того, что я говорил и делал, которую он предпринял в своих вопросах. Но это только маленький срез этих проблем. Значительно более глубоким, на мой взгляд, является неопределенность наших понятий о мышлении, мыслительной деятельности, их связях друг с другом и тех различий в понимании и интерпретации, которые с этими различениями связаны, но, как правило, не учитываются.

То, что я делал в прошлый раз, действительно очень сложно. И я сейчас попытаюсь, перейдя уже в рефлексивную позицию, представить свою работу и ваше отношение к ней в соответствующих схемах, полагая, что это как-то поможет прояснить суть дела.

Итак, я беру эту схему и использую ее прежде всего как средство для организации своей рефлексии. И эта схема пока что не может пониматься, интерпретироваться и трактоваться ни как изображение чего-то, лежащего вне нас, ни как проект чего-то, что мы можем и должны создать. Это есть именно организационная схема, в соответствии с которой я должен двигаться. И хотя я говорю, что эта схема организации пространства моей рефлексивной работы выступает прежде всего как совокупность каких-то направляющих векторов, работая на ней, я фактически прочитываю эту схему как предписания или алгоритмы моего движения. Это все равно как система улиц в городе, по которым я могу ходить по определенным правилам, по определенным законам (в самом широком смысле слова).

Очень важно, что при задании этой схемы производится определенное распредмечивание: больше нет предметных организаций

деятельности, мыслительной деятельности или даже мышления. Смысл задания этой схемы и квалификации ее как схемы пространства для организации моей работы как раз и состоит в подчеркивании этого момента, а именно что предметов больше нет. На их место пришло нечто другое. Пространство есть пока что принципиально непредметная форма организации.

И наконец, третий момент, который очень важен, состоит в том, что я, таким образом, организую сначала свою рефлексию, поэтому я говорю про некоторые деятельности, но не про их предметные организации. Я смотрю на эту схему, и интенция моего сознания направлена на то, что там обозначено. И я в своей рефлексии прохожу поверх них, каждый раз мысля то, что там обозначено. Так, если речь идет о каких-то предметах, то я в своей рефлексии могу как бы утыкаться в эти обозначенные предметы, и я теперь их представляю, я их мыслю. Но это не значит, что я проделываю все операции и процедуры, которые характерны для проектирования, конструирования или еще чего-то. Я именно мыслю то, что там обозначено.

Чтобы лучше понять, что я говорю, давайте зададим себе вопрос, касающийся процедур древнегреческой геометрии… Представьте себе, что геометр говорит: наложим один треугольник на другой. И начинает осуществлять это наложение в мышлении. Он говорит: представим себе, что мы наложили. И тогда у нас, в силу того что там такие-то стороны равны, конечная точка стороны треугольника-1 совпадает с конечной точкой стороны треугольника-2. Что в этот момент делает геометр? Он осуществляет какую-то операцию или процедуру наложения? Нет. Древние греки вообще, как правило, рисовали это на песке и никаких процедур совмещения треугольников выполнить не могли.

Где вообще проходит граница между мышлением некоторой процедуры, представлением некоторой процедуры и осуществлением некоторой процедуры? Например, я в своей рефлексии обращаюсь к верстаку под названием «конструирование» или к какому-то другому верстаку. И я в рефлексии фиксирую этот верстак и все его содержимое со всеми процедурами. Я сравниваю, я могу обсуждать отношение этих средств и процедур к чему-то другому. Но я ведь при этом не осуществляю этих процедур. Когда мы мыслим все эти содержания рефлексивно, рефлектируем их в этом пространстве, то мы не осуществляем этих процедур, хотя могли бы… И дальше я буду это показывать: как бы войти внутрь этого подпространства верстака и начать осуществлять эти процедуры. И мы в мышлении, в рассуждении, в коммуникации можем постоянно делать это.

Скажем, вот мы рассказываем о чем-то, а потом, не делая даже никаких пауз, говорим: ну, смотрите, — и начинаем осуществлять саму эту процедуру, демонстрируя ее во всей ее полноте. И внешне ничего не меняется. Хотя мы принципиальным образом изменили и способы презентации содержания нашей мысли, и процедуры нашей работы. Мы здесь фактически сменили мышление в функции рефлексии, или *рефлексивное мышление*, на то, что может быть названо *мыслительной деятельностью*: вместо того чтобы мыслить некоторые процедуры, мы начали эти процедуры мыслительно осуществлять. Но обратите внимание, что «мыслительно осуществлять» — это не значит осуществлять их *деятельностно*. И здесь возникает второй круг очень тонких различений.

Представьте себе ученика, который решает задачу. Он говорит: «Наложим первый треугольник на второй. Концы сторон первого и второго треугольника совместятся. Они совместились, а так как углы этих треугольников по условию равны, то…» и т. д. При этом он ведь не совершает деятельностной процедуры наложения.

Хотя мы знаем, что еще и Евклид, и дальше — Архимед вырезали эти треугольники из буйволовой кожи и накладывали их друг на друга. Архимед при определении отношений площадей фигур, ограниченных кривыми линиями, вырезал эти фигуры из буйволовой кожи и взвешивал их, для того чтобы определить отношение площадей. Вот это взвешивание, это реальное наложение было действительно деятельностью. А вот когда в «Началах» Евклида равносторонний треугольник задается путем построения с помощью циркуля и линейки, то это — конструктивная процедура. Хотя непонятно — мыслительная она или деятельностная.

Поэтому я спрашиваю: какая разница между *осуществить какую-то процедуру деятельностно* или же *помыслить, что мы ее осуществили*, и сказать, какой результат получится.

— А мышление — разве не деятельность?

Конечно же нет. И давайте наконец со всем этим разберемся. Иначе мы никогда не сможем двигаться вперед. И поэтому я говорю: обратите внимание, что есть три совершенно разных способа работы…

Теперь я начинаю это все рисовать (см. рис. 5). Итак, вот я с моим табло сознания, с моими способностями, интериоризованными средствами. Здесь, слева, я рисую ту схему — схему пространства рефлексивной работы (см. рис. 4). И я начинаю рефлектировать по поводу этой схемы и произвожу некоторый текст. То, что нарисовано на доске, есть фактический предел, в который упирается моя рефлексия. И я начинаю строить текст, определенным образом двигаясь по

этой схеме и все время указывая на ее элементы. И в чем существует это движение? За счет чего задается этот процесс и чем он определяется? Что вообще образует здесь тот материал и ту субстанцию, которая организуется этой схемой? В чем тут механизм работы?

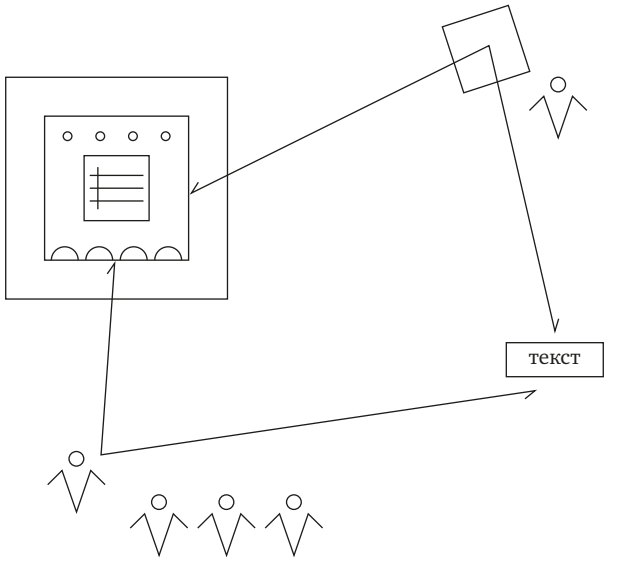


Рис. 5

Я, конечно, понимаю, что вопросы об отношении процессов и механизмов очень сложны. И они [процессы и механизмы — *ред.*] постоянно меняются местами. Я мог бы сказать, что эта схема есть механизм работы моего сознания. Но точно так же я сейчас могу сказать, что мое сознание, с его механизмами, со всем тем, что представлено в моих способностях и интериоризованных средствах, — это механизм некоторого движения по этой схеме в заданном ею пространстве. Но мне важно сейчас другое.

Я положил эту схему (см. рис. 4). Мое сознание, интенции моего сознания упираются в нее. Я задал все, что для меня существует, я разметил это пространство. Оно уже определенным образом организовано, и там четко выделяются разные места: они различены. И я теперь начинаю организовывать материал моего сознания, то, что есть в моем сознании, содержания моего сознания: все, что у меня есть, что движется в процессе моей рефлексии, я начинаю организовывать относительной этой схемы. Это пространство наполняется всем тем, что у меня есть, по определенным правилам — тем, которые пока что заданы только в этой схеме: то, что про проект и проектирование, — сюда, про знание — сюда и т. д. Но что это? Где оно существует? Оно существует в моей рефлексии, в моем индивидуальном сознании.

И я должен то, что есть в моем индивидуальном сознании, определенным образом вывести и положить.

Я, кстати, мог бы делать эту работу молча, ничего не говоря. Это очень существенный момент, который нам с вами дальше придется специально разыгрывать.

Итак, здесь организуется моя рефлексия. И нельзя задавать вопрос: что эта схема изображает? Она ничего не изображает и не может изображать — по способу использования. Нельзя спрашивать: проект чего это? И даже то обстоятельство, что я там всюду написал: «проектирование-проект», «конструирование-конструкция» и т. д., тоже не разрешает нам рассматривать соответствующие блоки как изображение или обозначение чего-то. Здесь это все запрещено. Поскольку таковы процессы моей работы.

А теперь немного слов по очень важному вопросу. Я мог бы убрать все эти обозначения и положить перед собой разборный ящик с массой разных ячеек и соответствующими номерами. И я бы складывал туда породу, полученную при бурении, и писал на бирочке, как каждая порода получена. Тогда вы, конечно, не стали бы спрашивать, что изображает этот ящик. Это ящик ничего не изображает. Это просто ящик, и он не является проектом чего-либо. Он просто лежит, туда складывают… И на том все кончается. Нарисованная мною схема прежде всего и выполняет эту функцию: она есть «разборный ящик», куда складываются все содержания, которые могут захватываться, двигаться в моей рефлексии. И они туда — по организации этого ящика — складываются.

Но у нас «ящик» не деревянный, а знаковый. И тут начинаются очень интересные вещи… Дело в том, что знак — это, с одной стороны, тоже объектное образование, на котором все заканчивается, а с другой стороны, это всегда проход во что-то другое, «калитка». Объект — это есть тот предел, в который мы упираемся, граница, в которую утыкается наша рефлексия и процесс понимания. И ничего больше. А что такое знак? А знак — это всегда «калитка», или «ворота», которые ведут нас через «забор» во что-то другое. Знак дает нам возможность войти в объект, и в этом его смысл. То есть знак — это всегда то, через что мы видим нечто другое, например, объект или, например, действие (если объект и действие противопоставлять), вообще, то, что мы сейчас привыкли называть «денотатом» и другими словами.

Если я имею такой знаковый «ящик», то я могу то открывать «калитку» и проходить сквозь нее в другое, то, наоборот, закрывать эту «калитку». И тогда у меня получается система запределивания, которая то открывается, то закрывается. И поскольку мы все время работаем с мелом и доской, имеем дело со знаковыми образованиями,

то и возникает эта ошибочная интенция: все время трактовать знаки как знаки. А знаки еще могут трактоваться и как объекты. И не только в автонимной функции. Знаки могут совершенно искусственно, технически задавать этот способ трактовки, интерпретации схемы, который я фиксирую.

Итак, я задал «разборный ящик», или пространство. При этом я произвел распредмечивание: у меня нет предметной организации мышления. У меня есть рефлексия. В этой рефлексии движутся, тащатся, едут с ее помощью различные содержания: понятия, предметы, онтологемы, — и они должны определенным образом соорганизовывать этот разборный ящик, должны быть положены туда. И именно это я осуществляю и говорю: это — «разборный ящик»; задавать вопросы «что он изображает?», «что он проектирует?» и т. д. пока нельзя.

А теперь я выдыхаю воздух, делаю паузу и говорю: и если бы я не выступал здесь с докладом, то я проделал бы всю эту работу молча. Я бы, может быть, даже ничего не писал на листочке бумаги, а сидел и, набирая элементы этого «разборного ящика», собирал его, конструировал, мысленно определял в рефлексии, что там еще может быть, как… Собрал бы это как-то, постарался бы, чтобы это было красиво, показал бы вам потом: смотрите…

Но ведь мне надо доклад делать, дидактически правильно его рассказывать. Я должен передать вам свои мысли, которые пока что находятся у меня в рефлексии, в моем сознании. И поэтому они еще и не мысли даже. И для того чтобы их передать, я пользуюсь как средством этой передачи, как средством коммуникации этой схемой. Я буду на ней, с ее помощью работать. И в прошлый раз я начал работать. Я осуществлял проблематизацию, задавал понятия, строил элементы программы и т. д. и при этом все время говорил, рассуждал, осуществлял *процесс мышления*. А почему и как? Откуда он, собственно, взялся? Что это такое? Это уже нечто новое.

И здесь я должен сделать прежде всего основные исходные различения, возвращаясь назад к тому, что уже обсуждалось в предкантовской философии и в кантовский период. Это очень важно.

Итак, я теперь должен осуществить процесс мышления на базе этой схемы и в связи с нею. Причем на этой схеме я могу осуществлять много разных процессов мышления, осуществлять массу разных работ — методологических, практических, предметных и т. д. И внутри каждого типа [этих работ] я точно так же могу осуществлять массу мыслительных работ и строить массу рассуждений. Все это пространство, которое я задал, может быть исчерчено бесконечным количеством зигзагообразных линий, которые будут символизировать те или иные процессы мышления

и рассуждения. Это тоже важно зафиксировать. Мы к этому дальше вернемся, потому что нас ведь интересует вопрос, как организуются, как нормируются, как формализуются, как технологизируются эти процессы мышления, эти рассуждения, что их определяет. Но пока важно понять одно: их бесконечное число.

Но при этом важно понимать разницу между двумя типами: между *чистым мышлением* и *практически ориентированным мышлением*. Это очень важное различение.

Я могу на этой схеме и с ее помощью построить процесс мышления, единственная цель которого — коммуникация, передача некоторого текста. При этом я могу отвлекаться от любых практических задач. Я могу мыслить только с одной целью — нечто вам рассказать. Я буду осуществлять на этой схеме определенный процесс мышления, выражать его в тексте. Я должен стремиться к тому, чтобы текст удовлетворял всем принципам коммуникации, чтобы он был дидактичен. И у меня может не быть никаких других целей и задач. *Чистое мышление* — это то мышление, которое выражается в процессе коммуникации, в тексте коммуникации и замыкается на тексте коммуникации.

Но у меня может быть совсем другая задача. Например, я могу ставить перед собой цель с помощью этой схемы организации пространства и на ее базе осуществить определенную организационно-управленческую работу, например составить программу исследований и разработок по теории мышления, составить проект этих исследований и разработок, передать ее некоторой совокупности коллективов, распределить работу и практически ее организовать. Я при этом буду точно так же исходить из этой схемы организации пространства, буду ею пользоваться, буду точно так же мыслить. Но это мое мышление будет замкнуто не на коммуникацию, не на общение с вами, а на решение организационно-управленческих задач. И тогда эта схема организации пространства будет нами интерпретироваться, пониматься и толковаться совершенно иначе. Тогда ее уже нельзя будет представлять просто как «разборный ящик», в который я помещаю содержания моей рефлексии, ее нельзя будет понимать как некий предел. Ее надо будет понимать совершенно иначе: как схему, скажем, нечто изображающую или нечто проецирующую.

И тогда должен появиться совсем другой материал, а именно: вся та компания людей с определенными культурными традициями, умениями, навыками… Например, я могу рассматривать задачу спрограммировать и спроектировать комплексную систему исследований и разработок, захватывающую представителей нескольких наук: логики, социологии, психологии, педагогики, этнографии,

культурологии, археологии, например, для разработки теории мышления. Это будет комплексная многопредметная программа. И тогда я эту схему оберну… Я должен буду потом, в соответствии с тем, что в ней получится, чем она будет наполнена, произвести практическое, социотехническое распределение целей и задач. И тогда я должен буду представить эту схему уже не как «разборный ящик», в который я погружаю содержания моего сознания, а как изображение некоторой системы деятельностей, и либо я буду программы подстраивать под возможности этих групп, либо, наоборот, я буду менять эти группы. Но важно, что в этом случае сама эта схема должна пониматься и интерпретироваться иначе. И проработка этой схемы будет иной. И я тогда должен буду осуществлять на базе этой же схемы другие процессы мышления. Это будет уже не чистое мышление, а мышление в более широком контексте: организационно-управленческое, программирующее или проектное мышление. Оно будет в контексте тех или иных практических задач, а отнюдь не для коммуникации.

И когда сюда, в этот зал, приходят люди практические, привыкшие строить ракеты, станки, организовывать сельское хозяйство и т. д., они всегда говорят, что «тут много разговоров, а дело где?». Каждый раз в этих случаях имеется в виду эта разница между чистым мышлением и мышлением, включенным в практическую работу. Так получилось, что наше время очень практическое. Мы все строим, строим, строим и совсем забыли о людях. Забыли о том, что их надо воспитывать, обучать, развивать. Потому что ведь чистое-то мышление нужно совсем для другого, оно другие задачи решает.

Итак, мы можем все это начать разворачивать в план построения организации, осуществления чистого мышления, замыкающегося в коммуникации. Тогда текст коммуникации есть предел: ничего больше нет. И, кстати, вообще-то мышление прежде всего именно так и существует, и именно в этой сфере оно прежде всего и развивается. И так было испокон веков, и так остается сейчас. Важно все это понять. Важно понять, что это будут разные механизмы. Важно понять, что мы соответственно этому должны по-разному интерпретировать сами схемы. Мы можем и обязаны запрещать одни трактовки и истолкования или, наоборот, разрешать. В зависимости от того, рассматриваем ли мы мышление само по себе — чистое мышление как замыкающееся в коммуникации, — или же мы его рассматриваем в контексте каких-то собственно деятельностных разработок.

И очень важно, что в этом случае материал, соотносимый с этой схемой, будет разным. В первом случае таким материалом является содержание моего сознания, во втором случае таким материалом, к которому будет относиться схема, на которую он будет

погружаться, будут люди, с их индивидуальными или групповыми, учрежденческими деятельностями. И у нас, соответственно, эта схема будет лежать как бы на границе между тем и другим. И эта схема, как я уже выше сказал, будет выступать то как «закрытый забор», то как «открывающийся забор».

Для того чтобы перейти ко второму — к мышлению, включенному в деятельность, — надо рассматривать эту схему уже не как вещно-объектную, а как знаковую, наделять ее особым набором специальных знаковых функций, связывать с ней, соответственно, те или иные интерпретации. Тогда она будет выступать либо как изображение, либо как проект, либо еще как-то.

И кстати, мы часто употребляем слова «онтологическая схема», «онтологическая картина», «онтология» и т. д. А вот интересно, а «онтология» — это какая схема? Она открытая или закрытая? Как бы мы здесь ни спорили, ни обсуждали, мне важно показать, какое значение здесь это имеет.

Теперь, зафиксировав все эти моменты, я перехожу к позиции понимающего и говорю: а что же в том, что я говорил в прошлый раз, надо было видеть, понимать, ухватывать?

С одной стороны, у слушателей вроде бы есть та же самая картинка. И я ее положил как своего рода объектное, предельное образование, хотя все время говорю, что это не онтологическая картина, а организация пространства. Мы туда, как в «ящик», кладем все наши содержания. Она есть сама по себе. С другой стороны, есть текст, который я произношу и в котором я фиксирую процессы чистого мышления, а может быть, наоборот, практически ориентированного мышления. Неизвестно, какой это процесс, и, больше того, наверное, вообще неясно, мышления ли. А может быть, рефлексии?

Значит, процесс мышления вне этого текста существовать не может. Он не дан. Оттого что я положил эту картину, я от своего мышления и рефлексии еще ничего не положил. Это только пространство рефлексии. Туда будет складываться то, что я в своей рефлексии и мышлении буду тащить, перетаскивать с одного места на другое. Как муравей: схватил какую-то палку и несет на соответствующее место. Потом другое почему-то ухватит, притащит, положил и т. д. А вот почему он таскает одно, другое, третье — внешне все это выглядит совершенно бессмысленным и хаотическим. Непонятно, почему зафиксировал это и перешел к другому. А почему к другому? А почему мы вообще к другому переходим? Чем это детерминируется?

Но самое главное вообще не в этом. А самое главное: что вы [делаете], слушая текст? Потому что неясно, что я здесь делаю.

Я изображаю в тексте то, что делаю? Или я делаю нечто, производя текст? Или и то и другое в каких-то странных переплетениях?

Допустим, я делаю нечто, производя текст. Тогда спрашивается: что нужно делать понимающему? С одной стороны, перед ним эта схема. С другой стороны, я что-то здесь делаю, то есть осуществляю какой-то рефлексивный, мыслительный процесс. И значит, текст, с одной стороны, и схема, с другой, есть лишь видимые проекции той работы, которую я проделал. Значит, вообще, практически почти не надо слушать того, что я говорю. Или иначе: слушая, надо не слушать, а все время задавать вопрос: а чего он здесь делает? Не что *говорит*, а что *делает*. Пытаться через текст понять содержание и смысл того, что делается, — дело безнадежное. Надо просто понимать, что здесь может делаться и делается. Есть соответствующие образцы, соответствующие нормировки.

Мне важно здесь зафиксировать одну, как мне кажется, очень смелую гипотезу, касающуюся понимания. Что такое *понимание*? Это то, что связано с перениманием и освоением какой-то деятельности и что обеспечивается этим перениманием и освоением. Если это так, то это означает, что понимать можно только самого себя.

Я теперь начинаю обсуждать вопрос: а что делают слушатели, когда они сидят и стараются понять?

Сначала дам негативный пример. Можно попробовать интерпретировать этот текст как некоторое изображение или описание схемы, которую я нарисовал на доске, — схемы организации пространства (см. рис. 4).

Чернов: Схема — это тоже текст.

Нет. Мы с вами только что долго долдонили про то, что это не текст. И я сказал: забудьте пока о знаковой интерпретации. Знаковая интерпретация этой схемы появляется только тогда, когда вы хотите осуществить деятельность и переходите к деятельности. А пока это не знаки, а «разборный ящик».

Чернов: Но вы сказали «знаковый ящик».

Я сказал, что он выполнен в материале знаков. Но запрещено его понимание и трактовка как знакового. Каждый раз, когда вы это делаете, вы сразу попадаете в тупик. Это ложный ход. Нельзя этого делать здесь.

Чернов: Но ведь она как знаковая выступает…

Что значит «выступает»? Понимать — это значит, чтобы не ваше сознание вас тащило по образцам и нормам, которые вы из средней школы или из вуза принесли, а чтобы вы владели своим пониманием: чтобы вы его направляли в одну, другую, третью сторону, чтобы не оно над вами хозяйничало, а чтобы вы были хозяином вашего понимания.

Итак, возникает вопрос: что значит «понимать текст»? Что при этом надо делать? И тут я выдвигаю первый тезис: понимание — это особая функция или особые формы, способы работы нашего сознания, которые неразрывно связаны с освоением нами какой-то деятельности, с попыткой какую-то деятельность осуществить, произвести. Не только деятельность. Скажем, осуществить какие-то процессы — мыслительные или рефлексивные.

Когда мы пытаемся что-то делать, когда у нас есть один образец, а мы уже начинаем воспроизводить эту деятельность или этот процесс, то мы свои попытки сопоставляем с этим образцом. Тогда образец и выступает как образец, как то, в соответствии с чем мы осуществляем свою попытку. Если мы работу нашего сознания «сажаем» в эти две проекции, то только тогда может осуществляться понимание. Понимание — это то, что обеспечивает перенос какой-то деятельности, процесса, образца на нашу работу.

Поэтому то, что я говорил в прошлый раз, можно понимать только в том смысле, что вы все время сидели и пытались сделать то же самое. Делать! Если пытаться это делать, тогда можно что-то понять. А если не пытаться этого сделать, то не может быть понимания. То есть я строю текст, в котором выражаю какой-то процесс мышления по этой схеме. И при этом я что-то делаю. Вам, чтобы понимать, надо все время, даже не имея ориентиров, целей и ясного понимания того, что делается, пытаться это все повторять и воспроизводить. Если этого нет, то понимания быть не может.

А теперь давайте еще раз вернемся к ситуации. Теперь вы мне можете задавать вопрос: а вы, Георгий Петрович, понимаете, что вы делаете? И я говорю: нет! Больше того, я не могу ответить на ваш вопрос. Я буду пытаться дальше это делать через рефлексию.

Каковы же у меня цели? Обратите внимание, что я специально оговорил это в прошлом докладе. Я сказал: всякая мыслительная работа — полицелевая, в ней нет одной цели. У меня невероятно много целей. У меня целей во много раз больше, чем вот этих блоков [на схеме]… Если вы меня теперь спросите, в чем цели рассуждения, то я буду отвечать вам очень странно: донести до вас мои мысли. Вот моя цель. У меня же чистое мышление. Оно замкнуто на текст. Я хочу донести мысли. И это реальная, подлинная цель, и так у меня построен текст. И мое рассуждение диктуется этой целью. А если вы меня спросите, что я хочу донести, то я отвечу: очень многое, кучу разных вещей. Например, что такое пространство организации нашей рефлексии, как оно выполняет функции распредмечивания мышления и деятельности, как с ним работать. Я могу обсуждать и буду дальше обсуждать вопрос: что можно делать с этой схемой?

Что означает, что эта схема задает пространство мыслительной работы? Какие возможности она перед нами открывает? Я, скажем, буду рассказывать о том, как мы можем построить на базе этой схемы любую предметную организацию: либо собственно предметную, либо квазипредметную, технологическую. Как можно сформировать любой мыслительный предмет при решении любых задач на базе этой схемы. Как это происходит.

Следовательно, цели моего рассуждения будут диктоваться тем, по чему движется моя рефлексия — не в самой рефлексии (не в ней это заключено), а в этой, тогда уже предметно трактуемой схеме, в этом пространстве. И ни в чем другом. Вы меня спросите: а по какой логике, по каким нормам? Я вам отвечу: так это же рассуждение, а не работа, заключенная в эти верстаки. А у рассуждения нет норм. И даже если предположить, что нормы есть и они дальше должны появиться, то ведь они *потом* появятся, после того как мы это рассуждение закончим и с помощью него получим нужный, работающий результат.

А сейчас, когда я рассуждаю, я гляжу на это пространство, у меня есть множество целей, которые я превращаю во множество задач. И я их все время вижу перед собой, скажем, от первой до 208-й. Вот у меня сейчас 208 целей в этом движении, и я их все должен реализовать. И больше того, ведь не это мною движет. А я ведь должен доносить свои мысли, да так, чтобы вы еще поняли. Буду стараться донести, буду делать много заходов и много поворотов.

Что вы при этом будете делать — я пока не очень понимаю, пока только начинаю обсуждать этот вопрос. Но говорю: ваше понимание и вообще понимание такой работы очень сложно, и в особенности сложно, поскольку норм и логики нет. И больше того, в рассуждении ведь все переходы произвольны. На то оно и рассуждение. Это — «молевой сплав»: я все время перескакиваю с одного бревна, которое подо мной начинает тонуть, на другое… Я вот начинаю, скажем, работать в верстаке конструирования, сделал там восемь шагов и двигаюсь к своей цели. Вот уперся, конструирование подо мной начинает тонуть, я в блок исследования прыгнул и начинаю работать по его логике. Вы меня спрашиваете: почему в блок исследования? Отвечаю: ближе ко мне был, допрыгнуть могу. И т. д. и т. д. И вы меня теперь спрашиваете: а что я вообще делаю? Я отвечаю: размышляю, рассуждаю, коммуницирую, вроде бы мыслями обмениваюсь. Вот у меня такая странная цель. Не задачки я решаю, а просто общаюсь. Мысли мне разные в голову приходят — я их друзьям рассказываю, а они мне в свою очередь.

И в ходе этих странных движений, этой коммуникации движется весь этот «фронт», представленный здесь. Мы ставим специальную

задачу: как по-новому все это соорганизовать? Как сделать эту работу более эффективной? Опять-таки какую? Коммуникацию и тем самым чистое мышление.

Конечно, мне легче, чем вам. Потому что я ведь свою рефлексию как-то организую, и знаю, чего я там организую и чего я хочу — давно хочу, и двигаюсь в этом направлении. А у вас ситуация сложнее, потому что надо понять, что при этом делается. Поскольку ваши критические вопросы, связанные с нормировкой, впервые задают ход превращения всего этого в мыслительную деятельность и в мысль. Потому что процесс мышления, процесс рассуждения не становится деятельностью, пока мы это во всех блоках не нормировали, не осуществили технологию, не организовали в предметных формах, которые будут двигаться в трансляции. И это все нужно проделать. Но пока ведь этого нет. Я выхожу здесь, руками размахиваю, слова какие-то непонятные говорю. Ни норм, ни правил для этого нет, а еще вы понимайте… А когда кто-то понимает, я говорю, что он понимает неправильно, руками размахиваю и слова произношу…

Итак, с одной стороны, мы можем текст ложно интерпретировать как изображение чего-то и вообще рассматривать понимание как обеспечивающее выход на в*и*дение объекта. Такое понимание тоже есть — это маленький, узкий тип понимания. Он иногда работает, но в очень узких границах. В принципе же, необходимы другие процессы понимания, другая их ориентация.

По моему тезису, основной смысл понимания состоит в обеспечении имитации некоторой деятельности. Поэтому в том, что я делал в прошлый раз, и в том, что я делал сейчас, надо видеть прежде всего деятельность и понимать, следовательно, не слова, а действия, которые мы производим со словами.

Но всю эту картину, казалось бы ясную и прозрачную, меняют рефлексивные включения. Потому что я нечто делаю, а потом выхожу в рефлексивную позицию, посмотрел как бы со стороны и начинаю описывать, что я делаю. Вот такой текст надо половинкой сознания воспринимать как изображение. Но только половинкой, потому что в этот момент я нечто делаю. А потом это делание включаю в следующий процесс рассуждения, следующую его часть, причем на уровне рефлексивно захваченного содержания или же, наоборот, на уровне тех нормирующих «подвесок», к которым потом прикрепляется мое движение, и т. д.

Брянкин: Для чего необходимо распредмечивание?

Основной недостаток современной социокультурной ситуации заключается в том, что предметные формы организации мышления и деятельности, характерные для так называемой науки, исчерпали

свои потенции и не соответствуют сегодняшним задачам практики. Наука как особая форма организации и осуществления мышления умерла. Ее больше нет. Она еще может долго существовать, но это все уже без толку.

Сегодня эти предметные формы организации мышления и деятельности являются основным тормозом на пути человеческого прогресса. Можно было бы сказать так: сегодня наука есть основной тормоз дальнейшего прогресса. Возникает тогда вопрос: можем ли мы перейти к более богатым и мощным формам мышления, которые бы обеспечили ту основную задачу, которая сегодня не решается, а именно: связь этих предметных форм организации мышления, возможность двигаться по всем этим содержаниям, которые они захватили и оформили, двигаться через них, «снимая»[8] эту культуру? Мы сейчас хорошо понимаем, что дальнейшее развитие тех тенденций, которые наметились в XVII веке в развитии мышления и деятельности, ведут к очень жесткому распределению всех по экологическим нишам, превращению этих ниш в непроходимые перегородки. То есть [пространство мышления] начинает распадаться.

И для того, чтобы решить эту задачку, нам нужно прежде всего распредметить мышление, вытащить его из этих узких предметных форм и задать такое пространство мышления, мыслительной работы, которое бы могло проходить через все эти границы и, в частности, связывать предметный тип мышления с практическим, обеспечивать решение современных инженерных, социотехнических задач и т. д. Вот для этого нужно осуществлять распредмечивание мышления.

Но что значит «распредмечивание»? Это опять-таки не разрушение тех предметных форм организации, которые были, а их «снятие». Значит, их нужно, с одной стороны, положить, а с другой стороны, научиться «снимать» все это и в нашем мышлении, в нашем рассуждении двигаться поверх них, сквозь них и т. д. Как первый шаг в этом направлении и задается это пространство рефлексии, а дальше я показываю, по сути дела, конкретно, описывая механизм, как в структурах методологического мышления происходит, с одной стороны, распредмечивание, а с другой стороны, новая организация всего этого, а именно: создание методологической организации, свободно созидающей любые предметы за очень короткое время.

Если воспользоваться образом, то на построение механики ушло 2500 лет, электродинамика строилась 150 лет, структурная химия — 130 лет… А теперь мы подобные задачи должны решать, в принципе, за месяц.

Брянкин: Почему вы меняете статус схемы, а не контексты, типы задач и т. п.?

Мне же надо научиться решать на базе единых средств все и любые задачи. Не какие-то, а все и любые! То есть мне надо создать общую методологию мыслительной деятельности. И мне очень важно подчеркнуть этот момент.

Возьмите самые авангардистские работы по методологии науки и логике в нашей стране или за рубежом… Вот недавно вышла книжка под редакцией Стёпина в Белорусском университете…[9] Собрали туда лучших в нашей стране авторов, написал Стёпин предисловие и объясняет там, для чего нужна методология. И когда я читал это предисловие, то у меня возникла аналогия… Раньше когда-то был лозунг: философия — служанка теологии[10]. И против этой трактовки боролись философы, стремясь эмансипировать философию, сделать ее самостоятельной сферой мышления и деятельности. Вот точно так же сегодня не только ученые, но и методологи твердо убеждены в том, что методология — служанка науки. Для чего нужна методология? Для того, чтобы почистить некоторые средства физики, химии, биологии, еще чего-то… И они никак не могут дойти до понимания того, что методология не служанка науки, методология — это новая, совершенно самостоятельная, особая, тотальная форма организации мышления и деятельности. И поэтому она не служанка науки и не создает для науки некоторые принципы, которые ученые должны использовать, дабы решить свои частные вопросы…

Ильясов: Она это делает тоже.

Она это делает мимоходом, между прочим, и прежде всего, завершая этот процесс уничтожения наук как таковых, научной формы организации мышления. Методология ориентирована на совершенно новую организацию мышления, где бы практическая рефлексия и практическое мышление — организационно-управленческое, собственно инженерное, военное, спортивное и научное среди них, и искусствоведческое, и художественное — какое угодно — могли осуществляться в рамках единого для человечества пространства.

Но если мы дошли до понимания такой задачи, то ясно, что мы уже не можем «танцевать» от тех или иных частных задач и не можем разворачивать методологию как систему метасредств, или рефлективных средств, для решения этой задачи, второй задачи, третьей… Этот путь не токмо что не исключается, но он вообще для методологии решающий. Я всегда был и остаюсь сторонником решения конкретных задач. Но одной из таких конкретных задач на верхнем уровне оказывается задача построения единой,

унифицированной организации пространства мышления. Потому что сегодня (повторяю еще раз) мы живем в популятивном множестве этих замкнутых, непроницаемых друг для друга «монад». Ведь тезис, который сформулировал Давид Гильберт, — «математика — сама себе философия»[11] — был повторен потом каждой наукой. Вы сегодня это можете слышать где угодно.

Ильясов: Ну, это от комплекса неполноценности…

Нет. Если вы к этому будете относиться как к выражению комплекса неполноценности, вы проглядите реальный процесс, который происходит. И это есть ответ на вопрос Сергея Васильевича [Брянкина]. Для того чтобы такого не было, для того чтобы этой стратегии и реальному, с необходимостью осуществляющемуся естественному процессу была противопоставлена какая-то альтернатива, надо решать вопрос единой, тотальной методологической организации пространства мышления.

И, кстати, вы затрагиваете вопрос, который я дальше буду обсуждать. Поскольку то, что я нарисовал как схему пространства организации рефлексии, потом мышления, потом, на базе этого переворачивающейся в формы организации деятельности, — вот эта очень хитрая и интересная штука решает все те задачи, которыми сегодня болеет наше человеческое общество. Она дает возможность задать единые основания для этого мышления, единую топику, где все имеет свое место. Она дает возможность скоординировать и соорганизовать всю мыслительную работу так, чтобы каждый процесс мышления работал на все виды и типы деятельности, на все типы и виды предметов, чтобы достижение, полученное при решении одной задачи, могло беспрепятственно переноситься в другие организованности: предметные, технологические, практические и прочие. Вот для чего это нужно.

Брянкин: Мне кажется, что вы это пространство для того ввели, чтобы с помощью этого пространства можно было проделывать рассуждение. Ваши предметы и машины направлены именно на решение этой задачи.

Забудьте про «мои предметы» и «мои машины»… Я вам в прошлый раз целый час объяснял, что у меня нет предметов и машин.

Я ведь сейчас хочу сломать все предметные перегородки, которыми заполнены ваши головы и ваши сознания. Именно *взломать* эти перегородки. Я специально все это нарисовал, чтобы это проблематизировать. Представив себе это пространство, теперь давайте задавать вопросы назад, а именно: а что такое проектирование — там, на верстаке? что такое онтологическая работа? что такое предметы? Все это должно стать элементами, частями содержания

методологического мышления. Но для этого оно должно быть заново определено. И больше того, тогда мы впервые осмысленно сможем поставить вопрос, что такое проектирование как мыслительная работа, проектирование как деятельность, как сфера деятельности.

В прошлый четверг у нас был интересный обмен репликами с Борисом Васильевичем Сазоновым. Вот современное проектирование — архитектурное, строительное — что это такое? Это что — мышление проектирования, проектировочное мышление или это деятельность? И мы с Борисом Васильевичем сошлись в одном пункте… Он очень красиво сказал: «А ведь проектировочной деятельности сегодня нет». Ее действительно нет. Ее только нужно еще соорганизовать (это уже моя точка зрения).

А как же сегодня осуществляется проектирование? А проектирование сегодня осуществляется в формах мышления, а не деятельности. Почему? Конструирование, скажем, оформилось в деятельность, исследование оформилось в деятельность… Вот мне непонятно, а критика оформилась в деятельность или нет? А онтологическая работа оформилась в деятельность или она оформилась в мышление? Это же есть сегодня основные актуальные вопросы. Если мы хотим развивать дальше нашу деятельность — исследовательскую, нормативную, критическую, — развертывая в ее ходе нормативно-деятельностные предметы, мы же должны знать, как они могут развиваться и как они могут быть скоординированы и соорганизованы со всем остальным. В этом сегодня состоит основной вопрос.

Поэтому надо задать схему целого, определить статус этих образований… А через что мы можем задать статус этих образований? Через мыслительную работу, замкнутую на коммуникацию, то есть через чистое мышление. Вот то, чем мы сегодня владеем, и то, от чего мы должны начинать «танцевать». Мы должны в чистом мышлении разыграть все это, потом реализовать это на уровне мыслительных деятельностей, а потом создавать организационные проекты развития этого как деятельности, скажем, сфер деятельности. Но для этого нам нужна в качестве основного средства эта схема организации пространства.

Брянкин: Не кажется ли вам, что для того, чтобы обсуждать проблематику вашего пространства, предварительно надо сделать «пасьянс» возможных задач, которые могут решаться с помощью этого пространства? Или же обсудить технологию принятия задач этим пространством?

В этом пространстве должны решаться *все* мыслительные задачи. Оно должно быть задано таким образом, чтобы в нем могли

решаться *все* задачи. Когда я употребляю слово «все», все начинают качать головами и говорить: «Как это все? Что это такое? Это всё — предрассудки XVII–XVIII веков — про “все”… с бесконечностью…»

Но обратите внимание на очень смешную штуку… Скажите, пожалуйста, все ли вещи нашего мира помещаются в неэвклидовом пространстве? И вообще, все ли вещи помещаются в пространстве?

Вы-то должны ответить так (обязаны, как человек нашего времени): да, все вещи помещаются в пространстве. А как отвечает на это Фридрих Энгельс? Он говорит: пространство и время есть всеобщее и необходимые формы движения материи[12]. Но это только философская формулировка практики вашего мышления. У вас все вещи пространственно определены, они все помещены вами в пространство. И в этом смысл понятия и категории пространства. И почему-то у вас это не вызывает такого удивления: как, *все* вещи? их же так много! как же они там все помещаются? Ну, так эту задачку давно решили: сказали, что пространство и время бесконечны.

Но обратите внимание, что и выражение «бесконечность пространства», и выражение «все вещи» — *значки*. Не надо пугаться словечка «все»…

Для чего нужно задание такого пространства? Ответ на этот вопрос очень точен, с моей точки зрения, а именно: для того чтобы там могли помещаться все, как говорят англичане, «вещи знания», или все то, про что мы знаем, и все то, о чем мы мыслим. Но как это делается? За счет помещения всех стилей и способов мышления [в это пространство]. И не путайте, пожалуйста, с понятием пространства схему [пространства] на доске. Доска-то, конечно, ограничена. И поэтому я буду все вещи обозначать точками. Опять же, прием, давно решенный как графический прием.

Ильясов: В чем сходство или различие между смысловым мышлением философов, так и не ставшим наукой всех наук, и беспредметным, или распредмеченным, мышлением новейшей методологии?

Я бы не стал работать в терминах «сходства»…

Ильясов: Является ли предтечей смысловое мышление?

Видите ли, основным принципом моего подхода является *исторический подход*…

Было дофилософское, практико-методически организованное знание: шумеро-вавилонская культура, древнеегипетская культура и т. д. Потом появляется философская форма организации мышления и знания, в основе которой лежит метафизика, или онтология. Появляется возможность для осуществления метафизических, или онтологических, режимов работы для понятия «бытия», «истинного бытия», «сущности», «идеального» и т. д. Тем самым закладываются

основания для науки. Появляется наука древних как третья известная нам из истории форма организации мышления — так называемая математическая форма организации. Математика и характеризовала науку древних. Становится возможной форма псевдоизмерения, псевдоисследования вместе с онтологической, метафизической работой. Евдокс, Евклид, Архимед — это все классические образцы этого способа. Тогда же начинают закладываться основания для исторического исследования: Геродот и дальше…

Можно считать, что действительно научное исследование получило свое завершение у Галилея. Забыл особую форму: это религиозно-теологическая организация мышления — где-то там, в Средние века… Потом опять философия отделяется, создается уже новая форма организации, отличная от древнегреческой, а именно — философская форма. И в этом плане трудно сказать, кем был Галилей: философом, методологом или ученым. Скорее всего, методологом. Именно поэтому он сумел создать науки как таковые. В этот момент появляется философско-методологическая форма. Хотя какие-то ее истоки были и раньше… Потому что это всегда делается за счет распредмечивания сначала и создания новой формы организации — предметной или какой-то другой — всех уже накопленных знаний. Потом внутри философско-методологического мышления выделяется, внутренне обособляется, окукливается научная форма организации, крах которой мы сейчас наблюдаем. Параллельно идет [становление] того, что называют «гуманитарными науками». Эту линию надо прослеживать особо, она у нас меньше всего известна и понятна.

Принципиальный поворот, который сейчас происходит, состоит в том, что впервые, насколько мне известно, ставится задача для создания того или иного пространства мышления. Раньше все это воспринималось как объектно-интерпретированные, онтологические пространства: пространство сразу онтологизировалось — будь то в геометрии древних, будь то в аристотелевских текстах, — каждый раз происходила онтологизация этого пространства. Здесь впервые ставится задача о синтезе форм мышления и деятельности, о создании особых средств синтеза мышления, о задании пространства процессов рефлексии, мышления и т. д., которое не может онтологизироваться натурально. На мой взгляд, именно в этом состоит особенность новой постановки вопроса. И она не может редуцироваться к предшествующим. В этом смысле она принципиально новая. Мы к этому выходим так же, как в свое время геометры и физики…

Ведь что они сделали? Они обсуждали те или иные поля, если это были землемеры, смотрели на отдельные вещи. Предметами их

работы были вещи. А дальше они приходят к совершенно новой вещи — пространству. За счет чего, за счет какой работы это получилось — это особый разговор. Но у Евклида еще нет понятия о площади треугольника. Он уже вычисляет площадь, но понятия площади у него нет. Нужно понять, когда появляется демокритово пространство, евклидово пространство… Наверное, только в позднее Средневековье: это рефлексия по поводу геометрии древних. Но вот складывается, появляется пространство, и мы переходим к принципиально новым, не-предметным формам организации мышления. Хотя они потом опять предметизируются…

Так же и здесь: мы должны задать пространство рефлексии…

Ильясов: Чистое мышление — это распредмеченное мышление?

Чистое мышление — это мышление, замыкающееся на тексте коммуникации, ориентированное на коммуникацию как таковую.

— Не считаете ли вы, что понять — это значит согласиться с вами?

Нет. Понять — это значит *не* согласиться со мной и указать мне на мои ошибки. А если вы скажете, что вы думаете иначе, то это не будут мои ошибки. Чтобы указать мне на мои ошибки, надо войти в эту систему, начать работать ее методами и указать мне на мои ошибки.

— Но это же универсальная схема.

Я строю эту схему как универсальную, как схему организации универсального пространства. Но это не значит, что я рассуждаю правильно, не делаю ошибок, ложных ходов на этой схеме и при решении этой задачи. Сколько угодно…

— С вашей точки зрения, текст обладает предметностью?

Я вообще этого не понимаю… Могут быть, например, тексты, выражающие предметное мышление. Вот современные тексты физиков — это тексты, выражающие предметную организацию, предельно жесткую…

Ильясов: Есть области знания, которые еще не стали предметными, научными по типу естествознания?

Сколько угодно.

Ильясов: Задача превращения их в таковые при такой постановке методологической сверхзадачи не снимается?

Либо снимается, либо нет. Она не становится обязательной целью. И мы приобретаем свободу. Мы можем сделать все, что хотим, — за три недели оформить, скажем, лесоведение в научный предмет…

Ильясов: Меня интересует человековедение.

Человековедение очень сложно, потому что там таких предметов, которые обожает физика или лесоведение, не может быть.

Ильясов: Там нормативно-деятельностные предметы?

Я думаю, что с нормативно-деятельностными предметами мы через годика 3–4 решим вопрос. А тогда мы человековедение сможем построить в три недели. Если нужно. А если не нужно — распредметим его.

Тюков: Если мышление идет внутри коммуникации и замыкается на ней, то оно имеет одну-единственную цель — передать мысль. Или же все-таки, когда вы говорите «передать мысль», имеется множество осуществляемых здесь целей?

Мне непонятно, почему возникает ваш вопрос, но обратите внимание, что я при этом произвел одну проблематизацию, которую вы опустили… Я задал вам вопрос: а можно ли говорить о целях мышления?..

Тюков: Я не говорил о целях мышления. Я спрашивал о целях коммуникации.

А можно ли говорить о целях коммуникации? С моей точки зрения, это — незаконные ходы: бессмысленно говорить о целях коммуникации…

Тюков: «Ради коммуникации, — говорите вы, — совершается чистое мышление». Теперь я говорю: в коммуникации находится соответствующий позиционер, который осуществляет части, моменты всего этого чистого мышления…

С точки зрения этого представления ничего этого нельзя говорить. На уровне понятия утверждается одна простая вещь: необходимо различать чистое мышление — то, которое выражается в тексте коммуникации, замыкается этим текстом коммуникации и не преследует никаких практических целей и задач, не включено в контекст деятельности.

Теперь что вы делаете? Вы берете коммуникацию, заданную здесь как признак и критерий, полагаете ее в действительность, предметизуете и говорите: да, предположим, совершается коммуникация… Вот вы что-то докладываете, другие вас слушают — что при этом происходит? А я ведь этот вопрос не обсуждал.

Тюков: Коммуникация у вас определена через чистое мышление…

Нет, коммуникация у меня не определена через чистое мышление. Мне мышление [определить] надо было, а не коммуникацию.

Тюков: А когда вы задаете коммуникацию…

Минуточку. Я не задаю коммуникацию…

Вот, Сергей Васильевич, вам демонстрация того, что сегодня происходит повсеместно.

Брянкин: Я все понял.

Повсеместно происходят вот такие безобразия. И эта схема методологического мышления, или схема организации пространства,

имеет целью прекратить все это коммуникативное безобразие, а именно: научить их мыслить как-то… Дальше работать в системе сложившихся, существующих средств уже нельзя, ничего больше получить нельзя.

Что я обсуждаю? В процессе моего рассуждения у меня был шаг задания понятий: вот точка в рефлексии — вне этих верстаков, предметов и т. д. И теперь для того, чтобы поставить вопрос о коммуникации, то есть осуществить простое оборачивание, я говорю, скажем, что есть A_1 — это чистое мышление, есть A_2 — это мышление, организованное в той или иной системе деятельности, и между ними задается различие. Как задается? Я ведь говорю про какой-то признак… Вот какой-то признак α_1 — «замыкается на коммуникации». Вот есть какой-то признак другой — α_2 (см. рис. 6).

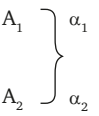


Рис. 6

Так вот, признак этот не может предметизоваться…

Тюков: Я ведь хочу понять вас. А это означает, что я как минимум должен себе представить ваш признак, организовать свое пространство образцов для понимания вас относительно признака коммуникации.

Нет и нет. Ибо подобные шаги мышлением и его законами запрещены.

Тюков: Я говорю о понимании.

И пониманием запрещены.

Тюков: Итак, когда вы мне говорите, что чистое мышление дано через различение коммуникационной и деятельностной ориентации, это означает, что в данном случае употребление «коммуникации» не понятийно…

Нет, Анатолий Александрович. Что я говорю и на чем я настаиваю, когда я говорю, что понимать надо, что *делается*, а не что *говорится*?

Понимание — мыслительное понимание, подлинное понимание — предполагает ориентацию на *то, что делается*, а не на денотаты того, что сказано. Что значит понять то, что я сказал? Это значит себе зафиксировать следующую схемочку: вот тут были введены различия каких-то (не знаю каких) признаков α_1 и α_2 для противопоставления друг другу двух форм организации и процессуального осуществления мышления. Первое было названо чистым мышлением, второе

было названо мышлением, ориентированным на деятельность. Что такое коммуникация — я не знаю и знать не должен. Ибо, если я здесь буду задавать вопрос «что такое коммуникация?», я вылетаю из «трамвая» мышление.

Тюков: Второй вопрос: понимание, по-вашему, — это организация моей деятельности с точки зрения привлечения средств и образцов для повторения и в этом смысле воспроизводства вашей деятельности?

Не надо «средств»: образца, который должен быть повторен, или воспроизведен.

Тюков: Предположим, что мои образцы воспроизводства вашей деятельности настолько…

Не понимаю, что значит «образцы воспроизводства моей деятельности»… Моя деятельность есть образец, а вы, если хотите, ее воспроизведите. В данном случае я осуществляю определенную деятельность. Она есть образец. Если вы хотите ее понять, вы должны ее имитировать.

Тюков: Тогда это означает, что никакого рода ошибок заметить у вас при понимании я практически не могу. Потому что я воспроизвожу вашу деятельность в качестве образца, со всеми ее ошибками, со всеми ее содержаниями и т. д. Осуществить понимание — это значит полностью осуществить вашу деятельность, и не больше.

У меня, например, здесь другая ситуация. Вы слишком заузили… Правда, это определилось вашим представлением о коммуникации. Понимание может оказаться гораздо более широким по средствам: мои средства и образцы понимания вашей деятельности могут оказаться мощнее. И я таким образом могу вашу деятельность воспроизвести, а за счет того, что мои образцы шире и полнее, ваша деятельность воспроизводится с вашими ошибками, я на них тогда могу указывать. Более того, я даже могу еще большую сделать работу: я могу выделять ваши мотивации, личные моменты, и все это отделять от мышления, могу вашу деятельность перерассчитывать на разные слои. Это будет входить в понимание?

В первой части вы были правы. Я действительно должен был отвечать вам: да, понять — это значит суметь воспроизвести [мою деятельность] со всеми ошибками.

Вторая часть ваших замечаний. Я не могу согласиться с тем, что вы дальше развертываете как «понимание» в том плане, что сами понимания точно так же могут быть разными.

Например, мы можем, сидя здесь, понимать, что я делал и говорил. А можем понимать ситуацию, которая складывалась: например, Ислам Имранович [Ильясов] возражает, Брянкин возражает, вы мне

возражаете, задают вопросы, причем с какой-то подоплекой… Значит, понимать происходящее в нашей коммуникации — это иное, нежели понимать то, что я говорил и делал. Значит, здесь необходимо еще разделять содержания понимания.

Второй очень важный момент. Ведь это все есть идеальные объекты, абстракции. Мы говорим «мы понимаем» и задаем такую норму — как бы чистого понимания. А кто из нас когда *только* понимает? Мы параллельно понимаем, критикуем, мыслим и т. д. Поэтому то, что вы мне сказали, я бы трактовал соответственно той схеме, которую я рисовал, таким образом: что вы осуществляете параллельно со мной очень сложный мыслительный процесс и внутри этого мыслительного процесса есть часть, в которой вы понимаете то, что я делаю и говорю. Другая совершенно процедура — в другой предметной организации, с другим содержанием: вы понимаете развертывающуюся ситуацию, наше коллективное мышление, коммуникацию и дискуссию. Мало того, вы еще проделываете дополнительную мыслительную работу, привлекая широкий контекст других докладов, опубликованных работ, дискуссий за 10 лет, в которых вы участвовали, вспоминаете, что и как там было, какие были ходы, производите критику, исследование, параллельное конструирование и т. д. И, на мой-то взгляд, не надо путать понимание с мышлением и не надо включать в понимание то, что, с моей точки зрения, принадлежит более сложному целому — вот этой рефлексивной или мыслительной методологической работе.

Тюков: Но как минимум понимание не ограничивается осуществлением или (в этом смысле) воспроизводством вашей деятельности.

Безусловно, нет. У вас может быть много разных пониманий.

Но обратите внимание: я ведь отвечал не на вопрос «что такое понимание вообще?». Я давал это понятие для того, чтобы объяснить, что значит понимать мою деятельность. Если вы ставите задачу понимать происходящее здесь — вы имитируете и то и другое. И тогда происходит так, как вы сейчас это сделали: вы имитировали мой доклад, вопрос, который задавал другой участник, мой ответ на него — вы все это имитировали, причем на базе других средств, и, следовательно, у вас была имитация этого с расхождением, с необходимостью сопоставления, и вы поняли, что сказал я, вы поняли мою ошибку. Как это возможно? За счет фиксации более широкого контекста и т. д.

Анисимов: Понять ошибку невозможно. Вводятся дополнительные процессы.

Я про то и говорю. Это результат взаимодействия многих процессов. Об одном чистом процессе я говорил. Но как только мы

включаем, скажем, не одно понимание, а два, три по-разному предметно ориентированных понимания, — у нас другой результат.

Тюков: Но они же все мои понимания.

Конечно. Но они не ваше *понимание*, а они все ваши *разные понимания* и рефлексия ваших пониманий.

Как это надо тогда изображать? У вас будут здесь, скажем, верстаки понимания, у вас будут предметные ситуации, и я бы рискнул сказать: обязательно должно быть исследование и критика. А иначе ничего не получится.

Тюков: Когда вы говорите о коммуникации как о признаке различения чистого мышления от практически ориентированного, вы пользуетесь определением коммуникации, данным в соответствующей работе?

Нет, ничем я не пользуюсь. Поскольку я мыслю, постольку мне это не надо.

Малиновский: Как бы вы характеризовали то, что вы там нарисовали (см. рис. 6), — $\boldsymbol{A}_1$, $\boldsymbol{A}_2$, α_1, α_2? Это мышление? Мыслительная деятельность?

Нет. Содержание моей операции.

Это очень интересный вопрос. Его частично затронул Сергей Васильевич [Брянкин]… «И хотелось бы дальше получить ответ на вопрос: вы когда говорите “проектирование”, “исследование”, — вы о чем, собственно, говорите, как вы их представляете?»

Нам дальше надо обсуждать выработанные человеческой культурой формы представления операций… Что такое *операция*? Нельзя думать, что операция осуществляется в мышлении. Операция — это особая форма представления мышления. В мышлении никаких операций не осуществляется. Если вы знаете, что вы должны осуществлять эти операции, вы их мыслите: вы мыслите, что вы осуществляете эти операции. Но вы можете мыслить как бы в квазиобъектных, онтологических формах, а именно: вы рисуете схему силлогизма или любую логическую форму и задаете объектные сопоставления, еще что-то… Что это такое? Вы представили содержание вашей мысли, но в квазионтологических формах. Они переводятся в план операций.

Например, с таким же успехом можно сказать, это есть категориальная или понятийная оппозиция, что это есть процедура, или операция, различения, или, как говорит Олег Анисимов, это мышление чистого абстрактного различия или бытия чистого абстрактного различия. В зависимости от той или иной философской концепции вы будете рефлексивно так или иначе все это представлять.

И я задал одну из этих форм, нарисовал и сказал: обратите внимание, что я делаю, — *различаю*. А вы тут начинаете такой огород городить и обсуждать вопрос: а что есть коммуникация? Нельзя, говорю я, этого делать. Это за пределами мысли. Это уже ассоциативное восприятие, неорганизованный поток сознания.

Малиновский: Анатолий Александрович [Тюков] не понял вашего противопоставления. И вы задали его каким-то другим способом.

Я подвел его под стандартный пример этой мысли, под его как бы операциональное представление, обращаясь, соответственно, к инвентаризационным логическим таблицам, и говорю: Анатолий Александрович, то, о чем вы говорите, это же оттуда — из той таблички. Вот что я делал.

Малиновский: Это было представление…

Представление, ориентированное на стандарты и образцы логизированного мышления. Я воспроизвел эту логическую единицу. Если вы хотите понять, что я делал, ее надо рассматривать как воспроизведение логической единицы.

А вы мне начинаете задавать вопросы: а что такое коммуникация? Какое это имеет отношение к делу? Ведь не важно, истинно я это совершил или ложно, получил правильный продукт или неправильный. Важно, что я совершил эту операцию. И чтобы понять, надо только это знать. А чтобы критиковать, вам надо сложнейший огород городить и доказывать, что я был неправ и т. д. Это целая докторская диссертация…

Малиновский: Вы задали деятельностное представление вашей мысли?

Да, и сказал, что если вы хотите понять, то должны понять, что я здесь делал это.

Малиновский: А тот текст, которым вы сопровождали… это что было? Мышление?

Это очень красивый вопрос. Я с него начну в следующий раз.

Потому что фактически я теперь должен спросить: я тут много чего наговорил, а что это было такое? Что я делал-то вообще? Вы меня спрашиваете: что это такое? А я вас спрашиваю: а что я должен сделать, чтобы на ваш вопрос ответить? Как вообще отвечать на подобные вопросы? Что делать-то надо, чтобы на них можно было ответить? И т. д.

Ильясов: Как отличить текст коммуникации от других?

Если бы я знал! Этот вопрос был поставлен Владимиром Лефевром в 1964 году. Была очень интересная дискуссия на тему: как отличать тексты коммуникации от других — скажем, от текстов трансляции. Было высказано много интересных мыслей; ни одна из них не выдерживала критики. Пока что нет ответа.

Ильясов: Но тогда нельзя отличить одного мышления от другого.

Конечно нельзя. Но, обратите внимание, по понятию или по реальности? По реальности вообще чистого мышления не существует. А по понятию — я же различил.

Ильясов: Как? Вы сказали: то, что замкнуто на коммуникацию, — чистое…

Обратите внимание, что не измеряемый параметрически знак все равно существует как таковой. И когда Норберт Винер в своем уравнении записывает какой-то член, который не может быть измерен…

Ильясов: Но понятия-то за этим не измеряемым параметрически знаком нет.

Есть.

Ильясов: Нет. Там есть определение одного неизвестного через другое.

Нет. Это при вычислениях. А он задает через понятия очень четко.

И точно так же я говорю… Очень просто… Вам понадобится понятие коммуникации в деятельности при операциональном осуществлении этой процедуры? Пожалуйста, вы решите эту проблему, и вы его получите. Оттого что я сейчас не имею процедуры и т. д., это же не значит, что я не могу мыслить это. Оттого что вы не можете достичь бесконечности за счет актуальных шагов, это не лишает меня права мыслить бесконечность.

4. [Смысл методологической работы. Проблематизация основных методологических понятий]

Итак, я задал схему, организующую *пространство методологической работы* (см. рис. 4), и все наше прошлое заседание было посвящено тому, чтобы различить и зафиксировать два принципиально разных способа работы с этой схемой: один, который я называл «чистым мышлением»; второй — по оппозиции — может быть назван «мышлением в контексте деятельности», или мышлением, посвященным решению практических, деятельностных задач.

Анатолий Александрович [Тюков] в прошлый раз пытался помочь нашей коммуникации и задавал вопросы, провоцируя меня на то, чтобы я определил эти два понятия: понятия чистого мышления и мышления, включенного в деятельность. Ибо казалось (и, наверное, это в какой-то мере основательно), что без таких понятий трудно

понимать, трудно рассуждать и т. д. А я все время отказывался эти различения давать и сейчас хотел бы буквально за две минуты пояснить сам этот прием и основания для него.

Это ведь сциентистская иллюзия, что общение, мышление, деятельность требуют жестких определений понятий. Наоборот, все подобные образования лишь создают иллюзию общения, коммуникации, мышления, деятельности и т. д. На самом деле люди вроде бы перенимают все это по образцам деятельности, по живому общению, по процессу понимания того, что происходит, в объектном, операциональном планах и т. д. Именно это образует ядро и мышления, и понимания, и общения, а отнюдь не определения понятий.

Я все время демонстрировал, стремился показать два типа работы: 1) чистое мышление, 2) мышление, включенное в деятельность. И такого рода демонстрации фактически всегда и лежат в основании… За счет этого мы можем передавать очень сложные, многосторонние, многоаспектные образования. А то, что они являются многоосмысленными, многоплановыми, — так это же вообще не проблема.

Это только формалистские концепции ввели в нашу практику представления, что слова должны быть однозначными. Односмысленная речь и так называемое односмысленное мышление — это вообще не речь и не мышление. Сами математики, чем больше они говорят о формализации, операционализации, тем меньше они это реально делают. Потому что делать этого нельзя практически. Но это распространенные, бытовые иллюзии, которые очень мешают нашей работе, часто включаются в коммуникацию и определяют псевдотребования к ее организации. Но это замечание — в сторону.

Прежде чем я двинусь дальше, мне нужно сделать еще одно замечание по основной линии. В самом конце прошлого заседания, отвечая на вопросы и замечания Сергея Васильевича Брянкина, я стал обсуждать *смысл и назначение методологии и методологической работы*. Я хочу еще раз напомнить основной тезис, который я тогда формулировал… До сих пор подавляющее большинство гносеологов, эпистемологов, методологов, даже те, кто занимается методологией профессионально и только ей, по-прежнему считают, пишут, говорят, что методология есть служанка науки и существует и предназначена для того, чтобы обслуживать какие-то там запросы науки, давать ей средства, уточнять ее понятия и т. д. В противоположность этому я считаю, что методология и методологическое мышление не есть служанка науки, а есть самоценность, особая форма организации мышления и деятельности,

приходящая на смену другим — весьма ограниченным — формам организации мышления и деятельности.

И из этого крайне важного и принципиального тезиса вытекает масса уже более конкретных определений методологического мышления, задач самой методологии. В частности, из этого вытекает, что мы не можем и не должны рассматривать методологическое мышление и методологическую работу с точки зрения ее продуктивных выходов. Это представление о продуктивности является следствием «служаночной» трактовки методологии.

Например, мы спрашиваем: а какую пользу приносит наука? И отвечаем обычно: она создает определенный продукт, который нужен, например, для производства, и в той мере, в какой наука обслуживает производство, она оправдывает свое существование. Точно так же методология создает определенные продукты, которые нужны науке, практике, организации и управлению и т. д., и поэтому ее существование оправданно, и поэтому мы можем допустить ее, даже тратить на нее какие-то деньги и вообще что-то делать.

А что, если мы теперь начнем применять эту стратегию ко всем другим сферам мышления и деятельности? Например, мы можем спросить: а зачем нужно производство? Мы же сейчас знаем, что сложнейшие, большие цивилизации вообще обходились без этого и очень хорошо развивались. Зачем нужна организация и управление? И будем говорить: организация и управление нужны нам, потому что они что-то обслуживают… Мы приходим к такому странному замыканию: выясняется, что все друг друга обслуживают, все друг на друга работают… Но, наверное, не в этом смысл оправдания. Дело в том, что все они существуют и все они развиваются безотносительно к тому, как они обслуживают и почему обслуживают.

Продуктивный подход есть следствие такой плоской развертки сложнейших, взаимозамкнутых систем развивающихся деятельности и мышления в псевдолинейные пары. То есть, когда мы производим такое рассечение универсума нашей деятельности и мышления и раскладываем в парно связанные сферы, тогда мы можем говорить, что левое задается тем, что оно задает определенный продукт правого. Мы пользуемся понятием продукта и раскладываем все это на линейные структуры продуктивного обеспечения.

Я не хочу сказать, что этот прием в принципе неверен, что им не надо пользоваться. Надо. Но надо очень четко понимать его назначение и смысл. Он не характеризует подлинности объекта. Он есть лишь наш прием организации и как таковой имеет право на существование. Но его ни в коем случае нельзя универсализировать. И поэтому я говорю, что если мы становимся на точку зрения некоторой

универсальной, тотальной организации мышления и деятельности, то мы должны в принципе отказаться от идеи продуктивной оценки, или оценки этой сферы по продукту.

Мы в противоположность этому должны говорить о том, что методологическая работа сама себя организует, и должны рассматривать формы ее *самоорганизации*. И такой подход является имманентным для любой сферы деятельности и мышления. Не надо спрашивать, кого обслуживает методология. Надо спрашивать, каковы формы организации, характерные для методологии и методологического мышления. Соответственно, каковы формы организации, характерные, скажем, для научного мышления, или для практико-методического мышления, или для инженерного мышления и деятельности.

И тогда мы получаем множество разных форм организации, которые в какой-то мере сменяют друг друга исторически; мы можем периодизировать историю человечества в каком-то отношении к этим типам и видам организации мышления и деятельности. В какой-то мере они могли существовать и существовали параллельно друг другу, взаимодополняя друг друга и т. д. Следовательно, шло несколько разных параллельных потоков организации, и они часто пересекались. Следовательно, были смешанные организации, были достаточно чистые и т. д.

Но как только мы становимся на такую позицию — что есть определенная форма организации методологического мышления и деятельности — и задаем себе вопрос, в чем же состоят наши цели и задачи, то ответ будет совершенно однозначным: в том, чтобы развивать и совершенствовать эти формы. И только в этом. И, по сути дела, никакой другой цели и задачи вообще не может быть.

Поэтому, если мне задают вопросы, для чего создается эта схема (см. рис. 4), я отвечаю: для *самоорганизации*. Я таким образом хочу организовать мое собственное мышление, мою собственную деятельность или — методологическое мышление и методологическую деятельность. И я никому эту форму передавать не хочу. У меня нет такой задачи. Поскольку у меня вообще нет задачи кого-то, кроме самого себя, обслуживать. Я действую по принципу, что спасение утопающих — дело рук самих утопающих.

Теперь давайте продолжим эту линию дальше. Но тогда и все дальнейшее, что будет создаваться на базе этой схемы, тоже есть лишь средство самоорганизации, или средство самоорганизации *этого самого* методологического мышления и *этой самой* методологической деятельности.

Тут возникает сразу два вопроса… Дает ли это что-то другим? Да, конечно. Но только в той мере, в какой они хотят реализовать

методологическое мышление и методологическую деятельность. Поэтому здесь нельзя говорить «для меня». Надо говорить: для этой деятельности, для этого мышления и для всех тех, кто будет его осуществлять. А так как по идее его должны осуществлять все и со временем так оно и будет, то, следовательно, и для всех. Но только не потому, что они занимаются наукой, инженерией, организацией, управлением и т. д., а потому, что они будут, решая все эти практические задачи, мыслить методологически. Вот поскольку и для всех остальных. Но только в рамках методологии.

И второе замечание. Может показаться, что, принимая такую установку самоорганизации, я перехожу на позиции субъективные и даже психологические, что это — отступление перед психологизмом. Ничего подобного. Создавая эти формы самоорганизации, или организации своего мышления и своей деятельности, я все время ориентируюсь на понятие *правильного* мышления и *правильной* деятельности. Если бы не было этой второй задачи — правильно мыслить, эффективно мыслить, то не нужно было бы ничего организовывать. Поэтому сама эта схема, как и все дальнейшее, что здесь случается, создается не в силу того, что это мое, его или вообще чье-то личное, а оно создается с установкой на создание *правильных форм*. И эта установка сразу же выводит нас за рамки субъективизма и психологизма и задает совершенно объективные критерии.

Я сейчас не обсуждаю очень тонкие и важные вопросы о том, чем определяется эта правильность. Там есть масса факторов, которые ее определяют, причем факторов совершенно разнородных… Например, использование всего того арсенала средств и методов, которые наработаны к данному историческому срезу. Мы можем так определять правильность мышления: что правильным является только то мышление, которое учитывает все разнообразие средств и методов. Скажем, принцип синтетичности кладется в основание идеи правильности. Мы можем определять правильность данных средств и форм организации мышления в той мере, в какой они, скажем, снимают оппозицию деятельной ситуации и данной действующей системы, то есть вписывают ее в общесоциальную и социокультурную организации. Например: я действую правильно, если мои действия интерсубъективны, то есть принимаются этим сообществом и группой и ими каким-то образом стандартизуются и оправдываются. Я могу, например, брать естественно-научные принципы правильности, например: в какой мере моя деятельность учитывает материал, на котором она развертывается, и естественную жизнь этого материала, в какой мере, скажем, моя деятельность отражает жизнь этого материала, его законы, или в какой мере наша деятельность

отражает жизнь этого материала, его законы, или в какой мере наша деятельность и наши технологии, порождаемые деятельностью, вписываются в жизнь этого материала. Каждый раз будет меняться понятие правильности. Если Мичурин считал, что «нельзя ждать милостей от природы, а надо брать их у нее», то мы считаем, что это было совсем неправильно, что нам нужны другие принципы правильности, а именно: воспроизводство самой природы, к примеру, за счет наших технологий.

Таким образом, здесь может по-разному определяться понятие правильности. Мне сейчас не важны все эти варианты. Наверное, это понятие точно так же должно задаваться синтетически и брать весь набор этих моментов и учитывать их все. Мне важно только заметить, что разработка этих средств и схем организации идет в соответствии с принципом правильности, следовательно, выходит за рамки и субъективизма, и психологистической трактовки.

И следующий пункт, который точно так же очень важен… Тогда у меня получаются цели и задачи двух типов… Я в одном случае могу решать какие-то, в принципе — любые практические задачи, возникающие в любой сфере деятельности, при любой ее организации. Например, практические, инженерные, организационно-управленческие и т. д. Никакой разницы нет, *какую* проблему решать, важно, *как* ее решать. А решать ее каждый раз надо *методологически*. Не важно, где она ставится: идет ли речь об организации ЖЭКа, или спортивной команды на заводе, или группы, проводящей научные исследования. Ведь в принципе-то по отношению к Духу никакой разницы между ними нет. Нет «низких» и «высоких» деятельностей. Деятельность дворника или сапожника столь же значима, как и деятельность ученого. Может быть, даже более значима. Важно только все это рассматривать в методологическом контексте и, решая каждую практическую задачу, через нее как через форму развивать формы организации методологии, методологического мышления, методологической деятельности. Это будет одна группа, класс целей и задач. А другой класс задач может быть поставлен в обобщенном виде, а именно: развивать сами средства, методы и формы организации методологии. И тогда предмет работы задается не частными практическими задачами, а фактически так нарисованной схемой пространства всего методологического мышления (см. рис. 4), и все задачи ставятся относительно этого пространства как целого.

И легко увидеть, что при такой трактовке двух типов целей и задач я могу воспользоваться старым, традиционным различением *практического* и *теоретического*. Я, например, могу считать, что все задачи первого класса являются практическими для методологии,

а задачи второго класса (точнее, одна задача) является теоретической в собственном смысле слова. И тогда у нас точно так же, как это было раньше, при других формах организации, будет работать эта оппозиция практического и теоретического. Практические задачи будут некоторым поводом и материалом для развития форм организации методологии, но подлинная-то цель будет всегда одной: что бы мы ни делали, мы каждый раз должны развивать методологию, методологическое мышление, конструируя, проектируя, разворачивая ее средства и методы, те или иные ее организованности. И это тогда будет организм, который постепенно растет, формируя внутри себя все необходимые функции, подразделения, и охватывает, ассимилирует весь материал человеческой деятельности и человеческого мышления.

Какой является задача, которую мы сейчас обсуждаем? Итак, перед нами есть задача построения теории мышления. Она для меня в данном случае является практической задачей. Но эта же задача — построения теории мышления — проецируется в план методологии, в пространство методологической рефлексии, методологического мышления. И когда я осуществляю такое проецирование, то я могу эту практическую задачу решать теоретически, переводя ее, соответственно, в форму вопроса: как я должен развить, трансформировать и по-новому соорганизовать пространство методологической рефлексии и методологического мышления, чтобы иметь возможность построить теорию мышления?

И нетрудно увидеть, что практически все задачи имеют такой двойной план: практический и теоретический. Кроме чисто теоретически поставленной этой одной задачи: как можно развивать? Но обратите внимание, что особенность методологического мышления, именно как методологического, а не научно-теоретического, — в его двуслойности. И поэтому я прихожу к утверждению, что даже если мы начинаем с теоретической работы и чисто теоретической постановки вопроса, то все равно я должен найти те или иные практические модели, на материале и примерах которых я и буду развивать формы организации методологического мышления и методологической деятельности.

Итак, я заканчиваю эту заметочку… Все, что будет делаться в дальнейшем, имеет практически одну цель: развитие форм методологической деятельности. Практические задачи, возникающие в других сферах и областях деятельности и мышления, являются лишь поводом, они должны решаться каждый раз методологически, но они необходимы, ибо, как мы сейчас прекрасно понимаем, направление развития методологии безгранично, как вообще человеческие мысль и деятельность. И поэтому они должны быть соорганизованы

соответственно зонам ближайшего развития или вообще зонам возможного развития — так, чтобы это все не разрывалось и сохранялась некоторая цельность. И в этом плане практические задачи часто служат таким естественным ограничителем. Вот и все. Но никакого принципиального различия между ними нет и быть не может.

Брянкин: Отдельные практические задачи должны приводить к фрагментарности методологии.

Это неправильно. И вот почему…

Тут очень важна онтология, которую вы приняли. Я думаю, что тут надо воспользоваться той моделью, которую развивал Тейяр де Шарден[13]. Это модель лучевой организации.

Представьте себе, что у вас есть ограниченные ресурсы, которые вытекают из определенной точки, источника. Чем дальше будет идти движение, тем оно будет идти медленнее… Тейяр де Шарден говорил, что человечество давным-давно встало на принципиально иной путь: оно реализует не все возможности, а оно секторно, или лучевым образом, организует свое движение. Эта линия выбрана совершенно случайно. И отсюда возникает важная значимость искусственного фактора.

Наша история есть *искусственно-естественная* история. И поэтому когда я сейчас говорю, что решать надо методологические задачи, заданные развитием методологического мышления, что это есть сегодня историческая задача, то тем самым я кардинальным образом меняю понятие *практики*. Ведь фактически наши с вами расхождения определяются тем, что я пользуюсь этой моделью, а вы — нет.

Вы ведь мне задаете такой вопрос: если возникает некоторая практическая задача, лежащая за границами этой линии развития, то нужно ее решать или нет? Нет, не нужно, говорю я, потому что это уже незначимая задача. Она вроде бы практическая, но только ее решать не нужно. Надо определенным образом сузить все усилия для того, чтобы ускорить развитие. Эта линия развития сегодня для человечества состоит в том, чтобы разрабатывать методологию, методологическое мышление.

И я бы еще добавил здесь к тому, что я говорил… Если мы убираем продуктивную позицию, то единственным критерием для социокультурного развития становится производительность труда и эффективность. Развиваться надо так, чтобы непрерывно росла производительность труда и эффективность. А вы меня спрашиваете: канавы надо рыть или нет?

Но если все это так, то при чем здесь теория мышления? И почему, собственно, надо говорить про теорию мышления, обсуждать это? А может быть, надо обсуждать совершенно другое?

Основная задача состоит не в том, чтобы обсуждать, как построить теорию мышления… Прежде всего [надо обсуждать] формы, способы фиксации методологического мышления и деятельности, разнообразные формы и способы в культуре и их передачу следующим поколениям.

Как тогда ставится задача? Первое: на каждой задаче надо развить, развернуть, построить определенные способы, средства, образцы методологического мышления и деятельности. Но этого мало. Поскольку эта работа синтагматическая, креативная, а важно еще обеспечить передачу этого из поколения в поколение. И, следовательно, если мы здесь, в схеме этого пространства, начинаем разворачивать разные формы, то ведь потом они должны превратиться в набор различных культурно фиксированных форм, может быть, с модификациями, может быть — без. А потом это должно быть передано следующим поколениям. То есть все это должно быть 1) так оформлено и 2) так социально организовано, чтобы это могло непрерывно воспроизводиться. И тогда основной-то вопрос и состоит в том, что же это за формы. Если мы будем считать, что здесь и разворачивается креативная работа, и как-то дальше будем обсуждать вопрос о конкретных структурах организации, то дальше это все должно быть зафиксировано в соответствующих культурных образцах.

И когда мы ставим вопрос таким образом, то первое, что мы говорим: не теории обеспечивают воспроизводство, а именно эти образцы. А какую роль играют теории вообще и теория мышления в частности — это совершенно неясно.

Второй пункт. После того как эти образцы собраны и закреплены… Задача ведь состоит не в том, чтобы *теоретически* описывать мышление, а в том, чтобы обеспечить передачу *живого* мышления. А это осуществляется в первую очередь не за счет теории и теоретического описания, а совершенно в других формах — в виде набора определенных учебных предметов. Хотя… Учебные предметы будут третьей формой. А здесь должны быть особым образом зафиксированы как-то отдельные средства, методы, принципы, правила, логики, наборы понятий и т. д. Фактически это различные формы фиксации содержания трансляции. И, значит, кроме того, должна быть определенная идеология, оформляющая все это, — *идеология методологии*. И только где-то здесь, на уровне пункта «е», после истории, появляется то, что может быть названо научно-теоретическими формами фиксации мышления.

И, наконец, очень важный пункт — это социальные, социокультурные формы организации. Это, скажем, то, чем является этот наш семинар или другие типы семинаров с определенными типами

общения, дискуссий, с определенной организацией коллективного рефлексивного мышления. Это то, о чем я здесь полтора года назад весьма подробно рассказывал*.

И (третий пункт) все это должно быть еще особым образом собрано там, где задаются учебные ситуации и формы передачи всего этого.

По сути дела, я сейчас обсуждаю вопрос, что такое *реализация* методологического мышления и его внедрение в различные формы. При этом я фактически должен ставить двойной вопрос об организации трансляции. С одной стороны, на каналах другой трансляции — скажем, научной, исторической, психологической, организационно-управленческой и т. д. А с другой стороны, о создании специальных каналов трансляции самого методологического мышления, методологической деятельности.

И при этом еще должна создаваться своего рода *педагогика методологии*. То есть [должен ставиться] вопрос о том, как это должно передаваться, каковы основные формы — вплоть до организации типов учебных занятий, воспитательных ситуаций и т. д. Все это должно быть соответствующим образом расписано…

И, как видите, вопрос о роли теории занимает очень частное место. Это если мы на все смотрим с точки зрения задач развития, трансляции и воспроизводства методологического мышления и методологической работы.

Но при этом возникает очень интересный вопрос: в каких же, собственно, единицах все это тогда должно существовать? И мы получаем очень важный момент, который предполагает два пункта…

Первый пункт: методология против теории… Ведь методология есть не что иное, как особая форма организации мышления. И когда мы их — теорию и методологию — рассматриваем таким образом — как разные формы организации мышления, то мы и говорим: зачем нам теория, если нам нужна методология? Если мы должны методологически организовать и методологически воспроизводить мышление, то никакой теории мышления нам не нужно.

И второй пункт: теория, или теоретические формы организации, — это только вид или компонент методологической организации, с какими-то своими, особыми, специфическими задачами. И тогда надо специально спрашивать: зачем нужна теория и теоретическая форма организации мышления в обеспечении всех этих процессов воспроизводства? И какие есть еще формы в процессах трансляции и воспроизводства деятельности и мышления?

---

* См. [Щедровицкий, 1998]. *Примеч. ред.*

Я повторю еще раз схему своего рассуждения.

Итак, есть синтагматическая организация методологического мышления, заданная через схему пространства методологической рефлексии, методологического мышления (см. рис. 4). И предполагается, что мы дальше ведем эту креативную, творческую работу и все время, самоорганизуясь, производим по каждому поводу все новые и новые формы методологической организации мышления. Теперь необходимо обеспечить воспроизводство этой креативной работы, передачу этого следующим поколениям и повторение на новом материале с непрерывным разворачиванием самой формы организации.

Мы задаемся вопросом: каковы же известные нам из теории деятельности и педагогики формы обеспечения воспроизводства деятельности и культурной фиксации деятельности и мышления в процессах трансляции? И говорим: образцы — первая форма, соответствующая идеология, средства, методы, логики, понятия… Но это все подробно разобрано в «Педагогике и логике»*. Потом они разворачиваются в учебные предметы, и затем — история, научные теории и т. д. Все это я зафиксировал как формы. Как формы фиксации живой методологической работы, взятые в контексте воспроизводства и трансляции, они играют вторичную роль, занимают очень узкое место.

Поэтому решать-то надо практически весь комплекс этих проблем и разрабатывать теорию мышления лишь в той мере, в какой она оказывается необходимой и обязательной формой в процессе воспроизводства деятельности и мышления, в процессе трансляции.

Но для этого надо прежде всего ответить на вопрос: а какую же роль теории играют в процессе воспроизводства деятельности и мышления? Что это такое? И эта критика теорий с точки зрения их роли в процессах воспроизводства деятельности и мышления оказывается здесь ключевой. Если мы решим, что нам вполне достаточно других средств и нам не нужны никакие теории, то мы и не будем разворачивать никакую теорию. Но поскольку она фигурирует как одна из форм, понадобившихся, наверное, именно для воспроизводства деятельности, то есть на стыке синтагматики и парадигматики, то надо ее специально исследовать и ответить на вопрос: какую роль играют теории в процессах воспроизводства деятельности и мышления?

Вопрос (неразборчиво).

Пока только одним способом соотносится. Есть синтагматический, креативный [способ работы], где развертываются мышление

---

* См. [Педагогика и логика, 1993]. *Примеч. ред.*

и деятельность, создаются как бы образцы. А теперь все то, что создается и развертывается здесь, должно быть каким-то образом зафиксировано в соответствующих культурных образцах и нормах.

Как организация пространства трансляции соотносится с организацией пространства креативной деятельности или мышления? Они каким-то образом связаны — в том плане, что все эти элементы креативного пространства каким-то образом переводятся… И фактически вы здесь ставите основной вопрос: как же это пространство методологической рефлексии, методологического мышления оформляется в элементы транслятивного пространства, или пространства трансляции, — по частям или в целом? Ведь там же гетерогенные образования, и только в целом оно нам и задает методологическое. Хотя оно охватило и ассимилировало массу образований. И поэтому возникает очень интересная и очень сложная проблема: как же это все переводить?

Вроде бы из исследования, изучения предшествующих, уже сложившихся форм трансляции культуры мы знаем, что есть такие формы. И я задаю вопрос: в какой мере эти традиционные формы годятся для передачи и воспроизводства методологического мышления, методологической деятельности?

Ведь вы помните, что тема моего доклада — «Проблемы построения теории мышления». И я сейчас фактически в соответствии с идеологемой первого пункта моего доклада (не с продуктивной точки зрения, а с точки зрения самоорганизации) проблемы теории мышления тоже должен рассматривать с точки зрения самоорганизации — не как некий продукт, нами выдаваемый, а как нечто в контексте этой самой самоорганизации. И я пытаюсь так перевернуть всю проблему. И то, что я сейчас говорю про теорию, и есть результат этого переворачивания — в план самоорганизации.

Теория? Отлично. Только давайте сначала ответим на вопрос «что есть теория?» в процессе воспроизводства некоторой деятельности. Но опять-таки не «некоторой деятельности», а методологического мышления и деятельности. И это одна из важнейших проблем построения теории мышления.

Котельников: А почему вы вообще на теорию ориентируетесь? Может быть, теория как культурно-историческая форма трансляции находится в другом векторе?

Правильно. Но ведь я-то не знаю, где она находится. Потому что все старые культурные смыслы для меня уже давно потеряли свое значение.

Я вроде бы их и так пытаюсь ухватить, и так… Одного спрашиваю, другого… Скажем, прихожу к историку и говорю: скажите,

что вы называете теорией? Он так таращит на меня глаза и начинает нести какую-то ахинею. Через десять минут выясняется, что он вообще ничего в этом не понимает. Нет у него давно такого понятия. Прихожу к теоретику. Спрашиваю: а вы что называете теорией? Он мне начинает отвечать… Никто не может ответить на этот вопрос. И науковеды в том числе. Я прихожу к Садовскому, который писал работы по поводу организации теории 20 лет, все на свете прочел, что было по этому поводу написано. Спрашиваю: ну, и что такое теория? Он говорит: не знаю. Теперь, говорит, уже наверняка не знаю.

Изменилась деятельность, а скорлупки остались прежние и слова прежние. И крутятся эти слова без всякого смысла. Мы чего-то говорим, произносим слова, думаем даже, что при этом мыслим. Ерунда все это. Поток сознания все это. Поскольку давно уже наше сознание потеряло деятельностно значимую организацию. Мы говорим со смыслом про то, чего уже давно нет. А про то, что есть, мы со смыслом не можем говорить, потому что наши понятия неадекватны. Все летит… И нужна новая точка опоры — новая организация, соответствующая современной деятельности, современному мышлению, всем тем процессам, которые сегодня идут. Старые понятия не годятся.

И поэтому что я делаю? Я начинаю опираться на те схемы, которые я (это, конечно, достаточно субъективно) могу считать оправданными, эвристичными и т. д. Что я должен сделать, чтобы на каком-то шаге сначала проблематизировать термин «теория», а потом его определить? Я должен постараться рассмотреть эти научно-теоретические формы прежде всего в контексте воспроизводства как особую форму фиксации мышления и деятельности в целях трансляции. И тем самым я в эту «теорию» какую-то жизнь вдуваю, на какое-то место ее ставлю.

Тюков: Вы отождествляете воспроизводство универсума деятельности в рамках методологического мышления, деятельности и исторические формы воспроизводства и трансляции, которые приходят на смену друг другу?

Нет, конечно. Вы повторяете вопрос Сергея Ивановича [Котельникова]. А мой ответ такой… Прекрасно, я верю в то, что раньше это как-то было. Но что мне толку с того, как было раньше, если я уже знаю, что так, как было раньше, больше не может быть. Не срабатывает. И мне нужно ответить на вопрос не как было раньше, а как должно быть — как должно быть при решении тех целей и задач, которые я поставил, а именно: мне-то нужно обеспечивать воспроизводство непрерывно разворачивающихся образцов

методологического мышления и деятельности. Спрашивается: какую же роль научно-теоретические формы должны сыграть в этом процессе?

Тюков: Пространство трансляции вы задаете не только как «должно быть», а как и «может быть» в универсуме деятельности и исторических формах. То есть это пространство не как «должно быть».

Неправильно. Я должен ответить на вопрос, как должно быть. Сработать проект. Но при этом я должен работать методологически правильно. А что значит «методологически правильно»? А это значит, что я не имею права ничего потерять из того, что уже было. И я поэтому исследую и рисую, как «бывало». Вот есть набор культурно отработанных форм. А теперь давайте проблематизируем. А где мы можем проблематизировать? Только в ряду этих форм. Вы можете увеличить этот ряд, а уменьшить — нет.

Тюков: Вы можете сказать, что определенные формы трансляции исторически устарели.

Что такое «устарели»? Должно быть так, чтобы [сохранялось] предельное многообразие развитых человечеством форм.

Тюков: То есть вы проводите еще историческую и критическую работу?

Пока нет.

Тюков: А если нет, то вы не можете так отвечать Сергею Ивановичу [Котельникову] на его вопрос.

Могу. Поскольку у меня там (см. рис. 4), обратите внимание, хитрая штука нарисована. Я ведь как могу ему отвечать? Сергей Иванович, у меня ведь мое пространство методологической работы очень сложным образом фокусируется: исследование и критика — вокруг проектирования; проектирование и конструирование — вокруг критики; критика, конструирование и проектирование — вокруг исследования. Вы мне задаете вопрос по технике: а как же я потом обеспечу наложение на всю эту работу принципов организации методологического пространства?

Котельников: Нет, не так. Разрешите мне это сформулировать в виде парадокса: как вы различаете, что вы будете исследовать и что не будете, что будете с самого начала игнорировать?

Вы меня это и спрашиваете. Я на это и отвечаю, и отвечаю пока что так: у меня есть также приемы, и я уже работаю с их использованием. Про них я расскажу чуть дальше. Но они у меня есть. Поэтому у меня проектирование, исследование, онтологическая работа — все друг на друга замкнуты и завязаны, и я их все время взаимно корректирую.

А поэтому я все время говорю: так *должно* быть. И в скобках добавляю: исторический опыт, историческая критика этому соответствуют. Вы говорите: выложите ваши процедуры. Я говорю: еще не время. Но при этом, обратите внимание, когда я произвожу фокусировку, я говорю: так *должно* быть. Вы меня спрашиваете: ну да, а как было? Я говорю: вот здесь представлено то, что было. Потому что моя онтологическая работа есть результат «снятия» и критики, и исследования. Вы меня спрашиваете: где? Я отвечаю: вот тогда-то, те-то работы — критика тогда-то, те-то работы — исследование, сейчас вот здесь я проектирую.

Котельников: Вы когда говорите про синтагматику, вы имеете в виду сразу и мышление, и мыслительную деятельность, и деятельность?

Да.

— А для пространства трансляции?

Тоже.

Котельников: И никакой разницы между ними сейчас в этой онтологии нет?

Здесь нет. Но будут разные каналы, разные средства и т. д. Каждый раз соответственно данному типу мышления будет меняться набор этих каналов и его оформление.

Это все равно как наша с вами проблема: организация практической подготовки студентов и теоретической подготовки. В чем разница между ними, если в результате каждой должны быть знание, умения, навыки, способности и понятия?

Ильясов: Разные по содержанию.

Неизвестно, разные ли. Но получаются совершенно по-разному. Ибо разные каналы трансляции. Но вы правы, Ислам Имранович. Они будут действительно разные. Потому что только на практике мы можем дать понятия, обеспечивающие применение знаний в практической деятельности. А при теоретической подготовке студентов этого никогда не дашь.

Итак, к чему же я пришел здесь? Что у меня получилось? У меня сопряжены два пространства: синтагматика и парадигматика. И теперь практически я же должен все термины и понятия, которыми я буду пользоваться, — теория, знание, понятие и т. д. — каждый раз брать относительно одного пространства и другого. И они у нас всегда будут иметь минимум двойное существование и могут все определяться только по соотношению того и другого.

И второе замечание. Все эти формы проходят такой сложный путь: сначала здесь — креативный, дальше — фиксированный в некоторой культурной форме и передаваемой в коммуникации,

третий — фиксированный в виде некоторого учебного содержания, передаваемого в качестве именно средства обучения. И у меня получается минимум три ситуации.

Например, знание и теория. Приходит знание или теория, и это то, что должно быть усвоено. Это — первая ситуация. Вторая ситуация: имеется знание и теория, и это то, что должно быть передано в коммуникации. И есть, наконец, знание и теория, и это то, чем я пользуюсь в своей креативной работе, — беру знание и здесь, в синтагматике, творю что-то.

И теперь представьте себе, что же здесь разворачивается… Когда я сейчас выступаю, делаю доклад, то что я делаю? Демонстрирую креативную форму работы, используя те или иные знания, теоретические представления и т. д., или я выражаю их в процессе коммуникации и общения с вами, или я задаю их как некое учебное содержание и хочу, чтобы вы это усвоили? Я делаю одно, другое и третье одновременно, хотя по идее-то, наверное, должен был бы делать либо одно, либо другое, либо третье. Хотя неясно, можно ли эти вещи для методологии развести и различать. Значит, я сразу соединил три аспекта.

Это очень сложный вопрос. И из него следует только один вывод: каждый, кто хочет понять это, должен каждый раз для себя очень четко фиксировать, как он понимает все это, как он относится ко всему этому, в какую позицию он становится — скажем, критикующего коммуниканта, понимающего или перенимающего образец деятельности или усваивающего систему средств. А иногда и это — как правило — надо осуществлять все три процедуры, но их нужно расчленить. Поэтому в дидактических целях мы их очень часто разделяем. Есть школа, университет, научный семинар… Но здесь, в методологическом общении, в нашем мышлении нам все эти моменты приходится всегда объединять.

* * *

Здесь я закончил очень большой смысловой кусок и теперь меняю принципиально тип работы. Она будет дальше совершенно иной.

Итак, я теперь должен каким-то образом работать здесь. Причем я вроде бы все время работаю. Для чего мне нужно было различить три этих случая отношения, понимания, восприятия, которые я должен учитывать и которым должен соответствовать?

Если я просто работаю и осуществляю какую-то креативную деятельность, то я нахожусь вот здесь — справа (см. рис. 4) и должен

жить по логике этого образования, развертывать это пространство дальше. Но ведь непонятно, что я делаю. Я вроде бы работаю. Но поскольку мы уже условились, что параллельно я должен обеспечивать коммуникацию, а эта коммуникация всегда одновременно содержит и момент трансляции… Потому что такой трансляции не будет только в том случае, когда мы все будем совершенно на одном уровне в плане понятийного обеспечения, его средств и т. д. Если предположить такой случай, то вообще креативной деятельности не будет. Я должен действительно развертывать что-то новое, и только тогда я осуществляю методологическое мышление.

Но что значит «новое»? Новое — это то, чего у вас нет. Я образую какие-то понятия, которых у вас нет. И поскольку я ими пользуюсь, то я уже оторвался. И для того чтобы обеспечить понимание и коммуникацию, я должен еще осуществлять дополнительные рефлексивные выходы и организовывать свой текст так, чтобы он был не только 1) текстом креативной работы, но и 2) текстом коммуникативной передачи и 3) текстом трансляции и обучения. А тогда это значит, что я нахожусь здесь — в этом третьем пространстве коммуникации, которое мы до сих пор не обеспечивали, и в этом пространстве трансляции. И я должен буду то, что я делаю, проецировать и на первое синтагматическое, и на второе — специально коммуникативное, и на третье — специально транслятивное пространство. И, значит, мои единицы должны быть либо утроенными, то есть я должен буду одно и то же проговаривать трижды, либо же я должен буду творить такие единицы в коммуникации, которые являются организованностно полными относительно всех трех процессов.

А что это означает относительно любых и всяких понятий, которыми я пользуюсь? Они все должны проецироваться на эти три пространства и быть значимыми и определенными в них во всех или в каком-то одном. Потому что я, например, могу сделать одно из этих пространств — креативное — основанием для фиксации всего остального.

И наши обычные расхождения, скажем, когда мы спорим с Константином Львовичем [Черновым], связаны с несоблюдением этого правила. Почему? Вот я, скажем, работаю здесь — в этом пространстве, и я теперь относительно него должен определять все понятия: понятия знания, теории… Все они относительно самоорганизации моей методологической работы больше уже не работают. Они стали неэффективными, я их должен проблематизировать и строить заново. Но Константин Львович как слушающий меня имеет каждый раз свою систему — терминологически, понятийно и т. д. — и отказывается

принять мою. И не только отказывается. Я не могу даже сделать так, чтобы заставить его принять… И в результате мы не можем понимать друг друга.

Поэтому я всегда должен одновременно решать этот вопрос: я должен задавать их как единицы для освоения, то есть по законам соответствующей трансляции и обучения. И если я этого не буду делать, то они просто не принимаются. Вот для чего я рассказывал этот кусок.

А теперь я начинаю с этой точки зрения систематическую работу по проблематизации и наметкам к программированию *перестройки понятий*, которыми мы будем пользоваться.

Когда я их начинаю проблематизировать, я, скажем, себе их перечисляю. Я, например, должен буду начать с понятия теории. Затем я должен буду перейти к понятию рефлексии. Поэтому я должен буду рассматривать понятие рассуждения и в связи с ним проблематизировать и рассмотреть понятия процесса, цели, нормы, продукта, организованности, результата, объекта, операции, процедуры. Потом я должен буду вернуться к понятию теории и рассмотреть это все заново, но с точки зрения понятия рассуждения. И я к этому понятию теории буду потом возвращаться круговым, «челночным» движением снова и снова. Потом я должен рассмотреть «понятие» [как таковое], снова вернуться к рефлексии, рассуждению и теории, потом я должен рассмотреть предмет, снова вернуться к теории, потом я должен рассмотреть тип мышления, или мыслительной работы, тип деятельности, знания, потом — что такое исследование, конструирование, проектирование, критика, онтологическая работа. Вот это тот минимальный перечень, который нужно рассмотреть для того, чтобы теперь стало понятно в этих трех названных выше планах мое движение, моя креативная работа.

— Вы думаете, что инновация возможна только таким способом? Таким многозаходным переформулированием?

Да. Инновация такого рода как методологическая организация мышления возможна только таким способом. Нет другого пути. Если вы возьмете эту шарденовскую схему, то посмотрите, что там происходит: теперь все, что было накоплено этой культурой, должно быть стянуто в одну точку.

— Здесь есть одно возражение, связанное с тем, что за всем этим стоят очень определенные модели развития.

Да. Я просматривал разные и не вижу более интересных.

Итак, мы зафиксировали эту организацию пространства. Мы вынуждены теперь начинать все с самого начала, причем делать двойную работу, а именно: мы теперь должны относительно этой

организации пространства проблематизировать, критиковать, схематизировать, конфигурировать, по-новому конструировать все без исключения понятия, которыми мы будем пользоваться.

Чернов: Вы хотите дать определения?

Нет. Я сделаю так: я разделю всех присутствующих на пять групп — отличники, четверочники, троечники, двоечники и колуны. Для двух последних групп будут выданы определения. Они будут их учить и сдавать, если им нужна справка об окончании… Определения нужны ведь только для того, чтобы экзамены и зачеты сдавать.

Чернов: А каким способом вы будете передавать нам?..

За счет погружения вас в эту систему работы.

Сложилось убеждение, что смысл дела в передаче знаний, и человек, который знает одно, другое, третье… может называться человеком. При этом знания оторвались от деятельности: они давно не обеспечивают включение в деятельность. Создаются определения, они заучиваются, произносятся и т. д. Вот эта вербальная псевдодеятельность — передача знаний, ответы на экзаменах и прочее — заменила подлинную человеческую жизнь. Поэтому студенты не учатся, преподаватели не обучают. Нет контроля. Это все есть результат этой идеологии: представления о точном определении, необходимости его отрабатывать, выделять дифференциальные признаки, подводить под вид и род… Это все — псевдокультура. Она не имеет ровно никакого значения.

Для того чтобы у вас были понятия, надо быть включенным в деятельность, причастным к этой деятельности, и нет никакого другого пути научиться чему-то. И не нужно вообще ничему учиться, если вы непричастны… А если вы действительно входите в деятельность, то там действительно все идет по другим законам.

Я же должен предавать вам деятельность. То есть я должен включиться с вами в одну деятельность. Вас включить в эту деятельность. И осуществляю я эту деятельность для включения других. И в этом смысл коммуникации — в том, чтобы включиться в деятельность.

Итак, в конце позапрошлого заседания я уже начал эту проблематизацию, и тогда я, нарисовав соответствующие схемы, показал, что слово «теория» употребляется в следующих принципиально разных смыслах:

1. В оппозиции теория-практика. Тут тоже два варианта. Первый: когда происходит построение какой-то деятельности, и при этом имеется практическая рефлексия как форма фиксации опыта, и нечто приходит со стороны, что было получено вне этой деятельности. Второй вариант: когда мы ориентируемся на методы получения

и говорим: это есть теория, поскольку оно получено путем чистого мыслительного конструирования, или дедукции, или, как обычно говорят, оно дедуктивно, а вот это — практическое… Но теперь его заменяют словом «эмпирическое», поскольку оно получено опытным путем.

2. Фактически в смысле оппозиции априорное-апостериорное по процессам получения.

3. Теория как синоним системы знаний, то есть как продукт определенной систематизации.

4. Теория как выражение любых оснований, которые употребляются в производстве тех или иных суждений.

5. Теория как синоним научной теории, или результат научного исследования.

6. Теория как синоним научно-исследовательского предмета. Здесь уже, например, это употребление входит в прямую оппозицию с представлением о теории как системе знаний. Потому что научный предмет, кроме знаний, имеет факты, проблемы, модели, онтологические картины и т. д.

7. Теория как результат и продукт функционирования подобного научного предмета.

И дальше я мог бы эту линию продолжить. Понятно, что каждое из этих употреблений исключает другие. Но мне нужен другой, более интересный для меня аспект вот какого рода… Ведь я должен с точки зрения этой схемы организации методологического пространства рассуждать всегда иначе. Поэтому всю эту предыдущую часть я бы отнес к имманентной критике, то есть внутренней, а не внешней. А с точки зрения моих представлений я ведь должен задавать вопрос таким образом…

Представим себе, что есть такое образование как теория. Тогда эта самая теория должна быть результатом целого ряда специальных процедур исследования, в какой-то мере — конструирования, в какой-то мере — онтологической работы, и они как-то собираются и соорганизуются в этой теории. В этом смысле каждое такое образование есть организованность той совокупности деятельностей, которые ее, по сути дела, порождают или в которой она затем употребляется. И такого рода схемы я рисовал в конце позапрошлого заседания, показывая, что развертывается на одном полюсе и что на другом. И я дальше буду этим все время пользоваться, в том числе обсуждая и понятие знания, и понятие как таковое.

Но меня сейчас здесь интересует другой момент: я должен особым образом соотнести разные процедуры… И, в частности, возникает очень интересная сложность с понятием *исследования*.

Итак, схема моего движения такая… Я начал проблематизировать понятие теории, говорю, что его надо определять заново, иначе я не смогу решать свою задачку. Но для того чтобы я мог определить его соответственно программе моей работы и правилам методологической работы, я должен представить теорию как определенную организованность. В том пространстве — как организованность моей креативной работы, а в пространстве трансляции или коммуникации, соответственно, как организованности этих процессов. Но тогда я должен апеллировать к этой совокупности деятельностей: я ведь это задаю как определенный прием, как методологему, которые обеспечивают возникновение теории…

И тут возникает трудность с понятием *исследования*. Какая? Та самая, которую зафиксировал сегодня Сергей Иванович [Котельников]. Почему? Вроде бы я сказал, что все, что я буду делать, должно находиться в этом пространстве и вся методологическая работа будет осуществляться здесь — внутри. Но это противоречит понятию исследования. Исследование так задано и так определено, что оно построено на понятии внешнего — не внутреннего, а внешнего, вырывающегося за пределы деятельности. Понятие исследования предполагает заданность объекта, который якобы противостоит деятельности исследования и существует сам по себе.

Но сюда добавляется и та вещь, на которую обратил внимание Анатолий Александрович [Тюков]. «Ну и что? — спрашивает Анатолий Александрович, — вас вообще никогда не будет интересовать, как было раньше. Вот вы замкнулись в себе и только так и работаете. Вы проектируете новые формы и вообще знать не хотите о том, что было до вас, что было в научных формах и т. д. А если вы мне скажете “нет” и скажете, что вас это интересует и это входит в вашу методологическую работу, — а вроде бы это входит, поскольку там есть исследование, — тогда вы это должны исследовать. Но ведь очевидно, что все эти формы мышления — не-методологические, до-методологические и т. д., — они все существовали раньше и безотносительно к развитию вашей формы методологического мышления».

И это очень важная и серьезная проблема, решение которой переворачивает буквально все представления. И она сама — для того чтобы быть разрешенной — требует совершенно новых представлений о деятельности, мышлении и т. д. Это вообще кардинальная точка. Я бы назвал это основным парадоксом рефлексии. И я утверждаю, что из этого основного парадокса рефлексии вытекает по крайней мере полтора десятка основных философских, методологических парадоксов, которые обсуждались на протяжении двух

с половиной тысяч лет. Это: парадокс непрерывности и дискретности, мышления и деятельности, деятельности и ее объекта, объекта и онтологии, формы и материала, формы и содержания…

Все это есть, на мой взгляд, лишь вторичные или факультативные варианты этого основного парадокса рефлексии, а именно парадокса внутреннего-внешнего, заданного существованием такой странной и смешной деятельности, как исследование. Я бы сказал так: само по себе исследование есть одна из величайших тайн и вместе с тем одна из основных иллюзий. Потому что, может быть, исследования-то и нет? А если оно есть, то что это такое?

Но почему я его назвал «основным парадоксом рефлексии»? Потому что, как я утверждаю (и я говорил об этом раньше, когда обосновывал понятие пространства), вся суть здесь — в дискретности структур деятельности, возникающих за счет механизма рефлексии, или рефлексивного выхода. Дело в том, что всякий акт деятельности всегда конечен: он имеет всегда начало и конец, он имеет определенный локус в пространстве. Но за счет работы механизмов сознания мы можем осуществить следующий акт деятельности, следующий по отношению к прошлому акту деятельности. В механизмах работы человеческого сознания заложено (и это затем проявляется как особенность человеческой деятельности) то, что на этот акт деятельности и его организованности* может быть направлен новый, следующий акт деятельности, который за счет своих особых специфических механизмов как бы вторично воспроизводит этот прошедший акт деятельности. И за счет этого этот предыдущий акт деятельности получает двойное существование…

Мы, таким образом, получаем ряд проблем, которые, как мне кажется, могут быть развернуты и разъяснены за счет параллельного разъяснения нескольких основных понятий, а именно понятий: 1) рефлексии, 2) объекта, 3) исследования, 4) знания…**

Рефлексия есть особая связь между двумя актами деятельности, которая нейтральна по отношению к различиям внешнего и внутреннего. Она допускает и ту и другую трактовку. Вот это есть реальная модель, когда разница между внешним и внутренним исчезает: мы с равным правом можем говорить, что этот первый акт деятельности находится внутри второго, и мы можем говорить, что он находится вне. Вот что очень важно.

В записке меня спрашивают: можно ли само время рассматривать как тавтологическое утверждение о существовании

---

* О схеме акта деятельности см. [Щедровицкий, 1975, с. 125–126]. *Примеч. ред.*

** Далее в стенограмме не пропечатана одна страница текста. *Примеч. ред.*

генетического самовключения указанных вами актов деятельности? Да, совершенно точно: время есть не что иное, как это. Что такое время? Время есть определенная связь актов деятельности. Вот это отношение и есть время. Только потом оно за счет этих выключений как бы отрывается из этой связки, которая есть исходная единичка в анализе человеческой деятельности. Нельзя начинать с актов деятельности. Можно начинать только с такой связки. Проще в деятельности ничего нет, ибо деятельность социальна с самого начала. Она не складывается из двух индивидуальных актов. Индивидуальные акты есть «выщипления» из этого океана связанных, накладывающихся друг на друга и по от ношению друг к другу образований. Вот это очень важно — это отношение.

Но ведь проблема в чем состоит? Существует ли этот первый акт деятельности как включенное или не-включенное? Само по себе или как-то и во втором акте? И это есть уже вопрос и о природе рефлексии, и о природе знания. Ведь когда мы рисуем знание как двухплоскостную структуру*, то возникает вопрос: а существует ли содержание вне и помимо формы? Или оно существует постольку, поскольку есть форма и поскольку содержание в этой форме выражено? И теперь я должен ответить по-новому на этот вопрос: и да, и нет.

И последний шаг. Я с этого буду начинать в следующий раз. Такой интересный вопрос: а что будет генетически первичным и с чего мы должны начинать? С такой связки деятельности или, наоборот, с такого образования, где есть символический человечек, где внутри, из «плазмы» всего этого, начинает формироваться какое-то уплотнение, которое потом сдвигается сюда — к краю, а потом еще дальше выпихивается в отдельные существования.

И с чего мы, собственно, должны начинать рассуждение? Вот выпихивается это или, наоборот, втягивается? Теперь давайте «кино крутить» вперед и назад. И если вы будете «кино крутить» назад — вы получите исследование. А если вперед, то креативный процесс порождения: проектирование или еще что-то такое.

Но интересно задать вопрос: в истории что было вначале — креативные процессы порождения или исследование? С чего начинал человек: с того, что он творил, или с того, что исследовал? Но ведь достаточно поставить этот вопрос, чтобы было все ясно. И Маркс ответил на этот вопрос очень точно: человек творил, а исследование есть фактически только обратная процедура, то есть имитация того, что мы можем «крутить кино» назад.

---

* Подробнее см. [Щедровицкий, Алексеев, Костеловский, 1960–1961]. *Примеч. ред.*

Поэтому я снова возвращаюсь к вопросу: а есть ли исследование? Да, оно есть, поскольку мы уже настолько развились, что мы можем «крутить» и туда, и сюда. Но тогда это есть одновременно и ответ на вопрос: что же такое исследование?

5. [Построение понятий и вопросы онтологии]

Итак, в прошлый раз, ориентируясь на ту схему организации пространства рефлексии и мышления методологии (см. рис. 4), я начал проблематизировать основные понятия, которыми нам приходится пользоваться. И это определенная фаза и этап моей работы. Действительно, все то, что находится в нашем распоряжении, все, что нам дано, представлено на этой схеме, или в рамках этой схемы организации пространства рефлексии. И ничего, кроме того, что здесь представлено, просто нет.

Хотя тут же и возникает та самая проблема *внешнего* и *внутреннего*, которую я начал обсуждать в конце прошлого заседания. Я подчеркивал, что, с моей точки зрения, это есть основная проблема и основной парадокс рефлексии, из которого затем вырастает целый ряд других — вторичных проблем, в частности парадоксы формы и материала, формы и содержания и другие. И я снова обращаюсь к этой схеме, чтобы дать общее представление о том, что я сейчас обсуждаю.

Действительно, складывается какая-то очень странная ситуация… Когда мы осуществляем мышление, то мы действительно можем оперировать только тем, что нам дано. В рефлексии это непосредственно очевидно, ибо рефлексия — по определению — есть направленность на то, что мы сделали, на нас самих. Хотя я буду дальше обсуждать разные детали… В мышлении этого признака нет, но мышление есть всегда выражение всего, о чем мы говорим и мыслим, в некоторых формах. И эти формы должны быть нам даны. И для отдельного работающего индивида они действительно всегда заданы и образуют исходные начала его работы. Я сейчас отвлекаюсь от обсуждения вопроса, как они получились: выработались ли они им самим, или они получились в ходе исторической эволюции идей, как об этом писал Фихте. Но важно, что должны быть эти формы, и все, что нам дано в мышлении, дается через эти формы и предполагает определенные наличные формы, их заданность.

Нельзя представлять себе дело так, что перед нами есть какой-то объект и мы начинаем как-то им манипулировать: поворачиваем, переворачиваем, приводим во взаимодействие с другими объектами

и т. д. и таким образом что-то о нем узнаем. Это определенно наивная точка зрения, и обсуждать ее всерьез нельзя.

И поэтому вся картина выглядит так… Вроде бы мы должны были в мышлении прорываться за пределы данного нам и захватить что-то такое, что нам до этого не было дано, ассимилировать какой-то материал и втягивать его внутрь… И так оно вроде бы действительно и происходит: мы постоянно что-то втягиваем. Но для того чтобы это «что-то» втянуть, надо предварительно создать подходящие, или соответствующие, формы. И пока мы этой формы внутри нашего мышления не создали, мы ничего и втянуть не можем. Поэтому, с одной стороны, мы вроде бы прорываемся за пределы данных нам форм, но это происходит отнюдь не за счет того, что мы берем нечто извне, как бы пропускаем через это пространство и вне его поверхности руку, схватываем какой-то материал, лежащий вне нашего мышления, захватываем его и притягиваем туда — в это пространство. Нет. Это вовлечение нового материала происходит за счет того, что мы путем некоторой конструктивной работы, путем развития этих форм создаем внутри этого пространства новые формы и таким образом — в имитации — втягиваем нечто внеположенное в это пространство (см. рис. 7).

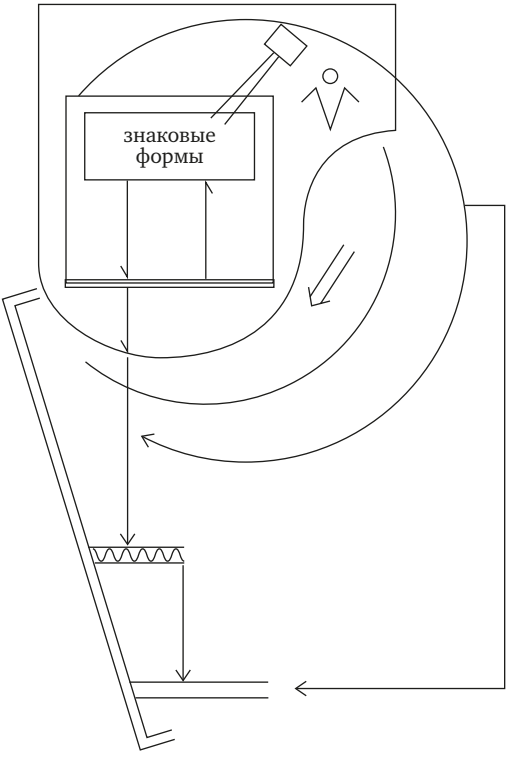


Рис. 7

И если только мы начинаем исходить из этой модели, так все это дело себе представляем, то вопрос о том, откуда мы идем — извне внутрь или изнутри вовне, — теряет всякий смысл. Больше того, оказывается, что само это различие есть результат некоторой дополнительной рефлексии и осознания и особой концепционной формализации: то есть мы можем принять концепцию, что мы тянем извне внутрь — в пространство мышления, можем считать, что мы идем от мышления наружу. Поскольку речь идет не о практической деятельности, а о мышлении, разницы между этими двумя способами трактовки и объяснения практически нет никакой. Она незначима. Ибо для того, чтобы мы нечто втянули в мир пространства мышления, мы должны за счет конструктивного движения, за счет какого-то разворачивания, трансформации, развития, эволюции создать новую форму из уже имеющихся у нас форм. И этот процесс создания новых форм мы можем интерпретировать и представить как ухватывание… Хотя мы опять-таки никак не можем ответить на вопрос: а что же здесь произошло — имманентное разворачивание форм мышления или захват якобы нового материала извне?

Но нет и не может быть этой оппозиции по природе самого мышления. А возникают эти трактовки, и сам этот вопрос, и эти иллюзорные представления, что мы куда-то протягиваем руку и что-то вовне хватаем, потому что мышление не отделено от деятельности. И мышление все время начинает трактоваться либо вместе с деятельностью, которая совершает такой реальный захват, либо по образу и подобию деятельности, когда на мышление, суть которого состоит в имитации, замещении, переносятся образы и представления о деятельности, которая есть захват, ассимиляция чего-то.

Но при этом совершенно исчезает понимание, знание, в*и*дение того, что мышление, даже когда оно осуществляется как мыслительная деятельность (что нужно обсуждать особо), всегда неразрывно — и генетически, и по функционированию — связано с деятельностью. И в силу этого мышление имеет не одну связь с объективным миром — связь интерпретации, интенции, замещения, которые специфичны для мышления, а несколько — в том числе по использованию продуктов мыслительной работы в деятельности. Кстати, эта часть была очень точно подчеркнута Выготским… Если мы забываем этот контекст [отнесенности] знаков и мыслей к человеку и его сознанию, то мы, естественно, получаем ложную и слишком упрощенную модель и вынуждены переносить на мышление характеристики и образы самой деятельности.

Значит, первое, что мне здесь важно подчеркнуть, — это то, что мышление, которое развертывается в определенных знаковых формах, относимых на объективное содержание, трактуемых

таким образом, имеет, кроме того, еще одну связь с бытием, миром действительности, а именно: через свое отношение к сознанию индивида и практического действования индивида в отношении этого мира. И это обстоятельство, эта сторона, идущая от мышления в практику, собственно, и обеспечивает действенность мышления, его объективность и т. д. А вот когда мы берем мышление либо эпистемологически — как знаковые формы, отнесенные к объективному содержанию, либо психологистически — как эти же знаковые формы, отнесенные к содержанию и связанные с сознанием человека, мы каждый раз получаем заведомо неправильную картину и поэтому вообще не можем решать адекватно проблему внешнего и внутреннего. Ибо проблема внешнего и внутреннего для мышления, как мне представляется, значима лишь для этой связи между мышлением и практической деятельностью.

А в мышлении все зависит от того, с чем мы работаем и как мы осознаем [используемые нами] знаки. Помните этот образ, который я приводил: предел, или граница с «воротами» или «калиткой», которые открываются? Я специально подчеркивал, что объект — это и есть фактически та граница, которую мы задаем в рефлексии и через рефлексию как акторную границу, как то, что разрывает потоки непрерывности нашего сознания, рефлексии и мыслительных процессов. Если мы ее задаем — либо по отношению к знаковым формам, либо по отношению к вещам, включенным в мышление, либо мы их интерпретируем как объект, то это есть предел, в который упирается наша имитирующая работа. И в той мере, в какой поставлена такая граница, мы в нее упираемся, постольку есть интендируемый, полагаемый объект, но объект уже в точном, узком смысле этого слова — объект как эпистемологический объект. А если, скажем, мы то же самое трактуем как знаковую форму, тогда оно выступает как «калитка», которую мы открываем и прорываемся дальше — до интенционального, полагаемого объекта, и опять [оно выступает] как граница. А если мы говорим, что это опять знак, мы снова прорываемся и снова строим такую границу. И мы можем двигаться сколько угодно в этом пространстве имитирующего мышления.

Отсюда — схемы многоплоскостной организации знаний*. [Эти схемы] как раз в 50-е годы и фиксировали этот момент прерываемой и снова разворачиваемой интенциональности: объект есть идеальный объект, и он полагается в нашем мышлении, и полагается каждый раз за счет разворачивания внутренних потенций самого мышления, за счет разворачивания тех форм, которые в нем есть. А историческая

---

* См., например, [Щедровицкий, Ладенко, 1959]. *Примеч. ред.*

объективность этих форм определяется и оценивается не в рамках самого мышления, а через практическую деятельность.

И, кстати, я до сих пор не могу понять одной вещи… Все это было установлено Марксом и очень четко записано во всех его работах 1845–1859 годов, вроде бы есть во всех учебниках, и тем не менее это абсолютно не замечается, не понимается, из этого не делаются выводы ни в логике, ни в философии, ни в психологии… Игнорируя всю традицию немецкой классической философии и работы Маркса, попрежнему жуют эту домарксистскую жвачку: как мы через мышление прорываемся к объективности…

Итак, я зафиксировал эту проблему — внешнего и внутреннего. Причем я задал ее, с одной стороны, на тех схемах организации пространства, а с другой стороны — на схемах деятельности. И у меня была еще одна схема, которая мне очень важна и которую я дальше буду всячески развивать, — это схема связи рефлексии с непосредственной деятельностью. Но я к ней еще вернусь специально.

Я бы только еще подчеркнул то, что отсюда, как мне кажется, вытекает, в том числе в плане работы наших подгрупп внутри нашей Комиссии. Мне кажется, что именно эта ситуация создает огромное поле для собственно психологических исследований, в частности для исследований по психологии знака: проблем, связанных с рефлексией знака и понимания, с интенциональностью, рефлексией и пониманием объекта как такового и т. д. А у нас такой психологии знаков нет. И вообще эти подлинные, самые существенные проблемы современной психологии не попадают в исследуемую область. Больше того, буквально месяц назад я слышал реплику о том, что знаки и знаковость — это дребедень для психологии, что нет таких проблем, что, наоборот, есть проблемы символа и символизма, якобы поставленные Выготским, и этим надо заниматься. Причем символ и символизм трактуются в духе Лосева, Гегеля. Мне представляется, что такая трактовка разворачивает и отбрасывает нас на 100 лет назад, устраняя реальные проблемы.

Здесь вообще было бы очень интересно посмотреть, в частности на детском материале, как развивается детское сознание в связи с той или иной трактовкой знаков, с появлением тех или иных типов интенциональных отношений, как это все формируется: как за счет подключения ребенка к тем или иным культурным, деятельностным, мыслительным структурам у него начинает формироваться сознание и поведение-деятельность. И вот это и есть подлинные психологические проблемы.

Ильясов (неразборчиво).

Нет, я говорю жестче: если мы рассматриваем мышление как таковое — не важно, в схемах ли организации пространства рефлексии

и мышления или в предметных схемах, — там категория внешнего-внутреннего не работает в принципе. Мышление как таковое иррелевантно относительно категории внешнего и внутреннего. Я могу это пояснить: мышление для того и появилось, чтобы снять проблему внешнего и внутреннего. Это есть такое обеспечение поведения, которое делает человека выше различия внешнего и внутреннего.

Кстати, эти вещи зафиксированы давным-давно, начиная с Вед и дальше в буддизме и т. д. Что там происходит? Нет этой грани [между внутренним и внешним], ибо Бог и Природа сливаются. Это есть форма фиксации того, что действительно делает человеческое мышление: оно может захватывать внешнее для поведения и деятельности за счет имитации его в определенных формах, то есть изнутри. И в этом плане за счет особого механизма человек обеспечивает свое приспособление и свою преобразующую социальную деятельность.

Я, правда, выпустил здесь одну очень существенную часть, которая еще замыкает все это, — это проблема восприятия. О ней я дальше еще буду специально говорить, когда коснусь рефлексии.

Но пока мы берем мышление как таковое, мышление в его чистоте, связанное с проблемами деятельности, то, что происходит здесь, безразлично к различию внешнего и внутреннего. Иначе говоря: нельзя подходить к анализу мышления, пользуясь этими категориями; нет в мышлении ни внешнего, ни внутреннего. И в этом вся суть дела.

Тюков: Вроде бы Пиаже развивал эту идею.

Я думаю, что вы модернизируете Пиаже. Во-первых, потому, что у Пиаже вообще нет отработанной категории мышления, Пиаже не знает, что такое мышление. У него есть «интеллект». Вообще в этой женевско-французской традиции нет понятия мышления, которое есть в русской и немецкой традициях. Второй момент: у Пиаже не может быть представления о мышлении, поскольку Пиаже до сих пор не понимает роли знака, для него вообще не существует семиотики. Он сформировался где-то в 1919–1922 годах и с тех пор, по-видимому, не развивается. Как ученый он родился на стыке биологии и психологии. Ему надо было интеллект трактовать биологически, с одной стороны, и логически — с другой. Поэтому он вырос вне семиотической традиции. И он ее так и не усвоил. Он вообще роли знаков не понимает и живет в традиции символизма. Поэтому у него этого не может быть.

А вот то, о чем вы говорите [у Пиаже], с моей точки зрения, — это преодоление индивидуального эгоцентризма и субъективизма и социализация, то есть становление на социальную точку зрения. И это не имеет никакого отношения к тому, о чем я говорил.

У Пиаже нет имитационных процессов. У него есть внутренние уравновешивающиеся системы. Ему нужно, чтобы его системы операций — прямых и обратных — сложились в устойчивые структуры. И когда это складывается в жесткую структуру, тогда возникает определенный уровень интеллектуальной деятельности.

Тюков: То есть можно ли сказать, что Пиаже описывает этот план поведенческой деятельности в связи с сознанием, но не затрагивает этого отношения к знаковым формам?

Второе — точно: фактически он не затрагивает знаков, знаний, понятий, хотя он об этом пишет. А вот первая часть… Это ведь особый, очень сложный вопрос: что, собственно, исследует Жан Пиаже, что он может исследовать? Потому что Жан Пиаже не смог решить основной философской проблемы: он, с одной стороны, натуралист, а с другой — кантианец. И поэтому про Жана Пиаже надо было бы сказать так: у Жана Пиаже есть две несовместимые друг с другом части, а поэтому единственное, что Жан Пиаже исследовал, — это внутреннее противоречие своей концепции.

Теперь я бы хотел здесь еще обратить внимание на одну упущенную мною сторону в обсуждении проблемы внешнего и внутреннего. Она теснейшим образом связана с проблемой *модальности мышления*.

Обратите внимание, что здесь происходит… Когда я говорю, что все уже дано в этом пространстве, то здесь вроде бы дано по форме актуально. [Но точно так же в мышлении это может быть] имитировано в модальности возможного. И поэтому здесь нужно добавить, кроме всего прочего, что мышление выделывает очень хитрую вещь… Мышление — это такая штука, которая дает возможность переводить фактическое в возможное, в должное, и обратно: должное в фактическое, должное в возможное, возможное в фактическое и т. д. Оно в известном смысле нейтрально и по отношению к этим модальностям существования. И поэтому сам по себе этот вопрос с категорией внешнего-внутреннего, с модальностями возможного, необходимого, должного… Там много разных наборов модальностей — это само по себе проблема и требует еще специально проработки. Я здесь, скорее, проблематизирую, но одновременно высказываю свою позицию.

И теперь я делаю второй шаг, поясняя, что же, собственно, я начал делать в прошлый раз.

Итак, вроде бы задано это пространство (см. рис. 4), в нем представлено все, чем мы можем пользоваться, все, что нам дано: предметы, верстаки, понятия разного рода, онтологии, практики… Все это дано в рефлексии. И поэтому все, что мы можем делать: строить

теорию мышления, разворачивая мышление, — это значит особым образом работать с тем, что нам дано. И поэтому я начинаю свою работу, естественно, с того, что имею, что захвачено этим пространством. Я теперь должен это определенным образом перестроить, реорганизовать, развернуть, решая задачи, которые перед нами стоят. И первое, что я здесь делаю, первое, к чему я обращаюсь, — это всевозможные понятия, касающиеся мышления и деятельности. И имея все эти наборы понятий, я начинаю их проблематизировать и должен перестроить так, чтобы они соответствовали организации этого пространства и процедурам методологического мышления, в частности методологического рассуждения.

И в прошлый раз я перечислил длинный ряд основных понятий, которые должны быть проблематизированы. Я мог бы продолжать это и дальше, но мне хотелось выделить самые основные понятия: понятие теории, понятие исследования, объекта, рефлексии, интенциональности, формы, содержания, материала, знания, объекта, знака, значения, смысла и много других. Естественно, что их нельзя взять как они есть, потому что они создавались при решении других задач и в других стилях и способах мышления. Каждый раз, когда мы осуществляем переход к новым формам мышления, мы должны перестраивать все понятия, которыми будем пользоваться. И в этом и состоит развитие мышления.

Но мне-то сейчас важно четко очертить тот план, в котором я работаю. Я обращаюсь к тому, что было, и, одновременно программируя то, что будет дальше, и объясняя, что я делаю, говорю: я беру разнообразные понятия и должен их теперь перестроить соответственно задачам и потребностям моей мыслительной работы.

А где у меня здесь представлены понятия? Что это вообще такое?

Писарский: Зачем их брать?

А чем же мне пользоваться? Чем работать? Вот я имею здесь все: у меня есть здесь верстаки и т. д. — это все то, что мы получили от прошлых структур мыслительной работы, развития предметов и т. д. И первое, что я делаю, — начинаю обсуждать понятия.

Вы мне можете задать вопрос: почему понятия? Я пока что отвечу очень грубо: потому что это и есть основные средства мыслительной работы, основные средства построения рассуждения. Я дальше все это переверну и проблематизирую и буду обсуждать *понятие о понятии*. Но пока что я должен двигаться в методологической рефлексии, и я должен эти понятия [перечислить соответственно этому пространству]. И вот они у меня здесь зафиксированы в виде точек — точек как узлов прошлых рассуждений, и они же должны выступать как узлы моих новых рассуждений — как средства. Этих понятий

очень много, и все они связаны друг с другом: я говорю здесь, например, об исследовании, конструировании, о проектировании, еще о чем-то… А что это такое? Ведь у меня это каждый раз понятия, фиксирующие, скажем, либо изолированное конструирование, либо конструирование в другой сфере. Или исследование — так это исследование другое — не методологическое, которое включено в эту организацию…

Итак, я беру эти наборы понятий. Мы же должны строить *теорию* мышления. А для этого, соответственно, должны иметь новый образец, модель и пользоваться соответствующим понятием. Но оказывается, что это понятие [теории] не работает. И я в прошлый раз показывал, в каких многих смыслах оно употребляется. И все они друг другу противоречат. И даже можно пояснить, почему так произошло: потому что само это понятие развертывалось в массе независимых друг от друга рассуждений, ориентированных на другие пространства или на другие предметные организации. И вот теперь для этой системы оно не срабатывает. И так оказывается с каждым понятием, которым мы хотим воспользоваться. Поэтому первое, что мы должны делать в рамках темы «Построение теории мышления», — менять и трансформировать систему понятий, которыми мы пользуемся. Всех понятий. И иначе нельзя. Нельзя представлять себе дело так, что мы одно, два каких-то понятия переделаем, а остальные можем оставить прежними. Переделке и трансформации подлежат все без исключения понятия, которыми мы пользуемся, все понятия, которые относятся к этой области, все понятия про мышление и деятельность и также про объекты мышления и деятельности.

И тут я вынужден переходить в рефлексивный план и обсуждать вопрос: что же есть эти понятия? Что это такое? Что мне дает право и основание делать такое утверждение?

Я исхожу из того, что понятия — это такие особые образования, которые, с одной стороны, характеризуют те стадии мышления, которые существовали до предметной организации мышления. Во-вторых, понятия — это такая форма организации рефлексии и мышления, которая обслуживает все другие формы организации мышления, в том числе методологические и все иные. И эти понятия существуют как отдельные, монадные образования. Я дальше еще буду неоднократно возвращаться к этому вопросу, но тут я все время исхожу из определенного представления о понятии: это некоторое отдельное образование, может быть, с какой-то сложной жизнью… Понятия взаимно отображаются друг на друге, но они не образуют системы, и поэтому каждое понятие я должен и могу рассматривать отдельно от других.

При этом мы сталкиваемся с тем, что хотя понятия и не образуют системы, но они все взаимосвязаны и взаимозависимы: когда я затрагиваю одно понятие и хочу его трансформировать, то оказывается, что это понятие связано с целым рядом других понятий. Например, если я беру понятие теории, то оно неразрывно связано с понятием объекта, исследования, конструирования, доказательства, объяснения и целого ряда других… Оно неразрывно связано с понятием рефлексии. И поэтому каждый раз оказывается, что выделяется всегда не одно понятие, а целое семейство связанных между собой понятий, своего рода узел. Поэтому, поставив здесь фактически задачу трансформировать понятия, я сталкиваюсь с совокупностью таких проблемных узлов. В центре каждого из таких проблемных узлов лежит какое-то одно понятие — то, которое я выбрал, а на периферии с ним связан целый ряд других понятий, которые должны быть ухвачены как одно узелковое образование. И когда я проделываю эту работу, то я потом могу обратиться к следующему понятию, и опять создастся определенный узел. И я должен буду их рассматривать все, каждый по отдельности или в рамках таких семейств.

Но спрашивается: а на что же я при этом опираюсь? Что мне дает основание для систематизации материала? И тогда мы приходим к исключительно важному и принципиальному выводу: основанием и опорой в этой работе по критике и перестройке понятий (а это работа критическая в первую очередь, и, кстати, мы ей как раз больше всего занимались и отработали методы такого критического анализа, в большей степени, чем всего остального) всегда является противопоставленная ей *онтология*. И поэтому я могу сказать следующую вещь, которую я проецирую ретроспективно в историю: собственно работа с понятиями, их критика и конструирование возникают одновременно с проявлением метафизики, то есть онтологической работы, и образуют существо философской формы организации мышления. Собственно, это два полюса одного и того же.

При этом я тут забегаю вперед и должен говорить о том, что является результатом самой такой понятийной критики. Поскольку все идет в таких циклах, постольку мне все время приходится апеллировать к чему-то как к уже выясненному… То, что раньше, исходно существовало как знание, начинает раскладываться на рефлексивно выделенное онтологическое представление, то есть мы начинаем отвечать на вопрос: каков объект этого знания? [Знание раскладывается] на операциональную составляющую и на составляющую знаковой формы… И когда мы все это выделяем в знании

и фиксируем за счет рефлексии, то тогда, по сути дела, и получается понятие. Понятие рождается из знания, но тогда, когда знание рефлексивно обрабатывается и в знании выделяются эти основные составляющие. И я бы мог назвать еще четвертую составляющую — это замещение, или интенциональные отношения. Но с этой частью сложно, она не всегда выявляется. Итак, когда по поводу знания, таким образом разложенного в рефлексии, или по поводу знания, таким образом разложенного, складывается рефлексия, то тогда и появляется понятие.

И поэтому структуру понятий в самом простом виде я бы нарисовал так: структура знаний или предмета, которая соответственно отражается в рефлексивном полюсе. Понятие есть прежде всего определенная единица нашей рефлексии, и поэтому ее нельзя никогда путать со знанием. Понятие есть принципиально иное образование. Понятие — это единица нашей рефлексии. И поэтому оно представляет собой «матрешечное» образование: внутри понятия находится знание, но уже знание не как таковое, не как непосредственное знание, а знание предметизуемое, то есть знание, зафиксированное в рефлексии во всех своих основных составляющих, включая объект знания, операцию, метод, методику и знаковую форму, в которой все это фиксируется (см. рис. 8).

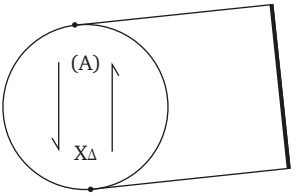


Рис. 8

Если, к примеру, у нас появляется понятие числа, то это означает, что мы можем выделять единицы считаемого множества, мы имеем множество или количество как объект, у нас есть операция пересчета-отсчета, у нас есть особым образом построенная, фактически уже бесконечная форма числа, то есть знаковая форма, развертываемая еще и конструктивно. И вот тогда у нас появляется понятие числа.

Я забежал вперед. А мне нужно совершенно другое: я здесь должен заняться критикой и реконструкцией понятий. Но при этом, хотя они и не систематизированы, то есть не организованы в систему теории, они все взаимосвязаны друг с другом и зависят друг от друга, но не непосредственно, а за счет того, что фиксируют взаимосвязанную мыслительную работу. И чтобы выявить эти связи и зависимости, мы

вынуждены создавать специальную [конструкцию], дабы провести такой критический анализ и реконструкцию с целью связать и соотнести их всех вместе. И такой конструкцией являются онтологические картины, или онтологии, относительно которых мы и начинаем критиковать и реконструировать понятия, задавая способ членения этой онтологической картины через выделенные методики.

Почему там обязательно должны быть операции и процедуры? Потому что без этого нельзя выявить тот поворот объекта, или тот срез абстракции, на котором задается данное знание, данный предмет и, соответственно, данное понятие. Онтология есть как бы плоское, сплющенное единство всех их, и понятия существуют сами по себе. Они каждый раз — монады. Но поскольку они появились за счет того, что мы особым образом резали нашу деятельность и оформляли ее, а эта деятельность еще, кроме того, связана и образует такие целостные единства, то мы теперь можем эту целостность и единство реконструировать за счет создания онтологической картины, за счет создания плоскости идеальных объектов. И это, собственно, порождает, на базе этого начинаются собственно философская систематизация понятий и построение того, что может быть названо «философской теорией».

Философская теория не обязательно существует в философии. Она может существовать в лесоведении, психологии. Психология дает нам образцы такой философской теории. То, что делал Л. С. Выготский, то, что пытался делать А. Н. Леонтьев или С. Л. Рубинштейн, — это все были попытки как-то соорганизовать понятия, которыми пользуется психология, на базе единой онтологической картины. До науки, научного исследования они вообще никогда не доходили, поскольку они не могли решить и эту проблему. То есть им так и не удалось построить никакой онтологии для психологии. Но цель и задача состояли именно в этом — в такой философской теоретизации понятий на базе единой онтологической картины.

Но это ведь вообще бессмысленная задача, потому что нельзя превратить совокупность понятий в теорию. И не нужно этого делать, ибо это никому не нужно. Смысл и сила понятий в том, что они изолированы, а единство задается через *онтологию* и *онтологическую работу*. Именно поэтому в древнегреческих философиях, в современной психологии онтология и онтологическая работа должны осуществляться сами по себе.

И, кстати, в этом плане [психологи] могут оказаться впереди физики, химии. И, вообще-то говоря, это более пластичная, более богатая и более живая форма. Потому что физика проделала сейчас это движение, вышла к проблемам квантовой механики и погибла.

Потому что ее теоретические формы, собственно научные, предметные, оказались слишком косными. И поэтому для них нет тут другого пути, как начинать все заново… И, собственно, они так и пытаются сейчас делать, ибо эта старая форма научно-предметной теории — косная.

И в этом плане очень интересно анализировать историю математики. Задайте себе вопрос, Константин Львович: а почему «Начала» Евклида не развивались дальше? И вообще, существенен и интересен вопрос: а что, все, что существует, все формы организованностей мышления бесконечно развиваются? И нет у них конца? С моей точки зрения, это ерунда. Каждая такая форма достигает определенной завершенности и на этом умирает. Она откладывается в культуру, существует там, ею пользуются, но она умерла… Все… И поэтому надо начинать все снова, и, кстати, поэтому создаются новые математики…

Итак, я должен рассматривать эти понятия, должен противопоставить им некоторую онтологическую картину. И я все время буду прибегать к таким онтологемам… То есть я буду задавать схемы актов деятельности, знаний, мыслительных структур как онтологические. Но для того чтобы вообще двигаться дальше, я ведь должен еще как-то соорганизовать свое собственное движение. Я сейчас об этом буду говорить, а этот кусочек закончу репликой…

Подобно тому, как меня удивляют психологи, которые не хотят заниматься подлинными проблемами психологии в частности проблемами психологии знаковости и знаковой организации поведения, так же точно меня удивляют философы и логики, которые оставляют без внимания самые кардинальные, самые решающие проблемы своей профессии, например соотношение логики и онтологии. Я бы хотел обратить внимание присутствующих на исключительную важность такой темы — *логика и онтология*. Мы все говорим: логика-логика… Но до сих пор нет ответа на вопрос: с чем это «едят»? Каково понятие логики? Как оно эволюционировало? Какой смысл имело в каждую историческую эпоху? Как это связано с моментами онтологической работы?

Чернов (неразборчиво).

Как представить себе возникновение философии? Там много, конечно, компонентов, но я беру одну линию: возникает много таких изолированных понятий, начинается их соотнесение и связывание и критика. Диалоги Платона — это классический образец такой критики. Спрашивается: что нужно теперь, чтобы как-то начать их соотносить и связывать разумно? Не просто «я думаю так, ты так» и т. д., а чтобы было какое-то основание. Вот для этого начинает

строиться онтология. Сам Платон ее намечает, Аристотель строит. Начинается метафизическая, или онтологическая, работа. И начинается соорганизация понятий на базе онтологии. Вот это выступает как одна из первых форм теории — это теория философского типа, или философская организация теории.

Что я называю «философской теорией»? Совокупность понятий, связанных и соотносимых друг с другом на базе единой онтологии, или онтологической картины. И обратно: если теория построена таким образом, то я ее буду называть философской теорией. И мне еще очень важно следующее: что это есть систематизация, соорганизация понятий. Обратите внимание, не знаний и не предметов, включенных в понятия внутри по принципу «матрешки», а именно соорганизация понятий.

Когда математикам этого стало недостаточно и они начали работу по систематизации на основе выделения таких предметных образований или знаний, начали разворачивать систему знаний, а не систему понятий, тогда мы получили то, что в Античности было названо «математикой». Математикой не в нашем, современном смысле, а в смысле науки, противопоставленной философии, ибо таков был первоначальный смысл слова «математика». Потом, когда начали складываться теории третьего типа и они были противопоставлены математическим и философским теориям, тогда математика начала приобретать нынешний смысл — математика в отличие от науки. А первоначально эта математическая форма организации возникает уже на сломе понятий, как бы на снимании рефлексивной оболочки и на организации этого содержимого. Но это происходит дальше.

Ильясов: А психология, еще не убежавшая из философии, ведь имеет определенную ценность?

Они просто несопоставимы по своему богатству. Если вы берете гербартовскую систему психологии или гербартовскую систему педагогики, организованную философски, если вы берете вундтовскую систему, то их просто нельзя сравнивать с тем, что есть сейчас.

Анисимов: Правильно ли я понял, что та организация понятий, о которой вы говорили, дается в противопоставлении системной организации понятий? Это — организация для рассуждения.

Ведь я с этого же и начинал. Как я вводил понятия? Я говорил, что понятия — это узлы, средства построения рассуждения. И, кстати, здесь будет очень интересная проблема — и в ретроспекции, и проспективно. А что здесь, собственно, систематизируется или соорганизуется — рассуждения или понятия? И это образует одну из интереснейших тем для дискуссий в комментариях…

Скажем, в комментариях к «Началам» Евклида, в прокловских комментариях по поводу философии геометрии, когда обсуждается философский смысл математического знания, теории и т. д., основной вопрос: что такое доказательство и что здесь зафиксировано? Какую структуру они имеют — философские образования и т. д.? И к этому возвращается дальше Спиноза, когда строит свою «Этику». Вся эта проблематика именно здесь и развертывается.

Что это такое? С одной стороны, это не что иное, как организация рассуждения, то есть синтагматика. А с другой стороны, поскольку речь идет о понятиях, это уже должна быть парадигматика. Но понятия — это и есть такие образования, которые создаются в синтагматике, носят парадигматический характер, но в парадигматику не попадают или попадают как отдельные образования, или застывают где-то между синтагматикой и парадигматикой. И понятно почему: понятия есть единицы рефлексии. И это очень важно все время иметь в виду. Это не значение. И поэтому нельзя, Олег, сказать то, что вы сказали: не может ставиться задача на систематизацию понятий.

Анисимов: Но я же этого не говорил. Я говорил о противопоставлении системной организации какой-то другой.

Системной организации вообще? А в применении к понятиям это не срабатывает. Там не может этого быть в силу этой очень интересной и сложной двойственности…

Хотя мы возвращаемся к проблемам построения теории мышления и мы обязаны «снять» слой понятий. И, следовательно, мы обязаны ответить на вопросы: что есть понятия? как они организуются? И это все войдет тоже как особый слой в проблематику построения теории мышления. Потому что никакой теории мышления без понятий и их соорганизации нет и быть не может.

Я одновременно проделываю много разных работ. Я намечаю исторически все это — вот так это все было, вот так эта проблематика перед нами стоит, вот таковы возможные формы…

Итак, когда мы имеем множество таких понятий, как ядер, то я должен каким-то образом все это движение соорганизовать. Эта первая моя задача. То есть я должен просмотреть все основные понятия, их реконструировать. Но я должен это делать в определенном порядке и, как я уже говорил выше, определенными методами. И поэтому я организую все это в такие проблемные узлы. Но при этом, организуя все это в проблемные узлы, я понимаю, что у меня будет происходить все время дрейф такой… И я буду, поставив, задав один проблемный узел, потом, в ходе его обсуждений, часто буду вынужден сместиться в другой, третий, четвертый…

И здесь опять выявляется очень важная проблема порядка, или восхождения, что то же самое. В каком порядке я должен обсуждать эти вопросы? Начать я могу, в принципе, с любого понятия и с любого понятийного проблемного узла. Но при этом выясняется каждый раз, что у меня либо хватает средств, либо не хватает, и я должен буду передвигаться к другому [узлу]. И поэтому мы каждый раз спрашиваем: а там существует какая-то внутренняя зависимость, членение? Спрашивается: с помощью чего мы можем ответить на этот вопрос? По-видимому, только исходя из построенных нами онтологических картин.

Я еще раз повторю этот тезис: мы можем обратиться к любому понятию, к любому проблемному узлу — в зависимости от того, какие задачи мы решаем на практическом уровне. Скажем, мне нужно ответить на вопрос «что есть теория?», и поэтому я выделяю понятие теории, делаю этот ход. Но всякий раз я буду определять все это в какой-то степени приближения, проводя историческую критику, либо я буду организовывать это понятие как бы имманентно, локально… Я имею на это право, ибо понятие — это монада. И я эту работу могу проделать. Но, с другой стороны, поскольку я говорю, что все понятия должны быть соорганизованы, мне хотелось бы мою работу минимизировать. Почему я говорю «минимизировать»? Потому что для решения задачи я могу определить то или иное понятие имманентно. Но когда я потом перейду к другим задачам и определю другое понятие, окажется, что оно мне дает «волну» на первое. И вот тогда, в этой ситуации, впервые осознаётся и формулируется задача собственно теоретического развертывания, то есть задание такого порядка обсуждения и разворачивания понятий, которое бы дало возможность построить систему (пока не говорю чего) — теоретическую систему, не обращаясь все время к таким обратным реконструкциям и постройке элементов.

Вообще-то этот ансамбль понятий может строиться путем непрерывной постройки его элементов: мы осуществляем такие челночные движения и все время приводим понятия в соответствие друг с другом… Все время идет такая работа. Кто-то продвинулся — ставится задача все остальное подтянуть… Так сегодня развивается физика, так развивается биология, так развивается химия. Они все время перестраивают свой ансамбль понятий. А вот математики попробовали выскочить из этого. И для этого им надо было проделать работу совершенно другого рода: они для этого задали пространство, задали такую вещь как «фигура», и положили их в пространство, задали эту первую процедуру построения равностороннего треугольника, а потом систему редукций, или сведений

к этому равностороннему треугольнику, и всё выразили через один эталон.

И в какой-то момент ставится задача на систематическое выведение всей совокупности этих знаний. Что там происходит? Там происходит совершенно другое: надо теперь отказываться от монадности этих образований, следовательно, происходит эта разбивка, начинает складываться то, что мы сейчас называем «предметной организацией теории».

Заскочив так вперед, я теперь задаю вопрос: решая задачу с мышлением, что мы можем делать и как? Перед нами несколько возможных образцов работы: с одной стороны, вроде бы можно соорганизовывать понятия, с другой стороны, можно пытаться решать эту задачу систематически… Но тогда что мы должны для этого делать? У нас фактически уже три образца здесь получаются: соорганизация понятий в отнесении к онтологической картине, разворачивание единой онтологической картины и предметная организация онтологии. У нас есть эти три типа, соответственно, три типа построения теории.

Итак, мы можем соорганизовывать понятия, апеллируя к онтологии и беря ее за основание. Но с того момента, когда возникает эта задача, возникает вопрос: а можно ли избавиться от этого? Можно ли проделать работу таким образом, чтобы сразу вывести всю совокупность понятий и закрепить их? Что мы для этого должны сделать? И тогда начинается конструктивное развертывание онтологий, построение метафизических, или онтологических, картин в рамках чистой онтологической работы без всякого исследования в современном смысле слова. Чистая онтологическая работа связана с чем? Со схематизацией смысла предшествующих понятий, критикой и схематизацией смысла, выражением их в единых конструкциях онтологии и построением новой системы понятий, снимающих содержание, закрепленное в старых понятиях, и новой развертываемой онтологии в новой системе соорганизованных понятий. И все это — без всякого исследования.

Первый случай: соорганизация в ансамбли понятий с опорой на онтологию. При этом движущая сила идет в понятиях и в живом рассуждении. Рассуждения могут быть самые разные, и отнюдь не онтологические — исследовательские, конструктивные, проектные — какие хотите. Все время идет работа, все время рождаются разнообразные понятия, эти понятия соотносятся друг с другом через онтологию.

Второй тип. Вы все время соотносите эти понятия, организуете, движетесь и т. д. и потом говорите: черт побери, восьмой раз

определяю это понятие предмета, надоело уже; и прошлое было хорошее, и позапрошлое, а опять не срабатывает. Ведь я продвинулся на прошлой неделе, у меня возникло новое представление, новое понятие, и у меня все пошло прахом, поскольку я чего-то не учел… Ну, сколько можно делать эту бессмысленную работу? Снова и снова создавать понятия?

И вот когда это все становится ясным, то возникает вопрос: а как от всего этого избавиться? Ответ: надо систематически развертывать онтологию. И начинает развертываться собственно онтологическая работа и будет строиться онтология.

Кстати, с чего физика начинала? Если вы берете такую вещь как представление о молекулярно-кинетическом строении вещества, то физика начинала как раз с этого. С чего начиналась химия в работах Лавуазье? С систематического развертывания онтологии. И математика делала то же самое. Если вы берете работы Демокрита, Пифагора и дальше, то там ведь им нужно было задать онтологии. И они их задают, причем задают конструктивно, аналитически и т. д. Если вы берете первые работы по теории чисел, то я думаю, что там — то, что делали Коши и вплоть до Кантора, — это тоже есть построение онтологии, по-видимому, там каждый раз есть тип работы чисто онтологический.

В тех случаях, о которых я говорю, этот тип работы либо включен в математическую работу, либо включен в предметную работу и существует там просто как относительно автономная подсистема. В методологии все это может разворачиваться как самостоятельная работа, и тогда появляется собственно *онтологическая работа*. А если мы берем философию, то она ведь фактически выходила к этому; в работах Гоклениуса, Христиана Вольфа, Лейбница вроде бы обрела свои основания. Собственно, Гербарт и другие реализовали эту методику, и тут появился Кант, который подрубил их под корешок. Потом к этому еще добавил Гегель и сказал, что не надо трех слов…[14] И вот тут метафизика распалась. Хотя, скажем, Декарт ведь проделывал самостоятельную метафизическую, или онтологическую, работу…

И только теперь, когда перед нами возникли новые задачи: строить новые предметы, обеспечить развитие технологий, решение организационно-управленческих задач на уровне региона и т. д., — оказалось, что без этой онтологической работы вообще ничего делать нельзя. И тогда вернулись назад и начали задавать вопросы: а кто это кричал, что «не надо трех слов»? почему Гегель вообще это все делал? почему у него была такая точка зрения? И поэтому появляется такой сборник — «Что такое марксистская онтология?»[15], то есть без этого

дальше нельзя. Онтология задает целостное, интегрирующее основание для человеческой деятельности и мышления. Это есть необходимая форма мыслительной работы.

Я опять отклонюсь немного… Онтология дает личность. Без онтологии личности не может быть. Это еще Платон понял. Онтология дает основание для ценностей, для строительства самого себя. Кстати, очень интересный пример с нашими интеллигентами, которые сейчас в восточные формы ударились… Это дико интересно, но ведь результатом каждый раз является следующее: получив этот культурный релятивизм, это представление, они теряют личность. Потому что ценностей-то у них больше нет. И дела нет. Они могут делать все что угодно. Только ничего не могут уже. И, кстати, когда Платон боролся с софистами, то он эту сторону и подчеркивал: он говорил, что тот, кто может доказывать, что белое — это черное, а черное — это белое, и вообще принимает этот релятивизм, он уже не может сохранить свою личность и что-либо делать. Поэтому онтология нужна, чтобы соорганизовать интегрированное действие и дать основание для существования человеческой личности.

Но если вы начинаете разворачивать эту онтологию и она у вас становится базовым основанием, то вы в этом процессе единого разворачивания онтологии порождаете систему необходимых вам понятий в жесткой последовательности и связи. И поскольку эти онтологии начинают определять и предметные организованности, и возможные области экспериментов, и цели для научного исследования и т. д., они все оказываются замкнуты на этой единой онтологии.

Кстати, ведь что вообще-то произошло сейчас? Онтологии, созданные в позднее Средневековье и ранее Возрождение, дали основание для появления совокупности натуральных наук. Они могли развиваться как науки в их предметной организации за счет крепости, фундаментального характера этих онтологий, их неизменности. Они исчерпали возможности этих онтологий, уперлись, по сути дела, в области, которые не соответствуют тем, сложившимся четыреста лет назад, онтологиям и оказались в пустоте — ни в чем. При этом сохраняется иллюзия, что наука якобы может двигаться вперед и осуществлять процесс познания без философии и без онтологии.

Поэтому возникают совершенно неразрешимые проблемы (я буду сейчас повторять то, что рассказывал в одном из своих докладов Малиновский), складывается интересная ситуация: нам, чтобы присоединить технологии к природе, нужна новая онтология — онтология деятельности, технологии природы человека! Нужно решать проблемы: что делать с отходами? К кому обращаются? К ученым.

Почему? А к кому же еще обращаться? Они же у нас носители знания и познания. А они и есть те самые, которые произвели все это безобразие. Больше того, их спрашивают, как вообще соорганизовать все это, а они начинают рассказывать, как они там эксперименты ставят, что они делают, то есть совершенные несуразности.

А спрашивается: кто же теперь эту новую онтологию сможет дать? И поэтому появляется масса удивительных образований типа экологической технологии или еще чего-то, которые непонятно куда идут и что это такое. Ученые всегда отвечают так: давайте мы померим, сколько вредных осадков. Им говорят: да мы и без вас знаем, что очень много. Вы нам скажите, что делать! А они: давайте мы вам что-нибудь померим.

Чернов: У вас онтологическая работа ничем не отличается от философии.

Нет, неправильно. Раньше онтологическая работа осуществлялась философией, в рамках философии. Сейчас онтологическая работа либо должна осуществляться сама по себе, либо в рамках методологии, оформленная как онтологическая работа. Точно так же исследование, конструирование, проектирование — в рамках методологии. А может существовать сама по себе, как существует архитектурное, градостроительное проектирование само по себе. И его еще нужно методологически организовывать, чтобы оно было адекватно всем остальным формам человеческого мышления и деятельности. Вот моя точка зрения.

Брянкин (неразборчиво).

Предметники от нас, Сергей Васильевич, ничего не должны получить. Дилемма очень жесткая: либо они будут заниматься методологией, либо перестаньте с нею баловаться. Вы предметники? Ну и работайте себе на здоровье. Чего вы ходите на собрания? Но коль вы куда-то ходите, чего-то ищете, значит, вы не умеете. И перестаньте говорить о трудностях, которые у нас здесь возникают. У *нас* никаких трудностей нет. Я с ними, с предметниками, стараюсь вообще не общаться.

Сергей Васильевич, по-прежнему как предметник, говорит: посмотрите, что вы делаете — вы берете онтологии, переводите их в ансамбли понятий, двигаетесь… Предметники берут ваши понятия, они им нужны. А я отвечаю: да не нужны мне предметники, забудьте о них. Если вы хотите обсуждать вопрос о развитии методологического мышления, вы обсуждаете *этот* вопрос.

А по поводу методологического мышления я отвечаю так: нельзя методологически рефлектировать мысли, переведя это только в ансамбль понятий. Здесь задача состоит в том, чтобы развертывать

в едином движении всю совокупность элементов методологического пространства. Всю! Потому что так должно быть построено методологическое рассуждение… Ведь я-то осуществляю рассуждение, и это рассуждение не преследует цели дать что-то предметникам, а преследует только одну цель: развивать всю структуру методологической рефлексии и методологического мышления…*

Я не перевожу онтологические картины на понятийный уровень. Я отражаю онтологические картины в ансамблях понятий. И вне работы с понятиями не может быть здесь никакого движения. Но не может быть и движения только в ансамблях понятий. Это гетерогенное, гетерархированное, гетерохронное целое, которое нужно двигать как одно, как оно задано этой организацией пространства (см. рис. 4). И нужно эти рассуждения и движения в каждом из этих верстаков нормировать, организовывать, технологизировать как вот такое движение во всем этом пространстве. И пока вы не приняли эту задачу и не работаете на нее, всякие наши разговоры с вами бессмысленны. Ни вы ничего не будете понимать, ни мне неохота будет с вами разговаривать.

Брянкин: А каким образом я могу оспособить это пространство?

Так я же для этого и рассказываю вам все это так долго… Предполагая, что вы снимаете некоторый «ориентировочный» план, по Гальперину, а потом будете пытаться это делать — год пытаться, два пытаться, пять… Другого пути нет.

Малиновский (неразборчиво).

Я ведь и обсуждаю этот вопрос. Мне же нужно ее (рефлексию) разложить. Я поэтому все эти линии намечаю. Я говорю: ведь очень интересно, что я буду делать с понятиями — буду ли я их в ходе онтологической работы создавать или в ходе конструирования? Ведь я задаю понятие как единицу рефлексии. Я дальше должен все это объяснить…

Вот у меня здесь, над всем этим, находится пространство рефлексии, а в нем «плавают» эти верстаки, предметы, онтологии, практики и прочее. Поэтому практически у меня все понятия идут как бы в двух субстанциях: эта часть остается в пространстве рефлексии, а эта, нижняя, — предметная, знаниевая, операциональная — развертывается в соответствующем блоке. Если у меня будет проектный предмет или проект — это у меня будет идти в соответствующем верстаке. Если это исследование — это будет идти в исследовательском образовании.

---

* Далее отсутствует небольшой фрагмент доклада, который не был записан по техническим причинам. *Примеч. ред.*

Понятия за счет своей гетерогенности и дают нам возможность объединять рефлексию и предметную организацию. Но чтобы объяснить это, я должен был бы еще дальше рассмотреть — что?

Вот я наметил эти узлы проблем… Начал с узла проблем теории, исследования, как-то проблематизировал, и вдруг выясняется, что обсуждение этого узла проблем про теорию зависит от предварительного обсуждения узла проблем, связанных с рефлексией. Что такое рефлексия? А дальше, скажем, пойдет проблема знака с его составляющими: смыслом и т. д. Потом пойдет проблема знания.

Но если я так говорю — «оказывается зависимым», «пойдет» и т. д., — то я все перевожу в онтологический план и говорю: ну, да, но я ведь уже представил себе, что, к каким бы понятиям я ни переходил, у меня каждый раз будет закручиваться такая циклическая связь, то есть у меня определение этого понятия будет зависеть от определения других и т. д. И я могу, следовательно, делать всю эту работу только в бесконечно устремленном вперед движении, решении конкретных задач, то есть, по-видимому, в процессе исследования мышления. И ни о каком построении теории мышления я при этой стратегии вообще говорить не могу. Я все время буду двигать эту совокупность понятий, соответствующих онтологических картин соответственно тем практическим задачам и проблемам, которые будут возникать. Мы выходим на этот естественный путь развития мышления.

А мне-то ведь нужно нечто другое. Мне нужно осуществить такое движение, в котором бы я этот хаотический дрейф, хаотическую эволюцию спрогнозировал бы и «снял». А для этого я, по-видимому, должен перейти к онтологической работе и разворачивать онтологии. Но пока что, если онтологии нет и не из чего вроде бы ее разворачивать, то я должен по крайней мере наметить для себя некоторый порядок обсуждения этих понятий, если я работаю в слое понятий. Я не спускаюсь сразу к этой онтологической работе: у меня нет соответствующих понятий, а те, которые есть, не годятся для онтологической работы. Но я их должен так критически разобрать и так сорганизовать, чтобы предусмотреть в этом движении в слое понятий линию разворачивания онтологии. А это означает, что я эти проблемные узлы должен теперь как-то сорганизовать в их последовательности и двигаться не просто — одно, потом — другое, потом — третье и т. д., а я должен наметить эту линию обсуждения узлов проблем.

Малиновский: Понятийная работа имеет особый статус? Она не входит в блоки организации этого пространства?

Это иллюзия, что есть какая-то особая понятийная форма организации мышления. Ибо понятие есть всеобщая форма организации рефлексии. И мы, кстати, не знаем других. И, с моей точки зрения,

понятие и остается этой основной единицей рефлексии. А рефлексии — по своим типам — непрерывно меняются. Рефлексия сама по себе не организуема. И в этом ее сила. А рефлексия организуется опосредованно и косвенно через соответствующие предметные, квазипредметные и псевдопредметные организованности. Рефлексия организуется не сама по себе, а тем, на что она направлена, и организацией того, на что она направлена.

Вообще, любой вид работы всегда имеет рефлексию и эту деятельностную организацию или, во всяком случае, операционализированную, квазидеятельностную. А иначе не будет мышления. И в этом, кстати, тайна взаимоотношений между мышлением и деятельностью, этого обратного движения, которое я рисовал (см. рис. 7). Причем я уже заранее обсудил и показал, каким образом формы организации мыслительного и рефлексивного пространства затем превращаются в формы организации деятельности, как они должны использоваться для этого, как бы проходя это обратное движение.

Тюков: Для первого образца теории онтология вроде бы должна быть построена на верстаке?

Но вы же сами очень красиво ответили… Да, но не предполагает работы с самими онтологиями.

Тюков: Не обязательно на этом верстаке, но, может быть, в каком-то другом пространстве?

Видите ли, это очень сложный вопрос. В каком плане? А как Аристотель получил свою родовидовую онтологию? Он ведь не строил онтологию. Он ее извлек за счет рефлексии. Он рефлектировал формы речи-языка, и вот эти стандартные формы речи-языка, зафиксированные им в логических схемах, он затем проинтерпретировал в план всеобщей онтологии. То есть эти формы греческой силлогистической речи были положены как всеобщая онтология и проинтерпретированы онтологически. Я, кстати, этот вопрос очень подробно разбирал в лекциях «Основы теории знания». Это где-то 1971–1972 год. Там эта трансформация таких рефлексивных и проектных образований в исходные формы знания разобрана довольно подробно.

Вообще, в этом пространстве организации методологической рефлексии и мышления любые структуры переводятся в любые другие. То есть каждый верстак рефлексивно отражает все другие. И отсюда, казалось бы, первый парадоксальный тезис: мы можем осуществлять исследование за счет конструирования, проектирования, онтологической работы без единой исследовательской процедуры. Мы можем осуществлять проектирование без единой проектировочной процедуры. Мы можем осуществлять конструирование без

конструктивных процедур — за счет других. И это есть один из важнейших принципов превращения метода в средство или организации — в элементы. И рефлексия постоянно проделывает такую штуку, то есть она может, например, извлечь структурную организацию элементов и задать ее как новый тип, то есть превратить структурную организацию в процедуры или структурную организацию процедур в процедуры. Вот что может сделать рефлексия. И она все время осуществляет перепредмечивание, переоформление, все время создает «превращенные» формы.

Сарычев В. М. (неразборчиво).

Конечно. Больше того, онтологии всегда существуют в множестве взаимоотражающихся, вкладывающихся друг в друга образований. Сами онтологии в рамках онтологической и методологической работы превращаются в сложнейшие системы взаимосвязанных друг с другом конструкций. Причем там есть очень сложные вещи…

То, что мы уже делаем, всегда принципиально развертывается на двух ортогональных онтологиях: на организационно-деятельностной онтологии, в которую мы помещаем себя, и на объектно-натуралистических онтологиях, которые задают объекты. У нас, во-первых, сами онтологии представляют собой множественное и очень сложно организованное целое, а во-вторых, внутри, между этими двумя предельными ортогональными онтологиями, развертывается, как шапокляк, раскрывается один ряд и второй ряд, которые еще организуются по принципам системных категорий, то есть морфологически, функционально, процессуально и т. д. с очень сложным решением вопроса о формах, материале и формах содержания. И поэтому они все живут в разных [отношениях ко времени], и одни из них, как видите, хронические, другие — ахронические и т. д.

6. [Понятие рефлексии. Рефлексия и мышление. Рефлексия и сознание]

В прошлый раз, уже после завершения официальной дискуссии, мне задали несколько очень дельных вопросов, касающихся, по сути дела, стиля, способа, метода моей работы. И по идее, если бы я мог на них отвечать, я должен был бы рассказать о стиле, способе онтологической работы внутри методологии. Я постараюсь это сделать в следующий раз, завершая весь этот цикл. Поэтому я сейчас просто хочу сказать задавшим вопросы, что я принял вопрос, имею его в виду и обязательно отвечу. Но, во всяком случае, мне для этого нужно проделать ту часть движения, которая намечена на сегодня.

Вы помните, что я, задав схему организации пространства методологической рефлексии (см. рис. 4), а затем поставив перед собой задачу рассмотреть в рефлексивном аспекте само мое движение, перешел к обсуждению различных понятий, обеспечивающих это движение. Я перечислил целый ряд таких понятий, критика и предварительное задание которых необходимы для организации моего движения и всей нашей работы. Некоторые из этих понятий я предварительно разобрал, показал многообразие трактовок понятий *исследования*, *теории* и на первом шаге предварительно задал *понятие о понятии*. И все это делалось в определенном отношении к этой схеме организации пространства.

И теперь я должен, продолжая это движение, то есть анализ понятий, необходимых для организации моей работы, обсудить еще ряд понятий — в первую очередь понятие *рефлексии*, понятие *рассуждения*, затем понятия *исследования* и *конструирования*. Эти четыре названных мною понятия образуют как бы первое поле, или первый блок.

Но я подчеркивал в позапрошлый раз и повторяю сейчас еще раз: само обсуждение понятий всегда идет по определенным семействам, узлам, и довольно подробно, так, как это здесь можно делать, обсудил саму тактику и технику подобных движений.

Из того, что мы обсуждали в прошлый раз, мне важно напомнить сегодня эту взаимосвязь понятий и непрерывное движение с центрациями. Поэтому и сейчас, выделив две таких группы парно организованных понятий — «рефлексия–рассуждение» и «исследование–конструирование», я должен буду параллельно обсуждать еще ряд понятий, которые будут лежать не в центре этого узла, а как бы на его периферии. Мне придется обсуждать понятие *интенциональности*, затем понятие *операционализации*, понятия *формализации*, *онтологизации* и *категоризации*, а при этом я опять-таки должен буду апеллировать, соответственно, к другим понятиям, к заданным ими содержаниям. Это будет как бы третий слой: я должен буду использовать понятие о понятии, понятие знания, понятия объекта, операции, формы и содержания и целый ряд других.

Мне сейчас важно, чтобы вы видели и представляли себе эти три слоя, понимали слоистое строение того, с чем я имею дело, примерно представляли себе, что я буду затрагивать. Каждый из этих блоков [схемы организации пространства методологической рефлексии] в принципе остается открытым… Эти две группы слева я высветил только на этом отрезке моего движения, а дальше все это должно пойти, по идее, вниз, и я должен буду рассматривать все другие типы деятельности, и основной, левый, слой будет сдвигаться,

и, соответственно, будут меняться эти фоновые слои. А кроме того, я могу на определенных этапах и фазах моей работы сдвигаться еще во второй блок, и тогда, соответственно, будет другая центрация. Мне каждый раз придется переорганизовывать эти узлы.

Цель и задача моего сегодняшнего сообщения состоит прежде всего в том, чтобы обсудить понятие *рефлексии*, содержание этого понятия, включив это все в контекст предшествующих обсуждений, и наметить, с одной стороны, — в ретроспективном плане — то, что мы раньше обсуждали, а с другой стороны, показать (чтобы вы отчетливо представляли) наши цели и линию дальнейшего движения. То, что относится к этой ретроспективе и резюме, основанному на этой ретроспективе, будет по содержанию повторять то, что мы уже обсуждали, но совсем в другом повороте, и в этом плане является во многом новым содержанием. Но какие-то моменты, естественно, там будут уже отработаны.

Итак, я прежде всего напоминаю нашу основную цель и задачу, следовательно, обращаю вас ко всему этому движению: главное — это соорганизовать и организовать собственный рефлексивный процесс и собственную рефлексивную работу. А поскольку я говорю все время о работе — о *моей* работе и *нашей* работе, — то это можно трактовать и как задачу организации моего и вашего сознания. Но это — вторичный план. Я мог бы точно так же сказать, что мне надо организовать коммуникацию. Главное здесь в этих терминах: «соорганизовать» и «организовать» работу — свою собственную методологическую работу. Эта формулировка сразу входит в известное противоречие с темой моего доклада: «Проблемы построения теории мышления». Но я в прошлый раз неоднократно возвращался к этому пункту и пояснял, что основная-то задача, наверное, всегда состоит в том, чтобы организовать свою собственную работу — будь то рефлексия, будь то мышление.

При этом мне надо проделать очень длинное и очень объемное рассуждение. И в этом состоит смысл дела. Оно, правда, может быть сильно сокращено за счет удачной и эффективной организации. Тем не менее я должен проделать это длинное рассуждение, а в результате у меня должна появиться методологическая организация мышления вообще, в том числе ее собственно теоретические формы. То есть одним из результатов этого рассуждения должна быть *теория мышления*. Но это — один из результатов. Это только одна из форм организации собственной мыслительной работы. И в такой переформулировке нет, в общем-то, ничего странного и необычного. Потому что именно с такого рода задачами и сталкивается традиционно исследователь-новатор.

Если, скажем, Кеплер пишет «Стереометрию винных бочек»[16], то это ведь длинное рассуждение: перед ним стоят определенные цели, и он должен решить задачу, и, чтобы решить задачу, он рассуждает. А в результате появляется то, что мы потом называем теорией. И, кстати, точно такую же задачу решает Галилей: ему нужно, например, определить законы соударения двух шаров, а в результате рождается теория соударения шаров. Но первоначально в этих книгах, кроме рассуждения, ничего нет.

Значит, то, что мы называем *теорией*, или то, что потом, будучи особым образом переработано и организовано, становится теорией, есть не что иное, как особая структура, которая порождается этим рассуждением и которую мы затем специально в этом рассуждении как бы высвечиваем. Вот что мне очень важно.

Поэтому и тут задача состоит в том, чтобы построить очень длинное рассуждение, а для этого надо его определенным образом организовать. В этом состоит смысл всей работы. На этом пути организации собственного рефлексивного движения мы уже сделали первый важнейший шаг: мы задали схему организации пространства нашей работы (см. рис. 4).

В этом плане можно обсуждать еще очень много интересных и весьма сложных проблем. Если сейчас вы начнете рассматривать всю мою работу сквозь призму нашей основной цели — создания определенных рабочих групп для разработки теории мышления, соответствующих учебных предметов, учебных задач, обеспечивающих передачу и воспроизводство мышления и т. д., — то вы можете теперь, в свете этого представления, видеть все дело так, что я задаю некоторые слои проблем, которые, собственно, и должны обсуждаться в этом контексте.

Если на этом первом шаге соорганизации всей нашей рефлексивной работы была задана схема пространства, то там возникает масса проблем, требующих обсуждения, и это и есть, собственно, первый слой, в том числе и при построении теории мышления. Построить теорию мышления — это значит, прежде всего, обсудить все эти проблемы, связанные с понятием пространства рефлексии, и задать определенные правила, по которым мы можем для каждой нашей задачи либо рисовать это пространство рефлексии и заполнять его соответствующим материалом, либо, каждый раз обращаясь к нему, вынимать из него в определенном порядке, в определенной последовательности все то, что нам нужно для решения разных частных методологических задач. Важно, что мы в рамках методологической работы должны уметь пользоваться этой схемой, а она, соответственно, должна быть организована.

И поэтому здесь возникает еще масса проблем разного рода. Я повторил бы их: что такое *пространство* в его обобщенном смысле? ограниченное оно или неограниченное? замкнутое или не замкнутое? Это также весь круг традиционных проблем, которые обсуждались, скажем, для архимедова пространства, ньютонова пространства, гильбертова пространства, пространства Минковского и т. д.: внешнее и внутреннее для этого пространства; пространство как статическая структура и его временизация; пространство и предметные организации; гомогенность и гетерогенность этого пространства; его гетерогенность и гетерархированность и т. д. Тут, повторяю, есть масса очень интересных и очень сложных проблем, и именно их обсуждение и задает нам первый, ядерный слой в работе по построению теории мышления и вообще организации мышления.

Это можно обсуждать еще очень долго и нужно обсуждать, но можно вместе с тем считать, что вчерне это все намечено, что у нас уже возникло какое-то понятие о пространстве рефлексии. И мы можем двинуться дальше, оставив здесь блок общей проблематизации, после задания соответствующего смысла, каких-то частных знаний, описывающих это, определенных отношений к культуре и, соответственно, включенности этого куска в прошлую культуру, и даже использовать его в функции образования, как бы снимающего эту прошлую культуру в определенной фокусировке, в определенной центрации.

Для того чтобы вы четко понимали дальнейшее, мне из всего этого круга вопросов, связанных с *пространством*, нужно выделить четыре пункта, которые относятся уже не к пространству вообще, а к пространству *методологической рефлексии*. Это, по сути дела, напоминание того, что я уже говорил, но мне хочется здесь это подытожить и сделать более резким.

Первая важная особенность того пространства, которое рисовалось все эти заседания, — это то, что его заполняют, сказал бы я, *системодеятельностные образования*. Почему я не говорю «объекты»? Здесь можно, конечно, воспользоваться словом «объекты», но понимая, что слово «объект» употребляется не в собственном смысле. Это — некие системодеятельностные образования, которые всегда, во-первых, допускают, во-вторых, требуют четвероякой интерпретации: каждый из нарисованных внутри объемлющей рамки блок есть всегда 1) процесс, 2) структура, 3) организованность и 4) материал. И это принципиально.

При этом я могу спроецировать это утверждение в категориальный план и сказать, что я, с одной стороны, пользуюсь категорией *системы* и здесь идет [соответственно] четвероякая интерпретация

каждого блока как системы, а с другой стороны, я каждый раз говорю, что это есть процессы мышления или деятельности, организованности мышления или деятельности, соответственно, материал мышления или деятельности.

Второй очень важный пункт. Я, как осуществляющий рассуждение и всю эту работу, могу вступать в двоякие отношения с каждым из блоков, заполняющих это пространство: с одной стороны, я могу рассматривать каждый такой блок как организационно-деятельностное образование и входить в него, а могу его рассматривать как объектное образование и тогда по отношению к нему осуществлять либо исследование, либо конструктивную переорганизацию, либо еще что-то. Этот пункт является важнейшим в определении специфики *методологического подхода* и *методологического мышления*.

Итак, в одном случае, рассматривая каждый блок как организационно-деятельностную структуру, я как бы вхожу внутрь этого блока в буквальном смысле этого слова, то есть принимаю наличествующие там структуры и организованности как принципы, правила формы и нормы моей работы. Там, следовательно, положены не объекты моего действия, а моя собственная деятельность. И я, следовательно, как говорил Станислав Лем[17], вынимаю здесь, у себя, «штепсель» и вставляю там в «розетку», включаюсь и становлюсь ретранслятором того, что там происходит, и живу по этим законам. А могу (и в этом — свобода, задаваемая методологическим мышлением) не включаться в эту «розетку», не входить в эту структуру, а положить ее перед собой и особым образом (уже по законам другой структуры или по законам свободной рефлексии, о которой мы будем говорить потом) с ней манипулировать: исследовать, переконструировать, проектировать и т. д.

Это очень важный момент, без понимания которого, с одной стороны, вообще нельзя понимать специфику *методологической работы*, а с другой — смысл всего того, что я буду обсуждать дальше, смысл тех основных оппозиций, в которых я работаю… Нельзя понять эти оппозиции, скажем, по отношению к той концепции, которую развивает М. К. Мамардашвили, с его «превращенными формами», и вообще к его концепции сознания[18]. Для меня просто не существует всех тех проблем, которые он развивает, и не может существовать, ибо, как это ни странно будет звучать, я-то уже исхожу из того, что я работаю не в превращенных формах, и вообще тут уже не может быть превращенных форм, поскольку если мы подключаемся к структурам деятельности, то мы освобождаемся от необходимости двигаться в превращенных формах.

В превращенных формах работают только те философы, мыслители, ученые и т. д., которые себя включили в превращенные формы. И поскольку они себя туда включили, постольку они в них, соответственно, и живут. Ведь наше сознание работает как «телефонная станция», как ретранслятор, поэтому все зависит от того, куда вы включились. Они взяли превращенные формы в европейской культуре, и поскольку они себя туда — ко всем этим «экранам» — подключают, постольку они так и работают…

Для этого чтобы пояснить этот прием, я воспользуюсь примером, который приводит Роман Кармен, рассказывая о своей поездке во Вьетнам. Когда он там показывал фильм о Чапаеве, то в момент психической атаки каппелевской дивизии все сидевшие там солдаты вскинули свои автоматы и превратили экран в дырку. Почему? Поскольку у них были превращенные формы, они мыслили в них и не видели разницы между жизнью и кино. А если бы они понимали это различие, то не стреляли бы, а знали бы, что это — экран и это происходит на экране. Так вот, тот, кто знает, что это кино, он уже освободился от превращенной формы, а тот, кто не знает, что это кино, начинает стрелять.

Если мы движемся не в понятиях, а в деятельности, то мы знаем действительность. То есть пафос этого утверждения в том, что действительность есть не содержание понятий, а отнесение себя к деятельности и понимание того, в какой роли ты выступаешь. Очень красиво про это сказал В. Я. Дубровский на дискуссии в журнале «Знание — сила». Ему сказали: «Ведь уж не может полететь». Он ответил: «Если уж знает, что он уж, то он полетит». И в этом состоит весь смысл дела. И в этом смысл прекрасной вещи Ричарда Баха «Чайка по имени Джонатан Ливингстон».

Если вы поняли, что [ваше сознание —] «телефонная станция», то у вас уже больше нет превращенных форм…

Тюков: Подключение — это не понимание. Подключение — это подключение в организованные формы, которые сами представляют собой превращенные формы.

Я понимаю, что это очень трудный момент, и поэтому я здесь и останавливаюсь. Я говорю: если вы работаете в методологической организации пространства, вы можете входить в структуры деятельности (при этом вы знаете, что вы входите в структуры деятельности) и выходить из этих структур деятельности…

Тюков: «Входить в структуры деятельности» и «знать о вхождении» — это все-таки разные вещи. Отсутствие проблемы превращенных форм возникает не тогда, когда вы входите в структуры, а когда вы знаете в методологической рефлексии, что вы входите в структуры деятельности.

Здесь надо различать включение в организационную форму и представление о включенности и выключенности из этих структур. Это — разные образования или разные слои одного процесса.

Обратите внимание: если это разные слои одного процесса, то это совсем другое.

Но постарайтесь разделить эти две вещи: 1) *что* я говорю (вы можете отнести это к моим заведомо ошибочным представлениям и убеждениям) и 2) *понимание* того, что я говорю (вы можете, например, проверить, правильно вы понимаете или неправильно). Есть пафос, смысл моих утверждений, содержание. Есть проблема истинности. Вы можете быть не согласны, вы можете считать, что я здесь запутался в трех соснах и вообще не различаю простых вещей. Но это уже относится к дискуссии. Я с удовольствием помолчу, а вы выскажете свою точку зрения и т. д. Но надо различать все это.

Пафос моего утверждения здесь состоит в следующем…

Первое. В методологическом пространстве лежат *системодеятельностные образования*, к которым я могу относиться двояко… Я могу взять любой такой блок как организационно-деятельностную структуру. Что значит «взять ее как организационно-деятельностную структуру»? Я должен твердо знать, во-первых, что это — организационно-деятельностная структура, во-вторых, что я ее таким образом беру, что я в нее вхожу, занимаю там определенное место со своей соответствующей идеологией — профессиональной, позиционной, групповой, клубной — какой хотите. Я это понимаю, я знаю, что это моя деятельная роль, и я играю свою роль: произношу соответствующие фразы, при этом могу про себя или явно улыбнуться. Если я все это знаю, то я свободен.

Второй момент. А могу встать совсем в другое отношение: я беру эти структуры деятельности и начинаю их рассматривать и трактовать как некий объект. А вот какой объект — мне уже не важно. Я могу сказать: это не объекты — реальный мир из них не состоит. Это только превращенные, превратные и т. д. формы. Ну, прекрасно. Но ничего же не меняется, поскольку я их взял как предметы, про которые я высказываю разные — более умные или менее умные — мысли. Это совсем другая позиция. И я могу сделать одно, могу сделать другое с одинаковым успехом, и при этом я каждый раз буду знать, что я в одном случае делаю одно, а в другом случае делаю другое.

Третий пункт. И один, и другой из названных мною планов существуют в единстве. И это обеспечивается понятием и предметом рассмотрения этих образований. Собственно, представление

о *предмете* и есть связка этих двух планов, или принцип этой двуплановости.

А отсюда — *четвертый пункт*: я могу совершенно свободно осуществлять *распредмечивание* этих образований, то есть переходить в план деятельности и в любые элементы этой деятельности, то есть в знаки, в объекты, в смыслы, в онтологические картины, в содержания — куда угодно. Поскольку у меня есть структуры деятельности, которые мне дают набор разнообразных элементов и связи между ними и определенную технику перефокусировок, переходов (так как все структурировано), то я вообще в любой момент могу любой предмет *распредметить*. И это обеспечивает процедуру вхождения. А могу, с другой стороны, любую структуру деятельности *опредметить*. И за счет этого я могу осуществлять любые перепредмечивания.

Тут я резюмирую этот кусочек: следовательно, то пространство, которое здесь нарисовано (см. рис. 4), — это не пространство жизни моих объектов, тех, которые я рассматриваю, исследую, о которых я высказываюсь и т. д., это есть пространство моей собственной мысли и деятельности, пространство моей жизнемысли. И это есть единое пространство того и другого. Это принципиально важно.

Таким образом, я могу сказать, что обсуждение проблем организации этого пространства, по сути дела, и есть попытка решить основные из тех проблем, которые возникают (я специально даю такую аналогию) в ядерной физике. Что значит решать ту проблему, которая поставлена принципом неопределенности, принципом дополнительности, представлениями о пространстве-времени, которые разрабатывают в последнее время Стивен Чу и другие? Это и есть попытка построить такое представление о пространстве, в котором процессы нашего мышления и нашей деятельности сосуществуют с процессами жизни объектов нашей мысли, где нет этой принципиальной границы и принципиальной оппозиционности, характерной для всего натурализма и обслуживающей его философии.

И с этой точки зрения возникает целый ряд очень важных историко-научных проблем. Дело в том, что мы, скажем, говорим о принципе тождества бытия и мышления у Гегеля (и ругаем его много, и пользуемся им не меньше), но для того, чтобы подлинный смысл этого гегельянского представления был бы восстановлен вновь и в этом новом контексте, нужно проводить параллель, соотнеся между собой такую форму организации рефлексии-мышления-деятельности с теми представлениями о мире тождественного самому себе бытия-мышления, о котором говорил Гегель. И в этом же плане очень интересно посмотреть, как это все сейчас развертывается, скажем, в гуссерлевской феноменологии и в феноменологических

исследованиях его учеников и последователей. И заодно нужна соответствующая историко-критическая проработка представлений о пространстве, начиная от Демокрита и Архимеда и кончая Минковским и Эйнштейном.

Итак, я задал — как первую форму организации методологической рефлексии — схему пространства. У меня там все положено: онтологемы, предметы, понятия, практики и т. д. Причем все это там набросано и лежит, хотя, по идее, нужно все это как-то организовать. Следовательно, это пространство принципиально гетерогенно. И это все существует в рефлексии, через рефлексию.

Но пока что я ведь не ответил на вопрос: что есть *рефлексия* и каковы ее процессы? Я поэтому пользуюсь в основном образами: «субстанция рефлексии» и т. д. Я представлял дело так, что все эти образования структурированы, организованы и как бы «плавают» в нашей рефлексии, хотя одновременно подчеркивал и деятельный, активностный характер этого образования в том смысле, что, собственно, они и заданы как одно в этой рефлексии. Именно рефлексия собирает и стягивает все это воедино.

Но задать пространство рефлексии — это только первый шаг. Ведь цель-то наша состоит в том, чтобы соорганизовать то рассуждение, которое здесь надо проделать, то рассуждение, в результате которого потом появятся различные формы организации самого мышления для трансляции, воспроизводства, в том числе и теория. И само это пространство есть только одна из форм, как бы первичная форма организации методологической рефлексии и методологических рассуждений. И поэтому дальше надо обсудить другие формы организации методологической рефлексии, и, собственно, эту работу мы с вами и начали.

И здесь возникают две группы проблем… С одной стороны, мы должны ответить на вопрос: что есть рефлексия как таковая, или *чистая рефлексия*? А с другой стороны, мы должны рассмотреть, инвентаризовать, перечислить, каким-то образом описать все те разнообразные формы организации рефлексии, которые обеспечивают наше рассуждение и другие рассуждения (в принципе — всякие рассуждения и всякую мыслительную работу, и всякую деятельность), и они все должны быть, с одной стороны, как бы вынуты из этого пространства и из рефлексии, а с другой стороны, возвращены туда в своих уже отчеканенных формах. И это должно быть сделано за счет этого рассуждения и в ходе него, потому что ведь мы не имеем ничего, кроме рассуждения, и рефлексия наша будет осуществляться прежде всего через рассуждение, хотя и через рисование, и через коммуникацию, то есть через ваши вопросы, ваше понимание и мышление,

но именно рассуждение образует ту связь, через которую все это передается.

При этом само это рассуждение (именно это меня интересует в первую очередь) должно быть особым образом организовано. Причем оно должно быть организовано так, чтобы, по сути дела, могло обеспечиваться любое *рассуждение методологического типа*. Поэтому я рассуждаю и организую это рассуждение; в этом моя цель и моя работа. Но, с другой стороны, меня ведь само рассуждение интересует меньше всего, потому что меня интересуют эти формы организации и возможность включить их в трансляцию и на их базе строить любые рассуждения достаточно эффективно.

Итак, у меня здесь оказывается, в общем, два образования: с одной стороны, рефлексия, а с другой стороны, эти формы организации [рефлексии]. И это различие приводит нас к понятиям мышления и деятельности, потому что ведь мышление есть не что иное, как особым образом организованная рефлексия, и деятельность есть на самом-то деле не что иное, как особым образом организованная рефлексия, если мы говорим о человеческой, социальной деятельности. И коммуникация, то есть речь, есть тоже не что иное, как особым образом организованная рефлексия. Таким образом, я намечаю здесь несколько линий анализа всего этого, о которых я сейчас скажу.

Но главное пока что для меня — рефлексия: с одной стороны, как таковая, чистая рефлексия, а с другой стороны, формы организации этой рефлексии. И эти формы организации будут отличать типы, виды рефлексивной работы друг от друга, а вместе с тем будут задавать речь-коммуникацию и, соответственно, понимание, герменевтику, и дальше, соответственно, мышление как таковое, мыслительную деятельность, деятельность. Вот что мне очень важно. Поэтому, описывая те или иные формы организации [рефлексии], я одновременно буду осуществлять переработку рефлексии в речь-язык, мысль-мышление и, соответственно, в деятельность.

Здесь несколько замечаний. Во-первых, очень интересно само понятие «чистое». «Чистая рефлексия» — что это значит? Тут уже приходится возвращаться к кантовским и даже докантовским основным понятиям. «Критика чистого разума»… В чем, собственно, состоял смысл этой абстракции «чистого»? Что хотел сделать Иммануил Кант, когда он так резко разделял и противопоставлял друг другу «чистый разум» и не-«чистый разум»?

Мне-то представляется, что это и есть, говоря нашим, современным языком, как бы разделение процессов-носителей и форм их организации. Когда мы говорим «чистая рефлексия», то мы хотим понять, что это такое на уровне материала. Но поскольку рефлексия

не есть материал, а есть, по-видимому, процессы (какие-то очень странные) вроде материала, значит, это есть процессы-материал, или процессы-носители — носители особых форм организации. И поэтому, когда мы говорим о «чистой рефлексии», мы, по-видимому, хотим выделить эти процессы-носители.

Кстати, эта абстракция нужна всюду. Скажем, когда Л. С. Выготский различал натуральные процессы психики и искусственные процессы, которые возникают за счет того, что мы включаем знак и таким образом овладеваем своими натуральными, естественными процессами, то он имел в виду эту самую абстракцию. А поскольку мы имеем дело с историческими образованиями, постольку мы, по-видимому, без нее вообще не можем сделать ни шагу.

Я мог бы дальше еще развить эту тему — она сама по себе очень интересная. Только замечу, что все те, кто критикует Выготского за якобы сведение таким образом психики к физиологизму, к физиологии, в частности его ученики Леонтьев, Зинченко-старший, Гальперин, просто расписываются в том, что они ничего не понимают здесь в природе объекта и в методах, которые необходимы для того, чтобы такого рода объекты анализировать. Когда Выготский говорил о «натуральных процессах», он совсем не имел в виду физиологию — он осуществлял эту необходимую абстракцию.

Какую абстракцию? Ту самую, которую историк производит, когда он делит историю на ту, которая была до Рождества Христова и после Рождества Христова. А главное, он же не может поступить иначе. Он должен на этой линии хронологического, или собственно эволюционно-исторического, движения поставить посредине точку. Эта точка может сдвигаться вперед или назад, но вы ничего не можете сделать без точки, не можете начать исследование… И точно так же психолог, который начинает изучать психику ребенка, или его мыслительные процессы, или еще что-то, всегда должен поставить эту точку. Эта точка очень четко отделяет то, что он будет рассматривать как натуральное, то есть как не формируемое, а само собой сложившееся… А вот как вы потом будете трактовать это «до» — как природные задатки, как от природы данные способности, склонности и еще как-то, — это все уже фуфло и не имеет к научному и вообще к мыслительному анализу никакого отношения. Это все уже бытовые рассуждения на уровне — надо ли «класть Бриану палец в рот» или не надо[19].

Теперь второе замечание. Поскольку мне нужно разделить *чистую рефлексию* и *организованную рефлексию*, то есть формы организации [рефлексии], которые приходят откуда-то, совсем с другой стороны, постольку мне приходиться пользоваться этой схемой

пространства (см. рис. 4). Это очень важно. Я ведь должен задать как бы соцелостность этого, стянуть воедино. А как мне на уровне *мета-методологического* рассуждения это показать?

Рефлексия каждого из нас делает это очень просто: она что-то выбирает и что-то стягивает. И поскольку она что-то стянула и со-организовала, она задала в данном случае функционарную соцелостность. А мне же надо перейти на уровень всеобщности. Я хотя и работаю конкретно, но ведь работаю с категорией неопределенности, строю это рассуждение не по поводу сидящих здесь людей и не описываю в исследовательской модальности что-то происшедшее, фактическое, — я строю пространство. То есть фактически я создаю набор средств и общую онтологию — так же, как это делали и Архимед, и Ньютон, и другие. Тут совершенно одинаковая логика и одинаковые законы. Но ведь мне это нужно онтологически каким-то образом задать. И как я это могу задать? За счет того, что я кладу всё.

На первом и втором докладах в этом плане было несколько очень интересных и характерных реплик. Да, действительно, я кладу всё, но это не означает, что очерчиваю. А вот *как* я дальше буду трактовать это пространство — это уже другой вопрос.

— *А где находится это пространство?*

Пространство — по сути понятия пространства — находится нигде. Все остальное находится в нем. Но ведь вы же задаете свой вопрос в натуральной модальности. Вы туда глядите — «во двор» — и спрашиваете: где? Кант отвечал: пространство есть априорная эстетическая форма. И он в этом смысле был прав.

Но мы же это трактуем совершенно иначе. Я ведь рисую не пространство, а *схему* пространства. Если вы меня спросите, где находится *схема* пространства, я отвечу: на доске. А где находится пространство, которое я мыслю? Но для ответа на этот вопрос надо понимать принципы интенциональных отношений рефлексии: если мы рассматриваем это как онтологическое образование — тогда глядите и упирайтесь в него (потому что объект есть то, во что мы упираемся, пространство как объективное есть то, во что мы упираемся), либо мы хотим это рассматривать как знак — тогда откройте эту «калитку» и проходите через нее дальше. А куда вы пройдете — это зависит от испорченности вашей рефлексии, ваших интенций — куда сможете, туда и пройдете, вплоть до объективности. Вы можете это делать сколько угодно.

И, кстати, ведь вы опять задаете вопрос в логике превращенных форм. Вы спрашиваете меня: что такое пространство? А я вам отвечаю: не задавайте вопросов, что есть пространство, время и т. д.

Смотрите, что мы делаем, когда мы вводим эти понятия и ими пользуемся. [Посмотрите на] ход, который предложил в отношении времени Эйнштейн и построил новую космологию. Вы можете ее строить на каждом шагу.

Вопрос (неразборчиво).

Я же должен свою рефлексию организовать. Когда она организуется сама, тогда не возникает вопроса, как мне ее организовать… Я поглядел налево, мое внимание привлек какой-то человек, я не могу от него оторваться. И моя рефлексия устремлена туда — в него. Я уже просто ничего не вижу кругом.

Но представьте себе, что у меня свободное рефлексивное движение: я свободен и могу двигаться как хочу. И вот тогда я рисую пространство. Я же должен себе его задать, поскольку я должен организовать свою рефлексию.

Что делает, скажем, начинающий йог, отрабатывающий первые процедуры? Он должен после каждого периода своей работы поднять руку и что-то сказать. Что он делает таким образом? Он создает время. Он организует свою деятельность, создавая время. Но точно так же каждый из нас в процессе рефлексии должен создавать пространство. И по отношению к моей рефлексии пространство есть такая форма — замыкание, ограничение моего сознания и моей работы, — которая дает мне возможность рассматривать чистую, то есть неорганизованную рефлексию.

Этот же вопрос надо просмотреть у Локка и Канта: как у них было с пространством и рефлексией? И, кстати, а что такое *эстетика*? Может быть, это все уже было сотворено и поэтому нужно просто это воспроизвести в новой терминологии? Что есть кантовская «чувственность»? Вполне возможно, что это и есть рефлексия. Я бы хотел посмотреть, не перепутали ли Джон Локк и Иммануил Кант рефлексию с восприятием. А может быть, они и не перепутали, а перепутали позднее психологи? И надо посмотреть, что там произошло вообще с отношением между рефлексией, восприятием и т. д. Но я хотел бы к этому вернуться позднее, а пока лишь ставлю вопрос.

И последнее, очень важное замечание. Фактически, то, что я сейчас наметил, означает, что исходное программное утверждение наших работ 1952–1960 годов было неверным. Тогда мы утверждали, что мышление есть деятельность, особая форма деятельности. А это неверно. Мышление не есть деятельность. Мышление есть особым образом организованная рефлексия: не из деятельности растет мышление, а из рефлексии, за счет особой организации рефлексии. Мышление и деятельность в этом плане есть разные формы организации рефлексии, как я только что сказал.

Тут, правда, есть несколько тонкостей, которые я сейчас намечу… Но вы должны представлять себе основную линию движения нашей истории.

Мы начинали в 1952 году с анализа мышления как процессов и структур. И это продолжалось до 1961 года. С 1961–1962 года начался деятельностный период, и он продолжался где-то до 1971–1972 года. И перелом-то наступил как раз в связи с обсуждением проблем *методологической работы*, *методологического мышления* и т. д. Мы вновь возвращаемся к *проблемам мышления*.

На первом этапе понятие деятельности было объяснительным принципом: это была категория, через которую объясняли мышление. Сказать, что мышление — это деятельность, означало поместить мышление в определенное пространство. Потом началось исследование самой деятельности, но тогда мышление просто рассматривалось как вариант деятельности — как мыслительная деятельность. И лишь где-то с 1972 года начинает формироваться понимание того, что мышление не есть деятельность, ибо это есть принципиально иная форма организации. И начинается дуалистический период.

Обратите внимание, как сложно у меня все это подается, в том числе и эти утверждения и эти рассуждения. Ведь если я сказал, что рефлексия представляет собой очень сложное образование — мы разделяем чистую рефлексию и организованную рефлексию — и мышление есть не что иное, как определенная форма организации рефлексии, то мы должны рассматривать, с одной стороны, саму рефлексию, как бы эту субстанцию, а с другой — организующие ее формы. И мышление начинается тогда, когда на рефлексию ложатся эти специфические мыслительные формы. Но они не могли возникнуть в самой рефлексии. Они приходят откуда-то со стороны. И поэтому те проблемы, которые обсуждались где-то в 1956–1959 годах, и привели к особой, очень интересной, на мой взгляд, трактовке самой истории.

Анализ шел на примере материала и функции… Мы можем взять материал и организующую его форму или структуру. Это ничего не меняет. Есть момент происхождения сложного искусственно-естественного образования, затем есть, соответственно, линии до-истории и предыстории, где, скажем, в до-истории, существуют чистые до-организационные формы — сами по себе и на другом материале, а предыстория — этот материал как таковой (см. рис. 9а). Происходит сложное возникновение, или происхождение, где функции материала, организационная форма материала и материал соединяются. Но тогда это означает, что здесь где-то происходит

соединение, по сути дела, двух процессов, которые опять потом могут разойтись, потом опять могут соединиться, а в стык этих процессов могут приходить какие-то другие, дополнительные образования (см. рис. 9б).

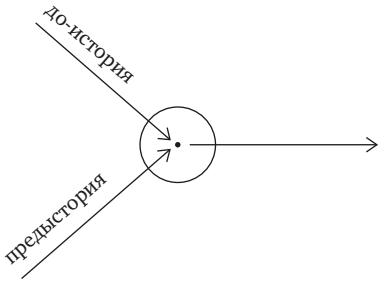


Рис. 9а

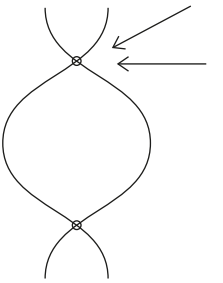


Рис. 9б

Поэтому, как только вы берете такое образование как мышление, вы фактически не можете однозначно ответить на вопрос «из чего оно происходит?». Ибо оно просто «происходит». И происходит оно и из одного, и из другого, а может быть, и из третьего, и из четвертого… Все зависит от того, на чем вы центрируетесь в этом «склеенном» образовании. И в зависимости от того, на чем вы центрировались, вы получаете совершенно разные трактовки генезиса и происхождения.

Оказывается, что в самой эволюции мы имеем одновременно как бы онтогенетическую историю и филогенетический процесс — все зависит от того, какой цикл мы берем. Потому что ведь культура и люди как носители культуры непрерывно соединяются и разъединяются, и за счет этой пульсации возникает очень интересный момент…

Как следует рассматривать эволюцию всего этого в онтогенетическом порядке? Вот имеется рефлексия — неорганизованная, слабоорганизованная, в пределе — чистая… Она начинает захватывать определенные структуры, захватывает их, как бы внедряется в них, и они становятся ее, и они ее организуют.

Вот я обратился к этому пространству (см. рис. 4), к его блокам, захватил в рефлексии блок и начинаю тащить этот блок… Теперь он — внутри рефлексии, и он же организует рефлексивные процессы. Рефлексия организуется, и все то, что есть и развивается дальше, есть не что иное, как развитое мышление. Теперь оно захватило иные структуры, и оно развивает все время само себя за счет этих захватов. Оно все время увеличивает свою мощь, присоединяя себе эти структуры. Но для этого каждый раз эти структуры

должны браться как преднайденные для рефлексии, и все зависит от того, сколько она захватит и что с чем она соотнесет. Мышление рождается из рефлексии за счет того, что рефлексия захватывает некие структуры, которые ее же потом и организуют. И это — одна линия.

Но вы ведь можете взять совсем другой цикл и задать вопрос: а откуда взялись эти структуры? А их рождает мыслительная деятельность, но рождает в своей уже деятельностной, продуктивной функции. И в этом смысле я могу сказать, что мышление порождается деятельностью, но, обратите внимание, не в естественно-научном смысле — что, дескать, из мыслительной деятельности или из деятельности «растет» мышление, — а именно в искусственном, техническом смысле: мыслительная деятельность и деятельность творят мышление как свой продукт целенаправленно, нормирующим образом, иногда только факультативно.

Вопрос (неразборчиво).

Я ведь говорю все время прямо противоположное: рефлексия, мышление, деятельность суть сложные, многопластные искусственно-естественные образования. Когда вы берете такие многопластные образования типа материал-функция, материал-организация, материал-структура и т. д., то вы не можете здесь тащить одну генетическую линию и говорить «рефлексия самоорганизуется». Да, разумеется, рефлексия самоорганизуется, когда вы берете онтогенетический срез всего дела — в том смысле, что *моя* рефлексия самоорганизуется… В том смысле, что мы развиваемся, если нам повезло с коллективом, с друзьями и прочее и если есть что взять… Если вы можете взять высокоорганизованные структуры, утащить их где-то, усвоить их, тогда ваша рефлексия самоорганизуется. Если вы еще, кроме того, достаточно открыты, не догматик, вас что-то там не устраивает, вы все время суетитесь, у вас есть соответствующая тревожность, напряженность — вы вообще «псих ненормальный», — вот тогда у вас рефлексия самоорганизуется. Но кто-то ведь должен был вам дать эти организующие вас структуры.

— А почему «дать»?

Потому что рефлексия ничего не может сделать. Она отражает, и ничего больше… Она отражает все, на что направляется, а все, что есть, то она и отражает.

А если вы теперь берете мышление как таковое и спрашиваете «а как же оно развивается?», то ответ будет таким: оно развивается за счет целенаправленной, продуктивной мыслительной деятельности по созданию форм организации мышления. То есть его все время кто-то делает. И это очень четко показано на схеме

воспроизводства*. Целенаправленная мыслительная деятельность на предыдущем шаге делает такие конструкции, такие формы организации, которые потом рефлексия захватывает и себя таким образом организует.

Ильясов: А мышление может двигаться независимо от того, захватывает там что-то рефлексия или нет?

Но, обратите внимание, мышление никогда не развивается. Мышление как мыслительная деятельность продуцирует, но не развивается. Чтобы мышление развивалось, обязательно нужно, чтобы оно все время умирало, чтобы его материал от него отделялся и потом вновь все это сплавлялось, но уже по-новому.

Что происходит? Рефлексия вбирает в себя, по-новому организуется и за счет этого развивается как рефлексия, саморазвивается, если есть соответствующие структуры. Потом она, как оболочка, должна «лопнуть», все должно «вытечь», человек должен «помереть». Рефлексия его должна переместиться, структуры, которые он производил в ходе развития своей рефлексии, ее самоорганизации и развития, то есть в ходе продуктивной деятельности мышления, должны остаться и как бы «лежать» и должны теперь быть втянуты другой рефлексией и стянуты ею. И тогда получится новая организация рефлексии, которая будет порождать другое. А та рефлексия, которая реализует себя в мыслительной деятельности, порождает старые догматические продукты. Как уважающий себя доцент где-то к 32 годам расписал себе все лекционные тетрадки, так он дальше и будет приходить с ними и читать еще 25 лет те же лекции, без единой новой мысли. И его студенты в своей рефлексии будут получать только то, что уже было 25 лет назад, и ничего больше. Тут нужна другая рефлексия — чтобы она все собрала. Вот что мне очень важно.

Анисимов: Правильно ли я понял, что своеобразие критики Выготского Леонтьевым и другими связано с тем, что они практически не входили в пространство рефлексии Выготского и поэтому не могли там выделять чистое и организованное?..

Они просто не понимали, какого рода проблемы обсуждал Выготский и как он это делал, ибо его мышление было им просто недоступно.

Анисимов: Жанр работы Выготского был для них недоступен, они не могли войти в него, а отсюда они обращались к тому, что могли брать?

---

* См. [Щедровицкий, 1967, с. 38–42 (Воспроизводство и трансляция «культуры»); 1999а, с. 118–127; Лефевр, Щедровицкий, Юдин, 1967], а также с. 325 наст. изд. *Примеч. ред.*

Вы все правильно говорите, но не то… Выготский мыслил другими тематизмами. Он был методолог, и поэтому ему важны были схемы абстракций. Он творил психологическую действительность за счет рефлексии форм своего мышления: он мыслил, работал, «снимал» формы своего мышления и полагал их как предметы. Эти предметы для других выступали как превращенные формы. Они брали эти предметы…

Тюков: Брать-то этого они не могли. Они ставили эксперименты, и делали это непосредственно на детях. Они брали не чистые натуральные функции, а детей. И получается физиологизм.

Они перетаскивали эти превращенные формы в свою лабораторию принципиально другого по стилю мышления.

Анисимов: Им надо было превращение еще делать…

Нет, на превращение они были неспособны. Если бы они могли превращать, они бы творили. Они ничего превращать не могли. Они брали эти предметы, которые он сотворил, тащили их в другие производства и начинали там приспосабливать к своим нуждам, к другой работе.

Анисимов: То есть организованности они брали.

Правильно. А что такое превращенные формы? Превращенные формы есть результат этого переноса, когда то, что было рефлексией деятельности — и как рефлексия деятельности совсем не было превращенной формой, — перетаскивается в другую деятельность и там начинает обсуждаться, обговариваться, интерпретироваться, истолковываться не в отношении к деятельности, которую осуществлял Выготский, а по отношению к детям, как говорит Анатолий Александрович [Тюков], вообще к чему-то другому…

Вот возьмите эту шикарнейшую вещь Стругацких[20]… Осуществляется «нуль-транспортировка». Есть планета, через которую скачут какие-то сложные машины. Живет там цивилизация, которая не знает, что это за машины. Но у них есть свои «зеки», которые все время должны спасать свою жизнь тем, что они залезают в эти машины, нажимают на какие-то кнопки, рулят, и они должны их вытащить из этого потока «нуль-транспортировки», стащить их на другую территорию и найти способ приспособить в этом хозяйстве. Иногда эти машины взрывались, иногда ломались, иногда вдруг — не поймешь почему — начинали пахать. Было совершенно непонятно, что и как…

Здесь происходит то же самое. Вот у Выготского есть своя «кухня», он живет в своем пространстве методологической работы, работает, рефлектирует, творит эти понятия, представления… Их перетаскивают в совершенно другую «кухню» и начинают с ними мыкаться…

Туда, сюда… И тогда появляется идея, что Выготский — физиологист и что это нехорошо.

Ильясов: Когда говорят о пространстве, то употребляют этот термин в физическом смысле. И это считается точным употреблением понятия пространства. А когда говорят о пространстве рефлексии, пространстве мышления, то, в общем, принято считать, что это фигуральные выражения и ничего общего между пространством рефлексии, пространством мышления и пространством физического мира нет. У вас сближение этих вещей.

С моей точки зрения, подлинным является только один смысл, а именно: пространство мышления. Я утверждаю, что и архимедово пространство, и демокритово пространство, и ньютоновское пространство, и гильбертово пространство, и пространство Минковского — все суть пространства рефлексии и мышления. И никакими другими они не могли быть.

А когда в условиях однопорядкового, догматического мышления социально фиксируется определенный тип мышления как нормальный, то пространство этого мышления становится пространством мира жизни. И поэтому в какой-то момент пространство мышления физиков-механиков становится пространством жизни всей данной общности людей. Поэтому когда говорят про пространство, то это — фигуральное выражение.

Ильясов: Пространство физиков?

Не физиков, а обывателей.

Ильясов: А я про физиков спрашиваю.

Физики-то должны онтологизировать. И в рамках своей предметной работы это правильная процедура. Но затем их предметы становятся предметами социального и бытового мышления.

Ильясов: Но я-то говорю не про бытовое мышление, а про мышление физиков.

С физиками очень сложно. Я поэтому и говорю, что читать их надо. Откуда вы знаете, как мыслили физики?

Чернов (неразборчиво).

Это у вас звучит таким образом, потому что у нас с вами совершенно разные структуры мышления. И то, что я говорю, вы понимаете совершенно превратно. Это есть перетаскивание этих превращенных форм. Потому что вы не знакомы с тем переворотом в философии и науки, который произвел Карл Маркс.

«Ошибка всего предшествующего материализма, включая фейербаховский, — сказал он, — состояла в том, что они рассматривали объект как объект созерцания, а не как предмет практической чувственной деятельности»[21]. Этот тезис означает, что все

натуральные науки — физика и т. д. — не имеют права на существование, с точки зрения Маркса. Это же надо понять — то, что он говорит. Но так как, если вдумываться в то, что он сказал, оттуда следуют такие страшные вещи, то лучше не вдумываться. Так рассуждают все. Поэтому натурализм продолжает спокойно существовать, двигаться дальше.

Я не против того, чтобы это все существовало. На своем месте оно нужно. Но надо же теперь понять, что происходит, что куда относится и как. Моя точка зрения состоит в том, что пространство, созданное мыслью и для организации мысли, затем оборачивается в план особых схем организации социальной кооперированной деятельности и становится объективным пространством. Ибо единственный объект сущего есть деятельность. И формы организации деятельности и есть объектосоздающие формы. О какой объективности вне деятельности и мышления вы говорите? Маркс же запретил это.

Конечно, то, что он запретил, не лишает вас возможности об этом говорить. Говорите себе сколько угодно об этом. Вы говорите о натуральном объекте, который был очень хорошим и красивым у Френсиса Бэкона, но для того, чтобы продолжать все это, надо совершить обратный прыжок в 1650 год примерно. Вы будете там на самом острие мышления.

— Можно ли так понимать, что рассмотрение деятельности как единственной реальности есть последовательное проведение отказа от удвоения мира?

Я бы сказал «да», но потом бы все перевернул и сказал бы: но мир-то надо удваивать, утраивать, учетверять… Нам сейчас нужны множественные миры. Мы должны в этих множественных мирах жить. Только мы каждый раз должны знать, какие они.

У меня ведь двоякое отношение к любому объекту: я могу войти туда как в деятельность, а могу рассматривать это как предмет и превращенную действительность. Поэтому при решении любой предметной проблемы, задачи я буду вынимать и развертывать ортогональную организацию пространства, и у меня на одной плоскости будут структуры деятельности, в которые я вхожу и сообразно которым я организую процессы своей работы, а на другой — объекты моей работы и действительность. У меня будут два мира. Если нужно — три мира. И я буду все время работать в концепции многих знаний, но только они у меня теперь будут все соорганизованы. Поэтому это единое пространство жизнемысли, включающее и деятельность мышления, и жизнь естественных объектов, очень сложно организовано.

Итак, я продолжаю… Нам ведь нужно организовать процесс рефлексии, процесс рассуждения — то, как рефлексия выражает

себя дальше. А я вроде бы пока что организую статическое пространство — то, во что эти процессы, как бы они ни осуществлялись, упираются. Причем мы все время говорим — и при различении объектов и знаков, — что это то, во что наша рефлексия упирается.

Я характеризовал рефлексию пока в форме образа — как, скажем, движение поверх этих образований, как движение внутри этих образований и как движение этих образований. Рефлексия как бы может перетаскивать их, передвигать с места на место. И при этом происходит одна очень интересная вещь… Мы все время говорим об интенциональных отношениях и подразумеваем их, а формально говорим о процессах. Реально, по способу работы, я все время демонстрирую некоторую интенциональность. И в этом смысл идеи пространства. Так я трактую объекты и знаки. Я говорю: знак — это «калитка», в которую мы упираемся, потом открываем и проходим дальше. И это каждый раз осуществляется за счет интенции. Но при этом я же должен двигаться, и у меня должен быть процесс рассуждения. Я, следовательно, иду поверх чего-то, перехожу от одного к другому. Внешне рассуждение выглядит как движение от одного к другому, как комбинирование, нанизывание одного и другого, присоединение, подмены, подстановки и т. д., то есть как оперирование некоторыми как бы вещными образованиями, — не важно, говорим ли мы прямо о знаке или о том, что за знаком стоит. И так, собственно, на основе этих представлений построены традиционные логические концепции — скажем, умозаключения, вывода и т. д. Они никогда не вырываются за пределы этой трактовки и не могут вырваться, поскольку интенции пока что неисчислимы.

Кстати, Фреге ведь пытался построить исчисление понятий, учитывающее интенции. Очень интересно посмотреть, что у него там действительно получилось. Есть большие традиции — Брентано, Больцано, Мейнонга, — но это все остается сейчас практически за пределами нашей философии и мышления, фактически не включено в нашу рефлексию и культуру. Это то, что мы не зацепили. Кстати, как и феноменологию Гуссерля.

Но я хочу в рамках обсуждения вопроса о рефлексии попробовать затронуть эту тему, которая теперь формулируется так: а как же нам соотнести и сопоставить друг с другом понятия интенции, интенциональности и процесса, процессуальности? Если мы начинаем говорить о рефлексии, то мы должны прежде всего ответить на вопрос, что мы имеем в виду… И эти по крайней мере два момента — *интенциональность* и *процессуальность* — естественно выдвигаются на передний план, буквально кричат о себе при каждом шаге наших обсуждений. Но что это значит? И как можно вообще схватывать

интенциональность, процессуальность? Какие у нас есть модели рефлексии?

Вопрос этот весьма сложен, и для того, чтобы понятно было все то, что я дальше буду обсуждать, я сформулирую сразу основные мысли. Мы можем рассматривать рефлексию, вынося за скобки сознание и его работу — как механизм, обеспечивающий рефлексию, но не существенный для понимания самой ее природы. И можем, наоборот, обращаться к сознанию и учитывать его тоже как механизм, но как определяющий структуру самой рефлексии. До последнего времени я всегда стремился убрать этот механизм, и я не оставляю этой мысли до сих пор, но я хочу теперь сначала использовать, а убрать потом. Для этого мне нужна идея *трансляции*.

Сознание не производит новых образований. Оно не творческое. Оно ничего вообще не порождает. Если мы будем рассматривать это как ретранслятор, то оказывается, что можно объяснить все красивее, чем это было до сих пор. Ведь что такое рефлексия? Рефлексия, как она определяется в энциклопедиях — это поворот сознания с одного на другое. С другой стороны, рефлексия есть фактически стягивание, движение сопоставления одного и другого. А можно ли совместить эти два момента? Я говорю: да.

Представьте себе, что вы имеете экран, который может поворачиваться (см. рис. 10). И когда он повернут вот так, он высвечивает здесь какое-то образование. А потом он поворачивается, и вот этот лучик (представим себе, что он исходит из центра экрана и закреплен перпендикулярно к нему) высвечивает какое-то другое явление. И, соответственно, этот экран, во-первых, отражает (в точном смысле слова «рефлексия»), во-вторых, интенционирует, или интендирует, полагает…

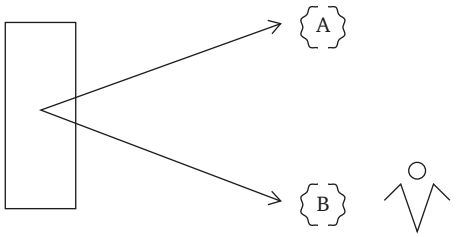


Рис. 10

И теперь давайте это обсуждать. Практически я сейчас реализую схему многих отражающих зеркал Владимира Лефевра. Мне только нужны не самоотражающиеся зеркала (Лефевр фиксировал феноменологию процессов рефлексии), а мне нужно зеркало с особой

функцией. И, собственно, роль этого зеркала с особой функцией и могло бы выполнять сознание. Это сознание все время поворачивается, а отношение отражения и интендирования является одним — двусторонним — отношением, хотя оно потом может растягиваться в два… Вот я повернулся в левый угол и отразил то, что есть там, теперь я повернулся в правый угол, и то, что было там, у меня исчезло, и я отражаю нечто другое. Теперь наделите еще это вращающееся зеркало, или экран, функцией проецировать, или переносить с одного на другое. Представьте себе, что у вас есть еще блок-накопитель, блок памяти, куда все время складываются копии и могут оттуда извлекаться.

Тюков: То есть это не гербартовская «масса»?

Отнюдь. Это — чистое зеркало, вращающийся экран. И он снимает и отбрасывает, снова снимает и снова отбрасывает. Он все время перебрасывает эти образы. Кроме этого, чтобы сделать это уже совсем правдоподобным и соответствующим работе восприятия и представления, введите сюда, что отраженный образ с этого экрана после каждого такта стирается. И, кстати, все это так у нас, по-видимому, и устроено…

Итак, что же происходит? Представьте себе, что перед нами, перед наблюдателем, вот так работает этот механизм. Внешне он выглядит как переброс от ***A*** к ***B***, от ***B*** к ***C*** и т. д. И поэтому в ответ на вопрос о том, что здесь происходит, мы говорим: ясно, что у нас, на нашем табло сознания, последовательно высвечивается сначала ***A***, потом появляется ***B***, потом появляется ***C***, и у нас идет процесс трансформации одного в другое. Но нет никаких процессов. Я фактически задаю такую модель, которая для наблюдателя как бы имитирует процесс, а на самом деле никаких процессов не имеет начисто. Ведь я же ее так устроил. При этом весь механизм делает следующее: он с одного экрана нечто забирает, отражает на себя, перебрасывает на другой экран, после этого стирает образ или отправляет его в долговременную память.

Ильясов: Между прочим, это все называется процессом — «перебрасывание» и прочее.

Здесь нет процессов. Это я вам строю модельку с перебросами. Я могу строить без перебросов: ничего не отражаю, имею палочку такую — на конце кисточка с черной краской… Подошел, мазнул Анатолия Александровича. Потом подошел к другому и снова мазнул. Тем самым их отметил и соотнес.

Ильясов: Процесс: подошел, мазнул, соотнес, отметил…

Ну да. Но это все слова. Я не знаю, как вам описать это все в других словах. Но там нет этого. Это не имеет никакого отношения к тому, что мы обсуждаем.

Тюков: Ислам Имранович, сейчас говорится о механизме. И можно говорить о механизме, вычленять там свои процессы. Но это не интересно. Ведь обсуждается отношение процесса и интенции. И обсуждается это на объекте рефлексии. И, кстати, все это — одна проблема: описать действительность рефлексии без сознания. И сейчас Георгий Петрович строит эту модель.

Мы три года с ним дискутируем на эту тему. Я говорю, что без морфологии сознания нельзя представить рефлексию. Она должна быть обязательно сочленена с ней. Этот образ зеркала вроде бы позволяет освободиться, во-первых, от «массы впечатлений» — в смысле гербартовской «массы впечатлений», которая влияет на процесс рефлексии и, соответственно, в этом смысле на интенции, во-вторых, освободиться от телеологической морфологии всех объектов и проекций психологической ерунды… И тогда получается, что чистая рефлексия есть не что иное, как такое прямое отражение, появляющееся как превращенная форма исключительно для наблюдателя и для того непосредственного сознания, о котором говорила классическая психология.

Анисимов: Для «тупого» зеркала.

Правильно. Для «тупого» зеркала, которое возомнило себя личностью…

Итак, что получается? В феноменальном плане происходит смена образований, хотя нет никаких переходов, никакой трансформации, а есть фиксация с соответствующими перебросами.

Представьте себе, что у вас здесь имеется экран, на который вы все высвечиваете (кстати, механизм уже совсем близкий к работе рефлексии) (см. рис. 11).

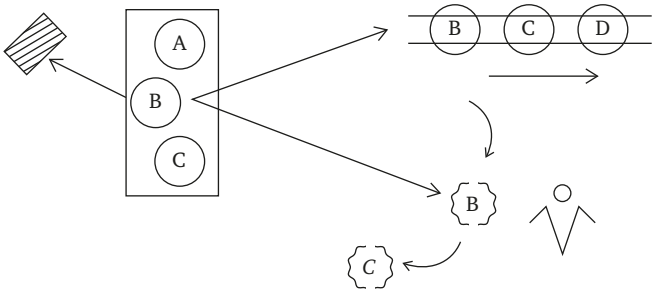


Рис. 11

Что происходит? Повернулись к ***B***, отобрали, оставили, перебросили на экране. Повернулись к ***C***, перебросили, оставили. Снова повернулись — оставили здесь ***C***, потом ***D*** и т. д., каждый раз

фиксируя как в речевой цепочке. И тогда у вас для наблюдателя все дело выглядит как последовательное накидывание этих образований, как переход от одного к другому, как линейный процесс. И поскольку этот наблюдатель не знает механизма работы, он полагает, что и в сознании точно так же последовательно высвечивается ***A***, идет переход к ***B***, ***C*** и т. д.

Тюков: Более того, он начинает искать причины последовательности самих этих содержаний.

Совершенно верно… Которые могут, кстати, принадлежать разным экранам и жить вообще по разной логике, ибо в организации этого как последовательности первоначально не заключено вообще никакой логики. Это есть чистое сканирующее движение этого зеркала. Оно может рыскать где угодно и высвечивать все что угодно. Проблема порядка и логики возникает тогда, когда мы перейдем к проблемам организации рефлексии. Вот что мне очень важно. Поэтому легко понять, как возникают ложные представления о работе сознания. Легко понять, почему становится необходимой эта морфология.

А что я делаю в том случае, когда зеркало сознания не упирается ни в один из экранов и ничего не отражает? Если, к примеру, идет работа последовательного нанизывания текста в цепочки (или вообще такого линейного движения на верхнем экране) и это зеркало сознания повернулось куда-то и ни во что не уперлось и ничего не отражает, то оно может забирать из блока долговременной памяти любой образ и высвечивать его за счет полагания. То есть уже не важно, откуда брать — из непосредственного восприятия или из памяти…

Анисимов: Вы имеете в виду удерживание этих образований, которые нанизываются? Тогда нужна какая-то новая операция — удерживания…

Олег, я, конечно, наказан за свою торопливость. Я пропустил два куска, которые должен был предварительно отыграть, прежде чем перейти к рефлексии. Но мне казалось, что я не укладываюсь во времени, и я их пропустил. Это действительно создает превратную точку зрения. Я должен сейчас вернуться, проговорить это все, и потом мы снова это будем обсуждать.

Итак, что я начал говорить, но не продолжил? У меня есть субстанция рефлексии, которая «плавает» над пространством… В этом пространстве положен ее материал, и теперь я должен сказать, во что рефлексия упирается. В этом пространстве рефлексии положена масса этих экранов. Ведь только здесь, на схеме механизма, я их положил как стоящие, по отношению к которым сознание поворачивается.

Но сейчас мне не нужно зеркало сознания — у меня есть масса экранов, на которых заложено определенное содержимое, определенные структуры, и рефлексия идет как бы поверх них, в них, двигает их, что-то с ними делает и т. д. И если я беру чистую рефлексию, эти процессы не могут быть никак описаны, ибо реально никаких процессов, как я старался показать, вообще нет, а есть только имитация процесса за счет вот такой странной работы…

Что я говорю дальше? Ведь эта схема организации пространства рефлексии (см. рис. 4) для меня только шаг. И я не случайно называл это пространством рефлексии, мышления и деятельности. Для того чтобы рефлексия стала чем-то, она должна быть организована. И она начинает организовываться по трем принципиально разным направлениям, или формами трех принципиально разных типов, а именно: формами коммуникативными (речь-язык с его значениями), формами собственно мыслительными (понятия, категории) и формами специфически деятельностными (например, образцы, эталоны, нормы, правила, приемы, способы и т. д.)).

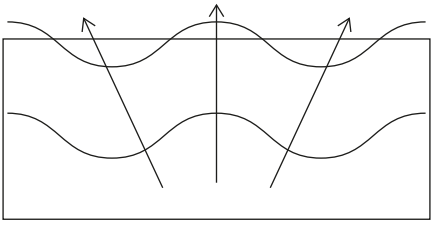


Рис. 12

Я получаю три направления, как бы три основных вектора, по которым идет развертывание форм, организующих рефлексию (см. рис. 12). При этом я могу говорить о них как о векторах на схеме, не вплетая сюда генетического и эволюционного анализа. Потому что если я попробую рассматривать их эволюционно-генетически, то я должен буду учитывать темпы развития по каждому вектору, взаимные рефлексивные отображения одного вектора на другой, и будут идти разные линии, характеризующие историческую эволюцию рефлексии в речь-язык, в мысль-мышление и в деятельность. То есть это пространство начинает как бы доорганизовываться все время вверх — в третьем измерении по отношению к этому пространству — за счет того, что в деятельности порождаются все новые и новые формы организации, все новые и новые логики, новые онтологии, новые типы формализации, категоризации и т. д. И все это движение идет вверх.

Но что это означает? Это означает, что это последовательное высвечивание за счет интенций каких-то единиц, образований

начинает подчиняться этим, Олег, всегда линейным процессам, или структурно-организованным процессам внешнего выражения рефлексии.

Анисимов: Фактически, эти составляющие — это модуляторы этого устройства.

Совершенно верно. Это три основных модулятора, которые и превращают интенциональные скачки в некоторые правилосообразные процессы. Но каждый раз это правилосообразные процессы по логике той из этих трех названных действительностей (или промежуточных между ними), которую мы рассматриваем.

То есть если моя цель состоит в том, чтобы построить дидактически выдержанный доклад с передачей каких-то вещей, то есть построить соответствующий текст, то я начинаю организовывать работу моего сознания как такого зеркала и мою рефлексию… А смысл ведь всего дела состоит в том, что я поворачиваюсь к одному экрану, выхватываю оттуда что-то и перебрасываю в этот текст как его фрагмент. Потом я поворачиваюсь к другому экрану, выхватываю его содержимое оттуда, выкладываю сюда как другую часть. Потом я возвращаюсь назад, в следующую часть… Я могу соотносить эти одни экраны с другими и выхватывать что-то между ними, какие-то связки… Я могу, например, ставить задачу двигаться в единицах из одного экрана по связкам из другого экрана (скажем, лексическая организация и синтаксические правила грамматики). То есть я все время набираю из них разные образования и разворачиваю, удерживая соответствующий текст. И мне нужны правила организации такой структуры.

Если я осуществляю мыслительную работу в традиционном смысле — скажем, креативную, — если я решаю какую-то задачу или должен какую-то головоломку решить, то у меня будет, соответственно, другой процесс — не речевой, не текстуальный. Я его должен соорганизовывать. Если мне нужно породить определенную организационную структуру деятельности или осуществить деятельность с вещами, у меня будет третье образование.

Но при этом я каждый раз буду набирать их за счет рефлексии, то есть за счет работы этого механизма. И в этом механизме нет никаких процессов в том смысле, что сам-то механизм есть процесс… Но не это нас сейчас интересует: нет процессов на уровне содержимого, нет процессов, которые захватывали бы то содержимое, которое я вынимаю с экрана.

Я делаю здесь последний шаг, прежде чем вы будете задавать вопросы. Как *предметная*, так и *методологическая организация мышления* есть фактически определенные типы организации этих

экранов и работы с ними, то есть мы дальше начинаем получать разные типы организации мышления.

Что будет представлять собой *предметная работа*? У меня пять экранов, которые не замкнуты в одно целое — они лишь соцелостность. Есть экран эмпирического материала. Есть экран модели. Есть экран полагаемого реального бытия — объект, скажем, архитектура. И тогда я мыслю себе объект, называемый архитектурой, включающий все: композицию, форму, деятельность архитекторов и многое другое. И я каждый раз имею соответствующий верстак, на котором произвожу работу.

А в чем состоит моя работа? Мне надо выстроить нечто на этом верстаке — проект, научные знания, изобретение или еще что-то, — а для этого проделать определенную работу по логике этого верстака. Я беру соответствующие формы, соответствующие логики. Но при этом движущей силой является рефлексия, которая все время проделывает только одно: выхватывает и отбрасывает на верстак. Она ищет, сопоставляет, соотносит, отождествляет и т. д. И при этом за счет своей работы либо создает определенное функционирование структуры, либо реализует уже намеченные в этих логиках и соответствующих штампах функциональные структуры. Значит, при этом происходит непрерывная функциональная организация пространства рефлексии.

Но тогда я начинаю спрашивать себя: а что здесь относится к рефлексии? И к какой? Если к организованной, то это уже не рефлексия, а коммуникация с соответствующими организациями, мышление с соответствующими соорганизациями, деятельность… А если к чистой рефлексии, то что?

Ильясов: Крутящийся экран.

Тюков: Натуральные процессы.

Почему же «натуральные процессы»? Их нет. Процесса нет. А есть то, что условно может быть названо «интенциональным процессом». В кавычках потому, что это не процесс интенции и не процесс, характеризующий интенциональность…

Ильясов: Это процесс в интенции.

Нет, и не процесс в интенции. Это что такое? Это все время выборы — выборы и стягивания. А дальше — интересный ход — все то, что вы выбираете, надо организовывать в определенные структуры. На следующем шаге, когда это должно операционализироваться, формализоваться, онтологизироваться, категоризоваться и т. д., — а это шаг, каждый раз характеризующий какой-то тип организации, — у вас будут либо возникать отношения отождествления, различения, сопоставления, сравнения и т. д., либо замещения, когда у вас одно

выступает как форма презентации, то есть я одно представляю в другом… Как папуасы у Миклухо-Маклая — увидев зеркало, они кричат: «Вода, вода!»[22] Либо я начинаю замещать знаковым выражением — выражать, обозначать и т. д. То есть за счет следующей рефлексии начинается, скажем так, функциональная соорганизация этих соотнесений. Но это внешне выглядит как соотнесение и стягивание, хотя я сам ничего не стягиваю, а просто перемещаю взгляд — интенцию свою двигаю. Ничего не стягивается. Но в результате этой странной вещи — поворота сознания — происходит где-то на заднем фоне соотнесение, стягивание, отождествление и т. д. А реально-то только крутится это сознание.

Но теперь все эти простейшие вещи — каждая акция внутри этих сложных структур — должны приобрести особый функциональный смысл, потом дополняться соответствующей морфологией. И эта морфология, Анатолий Александрович, есть не что иное, как идущее с верхних слоев рефлексия, от понятий понятийное заполнение функциональных структур. Знак есть объект, и, наоборот, объект, который обозначает, становится знаком. А уж дальше он может жить в своем материале — морфологии — по законам знаковости, а не по объективности, но только благодаря тому, что возникло соответствующее место в этой функциональной структуре, за счет функциональной организации рефлексии. И она начинает разворачиваться по горизонтали и по вертикали.

Но что мы обсуждаем, когда мы обсуждаем эту организацию? Не рефлексию, а мышление, коммуникацию, деятельность, рассуждение…

Теперь я должен спросить: чем же детерминирована работа нашего сознания?

Чернов: Работа этих зеркал ведь не случайна, ведь что-то должно направлять?..

Да. Это очень серьезный вопрос, но он уже относится к теме «рассуждение», а не к теме «рефлексия».

Чернов: Может быть, это мышление — то, что направляет?

Конечно. Но рассуждение — как первая форма мышления, в которой оно существовало. Пока мне важно было отделить рефлексию как процессы-носители и задать их как таковые.

Анисимов: Но начало ответа вы сейчас только что дали, когда говорили, что на верстаке появляющееся определяет поворачивание…

Тут начинаются механизмы целеопределения, механизмы деятельности, мышления. Мой ответ звучал бы так: сознание человека не работает само по себе. Работает человек, который осуществляет

либо деятельность, либо мышление. Чтобы ответить на вопрос, как работает этот механизм, я должен обращаться не к сознанию, а к деятельности и мышлению, ибо этот механизм работает по их законам, он их обеспечивает. А поэтому крутится так, как они заставляют.

— Свои содержания для рефлексии реальны или фиктивны, произвольны?

Я про рефлексию отвечаю следующим образом: это опять грань между рефлексией и мышлением… Рефлексия для меня есть чистое отражение, чистое подключение. Рефлексия не порождает своего собственного содержания. Больше того, для рефлексии не действует различие формы и содержания. У рефлексии нет формы, поскольку рефлексия как интенциональность есть чистая «упертость в».

Ильясов: Какое значение имеет подчеркивание того факта, что здесь нет процесса?

Не ищите процессов, не ищите законов этих процессов. Рефлексия не может быть предметом естественно-научного анализа.

Ильясов: Но процесс же может быть искусственно построен.

Процесс — да, но рефлексия же не имеет процессов, и поэтому искать их там бесполезно.

Ильясов: И поэтому не может быть искусственно построена?

То, что будет искусственно построено, относится не к рефлексии, а к мышлению. Мышление имеет процессы, поскольку мы его таким образом сделали — чтобы оно их имело. А вот что такое процессы в мышлении, это особый разговор. Это — в пункте про рассуждение.

7. [Чистая рефлексия и организованная рефлексия]

Основным пунктом рассуждений, касающихся рефлексии, в прошлый раз была попытка различить то, что я назвал, с одной стороны, *чистой рефлексией*, а с другой — *организованной рефлексией*. Эта абстракция является крайне важной в обосновании того анализа, который я сейчас провожу.

Если брать категориальный аспект этого различения, то он очень стар и традиционен. Именно так пытался представлять деятельность и ее продукты Аристотель, и категория форма–материал в ее чистом, рафинированном виде или в различных вариациях оставалась основой на протяжении всего античного периода, Средневековья и сейчас вновь обсуждается в европейской философии.

Мне только важно подчеркнуть, что в отличие от той трактовки, которая была у Аристотеля, сейчас мы значительно свободнее пользуемся представлениями самого материала и подводим под эту общую структуру категориальной оппозиции форма–материал целый ряд других оппозиций, которые рассматриваем как аналогичные, сходные с этой. В частности, мы говорим о том, что материалом могут быть процессы. И, собственно, так я и рассматривал рефлексию: я выделял чистую рефлексию как процессы-материал. Мы говорим точно так же о процессах-носителях. И это обстоятельство является в принципе новым. Если у Аристотеля материал всегда рассматривается как мертвый, застывший, неживой, то здесь включение самого представления о материале в контекст процессов кардинальным образом меняет всю эту структуру и открывает перед нами ряд новых возможностей, которыми я дальше и буду все время пользоваться.

Вместе с тем (что я уже отметил) мы можем под эту категориальную оппозицию подводить аналогичные: материал–функция, материал–структура, материал–организация, — и эти линии, как вы знаете, уже были намечены в предшествующей философской традиции. В этом плане я бы хотел просто отметить, что, наверное, очень важно и полезно было бы рассмотреть детальнейшим образом развитие представлений о морфологии в биологии. Потому что, наверное, именно биология и все входящие в нее дисциплины наиболее четко развили это представление об организованном и неорганизованном материале. И анализ этих традиций был бы очень полезен в плане определения самого понятия морфологии и всего набора оппозиций: материал–функция, материал–структура, материал–организация и других.

Но все то, что я сейчас рассматриваю, должно пониматься и анализироваться именно в плане разделения на *чистую рефлексию* и *организованную рефлексию*. Сама эта оппозиция не в плане онтологического, категориального полагания, а в плане методов анализа очень сложна, и я сейчас не рассматриваю эти ее аспекты. Но если мы берем именно результативный план и будем выделять это отношение между материалом и формой в любых его вариантах, то, естественно, основным вопросом становится вопрос о том, могут ли они существовать отдельно или же это только слова, фиксирующие моменты существования какого-то объекта.

При многих способах современного рассуждения специально оговаривается и фиксируется, что форма никогда не существует вне материала, и материал практически всегда оформлен. Другое дело, что мы на некий оформленный материал можем потом наложить

другую форму, иначе его сформировать. И мы при этом производим преобразование исходной формы материала в другую форму. Долгое время мне казалось, что это обыденное, вроде бы совершенно очевидное рассуждение верно и вряд ли есть основания ревизовать его. Но после того, как мы дошли до понимания основных процессов и механизмов деятельности, в частности до понимания механизма процесса воспроизводства, мы вынуждены были ответить на этот вопрос уже кардинально иначе. Особенность нового употребления категории форма–материал фиксируется в утверждении, что при этом форма должна существовать сама по себе — отдельно от материала.

Это обстоятельство уже может рассматриваться как антагонистичное традиционному аристотелевскому представлению. Хотя вместе с тем и в рассуждениях Аристотеля были такие моменты, которые можно подогнать под эту трактовку. Он ведь говорил, что форма предшествует статуе в идее художника, в его представлениях. У художника есть, соответственно, замысел, и в этом замысле есть форма. Но это переводило форму в план понятийный, идейный, в план существования логоса как чистого логоса.

Кардинальное изменение в наших взглядах, по-видимому, было привнесено организационными разработками, в частности, в «Тектологии» Богданова, в современных теориях менеджмента, в работах по организации и управлению. И эта линия должна быть рассмотрена и соотнесена с биологическими представлениями. То есть, наверное, можно было бы получить очень много интересных результатов, сопоставляя между собой морфологические представления в биологии, с одной стороны, и организационные представления в «Тектологии», в теории организации, в современной кибернетике — с другой. И, может быть, один из важнейших результатов кибернетического движения — это то, что такие соотнесения были действительно осуществлены и дали основания для очень интересных работ Паска, Бира и других.

И сейчас, обрисовывая тот круг проблем, которые я должен обсуждать, те представления, которыми я должен пользоваться, я должен зафиксировать эту жесткую оппозицию между *формой* и *материалом*. Системодеятельностный подход и обсуждение проблем мышления и деятельности заставляет нас рассматривать эту категориальную оппозицию форма–материал как фиксирующую две самостоятельно существующие данности. Я все время исхожу из того, что мы должны в этой категориальной оппозиции фиксировать, что форма существует сама по себе. Другой вопрос — как дать этому объективное, или объективно-материалистическое, истолкование.

Но как вы увидите дальше, оно совершенно элементарно следует из деятельностных представлений.

Но, прежде чем я сделаю этот шаг, я должен зафиксировать второй важный момент. Уже где-то в 1957–1958 году был четко зафиксирован популятивный характер мышления. Это то, о чем я писал, в частности, в статье, опубликованной в 1976 году в сборнике «Системные исследования»*. Это обстоятельство — популятивный характер рассматриваемого нами объекта — будь то мышление, деятельность, речь — исключительно важно для понимания всего того, что я делал в прошлым раз, буду делать сегодня и дальше.

Когда я строил эту механическую модельку рефлексии как интенционального процесса, я все время исходил из идеи монадности. Речь ведь шла о модели сознания, а сознание — это нечто, принадлежащее каждой человеческой единице. И эта модель интенционального процесса с зеркалами предполагала четкую обособленность этого механизма. Если же я начинаю говорить о мышлении и деятельности как таковых, то я должен уже рассматривать множество таких образований, каким-то образом соорганизованных друг с другом. Я фиксирую это в трех характеристиках: во-первых, монадность исходных образований, во-вторых, соорганизованность этих монад, в-третьих, организация этих монад и создание не только соцелостности, но и целостности. Этот момент представляет собой очень важный пункт для пояснения всего того, что я делаю.

Вспомните суть наших дискуссий с Тюковым на его докладе по той проблеме, которую он там поставил: мышление как акты мышления, деятельность как отдельные акты деятельности и, наоборот, мышление вообще, деятельность вообще и т. д. как некий универсум… Мой ответ заключается в том, что мы никогда ничего не поймем ни в мышлении, ни в деятельности, если не будем учитывать двух принципиально разных планов их существования: и мышление, и деятельность суть популятивные системы, в которых существуют изолированные монады (по-видимому, прямо в духе Лейбница**), и они образуют действительность того, что мы рассматриваем, а с другой стороны, эти монады соорганизуются и еще дополнительно организуются, то есть все время вступают в сложнейшие отношения друг с другом. И чтобы понять механизм мышления и деятельности, мы обязательно должны рассматривать отношения между монадами, их взаимодействие и, в частности, то взаимодействие, которое мы фиксируем в схемах социотехнического поглощения, или

---

* См. [Щедровицкий, 1976]. *Примеч. ред.*

** См., в частности, [Лейбниц, 1982]. *Примеч. ред.*

социотехнической рефлексии. То есть одна монада может вступать в такое отношение ко второй, что она ее захватывает, поглощает и организует.

Было бы, конечно, очень интересно в этом плане просмотреть всю традицию «монадных» представлений, посмотреть, как это использовал Лейбниц, из каких оснований шла и росла эта традиция, что с ней получилось и почему эти представления не получили достаточного и соответствующего их значимости развития. Но мне, во всяком случае, важно то, что такая двойная трактовка систем мышления и деятельности открывает перед нами исключительно богатые возможности. То есть это на несколько порядков мощнее того плоского представления, в котором мы все это рассматриваем как единообразно структурированную ткань. И, в частности, оно открывает совершенно новые перспективы перед понятием организации.

И теперь я могу эти два момента соединить между собой… С одной стороны, я сказал, что мы должны очень жестко противопоставить друг другу *материал* и *форму* и задать форме как таковой самостоятельное существование, отдельное от ее материала. И тогда, естественно, возникает вопрос: как может существовать эта форма вне материала — сама по себе? Но ответ на этот вопрос теперь дается этим «монадным» представлением: форма существует в одной монаде, а материалом для этой формы становится другая монада. То, что их связывает, и есть собственно *организационное отношение*. Форма существует как способ, стиль соорганизации и организации монад. И поскольку одна монада может осуществлять организационные функции по отношению к другой, то, собственно, она и несет эту форму, которая затем накладывается на материал.

Если мы не поймем природу этого отношения, то мы, с моей точки зрения, вообще ничего не поймем в том, что происходит в мышлении и деятельности. И когда мы, скажем, ссылаемся на положение Энгельса и Маркса о том, что именно *производство* задает основополагающий слой, структурирующий человеческое общество и человеческую жизнь, то мы должны при этом помнить и все время иметь в виду, что производство есть всегда *организованное* производство. Не может быть производства вне и без организации, без наличия того, что осуществляет по отношению к нему организующую функцию. В этом смысле выражение «производство» синонимично выражению «организация».

Исключительно важным и принципиальным становится и различение *искусственных* и *естественных* систем, отношений искусственности-естественности и т. д. Я бы здесь опять хотел

подчеркнуть, что сами понятия естественного и искусственного, начиная с платоновского «Кратила» и дальше, требуют очень тщательного анализа. Если мы хотим действительно разрабатывать и строить теорию мышления, то мы не можем пройти мимо детальнейшей проработки этих двух категорий и извлечения из них всего того богатого содержания, которое нам действительно нужно и без которого ничего нельзя понимать, на мой взгляд, в мышлении и деятельности.

Фактически эти три момента — чуть-чуть в другом повороте — задают *социотехническое отношение*, с которым мы постоянно работаем и которое, собственно, и характеризует в обобщенном виде отношение между двумя монадами. Но если раньше я говорил только об организационном отношении, то теперь я могу задавать еще целый ряд других отношений, кроме организационных, которые будут принадлежать к социотехническим отношениям. Социотехническое отношение выступает как необходимый принцип изучения мышления и деятельности.

И последнее здесь: апелляция к тому, что я говорил в прошлый раз, и пояснения. Когда я разделил рефлексию на чистую и организованную, то я фактически осуществил абстракцию, опирающуюся на особое онтологическое представление мышления и деятельности, предполагающее использование категорий материала и формы в той трактовке, которую я им сейчас дал, учитывающее обязательно популятивный характер мышления и деятельности, наличие планов искусственного и естественного, наличие целого ряда социотехнических отношений, которые не сводятся непосредственно только к организационному отношению, и, следовательно, неявно, фиксацию множества уровней, планов организации этих монад, которые, собственно, и образуют разнообразие форм того материала, с которым мы имеем дело. И, таким образом, рассматривая рефлексию, мышление и деятельность, я выделил ту исходную подкладку — процессы-носители, или процессы-материал…*

Разделив рефлексию на чистую и организованную, я тем самым резко развел два плана рассмотрения… Если взять слойное представление системы, то я таким образом задал план чистого материала (это и есть чистая рефлексия в данном случае), а затем множество различных его системных организаций — через морфологию, функциональные структуры, разнообразные процессы. Причем они опять-таки могут либо развертываться как разные системные

---

* Далее отсутствует небольшой фрагмент доклада, который не был записан по техническим причинам. *Примеч. ред.*

организации на одном материале, либо последовательно делать каждую форму организации материалом для следующей организации.

И дальше это задает несколько планов разборки всего целого и достаточно много планов исследования. Но мне важно отметить, что при этом в одну сторону кладется исследование чистого материала, чистой рефлексии как таковой, а в другую — форм ее организации. В принятых у нас системных представлениях я могу говорить так… Есть, скажем, первое предметное образование — это материал, а затем этот материал попадает в такое слойное представление системы. Если я беру чистый материал как таковой, то я рассматриваю чистую рефлексию как особое образование. Если же я беру его в системе — как организованность, то я уже не могу говорить о рефлексии. Я могу говорить о коммуникации, о мышлении, о деятельности, о понимании и т. д., но рефлексии как таковой просто не будет. И ее и нет как раз в этом логическом смысле. То есть я *могу* образовать такое предметное представление чистой рефлексии, но только ее нет.

Ильясов: В вашем рассуждении ее нет?

В моем рассуждении она есть. Но вот только больше ее нигде нет.

— Чистой рефлексии?

Вообще рефлексии — как предмета рассмотрения. И вы понимаете, куда я кидаю камешек. Вообще-то психолог может поставить, например, задачу исследовать рефлексию. И последние пять-шесть лет стимулированные методологическими разработками психологи пытаются исследовать рефлексию. Но ведь ее не может быть. Она может существовать только как методологическая конструкция.

Но к этому я еще буду возвращаться. Этот момент лежит в основании дальнейших рассуждений и очень интересных поворотов. То есть я этот тезис проработаю дальше конкретно.

Ильясов: Организованная рефлексия — это организованность или форма?

Сложный вопрос, но я на него отвечаю так: организованная рефлексия — это в зависимости от того, какая форма организации — либо коммуникативная, либо мышление, либо понимание, либо механизм развития мышления и деятельности, либо деятельность — есть совсем иное, нежели рефлексия.

Ильясов: Вы мне предлагаете самому понять, является ли она организованностью или формой?

А на этот вопрос следует автоматический ответ: это каждый раз будут те или иные системы — по способу вашего рассмотрения. Но этот вопрос — немножечко вперед, поскольку я это еще должен пояснить и обосновать путем дальнейших рассуждений.

Ильясов: А если на организованную рефлексию накладываются вторичный, третичный и т. д. уровни организации, каждый предыдущий уровень будет выступать как чистая рефлексия?

Нет, не как чистая рефлексия. Он будет выступать как материал для организации. Чистая рефлексия есть предельная абстракция — такая же, как «натуральные процессы» психики у Выготского. Это та абстракция, которая сохраняется в рамках данного качества, не выходя, скажем, в физиологизм или еще куда-то, но является предельной. Она не есть мышление, коммуникация или еще что-то. Она есть рефлексия. И рефлексия в этом смысле — граница предмета, граница рассмотрения мышления, граница рассмотрения деятельности — та база, из которой мы все это должны выводить и к которой мы должны сводить.

Ильясов: Но граница-то движется.

Нет, граница не движется, поскольку граница здесь задается как абсолютная. И в этом смысле понятие чистой рефлексии есть «дурная» абстракция. Почему я и говорю, что не существует этого. Ей не надо искать объективных аналогов. Это есть не сдвигающаяся, а абсолютная граница.

Ильясов: Как соотносятся форма и организация?

Вы спрашиваете объективно или понятийно? Если понятийно, то я буду спрашивать вас о тех конкретных условиях, в которых данное отожествление, с одной стороны, допускается, с другой стороны, не допускается. Поэтому каждый раз буду на все подобного рода вопросы отвечать так: по понятию форма есть форма, а организация есть организация. Вот и все.

— Вы не могли бы пояснить для лучшего понимания ваш ход рассуждений от первого противопоставления чистой и организованной рефлексии к выводу о том, что чистой рефлексии не существует? Но пример — не на материале рефлексии.

Нет, не могу. Потому что другие примеры надо специально прорабатывать — с такой же тщательностью, с какой мы в течение 15 или 20 лет прорабатывали рефлексию. Если бы я это сделал, я бы вам дал другой пример.

Вопрос (неразборчиво).

Нет, вы неправильно понимаете то, что я делаю. И, наверное, я в этом сам виноват.

Форма и материал существуют в рамках категориальной оппозиции форма-материал. А здесь [на схеме] существует то, что нарисовано: одна монада, которая захватила другую монаду. Я соотношу определенным образом и стягиваю разные представления… Есть простая категориальная онтология — жесткая оппозиция,

различение [формы и материала]. А есть схемы, имеющие совсем другой онтологический смысл: мы за ними видим акты человеческой деятельности, акты рефлексивные, как мы их называем — «отношения рефлексии»… И все. Я не могу ответить на вопрос: что здесь, в схеме, есть форма, а что материал? Это требует специальной работы.

Мне важно зафиксировать различие формы и материала. При анализе таких схем «монадной» соорганизации и организации я буду пользоваться категориальной оппозицией форма–материал. Проводя системный анализ этого образования, я буду *что-то* представлять в системной категории как материал, а *что-то* — как форму. И эта форма будет складываться из морфологии, функциональной структуры и соответствующей структуры процессов, или процессуальной структуры. И я ввел представление о чистой рефлексии вот в этой структуре работы, в этой структуре предметного разложения.

Когда я говорю о чистой рефлексии, я проделываю такую работу… Я беру системы коммуникации, мышления, деятельности. Произвожу системный анализ. Раскладываю на слои. Вынимаю слой материала, осуществляю определенную перефокусировку и перепредмечивание, образую новый предмет. И говорю: вот это будет чистая рефлексия. Вот что я сделал.

Как существует нематериальная форма? Объяснение этому заключено в структуре организационных отношений. А дальше мы легко можем сказать, в чем дело: все основные формы суть знаковые формы.

Ильясов: Основные или все?

Практически все. Потому что без этого никакой формы нет вообще… У графина ведь нет формы, а есть графин. И все тут. И графин есть нерасчлененность материала и формы. А говорить, что это синтез материала и формы — значит рассуждать без понимания природы мышления и деятельности. Наивный разум рассуждает таким образом… Он видит графин, видит в графине материал, поскольку знает, видит в графине форму, поскольку знает, — его в школе так учили, и он при этом еще думает, что есть отдельно форма, отдельно материал и много чего такого. Но это все иллюзорно. Все это — слова, и ничего больше. Поэтому вопрос-то здесь в том, как мы оперируем и манипулируем словами…

Ильясов: Как взаимодействуют монады? Они взаимодействуют сами по себе или есть суперструктуры деятельности, которые определяют это взаимодействие, а они выступают как материал для них?

Это все зависит от того, какие у вас целостности, какие формы организации вы берете. Поэтому я сейчас не могу ответить на ваш вопрос.

Ильясов: Но как монадные, индивидные мышления взаимодействуют друг с другом?

Тут важно еще понимать, что я делаю. Я на этих схемах не объекты рисую, а принципы онтологизирую. А если это — принцип, то он же объективно бесформен. Вы можете применить принцип к одному объекту, а к другому не можете. Одному он соответствует, другому не соответствует, на третьем вообще бессмысленный.

Я сейчас задал принцип абстракции, а вы меня спрашиваете объектно. Я и отвечаю: все зависит от того, из какого уровня организации вы начали исследование и что вы исследуете — мышление, коммуникацию, деятельность — и сколько там лежит в глубине этих снятых слоев организации.

Мне пока важно было на этом примере просто пояснить, поскольку я предполагал, что мы социотехнические схемы хорошо отработали, знаем, постоянно ими пользуемся, пользуемся этим социотехническим отношением. Мне же сейчас важно другое сделать, опираясь на эти отношения: задать здесь конституирующее значение *организационного отношения*.

Я фактически отвечаю так: я ввел представление о чистой рефлексии и могу это делать, поскольку реально существует и в мышлении, и в деятельности такая штука как организационное отношение. Это организационное отношение существует и задается на таком отношении актов деятельности и мышления — на таких монадах. Поскольку оно существует и все мышление и вся деятельность суть результаты длинной истории организации и закрепления этой организации в виде организованностей материала, то есть в виде морфологии с соответствующими функциональными структурами, процессами и т. д., постольку я теперь, чтобы анализировать эти сложнейшие, естественно-исторически развившиеся формы мышления, деятельности, коммуникации и т. д., с одной стороны, должен, а с другой — могу проделать как бы обратную процедуру разложения. Но ведь вопрос о том, какое разложение можно сделать, а какое нельзя, очень сложен.

И если я ввел такую предельную абстракцию как чистая рефлексия, то спрашивается: не разрезал ли я объект таким образом, что он умер в результате моего разрезания, что его больше нет, что это принципиально ложная абстракция? Мне же нужны определенные основания для этой абстракции. И я эти основания сейчас и задаю. Я говорю: я могу так делать, поскольку любая сложная форма

мышления, деятельности, коммуникации, с моей точки зрения, в моих представлениях, есть результат соответствующей организации этой чистой рефлексии — точнее, акт организации, повторенный миллиарды раз в ходе исторической эволюции.

Ильясов: У меня лично возникают определенные трудности с пониманием в связи с тем, что в одном случае мышление выступает как монадное образование, а в другом случае — как не-монадное. И я никак не могу понять, что вы имеете в виду, когда говорите «мышление и механизмы». Организация есть механизм монадного мышления или не-монадного — некоторого популятивного объекта, взятого в целом?

Мне важно подчеркнуть, что говорим ли мы о мышлении и деятельности вообще, или мы говорим о мышлении и деятельности как универсуме, о мышлении или о деятельности на земном шаре, или мы говорим о мышлении какого-то отдельного человека, каждый раз в этом мышлении есть неопределенное, большое число самых разных уровней организации. И эта организация существует в универсуме мышления за счет деятельности одних людей по поводу деятельности других людей. А в *моем* мышлении — за счет мышления по поводу *моего* мышления, за счет того, что я все время осуществляю организацию *своего* мышления. Я ее осуществляю, когда готовлюсь к докладу, осуществляю после доклада, когда я все время проверяю, а туда ли я прошел, не сбился ли я по дороге с пути, по-прежнему ли я помню цель. И я ее осуществляю за счет того, что все мои учителя — в университете, в школе, в детском саду, в семье — постоянно организовывали мое индивидуальное мышление.

И поэтому каждое мышление есть множество «слипшихся» друг с другом, соорганизованных, рефлексивно организующих друг друга и поэтому целостных за счет этой организации образований. И берете ли вы универсум мышления или отдельный акт — он представляет собой ячеистое образование, которое все время собирается в целостность за счет как бы подъема вверх по уровням организации и непрерывного сплющивания самой этой организации.

И поскольку эти моменты были поняты, то дальше каждый раз возникал вопрос: а в чем же заключаются эти процессы и механизмы организации? Их же нужно строго определенно представить. И мы их, собственно, и представляли в самых разных процессах. В основе всего лежала идея *воспроизводства деятельности*.

Когда мы задаем процесс воспроизводства деятельности и ставим такую целевую установку деятельности, что любые структуры, любые организованности должны воспроизводиться на новом материале, то тем самым и ставится задача на описание и объяснение

одной из кардинальнейших, основных форм организации. В этом смысле предшествующая деятельность, фиксируемая в качестве образцов, норм, нормативов, и организует последующие акты деятельности. Здесь социотехническое отношение будет организовываться на схемах воспроизводства, соответственно, — обучения, на описании ситуаций учения-обучения и т. д.

Производство точно так же оказывается одним из механизмов организации, о чем я уже сказал, но теперь я чуть перефокусирую это… По сути дела, производство и есть процесс переноса формы с одного материала на другой. Производство есть вообще креативный процесс обязательно по образцу. И в этом плане производство есть лишь момент воспроизводства, который выделяется, особым образом самоорганизуется и оформляется как процесс, переносящий эту форму или осуществляющий определенную организацию материала.

Но точно так же (что мне важно для дальнейшего) оказывается, что рефлексия может быть таким организационным отношением. Если я, скажем, рисую это отношение и даже рассматриваю его в когнитивной модальности, например как «снятие» формы, то это тоже выступает лишь как момент в процессе организации, осуществляемой как особый тип мышления и деятельности — как организационная деятельность.

Короче говоря, в деятельности и мышлении есть масса самых разных отношений, которые и должны рассматриваться как таковые. Но все это (что мне теперь важно отметить) развертывается в историческом времени и в пространстве истории. И я должен каждый раз в этом пространстве истории рассматривать, с одной стороны, появление какого-то уровня организации — его становление, создание, — а с другой стороны, я должен рассматривать все другие — предшествующие — уровни организации как материал. Я эту раскладку на форму и материал веду пошагово. Но у меня там нет и не может быть чистой рефлексии. Она мне нужна как исходное основание. И у меня тогда получается, что чистая рефлексия живет, следовательно, вне истории. И чистую рефлексию как таковую я вводил, переходя на совершенно другой уровень качества. Это есть такой спуск в ретроспективном системном анализе, когда я перехожу на качественно другой материал.

Итак, оказывается (и это мне крайне важно), что все эти формы организации рефлексии, которые суть формы организации мышления, деятельности и прочего, существуют в пространстве истории, а рефлексия как таковая как чистая рефлексия существует не в пространстве истории, она и образует границу этого пространства.

Ильясов: А когда-нибудь до чистой рефлексии можно дойти?

А мы доходим очень просто: мы вводим ее за счет моментального акта мысли. Я уже дошел. И никакого другого «дойти» быть не может. Потому что это не то, что ищется с фонарем.

…Мне важно подчеркнуть гетерогенность этого образования. Произведя такой анализ и выходя уже к модели работы сознания, я фактически теперь с другой стороны обосновываю основной тезис: формы организации никак не зависят от природы рефлексии. Бессмысленно искать объяснение этих форм организации в рефлексии, то есть в том материале, на который эти организационные формы накладываются.

Козленко М. Д. (неразборчиво).

Конечно. И этим различением на то, что живет в истории, и то, что живет вне истории, — я это фиксирую. Потому что я ведь дальше, задав это пространство истории, в котором живут организующие формы, потом должен ввести исходные различения функционирования и развития, затем, скажем, происхождения, становления, формирования, производства и другие. Я должен буду вводить массу таких различений, структурируя само это пространство истории и тем самым ставя эти формы организации в определенные отношения друг к другу. Мне это очень важно и понадобится в дальнейшем. Я тем самым задаю в определенной онтологической картине формы жизни этих организующих форм, или форм организации рефлексии. Они там должны жить и жить по законам исторически развивающейся деятельности, исторически развивающегося мышления и т. д., но не по законам рефлексии, которая не развивается как таковая.

Ибо появление новых форм организации должно быть задано в контексте развития. И сама категория развития предполагает учет [зависимости] последующих форм от предыдущих. Я не обсуждаю сейчас отношения между последующими и предыдущими формами. Оно будет всегда искусственно-естественным и в этом смысле не детерминированным предшествующими формами. Но поскольку оно будет не только искусственным, но и естественным, эта связь и отношение должны быть учтены в логике искусственного анализа. Там не будет детерминации, но зависимость тем не менее существует. Но нет зависимости этих форм организации от процессов рефлексии как таковой. Ее нет и быть не может. И они в этом смысле вываливаются оттуда.

Я буду дальше специально говорить, перевернув все, о формах рефлексии, и это будет важным моментом для понимания природы всех этих образований. Но когда я говорю о чистой рефлексии

в смысле отдельно выделенного предмета по этой схеме системного анализа и предметных разложений, то я должен сказать, что здесь проходит граница по характеру закона… Если, конечно, у организации есть «законы». Я сейчас «закон» употребляю в очень сложном смысле… Лучше можно было бы сказать, что здесь проходит граница в характере логики, то есть здесь — в материале — действует совсем другая логика, другие процессы…

…Когда мы все это сделали, то теперь я получаю второе объяснение и оправдание того принципа, который мы отстаивали с самого начала и который выражен в модели светового табло над зданием «Известий». Я теперь могу рассматривать чистую рефлексию как механизм, который необходим для существования мышления, коммуникации, деятельности и т. д., но из которого никакие формы организации не вытекают и которым эти формы организации не определяются. То есть он всегда существует, он есть, он должен быть задан, но не он определяет формы организации, а формы организации определяются исторически.

Короче говоря, я показываю, каким образом мы подходим к пониманию того тезиса, что мышление, коммуникация, деятельность суть явления социальные, а не физиологические. То есть, грубо говоря, чтобы было понятно: это — явления организованные, это есть чистые организационные формы, которые за счет всех описанных мной сейчас процессов и существуют как организационные формы, и они образуют системы, причем системы в этом смысле полные — со своей морфологией, своими функциональными структурами, процессуальными структурами, и они существуют на материале — на материале рефлексии.

Я могу перевернуть: рефлексия есть тот материал, на котором существует мышление. И рефлексия в этом смысле задает один из механизмов, на котором существует мышление. Но при этом мышление, которое представлено формами организации рефлексии в их историческом развитии, никак, ничем, ни в чем не определяется этим механизмом, то есть механизмом работы сознания. Бессмысленно выводить мышление из механизмов работы сознания. Наоборот, на механизме работы сознания как таковом (который задан и существует как субстрат) развертываются разные игры за счет самого этого механизма. Но искать каждый раз конкретно-историческое объяснение этих форм за счет этого механизма бессмысленно.

Мне важно, какие выводы из этого дальше следуют к разработке всей системы исследований. Вот имеются эти исторически развивающиеся формы организации, а здесь лежит чистая рефлексия (см. рис. 13).

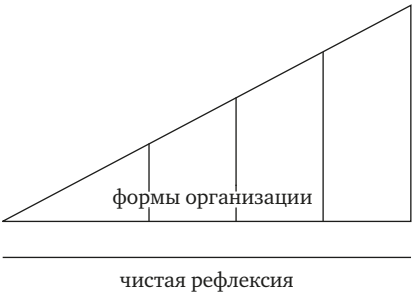


Рис. 13

Я на самом деле говорю какие-то очень странные вещи… И у меня у самого голова от этого кружится, поскольку я этого и сам никак уразуметь не могу… Чистая рефлексия есть еще один из механизмов того, что мы называем мышлением, коммуникацией, деятельностью и т. д. Но только этот механизм (может быть, это и входит в понятие механизма, а может, и нет — это еще надо анализировать) никак не определяет ни одну из конкретно-исторических форм организации мышления, коммуникации, деятельности. Ни одну. Они развертываются по совершенно иной логике, хотя и за счет этого механизма.

Я возвращаюсь к тому, что обсуждалось в прошлый раз. Итак, рисуется это зеркало, которое поворачивается, крутится (см. рис. 11). Есть одна плоскость, или экран, другая плоскость и то, что мы называем «верстаком», — это тоже плоскость, или экран, но он функционально здесь выступает как верстак. И мы проделываем очень простую работу, которая, собственно, и задает механизм рефлексии. Этот механизм характеризуется следующими признаками: он, во-первых, во что-то упирается — в эти экраны, во-вторых, он что-то отражает из этих экранов, в-третьих, он полагает, или выносит что-то, на эти экраны, на какой-то из этих экранов, и за счет этих трех процессов он все время перебрасывает, или перетаскивает, различные образования с разных экранов на один, который в данном случае выступает как верстак. И в ходе всего этого он организует, во-первых, всю эту совокупность экранов в одно пространство, а во-вторых, создает здесь определенные организованности.

Если мы берем этот чистый механизм, то что здесь получается? Последовательность ***a***, ***b***, ***c***… каких-то образований. Это могут быть знаковые образования, образные… И то, что здесь получилось, — ***a***, ***b***, ***c***… — определяется тем, что этот механизм именно так срабатывает, то есть сначала перебросил с экрана-1 одно определенное образование, потом с экрана-2, потом с экрана-3 и т. д. (см. рис. 14).

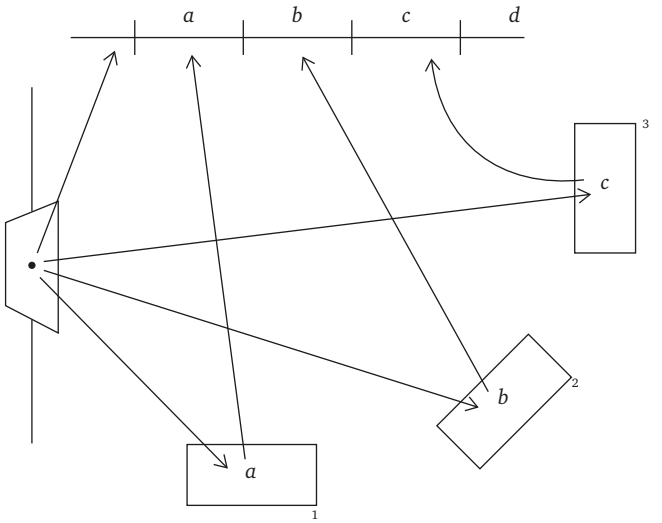


Рис. 14

Но то, что здесь получается, — вот эта форма — тем не менее никак не определяется работой этого механизма, а должна определяться чем-то совсем иным, а именно теми формами организации, которые должны существовать вне этого и которые, собственно, должны в обратном порядке определять все то, что создается. И я теперь задаю вопрос: чем и как задается форма организации? И отвечаю очень жестко: тем, что нужно тому, кто владеет этим механизмом и его употребляет. То есть это определяется целями той деятельности, той мыслительной деятельности, которая здесь за счет этого осуществляется, нормами профессиональной деятельности и еще чем-то — это нужно специально обсуждать. Важно, что это задается не этим механизмом, а деятельностью, мышлением и т. д., то есть структурами принципиально иного порядка, по отношению к которым все это есть лишь механизм — материальный носитель, или процессы-носители.

Анисимов: Чем обусловлена выделенность этого особого зеркала? Другие зеркала могут в роли верстаков выступать?

Могут.

Анисимов: Поскольку вы строите механизм, постольку вы предполагаете верстак, который обязан выполнять особую функцию внутри этого механизма…

Пожалуйста, вы можете сказать так. Но что вы делаете? Вы отвечаете на вопрос: зачем я это нарисовал и почему я здесь об этом рассказываю? Вы правильно отвечаете. Но только это уже не про то, о чем я говорю, а это уже про мою работу. Если бы мы обсуждали вопрос о технике моей собственной работы, то я бы стал вам

предъявлять определенные онтологические картины и мы бы с вами обратились к истории, к технике, предметным организациям этого раздела наук и философии и обсуждали бы, что там происходит.

Но интересно: почему и зачем у вас произошел такой переход из превращенных форм в деятельностные?

Анисимов: А мне пока непонятно конструктивное введение верстака.

Вы же практически отвечаете: верстак по этому рисунку, по механизму рефлексии отличается от других экранов тем, что на нем складывается, накапливается, организуется, к примеру, этот текст сообщения. А теперь вы спрашиваете: а почему этот экран стал верстаком, а не другой? Это определяется объемлющими структурами деятельности, мышления, профессиональной ориентации и т. д. Я говорю: верстак — это то, где происходит накопление и складывание, где строится эта организованность…

Анисимов: Но если это одно из зеркал, то должна быть какая-то специальная процедура в вашем конструировании…

Нет. Вы путаете опять-таки разные модальности мышления. Вы что делаете? Я вам задаю понятие и его онтологическую картину, а вы переводите это в план знания и рассматриваете как описание некоего объекта. Вы в работе вашего сознания производите другую работу, нежели та, которую проделываю я. И отсюда у вас возникают ваши вопросы.

Анисимов: Мне нужно понять, как получился этот результат — выделенность этого верстака-зеркала.

В искусственной модальности или в естественной? Вы про что спрашиваете: как получилось или как я сделал?

Анисимов: Как сделали.

Как сделал? Нарисовал.

Анисимов: Ну тогда в естественной модальности.

А в естественной модальности нельзя задавать вопросы. Ваша ошибка состоит в том, что вы здесь переходите в естественную модальность. Вы же производите теперь другую онтологизацию этой схемы.

Анисимов: Я ищу, какая онтологизация должна быть, чтобы понять ваш результат.

А у меня здесь нет результата. Мне важно ответить на вопрос: почему, поставив своей задачей исследование мышления, коммуникации, деятельности, мы не должны обращаться к человеческой психике? Мне важно ответить на вопрос: почему в рамках какого представления возможен такой ответ, что мышление, деятельность, коммуникация не имеют никакого отношения

к человеческой психике? И я объясняю, каким образом, за счет чего развертываются, раскладываются предметы социологии, логики, культурологии и т. д. — в отличие от психологии, почему в течение многих сот лет это шло, разворачивалось независимо друг от друга, и что перепуталось, в результате чего возникли эти иллюзорные представления, что для объяснения мышления надо изучать психику.

Ильясов: Никто и не путал. Каждый работал сам по себе.

Это всеобщее заблуждение. Если вы берете сейчас американские университеты, то там всюду, как грибы, растут лаборатории, кафедры когнитивной психологии, психологического объяснения когнитивных процессов. Почему? Мы снова, как 100 лет назад, присутствуем при расцвете психологизма. И происходит опять выпадение из конструктивной работы в область заблуждений, которые снова будут проигрываться еще 50–60 лет, прежде чем все это опять качнется в другую сторону. Почему так происходит? И нужно еще объяснить, почему это — заблуждение и с какой точки зрения это — заблуждение, какая позиция позволяет придерживаться другой точки зрения и разводить все это… Как это объясняется, причем на уровне механизмов?

И я вам сейчас показываю такой механизм и такую связь разных образований, задаю модель такого устройства, которое, работая так, как я описал, осуществляет перебросы, и нужно как такое устройство. Но только оно совершенно не определяет того, что здесь получается.

Конечно же, этот ряд, этот текст выкладывается за счет работы этого механизма. Этот механизм его производит. Спрашивается: почему же я говорю совершенно несуразную вещь — что этот механизм абсолютно не определяет этого текста и, больше того, что его можно отрезать как таковой, вынести в особый предмет, относящийся к материалу, и никогда больше при рассмотрении мышления, деятельности, коммуникации не рассматривать? Как же так? Он есть механизм, а я говорю: его надо вырубить.

Анисимов: Могу я сказать так: результаты критики вы как раз конструктивно и воплощаете в этой схеме?

Вы все время вываливаетесь из обсуждения тематизма в обсуждение деятельности по решению этого тематизма.

Чернов: По каким законам работают эти все зеркала?

Вот над зданием «Известий» лампочки зажигаются и гаснут, и за счет этого бегут светящиеся буквы. Спрашивается: кто же за все это отвечает? По какой логике там сегодня сообщают одно, а завтра другое? Схема организационного отношения и есть ответ на этот

вопрос. Этот механизм встроен в нас, дабы выполнить эту работу. Это и есть система «лампочек», механизм этих «лампочек».

И тогда становится очень ясным и понятным человеческое поведение. Вот вы сталкиваетесь с человеком… Скажем, Аверинцев в этом смысле классический образец. Он массу вещей знает. Он, наверное, прочел столько, сколько все мы, сидящие здесь, вместе не прочитали. Мне приходилось редактировать его текст. И я начинал сходить с ума, когда я читал это. Он непрерывно ассоциативно движется… Вот он начинает рассказывать про что-то одно, зацепился за другое, пошло третье, потом четвертое, потом пятое, потом возврат, где-то он вспоминает о целях… Потому что перед ним гигантское количество этих экранов, зеркал на самых разных текстах — старолатинских, новолатинских и т. д., — и его сознание организовало все это в пространстве и крутится. И выкладываются тексты — соответственно тому, на что в этот момент двинулся план его сознания.

Вот идет какой-то доклад здесь. И он не управляется, он ассоциативно течет. Какая-то новая тема всплывает, подтягивается, начинается разговор… Поток сознания. Но обратите внимание, что он все время высвечивает какие-то образования и все время их выкладывает. Но можем ли мы считать, что это организованное мышление?

Этот механизм крутится, а дальше то, что получается у того или другого человека, определяется тем, насколько у него организовано сознание. Организовано чем? Целевыми установками, логикой, предметными расчленениями, нормами работы и т. д. И то, что производит каждый человек в результате своей работы, определяется не законами работы этого механизма (он всегда высвечивает, выбирает что-то), а совершенно другою вещью — тем, что он должен сделать. И эти две вещи надо очень четко понять.

Как организован и как нормируется этот механизм? Значит, там должна быть еще другая организация. И эта «другая» организация онтогенетически определяется обучением, школой, учителями, окружением и т. д., типом организации коммуникации, ее нормами. Там масса нормирующих и организующих образований. Они всегда привносятся извне и накладываются на этот механизм и существуют у нас как совокупность программ, образно говоря, или отношений. А этот механизм обеспечивает проигрывание в соответствии с этими программами. Иногда программное обеспечение очень слабое, его практически нет, нет этих целевых, логических и прочих детерминаций. Тогда идет поток сознания. Предельный случай — «цветение» речи. И все это есть не патология, а нормальное функционирование нашего сознания. То, что является патологией с социальной точки

зрения, с точки зрения мышления есть нормальное, чистое и очень богатое функционирование нашего сознания. Вот что очень важно.

А так как этот механизм хаотический, то [сознание] ничего и не отражает, а оно лишь выражает кручение этого механизма. И поэтому наш предмет разваливается на два принципиально разных [предмета], живущих, как мы выяснили, в разных пространствах. С одной стороны, мы должны выделить и положить рефлексию как таковую — чистую рефлексию и зафиксировать ее как процессы-носители, или совокупность процессов-носителей, которые выдают на выходе этот «интенциональный процесс». Это очень условный термин. Здесь получается интенциональный процесс, поскольку все должно еще последовательно выкладываться…

Но теперь я хочу поставить реальную проблему. Вот у нас есть этот процесс-носитель рефлексии для мышления. А что будет таким процессом-носителем для деятельности? Для актов действия? Это ведь не рефлексивный процесс — действие как таковое. И, кстати, эта часть просто никем не проработана. Если мы сейчас начнем спрашивать, кто вообще из психологов, физиологов, биологов писал об этих предельных вещах… Где, в каких работах эта предельная вещь?

Ильясов: У Бернштейна.

У Бернштейна тоже вроде бы нет. У него же все идет в циклических схемах контроля, организации действия.

Но мне важно подчеркнуть, что нам для описания деятельности в первую очередь и отчасти мышления нужны такие процессы-носители и они должны быть зафиксированы*.

Наша цель и задача состоит в том, чтобы составить программы исследований и разработок и задать подлинные проблемы. И все это рассуждение мне нужно для того, чтобы теперь попробовать различить направления и постараться сделать это правильно.

Что вытекает из всего этого?

Первое. Если мы ставим вопрос о том, чем нормируется образование таких структур и организованностей на верстаке, то мы должны строить совершенно особый план исследований, касающихся уже форм организации. Они, как мы выяснили, лежат в историческом пространстве, и мы должны очень четко ответить на вопрос: а что мы относительно них можем спрашивать? Например, как они возникли? Но тогда, наверное, их возникновение определяется более широкими социальными структурами деятельности, коммуникации, мышления и т. д. Значит, мы должны их вписать в какие-то другие

---

* Далее отсутствует небольшой фрагмент доклада, который не был записан по техническим причинам. *Примеч. ред.*

структуры. Но мало этого, надо теперь, ставя вопрос, как возникают эти нормы, эти формы организации рефлексии, работая в историческом пространстве, отнести их к каким-то их объемлющим структурам. Я же фактически возвращаюсь к вопросу, который разделяет Выготского и Леонтьева, то есть к вопросу 1929–1930 года. Тогда был поставлен вопрос: куда же это вписывать? Он до сих пор, в принципе, остается открытым.

Я бы сейчас по-новому поставил этот вопрос во всей нашей традиции: как мы объясняем происхождение подобных форм организации? Больше того, ведь теперь нужно ответить на вопрос: что мы здесь хотим исследовать? о чем мы будем спрашивать? Если мы спрашиваем — как это появилось? — это один вопрос, для него надо строить один предмет. Если мы ставим вопрос — как я начинаю осуществлять ту или иную деятельность? как я строю рассуждение? как решаю задачу? чем это нормировано? — это совсем другой предмет, это совершенно другой вопрос, который выводит нас в онтогенез, выводит нас к проблемам педагогики, к проблемам психологии и т. д. И важно очень четко понимать разницу этих двух предметов исследования и этих планов, их взаимоотношения друг с другом. Вот это мне здесь очень важно зафиксировать.

— *Что вы подразумеваете под словами «природа рефлексии»?*

Вот этот механизм.

— *Их бывает много?*

Да, их бывает много. Потому что они сами зависят от верхней структуры (см. рис. 13). Я дальше буду об этом говорить.

— *А может быть, различие традиций Востока и Запада зависит от форм организации рефлексии?*

Да. Восточная традиция, насколько я это понимаю, состояла в том, что они использовали эти знаковые социальные формы не для того, чтобы получить отчужденный продукт, который будет существовать в записанной культуре, а только в плане такой организации механизмов работы сознания, которая обеспечивала бы их предельную пластичность.

Больше того, человек Востока ставит задачу управлять только самим собой. Иерархированные структуры таковы, что у человека нет надежды их менять, устраивать какие-то революции, овладевать этими структурами. Поэтому ему внешне направленные средства не нужны, в том числе запрещено развитие как таковое. Что важно для европейца в условиях скажем, формирования европейской цивилизации? Ему нужно было овладеть природой, организовать расширенное воспроизводство в этих условиях, и он создавал такие структуры, которые давали ему возможность управлять развитием

социума. Отсюда идея революции, идея искусственного устройства собственной жизни, социума и т. д. И отсюда принципиально разное отношение к подобного рода структурам: европеец как бы продолжает себя за счет все более мощных структур. Хотя это, естественно, потом переходит в свою противоположность: как только он создает эти мощные структуры, так возможность активного влияния на них и их перестройки становится все меньше. И отсюда распространение восточного способа мышления, жизни, самодеятельности и т. д. По сути дела, то, что у нас сейчас становятся столь модными эти восточные направления, знаменует лишь отказ от активной позиции.

Ильясов: Отказ от активной позиции в определенном отношении. Восточная культура — это тоже очень активная позиция.

Только по отношении к самому себе.

Ильясов: Восточный человек вообще смотрит на европейцев как на чудаков, которые ориентированы не на себя, а неизвестно на что.

Я бы резче сформулировал: люди Востока, которые привыкли приспосабливаться к внешним обстоятельствам, смотрят на европейцев как на чудаков, которые привыкли внешние обстоятельства приспосабливать к себе. И разница той и другой ориентации определяется этим — что к чему мы приспосабливаем. Европеец каждый раз рассуждает так: меня не устраивают те или иные условия — я их переделаю. А восточный человек: это от меня не зависит, я могу лишь сам к ним приспособиться…

Теперь я двинусь дальше. Мы должны наметить типологию этих форм организации — вот главная задача для теории мышления. Во-первых, мы должны начать рассматривать сами типы этой организации рефлексии, которые превращают рефлексию в мышление, деятельность, коммуникацию и т. д. Во-вторых — взаимоотношение этих типов организации с точки зрения развития коммуникации, мышления, деятельности, так как каждая форма определялась взаимодействием этих форм организации. Если дальше мне надо будет рассматривать рассуждение, то я буду рассматривать рассуждение как особую форму организации, соответствующую сразу коммуникативному направлению и креативному, мыслительному И эти два основных направления будут задавать разные типы рассуждения. В-третьих — взаимодействие этих форм организации в процессах коммуникации, мышления и деятельности, то есть при построении всего этого.

И теперь у меня последнее замечание, касающееся *организованной рефлексии*. Итак, рефлексия как таковая существует только как чистая рефлексия. Если мы берем рефлексию как организованную, то каждая форма организации есть либо коммуникативная,

либо мыслительная, либо деятельная. И поскольку рефлексия как материал-носитель организована, она образует систему иного — систему коммуникации, систему мышления, систему деятельности. Поэтому каждый раз, когда мы рассматриваем такую организованную рефлексию, мы рассматриваем не ее, а мы рассматриваем мышление, коммуникацию, еще что-то.

Поскольку мы выделяем формы организации, то это не есть и не может быть наукой традиционного типа, потому что законов у таких образований нет. Вообще, обратите внимание, что оргструктуры не имеют законов. Оргструктуры есть оргструктуры — там принципиально иное надо исследовать и описывать. Поэтому изучение мышления, коммуникации и вообще интеллектуальных процессов должно быть таким, чтобы оно не касалось проблемы закона, ибо у этих процессов нет законов. Там есть другое: там есть материал и формы организации и есть соединение того и другого, то есть определенные искусственно производимые организации этого материала. Но каждый раз — какую бы структуру мы ни взяли — мышления, коммуникации, деятельности и т. д., — там будет присутствовать рефлексия — рефлексия как особый момент мышления, как особый момент организации деятельности и т. д. Но теперь уже, рассматривая эту рефлексию, мы будем изучать не рефлексию, а мышление, и рефлексию — лишь как момент и механизм в мышлении.

Это очень важный и принципиальный поворот. Ведь фактически я отвечаю на вопрос: как могут быть построены теории такого типа? Они очень странно строятся… Вот первый блок: мы обсуждаем *чистую рефлексию*. Рассмотрели ее как реализующуюся в верстаке через этот механизм, задали основные возможности. И покончили с этим. Этот блок закончен. Теперь мы начинаем исследовать *формы организации*. Это уже главы про собственно мышление, про коммуникацию, про их историческое развитие в тех или иных формах. Но при этом ведь рефлексия-то каждый раз организуется. Когда мы рассматриваем систему мышления, мы в анализе каждый раз доходим до рефлексии. Рефлексия образует материал, но только этот материал теперь описывается не сам по себе, не как особый предмет, не как рефлексия как таковая, а как рефлексивный материал, или отношения рефлексии, или процессы рефлексии *внутри* системы мышления, коммуникации, деятельности, как их материал.

И тогда оказывается, что за счет такой организации исследования у нас будет множество разных рефлексий. И фактически рефлексия здесь начинает развертываться в нашей теории, и описывается все снова и снова как непрерывно умножающиеся и разнообразные отношения, но только не в блоке рефлексии, а в блоках мышления,

коммуникации или деятельности. Рефлексия каждый раз оказывается моментом при описании мышления, коммуникации, деятельности. И, описывая мышление, коммуникацию, деятельность в их разнообразных формах организации, мы каждый раз будем описывать одновременно те или иные формы рефлексии. А рефлексию вообще мы уже описали. И здесь никаких разговоров о рефлексии быть не может. Здесь будет уже рефлексия в тех или иных конкретно-исторических формах организации. И говорить что-либо здесь о рефлексии вообще уже не имеет смысла.

Анисимов: А можно сказать, что это разные осуществления рефлексии?

Нет, нельзя. Поскольку там не рефлексия осуществляется. Это есть мышление, которое одним из своих механизмов имеет рефлексию. И этот рефлексивный механизм будет каждый раз таким (и так здесь будет каждый раз эта система зеркал работать), чтобы обеспечить данный процесс мышления. И поэтому мы будем каждый раз, сталкиваясь с теми или иными людьми, выяснять, что, например, математик вообще к рефлексии не приспособлен и ждать от него рефлексии бессмысленно. Или это будет какой-то математик-изгой: он окажется или великим математиком, или очень плохим математиком. Скажем, у физика можно ждать рефлексию только определенного типа, поскольку она у него уже заорганизована. У гуманитария рефлексия будет совершенно иной.

Ильясов: У него чистая рефлексия.

Давайте отнесемся к этому всерьез. А. В. Запорожец рассказывал, что когда он приехал в США и там кому-то из американских ученых сказал, что тот эклектик, то этот ученый отвечал: «Да-да, вы совершенно точно сказали, вот именно!» А у нас в ученом собрании сказать, что кто-то эклектик, — значит его смертельно обидеть. Потом к Запорожцу подошел какой-то американец, долго живший у нас, и сказал: «Александр Владимирович, у нас же принципиальный эклектизм. Поскольку психология вообще не такая наука, где можно быть строгим. У нас эклектичность есть условие психологического мышления».

И в этом смысле эклектичность педагога есть условие его профессиональной работы. Если он не будет эклектиком, то есть непроницаемым по отношению к противоречиям, нестыковкам и т. д., он не сможет работать.

Реально-то действует обратный механизм… Вот я описал рефлексию вообще, теперь надо смотреть, как эта рефлексия организована 1) в плане механизмов, 2) в плане своей продукции, и, следовательно, косвенно и механизмов, через принятые здесь нормы мышления, коммуникации и т. д.

Ильясов: Это будет описание мышления, а рефлексия там будет подразумеваться.

Нет. Но ее каждый раз ведь придется описывать как основание. Если вы доходите вниз — до материала, то вы каждый раз должны описывать рефлексию. И это будут такие описания рефлексии в теории мышления, теории коммуникации и т. д., которые не должны переходить в описание рефлексии вообще. На эту сторону дела надо обратить внимание, потому что при образовании понятия о рефлексии не должны учитываться все эти разнообразные формы.

Вы прекрасно понимаете, что если то, что я сказал, правдоподобно, то здесь целиком исключается стратегия обобщения. Совершенно бессмысленно говорить, например, о том, что я буду изучать рефлексию в одних формах мышления, других, третьих, а потом буду стягивать в инварианты, обобщения и т. д. Здесь эти общие инвариантные понятия имеют одну область осмысленного и значащего существования, а описание разных форм рефлексии существует совершенно в других слоях.

Чернов: Все это очень спорно.

Конечно спорно. Кстати, все тезисы, которые я формулировал, очень спорные и требуют обсуждения, критики, усомнения и т. д.

II. «ПОДХОД» — ЧТО ЭТО?

О ПОНЯТИИ «ПОДХОД»

1. Деятельностный подход. Введение в тему

Очевидно, что функции, структура и форма организации самого подхода, а также системный, деятельностный, системодеятельностный подходы должны обсуждаться точно так же деятельностно, то есть в средствах и в рамках самого деятельностного подхода.

Для меня это означает, что сам подход может рассматриваться в структуре той деятельности, в которой он употребляется, фиксируется в культуре и порождается. Эта двойственность в исследовании подобных образований, а именно: обращение сначала к структурам деятельности как к организующим область и пространство существования подходов — деятельностного и всех других; и лишь затем последующий переход к анализу и рассмотрению подхода как организованности — является для меня важнейшим и кардинальным пунктом.

Поэтому я начну с того, что попробую нарисовать и разметить ту структуру деятельности, в которой подход возникает, фиксируется и затем реализуется или осуществляется. При этом сама работа будет делаться мною как бы в два такта: я сначала начерчу абстрактную, контурную схему, а потом попробую ее чуть-чуть детализировать.

Итак, я сразу задаю несколько деятельностных как бы подпространств или, соответственно, областей, сфер, в которых подход живет. Центральная фигурка, которую я нарисовал, — фигурка методолога с его специфической действительностью — действительностью методологии или методологической организации, в которой, собственно, подход и создается как особая форма организации мышления и деятельности (см. рис. 1*).

Четыре доклада на семинаре ММК (13 октября, 8, 22 и 30 декабря 1979 г. соответственно). Публикуются впервые с небольшими сокращениями (арх. № 0123).

* Схема воспроизводится по записям участников семинара (арх. № 0123). *Примеч. ред.*

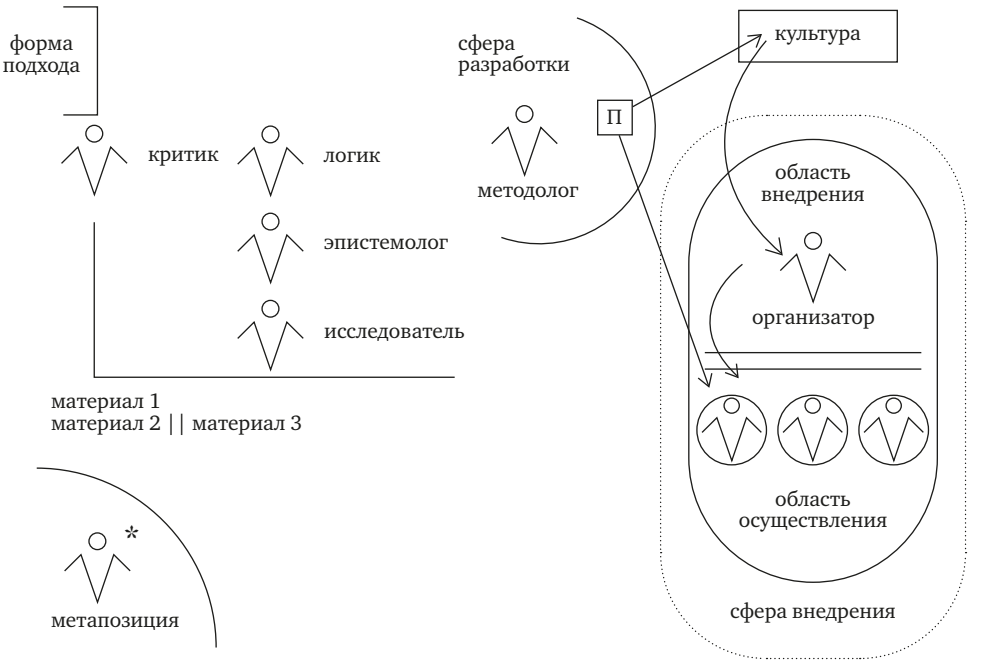


Рис. 1

Я предполагаю, что методолог пока что символизирует не только свою собственную позицию, но и особую сферу, определенным образом социотехнически организованную, которую я в дальнейшем буду называть сферой разработки, или *сферой создания подхода*.

Затем *организованность подхода* передается или попадает, соответственно, в *сферы употребления*, но задавать эти сферы я буду не сами по себе, а прежде всего через обращение к организатору, который символизирует сферу внедрения. Я смогу в дальнейшем элиминировать какие-то позиции, упрощать саму эту систему, но первоначально мне надо задать более широкий набор.

Таким образом, у меня получается такое сложное образование, которое я называю *сферой внедрения*, и эта сфера включает то, что я условно буду называть, кроме области внедрения, еще и областью употребления или реализации, или осуществления подхода. Слово «реализация» вроде бы больше всего соответствует смыслу дела, но уже используется нами в другом контексте, когда мы говорим о реализации нормы, поэтому здесь, скорее, приходится говорить об области осуществления. Я предполагаю, что это — те ситуации и те структуры организованности деятельности, в которых подход осуществляется деятельностно, то есть выступает как форма организации процессов деятельности. Значит, это область осуществления.

Область осуществления, как я предполагаю, входит внутрь сферы внедрения, и, соответственно, сфера внедрения членится на *область осуществления* и *область внедрения*.

При этом сам подход может попадать либо непосредственно в область осуществления, минуя, следовательно, область внедрения, либо к организатору, то есть в область внедрения, откуда он уже через особые организационные средства и формы будет передвигаться в область осуществления.

Теперь я возвращаюсь назад, к *сфере разработки подхода*. С организационно-деятельностной точки зрения эта сфера представляет собой также сложную социотехническую структуру: между методологом, разрабатывающим подход, и другими позиционерами могут существовать самые разнообразные взаимоотношения, реализующиеся в различных формах коммуникации.

Например, методолог (пока вот такой групповой символ) стал задавать вопросы тем, кто хочет использовать в своей деятельности тот или иной подход — деятельностный, системный, системодеятельностный. Он может задавать вопрос: «что тебе нужно?» И будет получать ответ изнутри данной деятельности. Но он может точно так же задавать другой вопрос: «что вам нужно?» И получать множество ответов из разных ситуаций. Но он может точно так же задавать другой вопрос, обращаясь к кому-то другому, находящемуся вне этой ситуации: «что ему нужно?» или «что им нужно?». И этот вопрос будет адресован, скажем, исследователям, занимающимся анализом самих ситуаций в области осуществления подхода.

Но как нетрудно сообразить, исследователи, к которым поступает подобный вопрос, в принципе не могут на него ответить. Они, скажем, могут проанализировать ситуации, зафиксировать разрывы, которые в этих ситуациях происходят, и таким образом частично ответить на вопрос «что им нужно?», исходя из описания разрывной ситуации и тех возможных средств и форм организации мышления и деятельности, которые здесь могли бы заполнить разрыв. Здесь, как вы видите, будет отсутствовать указание на форму организации и, следовательно, указание на сам подход как особую форму организации мышления и деятельности.

Поэтому, наверное, здесь еще могут присутствовать всякие отвечающие на вопрос «что им нужно?» — скажем, логики, эпистемологи, методологи-нормировщики, — каждый из которых будет давать ответ совершенно иного рода. Например, на вопрос методолога, обращенный, скажем, к логику, эпистемологу или методологу-нормировщику «что им нужно?» последует ответ: «им нужно то-то и то-то», и этот ответ будет идти в соответствии с нормами работы

или с логическими, эпистемологическими, нормировочно-методологическими представлениями.

Короче говоря (пока это все было лишь иллюстрацией моей основной мысли), здесь, в сфере разработки, могут складываться самые различные социотехнические организации, составленные из позиционеров разного рода, включая сюда и работников… Это очень интересный вопрос о том, как ожидание критики влияет на характер ответов, даваемых исследователями, нормировщиками и т. д. Здесь будут разнообразные социотехнические организованности сферы разработки подхода, набранные и собранные из совершенно разных позиций, и, соответственно, так или иначе, будет представать и будет организован сам подход.

Я, естественно, спрашиваю: какие здесь могут быть наборы позиционеров и какие социотехнические организации здесь возможны и необходимы, скажем, уже по отношению к современной ситуации?

Вроде бы, следуя логике наших предшествующих исследований, я должен был бы здесь еще задать ту область, из которой извлекается материал для подхода, извлекается тот материал, та совокупность конструктивных элементов и знаний, которые потом оформляются в форме подхода, и я это сейчас сделаю…

Я только хочу обратить ваше внимание на то, что, рассматривая и зарисовывая этот деятельностный контур, определяющий пространство существования подхода, я применяю схемы двух типов, а именно: те схемы, которые у нас были получены в 1965–1966 годах и в первый раз зафиксированы в нашей совместной с В. Я. Дубровским статье*, то есть всем вам известная схема методологической организации, где был методолог с его обслуживанием и были, соответственно, две структуры деятельности — та, которую нужно построить на основе методологической организации, и та, которая становится предметом исследования и из которой извлекаются те или иные средства (это одна схема, она здесь мною реализуется), а с другой стороны — схема, развитая позднее в цикле докладов о знании в деятельности, где уже задаются как бы коммуникативные и транслятивные структуры, которые накладываются на эту систему деятельностной организации, растягивают ее и которые обязывают нас рассматривать подход не только внутри *кооперированной деятельности*, но и внутри процессов *коммуникации* и *трансляции,* внутри процессов передачи от одного позиционера к другому и соответствующего этим процессам оформления подхода.

---

* См. [Щедровицкий, Дубровский, 1967]. *Примеч. ред.*

Поэтому прежде, чем я перейду к обсуждению области, из которой извлекается второй элемент, я должен зафиксировать переход самого подхода в *область культуры*, то есть фиксации его для целей трансляции как бы в обобщенном виде, и потом возврата назад к тем или иным позиционерам.

Совершенно ясно и очевидно, что организация подхода для культуры, для его передачи в сферу культуры предполагает обобщение еще более высокого порядка и ранга, чем те, которые я наметил, задавая сферу внедрения и области осуществления подхода. Здесь подход вроде бы (если это только возможно — это мой вопрос) должен быть оформлен как безразличный к тем или иным ситуациям деятельности употребления и осуществления, или, иначе говоря, как оформленный безотносительно к каждой отдельной ситуации внедрения и употребления, но учитывающий сами эти ситуации. Именно в этом, как мне представляется, проходит граница между специфической формой организации *подхода* и специфической формой организации *теории*.

Мне пока что представляется, что теория, или научная концепция, представляет собой такую организацию тех же самых эпистемических или семиотических элементов, но безотносительно к ситуациям употребления. В то время как подход есть такая организация эпистемических и семиотических элементов, которая с самого начала учитывает определенную область употребления. Теория есть теория, а подход есть некое средство организации мышления и деятельности, с самого начала создаваемое в этой функции, в этой ориентации быть средством организации. А это означает всегда наличие строго определенных ситуаций и строго определенной деятельности. Это всегда есть ориентация на употребление подхода для организации деятельности. В то время как научная теория элиминирует этот момент, замыкает себя на определенном идеальном объекте и тем самым придает ориентации на деятельность превращенную, превратную форму ориентации на некий идеальный объект.

Вы понимаете, что все, что я здесь сейчас рисую, нужно мне лишь для проблематизации. Я в этом выступлении не буду делать ни одного утверждения, касающегося самого подхода, я пока пытаюсь задать деятельное пространство существования подхода и в нем поставить ряд проблем.

Теперь я обращаюсь к тому, что условно назвал областью *извлечения подхода*, и задаю здесь основной для меня вопрос. Основной вопрос состоит в том, как мы должны рассматривать порождение и разработку подхода — как извлечение из чего-то, скажем, из прошлого опыта, прошлой деятельности или как сборку

и реорганизацию из наличных эпистемических и семиотических конструкций.

От ответа на этот вопрос, как мне представляется, зависит очень многое в обсуждении этой темы. Я, скорее, сейчас склоняюсь к тому, чтобы трактовать *формирование и разработку подхода как сборку и реорганизацию, исходящую, следовательно, из набора некоторых конструктивных элементов.* А в роли таких конструктивных элементов выступают, на мой взгляд, все и любые эпистемические и семиотические формы, более простые, нежели подход. И я их здесь зарисовываю.

Итак, вроде бы при проблематизации я исхожу из двух возможностей, то есть ставлю в качестве центральной и замыкающей деятельности по разработке подхода в одном случае конструктивно-проектную деятельность, а в другом случае — исследовательскую. И, соответственно, я говорю, о сборке и реорганизации подхода как особой организованности из других эпистемических образований в первом случае и говорю об извлечении подхода из деятельности путем исследования, как бы выявлении его как такового, во втором случае.

Если принять первый вариант, то тогда я бы это назвал «материалом-1» — материалом, из которого строится подход как особая методологическая единица. Но, кроме того (и это было уже намечено в предыдущем описании сферы разработки), должен быть еще «материал-2» и «материал-3», которые точно так же включаются в подход и составляют его субстанцию, субстрат.

Это с одной стороны. И «материал-2», и «материал-3» — это знания, которые получаются остальными кооперантами социотехнической организации в сфере разработки. Эти знания делятся на две группы: на знания о тех областях осуществления или культуры в сфере внедрения, в которых подход будет использоваться, внедряться, осуществляться и т. д., — это знания о всех проспективных факторах, влияющих на структуру и организацию подхода [— «материал-3»], а «материал-2» — это знания о всех ретроспективных факторах, знания о прошлом опыте деятельности, об употреблениях этих конструктивных элементов и т. д.

Я здесь никак не обсуждаю набора этих знаний, но мне важна фиксация самого функционального места [для них] в этой организации. Значит, я разделяю материал, из которого строится подход, на две группы: на конструктивные элементы, то есть это такие эпистемические формы, которые включаются в подход в качестве конструктивных, — принципы, описания, алгоритмы, онтологические представления и т. д., с другой стороны, на знания двух типов — знания

проспективные, описывающие область осуществления подхода, его употребления или назначения, и знания ретроспективные, которые фиксируют прошлый опыт.

Фактически моя гипотеза состоит в том, что то, что мы называем *подходом*, должно быть особой соорганизацией этих трех групп элементов материала.

При этом, естественно, остается вопрос: откуда берется сама [форма подхода] и чем она задается? Может быть, частично знаниями, относящимися к материалу третьей группы, хотя тогда, как вы хорошо понимаете, это уже нельзя назвать материалом. Следовательно, у меня здесь возникает проблема о форме подхода, вопрос, откуда эта форма берется, как она исторически складывалась, что это такое и т. д., — сюда уже должны быть подключены все собственно исторические моменты.

Наверное, и я, и вы все можете сейчас эту схему перерисовать, задав, скажем, здесь какую-то область прошлого опыта, относительно которой ведется вся работа по созданию подходов. Это тоже представляет собой определенную проблему, потому что, если я говорю, что подход набирается из некоторого конструктивного материала, то вроде бы я и не обязан рисовать эту область. Поскольку же я говорю о знаниях ретроспективного характера, я эту область должен рисовать. Соотношение этих моментов для меня точно так же представляет проблему. То есть здесь должны быть зарисованы какие-то интенциональные вектора, или интенциональные отношения на области прошлого опыта, на область нового опыта, где мы вернемся к исходной схеме 1965 года и будем ее как-то реализовывать. Но как это делать и что при этом будет происходить, это каждый раз — проблема.

Ну и, наконец, последний момент, который я здесь хотел зафиксировать как определяющий область проблем. Деятельностный подход к любой теме требует, как я уже сказал, чтобы мы рассматривали любое образование дважды — один раз через структуру деятельности и другой раз через организованность. Этот принцип здесь онтологически выражен, и еще раз хочу его подчеркнуть.

Итак, если мы берем сферу разработки подхода и сферу его внедрения, то мы получаем две принципиально разные области рассмотрения. Один раз подход выступает как единица методологической организации мышления и деятельности, которая задана в действительности методолога. Это, следовательно, идеальная, действительностная единица, как ее представляет, создает, фиксирует сам методолог в сфере разработки, — это один план описания подхода. И совсем другой план, когда подход рассматривается уже

в процессе своего осуществления по фазам и этапам того процесса деятельности, в котором он осуществляется, иначе говоря, как моменты организации живого процесса деятельности и живого процесса мышления. И это будет принципиально иное представление самого подхода.

Как должны соотноситься эти два момента, — это точно так же задает нам группу очень интересных и весьма сложных проблем. Наконец, предвосхищая вопрос о своей собственной позиции, я отвечаю, что я проводил сегодняшнее рассуждение из позиции *метаметодолога*, рефлектирующего в мышлении возможные формы организации методологической работы по созданию подходов и определению самого понятия «подход».

Мы уже обсуждали этот вопрос при возвращении назад из Новой Утки и зафиксировали эту особую, предельную позицию со звездочкой — позицию метаметодолога. Я думаю, что термин «мета» мы должны здесь употреблять в одной, строго определенной функции фиксации этой предельной рефлексивной позиции, причем именно рефлексивной, даже если она осуществляется в мыслительной работе — как сейчас, скажем, в проектной или организационной. Но она тем не менее остается именно рефлексивной, а не чисто деятельной. И я дальше, наверное, принял бы участие в обсуждении того вопроса, который поставил недавно Борис Васильевич Сазонов, — о более четком задании демаркационных критериев между рефлексивной метапозицией и деятельностной позицией.

Мне только не нравится само понятие «метадеятельностной» позиции, потому что здесь, мне кажется, заключено основное противоречие: если она деятельностная, то она не может быть метапозицией. А как выражение «метапозиция» (в том смысле, в каком его вводил Давид Гильберт[23], и в дальнейших строгих и разумных использованиях, которых, правда, в метаматематике было мало) должна фиксировать эту рефлексивную позицию, а не деятельностную, иначе говоря, работу, если хотите, не по норме. Там, где возникает норма и она зафиксирована, там мы имеем деятельностную позицию.

Я работаю здесь в плане организационного проектирования или организационной схематизации рефлексивно, фиксируя себя как предельную, ограничивающую позицию, потому я называю ее метапозицией, — и в этом выражении «метапозиция» фиксирую то обстоятельство, что это, в принципе-то, не моя позиция, ибо я дальше, задав весь набор этих позиций, которые я сейчас примерно набросал, определив социотехническую организацию в сфере разработки подхода, смогу уже деятельностно и мыслительно-деятельностно

занимать любую позицию. Соответственно, тогда у меня будет работа по логике социотехнической организации и по логике нормированной деятельности (мыслительной или практической — здесь не важно).

Пока что я дохожу лишь до этой рефлектирующей метапозиции. Но это никак не ограничивает мои возможности занимать любые другие позиции. А смысл этого моего вступления состоял в том, чтобы задать некоторые контуры того деятельного пространства, в котором, с моей точки зрения, существует подход, и тем самым сгруппировать возможные проблемы и темы обсуждений.

Если я не допустил здесь каких-то грубых ошибок, то я прошу в дальнейшем участников относить себя и то, что они обсуждают, к тем или иным участкам этой деятельностной схемы. Мне надо было поставить (хотя я это делаю в неявной форме, но через онтологическое изображение дырки… в общем, изображение это фиксируется как-то) совокупность проблем, которые возникают перед нами (формальных пока что проблем, не касающихся специфики системного, деятельностного, системодеятельностного подхода) при обсуждении функций, деятельностной структуры, форм организации подхода.

Я закончил. Есть ли какие-то вопросы?

Сазонов: Правильно ли я понял, что [«материал-2» и] «материал-3» — это не есть материал области, организуемой деятельностно или организованной ранее деятельностью, а есть ретроспективные и проспективные знания об этой деятельности?

Да. Я бы усилил это… Вообще-то ведь и получается, и в этом я вижу принципиальную особенность подхода в отличие от теории, скажем, и знаний как таковых, не включаемых в структуру подхода, что подход не имеет непосредственного отношения к деятельности.

Сазонов: В отличие от теории?

В отличие от теории, поскольку подход не имеет объекта. Подход принципиально безобъектен. В этом я вижу отличие подхода от теории. И ты совершенно правильно отмечаешь (и это важно для рефлективного осмысления того, что я делал), что у меня присутствуют конструктивные эпистемические элементы, из которых подход собирается, у меня присутствуют знания (проспективные и ретроспективные), а вопрос, есть ли втягивание самой деятельности, для меня остается открытым, хотя уже по логике всего обсуждения я на него дал ответ.

Я готов это обсуждать, но реально я исхожу из того, что этой деятельности нет. Причем, мне не важно (я зафиксировал этот момент чуть ранее), что кроме этих знаний как знаний может быть

еще рефлексивный материал. Я фиксировал такую форму коммуникации между сферой разработки подхода и другими областями, например, такую форму вопроса: «что тебе нужно?» или «чего тебе не хватает?», «что у тебя не получается?». И вот, когда тот, кому нужен подход, отвечает на вопрос, что ему нужно, тогда содержание той деятельности за счет этой особой, специфической формы как бы втягивается в систему знаний, но оформляется именно в виде знаний. Это будут знания как бы внутреннего порядка, в отличие от внешних знаний.

Сазонов: Эти знания, полученные о деятельности, будут, соответственно, теми эпистемическими и семиотическими единицами, которые являются конструктивными единицами подхода?

В общем да, поскольку при *деятельностном подходе* нужно четко различать следующее…

Во-первых, *знания о ситуации*. Ситуация есть особая деятельностная единица, как бы освобожденная от деятельности. (Вчера я это довольно четко обсуждал на заседании Российского педагогического общества, поскольку пятничный семинар в ближайшие годполтора будет заниматься анализом ситуации, отношением между ситуацией и деятельностью.)

Во-вторых, здесь есть *знание о ситуациях*. И мне важно было, что один из исследователей фактически описывает только ситуацию, а про деятельность он ничего не может сказать. Он как бы ставит вопрос: «Вот ситуация такова… Какая здесь должна быть деятельность?» Значит, должны быть исследователи (это совсем другой уровень в описании, знании), которые описывают структуры актов деятельности, цепочек актов и т. д.

В-третьих, и, соответственно, третий тип знаний, — *знания об организованностях*, обеспечивающих эту деятельность, [знания] обо всем наборе основных, обеспечивающих деятельность организованностях.

Все это должно здесь присутствовать как знания.

Сазонов: Я не понял ответа на вопрос, что «материал-3» и «материал-2» получаются через призму «материала-1».

Почему через призму «материала-1»? Иногда через призму, иногда — нет.

Сазонов: Тогда я разделю… Если через призму «материала-1», то тогда мне не очень понятно, как это все получается…

Отвечаю: как знание и незнание. Если ты берешь, скажем, принцип как незнание, или проект как незнание, то это попадает в «материал-1», а если ты то же самое начинаешь использовать как знание, то это попадает либо в «материал-2», либо в «материал-3».

А для «материала-3» характерно использование проектных схем в качестве знания. Больше того, там некоторая стандартная единица, мы ее в Новой Утке вроде четко зафиксировали, когда исследователь не может получить знания, а он вообще ведь о том, что будет, знаний получить не может, — он обращается к проектировщику и просит проектировщика спроектировать и получить эти знания в проектной модальности. Затем исследователь берет этот проект и начинает работать с ним, как со знанием. Тогда это попадает в «материал-3».

Сазонов: А если они не получаются через призму конструктивных элементов, то спрашивается: из каких позиций они получаются?

Ответов на вопрос, что это за позиции, я не даю. Я вообще лишь задаю сейчас рамки для соорганизации нашей коммуникации, не высказывая ни одного утверждения по существу вопроса.

Сазонов: Я вроде бы понимаю, что у подхода нет объекта, но, с другой стороны, есть какие-то типы деятельности, для которых тот или иной подход…

Это, кстати, имеет прямое отношение к подходу… Я бы высказал сейчас мысль, продолжая наши многолетние дискуссии по этому вопросу, что типологии, типологический метод являются образованием специфическим для подхода. Он, скажем, неприемлем для теории. В теории не может быть никакой типологии и типологического метода. В подходе есть онтология и даже много разных онтологий, по крайней мере две, три, четыре. Но это онтологии особого рода… Они могут быть типологическими онтологиями — типологии ситуаций, типологии организованностей, типологии актов — много разных типологий. И эти типологии вроде бы онтологичны, но тем не менее они — типологии. И вот здесь впервые начинает работать понятие типа…

Это то, что Виталий Яковлевич Дубровский много и продуктивно обсуждал в своих работах по поводу типологии, в частности на материале инженерно-психологических исследований, поскольку там, в инженерной типологии, они действительно сталкивались с подходом, имели дело с такой единицей, наравне с теорией деятельности. Только им теория деятельности вообще была не нужна. Они работали и хотели работать в области инженерной психологии. В этом у них был подход, деятельностный подход.

Сазонов: Я не могу понять, что значит позиция рефлексирующего методолога.

Дубровский: Комендант.

Метаметодолог. Как вы называете человека, который отвечает на вопрос, что методологу делать?

Вот есть методолог, его функция — разработать подход, а он вместо того, чтобы самому, на свой страх и риск, работать, обращается к кому-то, скажем, в пространство, и спрашивает: «А чего я должен делать, чтобы разработать подход?» И представьте себе, что находится такая фигура, которая отвечает: «Знаешь, милый, ты должен делать то-то и то-то. У тебя должна быть вот такая организация твоей работы». Вот я его называю метаметодологом.

Я утверждаю, что определение «рефлексивный» отражает определенный тип связи между двумя как минимум или большим числом позиций. Характеристика «рефлексивный» задает определенный тип связи между позициями…

Сазонов: Но не любой, а строго определенный, специфический.

Да. Для меня эта специфика заключается в следующем… Если методолог выступает как практик с некоторой конструктивной, проектной, исследовательской задачей, то, следовательно, он должен осуществлять, хотя и методологическое, но проектирование, исследование и т. д. При этом, зная, что он может создавать любые социотехнические организации деятельности и привлекать множество разных позиционеров (исследователей, проектировщиков, критиков и т. д.) внутрь своей методологической работы, он производит своеобразное замыкание, вводя то, что Виталий Яковлевич назвал «комендантом». Это может быть Бог — такая ограничивающая позиция. Это ограничение есть необходимый элемент организации деятельности… Скажем, царь, создатель законов идет к Богу и спрашивает там один на один Бога… И Бог ему отвечает. И он потом возвращается и говорит: «Бог мне ответил то-то и то-то». Хотя, по-видимому, Бог ему ничего не отвечал. Он спрашивал самого себя и раздваивался…

И эта предельная ограничивающая позиция… первый признак. И второй признак… Если я задаю самому себе вопросы, касающиеся метода моей работы, и должен ответить не для другой работы, то есть я исключаю все проблемы организации и соорганизации той, более высокой деятельности. Та, более высокая деятельность осуществляется только за счет механизмов работы моего сознания, и эта работа организована не имманентно, не своей нормой, а только нижележащей деятельностью. Она, следовательно, не может быть не нормирована, не формализована. Она организуется (вот эта, более высокая — мышление, понимание, чистая рефлексия) своим отношением к нижележащей деятельности. Она, следовательно, не может оторваться, соорганизоваться в особую деятельность. Она есть лишь надстройка, «нарост» над этой нижележащей деятельностью. Если имеет место нечто такое, то я называю эту связку, это отношение рефлексивным.

Итак, а) замыкание и б) неразрывная связь с нижележащей деятельностью, прикрепленность к ней, где нижняя деятельность выступает фактически как единственный организатор более высокой деятельности, — это я называю *рефлексивным отношением*.

Сазонов: Значит, если я правильно понял, здесь может быть замыкание двоякого типа: либо замыкание многих кооперантов, либо замыкание на самом себе через метод.

Я не умею провести разницу между организацией своей собственной деятельности и организацией другой деятельности. Хотя я нарисовал это на схеме справа. Наверняка нужно еще обсудить и эту проблему, связанную с замыканием, но я пока не вижу критерия этого различия. Для меня это пока хотя и различимые вещи, но само это различие не выступает для меня как нечто существенное. Я эти различия пока элиминирую.

Сазонов: Хотя я вроде бы понимаю задачу или интенцию, которую себе ставил докладчик, замкнуться на самого себя, а не на кооперантов…

Такой задачи нет.

Сазонов: Но работа по замыканию на многих кооперантов проделана не была…

Здесь абсолютно все смешалось. Первое, что тебе нужно сделать, — это понять, что твои высказывания не имеют отношения к моему докладу, они не релевантны тому, что я делал.

Вопрос о замыкании — особый вопрос. Предвосхищая вопрос, в какой позиции я сам работаю, я отвечал, что я работаю в позиции метаметадолога, осуществляющего проспективную рефлексию, другими словами, проектирующего, задающего ту оргдеятельную организацию, или деятельную структуру в ее основном контуре, в которой должно происходить, на мой взгляд, обсуждение этой темы.

Вопрос (неразборчиво).

К понятию рефлексии я вопросы не принимаю, ибо они находятся…

Сазонов: К утверждению…

Нет такого утверждения.

Сазонов: А какое есть?

Есть утверждение, что я перед вами положил оргформу той работы, которая, как я предполагаю, должна у нас идти, и задал практически ту позицию, в которую вроде бы каждый из вас при обсуждении должен становиться изначально. Это — позиция метаметадолога. Я могу убрать эти слова и сказать, что это — позиция человека, начинающего свое размышление и мыслительную работу с того, что он рефлексивно понимает, осмысляет — как хочет — нарисованную

здесь схему и принимает ее как задающее организационно пространство его работы. Вот что я говорил. Это не соответствует всему тому, что ты дальше спрашиваешь.

Сазонов (неразборчиво вопрос о возможности разделять позицию метаметадолога между другими).

Я могу оказать точно так же, что это *моя* позиция, я могу сказать, что это должно быть позицией каждого из нас…

Сазонов: Если это «моя» позиция, то я могу ничего не понимать, если же это позиция «каждого из нас», то я должен что-то понять…

Но каким образом? Не через оргдеятельностное определение своей позиции, а через глядение на то, что нарисовано на доске.

Дубровский: А если меня доска не устраивает?

Будешь ты слушать то, что я рассказываю, или нет, ты начнешь с утверждения, что тебя это не устраивает, и будешь делать другое. И при этом перестраиваться не будешь, что бы я здесь ни нарисовал.

Сазонов: Я не могу понять, на каком основании вводится в исходном противопоставлении и полагании сфера разработки и сфера внедрения. Какой странный феномен при этом здесь возник? Феномен оказался усугублен рисованием блока культуры, потому что если у нас есть блок культуры и есть сфера разработки, то тогда разработчика не интересует, будет осуществлено какое-либо внедрение или нет. Он передал в блок культуры, а как из блока культуры [это куда-то попадает], по каким механизмам воспроизводства работает блок культуры — это не его печаль. Это нечто другое, нежели та разработка, которую он ведет.

Так было до появления методологии. Методология возникла, чтобы элиминировать эту несуразицу. Собственно, это основная задача методологии и методологической организации — уйти от этого.

Сазонов: Я согласен, но только если уходить от этой несуразности, то надо сразу уйти как от несуразности от проблемы наличия двух сфер. Это и есть несуразность с методологической точки зрения, а не факт, который нужно класть в основание. Тогда это все получается единицей в рамках функционарного состояния…

Я сразу отвечу, чтобы сэкономить время и не обсуждать проблему, не имеющую отношения к нашей дискуссии.

Да, ты абсолютно прав. Поэтому перед нами есть очень сложный круг проблем, касающихся графики и форм изображения. И вопрос ведь заключается в следующем: мы вроде бы поняли одно (и это идет из всей истории наших исследований): нельзя рассматривать сферу внедрения и сферу разработки как одну сферу в силу

общения позиций внутри сферы разработки… Сфера разработки является рефлексивно ассимилирующей за счет наличия позиции исследователя (или позиций исследователя), рефлексивно ассимилирующей область и сферу внедрения. Это должно быть нарисовано вот так — в «матрешечной» схеме. При этом сфера внедрения оказывается частью сферы разработки, а с другой стороны, она внутренне ограничена и представляет собой автономное образование.

Сазонов: Вы еще раз повторяете мой вопрос: на каком же основании вы их задали как две разные, да еще рассказываете о каком-то подходе, соотносясь с одной из этих единиц?

Это основной принцип деятельностного подхода. Я утверждаю, что если этот принцип не реализуется, то деятельностного подхода нет и не может быть.

Сазонов: А я помыслить такое не могу.

А я потому тебе все время и говорю, что ты не пользуешься деятельностным подходом. Как раз по этому признаку.

Но остается интересная и сложная проблема. Я ее сегодня и ставил здесь: а область, из которой извлекается, должна быть тоже здесь нарисована как, так сказать, поглощенная? Или она существует вне? И первый вопрос относился к этому пункту. Это интересный и сложный вопрос.

Сазонов: А вам не кажется, что эти рисунки бессмысленны? Все зависит от того, какой подход. Для деятельностного — одно, для психотехнического — другое… И в этом смысле ваши рисуночки неосмысленны.

Они ставят эту проблему и дают возможность давать формальную типологию подходов.

Сазонов: В рамках деятельностного подхода.

Да, в рамках деятельностного подхода.

Сазонов: [В рамках] формальной типологии. Не в рамках деятельностного подхода.

В рамках деятельностного подхода. Этот критерий вынесенности объекта вовне деятельности и включенность его внутрь деятельности, фиксированности как особой сферы или нет, это и есть проблема деятельностного подхода.

— Борис задает очень четкий и важный вопрос, а именно: почему же область внедрения выделяется в особую область?

Сазонов: В задании представления о подходе вообще.

Да. И я на это отвечаю, поскольку для меня социотехническая организация деятельности есть конституирующий признак *деятельностного подхода*.

Мне недавно пришлось сесть и написать основные принципы деятельностного подхода, проанализировать, подходят они или не подходят, в чем значимость каждого. Скажем, принцип популятивности, принцип социотехнической организации актов деятельности для меня являются неотъемлемыми конституирующими признаками [деятельностного подхода]. И, задавая здесь сферу внедрения как особую сферу, куда «впрыскиваются» средства, разработанные в сфере разработки, я задаю тем самым социотехническую организацию.

— Будет ли существовать это деятельное пространство, если мы уберем позицию методолога?

Это пространство может остаться, и ничего в нем не изменится, но только рассуждение мое повиснет в воздухе. Если я реализую деятельностный подход, то я, в принципе, должен был — я не терял сейчас на это время — самоопределиться, а следовательно, я должен задать ту деятельность, с точки зрения которой рождается это представление, пространство, или область, с которым или на котором я работаю.

Я не могу задавать такой объект натуралистически и говорю, что если я занимаю позицию метаметадолога, отвечающего на вопрос, как и в каком пространстве должна быть организована методологическая работа, и при этом, занимая позицию метаметадолога, заимствую все средства, представления и технику методолога (методолога определенного рода, а именно деятельностного методолога), то, сказав все это и приписав этот набор средств моей позиции, то есть выложив на стол мои средства и мои представления, я получаю возможность нарисовать такую картину. Больше того, мне это вменено: я обязан нарисовать такую картину, исходя из своих средств, работая в них правильно. Если я этого не сделал, то либо остается вопрос, почему я такое нарисовал, либо остается неясность, а что это и как вообще… И первое, с чего я начал до того, я сказал, что буду это делать.

2. Системно-структурный подход

Я рассматриваю это обсуждение как происходящее в контексте нашей общей темы, а именно *структуры подхода*. На последних заседаниях мы рассматривали проблему подхода, прежде всего на материале *деятельностного подхода*. Мне представляется своевременным и полезным посмотреть на проблему подхода на материале *системного* и *структурно-системного подхода*. Это одна сторона.

Кроме этого основного контекста я еще имею в виду другие цели и, соответственно, другой контекст, который задан необходимостью

подготовить книгу о системно-структурном подходе и применении его в педагогических исследованиях[24]. Эта вторая сторона дела послужила поводом для выбора материала, о котором я сейчас сказал.

Так, в самом кратком виде я рассмотрел мотивы включения этой темы в программу наших обсуждений.

Теперь я должен рассказать о существе дела. При обсуждении *программы деятельностного подхода* (а мы обсуждаем это в течение двух последних лет, так или иначе возвращаясь к этой теме) мы подходили к этой теме с двух существенно различающихся позиций. Мы их не совсем четко разделяли, и это было недостатком предшествующих обсуждений.

Пункт первый. Итак, во-первых, мы задавали вопрос фактически с позиции предметника (или — более широко — практика): в чем суть системного, деятельностного подхода? Отвечая на этот вопрос, мы стремились представить себе содержание основных идей, сформулировать принципы, которые регулировали бы работу предметника в определенных практических ситуациях, например при построении научного предмета, при анализе какого-то объекта, при задании ситуации, при самоопределении в ситуации и т. д. Я еще раз хочу подчеркнуть, что это каждый раз были вопросы, касающиеся *содержания* деятельностного подхода.

Пункт второй. Во-вторых, движение в этом русле приводило нас к вопросам принципиально другого рода: как же устроен деятельностный подход как подход, какие *связи* для него характерны, какова его *структура*, *схемы организации*?

Пункт третий. Из ответа на эти вопросы возникает третий план обсуждений: где существует подход? в каком пространстве? как это *деятельностное пространство* надо представить?

Именно эта линия приводила нас к схемам, которые мы обсуждали в последний период. При этом за обсуждением деятельностного пространства подхода, в частности других вариантов системного подхода или какого-то другого, стояли два вопроса, а именно: как организован *подход* как таковой (деятельностный или системодеятельностный) и как можно коротко в тех или иных эпистемических средствах и формах выразить сущность, суть или содержание *деятельностного подхода*? Например, каковы основные принципы деятельностного подхода, системного подхода? И это были бы вопросы не о структуре деятельностного или системного подхода, а о его содержании.

Четкое разделение этих трех групп проблем требует еще специального обсуждения. Оно крайне важно.

Сегодня я постараюсь двигаться в основном во втором и частично в третьем плане, оставив первый. Я буду исходить не из той

картины *пространства существования подхода*, которую мы обсуждали на наших последних семинарах, а вернусь немного назад. Потом я хочу показать, чем это было детерминировано, почему нам приходится делать такой ход.

Я возвращаюсь назад к тем обсуждениям, которые были на наших внутренних семинарах по поводу докладов Люды Кузнецовой, Миши Гнедовского, Пети Щедровицкого, моего доклада. Мне кажется, что в тех дискуссиях мы развили в наиболее детализированной, конкретной форме те представления о подходе, которые нам сейчас необходимы, и построили схемы, которые, как мне кажется, могли бы объяснить существо дела. Я жалею, что эти тексты не были переписаны и не могут быть включены в нашу общую работу. Именно там мы отвечали на вопрос, что есть подход, ходом своей работы, ходом своих рассуждений.

В самом грубом и общем виде можно сказать, что *подход так же, как и способ деятельности, является особой формой организации средств деятельности и мышления*.

Как таковой подход так же, как и способ деятельности, является беспредметным или непредметным в смысле оппозиции к предмету и предметности. Подход так же, как и способ, в этом плане формален. Хотя сама оппозиция формы и содержания весьма условна и требует дальнейших объяснений и пояснений в разных контекстах. Смысл утверждения о формальности подхода и способа в тех узких пределах, в которых я это употребляю, достаточно очевиден благодаря различению *предметности* и *непредметности*.

Если у подхода и способа есть какое-то содержание, то это формальное содержание, деятельное и нематериальное. Иначе говоря, это содержание не связано непосредственно (я делаю на этом ударение) с *материалом*, с тем материалом, на базе которого формируется тот или иной предмет.

Малиновский: Процесс формирования предмета является основным для ваших рассуждений?

Для меня процесс формирования предмета будет материалом, на котором я буду все это рассматривать. Это не значит, что процесс формирования предмета является здесь единственным.

Я различаю *предмет* и *предметность*. Для меня понятие предметности шире, чем понятие предмета, поскольку понятие предмета всегда предполагает указание на тот или иной тип предмета (научный предмет, проектный предмет, организационный предмет). Когда я говорю «предметность», то я могу зафиксировать существование того или иного предмета, предметов, причем создаваемых, формируемых или уже существующих, присутствующих в своей полной

структуре, например семиотической, эпистемической или в каких-то частях этой структуры, когда отдельные семиотические, эпистемические единицы выступают как сигналы, или указатели, на полный предмет и т. д. Это все будет относиться к тому, что я называю предметностью.

Итак, говоря о подходе, как и о способе, я утверждаю, что они непредметны в смысле непредметностности. На мой взгляд, способ и подход должны быть заданы в оппозиции к предмету (в смысле той или иной предметности).

Гнедовский: А раскрываете ли вы этим тезис прошлого нашего заседания о соотношении подходной методологии и неподходной методологии?

Я не думаю об этом, поэтому я боюсь вам ответить. Это надо специально продумать.

Гнедовский: По-моему, ваш сегодняшний заход является одним из пунктов ответов на вопросы, которые нами тогда были зафиксированы.

Ничего не могу вам сказать.

Малиновский: Почему вы всегда говорите «подход, как и способ»?

Для меня подход есть просто очень сложный способ деятельности. Я бы начал со способа как простого подхода, а потом двинулся бы к подходу. Следующим пунктом моего доклада как раз и является ответ на этот вопрос.

Фактически то, что я сказал, означает, что подход, как и способ, представляет собой единицу либо специфически *методологической организации*, либо *культуротехники*, отражающей методологическую организацию. Подход и способ также существуют в сфере обучения и воспитания, то есть в педагогической сфере, как отражение методологической организации. То есть способ и подход суть два типа единиц, специфических для методологической организации, которые охватывают специфические системы методологии, соответствующие системы культуротехники и *методологически организованную педагогику*.

Последний пункт очень интересен, поскольку уже сейчас ставится вопрос о методологических компонентах в образовании, о методологических формах в образовании, о специфически методологическом содержании образования. Я лично думаю, что в этом большой исторический смысл, поскольку я предполагаю, что и раньше образование было замкнуто на педагогике, а потом, с появлением науки и сциентизма, произошла трансформация и ломка системы образования (за счет того, что ученые стали впихивать в образование науку). Ученые почему-то вообразили, что образование должно

быть онаучено, и тем самым окончательно поломали все образование. Оно, правда, ломалось и по другим причинам, но, по-видимому, этот вклад науки был решающим, и он разрушил образование до конца.

Я все время соотношу и связываю друг с другом способ и подход, потому что для меня они суть специфические единицы *методологической организации мышления и деятельности*, проходящие цикл жизни от методологии ([то есть от] ситуации в методологии, [когда ставится] цель переброса опыта) в культуротехнику, оттуда — в педагогику и назад — в ситуацию (см. рис. 2):

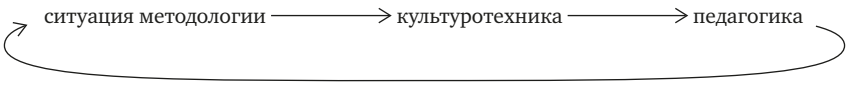


Рис. 2

Подход есть не что иное, как усложненный и развитый способ. Начинать это обсуждение я буду с абстрактной идеи (моей идеи), со схемы (см. рис 3).

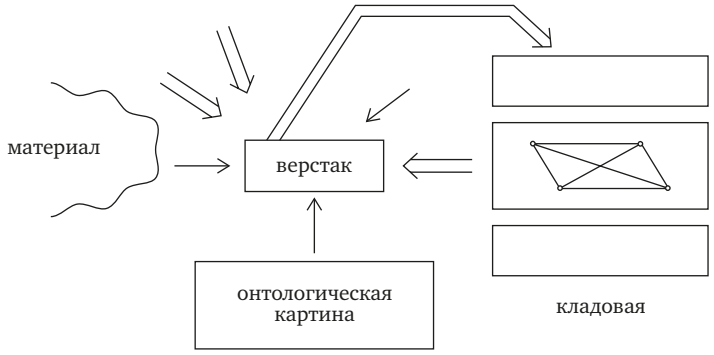


Рис. 3

Пункт четвертый. Я хочу пояснить смысл нарисованной мною схемы.

Какая бы задача перед нами ни вставала — будь то исследование объекта, например, в условиях, когда предмет не социализирован, не закреплен в системе норм и образования или, например, когда нам надо построить предмет изучения, — любую работу такого рода мы проводим на *верстаке*.

Как показали наши дискуссии последних двух лет по вторникам, работа на верстаке всегда опирается, с одной стороны, на средства деятельности, в частности на схемы разного рода, которые находятся в том, что я назвал «кладовой» (иногда это называли «амбаром», иногда — «арсеналом»). За последние 20 лет этот термин сильно

менялся, последнее время это называлось «системой парадигм», или парадигматикой в ее противопоставлении верстаку или синтагматической системе, или синтагматике.

Работа на верстаке всегда регулируется либо *онтологическими представлениями*, либо специальными онтологическими картинами, или онтологическими схемами, выступающими в роли картин, онтологических моделей и т. д.

Это различие *онтологических представлений*, с одной стороны, и *онтологических схем*, с другой, очень важно. Этим обуславливается различие между деятельностью и мышлением. Деятельность регулируется представлениями, а мышление как таковое (и это, кстати, отличает его от рефлексии, из которой представления, собственно говоря, и возникают) начинает строиться на схематизмах. Когда появляются схематизмы, часто — как результат схематизации представлений, — они заменяют это представление и одновременно склеивают представления с объектом оперирования, тогда получается *онтологическая схема*, или картина.

Итак, если я буду говорить о мышлении как таковом или о мыслительной деятельности, то у меня будут фигурировать *онтологические схемы*. Если же я буду говорить о практической деятельности (а вы понимаете, что мышление и мыслительная деятельность не могут быть переведены на уровень практической деятельности), тогда мне надо вводить *онтологические представления*.

В психологистической эпистемологии здесь возникают сложные проблемы: будет происходить довольно сложное функциональное расслоение онтологических картин, их сложное взаимодействие. Но это уже будет относиться к особенностям работы человеческого сознания. То есть если мы анализируем происходящее вокруг нас, учитывая особенности механизма работы человеческого сознания, то возникает целый ряд сложных проблем.

Как соотносятся *онтологические схемы* с *онтологическими представлениями* — этот вопрос крайне значим.

Я сейчас сделаю небольшое отступление, но мне очень хочется об этом рассказать.

По приглашению Ефима Фрида я был на советско-финском симпозиуме, посвященном модальным и интенциональными логикам[25]. По своей глупости два раза я выступал с замечаниями, то есть, послушав чуть-чуть, я вышел на сцену и дважды сказал, что они — дураки. Причем я не был в этой компании лет 15, а где-то в 1950-е годы мы обсуждали с ними всякие проблемы, поэтому меня встретили довольно радостно. После выступления смотрели на меня совсем по-другому.

Что там происходило? Речь шла об изучении естественных языков средствами логически нормализованных языков, следовательно, это проблемы металогические. Но чтобы обсуждать металогические проблемы, у них нет средств, а надо обсуждать сложные вопросы: предметы и методологическая организация логики, лингвистики, естественного языка, формализованного языка и т. д. Поскольку у них нет средств, постольку они начинают обсуждать проблемы металогики в логических формулах, сознание у них уходит в представления, а они имеют нечто более широкое: в своих онтологических картинах они движутся в этих формулах, все проблемы сводят на эти формулы и пытаются их так увидеть.

Там возникали невероятно интересные проблемы с сидящими на последних рядах. Когда выступал [Вячеслав Александрович] Бочаров, то человек, сидящий рядом со мной, спросил: «Что он записал — связки или операторы?» Я расхохотался: все записывается в языке, в котором связки и операторы не различаются! А он спрашивает, что тот здесь записал: связки или операторы?! Ведь в зависимости от того, к чему вы относите — к функтору или предикату, — будут совершенно разные смыслы и логики. Я его спросил: в каком языке он хочет получить ответ? Так как это было сразу после моего выступления и на собрании математиков отношение к нему было как к неадекватному, то он сослался на то, что я говорю про свое, а он хочет понять, что Бочаров там записал. Но что это значит — «он там записал», — если спрашиваемое в его языке не различается? «Это верно, — отвечают мне, — но мы-то всегда знаем, что мы пишем». — «Откуда вы знаете?» — «Это всем понятно, и надо просто быть профессионалом». — «А если вы знаете, то почему соседа спрашиваете, что тот записал? Значит, вы этого не знаете и хотите получить ответ».

Я это рассказываю по поводу соотношения между онтологическими схемами и онтологическими представлениями. Они у этого человека склеены.

Было интересное выступление Хинтикки из Финляндии: он рисует металогическую онтологию и говорит, что, с его точки зрения, суть проблемы состоит в том, что есть естественный, или натуральный, язык, затем рисует блок-схему и говорит, что есть формализованный язык, потом опять рисует блок-схему и говорит, что сегодня мы изучаем натуральный язык путем перевода его на формализованный язык, рисует, соответственно, стрелки. Сам перевод заменяет изучение. Потом мы начинаем рассматривать формализованный язык и пытаемся что-то понять по поводу естественного языка. Были очень интересные вопросы, например: каковы методы выявления

основных денотативных значений, кванторов всеобщего, целого и т. д.? на каких моделях все это делают? Ответ был: на схематизированных синтаксических конструкциях.

Дальше Хинтикка рисует внизу мир и соединяет стрелками мир, формализованные и естественные языки. Нарисовав стрелки, он говорит, что философия языков показала, что так работать нельзя, что ситуация более сложная и надо учитывать отношение языка к миру.

Все его послушали и продолжают говорить свое. Дальше шло долгое обсуждение. Потом я попытался поставить вопрос: как же можно организовать изучение естественного языка, пользуясь методом перевода? Надо между связью естественного и формализованного языков поставить модели, которые бы отвечали на вопрос, что же есть язык в его отношении к миру. Сказав, что такая работа ведется, что там необходимо различать смысл и содержание, какие-то сложные структуры, я попытался работать на схеме, которую задал Хинтикка, поскольку, с моей точки зрения, это было единственно правильное задание проблемы, которая обсуждалась. Но присутствующие этого напрочь не поняли, как показала дискуссия по проблемам релевантных логик и возможных и невозможных миров.

Это ведь была конференция логиков, психологов, лингвистов… Они обсуждали грамматику Монтегю, все были рады, довольны, кроме одного… Тогда Хинтикка встал и сказал, что это все прекрасно, что вы создали единую, универсальную грамматику для всех языков: для русского, английского, Алгола[26] в равной мере. Но все же ситуация такова, что люди почему-то говорят на русском, на немецком, но не на Алголе. Не является ли этот факт существенным и не должны ли мы его учитывать в наших грамматиках?

Монтегю ответил, что то, что люди говорят на русском, английском, немецком, есть чистая случайность, которой можно пренебречь. Хохот, аплодисменты… Хинтикка немного растерялся, а потом сказал: «Господа, но я думаю, что это очень существенно». Уже в кулуарах я услышал от финна: «Я всегда говорил, что Хинтикка не профессиональный логик».

Для чего я это рассказываю? Когда нам надо будет понимать, что происходит на этих семинарах, симпозиумах, конгрессах, нам придется объяснять, как работает сознание, что там склеено, сплавлено, не разделено. И тогда это различение онтологических схем и онтологических представлений приобретает большое значение. Пока оно мне не нужно.

Мне здесь нужно либо онтологическое представление, либо онтологическая схема, которая выступает в роли фактора,

регулирующего и определяющего наряду с другими факторами в какой-то степени работу на верстаке. И это изображено на схеме (см. рис. 3).

То есть работа на верстаке, которую мы производим с помощью схем, которые берем из «кладовой», в какой-то мере регулируется онтологическими представлениями или онтологической схемой. Если она регулируется онтологической схемой, то предполагается, что она выражена, и мы можем делать это сознательно. Если же — онтологическими представлениями, то есть часто обыденными представлениями, используемыми в онтологических функциях, то тогда это уже не контролируемо, хотя происходит постоянно.

И ответ моего соседа «что значит «в каком языке?», — мы ведь всегда это знаем и понимаем», и вся дальнейшая дискуссия по поводу релевантных логик, возможных и невозможных миров, по сути дела, определяется этим [соотношением между онтологическими схемами и онтологическими представлениями]. Поскольку эти ученые работают в структурах нескольких пространств, например пространства нормализованного логического языка, пространства естественного языка, пространства онтологических представлений, еще какого-то пространства, частично они должны работать в них конструктивно и заполнять эти пространства и дополнительно еще соотносить их друг с другом постоянно.

Когда они ставят вопрос о роли логики в изучении естественного языка, мы должны задать целый ряд этих разных языков, находящихся в разных пространствах, и ставить вопрос о правилах перехода из одного пространства в другое, которые для них выступают как правило перевода. Причем проблемы и задачи будут каждый раз различаться в зависимости от того, сколько пространств они задают. (Я сейчас объясню, как возможно одно, два, три, четыре, пять пространств и т. д.) Причем набор их пространств с определенными рядами переходов, сопоставлений и т. д. фактически не задает функционального места каждого такого пространства, его функции, но задает процедуры работы, смысл работы и, по сути дела, логику всей работы. А так как они этого никогда не фиксируют, то происходят удивительные вещи, которые дальше и происходили.

Например, выходит Т. С. Балиашвили и доказывает, что не может быть диалектических противоречий, поскольку на самом деле, как следует из его исследований, такого никогда не может быть. Балиашвили в своей работе по релевантным логикам фактически ограничивается одним пространством, поскольку второе пространство — это то, что он знает как Господь Бог, как оно есть

«на самом деле». Но это второе пространство есть не что иное, как зеркальное отражение построенного им логического пространства, и, следовательно, у него все конструкции выступают, по сути дела, в автонимной функции. А про то, что он имеет в своих онтологических представлениях, он говорит, что все знают, что оно такое, какой является его логика, и это все «на самом деле». Хинтикка же говорил, что логика имеет два-три конструктивно задаваемых пространства, и отсюда — идея возможных–невозможных миров. И когда В. А. Смирнов потом разъяснял смысл этого дела тому же Балиашвили, он нашел, на мой взгляд, очень красивую форму, которую все поняли. Он сказал, что связь функтора с предикатом может быть какой угодно, может быть очень разной, и мы вынуждены определять эту связь. И когда он начинает обсуждать связь функтора с предикатом, все проблемы невозможных миров становятся осмысленными, значимыми, вся мистика исчезает. Все вздохнули с облегчением.

Вернемся к нашим проблемам.

Я поясню другими словами то, что уже говорил. Справа (см. рис. 3) у нас имеется «кладовая», где помещаются разные схемы. Поверхностная суть работы на верстаке состоит в том, что мы особым образом соединяем, соотносим, складываем, связываем эти схемы в сложные комплексы. И эта работа по соотнесению, противопоставлению, связыванию, коррелированию схем, которые мы берем в «амбаре», регулируется с нескольких, образно говоря, сторон.

С одной стороны, работа на верстаке может регулироваться онтологической картиной. Онтологическая картина выступает как своего рода основание для осуществления тех или иных соотнесений, основанием для фиксации тех или иных связей или, наоборот, для отрицания возможности тех или иных связей и т. д.

С другой стороны, работа со схемами в случае эмпирического исследования может регулироваться наличным материалом и зафиксированными относительно него парадоксами, проблемами и т. д. Причем это достаточно сложное выражение: зафиксированными не *в* материале, а *относительно* материала.

Эта же работа может регулироваться формально. Пока не говорю как. Здесь у меня будут либо соответствующие категории, либо способы и подходы. В частности, если способ и подход сформировались, то способ и подход будут детерминировать это комбинирование. Но это в случае, если они сформировались. Я пока не могу этого предположить. Я задаю здесь набор формальных детерминаторов.

Фрид: Детерминировать, регулировать, определять? Что делать?

Откуда я знаю? Надо различить все эти связи и тогда, наверное, для них ввести соответствующие термины. Пока я могу говорить, что все они в какой-то мере определяют, влияют, как-то регулируют. Не знаю я, как их различить. Для этого надо знать, сколько их, чтобы потом определить соответственно этимологической традиции, произвести терминологизацию соответственно числу связок.

Фрид: Я немного разверну свой вопрос: связь со стороны онтологической картины плохо действует, не осознается?

Малиновский: Она прекрасно действует.

Это то, что я называю профессиональным кретинизмом: связь действует, но не осознается («я никогда не знаю, что определяет коммуникацию, что детерминирует трансляцию» и т. д.).

Фрид: Ведь оказывается, что способы сменить уже нельзя, когда «канал» не осознается, не фиксируется онтологически.

Вы абсолютно правы, Фима. Я это подытожу формулой: «залог здоровья — догматизм» или «кретинизм — залог здоровья». Ведь они могут лишь выучить, четко повторять идеи, мысли, ходы классиков. Они не в силах представить себе другие способы работы.

Фрид: Человек, который пробует применить другие способы работы, автоматически вырубается, потому что смена способа, когда не осознается действие онтологической картины, автоматически выключает человека из действительности.

Вы сейчас указали на то основание, за которое вечером после того симпозиума я себя клял последними словами. Я говорил себе: «Ты же понял все это и, следовательно, отключен от них. Куда ты лезешь? В чем смысл, что ты вышел и начал им объяснять, что они делают, когда заранее известно, что они ничего не поймут и только в лучшем случае озлобятся?»

Они не могут понять, ибо они намертво привязаны к этой догме. Больше того, если они от этой догмы оторвутся, они станут «больными»: возникает болезнь, патология совершенно особого рода, когда все «каналы» смешаны. Они не владеют детерминаторами, определяющими способ, они не могут их по-своему менять, эти детерминаторы им вменены. Они вынуждены жить, четко следуя традициям, а если кто-то отклонился, то поскольку законы отклонения (законы смены) неизвестны, то каждый из них все равно попадает в ошибку. Но сейчас они уже все находятся в ошибке, поскольку абсолютно не понимают, кто что говорит. Каждый долдонит свою речь, и есть только один понимающий финн… Он сказал: «Друзья мои!

Законы научного сообщества требуют, чтобы я похвалил доклады выступавших ранее и с ними согласился. И как член сообщества, я это делаю: все было очень интересно! Но так как я ни с одним из докладов не согласен и считаю их все неправильными, то я это, к сожалению, не могу выразить». И это есть ситуация, которая по сути дела все резюмирует.

То же самое происходило и в Тбилиси на конференции по бессознательному[27]. Оказывается, в мире сейчас удивительный переполох… Все недовольны, и французы, англичане, немцы выражают в своих статьях свое недовольство.

Итак, я рассказал, что за схему я нарисовал, что она символизирует.

Малиновский: А что это за стрелочка, идущая от верстака к «кладовой»?

Я о ней пока не говорил. Она осуществляет переброс непосредственно схем. Это не регулирование, а канал. Обратите внимание, сверху к верстаку идут тоже каналы.

Гнедовский: А стрелочка от «кладовой» — это фактически парадигматизация.

Правильно, Миша. О ней я буду говорить чуть дальше.

Гнедовский: Георгий Петрович, может быть, следовало бы ввести в графическую форму изображение возможностей и связей?

Нам все эти связи надо прорабатывать понятийно. У нас ведь ничто не проработано. Поэтому и теория деятельности, и теория мышления — это только замыслы.

Ведь никакой теории деятельности, теории мышления нет. Есть только некоторые установки и стремления создать такие теории. А для этого надо отрабатывать всю парадигматику, включая графические средства, обозначения, понятия, термины, записать их в терминологические словари и т. д. Я думаю, что лет через пять-восемь мы приступим к этой работе.

Наумов: Теперь вы возьмите квадратик-верстак и посмотрите, что такое способ деятельности.

Я возьму всю картину, и теперь должен произвести рассечение.

Веселов: Этим вы подвязываетесь к работе на верстаке.

Не подвязываюсь: поэтому я отвечаю, что возьму не верстак, а всё.

Малиновский: В каком месте на схеме вы сейчас находитесь?

Я осуществляю онтологическую работу. Сижу в кресле перед доской, нахожусь в рамках методологической работы.

Пункт пятый. Это самый важный и решающий пункт.

Задавая первое рабочее определение подхода и способа, а именно что *подход и способ есть особая форма организации средств деятельности и мышления*, я фактически указал, что подход и способ существуют и должны существовать вроде бы в своем специфическом виде как таковые в «кладовой». Они туда приписаны. Это есть особые сводные единицы средств.

Однако подход и способ не есть средства как таковые, а это — деятельная, мыслительная организация средств. В этом смысле я начинаю *подход* и *способ* противопоставлять средствам такого рода, как *схема*, *знание*, но зато буду соотносить и сближать их с таким образованием, как *понятие*. И делаю это на том основании, что способ, подход и понятие суть формы фиксации не средств как таковых, а их употреблений на верстаке, или формы работы со средствами на верстаке.

Можно было бы добавить сюда еще и *метод*, но как особую форму организации операций и процедур работы, а не средств. Поэтому само соотношение «метод-подход-способ-понятие» требует обсуждения.

Когда я перечислял все это, я как бы называл средства из разных уровней, более того, формы организации из разных фаз, или этапов организации.

В моих двух определениях способа и подхода уже задана парадоксальность. С одной стороны, способ и подход — это особые формы организации средств, которые приписаны к «кладовой», а с другой стороны, это не средства как таковые и, может быть, не их статическая организация, а особая форма фиксации употребления этих средств на верстаке, следовательно, [фиксация] некоторой кинетики, кинетического, процедурного, операционального момента, то есть и способ, и подход должны существовать на верстаке.

Я потому и буду фокусировать все на верстаке, что подход и способ как специфические образования нельзя понять вне обращения к верстаку и кинетике самой работы. Но тем не менее эти способы работы на верстаке (я замыкаю этот момент) должны быть зафиксированы и представлены в виде определенного средства, и, следовательно, они должны быть переброшены назад в «кладовую» и предстать там уже не как процессы работы… (Просто никуда не годятся эти примитивные различения «кладовая» и «верстак».)

Верстак выступает как автономная самодостаточная машина, которая работает и начинает как «снежный ком» [наворачивать на себе] то, что мы называем *способом*, начинает превращать *простые способы* в *сложные подходы* и *простые подходы* в *сложносочлененные подходы*: системный, противопоставленный деятельностному;

процессуальный, противопоставленный структурному. Сложность их — в процедурном наворачивании* <…>.

Наумов: Я хочу вернуться к вопросам, которые уже задавались. Почему верстак один? Достаточно ли одного верстака, или это верстак «вообще»? Может ли ваша схема включать работу на нескольких верстаках, так или иначе заданных по типу?

Во-первых, мне это не нужно, мне оказывается достаточным одного верстака. Во-вторых, вопрос с несколькими верстаками очень сложен. Например, кооперативная работа может быть только на одном верстаке, а коммутативная на нескольких. Наличие нескольких верстаков разрушает кооперативную структуру и делает необходимой коммуникацию.

Это особая ситуация, и, кстати, здесь надо пояснить, зачем нам нужна коммуникация. Она обеспечивает взаимосогласование верстаков и т. д.; вообще есть тип связи «разноверстачных» деятельностей.

Наумов: А можно сказать, что на уровне деятельности у вас верстак определен по типу перехода?

Пока нет.

Наумов: Это некоторый верстак, некоторое его определение, но пока не сказано какое. Меня интересует ход от пространства онтологической работы к этой схеме.

Вас интересует, вы и думайте. Я сейчас не думаю на этот счет.

Веселов: Какое место занимает схематизм для этого верстака?

Будьте осторожны: как бы мне не пришлось двухчасовой доклад на эту тему делать, отвечая на этот вопрос. Хороший вопрос.

Пункт шестой. Теперь я делаю шаг, предупреждая, что предыдущий пункт был важнейший.

Теперь мне надо включить в дело *оппозицию подхода и предмета*. Я на этом произвожу рассечение и расслоение исходной схемы, причем я по-прежнему оставляю в фокусе верстак. Но, обратите внимание, предмет есть всегда то, что существует на верстаке.

Предмет — это особая организация верстака, хотя возникает вопрос: а что на верстаке может быть организовано? Только средства! Поэтому *предмет есть реализация средств*, но опять-таки верстак связан не только со средствами как таковыми, но также с онтологической картиной и с материалом. Поэтому предмет не может никуда уйти с верстака, ибо верстак есть пересечение того, что приходит из «кладовой», того, что приходит из онтологической картины, того, что приходит из материала. И только на верстаке они все собираются

---

* Далее отсутствует небольшой фрагмент доклада, который не был записан по техническим причинам. *Примеч. ред.*

и собираются именно в предмете. Поэтому *предмет есть не просто организация средств*, а это есть *организация средств, онтологических картин и материала*. В предмете будут проблемы, и, следовательно, они будут на верстаке. Или наоборот: на верстаке будут *проблемы*, и именно поэтому они попадают в предмет.

Кроме материала, кроме онтологических картин, кроме средств предмет на верстаке организует еще и проблемы, и задачи. *Предмет есть организация и соорганизация средств, онтологических картин, материала, проблем, задач*.

Фрид: Но это можно осуществлять не на верстаке.

А где? Я не имею права процессуально прорабатывать, должен делать это системно. Верстак для этого и предназначен.

Фрид: Может быть, эту организованность задать парадигматически или различить парадигматическую и синтагматическую организованности средств, онтологических картин, материала.

Я это понимаю, я к этому иду. Но я вам задам такой вопрос… Существуют стулья. Стулья существуют в комнате. Вы мне на это отвечаете, что стулья бывают еще на улице. Я говорю: как стулья или как идея стульев? Что стоит на улице или в магазине в качестве предмета? Стул ли?

Фрид: Образец.

Обратите внимание, *образец* стоит на выставке. На фабрике в качестве стула используется *чертеж*, в КБ — *проект*. [То есть здесь вопрос]: в каких *функциях*?

Еще интересный пример. Американцы просили нас продать корабли на подводных крыльях. Мы не смогли этого сделать: у нас нет ни чертежей, ни проектов. Как их делать, мы тоже не знаем. У нас на заводе есть только изготовление, причем штучное. Мы их делаем восемь штук в год, а нужно больше. Они просили продать, обещали построить завод и выпускать много больше. Мы не смогли продать. Это факты.

Веселов: Георгий Петрович, это невозможно, чтобы без документации организовать столько людей на работу, чтобы получить такой четкий продукт, как корабль.

Возможно. Я отсылаю вас к истории. Например, все русские церкви по стране строились без проектов и документации.

Малиновский: Но там были сложные процедуры, сложно-проектировочные.

Это ошибка, они не проектировочные, не расчетные принципиально. То, что считал мастер, измерялось шагами и локтями. Мастер знал, что и как он должен делать, но он толком даже не понимал, что он делает. Это было закреплено как ритуал, осуществлялось как ритуал.

Наумов: Там, наверное, на уровне подсистем были технологии, а макротехнология отсутствовала, то есть была предметная сборка на уровне технологий.

Правильно, поэтому эти корабли на подводных крыльях делают только на заводе в Сормове. Собирались люди, которые это могут делать. Если этих людей сейчас убрать, то у нас не будет этого производства. Американцы говорили, что через три года мы вам будем продавать эти корабли. Наши подумали, что три года понадобится на изготовление документации.

Я продолжаю, Фима, отвечать на ваш вопрос. Транслируются ли предметы? Или они существуют в единственном образе и вообще не воспроизводятся? Возникает вопрос: воспроизводится ли научный предмет или вообще предмет?

Гнедовский: Георгий Петрович, у меня есть соображения, что вы вязнете в дефектах вашей схемы.

Я не вязну. Я вопросы перед вами ставлю. Вы рисуете схемы, которые дальше будут адекватны ответам на эти вопросы. Мне это сейчас не нужно. Я ставлю вопросы для размышлений.

Фрид: Воспроизводятся только ученые; верстак — в особом онтологическом смысле.

Тогда я уже дал ответ на вопрос. Оказывается (и сюда относятся замечания Наумова насчет единственности-неединственности верстака), что каждый верстак такого типа, как я нарисовал, единственный, он весь заполнен построенным или, наоборот, еще только строящимся предметом. Оказывается, что это как строительная площадка, на которой строится одно «здание» предмета. Это не поточное, а уникальное строительство предмета. Этот предмет закреплен за верстаком с его материалом. Можно сказать, что материал добывают прямо здесь же. Предмет захватывает целую область.

Здесь возникают сложные проблемы в связи с мультидисциплинарностью, возникает ситуация, когда один материал существует для многих разных предметов. Большинство предметников могут это принять на уровне идеологии, но, что из этого следует для их работы, они уже не понимают. Сейчас в Игре-2[28] одна из сложных проблем, которые мы должны решить — это что такое много предметов на одном материале.

Наумов: А на верстаке могут быть разные предметы?

Получается, что на предметном верстаке — один предмет. А если вы спрашиваете про мой личный верстак, то у меня на верстаке много чего может строиться. Поэтому у меня верстак совершенно другой. Я там могу строить любой предмет. Поэтому вся полемика с моими так называемыми учениками заключается в том, что меня

обвиняют в плохом верстаке, бессодержательном верстаке. Я отвечаю, что мой верстак не бессодержателен, а со свободно сменяемым материалом. Но их я тоже понимаю, они тоже правы, у них ведь содержание материально.

Наумов: Значит, на верстаке может быть собрано много чего, кроме предмета?

Верстаки могут быть разные. Все зависит от того, какой верстак. На методологическом верстаке собирается много чего, а есть верстаки предметные. Предметные верстаки намертво склеены с предметом, который на этом верстаке рождается, живет, умирает, но только вместе с этим верстаком.

Наумов: Верстак появляется как универсально предметный.

Поэтому он надпредметный. Проблемы, способы и подходы возникают на предметных верстаках. Разрешаются же не на них. Предметные верстаки рождают проблему, поскольку предмет рождается, живет и умирает; воспроизводятся ученые, причем эти ученые либо консервативно прикреплены к этому предметному верстаку или предмету, либо начинают из него вываливаться в силу обстоятельств или по собственному разумению и испорченности.

Поэтому, чтобы обсуждать проблему подхода, в отличие от проблемы предмета, я хотел сделать это жесткое противопоставление.

Итак, что же такое *подход*? Подход — это то, что осуществляется на верстаке, то есть особая *технология работы со средствами*, причем разнообразными средствами. Эта технология реально осуществляется на предметном верстаке, хотя эти предметные верстаки могут быть самые разные: могут быть научно-предметные, проектные, позиционные верстаки, то есть там будет тот или иной предмет. Мы должны строить типологию верстаков или, соответственно, разнообразных ситуаций, при этом задать предметам одну линию движения, а ситуациям — другую.

Предметы будут разворачиваться по внутренней логике этого нарисованного мною механизма с «кладовой», материалом, онтологическими картинами, формальными детерминаторами. Ситуации же будут во многом изменяться социально в силу жизни всего целого. Предмет будет выступать как имманентный, замкнутый, устойчивый, нормированный, жестко детерминированный и неизменяемый, а ситуация, наоборот, — как очень подвижный элемент.

Наумов: Не только за счет социальных факторов, но и за счет рефлексии.

И за счет того, что рефлексия дает эту возможность. Иначе я сказал бы, что за счет рефлексии смена ситуации постоянно оказывает влияние и воздействие на предметную работу.

Наумов: Скажем, социальные факторы через рефлексию могут воздействовать на предметную работу.

И обратно может быть. И вообще там идут разные склейки, переносы, и т. д. именно за счет этой работы.

Следовательно, способ и подход (подход в большей мере) оказываются зажатыми, с одной стороны, не на одном верстаке, а на многих, развертывающихся в разных ситуациях. И опять здесь виден «дефект» моей схемы, как сказал бы Михаил Гнедовский, поэтому я должен вернуться к *схеме пространства подхода*, задать ситуацию переноса опыта из одной ситуации в другую, определить это. Я это делаю, обратите внимание. Я каждый раз буду накладывать определенные отношения на ситуацию-1, ситуацию-2, на их разнообразие.

Наумов: Это же другие ситуации.

Чем что?

Наумов: Ситуации вне сферы методологии.

Я много думал над этим и понял кое-какие свои ошибки тогда. Методология, как наука и все остальное растет из одной точки: это есть разные способы решения проблемы. А проблема все та же самая — как сделать перенос через работу на верстаке.

Наумов: Как исследовать ситуацию? Ситуация предметна? Тогда она должна быть дана на верстаке.

Нет. Обратите внимание, как это смешно. Это пункт, который непосредственно следовал из всех наших дискуссий: структурно-функциональная организация деятельности и предметы а) как форма организации деятельности и б) как особые организованности сами по себе, порождающие вторичную деятельность.

Мы до сих пор различали эти два плана. С одной стороны, деятельность, которая имеет структуру, которая, в частности, может быть организована предметно, то есть предметно-организованная деятельность. С другой стороны, предметы с их деятельностью. Это то, что в традиции нашего рассказа идет как первичная и вторичная деятельность. И это существенно здесь. А мы до сих пор это склеиваем, в частности, в тех схемах, которые мы обсуждали до сих пор.

Фрид: Это означает ситуацию, но какого рода?

Я это и обсуждаю. Что мы можем сделать? Взять эту произвольную организацию и сказать, что осуществляется предметно организованная деятельность.

Обратите внимание, Фима, как вы ответили на мои вопросы! Предметы не воспроизводятся, предметы только появляются, существуют, умирают. А что у меня на схеме получается?

Ситуации — это вспышки, они ведь не появляются, хотя они тоже как бы появляются, живут и умирают, но в другом смысле. Они в другом времени живут. Ситуации вспыхивают. А предметы живут. Ситуации сиюмоментны, но это тогда означает, что кроме ситуации деятельности есть еще ситуация, в которой всегда пребывает предмет. И предмет сам по себе порождает ситуацию, он сам по себе имеет ситуацию.

Гнедовский: Это длящаяся ситуация.

То ли да, то ли нет — не поймешь. Возникает вопрос о связи между предметом и ситуативной деятельностью.

Наумов: То, что ситуация имеет свои границы во времени, это еще не значит, что она однодневна по сравнению с жизнью предмета. Если ситуация предметна, то время жизни предмета является теми пределами, которые задают время жизни ситуации. А если же ситуация непредметна, то время жизни ситуации может быть больше времени жизни предметов.

Нет. Может быть все что угодно: и больше, и меньше. Суть не в этом, а в том, как мы задаем ситуацию. В этом вопрос. В каком отношении мы ставим ее к предмету? Как мы увязываем ситуацию с предметами через деятельность? Или есть ситуационная деятельность, деятельность, задающая ситуацию, и есть предметы, которые можно рассматривать и как принадлежащие ситуации, и как внеситуативные.

Наумов: Это можно нарисовать. Деятельность, ситуации, предметы: движение между ними может быть различным.

Малиновский: Вы определили свою ситуацию или речь идет о какой-то внешней ситуации?

Откуда я знаю. Вы мне слишком много приписываете. Вы спрашиваете, о каких ситуациях я говорю, как я ввожу понятие ситуации. Мы уже видим, что есть структуры деятельности, которые ситуативны или нет, мы их можем рассматривать ситуативно или не ситуативно.

Малиновский: Например, структуры [деятельности] ситуативны или не ситуативны.

Мы можем их рассматривать в отношении к ситуации, без отношения. Есть предметы, и это нечто другое, чем структуры деятельности и ситуации. Есть предметно-организованные ситуации, есть предметно-организованные структуры деятельности.

Веселов: Может быть, есть ситуативные предметы.

Скорее всего, есть и должны быть, между прочим. Для методолога все предметы ситуативны, именно такое отношение ко всем предметам.

Наумов: Эта ситуативность зафиксирована из другой позиции.

Методолог — нигилист, поскольку для него предметы ситуативны.

Веселов: Именно поэтому мы должны все средства «переплавить».

Мы к этому идем. Тут появляется очень сложная ситуация, поэтому я не случайно «оторвал» верстак с предметной организацией: верстак ведь тоже есть ситуация или множество ситуаций. Это тоже проблема, но я ее «оторвал». Но, кроме того, оставил еще ситуации, которые возникают не вокруг предмета, а безотносительно к нему, но с ним связаны сложным образом. Предмет там каким-то образом работает.

Наумов: А проблемы и задачи берутся из ситуации?

Вполне возможно, из ситуации. Но я пока не знаю.

Наумов: Проблемы возникают как раз за счет функционирования этой машины.

Да. Это будут собственно научные проблемы, собственно проектные. Только их мы и называем проблемами в подлинном смысле слова. Все остальное обычно называют потребностями общества, запросами, противоречиям, разрывами, конфликтами. Но парадокс внутренний, скорее, переведенный из внешнего во внутренний, а иногда наоборот. Это сложная вещь. Я это разделил.

Теперь я говорю, заключая этот кусок… Утверждение, что эти ситуации могут все менять очень сильно и что верстаки могут быть предметными, а могут быть непредметными, приводит нас к необходимости иметь особую форму организации, а именно непосредственно то, что принадлежит методологии. Методология получилась все-таки (я обращаюсь к одному из предшествующих пунктов) не на верстаке, а на *связке* между верстаком и «кладовой».

Итак, все это заставляет нас создавать организацию, которая противостоит предметной организации, именно *противостоит*. Поэтому методология и наука непримиримы.

Наумов: Для науки здесь будет канал, а для методологии — связка.

Совершенно верно. Для науки здесь будет каждый раз во многом внешний канал, даже если она захватит процесс производства и воспроизводства средств, а это все равно внешнее, сделанное внутренним. А для методологии сама эта связка есть внутреннее, поэтому верстак методологии включает предметный верстак и «кладовую» вместе, и онтологию, и еще много чего другого.

Наумов: Для науки этот канал формальный, а для методологии эта связка содержательна.

Да. И на этой связке одного и другого, в процессе разворачивания этого «кома» и существует собственно подход. Хотя это не единственный механизм (поскольку я говорил об отражении этого в культуротехнике, культурологии, педагогике и т. д.) в том случае, когда методологическая организация распространяется.

Итак, подход — это такая организация средств мышления, деятельности и способов употребления этих средств, которая как бы отслаивается от всякой предметной работы и изображается сама по себе (в оппозиции к предметной работе), которая исключает онтологию (в ее первом непосредственном виде) и материал. Но при этом она должна создать формальную замену, или суррогаты для материала и онтологии, причем в виде *категорий*.

Так появляется как бы формальная онтология, или формально-категориальная онтология; так появляется категориальный материал мышления, опять же в жесткой оппозиции к предметам и предметной организации.

Пункт седьмой. Если теперь вы меня спросите, какую же организацию имеет подход или способ, то я сначала уклонюсь от ответа и скажу, что разную в зависимости от того, на какой фазе и ступени развития вы берете эти подходы и способы, ибо, как мы уже выяснили, они точно так же могут быть саморазвивающимися объектами. Поэтому чтобы уже теперь научно-теоретически, научно-методологически рассмотреть вопрос об их структуре и строении, я должен применить совсем другой метод, а именно *метод конкретно-исторической реконструкции*.

Кстати, здесь положение такое же, как и при анализе предмета. Вроде бы есть строгая схема научного предмета, а Михаил [Гнедовский] говорит, что она не работает, ни в одном случае не сработала. Я, правда, с этим не согласен и попробую при случае показать, для чего она нужна и как она работает. Но тем не менее я говорю, что он прав.

Но то же самое придется сказать и по поводу подхода, тем более нет схемы подхода, хотя схема подхода нужна, и даже не просто схема, а разворачивающаяся схема. Также нужна одна схема предмета как разворачивающаяся схема. Но все подходы так же, как и предметы, сугубо индивидуальные образования. Мы это уже выяснили. И все то, что я только что говорил о предметах (что они не воспроизводятся, а рождаются, существуют какое-то время, умирают, при этом проходят путь становления, актуалгенеза и смерти), я должен буду сказать о подходах.

Всякий подход *индивидуален*, будь то системный, процессуальный, нормативный. Может быть лингвистический подход,

психологический подход, синтаксический подход. Может быть типологический подход в противоположность типологиям, организованным предметно. Может быть один системный, один типологический подход, а может быть много. Они каждый раз должны быть представлены индивидуализировано, поэтому мы, как правило, говорим о подходе Иванова, подходе Петрова, подходе Сидорова. Они все существуют как индивидуумы и как таковые могут быть описаны, хотя сами подходы образуют, таким образом, популятивное целое.

Но мы должны задать какую-то схему подхода и рассматривать ее как *историческую*. Дальше мне нужен будет метод. Что же нужно делать, чтобы все это изобразить и представить? Что есть подход для методологии?

Наумов: На том уровне, где живут подходы, каждый из них должен быть описан как индивидуальный, а уже на уровне подходной методологии мы можем конструировать схемы подходов.

Это метаподходная методология, а на уровне подходной методологии будут подходы и работа в них. А на уровне метаподходной методологии будут схемы.

Гнедовский: И структурное развитие подходов, фиксация развития каждого подхода, сопоставление подходов и т. д.

Пока мне очень важна фиксация связи подхода с категориями.

Фрид: У меня возникает некоторая мысль. Попробую ее сформулировать, хотя она очень зыбкая. Попробую взглянуть на схему Георгия Петрович сверху… Здесь есть некоторый дуализм: предметы, «снимающие» друг друга через подход, и, наоборот, подходы, «снимающие» предметы.

Я могу привести пример, поясняющий это. Был синтаксический подход, это фактически определенный анализ, выросший, оформившийся в подход. В результате появился синтаксис языка. У индийцев и арабов был морфологический подход — появилась морфология. И европейские, и греческие, и латинские синтаксисты и индийские, и арабские морфологисты решали одну и ту же задачу — описывали структуру речи. Но одни описывали синтаксически, а другие морфологически. Они описывали одно и то же, но разными методами, тогда возникли две онтологии, два объекта, которые сейчас, по образному выражению, «нанизываются на вертел». Появилось понятие «уровень языка»: синтаксический, морфологический и т. д. Но никакого уровня в языке нет, это все — натурализация. А что получается дальше? Возник сравнительно-исторический метод — появилось сравнительно-историческое языкознание, теория; возникает в лингвистике типологический метод — появляется типологическая лингвистика.

Сейчас мы наблюдаем то же самое в психологии. И вот теперь возник момент, когда они не знают, как же это все на уровне объекта складывать. Как складывать? Понять совершенно невозможно.

Наумов: Потому что каждый из них описывает не проекции, а целое.

Их складывать нельзя, поскольку хоть это и определенные проекции, но одновременно и целое. Это превращение того, что зафиксировано в подходных конструкциях как онтологии, и полагание в объект.

За оставшееся время я хочу проговорить еще шесть пунктов.

Пункт восьмой. Этот пункт и все последующие относятся к программе и методу анализа темы. Фактически это есть фиксация того, что, с моей точки зрения, надо бы делать.

Прежде всего, надо взять определенную схему, лучше одну, потому что окажется потом, что придется взять несколько, квалифицировать ее как ядерную, перебросить из «кладовой» на верстак и посмотреть, как она употребляется при решении тех или и иных ситуативных задач. Притом, если мы скажем, что рассматриваем системный подход, то схема, естественно, должна быть не системной, а принадлежащей другой категории, например категории состава, может быть структурной, как это было в химии (наборы элементов), но она должна быть поставлена в ситуацию. Этим задается верстак поначалу, где стоят, если мы взяли формулу состава — соста́вные проблемы, если взяли формулу структуры — структурные проблемы.

Наумов: Иначе говоря, надо жестко простроить путь от ситуации к схеме и к подходу. Должно быть жесткое соответствие во всех планах.

Например, часто берется структурная схема, а проблемы ставятся процессуальные в деятельностном подходе. Это, например, можно проиграть исторически на материале истории нашего кружка.

Теперь на этой схеме можно начать объяснять становление деятельностного подхода, системного подхода в ММК. Как исходно это сделать? Можно организовать все проблемы, которые возникают.

Первый этап. 1952–1953 годы: текст «Капитала» рассматривается как *процесс*, с одной стороны, и как *структура*, изображающая объект, с другой. Возникает парадокс, или оппозиция, дискуссия. Одни говорят, что это есть изображение объекта, другие — последовательность процедур нашей работы. Теперь мы понимаем, что сама оппозиция незаконна, поскольку текст «Капитала» есть и то и другое. Это мы сейчас можем сказать на основе системного подхода, то есть системной схематизации «Капитала».

Наумов: От ситуации через средства к подходу, а потом опять к ситуации.

Подходный анализ предполагает фиксацию двух способов и оппозиций. Реально каждая сторона применяет свои схемы: одна процессуальные, другая структурные. Так «Капитал» — процесс или структура? Он есть и то и другое.

Итак, первое, что мы делаем, — мы смотрим, как та или иная схема употребляется.

Наумов: А здесь интересны сами исследовательские схемы, наложения этих схем на материал.

Я к этому иду. Что же мы делаем со схемой на верстаке? Например:

1) как мы будем накладывать схему на материал или втягивать материал в схему (это разные процедуры)?

2) как и с какой онтологической картиной мы будем строить из схемы, втянувшей материал, онтологическую картину?

Я подробно разбирал это в лекциях 1966 года на факультете психологии МГУ*. В 1966 году была написана работа во ВНИИТЭ «Использование системно-структурной графики»[29]. Там это уже фиксируется в обобщенном виде.

Гнедовский: Здесь же идет вся проблематика регулирования и модели.

Я только намечаю линию. Надо смотреть историю кружка.

Дальше. Наложение на материал и регуляция в отношении к методологической картине: как подчиняются эти процедуры?

Если берется вторая схема, то как она сочленяется с первой в отношении к материалу, к онтологической картине, то есть в семантических и синтаксических отношениях? Как синтаксис организации схем начинает сообразовываться с семантикой? Как организуются процедуры?

Здесь начинается подробнейший анализ процедур. Они описываются и в обобщенном виде фиксируются в способах и формах интерпретации. Значит, должны быть зафиксированы формы интерпретации схем. Потом мы их перебрасываем в качестве нового средства в «кладовую».

Фрид: Это интерпретации синтаксической организации?

Часто форма интерпретации — семантика, поскольку она может быть легко зафиксирована, а синтаксис — сложно, ибо для этого требуется уже специальный логический анализ.

Что такое идея, категория *системы*, грубо говоря? Я это показывал в серии докладов по истории понятия системы в 1971–1972 годах.

---

* См. [Щедровицкий, 1999б]. *Примеч. ред.*

Если мы имеем структурную схему, то возникает системный подход; категория системы складывается, когда мы начинаем относить, интерпретировать эту схему один раз на процесс, другой раз на функциональную структуру, третий раз на организованность, четвертый раз на материал, то есть фиксируем объект, а все остальное — постоянная процедура, вытекающая из связи смыслосодержательного и генетического употребления любой схемы.

Итак, сначала одна схема употребляется четырьмя способами, потом ставятся специфические изображения для каждой интерпретации, а затем эти четыре интерпретации должны быть собраны в один объект. Когда осуществляются такие процедуры и фиксируются способы интерпретации, тогда появляется идея, категория системы, фиксируется первый важнейший момент системного подхода. Это попадает в «кладовую» (см. рис. 3). Мы берем систему и начинаем употреблять ее для решения новых задач, опять накладываем на материал, опять соотносим с онтологической картиной и т. д. Это следующая процедура, которую мы начали разрабатывать на разном материале и в логическом осознании. Предыдущая процедура нами уже осознана.

Итак, у нас было структурное представление объекта, теперь мы должны дать системное представление. Структурное представление мы интерпретировали четырьмя разными способами, потом мы осознали каждый способ интерпретации, дали ему категориальные характеристики, становящиеся теперь уже категориально-понятийными, а теперь мы их должны все собрать.

Теперь я говорю, что представить объект системно как простую систему — это значит описать его в четырех связанных между собой планах: 1) процессуальном со своим особым изображением; 2) структурно-функциональном; 3) морфологическом; 4) материальном.

Но важно, кроме того, зафиксировать и синтаксис. Синтаксис на уровне четырех независимых интерпретаций превращен в изображение. Синтаксис «снимается» в морфологию единым представлением.

Пункт девятый. Как возникают новые схематизмы, соответствующие данному подходу и данной категории?

Здесь стрелка от верстака к «кладовой» (см. рис. 3) начинает развертываться в сложной форме, потому что мало еще перебросить от верстака в «кладовую», надо еще выработать соответствующие схематические изображения. Изображения процессов у нас не построены, изображения структурно-функциональные отделены от морфологических (по-настоящему, мы их все время путаем)

и т. д. Здесь должны быть построены свои языки, свои схематизмы и т. д.

Наумов: Отсутствие этого рождает некие синкретические схемы, на которых вроде бы все есть, так как в коммуникации все различается, но в графике это не зафиксировано. «Некогда, надо делать все быстрее»… Программа набрасывается, но движение по программе не происходит. Надо четко осознавать, что это программирование, а не движение по содержанию.

Все предприятия такого рода сейчас невероятно объемны. Еще много надо работать над формой организации гуманитарной, психологической, научной работы.

Мы — совершенно уникальное объединение, у нас собирается 15–20 человек. Такого в мире еще никогда не было, чтобы собиралось 20 методологов в одной комнате! Если методолог один — он выполняет обслуживающую функцию. Если же группа, то это уже методология, которая может самостоятельно существовать.

Должны быть разные методологи, выполняющие самые разные методологические работы внутри методологии. Это потому, что они обслуживают не предмет, а подходные работы, формирование подходов.

Подходы должны быть созданы и зафиксированы в такой же детализированной форме, как и предметы.

Остальные пункты требуют подробного обсуждения, поэтому отложим их до следующего раза.

3. О понятии «подход» (продолжение)

В отличие от того, что было нарисовано и представлено в прошлый раз, я включаю в схему, во-первых, представление о *продукте* работы, во-вторых, *содержательно-смысловой материал* (содержательно-смысловой для противопоставления в системной парадигме) (см. рис. 4).

Я различаю в «арсенале», или «кладовой» средств, две подсистемы: *«кладовую» конструктивных элементов* и *«арсенал» средств и методов* работы. При этом сам верстак членится на две части, но не как в прошлом году, а иначе. Я ввожу малый блок внутри верстака. Это блок, в котором развертывается соответствующая конструкция модели, предмета, онтологической картины. Я провожу линию-стрелку, показывающую непосредственный проход конструктивных элементов в конструкцию, и ставлю стрелки от арсенала средств и методов деятельности к деятельности на верстаке.

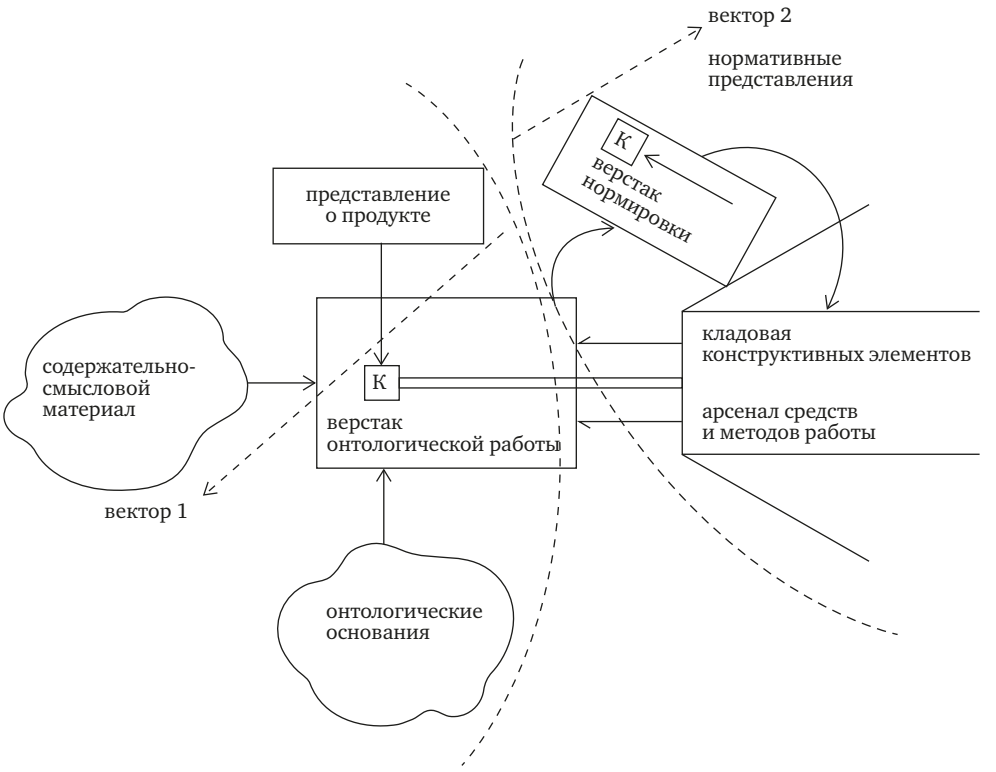


Рис. 4

Я чуть меняю название нижнего блока. Если раньше у нас там всегда была «онтологическая картина», то сейчас «онтологические основания». Это понадобилось, поскольку мне пришлось в последние месяцы обсуждать проблемы построения онтологии*. Онтология строится также на верстаке, и процесс ее построения (проектного, исследовательского, описательного) будет идти по точно такой же схеме. Но тогда придется различить терминологически ту онтологическую картину, которая строится на верстаке, и необходимые для этого онтологические основания. Поэтому я перевожу терминологическое выражение из его морфологической интенциональности в функциональную, ввожу слово «основания».

И наконец, я ввожу блок *нормативных представлений*. Он чисто функциональный, и я таким образом фиксирую специальную работу, развертывавшуюся здесь, по извлечению некоторой нормы деятельности из опыта той работы, которую мы проделали на верстаке, и соответствующий переброс нормативных представлений, полученных на базе опыта этой работы, в блок «арсенала» (средств и методов) — «кладовой» (конструктивных элементов).

---

* См. [Щедровицкий, 1996]. *Примеч. ред.*

При этом само выражение «нормативные представления» понимается мною очень широко: сюда входит вся методологическая работа по выделению средств и методов. Это выражение используется у меня сейчас в условном смысле для обозначения большого блока, где будет одно, второе, четвертое, пятое, и я надеюсь, что в ходе игры мы точнее разберемся со всем этим и будем знать, какие там есть подсистемы, как это организовать и т. д. И я сейчас буду об этом блоке с разных сторон говорить.

Итак, вот схема, которая более детализирована, чем прошлая, хотя основной смысл и сохранен.

Вопрос, как устроены «арсенал» и «кладовая», есть основной для подхода. Поэтому все, что я сказал о нормативных представлениях, относится к «арсеналу» и «кладовой». По сути дела, блок нормативных представлений является чисто ситуативным. Я мог бы его вырезать и показать стрелку, идущую от данной деятельности на верстаке к «арсеналу». И за этим стоит вся методологическая работа по поводу данной деятельности. Иначе говоря, работа по выделению и извлечению средств, нормативных представлений и опыта. Этот блок мне нужен для фиксации как бы промежуточного верстака. И вы поймете дальше зачем.

Далее нужно будет говорить о переходе к пространству деятельности, и там возникнут уже организационные проблемы. И все это будет узел проблем Игры-2 — организационные проблемы.

Гнедовский: Почему стрелка идет к квадрату «К»?

Дело в том, что конструкция на верстаке строится по своей особой логике, отличной от логики деятельности. Это основной принцип содержательно-генетической логики, который развивался с 1952–1953 года, и важнейший пункт спора с гегельянцами. Это принцип, отрицающий принцип тождества бытия и мышления и различающий внутри всякого образования, скажем текста, аспекты, или моменты, относящиеся к конструкции (развертывающейся по своей особой логике) и операциональной структуре деятельности (которая подчиняется своей особой логике и которая эту конструкцию развертывает).

Грубо говоря: есть логика роста здания в процессе строительства, и есть логика суеты вокруг этого здания — подвоз материалов, монтаж и т. д., есть организационные моменты — разделение на бригады, например, — все то, что относится к деятельности.

Это важный пункт, поскольку многие проблемы современной логики и методологии возникают потому, что эти два момента не различены. Их не различают всюду, в частности в области решения задач. А мы всегда различали *решение*, которое относится к конструкции, и процесс *решания*, который относится к деятельности. И вообще

все, с чем мы имеем дело, подчиняется этой двойной логике. Мы говорим, что есть некоторые организованности деятельности, которые живут своей особой жизнью, и есть деятельность в ее профессиональных и функциональных структурах. Причем структуры и процессы деятельности складываются за счет того, что они собирают разные организованности, структурируют, включают их в процесс.

Если вы пишете на бумаге ручкой и чернилами, то ручка, бумага, чернила суть определенные организованности, которые, кстати, имеют весьма сложную, самостоятельную жизнь в деятельности. Причем именно здесь существенно различение деятельности вообще и систем деятельности. Конечно, и ручка, и бумага, и чернила существуют в деятельности и только в деятельности, ибо они суть ее *порождения*, но они существуют сами по себе как вещи, как «вторая природа», как инструменты в этой деятельности, и они всегда относительно независимы от любой системы деятельности. Скажем, эта ручка была куплена во Вьетнаме, привезена в СССР, подарена одному человеку, пролежала полгода у него в столе, потом подарена другому человеку, пролежала у него в столе, потом была взята, и ею начали работать. При этом ручка прошла через много систем деятельности и в каждой из них по-разному функционировала, оставаясь как материальная организованность одной и той же. Следовательно, логика жизни ручки отличается от логики систем деятельности.

И это отражается на организации «арсенала». Там есть конструктивные элементы, которые организуются одним способом и в одной логике, и есть средства и методы организации деятельности, которые организуются в другой логике. И это существенно, особенно для математики. Неразличение порождает массу проблем в философии и методологии математики. Эти псевдопроблемы снимаются, когда мы вводим двуплановую структуру этих двух образований.

Перехожу к обсуждению схемы.

Пункт первый. Организация деятельности и организация ситуации. Что нарисовано на схеме? Мне представляется, что эта схема есть одна из стандартных форм организации ситуации и нашей деятельности.

Это выражение достаточно двусмысленно, и здесь заложен узел проблем. С одной стороны, я могу рассматривать эту схему как форму членения и организации *пространства*. Какого? Можно говорить о пространстве ситуации, может быть, просто об организации ситуации. Мне это пока неясно. Вместе с тем это есть схема, организующая нашу с вами деятельность. Задавая так все эти блоки или, соответственно, функциональные места, я тем самым организую деятельность, ее процессы, но очень странным образом.

Почему я здесь вынужден говорить об организации ситуации, об организации пространства, об организации деятельности? Потому что эта схема, если прорабатывать ее в системных категориях, выражает идею и понятие *соцелостности*, но не целостности, не системы: нет все очерчивающей рамки, поэтому мне и приходится говорить об организации пространства. Но точно так же: нет очерчивающей рамки, и поэтому это не есть пространство, например пространство рефлексии, которое мы могли бы рассматривать с точки зрения его полноты.

Что значит «обвести рамкой»? Это значит сознательно сформулировать принцип, запрещающий мне выходить за границы этого набора, этой совокупности блоков, вводить туда новые блоки. Я могу только расчленять какие-то блоки, но не могу взять их со стороны и доставить [к имеющимся].

Это проблема закрытой и открытой системы. Открытая система сама по себе нонсенс: если она открытая, то не система. Здесь фиксируется поэтому негативный смысл. Мы имеем дело с образованиями принципиально разного рода и типа. Но мы понятийно не схватываем этой разницы и говорим об открытых и закрытых системах, не очень понимая, что, по-видимому, понятие системы и даже представления о том, что такое системы и как они существуют, уже рассыпались, развалились в столкновении с реальным материалом.

Мы ведем работу по поводу системы (деятельностного подхода) и сами работаем в *системодеятельностном подходе*. И мы обязательно должны здесь говорить о ситуации, с одной стороны, о пространстве, с другой, о структурах и системе деятельности. И вопрос о том, как же соотносятся ситуации, пространство, системы деятельности, остается пока открытым. Я не знаю, что определяет эту схему: определяю ли я ситуацию и через ситуацию деятельность, или я задаю и организую деятельность и через это ситуацию? Более того, в каком времени живет и существует ситуация? Скажем, ситуация имеет объективное, в частности, процессуальное существование вне деятельности или нет?

Вроде бы да, в познавательной интенции мы становимся как бы во внешнюю позицию и говорим: там сложилась такая-то ситуация. Вот у социолингвистов есть такая проблема: языковая ситуация в Японии, в арабской Африке, во Вьетнаме, они исследуют это. Ситуация для них существует объективно, развивается в своей собственной логике, и, конечно же, ситуация и связанные с ней процессы зависят от того, что люди говорят, какие люди говорят, есть здесь географические, исторические, политические и другие моменты, но они говорят о ситуации как о чем-то существующем самом по себе.

Богомолов: Но у них у каждого есть такая ситуация.

Это нонсенс, Никита! В отличие от вас, математиков, которых миллионы, лингвистов очень мало. Есть в СССР один специалист по Ливии, сейчас хотят сделать второго. И в ближайшие 20 лет их будет два. Есть четыре специалиста по Филиппинам, и они образуют этот мир, мир советской филиппинистики. Когда их будет много, тогда у них возникнут проблемы, а сейчас есть специалист — описал языковую ситуацию в Ливии, и дело с концом — он один знает, что это такое.

Ситуация есть особый способ фиксации деятельности. Это определенная проекция в определенном описании. Это есть описание деятельности с точки зрения определенных характеристик, вроде бы недеятельностных по своей природе. Это несистемодеятельностное описание деятельности, в терминах другого рода.

Ситуация есть попытка перевести процессы деятельности в непроцессуальную форму, в форму организованности. Ситуация — та совокупность организованностей, которые, с одной стороны, уже заранее даны и определяют деятельность, а с другой — создаются и полагаются этой деятельностью как ее условия, как организованности, вокруг которых процессы должны протекать и которые процессы должны обтекать, включая в себя. Это статическое представление. Сделав такой тип абстракции, мы потом начинаем саму ситуацию рассматривать как некий самостоятельней объект, приписывая ему опять процессы, но уже другие, недеятельностные, а процессы, присущие этой структуре (ситуация меняет свои состояния, эволюционирует). А значит, может быть много ситуаций.

Есть сложная проблема, завязанная на трех понятиях: ситуация, пространство и его организация и система деятельности.

Богомолов: Какое пространство?

А какой ответ вы хотите получить: пространство этой ситуации, либо пространство в этой ситуации, либо пространство вне этой ситуации? Пространство, по Канту, есть особая априорная форма восприятия, эстетическая фигура. В человеческой деятельности реализуются несколько планов: план рефлексии, план мышления и план деятельности-действия. Надо вводить какие-то термины.

Наумов: А может быть по-другому: это пространство определяется через определение ситуации, систем деятельности и позиционного определения?

Но мы ведь в прошлом году зафиксировали, что *пространство* есть форма, специфическая для рефлексии. Кант это четко понял и ошибся в одном: он неправильно трактовал восприятие, трактовал его психологически и отождествлял с психологическим

представлением о восприятии. А это, с моей точки зрения, есть особая, специфическая форма самоорганизации рефлексии.

Ситуация ведь задается через эту работу по выделению в рефлексии и содержит много слоев. Начинать надо с того, что в рефлексии, которая осуществляет ваше самоопределение в ситуации, вы должны ввести «что это такое»: либо вы видите эту ситуацию (вот я пришел в эту же комнату, вижу и понимаю), либо, если я осуществляю с вами коммуникативное мышление, я должен нарисовать схему. Я рисую схему и спрашиваю: как ее интерпретировать?

Что я здесь нарисовал? Она может иметь разные интерпретации. И я вроде бы буду проходить через все эти определения в ходе своей мыслительной работы и буду на каком-то шаге интерпретировать ее как схему, организующую пространство рефлексии, как схему, которая интерпретируется на ситуацию, как схему, которая интерпретируется на деятельность (как средство самоорганизации деятельности). И мне важно, что я здесь формулирую синтетический тезис. Я говорю: эта схема есть не что иное, как особая стандартная форма организации ситуации, пространства и деятельности. Мне важно, что это *особая* и *стандартная* форма организации.

Мы с вами работаем в действительности методологии, и мы сейчас фактически выложили одно из наших методологических средств в контексте нашего обсуждения по теме «подход»: «системный и деятельностный подход».

Но я еще не проделал всего движения. Я только выложил средство на верстак, и мы его ухватили в деятельностной части верстака. (Я теперь применяю эту схему для того, что я делаю, в метафункции.) Оно еще не положено, но уже кладется в эту конструкцию. И я даже начинаю обсуждать вопрос: да, сама по себе эта схема есть средство и стандартная форма организации и нашей с вами ситуации здесь, в этой комнате, и пространства нашей рефлексии, и мыслительной деятельности, которую мы с вами будем проделывать, — это все есть эта схема, стандартная форма, отличная от других.

У нас с вами началось (во вторник) обсуждение двух типов стандартных форм, двух разных форм организации ситуации. Одна — познавательная с установкой на осуществление деятельности; и другая — техническая, искусственная как бы.

Такую схему мы должны класть, когда мы технологически организуем нашу деятельность. Не естественно (в познании), не с целью войти в нее и приспособиться, а с другой установкой — сорганизовать и собрать ситуацию, придать ей строго определенную форму и особый тип работ… Поэтому у нас это фактически ситуация особого

типа работы, прежде всего технической работы — как мы должны работать и чем.

Эта схема и наша деятельность в смысле средств, процедур и методов, и это вместе с тем объективность, которую мы таким образом кладем, потому что мы через эту схему задаем некое объективное содержание: ситуации и объекты, с которыми мы будем иметь дело, будут такими, как зафиксировано в этой схеме. А та схема, которую мы обсуждали по вторникам, задает другую объективность, соответствующую принципиально иной технологии и методологии работы.

Наумов: А как будут расходиться дальше эти интерпретации, нужно посмотреть.

Нужно!

Щедровицкий П. Г.: Какую деятельность организует эта схема?

Эта схема организует нашу техническую деятельность, но какую именно, я буду отвечать далее. Нам нужно обсудить, что такое подход, и для этого задать соответствующую ситуацию, в которой можно было бы этот вопрос обсудить правильно и решить правильно. Мы должны, соответственно, организовать пространство для этого.

Щедровицкий П. Г.: Возможна ли непосредственная организация деятельности с помощью этой схемы или нужно опосредование в форме ситуации, пространства и т. д.?

Нет деятельности вне ситуации. Деятельность определяет ситуацию в большей мере, нежели определяется ею. То, что мы называем ситуацией, пространством, системами деятельности есть лишь разные проекции одного и того же — разные способы нашего описания и фиксации моментов деятельности. Поэтому там, где есть деятельность, должна быть ситуация, там есть и пространство. Хотя каждый из этих планов можно брать сам по себе и смотреть, что с ним происходит.

Щедровицкий П. Г.: Эта схема организует нашу коммуникативную ситуацию, но не ситуацию деятельности.

Если ты умеешь отличить это, особенно в коммуникативном мышлении (деятельность от коммуникации), честь и хвала тебе. Я этого не могу. Но ты говоришь в онтологической модальности, а здесь этого не может быть. Что мы сейчас осуществляем: мыслительную деятельность или коммуницируем? Бессмысленный вопрос.

Богомолов: *Почему вы не начинаете с позиционного самоопределения?*

А здесь это не нужно. Позиционная раскладка нужна, когда вы хотите организовать деятельность. Она необходима, если имеет место деятельность и если ваше мышление и рефлексия вписаны в эту деятельность, ею заданы. Более того, с интеллигенцией это единственный способ работы. Все будет зависеть от моих целей и задач. Мне

сейчас не нужна позиция, поскольку у всех нас одна позиция. Если вы поняли, что у вас нет позиции, вам не нужно противоборствовать, если есть установка на понимание, вы все понимаете. Люди не понимают, когда они не хотят понимать. У меня есть моя позиция.

Богомолов: *Охарактеризуйте, какая она?*

Она моя! Не нужны здесь разговоры о позициях.

Ваш вопрос «а какая у вас позиция?» и мой ответ вам предполагает право участников дискуссии иметь разные позиции: профессиональные, предметные и т. д., их право отстаивать свою позицию и иметь другой взгляд на все происходящее. Эти принципы убирают процесс понимания на второй, третий, четвертый план. Суть работы становится не в понимании, а в самостоятельном параллельном мышлении и работе. Проблемы взаимопонимания приобретают другой вид. Надо понимать не что говорит другой, а понимать, какая у него позиция и что он должен говорить по своей позиции. И тогда каждый проделывает свою работу, имеет другое представление и другой взгляд на этот счет. И смысл всей работы состоит в фиксации множества представлений, но организуются они позиционно: один — психолог, другой — биолог, третий — социолог, четвертый — парикмахер… Тогда все работают со стопроцентным методологическим слухом и могут сказать, как был совершен очередной шаг — правильно или неправильно, — поскольку есть соответствующая норма, и ее каждый знает. Вот для чего нужны позиции, а не для того, чтобы понимать, *что* говорится.

И наоборот: постоянная претензия к нам со стороны мыслящего общества состоит в том, что у нас слишком много точек зрения и нет истинной. Мы сегодня говорим одно, завтра другое, послезавтра третье, а где правильное, истинное представление об объекте?

Это спор между Аристотелем и Платоном. Что там произошло, почему возникла перипатетическая школа? В каких отношениях она стояла к софистам, к исходному Платону, к стоикам и т. д.? Тогда происходило то же самое, что происходит и сейчас.

Итак, если вы хотите понять, что я говорю, то должны забыть о позициях, о праве иметь позицию и глядеть на эту схему, которая обеспечивает стандартную, единообразную, не допускающую толкований организацию ситуации. И это есть тот способ организации деятельности и ситуации, который господствует в науке. А для того, чтобы стать на мою позицию, нужно глядеть на то, что я нарисовал, и делать то, что я делаю шаг за шагом. И другого пути нет и быть не может.

Малиновский: А если он не будет это делать?

Он не будет понимать. Чтобы понять математика, нужно производить математические выкладки, считать. И это есть единственный

способ понимать. Когда мы складываем, умножаем, делим, у нас никто не спрашивает «какова ваша позиция?».

Богомолов: Я хотел спросить, в какой «системе исчисления» вы работаете?

Я работаю в той, которую нарисовал, — определенный способ организации ситуации, пространства и систем деятельности. Есть еще вопросы по первому пункту?

Итак, описание ситуации предполагает особые средства и методы, особый язык, который нами не разработан, но он должен быть разработан. Этот вопрос мы обсуждаем уже 10 лет и будем обсуждать. Когда мы выработаем такой язык и построим изображения, мы сможем говорить об этом на мыслительно-понятийном уровне. Сейчас этот термин употребляется нами в рефлексии, лишь на уровне рефлексивной определенности. И здесь мы говорим, понимая уже, что ситуация есть не что иное, как особая проекция систем деятельности.

И, таким образом, в рефлексии мы схватываем ту реальность, которая имеет место в нашей деятельности, а именно: мы с вами в нашей работе, нашей коммуникации постоянно каким-то образом создаем ситуации. Создание ситуаций осуществляется, в частности, за счет введения таких неспецифических схем (неспецифических для задания ситуации). Эта схема ведь фиксирует и ситуацию, и пространство, и систему деятельности.

Другой вариант, который предлагает Никита [Богомолов], — это фиксация ситуации через набор позиций. Третий вариант — фиксировать ее через функционально-ролевую структуру или организацию. А специфических у нас нет. Ситуация есть, поскольку она фиксируется на рефлексивном уровне. А на этом уровне фиксируется то, что реально есть в деятельности. Значит, ситуация реально есть. А рефлексии я придаю даже большее значение, чем понятийному мышлению, и говорю: чтобы зафиксировать нечто, существующее *реально*, надо *рефлексивно* работать.

Больше того, только рефлексия и фиксирует реально существующее. А мышление фиксирует только существующее в действительности, то есть через знание и в действительности знания. А это есть не подлинное, не реальное, а вторичное как бы существование.

К сожалению, ученые и математики вполне удовлетворяются вторичным существованием, хотя именно они вместе с философами первыми ставили вопрос о реальном существовании. Кстати, оппозиция между логицистами, формалистами и интуитивистами, затем — интуиционистами, конструктивистами, откровенными конструктивистами есть то, что относится к этой проблеме *реального существования*.

А первым ее ставил Платон. Что есть существование? Какова здесь роль доказательства? Что такое конструктивно заданное существование? «Строим равносторонний треугольник с помощью циркуля и линейки»? Или доказательство реального существования чего-то — это если мы в действительности мышления доказываем, что противоположное не может быть? И дальше знаменитые дискуссии об «общем треугольнике» Локка, воспроизведенные в конце 1940-х — начале 1950-х известным логиком-математиком Эвертом Бетом и его учениками[30].

Это и есть та проблема, которой мы даем, на мой взгляд, простое и изящное решение, различая реальное существование в рефлексии и существование в действительности мышления.

Богомолов: Если что-то существует только в рефлексии и не дано нам в мышлении, то как можно это обсуждать?

Никита, мы в мышлении обсуждаем невероятно редко. Это 1%. Речь, как правило, не мыслительна.

В математике мышление вообще напрочь отсутствует. Все, что они обсуждают, они обсуждают только в рефлексии, причем в невероятно неорганизованной рефлексии и в конструктивной деятельности. Математика есть интересное образование, где рефлексия намертво связана с конструктивной деятельностью и отсутствует мышление. И в формуле Эйлера: «мы не спорим, мы вычисляем»[31] — это выражено очень четко. Математикам иногда приходится спорить, когда они попадают в область сложных проблем, скажем, оснований математики.

Малиновский: Значит, все проблемы ситуации фиксировались в рефлексии…

Да, я сейчас веду рефлексивное обсуждение. Я нарисовал — конструктивно, проектно или живописно — не знаю, задал эту схему, тем самым я положил основания. Я, таким образом, соорганизовал деятельность, мышление и рефлексию. Они стыкуются друг с другом за счет схематизма. Схематизм, положенный в ситуацию, задает организацию деятельности, мышления и рефлексии.

Величайшая заслуга Выготского в том, что он понял и описал этот момент: он зафиксировал, что знаки нужны нам прежде всего для соорганизации нашего поведения и деятельности. Выдумал ли он это сам или взял у кого-то, я не знаю. Возможно, взял у французской школы. Но мы это плохо знаем.

Вообще, мы не включены в культуру, в подлинную культуру, которая развивалась, скажем, во Франции. Подлинная французская методологическая культура сейчас для нас за семью печатями. Мы достаточно хорошо знаем немцев, поскольку они всегда

прорабатывались в России, они были близки, созвучны. Более-менее знаем англичан. Плохо знаем американцев, например Пирса и его школу.

Возможно, Выготский это где-то взял, но у нас он был единственным, кто это четко понимал, фиксировал и т. д. Этим занимается, в частности, учитель Леклера Лакан. Феноменология этим занималась, но это не включено пока в наше обсуждение. Мы имеем какое-то представление о феноменологии, но это очень тонкие вещи, и чтобы в них разбираться, надо их прорабатывать.

У нас сейчас, как правило, распространяются псевдоформы освоения культуры… Какие-то варварские по своему уровню статьи про Куна, Лакатоса, Гуссерля и гуссерлианство. Там обсуждается, материалисты они или идеалисты… Это есть варварство и т. д.

Мы же вводим *схематизм*… Это обсуждал уже Кант, но именно это место в кантовской философии меньше всего прорабатывается. Кант обсуждал это, скорее, в психологической манере. У него была проблематика творческого воображения, но не логические функции схематизма. Есть приличная книжка Бородая*, но и он этого момента не схватывает. Потом это получило развитие у феноменологов, но все же мало проработано.

Мы вводим схематизм, и я вроде бы задаю ситуацию деятельности, поскольку я буду его опускать, организовывая деятельность. Но я уже могу рефлексивно обсуждать деятельность, поскольку она в этом схематизме представлена, могу ее проектировать, организовывать и т. д. Я могу начать строить мышление на этом схематизме и осуществлять мышление. Но это будет нечто другое, нежели рефлексивное обсуждение схематизма и деятельности по этому схематизму. Это все — разные линии.

И если вы меня спрашиваете, что я делал, то говорю: я задал этот схематизм и обсуждаю все это в рефлексивном плане.

Малиновский: Эта схема в деятельности или вне деятельности?

Она уже включена в вашу деятельность, она существует через нашу коммуникацию, деятельность, мышление. А кроме того, я же ее спроектировал, у меня есть план рассказа, я должен протащить свою мысль. Значит, все это включено в определенный процесс мышления в моем проекте.

И реально все это *есть ситуация*, и ситуация будет развертываться. (Вы все время путаете реальное существование и существование в действительности, и отсюда проблемы.)

---

* См. [Бородай, 1966]. *Примеч. ред.*

Но я еще хочу поговорить про ситуацию в рефлексии. Одно дело — та ситуация, в которую этот схематизм включен, развертывается в нашей реальной работе, а другое — это то, что я еще обсуждаю проблему с ситуацией и ставлю вопрос, как нам эту ситуацию зафиксировать, схватить, описать, в каком языке. Это уже другая ситуация.

Малиновский: Это ситуация вне той деятельности?

Это ситуация как *объект нашей деятельности*. Моя рефлексия и обсуждение вопроса о ситуации вообще, о данной ситуации в частности есть лишь реальный момент нашей совместной работы в этой ситуации. Поэтому я обсуждаю вопрос о ситуации вообще и о нашей ситуации, чтобы организовать нашу реальную ситуацию. Я это делаю.

Про что же вы спрашиваете?

Малиновский: Про этот момент.

Так вы спрашиваете, к чему он относится — к мысли или к реальности? И к тому и к другому. Но отношения разные. Есть три слоя моей работы, они все разные, и их надо растаскивать.

Если бы я осуществлял мысль в деятельности — все было бы очень просто: доложил, все поняли, пошли «забивать гвозди». А я все время свою собственную и вашу работу непрерывно растягиваю в деятельность, мышление, рефлексию. То, по поводу чего мы реально действуем, и то, что я говорю, растягивается и стягивается. Вот что я делаю.

Малиновский: Вы делаете доклад о подходе, а обсуждаете почему-то ситуацию.

Это мне нужно. Дальше вы это поймете.

Малиновский: Но у вас есть ситуация или вы ее только организуете?

Я в нулевом пункте организовал ситуацию, а сейчас обсуждаю — *как* организовал. Но этот текст должен идти «готическим» шрифтом… Это другое обсуждение. Как Есенин-Вольпин переводил книги по основаниям математики (Стивена Клини)[32]: нулевой пункт — корпусом, а первый — готическим либо петитом.

Пункт второй. Но какого рода деятельность я таким образом организовал? Мне представляется, что некоторый автономный фрагмент методологической работы. Но в чем эта методологичность?

Я могу разбить ситуацию (которая здесь организована) и деятельность (которая здесь должна осуществляться) на целый ряд относительно автономных составляющих. Я мог бы, например, оставив верстак и деятельность на верстаке, вырубить все остальные блоки, и я получу деятельность, которая обычно называется деятельностью по решению задач и проблем. И там будет одна ситуация, или ситуация определенного типа.

Если я свои формы, организующие деятельность, сведу к одному верстаку, то у меня будет один тип деятельности…

Подчеркну еще, что различение двух подпространств верстака есть тоже наше уникальное открытие. В первых статьях — «Языковое мышление…», «О возможных путях исследования мышления как деятельности»* и далее — фиксация двух форм мышления — как знания и как мыслительного процесса — и фиксировала разделение верстака.

Затем я могу сделать следующий шаг и положить там *средства*. Первое, с чего вы должны начинать, — это выкладывать средства, которыми вы пользуетесь. (Это то, что понял Кун на 8 или 9 лет позднее: решающая роль парадигм[33].) Задавая такое требование, мы ситуационно организуем нашу деятельность, мышление и рефлексию.

Обсуждение блока «представление о продукте» — это традиционная проблематика целеопределения, или целеполагания деятельности. Это то, что сейчас пытаются сделать и закрепить Акофф, Эмери** и другие, вводя тем самым более развитую форму организации мышления и деятельности. Они это делают в рефлексии, а в самой деятельности это происходило раньше. Кстати, *системный анализ*, *исследование операций* есть фактически фиксация этого. Отсюда — исчисления целей, деревья целей и т. д.

Но эта часть остается до сих пор недостаточно развитой в содержательном плане. Трудность состоит в том, что не удается развести *цели* и *представления о продукте* и т. д. Это гигантская область вопросов, которую нам придется обсуждать, ибо они имеют прямое отношение как к решению задач, так и к понятию *подхода*, *способа*.

Пункт третий. Затем следует зафиксировать *онтологические основания*. За этим стоит гигантская проблематика (вопрос о роли и функции онтологических представлений в работе). В советской традиции мы были первыми, кто стал это делать. Мои ссылки в работе 1964 года «Проблемы методологии системного исследования»***, показ места онтологических картин были первыми в советской литературе. До этого были мои доклады по онтологии на Комиссии по логике[34]. Есть 200 страниц текста (конец не отпечатан, хранится в пленках).

В этом плане нужно отнестись к кантовско-гегелевской традиции. Начать с кантовской критики метафизики… Мы это пробовали обсуждать четыре года назад, но дальше мы не двинулись, поскольку

---

* См. [Щедровицкий, 1957; Щедровицкий, Алексеев, 1957]. *Примеч. ред.*

** См. [Акофф, Эмери, 1974]. *Примеч. ред.*

*** См. [Щедровицкий, 1964б], а также с. 303 наст. изд. *Примеч. ред.*

нужно обсуждать смысл кантовско-гегелевского гносеологизма, отрицание онтологии и т. д. У нас сегодня готовится сборник «Может ли существовать марксистская онтология?»[35].

Богомолов: А может ли подобным основанием стать ценность или традиция?

Да, но это нужно отдельно обсуждать. Здесь встанет вопрос о человечке, ибо культуру в эту схему нельзя вводить.

Я планирую такое обсуждение на 1981 год, в частности, работ Макса Вебера и Чикагской, Гарвардской школ[36]. Мы планируем перевести книгу под редакцией Парсонса и Шилза «К общей теории действия» 1951 года[37], собрать работы Парсонса по теории социального действия. Может быть, через год мы сможем устроить специальное совещание на тему «Общая теория действия». Мы сможем там обсудить вопрос о роли схем «человек–человек», «субъект–субъект», организации и, может быть, ассимилировать некоторые моменты из веберовско-парсоновского представления о деятельности.

Нам в этом плане нужно детальней познакомиться с публикациями в журналах по бихевиоральным наукам. Поэтому я сейчас не затрагиваю всего этого, Никита, поскольку не знаю, как это делать. И мне это не очень нужно. Я без этого могу лучше решать мои проблемы.

Я вам отвечаю, как Лаплас Наполеону… Наполеон спросил Лапласа, где в его картине мира находится Бог, на что Лаплас ответил: «Император, я в этой гипотезе не нуждаюсь»[38]. И я вам отвечаю: «Я в ориентациях и ценностях здесь не нуждаюсь».

Очень интересен и сложен вопрос об отношении к *содержательно-смысловому материалу*. Это вопрос включает и *критику*, в частности критику как момент методологической работы.

И последний момент, тоже существенный, — это блок *нормативных представлений*. Что я начал рассказывать? Что я каждый раз, кладя на доску и используя в качестве средства организации ситуации деятельности один блок, один набор, или комбинацию блоков, или другую комбинацию, третью, четвертую, я каждый раз организую деятельность определенного рода.

При этом мне чрезвычайно важны эти различения, которые были введены мимоходом. Если я кладу один верстак, то вроде бы получается процесс решения задач и проблем, если я кладу дополнительные блоки, то вроде бы, с одной стороны, процесс решения проблем и задач остается каждый раз, но при этом меняется сам характер деятельности, в которой эти задачи ставятся, решаются, существуют. При этом появляются разнотипные планы самой деятельности: деятельность явно определяется своими конструктивными

и неконструктивными средствами, в ней участвуют онтологические основания, учитывается как-то определенная область содержательно-смыслового материала и, кроме того, есть еще обратный процесс нормировки.

Я утверждаю, что это и есть специфическая *организация*, которая не может быть сведена к [научной деятельности,] трактована как научная деятельность. И это есть, с моей точки зрения, относительно автономный, замкнутый фрагмент методологической работы.

Но этот самый фрагмент методологической работы представлен не верно, не системно, а через организацию ситуации и деятельности, соответственно, мышления и рефлексии. Это не системодеятельностное представление о методологической работе (что должно быть сделано где-то в другом месте), это именно схема, организующая ситуацию, пространство методологической работы и саму деятельность в методологической работе.

И напоследок… В этом плане интересны наши работы по основаниям математики, работы совместно с Ладенко, в частности, обсуждение вопроса о том, в чем разница между метаматематической и методологической ситуациями и формами организации соответствующей работы.

Вы понимаете, что эти ситуации задают характер проблем и задач. Что мне важно: решение проблем и задач все равно остается, но от того, как организована ситуация, на какой организации деятельности все это ставится, сколько блоков здесь записано и как они соотнесены, как они дальше организуются в синтагматическом процессе — от всего этого зависит характер самой проблемы, которая здесь ставится.

Наумов: Если на верстак попадает несоразмерная схеме проблема, то должна измениться вся схема?

Если я задал всю схему, то проблемы, которые попадают сюда, либо могут соответствовать этой схеме и этой организации, либо могут не соответствовать ей. Что это значит? Если у меня записан этот набор блоков, то, значит, у меня должны быть такие проблемы, которые бы учитывали взаимосвязь всех этих моментов…

Проблемы должны соответствовать структуре этой схемы, ее организации. Если проблема окажется такой, что будет шире этой системы, то мы провозимся лет 100–200 и наконец сообразим, что проблема шире, и слава богу. А если проблема у́же, то мы ее решим; и при этом у нас будет удовлетворение, и мы будем считать, что мы решили эту методологическую проблему, и, следовательно, мир будет заполнен монстрами, мистификациями. И мы будем заполнять методологию несвойственными ей образованиями, что сейчас и происходит.

Беда сейчас не в том, что мы 25 лет не решаем проблем, а в том, что мы думаем, что мы решаем проблемы, хотя на самом деле мы их не решаем.

Есть история развития человечества, и сейчас не нужно решать чужие проблемы. Мир заполнен «покойниками», с которыми мне, поскольку я веду активную социальную жизнь, приходится иметь дело. Куда ни придешь, всюду «покойники» из разных веков: до Р. Х., из Средних веков и т. д., но в основном на уровне варварства первобытной эпохи. И при этом все уверены [в себе]… Те, которые погрубее, говорят: «Ну, Отечественную войну же выиграли!» Другие говорят: «Мы же работаем, у нас и школа есть, и институты, и Академия педнаук». Но все происходит на уровне псевдорешений, псевдодеятельности, где все редуцировано.

Итак, проблемы и задачи, которые должны здесь ставиться и решаться, должны соответствовать структуре этой организации.

Человеческая культура организована в определенном смысле как животный и растительный мир. Там есть экологическая организация с соответствующими нишами, там имеются линии перспективной эволюции, неперспективной. Мы часто не можем знать, что перспективно, что нет, но мы знаем, что такое есть, поскольку все это имело место и происходит сейчас. Человечество распределяет между собой работу.

Поэтому сегодня, например, обсуждать вопрос о том, как сделать механизм, производящий железные трубы для канализации, бессмысленно, поскольку сегодня нельзя делать трубы для канализации из железа. Их надо делать из пластика. Это не есть проблема, а нонсенс.

Вопрос для негра из Зимбабве: кем быть — европейцем или зимбабвийцем — вопрос *ценности*, но с точки зрения негра из Зимбабве. А с внешней позиции, с точки зрения культуры, цивилизации, такой проблемы нет: Зимбабве не конкурентоспособна с Соединенными Штатами, поэтому либо негры Зимбабве должны будут уничтожить США (есть и такая модель — иранцы сегодня делают это), либо должны будут сами стать такими. Тут нет альтернативы — оставаться им или не оставаться, — поскольку они втянуты в прямое взаимодействие.

Любая сторона может окуклиться и жить на своем уровне примитивизма. Но только до тех пор, пока туда не приехали европейцы. Когда они приехали, ситуация стала иной.

В истории науки то же самое. Перипатетики существовали очень долго, пока не появились галилеанцы[39] и математики XVII века: вопроса уже не было «кем быть?», они стали неконкурентоспособны.

В XIX веке можно было решать проблему, которую поставил Д. Гильберт: как решать парадоксы в математике и как предохранить ее от парадоксов вообще. Но все усилия для ее решения бессмысленны: этого никогда нельзя сделать. Но в XIX веке работа Гильберта давала материал, чтобы понять, что она бессмысленна, но, когда это стало понятно — и в интуитивизме и конструктивизме были сформулированы другие принципы, — продолжать работу в формалистической традиции не имеет смысла.

Если мы разрабатываем средства для решения обобщенных задач, то бессмысленно искать средства для решения частных задач. Можно обсуждать, какова техника решения задач независимо от средств, без учета онтологических оснований, целей и материала, но решение этой задачи сегодня не имеет никакого смысла и никого не может удовлетворить. Сегодня только те проблемы и задачи имеют смысл, где учитывается весь этот набор факторов. Сегодня нужно решать проблемы и задачи, которые поставлены относительно онтологических оснований, и относительно определенного материала, и относительно целевых установок, и тех или иных форм организации, способов и подходов.

Вот Декарт ставил проблему универсального метода решения задач. Это идея разработки таких средств, где сняты цели, сняты онтологические основания и снят материал. И как таковая эта задача оправданна и дала важный результат.

Но это вместе с тем погоня за «солнечными зайчиками». Поскольку никакого универсального метода нет и быть не может. Тогда это было неплохо, но в принципе это неправильная постановка вопроса. Декарт это красиво обосновывал, он сказал: «Нас должны интересовать проблемы мудрости, а мудрость это все равно что солнечный свет. Солнцу безразлично, что освещать, ибо все заключено в Солнце. Поэтому мы должны найти в себе эту мудрость — Солнце»[40]. Это хорошо для XVII века, но не сейчас.

Итак, проблемы и задачи должны соответствовать этой схеме, следовательно, они должны быть методологическими. Из методологических проблем и задач мы можем, редуцируя, выводить все другое, но не обратно.

Фрид: И все это есть системный подход?

Нет, это схема к «подходу вообще».

Третий пункт. А с чем мы тут имеем дело — с одной ситуацией или со многими, и что тут определяет наш ответ?

Я теперь могу сказать, что ситуация методологической работы может рассматриваться как сложная, объединяющая в себе много частных, более простых ситуаций. Одна или много — зависит от

того, как организована наша деятельность, в частности от ответа на вопрос: будет ли эта деятельность расщепляться на составляющие подсистемы и как? Одно дело, как в историческом развитии методологическая организация деятельности и ситуаций образуется, как она в себе собирает другие ситуации; и совсем иной вопрос — на какие составляющие системы мы будем членить эту ситуацию и эту организацию деятельности? Определяется это формами организации, которые складываются.

Меня, в частности, занимает здесь один момент: должны ли мы выделять *нормативную работу* (или работу по выделению средств и методов и перебросу их в «арсенал» или в «кладовую») из всей остальной и рассматривать ее как совершенно особую ситуацию?

Богомолов: Это чисто организационный вопрос?

Никита, можно сказать, что ничего другого нет: все вопросы и проблемы чисто организационные. Можно ли эту работу отделить от процессов решения задач?

Богомолов: Как отделять? Все нужно рассматривать вместе.

Попробуйте, Никита, приложить эту схему к своей работе. Вот у вас есть цели и средства. И вы можете делать все что угодно, и все, что вы ни сделаете, будет правильно? Ерунда это все. Потому что все, что вы можете делать, как вы думаете, что можете делать, должно быть сообразовано 1) с онтологическими основаниями, 2) с содержательно-смысловым материалом, с которым вы имеете дело в ситуации, 3) с наличными средствами и формами их организации, 4) с условиями социальной кооперации и нормативной работы, и вообще все это должно соответствовать ситуации, в которой вы живете. Я говорю: это есть *форма организации методологической работы*.

Это иллюзия: «что хотим, то и делаем». Верно, что мы делаем то, что мы хотим, но хотеть-то мы должны то, что требуется в ситуации и что *нужно* хотеть. А если вы хотите «чего-то про это», то вы прожектер, болтун, социально опасный человек и т. д. Например, греки считали, что в атоме частей нет, и на этом построили особую математику. А теперь вы знаете, что у нас типы математического анализа меняются в зависимости от того, как мы рассматриваем отрезок — включаем туда конечные точки или не включаем, используем представление о континууме и т. д., — у нас возникают математические представления с разрывами и без разрывов.

Но как это делать и как раскладывать на органические составляющие? Я это сейчас ставлю на уровне метаметодологической работы в том смысле, что не обращаюсь пока к носителям. Задавая эту структуру, я имею в виду те планы, которые я обсуждал: ситуации,

пространства, системы деятельности. Я задаю фактически три вопроса: каковы принципы и критерии 1) разделения ситуаций на части; 2) членения пространства на части; 3) систем деятельности на части?

Это основной и кардинальный вопрос по отношению к каждому объекту. То, что я спрашиваю, — это обобщенный вопрос о характере этих процедур, об их объективности, грубо говоря.

Мы ведь ситуацию задаем как некоторую целостность, как пространство и как систему методологической деятельности. А дальше Вы, Никита, спрашиваете: а эти целостности как членятся? Все имеет части, говорите вы. Я говорю: нет, дело в том, что части имеют очень немногие образования.

Богомолов: Как членится магнитофон на части? По министерствам.

Никита, это все бессмысленно, опять же, по своей идеологии: «что хочу, то и делаю». Мы обсуждаем другую идеологию.

Пункт четвертый. Мы выяснили, что ситуации, пространства и системы деятельности живут в некоторых процессах, а процесс характеризуется определенным временем. И оказывается, что то, что мы называем *ситуацией методологической работы*, есть принципиально гетерогенное, гетерохронное и гетерархированное образование, и разные его части живут в разных процессах и в разном времени.

Намек на это я давал, когда, обсуждая первый пункт, говорил: обратите внимание, деятельность живет в своем процессуальном времени. Задавая представление о ситуации, мы потом переводим эти процессы в некоторое статическое, структурное образование. Но потом мы этому структурному образованию приписываем другие процессы, другое время, и, в принципе, процессы деятельности — это одно, процессы ситуации — это другое, они не совпадают друг с другом, больше того, они могут развертываться в разном пространстве-времени, принадлежать разным пространствам-временам. Мы запутались в этих проблемах на прошлых четвергах, обсуждая историю кружка, когда мы задавали пространство проблем, пространство ситуаций и пространство времени.

Кант здесь прав: есть общие формы рассмотрения нашего объекта. А поскольку наши объекты оказываются двойными, тройными, четверными за счет того, что мы до сих пор не имеем этой логики, мы как бы снимаем проекцию с нашего объекта, обладающего реальным существованием, переводим все это в действительность мышления. Потом из действительности мышления переходим опять в реальное пространство, объективируем эти

представления как идеальный объект. А что значит «идеальный»? Это значит, что то, что существует как идея в действительности мышления, попадая в план реального существования, получает другое пространство-время. Реальный объект — это объективация какого-то фрагмента действительности нашего мышления, идеального, идеи.

Но поскольку мы эти процедуры совершаем рекурсивно два, три, четыре, пять раз, и то, что мы рассматриваем сегодня, есть всегда результат нескольких последовательно осуществленных нами процедур, и мы должны эти процедуры друг с другом стыковать, а как стыковать, мы сегодня не знаем. Причем это не просто одна и та же процедура, по конкретике своей повторенная несколько раз, а это лишь однопорядковые по своему типу процедуры, но разные по конкретному содержанию и смыслу. То, с чем мы сегодня имеем дело, — это длинные связки разных процедур. В арифметике это просто: сложение и вычитание, умножение и деление, возведение в степень и извлечение корня — они все должны быть завязаны на поле арифметических объектов или чисел. И отсюда проблемы рациональности и иррациональности, комплексности числа и т. д., тоже достаточно сложных проблем.

А здесь мы имеем дело не с простыми точечными объектами, а с неимоверно сложным внутренним строением. Мы имеем структурное образование системной деятельности: пространство, его структуры, ситуации как сложные образования. Мы производим очень сложные превращения, преобразования, и при этом мы должны еще делить ситуации на части, формы организации — на части, стоящие за ними процессы — на части, выделять из них как бы автономные, замкнутые системы.

Все это — *проблема организации*. Нет других проблем, кроме проблем правильной организации, дающей нам возможность после того, как мы разобрали, собирать. Проблема человеческого существования есть тоже проблема организации. И то, над чем думают медицина и биология, — это «как разобрать человека и потом собрать?» или просто собрать его из неживых элементов. Проблемы педагогики — тоже проблемы сборки и разборки. Развитие — те же самые проблемы.

Но здесь они проще, чем для человека в обоих названных планах, но сложнее чем для арифметики, а именно: на какие же части мы должны членить ситуацию, системы деятельности и пространство, раз они заданы здесь одной организацией? Потом это как-то собирается, сочленяясь друг с другом. И еще очень важно: мы придаем ситуации естественное существование, она в истории, исторической

эволюции развивается, а это есть наши конкретные проблемы. Даже при описании нашей собственной жизни.

Без решения этих проблем ни на один из конкретных вопросов о нашей истории, истории психологии, математики нельзя в принципе ответить. Мы должны уметь посмотреть, как эта ситуация эволюционирует. Совместите все это теперь вместе. Соберите в одно целое ситуацию, пространство, системы деятельности, припишите каждому из этих образований свой особый вектор исторической эволюции, не совпадающий, но взаимодействующий с другими, выделите внутри каждого из этих образований части как автономные объекты, припишите каждой части свой вектор, не совпадающий с другими векторами; теперь толкните все это, чтобы оно двигалось, растягивая разные вещи, и поставьте организационную задачу: чтобы все это растягивающееся оставалось целостным, организованным и позволяло осмысливать все это, рефлектировать и даже действовать… И вы получите представление о проблемах деления на части.

Что можно делить? На какие части? Как это делать? Вот что я спрашиваю.

Вот мы выделили *решение задачи* как свою автономную часть. Она живет в своем времени — во времени логического, психологического, математического обсуждения этой проблематики. И когда вы почитаете работы Пойя, Дункера (классиков этой проблематики), то вы увидите, как там все эти проблемы встают и даже почти осознаются этими авторами — проблемы членения и жизни каждой из частей. И за каждым членением стоит своя культурная традиция, свои институты, которые и образуют социальное целое.

Наумов: При каком описании мы ставим вопрос о членении на части: процессуальном, структурном, морфологическом? Или все это в «снятом» виде — членение ситуации…

Пока в «снятом» виде. Там можно задать целый ряд практических задач, но в принципе надо отвечать на этот вопрос.

Пункт пятый. Здесь, в частности, зафиксирован ответ на ваш вопрос. Дело в том, что пока что я рассматривал эту организацию абстрактно, как соответствующую некоторой ситуации, некоторым пространственным организациям, некоторым системам деятельности.

А теперь я спрашиваю: как такая ситуационная деятельность, методологическая в данном случае, реализуется на одном носителе, на группе? И мы должны расчленять все это. И я вижу здесь несколько фокусов. Вы дальше увидите (если пока это не улавливается и не должно улавливаться), что это имеет самое непосредственное

отношение к *проблеме подхода*. Я сейчас обсуждаю ту проблематику, которая должна быть «снята» в понятии подход и которая «снимается» подходом.

Ответ на вопрос «какова структура подхода?» у меня в шестом, переломном пункте. А сейчас подготовка к нему.

Могу ли я провести организационно-деятельностную границу на работе такого рода? Верстак я охватываю двумя составляющими: работой по выделению средств, метода, норм и переброской в «арсенал» или «кладовую». Могу ли я выделить эту работу как отдельную, самостоятельную, специально организованную, а все остальное — деятельность на верстаке (решение задач) — соответственно представлениям о продукте рассматривать как другую часть? Можем ли мы выделить две подсистемы: 1) методологической работы, 2) решения проблем и задач? Это имеет прямое отношение к организации Игры-2[41] по четвергам и вторникам. Я спрашиваю: насколько возможны вторники как самостоятельная деятельность, отличная от того, что происходит на четвергах?

Наумов: Обсуждая организацию деятельности, мы можем быть направлены либо на саму деятельность, либо на ее продукты.

В первом случае мы можем решать вопросы воспроизводства, функционирования и развития самой этой машины, а во втором нам не важно, как она сработает и будет ли жить вообще, нам важно получить продукт — «продукт» в смысле решить задачу в данном случае. Другой вариант будет, когда мы будем шлифовать метод решения задач за счет закольцовки в системе, которую вы справа выделили. И тогда не важно, какая задача попадет в машину в качестве исходной… Она начнет вращаться…

Непонятно: это несущественно или принципиально важно? Сразу вырисовывается невероятно важная проблема: если мы разделяем на эти две машины, то как они друг с другом завязаны, как их функционирование зависит друг от друга?

Наумов: Без решения этого мы не сможем собрать все это в единую машину. Разобрать сможем, а собрать — нет.

Я хочу обратить внимание на доклад Москаевой в пятницу. Там будет обсуждаться этот вопрос. Мы уже показали, что все движение идет за счет обратных задач. Поэтому я нацеливаю вас на обсуждение этого в дискуссии на разном материале.

Теперь я говорю: посмотрите, какой поворот приобретает вопрос о том, можно ли членить деятельность, ситуации, пространства, машины и как. Выясняется, что мы можем здесь задать два фокуса: 1) решения задач, 2) выделения нормативных средств, обогащения парадигматики. Но значит ли это, что машины независимы друг от

друга, или, наоборот, когда мы выделяем две подсистемы, то это фактически два функциональных узла одной машины?

Мы методологическую работу всегда задавали как работу на принципиальной связи решения задач с нормировкой (вспомните доклады Н. Г. Алексеева на субботах). Если нет этой нормировки, то есть выделения методов, средств, норм работы, и начинается решение задач как таковое, то это не методология. Но если начинают обсуждаться проблемы нормировки без определения нижней части (решения задач), то тоже нет методологии: будет философская, эпистемологическая теория, теория метода, но не методология. И мы дальше вернемся к этому в седьмом и восьмом пункте.

Вопрос первый: как же связаны эти части и как они могут расслаиваться? И другой вопрос: а могу ли я решение задач упрощать, сводить, редуцируя таким образом, то есть «отламывая» материалы, онтологические основания, целевую установку? Что каждый раз будет? Может ли эта машина ломаться, собираться из своих частей, упрощаться или нет?

Фактически я к этому вопросу добавил еще один, а именно: на какого рода людях это должно быть реализовано? Вот Никита [Богомолов] бросил очень важную фразу: «если они соответственным образом окультурены», то есть имеют методологическую рефлексию и способны методологически мыслить, хотя осуществляют частную деятельность. Это вопрос о нашей организации вторников и четвергов, связи между ними и вопрос о требованиях к людям и работе, которую они будут проводить.

Можно на вторниках рефлектировать все это, но имея ясное представление о четвергах и о том, что там происходило. Но здесь меня все это интересует в плане основного и решающего для меня пункта.

Пункт шестой. Итак, мы уже видим и знаем, что на этой организации есть два фокуса работы. И я бы даже мог провести два вектора отсюда: 1) решение задачи, создание конструкции, построение деятельности, создающей эту конструкцию; 2) выделение средств и норм для переброски их в «арсенал».

Различение этих двух векторов является, на мой взгляд, важнейшим достижением Московской методологической школы. Эта проблема возникла в 1958–1959 году, проявлялась во всех планах нашей работы. Это есть различение исследования процессов решения задач и способов решения. Это была первая историческая форма фиксации этих двух фокусов.

Я утверждаю, что практически все, кто будет выступать на совещании, не понимают этого различения. Больше того,

подавляющее большинство самих членов ММК этого не понимают, к сожалению.

Мне важно подчеркнуть, что способы в начальном пункте не могут выделяться и конструироваться иначе, как в анализе процессов решения задач. И, следовательно, в начальных пунктах нет членения на эти две машины, а есть две цели, две задачи на одном материале, есть первоначально две расходящиеся ориентации. Мы первыми ввели и обсуждали понятие о способе решения, и при этом оно было совершенно неясно и мне, когда я приступал к этим работам в 1957–1959 гг.

На этот вопрос не могли ответить ни Зельц, ни Дункер, ни Менчинская, поскольку у них не было представления о деятельности, и о пространстве деятельности, и о системах деятельности, объединяющих множество гетерархированных образований. Они не могли ответить на этот вопрос (они в рефлексии вроде бы угадывали и чувствовали разницу между решением, процессом решения и способом решения).

И, больше того, я утверждаю, что и мы не разобрались до сих пор в должной мере в этом вопросе. Это рассматривалось нами в 1959–1960 годах. Эта проблема и явилась исходной для постановки вопроса о *способе* и формах его существования. И, собственно, эта проблема и явилась исходной для формирования деятельностных представлений. Переход от *теоретико-мыслительного* плана к *теоретико-деятельностному* был определен этим вопросом.

Чтобы ответить за него, пришлось создавать принципиально новое представление о деятельности и о пространствах деятельности (это в нашей работе). Я мог бы поставить вопрос, который поставил Розин, но не ответил на него, поскольку он эту работу не проделал: в какой мере это представление было предвосхищено Шеллингом и в какой мере Шеллинг и ученики Шеллинга, работавшие в педагогике (а их Розин и анализировал), в какой мере в трансцендентальном идеализме было представление о деятельности в нашем смысле, то есть как о пространстве, собирающем гетерогенные, гетерохронные и гетерархированные образования?

Следовательно, в этой полной структуре мы имеем два направления анализа. Но первая часть не предполагает такой развернутости, она может рассматриваться без представления о нормировке. Первый фокус — решение задач.

И для Зельца, и для Дункера главным был вопрос: каким образом в процессе решения существуют реальные структуры и как они могут быть совмещены? Они ставили вопрос, как сейчас Тюков при обсуждении борьбы: для них структурное и процессуальное были

предметом исследования. Но они смотрели на решение задач и видели там иногда процесс, а иногда статические структуры и спрашивали: если категория структуры противостоит категории процесса, как справиться с этими двумя планами рассмотрения, как совместить эти разные категориальные представления на одном процессе решения задачи? Что есть решение задачи, спрашивали они, если мы видим его то структурно, то процессуально?

Ответить на этот вопрос в онтологической модальности и даже правильно его поставить они не могли, поскольку не было самой идеи деятельности как субстанции, объединяющей организованности, процессы, функциональные структуры и т. д.

Щедровицкий П. Г.: Они ведь все это обсуждали в субъективном плане. У них ведь была психология решения задач, а не логика решения задач.

Ты неправильно говоришь. Они были психологами, а следовательно, людьми малограмотными, не придающими подлинного значения проблеме существования. Следовательно, они не могли различать то, что относится к миру представлений, и то, что принадлежит к миру сущего. Они были людьми, которые постоянно путают сущее с представлениями, для которых ничего не стоило превратить свои представления в объективно существующее, а объективно существующее снова загнать в представления, и даже — не различающими не токмо что «вещи–психики», но и «материального–идеального» и т. д. и вообще абсолютно нейтральными ко всей этой, с их точки зрения, философской проблематике.

Кстати, отрицательную роль сыграли здесь Гегель и гегельянцы. И благодаря им советские исследователи оказались безоружными перед объектом. А объект требует очень тонкой, не гносеологической, но методологической члененности. Это то, что для всего мира делали неокантианцы Виндельбанд, Риккерт, Коген, причем последний больше, чем первые. А советская наука, которая развивалась в традиции гегельянства, осталась в этом смысле неокультуренной. И это объективная слабость многих советских дисциплин, психологии — в первую очередь, Василия Васильевича Давыдова — особо.

Представьте, что мы ввели такую постановку вопроса, видим эти два фокуса, но где и как можно исследовать способы и подходы, относящиеся, по нашему предположению, к этому витку — нормировке и полаганию способов и методов? Что здесь является материалом исследовательской работы? Я говорю «исследовательской», потому что проектное и конструктивное здесь выступают совершенно иначе. И как только вы зададите этот вопрос, вы увидите дефицитность

моей схемы. Если мы уже предположили, что наша машина деятельности, заданная этой схемой, разделяется на две подсистемы, на две подмашины — машину решения задач и машину выделения средств, в частности способов и подходов, то, следовательно, я должен эту схему перестроить, фиксируя в ней наличие не одного, а по крайней мере двух верстаков.

Если мы не положим здесь двух верстаков — одного для решения задач, а другого для работы нормировки, — то мы, бедняги, попадем в положение Зельца, Дункера и всех других, то есть вынуждены будем ставить вопросы неправильно и путаться в противоречиях (каким образом строятся способы и подходы?).

Что происходит на этом верстаке? Здесь решается задача.

Эта схема может нами трактоваться как средство, которым мы работаем, и, следовательно, — на такой же схеме, но стоящей там, на стенке (не на схеме, изображающей средства нашей работы, а как организующей нашу работу). Если это все вести на схеме ортогонального пространства, то эта схема должна фигурировать дважды для нас: один раз мы ее используем как схему организации нашей деятельности, а другой раз — как предметную для нашей рефлексии и нашего мышления. И поскольку есть две функции, то надо эту схему нарисовать дважды: один раз — на той стене, как то, что организует нашу деятельность, и другой раз — как то, что здесь, на доске фиксирует некоторый предмет рассмотрения. Эта схема, одна в своей графике, будет много раз сама через себя пропускаться; она будет пропускаться в свернутом виде через отдельные блоки самой себя, но в другой функции и роли. И эту мысль нужно развивать.

Чтобы начать это выворачивание, нужно уйти из пространства рефлексии в пространство мышления и деятельности, и тогда начнется эта проблема выворачивания, над которой нужно работать. Я расщепляю планы, вешаю двойник схемы на стену и говорю: это есть схема организации нашей работы, а то, что на доске, — это то, что мы обсуждаем. А что мы обсуждаем? Методологическую деятельность. Это совершенно разные аспекты.

Когда я беру эту схему в качестве изображающей методологическую работу, [то она как бы составлена из частей]: из деятельности по решению некоторых разных задач и из деятельности по нормировке того, что получено, найдено в этом опыте решения определенных задач в деятельностной части верстака, но и частично в его конструктивной части (рост и жизнь конструкции). Когда я беру эту схему в этой второй функции, то есть как обозначающей предмет, то я обнаруживаю дефициентность этой схемы в этой функции

как предметной относительно того, что мы с вами начали обсуждать. Мы уже обсуждаем сложность методологической работы, которая, по нашим предположениям, раскладывается на две работы: 1) по решению задач и 2) собственно методологическую в узком смысле (по вычленению средств и методов, в частности по строительству способов и подходов).

В чем состоит дефицитность, обнаруженная нами? Дело в том, что у нас есть уже две искусственных, или конструктивно-технических, работы, а именно: работа по решению задач, которая идет на одном верстаке, и работа по нормированию способа и подхода, которая предполагает другой верстак и тоже происходит на верстаке. А в нашей схеме этого нет, и есть всего один верстак, и мы оказываемся в том положении, в котором были Зельц, Дункер, сотрудники Менчинской.

Теперь связь от верстака к «арсеналу», «кладовой» должна быть развернута в такую же полную или аналогичную деятельность. И эти две схемы должны быть состыкованы друг с другом по определенным правилам, чтобы они имели уже два верстака. Но обратите внимание! Вообще-то наше с вами сознание в модальности рефлексивной работы это, как правило, и делает, но именно в плане рефлексии, а не в плане мышления: это осознавалось, но не имело адекватного схематизма.

В моей работе, вышедшей в 1965 году, а сделанной в 1960 году, «Исследование мышления детей на материале решений арифметических задач»* различие процесса решения и способа решения было четко проведено. [Оно было проведено] в рефлексии, а в мышлении я не мог этого зафиксировать, поскольку у меня не было соответствующего деятельностного схематизма. И работа по построению такого схематизма, начатая в 1960 году, только-только подходит к концу.

*Богомолов: Деятельностного в смысле схемы воспроизводства**?*

Сначала в схеме воспроизводства, затем в этой, в последние полтора-два года — в схеме функционарной сферы.

На эту работу понадобилось 20 лет. А все вроде бы так просто и очевидно: нужно иметь такую схему и удвоить ее. Как удвоить, я не знаю — надо еще это проделать. Как это будет: одно пространство или два? один верстак или два? и т. д. — это все нужно обсуждать. Мне важно, что пока не было такого удвоения, то на вопрос «где же

---

* См. [Щедровицкий, 1965а]. *Примеч. ред.*

** См. [Щедровицкий, 1967, с. 38–42 (Воспроизводство и трансляция «культуры»); 1999а, с. 118–127; Лефевр, Щедровицкий, Юдин, 1967]). *Примеч. ред.*

существует способ и подход?» нам было сложно отвечать… Вроде бы способ и подход существовали в деятельности по решению.

В строении «арсенала» отражено различие между деятельностью по решению и конструкцией решения. Средства и методы из «арсенала» определяют деятельность — вот эта стрелка, — а конструктивные элементы из «кладовой» включаются в конструкцию. Кроме того, я задаю нормативный ход и говорю: то, что мы называем способом или подходом, выявляется в процессе анализа (исследования) процесса решения задач.

Все, что я рисовал до сих пор, будет лежать вот здесь внизу, в системе-1. Работа по созданию способа и подхода с соответствующим верстаком будет лежать в системе-2, а в системе-3 будет лежать еще работа по организации.

Пока что способы и подходы выявляются на базе анализа процессов решения задач. Что-то оттуда нужно извлечь. Это значит, что по отношению к схеме, изображающей работу по нормированию способа и подхода, верстак-1 будет лежать в блоке содержательно-смыслового материала. Кроме того, там должны быть изменены онтологические основания, чтобы они соответствовали тому и другому, либо будет еще один блок онтологических оснований. Там будет особое представление о продукте работы по конструированию способа или подхода. Там не будет блока нормативных представлений пока что.

Нам нужно теперь из двух схем сложить одну сложную схему. Как при этом будут собираться функциональные и конструктивные элементы, я пока не знаю. Поэтому я остерегался отвечать на вопросы: сколько будет функциональных элементов? что туда будет вкладываться? Это будет сложное сочетание структурно-функциональных и морфологических методов анализа, то, чем мы не владеем сегодня. Это особая работа — собрать одну схему из двух. Я пытался это решать в «Атрибутивных знаниях»*.

Здесь происходит перефункционализации элементов. Должны быть учтены отношения между структурно-функциональными и морфологическими определениями, взаимовлияние функциональных и морфологических характеристик. То есть это должна быть добротная работа со всеми деталями. Пока этого не будет, мы будем здесь болтаться на уровне рефлексии.

Поэтому вы меня здесь ловите на внешних противоречиях: да, я ввел второй блок… Кстати, этот верстак для деятельности решения задач таковым и останется, но по отношению к следующей системе

---

* См. [Щедровицкий, 1958–1960]. *Примеч. ред.*

деятельности — конструированию способа — он, оставаясь собой, одновременно попадет в блок содержательно-смыслового материала для второй системы.

Я здесь должен (то, что Лефевр обсуждает в работе «Системы, нарисованные на системах»*) зафиксировать еще раз проблему, которую мы обсуждали в 1960–1963 годах.

Вот я нарисовал одну систему. Что значит включить сюда вторую? Я должен на этой системе нарисовать вторую систему. При этом я должен так ее нарисовать, чтобы у меня совпали функциональные и морфологические моменты. Проблема рисования систем на системах (это будет главным в Горьком) есть проблема совмещения структурно-функциональных и морфологических характеристик, их связывания, или зашнуровки.

Гнедовский: Можно ведь предположить, что верстак для решения задач как верстак можно оставить в проекции, а то, что вы погружаете в материал — в левый блок, — фактически есть верстак и работа по решению задач в ретроспекции, то есть опыт такой работы.

Красиво. Но что вы при этом делаете, Миша? Вы ввели время, отношения, невероятно сложные посылки и другие положения для того, чтобы решить эту задачку, и сами эти посылки должны быть проблематизированы и поняты как техника определенного рода.

Тут надо конструировать, рисовать на листе бумаги разными цветами. Надо все это осмыслить через блок рефлексии, нормировки и как средство зафиксировать. Все это сложно, я не хочу этого касаться.

Мне важна более простая вещь. Как же будет организована эта большая система с двумя верстаками? Я должен сделать конструктивный шаг, получить результат. Когда мы это развернем, мы ответим на вопрос о способе и подходе. У нас будет верстак-1 и верстак-2. И мне важно, что способ и подход будут существовать в первом цикле, и во втором цикле, и в их связке. Подход и способ будут проходить у меня два круга этой жизни, которые зацеплены друг за друга. Причем они относительно автономны. Если у меня появятся три, четыре — бог с ними, я буду эту процедуру делать.

Мне сейчас важно зафиксировать этот момент — два цикла и их сцепление друг с другом. Практически в деятельности не бывает того, что складываются трехцикловые схемы за счет того, что какая-то захватывает через себя других.

---

* См. [Лефевр, 1971; 1973 (Гл. IX. Системы, нарисованные на системах)]. *Примеч. ред.*

Богомолов: А кооперация?

Дело в том, что кооперации как таковой не существует, есть организация. Здесь нам нужна социотехническая схема для того, чтобы третья могла соорганизовать две другие, — вот такое бывает. Но так, чтобы бежал танцор и хватал двух девочек под руки, в деятельности редко бывает. У меня такое впечатление, что я не смог донести самого главного сейчас в этом кульминационном шестом пункте.

Смысл дела вот в чем… Каждый из циклов, которые мы сейчас обсуждаем, задает свои требования к организации способов и подходов. Способы и подходы осуществляются, реализуются в решении задач. Они действительно связаны с количеством этих задач, с ситуацией, в которой идет решение, со стягиванием их в одно целое, с сопостановкой, с обобщением по отношению к онтологии, к материалу и к целям. Здесь все это начинает играть. С другой стороны, морфология способов и подходов вроде бы не зависит от всего этого. Вспомните декартово выражение о мудрости как Солнце, освещающем предметы, и не важно какие[42].

Вроде бы представления о способах и подходах определяются тем, вторым циклом нашей деятельности, то есть собственно методологической работой обобщения, ее характером, типом трансляции, то есть типом культуротехники, культурологии и требованиями к организации «арсенала» и «кладовой». То, что называется способом и подходом, лежит ведь там — в «арсенале» и «кладовой» — и есть особая соорганизация средств и методов нашей работы. Но все эти средства и методы должны реализоваться на определенных классах задач, в процессах поиска решения.

А эти проблемы и задачи должны быть методологическими. И я сейчас завязываю все пункты, которые мы обсуждали до этого. Иначе говоря, это должны быть проблемы, поставленные на всей этой организации. И поэтому структура, морфологическая организация подхода и способа определяется не тем, каков второй цикл, а тем, какова вся эта система, объединяющая два цикла и связывающая их друг с другом. И если мы это поняли, то я могу начать вторую часть моего обсуждения.

Теперь надо вернуться к вопросам: что за проблемы и задачи, какие именно? как строится решение задачи? какова идеология при поиске способов и решений? Тогда окажется, что у Декарта в его идее универсального метода будет одна идеология, в эвристике у Пойя — другая, у нас — третья, принципиально иная — методологическая организация для всего этого целого.

Тогда мы придем у тому, о чем вы, Никита, говорили: мудрость будет трактоваться по-разному. Мудрость Декарта — универсальный

метод, мудрость Пойя — совокупность эвристически связанных принципов, у нас — в*и*дение всей структуры методологической организации мышления и деятельности.

Каждый раз новая форма освещенности — это формы предельной рефлексии. И обсуждать нужно это.

4. О системном подходе в структуре подхода

В прошлый раз я закончил обсуждение темы на том, что резко противопоставил друг другу две группы процессов: 1) процессы решения проблем и задач, которые происходят в определенных ситуациях и — при искусственно-конструктивном подходе — на определенных верстаках, 2) работу по выделению или конструированию так называемых способов деятельности или способов решения задач и подходов, которые (в равной мере как способы, так и подходы) обеспечивают в качестве особых организованностей средства деятельности, мышления, процессы решения задач и проблем.

Таким образом, двигаясь в понятийном рефлектирующем рассуждении по этой схеме и при этом жестко не различая системодеятельностный, фокусный, позиционный подходы (я как бы работаю одновременно на склейках одного, другого, третьего — и это возможно за счет рефлексивного характера самого движения), я разделил вроде бы здесь (см. рис. 5) два фокуса работы: фокус первый (*) и второй (**).

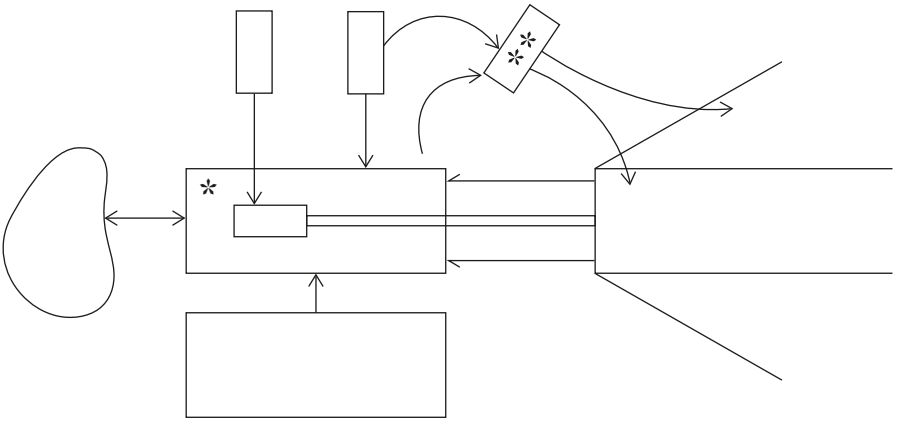


Рис. 5

Важно, что при этом я должен был, обсуждая весь этот круг проблем, рефлектируя по поводу метода самого моего движения, обратить ваше внимание на необходимость введения двух принципиально разных представлений. Мы в конце прошлого заседания

довольно много поговорили на эту тему, и я просил вас обратиться к противоположной стенке, на которой висит точно такая же схема, но в функции *организационно-деятельностной схемы*, то есть схемы, организующей собственно нашу деятельность и поведение. А перед нами находится эта же схема, которая используется в качестве схемы, изображающей описываемый нами *объект,* то есть в функции денотативного обозначения.

Я различаю функции в нашем мышлении и рефлексии и разные интенциональные отношения. Поэтому схема вроде бы одна, но, поскольку мы употребляем ее двумя разными способами, я ее рисую дважды. Это, наверное, важный дидактический прием.

Это мы должны были сделать потому, что перед нами встал серьезный вопрос: как мы должны трактовать эту деятельность, в которой, с одной стороны, решаются определенные *проблемы* и *задачи* как бы первого уровня, первого порядка — те, которые заданы практическими установками и целями, и ту часть нашей деятельности, мышления и рефлексии, в которой решается другая группа целевых установок, проблем и задач, связанных уже с разработкой *средств* для первой работы, следовательно, целей, проблем и задач как бы второго порядка?

Вопрос этот серьезен и принципиален, так как он относится к вопросам о формах организации нашей деятельности, мышления и рефлексии. Но именно потому, что это относится к проблемам организации, возможны разные варианты. В одних случаях выделение и конструирование средств, методов и даже норм происходит за счет мышления в очевидной, эксплицированной рефлексивной функции и, следовательно, когда рефлексия и мышление еще не отделились от исходной деятельности и осуществляются в ее контексте и структуре; а в других случаях рефлексия и мышление приводят уже к разделению и организационному оформлению и той и другой деятельности и порождают тогда специфически *методологические структуры организации*.

В прошлый раз я как раз закончил на том, что методологическая организация ведь и фиксирует особую функциональную связь двух (по сути дела) деятельностей или двух образований, оформленных как разные деятельности. И в этом смысле методология есть всегда суперструктура: она объединяет две деятельностные структуры, каждая из которых относительно автономна и может отделяться от другой, и решение исходных проблем и задач будет проходить как бы само по себе, а разработка средств этих решений проблем и задач — в другой организации, относительно автономной, самостоятельной.

Это может разделяться, и фактически это разделение оформляется и особым образом организуется, но при этом обязательно

сохраняется связь между ними. Если эта связь нарушится, то тогда методологическая структура исчезает, потому что и нижняя деятельность (по решению первичных проблем и задач) не есть методологическая, и верхняя, взятая сама по себе, не есть методологическая, и только в особых взаимоотношениях они образуют специфику методологической работы.

Но (новый момент) эта связь между нижней, как бы синтагматической, и верхней — парадигматической структурой может осуществляться в разных формах и видах: либо опять-таки как эксплицированные связи (функциональные, структурные), либо как определенные соответствия между предметными, квазипредметными и надпредметными организованностями, входящими в эти две деятельности.

Иначе говоря, мы хорошо знаем, что мысль, деятельность или коммуникативное мышление обладают свойствами взаимоотображения. И нередко эта связь существует не в форме актуальной связи, а в форме как бы отпечатков одного на другом, в виде таких организованностей, которые были порождены этой взаимосвязью в каждой из деятельностей, но за счет разрыва этих связей сохраняются в виде свойств-функций (и именно поэтому мы вводим понятие *функции*) и в виде морфологической организации элементов той или иной деятельности.

Это обстоятельство всегда затрудняло исследование деятельности, ее систем, взаимоотношений между ними. Скажу еще раз: связи в деятельности могут быть либо явными, эксплицированными, либо неявными, имплицированными, существующими за счет соответствия между морфологическими организациями.

Поэтому лингвисты, психологи пользуются внутренне противоречивыми и бессмысленными понятиями, например «потенциальная связь», вообще устраивают эквилибристику с понятиями «потенциальное» и «актуальное», поскольку у них потенциальное существует актуально. И с формальной точки зрения это все — абсолютнейшая ерунда и абракадабра, а с точки зрения существа дела и содержания это оправданно, потому что они действительно имеют дело с такими образованиями, которые соотнесены и связаны друг с другом, несмотря на отсутствие такой связи.

Например, «смысл» и «значение». Значение слова в словаре уже связано с возможными употреблениями этого слова в речи и по смыслу речи, но не за счет того, что оно актуально связано [с этими употреблениями], а за счет того, что оно предуготовлено для такого употребления. И употребление уже предопределено этой функцией любых парадигматических единиц. Они-то живут и существуют в «арсенале»,

«кладовой», где-то, но они там существуют в виде орудий и средств, то есть того, что будет определенным образом употребляться.

И это существование в качестве орудия, средства и есть, по сути дела, то, что выражается в этой связке «актуальное-потенциальное». Это то, что не есть такое, но оно может таким быть. И мало того что оно может быть, оно может быть таким не по логике употребления, а логика употребления задана здесь морфологией этого средства, этого орудия, этой машины. Значит, здесь, в морфологии, отражается функция. Для лингвистов все это — какие-то азы, хотя и не очень понятные. Но, к сожалению, так устроена наша культура, что то, что для лингвистов есть азы, то для других профессий есть вещь совершенно немыслимая, непонятная и неосознаваемая.

Богомолов: Получается, что, глядя на морфологию, мы можем сказать, отпечаталась ли на ней функция или нет? Но тогда мы хотим представить — и представим, что отпечаталась, а хотим — и представим, что не отпечаталась. Здесь нет никаких явных процедур.

На самом деле вы не можете этого представить. Говорить о том, что вы можете представить, вы можете сколько угодно, а реально вы ничего представить не можете. Вы говорите: «Процедуры нет», — значит, вы не можете сделать этого. И вы говорите так: «Вообще-то мы можем (в первом смысле слова), но мы этого никогда не можем (в смысле “не умеем”)». И вообще (добавляется соответствующая порция психологизма — вечное подспорье, когда «не можем» во втором смысле) все это релятивно: кто что хочет, тот и делает.

Поэтому людям постоянно приходится разделять и различать тех, кто может, и тех, кто не может, потому что одни могут, а другие «могут», и проблема состоит в том, чтобы найти и выделить тех, кто может, а тех, кто не может, отодвинуть от дела, которое они не могут делать.

И моя задача не состоит в том, чтобы разделять… Это само собой происходит. Это не есть моя цель, так как это происходит само и помогать этому не надо. И пусть это происходит: одни должны мочь, а другие — не мочь. Так было всегда, иначе не будет развития. Или иначе: чтобы обсуждать какой-нибудь вопрос, надо быть причастным…

Богомолов: Схема, нарисованная на противоположной стенке, вроде бы никак не соответствует вашей деятельности. И насколько эта картинка может быть изображением деятельности? Совершенно непонятно различие: материал, онтология… Откуда взялся материал? Почему изменяются только средства, а не все остальное? Как вы различаете материал и конструктивные элементы? Материал вроде существует в системной парадигме, материал можно

схематизировать, а где здесь материал? Какое он имеет к этому отношение? Вы онтологию выделяете как особое основание, но ведь есть куча других оснований и т. д.

То есть все это дело настолько перемешано, что любые наши понятия оказываются размазанными по нескольким блокам, и совершенно непонятно, в чем суть предложенного различения. Ведь различение между двумя группами процессов можно было бы сделать без этой схемы, без всех ее блоков: без онтологии, материала и цели.

Все эти вопросы законны, и все они так или иначе обсуждались за прошедшие три года. Поэтому я буду отвечать коротко.

Понятие *материала* работает и существует не только в системной парадигме, но и в массе других, например *форма-материал*. Поскольку оно работает в нескольких парадигмах, то имеет и свое морфологическое значение. Поэтому в этом плане оно должно быть совершенно очевидным, то есть материал есть материал. Здесь еще раз появляется неоспособленность в различных типах работы: поскольку я использую эту схему в онтологической функции, постольку я должен говорить, что материал есть *это*.

Я отсылаю вас к сборнику «Проблемы исследования систем и структур». Там подробно в моей статье и в статье О. И. Генисаретского обсуждаются типы употребления языков, в частности, рассказывается о том, что такое номинативный язык онтологических картин и чем он отличается от всех других языков*. Такой номинативный язык не имеет смыслозначащей компоненты. Он содержит только денотативную компоненту. Поэтому материал есть вот *это*, и ничего больше нельзя спрашивать.

Богомолов: Но для чего он вам сейчас нужен?

Наумов: Схема задает свернутое изображение той деятельности, которая осуществляется. А есть, кроме того, еще процессуальная разработка этой структуры в рассуждении и в коммуникации.

Структуры объекта… Поскольку это есть след от деятельности.

Наумов: И твои вопросы к той и другой схеме должны быть не только адекватны самой структуре, но и еще этапу ее развертывания. Такие вопросы вроде бы задаются к концу рассуждения…

Эта схема выполняет функции организации нашей работы. Это организационная схема. Она при этом как средство организации нашего мышления, нашей деятельности, нашей рефлексии может, в частности, трактоваться как изображение объекта. Это одна из трактовок. В другой раз, скажем, она может трактоваться как алгоритм, то есть как требование «делай так и так». Это другая трактовка.

---

* См. [Щедровицкий, 1965б; Генисаретский, 1965]. *Примеч. ред.*

Поэтому, когда вы спрашиваете, может ли эта схема изображать деятельность, я говорю, что вообще-то не для этого эти схемы делаются, а для того, чтобы организовать деятельность. В частности, в процессе этой организации эта схема, с одной стороны, организует нашу деятельность (по принципу склейки искусственного и естественного), а с другой — изображает тот объект, по которому идет движение нашей мысли, нашей рефлексии, нашей деятельности. Значит, у нее не одна функция, а много.

При этом я не задаю себе вопросов, как и насколько изображает эта схема объект. Они не свойственны той манере работы, которую я сейчас применяю. Я же не в познавательной ситуации. Мне надо знать, насколько она организует, и все. Без науки. Поскольку я работаю в основном в проектной модальности (а по отношению к деятельности только так и надо работать), то я ставлю другой вопрос: насколько проект реализуем, могу я эту деятельность «лепить» по нему? Могу и леплю, поскольку мы с вами выяснили основное свойство деятельности — ее пластичность.

Меня сейчас занимают эти два фокуса, и их я обсуждаю. У меня цели есть, поэтому я себе обычно не задаю вопрос: а что еще в мире может быть? Когда мне нужен кусок хлеба, я иду в булочную и не обсуждаю вопрос, мог ли я еще пойти в Третьяковскую галерею.

Гнедовский: Мне остался неясным тезис, что методология является суперструктурой над этими двумя процессами. Меня интересует это категориальное отношение, потому что я пытаюсь сопоставлять ту категоризацию этой схемы, которую вы производите, с тем, что мы делали на первых заседаниях по докладу Петра [Щедровицкого]: там у нас появлялась подходная методология, неподходная методология, устанавливались между ними определенные отношения, в частности отношения формы организации и содержания организуемого… И здесь это начинает раскрываться, потому что, действительно, подходы возникают над способами, способы — над задачами, и, наверное, нельзя формулировать такой обобщенный тезис, что просто методология — это суперструктура. Надо различать разные подразделения методологии, разные ее использования. Не очень ясны все эти отношения.

Прежде всего необходимо различить, какого рода ответа вы ждете на свой вопрос, в частности когда вы спрашиваете «что такое методология?». Вы ждете ответ по понятию или в форме понятия? Но я вроде бы и даю по понятию.

Давайте развернем все это, коль вы задали этот вопрос. Это само по себе интересно. Что мы делаем, когда спрашиваем «что есть то или то?».

Это и есть то, на чем развивалась содержательная логика, начиная от Аристотеля. Испокон веков этому учили для того, чтобы окультурить человеческое мышление, — сначала в средневековых университетах, потом учили это в гимназиях. Теперь вообще перестали учить, и поэтому мышление перестало существовать напрочь. То, чему не учат, того больше нет.

Я здесь воспользуюсь прекрасным докладом Н. Г. Алексеева и образами, которые он давал во время доклада: «Все мы окончили неполную или полную среднюю школу и всю жизнь, начиная с четвертого класса, решали задачи, поэтому мы знаем, что такое задача. Мы все озадачены, у нас мышление организовано задачно. Но поскольку нас никогда не учили логике, постольку у нас и не может быть мышления».

Это есть один из кардинальных вопросов, который интересно обсуждается уже Аристотелем, и он образует живое содержание всякой логики. Когда мы спрашиваем «что есть то-то и то-то?», то мы можем отвечать либо по понятию, то есть вводя понятие этого, либо онтологически, то есть рисуя это, либо же по определению, которое есть сложная синкретическая комбинация понятия, онтологии и операциональных процедур. Отсюда возникает нынешнее представление об операциональной сущности определения, фактически и более точно — о его интенционально-операциональной сущности.

Аристотель спрашивал следующим образом: эта структура находится в вещи (то есть в реальности, в объекте) или в термине? Отсюда у него был вопрос: что такое суть определения? Что мы определяем — сущность вещи или термин? Или мы определяем понятие так, как стали учить концептуалисты после Абеляра? Итак: вещь, ее сущность, — термин или понятие как таковое? Но при этом не удавалось ответить на вопрос, что есть понятие и откуда возникала всякого рода проблематика об операциональной природе.

Вы меня фактически спрашиваете, что такое методология или как я здесь ввожу и задаю методологию, как я отвечаю на вопрос, что есть методология.

Гнедовский: Как именно здесь вы отвечаете на этот вопрос? Потому что я вроде не имею права задавать вам этот вопрос, если я просто гляжу на эту схему. Нет на ней соответствующего квадратика методологии, не выделено никакого фрагмента как методологического, нет содержания и даже той структуры связи… Но когда вы ее обсуждаете и рассуждаете, у вас появляется методология и такое странное определение как «суперструктура», и такое отношение фиксируется, но не вписывается в объект, не кладется туда как одна из частей объекта или рамка для этого объекта, а остается

существовать в каком-то другом пространстве — не в пространстве этой онтологии.

Что я теперь должен отфиксировать через рефлексию как происшедшее и зафиксировать понятийно, в принципах и т. д.? В ходе обсуждения темы и движения по обсуждаемому содержанию мы пришли к пункту, когда мое обсуждение всей этой группы вопросов привело к двум фокусам, обозначенным звездочками (см. рис. 5); и два разных употребления одной, нарисованной на доске схемы, привели к разрыву и расслоению самой схемы.

Я начал с обсуждения такого предмета, где объект, данный через схему в функции онтологической схемы, и метод были соразмерны друг другу, где метод, или мое движение, и то, что я отслаиваю как объект, соответствовали бы друг другу и поэтому замыкались на одной схеме. Я имел перед собой эту схему, и я использовал ее, с одной стороны, как средство оптимизации моего движения, моей мысли, с другой — как изображение объекта. За счет этого движение моей мысли было соразмерно объекту.

На этой схеме я выделил два фокуса, ухватил их, потянул их в разные стороны, и у меня вся моя схема разъехалась на две схемы. Это я проделал такое рассуждение. Но затем мой объект стал несоразмерен моим словам. Моя работа привела к тому, что мои схемы стали несоразмерны с объектом: у меня объект уже расслоился, разделился в ходе мысленного движения — одна деятельность, которая соответствует разработке средств (парадигматическая), и другая, которая соответствует решению задач. Это вместо одной, в которой не было этого различия. Мне пришлось саму схему теперь расслоить на схему алгоритмическую, или, как мы теперь говорим, «организационно-деятельностную», поскольку у меня остается та деятельность, которую я могу исполнять, и она организована этой схемой, и я теперь должен схему, которая по-прежнему *одна* схема и которая организует мою деятельность, нарисовать еще раз. Вместо этой схемы в функции изображения объекта появляется две других схемы. У меня два верстака, два материала и т. д. И я теперь, чтобы изобразить объект, должен их каким-то образом друг на друга наложить, каким-то образом соединить, вписать одно в другое, причем соотнести функциональные структуры, морфологию и т. д. В прошлый раз здесь я давал ссылку на работу В. А. Лефевра «Системы, нарисованные на системах»*.

Тут появляется вопрос Миши [Гнедовского]. Он говорит: «Вы берете эти две деятельности и говорите, что это и есть структура ме-

---

* См. [Лефевр, 1971; 1973 (Гл. IX. Системы, нарисованные на системах)]. *Примеч. ред.*

тодологии». Миша хочет зафиксировать то обстоятельство, что речь идет не о структуре, а о признаке. И здесь мы приходим к новому употреблению схемы — схема в смысле характеристики или признака. Миша тогда спрашивает: что же это за странная вещь — схема в функции признаков? что это за качество — «признак»?

Мы здесь приходим к очень важному вопросу. Задавая такое удвоение схемы и говоря о связи между ними, я задаю эту связь как принцип: это и есть *основной момент подхода*. *Принцип* — это особого типа характеристика, которая существует как характеристика безотносительно к тем или иным объектам. Поэтому вы совершенно правы — я здесь задаю методологию по понятию — как некоторый принцип организации. Принцип противопоставлен онтологическому изображению. Принцип — это особая форма существования…

Связь двух деятельностей и образует методологию. Это утверждение осмысленно лишь по понятию, как выражение принципа. Оно совершенно не дает ответа на вопрос, как организована методология, каковы формы ее организации.

Ответить на вопрос о формах организации методологии достаточно сложно, поскольку методология у нас первоначально существует в неявном виде как рефлексия и как понимание в деятельности. Потом она начинает оформляться как мышление, потом — как деятельность, соответствующая всему этому.

Мы четко различаем методологическую рефлексию, методологическое понимание, методологическое мышление, методологическую деятельность или действование и методологическую работу. Здесь сложнейшая иерархия понятий.

Вот есть рефлексия, отвечающая на вопрос, *как* я действую. И я получил рефлексивное представление о методе моей работы. Это методология? Вроде бы и да, и нет. Она есть в зародыше, она есть в потенции и интенции, но реально как особой формы организации ее еще нет. Следующий уровень — у меня мышление стало выполнять эту функцию. Есть у меня методология? Тоже вроде бы и есть, и нет. Она есть как мышление, но ее нет как деятельности. Наконец, это доходит до деятельности… И полностью расползлось…

Если все это так, если процесс становления методологической работы правдоподобен, то я тогда говорю: с методологией невероятно сложно, и, пытаясь изобразить формы организации, мы наталкиваемся на массу трудностей, а именно: мы получаем метаметодологию, метаметаметодологию и т. д. Когда я пытаюсь организовать целостность методологии, она начинает троиться…

Поэтому обратите внимание, как я буду хитро, даже казуистически отвечать… Определение по понятию и через принципы

имеет целый ряд своих преимуществ. Ведь понятия есть особая форма обобщения, применимого для многих разнокачественных объектов, и в этом смысл *характеристики*. Характеристика существует вне объекта. Характеристика есть абстрактное свойство, и к каким объектам оно будет применяться — совершенно неясно и непонятно. К самым разным объектам.

Поэтому я не могу здесь задать формы организации методологии и методологической работы, да мне это и не нужно. Я ввожу основное свойство методологии на уровне принципа, причем методологии вообще. Я ввожу здесь *всеобщую характеристику методологии* — это есть связь между, если хотите, подготовительной и исполнительской деятельностью.

А когда вы мне начинаете говорить о формах методологии, то тут я уже не могу обойтись одними характеристиками и даже одной типологией, потому что теперь от этих характеристик есть два принципиально разных хода — к типам и к онтологиям. И они так и должны рассматриваться — типологический и онтологический, или структурно-системный ход.

Здесь, кстати, ключ к обсуждению типологического и системно-структурного, но это следующие ходы. Когда вы мне говорите: подходная методология и еще какая-то, то либо вы работаете на уровне типов и типологической таблицы, либо на уровне таких сферных или системодеятельностных организаций… Я пока остаюсь на уровне фиксации этого принципа, хотя это важно и невероятно интересно.

Итак, отвечаю на ваш вопрос по понятию… Та проблема, которую вы подняли, есть, по сути дела, нерв всей традиционной логико-философской проблематики. Если хотеть понять, что такое Гегель и что реально означали его категории «единства», «отдельного», «всеобщего», если вы хотите понять, что такое Василий Давыдов, [Феликс] Михайлов, Эвальд Ильенков и другие и каковы их отношения к Аристотелю, кто такой Авенир Уёмов и кто такой Виталий Дубровский как философ, надо обсуждать эту поднятую вами проблему — проблему интерпретации или употребления характеристик.

Для лингвистики это будет проблема морфологии и синтаксиса (среди многих других) или проблематика типологического метода, или структурного метода.

Малиновский: То, что вы зафиксировали сейчас как расхождение объекта и метода, можно ли понимать так, что в этот же момент вы обсуждаете собственно методологический подход?

Я отвечаю на вопросы, заданные в рефлексивной манере по поводу моего движения. Объясняю через понятия. Я говорю, что я делаю

и что при этом получается. Раз я не ставил себе целью рассказывать, что такое методологический подход, то у меня этого и не было.

Другое дело, когда вы можете понять и проинтерпретировать сказанное в другом контексте, на другом верстаке. Вы можете это сделать в плане вашей индивидуальной работы, но меня не надо туда тащить. Я буду сопротивляться. Я «привернут» к своему верстаку.

Малиновский: Да, но вы собираетесь работать в этом раздрае.

Обратите внимание, я все привел в соответствие. У нас про другое речь шла. Вы не можете взять все то, что я говорил, как синтагматику для вашего парадигматического обсуждения вопроса о том, что такое методологический подход. Но это и означает, что вы предлагаете мне по отношению к моей деятельности применить снова этот раздрай как прием: опять расслоить и выделить второй верстак, где мы обсудим методологический подход как средство организации моей работы. Да, но я против этого, я буду сопротивляться…

Мне здесь не надо переходить на предлагаемую Павлом [Малиновским] другую деятельность, с другой целью и задачей. Я это проделал мимоходом, поскольку мне задавали вопросы «а что вы здесь делаете?». Я отрефлексировал и замкнулся на эту же схему. Я вроде бы сказал все это, только говорю: в онтологию это не кладите, интерпретируйте это как описание «*как*» по отношению к моей работе.

Я ведь рассказываю, как я работаю, что я делаю, откуда возник вопрос, что у нас произошло в коммуникации. Потом я говорю: возьмите это и пользуйтесь этим как техническим представлением, методикой, не кладите это в отдельную онтологию — в смысле «*как*», а не «*что*». А вы спрашиваете: «что это?». Но вы меня на это не сдвинете, потому что это новая объективация техники моей работы, новая ее предметизация и переход в другой объект, отслаивание объекта. То есть вы мне предлагаете обсудить обсуждаемую мною сейчас процедуру в другом контексте. Я этого делать не буду, поскольку я тогда потеряю свой предмет.

А раздрай между моим методом и онтологией я разрешил за счет того, что я так теперь расслоил представление объекта, что у меня каждой части опять соразмерен мой метод. Если теперь мой объект представляет собой две связанных между собой деятельности, то для каждой части (каждой деятельности) схема полна. Я опять остаюсь в рамках этой схемы и заданного ею метода.

У меня появилась только некоторая добавка, а именно: *методологическая связь*. И для обсуждения этой методологической связи я должен буду ввести новый метод. У меня теперь две части в деятельности, для каждой части старый метод годится, только не годится для объяснения связи между ними — некоторого нового образования,

которое требует нового метода, новых форм деятельности. Я это и проблематизировал…

Теперь это — новое целое, заданное этой связью методологической работы. По понятию это нечто принципиально новое, но это новое пока что состоит из двух старых частей, которые мы уже обсудили, и связей между ними. Пока я их только разделил. А вот как они связаны — это вопрос. Я обе части понимаю: они у меня уже были, и я знаю, как с ними работать, они соответствуют моим способам работы. Неясно только, как они теперь свяжутся и что все это будет означать в плане смены метода моей работы.

На первом (негативном) шаге я вроде бы раздрай снял, теперь его нет. Это очень странный прием. Смысл его — опять согласовать в той мере, в какой можно согласовать, а то, что нельзя согласовать, — вынести в сторону и зафиксировать как свое незнание.

Таким образом, я фиксирую знание о том, чего я не знаю, тем самым резко выделяю этот новый момент, который я не знаю. Я уже знаю, *что* я не знаю и *что*, следовательно, я должен обсуждать, то есть я на самом деле уже поставил проблему. Когда я ее буду обсуждать через мои средства, тогда мы перейдем к проблеме методологического подхода или способа…

Здесь я напоминаю о своих целях и задачах. Все это расслоение и указание на необходимость соединить все это, нарисовать одно на другом нужно мне для того, чтобы ответить на вопрос: что представляет собой *подход как особая единица методологической работы*? А я уже зафиксировал одну проблему: это их [двух частей — *ред.*] *различение* и *связывание* и есть специфический момент методологического мышления.

Методолог — это тот, кто может ответить на вопрос, как связано одно и другое, не соединяя их, не видя одного в другом, но умея их связывать в знании, через знание и в практике собственной работы. При этом практика собственной работы должна соответствовать тем знаниям, которые он употребляет; в данном случае — специфически методологическим знаниям.

Поэтому Фердинанд Соссюр был первым, кто ввел в лингвистику *деятельностный подход* и в этом смысле *методологический*. Я здесь вынужден делать упор на деятельностном, а не методологическом подходе, потому что Соссюр после этого различения должен был различить лингвистику языка и лингвистику текста, а это было сделано через 50–60 лет после него. Задание двух лингвистик как двух разных предметных образований — это есть деятельностное завершение идей Соссюра в лингвистике, порождавшее действительность методологического подхода.

Каково было мое условие задания методологической связи? Четкое разделение двух деятельностей на уровне синтагматики и парадигматики как оформленных деятельностей. Дело в том, что методология есть надпредметная связь, значит, должны были образоваться две деятельности, два предмета: один — в синтагматике, другой — в парадигматике, и методология есть связь этих двух структур деятельности как разных структур и связь этих двух предметов как разных.

Другое дело, что эта связь реализуется через «поедание» одного другим, но это происходит на уровне естественного существования, а в методологическом мышлении и рефлексии оно фиксируется как связь двух образований.

И в этих деятельностных предметах происходит новое расслоение объекта нашего обсуждения, появляется новая несоразмерность за счет того, что у меня еще нет специфически методологических процедур работы. До этого я хотел сохранить соответствие объекта методу и для этого я разделил на две части так, что мой метод соответствует как бы части целого. Теперь мне нужно проделать обратную процедуру и совершить оборачивание: мне нужно метод привести в соответствие с моим новым целостным объектом.

Раньше я достигал соразмерности объекта и метода за счет того, что я объект «раскачивал» и менял. Теперь я должен метод изменить, обогатить его.

Еще раз резюмирую эту часть.

Если подходы и способы это не то же самое, что решения, и если подходы и способы существуют самостоятельно, а в решениях они лишь формируются, с одной стороны, и реализуются, с другой стороны, то, следовательно, я их должен описать как разные и особым образом друг с другом связанные. Но я уже понял, что эта связь очень хитрая — связь реализации одного в другом. Это очень важно, и дальше я на этом буду основываться: реализация структуры в виде процесса, если говорить на категориальном уровне, организованности в виде процесса.

Я могу разрешить такую задачу только за счет новых методов, новых методических схем. Раньше я упрощал объект, приводя его в соответствие с методом за счет того, что раскалывал его на две части. Теперь я буду исходить из целостности этого объекта как особым образом связывающей две деятельности, две предметные организации. В «переводе» на лингвистику: теперь надо понять, что значение — это не смысл, смысл — это не значение. Но ведь значения реализуются в виде смыслов, но при этом они уже не значения, а они смыслы, они приобретают совершенно иной тип существования.

Подход и способ должны реализоваться в решение, в процесс решения, но при этом они будут чем-то принципиально иным, нежели сам подход и способ. Но процесс решения есть не что иное, как реализация подхода и способа, и, следовательно, верно и то, что они существуют в виде таких решений. Поэтому я не могу взять только верхнюю часть и сказать, что только вверху, в парадигматике и есть способ и подход. Значение, не реализующееся в виде смыслов, не есть значение.

Я фактически сейчас определяю границы и смысл проблемы. Я теперь задаю вопрос: как же теперь такую хитрую штуку как подход или способ, исследовать, если они, с одной стороны, существуют в парадигматике в виде особых организованностей, в виде особых конструкций структурного типа, и, кроме того, существуют в синтагматике — в процессах мышления, в процессах деятельности, и эти два их существования разнокатегориальны? Фактически я должен объяснить, что это за подход и способ, который существует одновременно в двух категориальных формах.

Богомолов: Это стандартная проблема для анализа любых видов деятельностей. Это не типично для подхода.

Правильно… Эти способы *реально* существуют в парадигматике, и они *реально* существуют в виде процессов решения. Не в виде проекций, а как таковые. Они там существуют во всей своей полноте и целостности в каждом из этих фокусов: и в парадигматике подход и способ даны целиком, и в синтагматике каждый из них дан целиком. Суть не в том, что частично, а в том, что в разных формах — в одной форме или в другой форме.

Здесь возникают совершенно новые категории — категория «формы и материала», или, точнее, «формы и содержания». Для анализа подобных вещей становятся необходимыми категории «формы» и «содержания», процедуры синонимических отождествлений, установления синонимии разных слов — так эта проблема выступает в лингвистике.

Здесь имеется синонимическое употребление. И я пока не знаю, «матрешечная» здесь связь или нет. Здесь есть разные варианты решения и проблематизируется, как это будет обсуждаться дальше… То есть каково же отношение между тем, что мы называем подходом, способом на уровне парадигматики, и подходом и способом вообще?

Мы здесь приходим к тому, что у нас опять термины должны расслоиться, и мы вынуждены начинать говорить: подход и способ в узком смысле, противопоставленные решению, и подход и способ в широком смысле слова — как схватывающие решение. Но здесь «широкое» и «узкое» — чисто условная аналогия, потому что здесь нет

широты и узости классов объектов. Здесь речь идет именно о топологии самой схемы, о топологической методике пространства схемы.

Здесь возникает (при условии гипонимии[43], если мы ее предполагаем) сложная проблема: проблема специфически структурно-системная. Подход и способ — это что? То, что охватывает все внутри этого большого квадрата, или все, что внутри большого квадрата за вычетом маленького (см. рис. 6)?

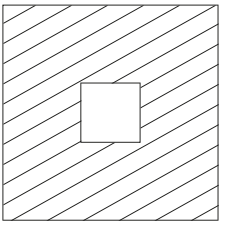


Рис. 6

Такой вид приобретает эта проблема в структурной интерпретации. То есть если мы имеем «матрешечную» систему, то она с внутренностями или без? Здесь или надо выбрать то или другое, или взять то и другое вместе. Это как раз тематика горьковского совещания. Доклад называется: «Структурно-функциональный и морфологический подход». В зависимости от того, какой подход вы принимаете, одна из этих логик становится неприемлемой. Кроме того, они еще должны быть связаны и соотнесены друг с другом. Нам же надо научиться переходить из одной в другую, поскольку люди все время переходят.

Лингвисты до сих пор не нашли решения этой проблемы.

Богомолов: Это скорее не логика, а подход, что-то более узкое. То есть есть структурная логика и морфологическая логика, а подход — это как все это соотнести.

По-видимому, нет. Но вы уже принимаете один вариант ответа на мой вопрос, то есть вы опять забежали вперед и говорите: «без внутренностей». Или «с внутренностями»?

Богомолов: С местом для «внутренностей».

Эта «внутренность» материально наполнена или пустая? Вся история лингвистики за последние 200 лет служит контрпримером этому. Оказывается, для целого важно, каким материалом заполняются эти «внутренности» — соответствующим или не соответствующим. Оказывается, что есть соответствующие и несоответствующие заполнения, и оказывается, что несоответствующие заполнения часто более значимы, чем соответствующие. Вся жизнь и строится на этом — на том, что мы заполняем

несоответствующим. Тогда целое предполагает обязательное наполнение этих «внутренностей»…

Эту штуку надо рассматривать с точки зрения эволюции и развития и обязательно рассматривать сквозь связку разных процессов, чего лингвисты не делают, потому что не могут делать и их метод не соответствует такому рассмотрению. У них есть еще другая вещь — ареальный подход (не генетический).

А, кстати, в типологическом подходе будет еще иначе… Все еще зависит от того, куда, на какие процессы, на какую топику вы все спроецируете в объемлющей системе. От этого у вас будут меняться методы включения.

Дело в том, что в типодеятельностных схемах нет ареальной проблематики (в смысле распространения). А когда мы начинаем рассматривать в критической, скажем, модальности склейки, синкреты и т. д. …

Богомолов: Интересно, то, что вы дальше будете рассказывать, — это уже применение готовых представлений об анализе элементов в объекте или это будет их разработка, а представлений пока еще нет?

А как вы различаете одно и другое? Вы ведь не различаете того, что я рассказываю. Вот скажите, я когда говорю свой текст, я новый смысл создаю или старыми значениями пользуюсь? Я вам даю модель вашего вопроса… Вы меня спрашиваете: «Вы будете старыми значениями пользоваться или новый смысл создавать?» И то и другое! Я буду создавать новый смысл, пользуясь старыми значениями.

Итак, мы зафиксировали, что, для того чтобы я рассматривал способы и подходы, я должен а) поделить все это в плане «синтагматика-парадигматика» и б) взять все в связи одного [целого]…

При этом у меня возникнут все эти проблемы, которые мы сейчас расписали: проблема «с внутренностями — без внутренностей», такого рода отношения… Но важно, что у нас есть два гетерогенных и гетерархированных существования одного подхода или способа. То и другое я должен рассматривать еще и в связях друг с другом — только в этом случае я могу надеяться ответить на вопрос, что есть способ и подход.

Богомолов: Это будет задание одной из парадигматик подхода… для того, чтобы понять, как он развивается, живет?

Я с этими вещами расправляюсь очень просто. Я отсекаю… иногда головы, иногда языки всему тому, что угодно, но запрещаю покидать границы. Я заранее ставлю уровни рефлексии и говорю: а дальше бегать нельзя.

Тогда, следовательно, у меня будет три взаимосвязанных между собой предмета. В одной линии это организовывается парадигматикой, в другой — организовывается в синтагматике, и в третьей — связь одного и другого: их структура соединяется.

И при этом я должен различить *подход* и *способ*.

И здесь я продолжаю очень интересную линию, намеченную на этом совещании в докладе Н. Г. Алексеева, где было сказано, что задача есть не что иное, как особая социальная и социокультурная (я подчеркиваю двуплановость этого) связь разных деятельностей. По сути дела, это исходное определение для синтагматического уровня рассмотрения. Когда я говорю «социальная», я намечаю собственно синтагматический уровень, когда я говорю «социокультурная», я намечаю связь синтагматического уровня с парадигматическим, возможность выхода туда, потому что культурность ведь определяется типом парадигматики.

Точно так же я скажу про *проблему*. Проблема тоже есть строго определенная социальная и социокультурная связь мышления, рефлексии, деятельности, мыслительной деятельности в частности. Насколько я понимаю, в англоязычной литературе этого различения нет, а нам придется начинать именно с этого…

Теперь я это высказываю как гипотезу, или, точнее, как принцип: способы решения связаны с задачами, а подходы есть то, что соответствует проблемам. И, следовательно, я теперь могу сказать, что у меня получается такая двухфокусная структура (см. рис. 7).

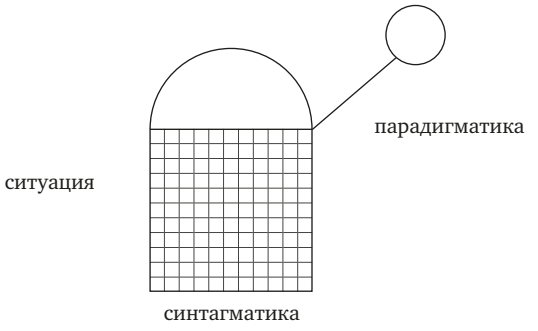


Рис. 7

Внизу, на уровне синтагматики, должно быть одно, на уровне парадигматики — другое, и я говорю об этом, задавая такую пару: «задачи–способы», «проблемы–подходы».

Гнедовский: Но до сих пор задачи и проблемы различались тем, что проблемы — это такие задачи, у которых нет способа решения.

Или иначе: проблемы — это то, что решается с помощью подхода, а задача — это то, что решается с помощью способа.

Гнедовский: Но тогда мы просто переводим необходимость противопоставления в парадигматический план и должны теперь противопоставлять способы и подходы и плевать на проблемы и задачи, которые будут соответствующей синтагматикой.

Нет. Я перед этим все время доказывал, что плевать не можем, поскольку я не знаю, как проблемы и задачи соотносятся с подходами и способами. В соответствии с только что намеченными схемами, в частности схемой гипонимии (см. рис. 5), я спрошу: проблемы входят в подходы? задачи входят в способы? Или, наоборот, я могу привести обратное гипонимическое соотношение: задача — это то, что охватывает способы, а проблема — это то, что охватывает подходы?

Эти интересные отношения красиво проявились в докладе В. Л. Даниловой при обсуждении всего того, что относилось к задачам на соображение. То есть задачи на соображение есть фактически реальные и уже эмпирически экспериментальные реализации этого различения. И для психологов и педагогов это сегодня основная проблема, потому что вроде бы они до сих пор учили решению задач и, следовательно, отрабатывали способы, а теперь вроде бы надо учить решению проблем, и, соответственно, возникает установка: формировать подходы и ответить на вопрос, что есть структура подходов. Психологи эти вопросы ставят, но не решают. Решают их, конечно, методологи.

Гнедовский: Все-таки на чем строится противопоставление?

Я его поднял в уровень парадигматики как гипотезу. Теперь я ввожу понятийную оппозицию на связках. Я должен эту гипотезу как проблему погрузить на материал, реализовать.

Мы же в нашей деятельности, в мышлении все время реализуем проблемы. Наши проблемы мы все время опускаем вниз и реализуем. Собственно, это я и буду обсуждать, и я это уже обсуждаю соразмерно этой процедуре.

И теперь, положив это как такое гипотетическое, проблематизированное образование, я буду пытаться его реализовать в своих конструкциях. И по мере того, как это будет реализоваться, я буду говорить: видите, какая у меня хорошая гипотеза, как она соответствует реальному положению дел! Хотя на самом деле я ее буду реализовать.

Нужно мне все это для того, чтобы двигаться. В ответе, для чего мне нужен подход, системный подход в частности, мне нужна некоторая опора, с помощью которой я бы все это мог начать разворачивать. И я такую опору нахожу в задачах и проблемах и в их различении. Я потом, между прочим, буду устанавливать определенные связи между задачами и проблемами. Кстати, это в теме *программирования*.

И соответственно этому я буду устанавливать соотношение между проблемами и задачами. Тогда у меня подход будет такая организация, которая дает возможность переходить к способам, комплексам способов.

Может быть, я буду рассматривать подход традиционно для нашего круга — как надстройку над способами, с одной стороны, а с другой стороны, как нечто снимающее и объемлющее все это. Может быть, я там установлю сложные отношения. Поэтому я могу добавить, что у меня таких связок получается две плюс конструктивная идея насчет того, что подход возникает над способом и увязывается то ли сверху, то ли в структуре. И все это я ввожу и делаю еще один шаг.

У меня внизу синтагматика (см. рис. 7). А что это значит? Проблемы и задачи существуют в определенных ситуациях. Следовательно, я должен и здесь, и здесь ввести ситуации. И, соответственно, у меня будут задачные ситуации или проблемные ситуации. Правда, мы до сих пор не знаем, существует ли деятельность в ситуации, или ситуация порождается деятельностью. Они особым образом соотнесены друг с другом. Кто знает, ситуация порождает задачи или проблему или задача порождает ситуацию?

Богомолов: Видимо, это две разные ситуации. Одна ситуация порождает задачу, а задача порождает какую-то другую ситуацию. Обе эти ситуации существуют и должны рассматриваться как отдельные.

Может быть. Но тогда вы вносите уже некоторый процесс… Нельзя сказать, что это — развитие, это — то, что называется эмерджденцией (*emergency*). Процесс эмерджденции или актуалгенеза. Попробуйте ввести…

Если вы различаете, то обязаны и связывать. Что толку мне различать, если я связать не могу? Когда я научусь связывать, тогда и будем различать. То есть различение и есть связь особого рода…

Одно важное напоминание. В 1959 году на Всесоюзном съезде по кибернетике[44] профессор Матвиевский очень красиво мне объяснил разницу между инженером и ученым: «Это вы, ученые, можете ставить разные проблемы; мы, инженеры, ставить проблемы не можем, мы можем только ставить и решать задачи. А в чем разница? Все очень просто. Проблема — это то, над чем думают бесконечно долго и совершенно безответственно, а задача — это то, что инженер должен решить к определенному дню и в строго установленной форме».

Это обстоятельство возвращает нас к обсуждавшимся на этом совещании проблемам, в частности в докладах В. М. Розина, Н. Г. Алексеева и других: что такое способ? Я об этом говорил в 1958–1962 годах. Мы пришли к такому представлению, что способ, во-

первых, предполагает наличие определенной *оперативной системы*, с которой соотносится текст условий, и существуют определенные средства перехода от текста условий к ситуации и создаваемой в связи с нею оперативной системой. Оперативная система задает целый ряд возможных типов работы, преобразований.

Но для того чтобы получилась задача, надо от текста задания суметь перейти к этой оперативной системе. Для этого используются разные средства. Перейти — значит отобразить содержание задания в то или иное выражение из этой оперативной системы или отобразить в том или ином, каждый раз строго определенном, выражении этой оперативной системы.

Если мы возьмем проходившее здесь, на совещании, обсуждение задач на соображение, то там фиксировался один момент — то, что такой оперативной системы нет. Это вопрос спорный, ведь Семёнов, например, показывал, что «на самом деле» она есть… Если их много разных, значит задачи на соображение — это много разных задач в одном тексте. Но в 1958–1960 годах я показал*, что любая классическая учебная задача содержит много разных способов решения, или оперативных систем, и в этом смысле нет никакой разницы.

Поэтому задачи на соображение я бы разделил на два класса: открытые задачи и открытые проблемы. Я сказал бы, что это названия двух совершенно разных образований. Это ведь обиходное выражение, а для того, чтобы разобраться в том, что такое «задача», надо проделать особую работу от конструкции. И здесь я — опять в качестве гипотезы — скажу, что суть дела в этом переходе и в наличии средств перехода. С моей точки зрения, *способ* есть гетерогенное, гетерохронное и гетерархированное образование (я дальше, чтобы сократить все это, буду говорить «ЗГ[три гэ]-образование»).

Это значит, что эти «матрешечные» схемы существуют и там, а именно: ведь оперативные системы — это не способ. По-видимому, надо оперативные системы фиксировать как одно образование и рассматривать трансляцию их в культуре как нечто особое и самостоятельное, а с другой стороны, обсуждать вопрос об отношении оперативных систем к чему-то другому, что, собственно, и обеспечивает переход от ситуации, как бы провоцирующей тем или иным заданием, к той или иной оперативной системе. Никогда не бывает одной ситуации. Всегда существует масса ситуаций, вложенных друг в друга.

Что мы обсуждали на схемах *переноса опыта*? Любой методист, ученый, методолог, культуротехник всегда работает не в одной

---

* См., например, [Щедровицкий, 1960а; 1965а]. *Примеч. ред.*

ситуации, а на соотнесении будущей и прошлой ситуации. Во-вторых, он фактически работает на множестве будущих ситуаций и множестве прошлых ситуаций — разных, задаваемых разными моментами. И возникает вопрос: чем все это стягивается, собирается в одно целое?

По-видимому, с одной стороны, это оперативные системы, с другой стороны — возможные (в будущем и прошлом) ситуации из всех наборов — это два фактора, определяющие способ. Способ, с другой стороны, есть то, что собирает это в одно целое и организует, структурирует множество будущих и прошлых ситуаций, и, больше того, он их выбирает, он их фильтрует, превращая эти два ряда возможных (прошлых, будущих) ситуаций в одну сложную, сложнособранную ситуацию, в которой будущее и прошлое стянуты через настоящее или просто стянуты.

Теперь я могу сказать, что *задача*, кроме всего прочего, есть не просто особый тип социальной и социокультурной связи деятельности, но это вместе с тем есть особый тип связи оперативных систем и тех будущих ситуаций, которые этими оперативными системами предзаданы, прошлых ситуаций, которые как бы надвигаются на нас или в которые мы попадаем через то, что образуем специфическую организованность способа. Специфическую в том смысле, что оперативные системы тоже вроде входят в способ, но они не специфичны для способа. Способ, возможно, есть такая категория, которая все это организует в одно целое.

Например, в тех опытах, которые мы проводили с С. Г. Якобсон на простых арифметических задачах*, таким средством, обеспечивающим переход, является выложенная в определенных схематизмах на карточках категория «целого» и «части». Если вводится категория целого–части, то тогда все это вроде бы и обеспечивает переход и связь. Должен быть особого рода организационный схематизм, который все это выражает и воедино стягивает.

Например, просят ученика «перевернуть» слово «топор», произнести его наоборот. Это задачка непростая. Можно представить его написанным и прочитать — таким путем идут отличники первого и второго классов. В третьем классе оказывается, что так работать уже нельзя, и они автоматически превращаются в двоечников. А двоечники первого и второго классов, становящиеся отличниками, поскольку не могут себе это представить и прочитать (у них нет воображения и представления), начинают водить пальцем туда и назад. Иначе говоря, рука, введенная в качестве средства, несет на себе

---

* См. [Щедровицкий, Якобсон, 1962; Якобсон, Щедровицкий, 1963]. *Примеч. ред.*

очень богатое категориальное содержание… Множество всех букв и оперативный объект [ученик] переворачивает.

Но для этого ему надо закрепить особым образом буквы, а потом перевернуть, потому что он (в идеальном плане) читать справа налево не может. Надо взять карточки с буквами и особым образом переложить. И оказывается, что в данном случае пять карточек, определенным образом расположенных и подчиненных определенному оперативному правилу переворачивания, — это и есть способ решения как средство, заменяющее текст условий из недеятельной ситуации (ситуация представления) с тем, что должно быть представлено в будущем. Надо осуществить это преобразование прошлой ситуации в новую, требующуюся. Для этого нужно оперативный объект [сконструировать так, чтобы он допускал применение нужной оперативной системы].

В этом смысле средство перехода тоже есть определенная оперативная система. И тогда оказывается, что способ есть определенная соорганизация оперативных систем — сложных, простых — от двух и более, особая организация оперативных систем по принципу замещения друг друга, стыковки одной с другой. Лефевр с Дубовской красиво это показывали, опираясь на материалы работы со студентами*. Проведенные тогда сравнительные эксперименты показали, что студенты мехмата самые тупые на предмет решения задач, поскольку у них невероятная бедность оперативных систем.

Что такое *структурные схемы*? Это средство перевода точек в отношения и связи. Поэтому если имеется условие, где объекты заданы поточечно, а надо получить объект, в котором все имеется в отношениях и связях, то им нужно определенное средство, которым бы они условие перевели в точки, точки — в отношения и отношения отобразили вниз. Это тоже определенная оперативная система, средство или способ, который соорганизует две вложенные друг в друга оперативные системы.

Теперь я могу сказать, какое обязательное требование на эту промежуточную оперативную систему: чтобы в ней было две склеенных, неорганизованных оперативных системы. Если вы хотите перейти от одним способом организованной ситуации к другой, организованной иным категориальным способом, вам в качестве промежуточного способа нужно *правило* перехода от одной оперативной системы к другой.

Что значит «правило»? Это значит, что нужно иметь такую оперативную систему, которая своими элементами и подсистемами

---

* См. [Лефевр, Дубовская, 1965]. *Примеч. ред.*

содержала бы и ту, с которой вы начинаете переход, и ту, к которой вы идете. Оказывается, что все эти способы есть не что иное, как *связки оперативных систем*, выраженные в одном оперативном образе или средстве.

Здесь нет Марка Мееровича, который присутствовал при разговоре с Н. Дубинским. Тот меня спросил, что я вижу самого интересного в исторической концепции Л. Гумилёва.

Вся суть в том, что там совмещаются разные планы рассмотрения: с одной стороны, географическая среда, солнечные изменения, усыхание Большой Степи, с другой — социально-экономические отношения — скотоводство, с третьей — групповая борьба, с четвертой — такие личности как сам Чингисхан и т. д.

А Дубинский как закричит на меня: «Все это неправильно! Потому что должен быть один ведущий фактор, а все остальное — это случайности». Я говорю ему: «Да, но это тоже играет свою роль». Он говорит: «Да-да, мы не спорим, но это всё мутации». Если возникает такой гений, это «мутант», и все становится ясным. Есть закон, а потом в разные стороны выплескиваются мутации, которые лежат вне закономерной плоскости. Он не собирает все это, а вырубает, высекает. Такая плоская картина… Я-то лично думаю, что наоборот. Если кто-то умеет понимать, то он «мутант», его надо «вырубить».

Меня-то интересует совершенно другое — как учатся понимать… Я прочел Л. С. Выготского и ему поверил. У меня уже нет других путей, я верю, что он был прав. Выготский говорил об усвоении культурных средств, поэтому я и обсуждаю эту проблему. Мне важна структура подхода, и я ее обсуждаю.

Наумов: Можно ли эту сборку оперативной системы на языке ситуации проинтерпретировать как сборку ситуации решения из прошлых ситуаций решения?

Это так, но это ведь только набрасывает какие-то вопросы к структуре подхода. Я не отвечаю пока на вопрос, как это есть, но уже из предыдущего ясно, что нужно, с одной стороны, брать то, что лежит в парадигматике, с другой стороны, брать то, что должно быть реализовано в синтагматике. Но сама эта парадигматика фактически есть не что иное, как особым образом организованное множество этих прошлых ситуаций, о которых вы говорите.

Наумов: Они как раз все двухслойные, и двухслойная штука начинает собираться из двухслойных образований…

Трехслойных, пятислойных… Все зависит от того, какого уровня это достигло. Вы очень четко фиксируете основную мою мысль — я теперь должен производить деятельностную развертку каждого способа для того, чтобы ответить на вопрос, как устроен способ, из

чего он собран, из каких оперативных систем, за счет каких особых средств, как организовано все это.

Это к вопросу о том, где же существует способ и как он может исследоваться. Дальше я буду все это зеркально отображать для более сложных случаев.

Я либо должен найти эти самые способы, увидеть их, начать их исследовательски познавать… Поэтому я буду это делать конструктивно, но мне нужно на чем-то закрепиться. Тогда фактически если у меня каждый способ есть средство перехода какого-то набора прошлых ситуаций с использовавшимися в них особыми средствами к будущему, то смысл дела состоит в том, что я должен построить решение либо задачи, либо проблемы. Нам, собственно, эту разницу и нужно будет обсуждать: что такое *решение задач* либо *решение проблем*?

Я обращаюсь к тому, что четко выявил в своем выступлении С. И. Котельников по докладу Бондаровской. Как же конструируются эти способы? С одной стороны, мы обращаемся к будущим ситуациям, должны выделить целевую функцию этого способа-конструкции, с другой стороны, у меня есть прошлые ситуации, прошлый опыт, который я в историко-критическом анализе должен как-то выявить, накопить.

И я фактически задаю здесь такой верстак для себя, что я получаю возможность конструировать бесконечное количество способов в зависимости от того, какого рода задачи я туда кладу. Я задачи тоже буду конструировать, но конструировать на этой тройной связке… У меня, с одной стороны, есть то, что в прошлом (на что идет опора)…

Наумов: Может быть, способ конструируется не под задачи, а под проблемы, и тогда вам не нужно было бы сейчас говорить о задаче.

Я уже это разделил. Я хочу, чтобы мы обсуждали задачи и проблемы, способы и подходы параллельно. А вы пытаетесь стереть границу между тем и другим. А я хочу их развести и задать более широкий диапазон.

Богомолов: А третий-то кто?

Настоящий переход, сам способ. Есть ситуация решения задач, процесс решения задач — это один полюс. И вроде бы это и есть форма существования способа. Способ и должен осуществиться в процессе решения.

Что такое *способ*? Это то, что мне позволит решить. Значит, способ — это и есть потенциальное это решение. С другой стороны, способ не есть *это решение*, поскольку он — способ, а не решение,

хотя он и осуществится в решении. Он есть нечто другое — то, что даст возможность построить решение, поскольку решение строится. Мы как раз должны исходить из того, что решение не есть конструкция способа. Способ есть нечто третье.

Богомолов: Различия, которые появляются при реализации способа, могут давать толчок к развитию способа внутри себя, без смены…

Только не знаю, способа или нет. Поскольку решение не есть способ. Но, с другой стороны, сам способ есть не что иное, как особая парадигматическая соорганизация прошлых решений. Значит, много решений, обобщаемых и организуемых в класс, или одно решение, подразумевающее за собой целый класс, множество… Если одно решение, то тогда оно туда и переносится, а ведь ему же нужно от множества решений перейти к чему-то другому, и это достигается за счет того, что много разных решений [обобщаются].

Вы, Никита, здесь сплющиваете, схлопываете рефлексию, мышление, действование. А поскольку у них у каждого свое особое содержание, то вам кажется, что то, что появляется, там уже и было.

Имеется ряд решений — это не способы. Потом способ — это еще не следующее решение. Потом следующее решение… Это все разные образования. Вспомните все мои разговоры о том, что их соединяют, склеивают, что смысл рассматривают как реализующиеся значения, не видят разницы между смыслом и значением.

А здесь надо видеть все время эту разницу и одновременно связь, переводящую одно в другое. Поэтому здесь структура всей этой связки — переноса — это одно…

Гнедовский: И это как бы функциональное рассмотрение, а другое — генетическое.

Там много разных, и они все пойдут в разные планы. Причем это все — «ЗГ», потому что и прошлые решения(каждое из них) живут в своем особом времени, способ живет в своем особом времени, и будущие решения живут в своем особом времени.

Гнедовский: Поэтому вы неправильно сказали и поправились, что будущее и прошлое связывается в способе через настоящее. Конечно нет, поскольку здесь времени нет. Наоборот, связывается через ахронию. Трансляция идет через время в культуре.

Верно. Но когда я взял это в одной связке и не отношу это к многослойному плану многосферной организации деятельности (у меня есть одна структура, или функциональная организация), то тут я вынужден говорить о гетерохронности составляющих элементов.

Гнедовский: Я указываю только на то, что вы не рассматриваете вопрос о времени.

Это если я очень культурный. А если я, скажем, на уровне аристотелевской культуры, или эйнштейновской, или на уровне культуры Бергсона, то я вынужден говорить о связи прошлого, будущего и настоящего.

Мы с вами уже выяснили и договорились, что *структурно-системный подход* кардинальным образом меняет все представления о времени и пространстве. Мы с вами выяснили и договорились, что в настоящее время отсутствуют представления о времени и пространстве, адекватные структурно-системному подходу. А раз их нет, то я здесь вынужден говорить в старых терминах и говорю, что все «ЗГ» нужны для того, чтобы этот момент отфиксировать.

Гнедовский: Ну и что вы прибедняетесь? У вас же они есть. Вы же различаете культурное время и время течения этих… И есть много других временных осей.

Отлично. Вы думаете, что от того, что у меня стало столько временных осей, я стал богат? Ничего подобного! Ибо это и есть основания редукционизма — когда у меня много, я могу выражать в этом, в этом и т. д. — это каждый раз редукция.

Проблема в том, чтобы их связать, увязать друг с другом. А пока они у меня не увязаны как разные, до тех пор у меня нет решения. Поэтому мне здесь все надо увязать одно с другим и разобраться со всем этим — как это все связано. А пока я начинаю производить процессуально-деятельностную или функционально-структурно-деятельностную растяжку.

Смотрите, какая интересная конструкция… Способ у меня «сидит» наверху (см. рис. 4). Это есть определенная организованность. Эта организованность (как организованность) «снимает», свертывает в себе множество прошлых решений, их процессуальность и потенциально содержит в себе будущее (этот процесс) — и они все разнокатегориальны. Здесь нет времени. Теперь я начинаю характеризовать жизнь каждого из элементов и говорю: каждый из них живет в своем времени, в своих процессах, и моя функциональная структура, которая есть теперь схема моего анализа фактически и онтологическая картина, и задает связь этих «ЗГ».

И последняя мысль… Мне теперь надо перейти к подходу. А подход мы с вами уже определили как тот случай, когда нет соответствующих оперативных систем. Но что значит: нет соответствующих оперативных систем? Первый случай: их много разных, и у меня нет связки их друг с другом, либо случай, когда у меня нет подходящих, адекватных, то есть все, которые есть (те, что в культуре), практически неадекватны.

Кроме того, почему обязательны переходы к оперативным системам? Что, нет ничего альтернативного? Может быть, есть отдельные

понятия, отдельные схемы и т. д. Что будет включаться в этот процесс решения той или иной задачи или проблемы? Для того чтобы разбираться со всем этим, я должен начать с конца — с целевой функции. И я должен задавать типологию ситуаций по характеру разрывов, которые здесь возникают. Но это все может делаться только по отношению к наличным способам, а эти способы — по отношению к прошлому опыту. И, следовательно, это одна целостная структура, которая и характеризует либо способ, либо подход в его деятельностной развертке, хотя сам способ или подход задан здесь в среднем члене, на уровне парадигматики.

Гнедовский: Вопрос только в том, как можно все это пройти и ухватить достаточно быстро и просто в первом приближении?

Правильно. То есть проблема только что поставленная — проблема метода всего этого анализа. Мы уже поняли, *что* примерно нам надо исследовать, на онтологической картинке более или менее зафиксировали это. У нас уже есть какой-то эскизик. Только надо быстро, но систематически и целенаправленно расслоить эти все проблемы.

III. КАК «ПОДХОД» УПОТРЕБЛЯТЬ В КООПЕРАТИВНОЙ РАБОТЕ?

В ЧЕМ СПЕЦИФИКА МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ПРОБЛЕМАМ НАУКИ

Задача представителя специальной науки состоит в том, чтобы построить знание о предмете своего изучения, или, иначе, описать этот предмет в некоторой знаковой форме. При этом ученый пользуется средствами и методами, уже выработанными в его науке. Пока они «работают» безотказно и дают знания, хорошо согласующиеся между собой и отвечающие поставленным задачам, ему не приходится задумываться по поводу их характера и строения. Иное положение складывается, когда встают задачи, не разрешимые старыми средствами и методами, или когда появляются новые объекты, к которым старые средства не могут быть приложены; тогда условием решения задачи становится создание новых средств и методов.

Как это делается? Возможны две полярные линии.

Одна — это путь «искусства»*. Он заключается в комбинировании уже существующих в данной науке средств и методов, в многочисленных пробах, приводящих в конце концов к трансформации этих средств и к нахождению случайного решения, в попытках переноса средств из других наук, отсеивании неудачного

Фрагмент работы: Щедровицкий Г. П. Проблемы методологии системного исследования. М. : Знание, 1964. С. 5–14.

* «Искусство» в том значении этого слова, которое оно имело в Средние века: искусное, то есть очень умелое, совершенное выполнение работы, основанное на богатом эмпирическом опыте; в таком смысле это слово сейчас часто употребляют кибернетики, например Л. Куффиньяль (см. его статью в сборнике «Наука и человечество»: [Куффиньяль, 1963]).

и в приспосабливании, прилаживании того, что оказалось наиболее подходящим. Главные факторы в этом процессе — время и число проб; в конце концов нужное средство бывает найдено. Основной признак — отсутствие каких-либо общих знаний о средствах и методах, которые бы направляли и регулировали этот поиск.

Второй путь разработки новых средств исследования предполагает теорию самих методов — «методологию». В этом случае специалист-предметник комбинирует не просто что придется, что попало «под руку», а в соответствии с имеющимися у него знаниями о всех существующих в это время средствах и их отношении к задачам. Он пытается перенести не любые средства из других наук, а только те, о которых он знает, что они могут подойти для решения вставших перед ним задач и описания заданных ему объектов; в случае необходимости он создает новые средства, заранее зная, подобно инженеру, создающему машины, какими они должны быть.

Но какой должна быть сама методология науки, ее знания, чтобы обеспечить подобную работу по созданию средств научного исследования?

Существуют две основные точки зрения на этот счет.

Представитель первой точки зрения (ее можно назвать «натурфилософской») считает, что предмет методологии — природа, мир как таковые. С этой стороны, методолог, на его взгляд, ничем не отличается от специалиста-предметника. Например, физик анализирует физические процессы в объектах, и ученый, работающий в области методологии физики, тоже должен изучать эти же физические процессы. Разница между ними заключается только в том, что физик будет изучать физические процессы конкретно, опираясь, с одной стороны, на экспериментальные методы, с другой стороны — на аппарат математики, а методолог будет изучать физические процессы «в общем», выделяя их «общие» стороны и свойства. По убеждению натурфилософа, понятия, вырабатываемые при таком «общем подходе» к физическим процессам, могут служить методами для конкретного физического исследования.

Представитель второй точки зрения (ее можно назвать «теоретико-познавательной») считает, что предмет методологии как науки принципиально отличен от предмета всех других конкретных наук; это — *деятельность познания*, мышление, или, если говорить более точно, *вся деятельность человечества*, включая сюда не только собственно познание, но и производство. Можно сказать, что методология, на его взгляд, есть теория человеческой деятельности. Именно поэтому методологические знания могут служить руководством при поисках и выработке новых средств научного исследования: ведь они

описывают и даже заранее проектируют ту деятельность, которую нужно для этого осуществить.

По-видимому, только теоретико-познавательная точка зрения на методологию оправдывает ее выделение в качестве действительной науки.

Чтобы описать условия, в которых выделяются специфически методологические проблемы, рассмотрим в схематизированном виде особые ситуации, складывающиеся в ходе развития науки, — так называемые «антиномии», или «парадоксы».

Их общая логическая схема может быть представлена очень просто. Определенный объект ***A***, являющийся образцом и эталоном класса [объектов], анализируется сначала посредством процедуры Δ_1 и выступает как обладающий свойством ***B***; потом этот же объект анализируется посредством другой процедуры Δ_2 и выступает как обладающий свойством не-***B***. При проверке обнаруживается, что процедуры выполнены правильно, что они обе в равной мере могут быть применены к этому объекту и при данном уровне развития науки не удается выявить того свойства в объекте, которое обусловливает столь странные результаты исследования. Таким образом, оба знания «***A*** есть ***B***» и «***A*** есть не-***B***», полученные соответственно с помощью процедур Δ_1 и Δ_2, оказываются одинаково обоснованными и «правильными», и это создает особую ситуацию «разрыва» в развитии науки.

Уже в древнегреческий период была зафиксирована масса подобных ситуаций (они назывались «апориями») в самых различных науках — в математике, физике, философии.

Например, записывался натуральный ряд чисел, в нем выделялись числа — «полные квадраты»; они сопоставлялись со всем рядом:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	…
1			4					9							16	…

Совершенно очевидно, что при таком способе сопоставления, чем дальше мы будем двигаться по ряду, тем меньшим будет «вес» полных квадратов по сравнению со всеми другими числами. Из этого делали вывод, что число полных квадратов в ряду натуральных чисел *меньше*, чем число всех чисел. Но затем предлагался другой способ сопоставления: каждому числу натурального ряда ставился в соответствие его квадрат:

1	2	3	4	5	6	7	8	…
1	4	9	16	25	36	49	64	…

Было очевидно, что сколько бы мы ни двигались так по ряду, мы всегда сможем это сделать. Из этого делали вывод, что число полных квадратов в бесконечном ряду чисел *не меньше* числа всех чисел.

Таким образом, применяя два различных способа рассуждения — и заметим: правильных с точки зрения существовавших тогда понятий, — мы приходим к двум различным, исключающим друг друга утверждениям.

Могут попробовать возразить, что эти утверждения не были правильными, так как к бесконечным множествам с точки зрения современной математики не могут применяться понятия «больше», «меньше», «равно», а должны применяться понятия «мощности» и связанные с ними процедуры сопоставления*.

Это правильно. Но мы знаем это сегодня, а когда этот вопрос встал и когда его обсуждали, начиная, по-видимому, с Демокрита и вплоть до работ Г. Кантора, понятия мощности множества не существовало, и приходилось пользоваться теми понятиями, которые были. Кроме того, даже и с этой модернизированной точки зрения нужно признать, что оба утверждения по поводу числа полных квадратов в ряду натуральных чисел находятся в совершенно равных условиях — оба являются одинаково ложными или одинаково истинными. Только это важно в контексте данного рассуждения: возникала ситуация, в которой два знания исключали друг друга и оба были одинаково правильными, и из этой ситуации нужно было выходить, создавая новые средства науки.

Чтобы снять возможное впечатление, будто парадоксальная ситуация возникает из-за оперирования «трудным» и немного мистическим понятием бесконечности, разберем еще пример физического парадокса, выявленного Г. Галилеем примерно через две тысячи лет после появления разобранного выше математического парадокса.

Различие между равномерными и переменными движениями стало известно людям уже давно. Но это было лишь наглядное, чувственное знание, не осмысленное в понятиях. Существовавший во времена Аристотеля чувственно-непосредственный способ сопоставления движений, когда время фиксировалось как равное, а сравнивались одни лишь отрезки пройденного телами пути, не позволял выявить различие между равномерными и переменными движениями в виде понятия.

---

* Понятие «мощности» множества было введено знаменитым немецким математиком Г. Кантором (см. по этому поводу сборник «Новые идеи в математике»: ([Кантор, 1914]).

И хотя в представлении древних понятие скорости было результатом и средством сопоставления движений вообще, независимо от их характера, по содержанию и по своему строению оно служило адекватным отражением только равномерных движений. Поэтому когда Галилей приступил к исследованию ускоренных движений, используя для этого понятие скорости, выраженное в формуле

$$v = \frac{s}{t}$$

то это привело его к логическому противоречию (антиномии). Так как часы, находившиеся в его распоряжении, несмотря на все произведенные усовершенствования, были все еще малопригодны для измерения небольших промежутков времени, Галилей решил замедлить исследуемые движения падения с помощью наклонных плоскостей, а это, в свою очередь, заставило его сопоставить между собой падение тел по вертикали и по наклонным. Согласно определениям Аристотеля, из двух движущихся тел то имеет большую скорость, которое проходит за одно и то же время большее пространство, чем другое, или то же пространство, но за меньшее время. Соответственно, считалось, что два движущихся тела обладают одинаковой скоростью, если они проходят равные пространства в равные промежутки времени.

Галилея эти определения уже не удовлетворяли. Выработанный им способ измерения времени позволил представить понятие скорости в виде математического отношения величин пути и времени. С этой новой точки зрения ничего не изменится, если назвать скорости равными и тогда, «когда пройденные пространства находятся в таком же отношении, как и времена, в течение которых они пройдены» [Галилей, 1948, с. 34]. Поскольку Галилей уже «подвел» понятие скорости под более широкое понятие математического отношения, сделанный им переход был вполне законен. Равенство отношений

$$\frac{s_1}{t_1} = \frac{s_2}{t_2}$$

как при $s_1 = s_2$, так и при $s_1 \neq s_2$, остается справедливым, если t_1 и t_2 меняются в той же пропорции, что и пути.

Итак, имеются два определения равенства скоростей двух движущихся тел.

Первое: скорости двух тел равны, если за равные промежутки времени эти тела проходят равные пространства.

Второе: скорости двух тел равны, если пространства, проходимые одним и другим, пропорциональны временам прохождения.

Второе определение является обобщением первого. Имея эти два определения, Галилей приступил к сопоставлению конкретных случаев падения тел. Пусть по ***CB*** и ***CA*** (см. рис. 1) падают два одинаковых тела ([два шара]). Скорость тела, падающего по ***CB***, будет больше скорости тела, падающего по ***CA***, ибо, как показывает опыт, в течение того времени, за которое первое падающее тело пройдет весь отрезок ***CB***, второе пройдет по наклонной ***CA*** часть ***CD***, которая будет меньше ***CB***. Отсюда в соответствии с первым определением можно сделать вывод, что скорости тел, падающих по наклонной и по вертикали, не равны.

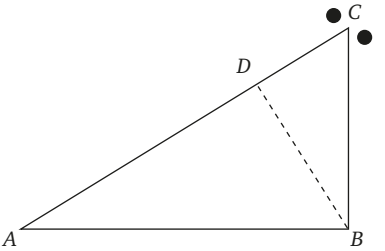


Рис. 1

В то же время известное Галилею положение о том, что скорость падающих тел в какой-либо точке зависит только от высоты их падения, наводит его на мысль, что раз скорости тел в точках ***A*** и ***B***, расположенных на одной горизонтали, равны, то они должны быть и вообще равны на отрезках ***CA*** и ***CB***. Он проверяет это предположение на опыте, и действительно оказывается, что отношение времен падения по всей наклонной и по всей вертикали равно отношению длин наклонной и вертикали. Отсюда в соответствии со вторым определением можно сделать вывод, что скорости тел, падающих по наклонной и по вертикали, равны.

Таким образом, следуя рассуждению Галилея, мы получили два противоречащих положения: 1) «скорости тел, падающих по ***CA*** и ***CB***, равны»; 2) «скорости тел, падающих по ***CA*** и ***CB***, не равны».

Причину выявленного Галилеем противоречия нельзя искать в произведенном им обобщении условий равенства скоростей. Если бы мы, пользуясь старым условием равенства скоростей, начали сопоставлять движения шаров по ***CA*** и ***CB***, беря отрезки проходимого пути в разных частях ***CA*** и ***CB***, то мы получили бы и при старом определении весьма противоречивые результаты. Скорость падения шара по ***CB*** могла оказаться в одном месте больше скорости падения шара по ***CA***, в другом — равной, в третьем — меньшей. Таким образом, рассмотренное развитие понятия скорости и обобщение условий равенства

скоростей не являлись причиной противоречия, а были лишь случайными обстоятельствами, которые облегчили его обнаружение.

Причина этого противоречия заключена в том, что понятие скорости, сложившееся из сопоставления равномерных движений и однозначно характеризовавшее эти движения, уже не подходит для сопоставления и однозначной характеристики движений неравномерных*.

Подобные логические противоречия, или антиномии, можно часто встретить в истории науки. Оба положения, составляющие антиномию, в равной мере истинны и неистинны. Истинны в том смысле, что они оба действительны, если мы исходим из существовавшего в то время определенного строения исходного понятия. Неистинны в том смысле, что это строение понятия уже не может дать однозначной характеристики новых исследуемых явлений.

Ситуации парадоксов, или антиномий, занимают особое положение в ходе развития науки. Прежде всего, в их контексте уже бессмысленно спрашивать: какому из имеющихся знаний соответствует объект — первому или второму? Он не соответствует ни одному из них, он отличен от обоих. Так, благодаря сопоставлению двух исключающих друг друга знаний, относимых к одному объекту, сам объект *отделяется* от знаний о нем и *противопоставляется* им как нечто третье, пока не познанное. По выражению Гегеля, сначала в понятии мы видели сам объект, теперь понятие как форма отделяется от объекта. Это первый и, наверное, основной шаг в формировании теоретико-познавательной точки зрения на мир.

Выделение объекта как чего-то отличного от того, что мы видим в знании, и сопоставление знаний друг с другом заставляет сделать следующий шаг и поставить вопрос: чем обусловлено это различие знаний? При ответе на этот вопрос выявляется следующий элемент предмета теории познания: *процедуры* получения знаний, процедуры познавательной деятельности. Именно в них находят ту причину, которая привела к различию знаний об объекте.

Появление теоретико-познавательной точки зрения делает возможным и собственно методологический подход в разработке средств науки.

Дело в том, что в каждой ситуации могут быть поставлены две разные задачи и в соответствии с этим как практическая, так и исследовательская деятельность могут идти по двум принципиально различным линиям и опираться на различные методы. В одном случае исследование будет направлено на преодоление *именно этой*,

---

* Подробнее о противоречиях, связанных с развитием понятия скорости, и их решении см. [Щедровицкий, 1958]. *Примеч. ред.*

единичной антиномии, на выработку нового *специального* понятия, «снимающего» антиномию. В другом — оно может быть направлено на выяснение условий появления антиномий *вообще* (а не только этой единичной), на анализ путей и методов их преодоления, на выяснение структуры вновь получаемого знания в его отношении к прежним, антиномичным [знаниям].

В первом случае мы будем оставаться в рамках данной специальной науки, математики, физики или химии, будем пользоваться ее специфическими методами. И при этом каждая новая антиномия будет вставать перед нами такой же проблемой, как и предыдущая, и мы будем подходить к ее решению вооруженными так же, как мы были вооружены при решении первой. Наш опыт преодоления антиномий никак не будет осознаваться и не будет влиять на последующую деятельность.

Во втором случае необходимо выйти за границы той или иной специальной науки и выделить совсем особый предмет рассмотрения — знания об объектах, процессы выработки и их использования. Здесь придется прибегнуть к совершенно иным методам исследования, выработать понятия принципиально иного рода, нежели понятия той или иной специальной науки; и это будут понятия методологии (в широком смысле этого слова, включая туда логику и теорию познания).

Антиномии, или парадоксы, возникающие в ходе развития науки, были взяты нами в качестве примера ситуаций, которые делают необходимой постановку собственно методологических задач. В этих ситуациях фактически формируется и выделяется та действительность, которая становится предметом методологии как науки. Эта действительность — *деятельность по получению знаний**.

Мы можем изобразить ее строение в блок-схеме (см. рис. 2), если выделим и перечислим основные составляющие всякой деятельности. Специальный анализ показывает, что в любой акт познавательной деятельности обязательно входят: 1) задачи (или требования), 2) объекты, 3) средства, 4) формы знаний и 5) процедуры, создающие их.

Эту схему можно рассматривать как первое приближенное изображение предмета методологических исследований.

---

* Здесь нужно заметить, что, кроме ситуаций антиномий, существует еще ряд других ситуаций, в которых точно так же ставится задача исследовать познавательную деятельность и выделяются ее составляющие. Мы не анализируем их, так как с интересующей нас стороны они ничем не отличаются от ситуации антиномии.

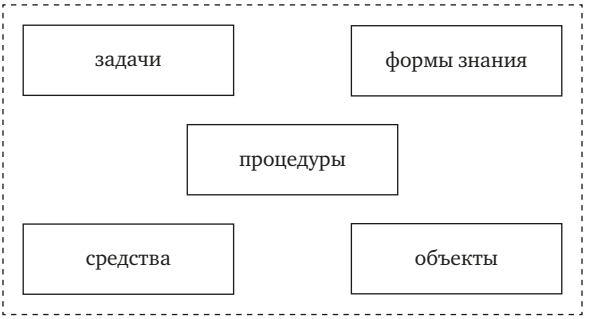


Рис. 2

Очень важно также подчеркнуть, что постановка вопроса об объекте как таковом, в отличие от «данности» его в той или иной форме знания, появляется впервые отнюдь не в специально-научных исследованиях, как это обычно думают, а только в методологическом анализе. В специально-научных исследованиях, где имеется одно или несколько легко соединимых друг с другом знаний об объекте, не возникает вопросов об объекте как таковом и нет нужды противопоставлять его знаниям. Мы уверены, что объект таков, каким он дан нам в этих «знаниях». Только в ситуациях антиномий и аналогичных им нам приходится выделять объект, ставить вопрос о его природе и стараться изобразить его как таковой, в форме, отличной от всех уже существующих о нем знаний*. Поэтому именно методология и теория познания, как это ни странно на первый взгляд, оказываются учением об объектах и областях объектов, то есть обязательно включают в себя моделирующую мир онтологию**.

Поэтому ошибочным является тезис, время от времени всплывающий в философской литературе, что-де теория познания и логика являются наукой о деятельности и процессах познания, *а не* о мире. Это противопоставление неправомерно: она является наукой о деятельности познания и тем самым о мире, включенном и включаемом в нее. Само это противопоставление было обусловлено неправильным пониманием объективности — был забыт знаменитый тезис К. Маркса: «Главный недостаток всего предшествующего материализма — включая и фейербаховский — заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме *объекта*, или в форме *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность*, *практика*, не субъективно» [Маркс, 1955, с. 1].

---

* См. [Щедровицкий, Садовский, 1964].

** Под онтологией в данном случае понимается построение специальных изображений объектов как таковых.

Но это представление объектов в методологии существенно отличается от их представления в специальных науках: оно создается как изображение их «высшей» объективности, освобожденной от частной формы тех или иных специальных задач. По этой же причине методологическая онтология не имеет ничего общего с натурфилософией: она существует в системе методологии и создается не на основе анализа физической, химической или какой-либо иной эмпирии, а на основе анализа человеческой деятельности — производства (практики) и мышления.

Таким образом, переходя в область методологического исследования, мы формируем совершенно особый предмет, который не совпадает с предметом ни одной частной науки. И мы можем исследовать и описывать этот предмет только с помощью *особых* методов, не сводимых к методам специальных наук.

О том, что это утверждение не является общепризнанным, что вокруг него сейчас еще идет борьба, говорит хотя бы широко распространенный и принятый многими тезис Д. Гильберта, что обоснование математики есть дело самой математики*. И не только математики, но и представители многих других наук разделяют и поддерживают тезис, что методологию специальных наук должны разрабатывать представители самих этих наук. Поэтому, формулируя положение, что методология науки имеет свой особый предмет и использует свои особые методы — только в этом случае она будет действительной наукой, — мы противопоставляем его положению, что методологические проблемы каждой науки могут решаться методами самой этой науки.

На наш взгляд, торжество такого подхода приводило всегда только к уничтожению самой методологии как науки. И то, что его нередко принимали, объясняется лишь одним — тем, что он избавлял от необходимости разрабатывать особые методы методологии науки. Отвергая этот тезис, мы сталкиваемся с этой проблемой во всей ее остроте: что представляют собой и какими должны быть основные *средства* методологии или теории деятельности?

---

* См. [Гильберт, 1948, с. 391, 363–364; Клини, 1957, с. 55, 58] и др.

СИСТЕМНО-СТРУКТУРНЫЙ ПОДХОД В АНАЛИЗЕ И ОПИСАНИИ ЭВОЛЮЦИИ МЫШЛЕНИЯ

1. На уровне непосредственного восприятия и практики общения «мышление» существует в виде бесконечного множества отдельных актов мысли и создаваемых ими организованностей — знаний, моделей, фактов, проблем, категорий и т. п. Каждый такой акт и каждая организованность представляют собой самостоятельное явление, и все они настолько отличаются друг от друга как в содержании, так и в форме, что нет и не может быть никакой среднетипической модели, которая могла бы рассматриваться как образец мышления.

Но что тогда позволяет нам относить все эти явления к «мышлению»? И что мы имеем в виду, когда говорим о «мышлении»?

Попытки ответить на этот вопрос привели в конце концов к специфическим схемам, объединяющим «синтагматические цепочки» и «парадигматические системы». Лингвистика проложила здесь путь, и он дался ей нелегко, но сейчас наступило время, когда эти схемы стали использовать также при описании мышления, и было понятно, что таким образом устроено все, что принадлежит к человеческой деятельности.

Разрешив одну проблему, схема «синтагматика–парадигматика» породила ряд других. Как соединить эту схему устройства

Публикуется по изданию: Материалы Всесоюзного симпозиума по проблеме «Мышление и общение». [22–25 мая 1973 г.] / Общ-во психологов АПН СССР. Мин-во просвещения КазССР. Казахск. пед. ин-т им. Абая. Казахск. респ. отд-ние Общ-ва психологов. Алма-Ата, 1973. С. 73–77. См. также: Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М. : Школа культурной политики, 1995. С. 477–480.

объекта с представлениями об историческом развитии мышления? Каждый синтагматический акт и каждая синтагматическая организованность лишь осуществляются, реализуя одну или несколько парадигматических форм; они в принципе не могут развиваться и порождать новые синтагматические и парадигматические организованности. Поэтому развитие стали искать в парадигматических системах, хотя само это допущение во многом противоречило представлениям о функциях и назначении парадигматики. Но что, с одной стороны, может быть источником и причиной развития парадигматики и по каким законам, с другой стороны, происходят сами изменения?

2. В ответах на эти два вопроса исследование пошло разными путями. Чтобы ответить на вопрос о законах развития парадигматики, сравнивали последовательные исторические состояния каких-то ее элементов и единиц, моделировали их в структурных схемах и затем искали конструктивные правила, переводящие модель из одного состояния в другое. И хотя при этом стремились, конечно, к тому, чтобы максимально имитировать исторические изменения парадигматики, подлинной целью работы всегда было лишь получение некоторых *норм* или *проектов* развития, превращавших частные варианты мышления в общий социальный стандарт.

В ответах на вопрос о причинах и источниках развития парадигматики сразу же выявились два подхода: «искусственный» и «естественный». Представители первого рассматривали систему парадигматики в качестве сознательного творения. Представители второго могли искать источники изменений либо в самой парадигматике, либо в экстрапарадигматических факторах, в частности — в синтагматических цепочках и их влиянии на парадигматику. Именно в этом контексте синтагматику начали рассматривать не только как реализацию парадигматических схем, но и как источник инноваций. Однако сама апелляция к синтагматике и происходящим в ней изменениям оставалась чисто словесным трюком, пока не удавалось объяснить, каким образом новообразования, появляющиеся в синтагматике естественно и случайно, переходят затем в систему парадигматики.

3. Решение, казалось, было найдено, когда для объяснения этого перехода стали использовать схемы кооперации и механизм рефлексивного осознания. Получилась довольно стройная объяснительная картина, но она долгое время служила лишь для обоснования самой возможности исторического развития мышления, а не для выявления и описания *механизмов* появления инноваций и их оформления в парадигматических системах мышления.

Метод описания развития парадигматических организованностей был дополнен лишь анализом синтагматических ситуаций деятельности и возникавших в них «разрывов», которые задавали функциональные требования к новообразованию, а все остальное — конструирование новой парадигматической организованности и выявление формальных правил получения ее из предыдущей — делалось точно так же, как раньше, без всякого анализа и описания реального механизма кооперированной деятельности и создаваемых ею содержаний (см. рис. 1).

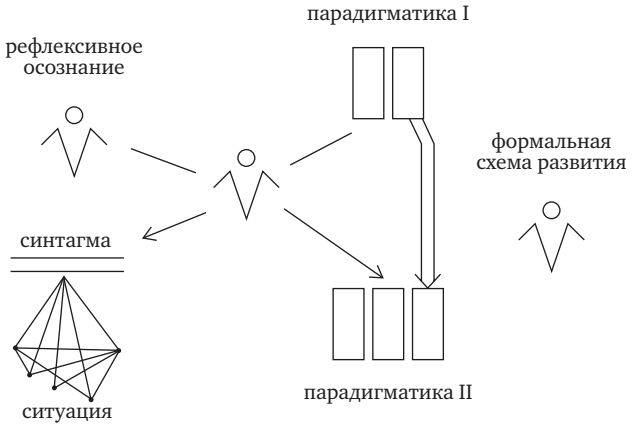


Рис. 1

При этом синтагматическое новообразование и оформляющая его парадигматическая организованность фактически отождествлялись. И это, с одной стороны, было залогом успешности и продуктивности нормативного конструирования модели и правил развития, а с другой — делало ненужным детальный анализ его подлинных деятельностных механизмов. В силу этого, естественно, не вставал вопрос, как относятся друг к другу (и в каких категориях должны быть описаны) новообразования мышления, возникающие в синтагматике, и оформляющие их парадигматические организованности.

4. Грубо говоря, вопрос заключается в том, можем ли мы называть мышлением то, что возникает впервые в синтагматике и, следовательно, еще не нормировано (а значит, и не принадлежит пока к системе мышления), но будет нормировано ближайшим шагом деятельностного механизма и, следовательно, *войдет* в систему мышления, *станет* мышлением.

С точки зрения обычных представлений это типично парадоксальная ситуация. И традиционное понятие системы (совокупность связанных между собой элементов, образующая целостность) не может здесь помочь. Поэтому приходится прибегать к новому понятию

системы, сформированному специально для описания деятельности и процессов ее развития.

Системное изображение объекта с новой точки зрения обязательно должно содержать четыре слоя представлений — *процессов, функциональных структур, организованностей материала и морфологии**. Последний слой, в свою очередь, содержит процессы, функциональные структуры и организованности материала, но уже другого типа, нежели первые, и они тоже входят в систему, но на иных правах, в другом качестве. Между собственно системными и морфологическими представлениями объекта существуют свои сложные отношения и связи, и последние точно так же должны формироваться исторически.

Используя новое понятие системы, мы можем без труда ответить на поставленный выше вопрос: то, что впервые возникает в синтагматике и проходит затем этап оформления в парадигматических организованностях, представляет собой *морфологию мышления*. Составляющие ее процессы, структуры и организованности ассимилируются кооперативно-рефлексивным механизмом деятельности и за счет этого переводятся в собственные организованности, структуры и процессы мыслительной деятельности, транслируемой из поколения в поколение. А весь этот процесс ассимиляции морфологии и рефлексивного отображения ее в парадигматических системах является важной и типичной формой становления мыслительной деятельности.

С определенной точки зрения процесс становления можно рассматривать как компоненту процессов изменения и развития парадигматических организованностей. Но при другом подходе, наоборот, процесс изменения парадигматических организованностей выступит как компонента и средство внутри процессов становления мыслительной деятельности.

5. Последнее представление становится особенно важным и приобретает более широкий смысл, когда от исследования отдельных синтагматических актов и парадигматических организованностей мы переходим к исследованию всей *сферы мышления*. Она содержит достаточно много относительно автономных парадигматических систем, каждая из которых, с одной стороны, развивается по своей особой имманентной линии, а с другой — непрерывно рефлексивно отображает и ассимилирует другие системы; и каждая из этих систем в любой момент может стать материалом ассимиляции и, следовательно, морфологией для какого-то нового, еще только

---

* Подробнее см. [Щедровицкий, 1975]. *Примеч. ред.*

становящегося мышления. И если мы берем сферу в целом, то основными и ведущими, захватывающими и подчиняющими себе все остальное оказываются именно эти процессы, создающие *линию эволюции мышления*, а не процессы развития отдельных парадигматических организованностей; последние в этом случае выступают в роли отдельных составляющих процесса эволюции мышления.

6. Особая связь и координация всех этих процессов — эволюции, развития и становления, — существующая на механизме воспроизводства деятельности и благодаря ему, создает сферу мышления как единое историческое целое, а вместе с тем задает и конституирует то, что мы называем «мышлением», мышлением вообще, в его отличии от отдельных актов мысли и отдельных организованностей мышления, как бы плывущих в едином историческом потоке внутри сферы мышления.

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ИССЛЕДОВАНИЙ: ОТ ТЕОРЕТИКО-МЫСЛИТЕЛЬНОЙ К ОРГДЕЯТЕЛЬНОСТНОЙ МЕТОДОЛОГИИ АНАЛИЗА

Основная цель и задача работы — проследить в общих эскизных чертах развитие идей Московского методологического кружка, или концепции, которая в 1950-е годы называлась концепцией *содержательно-генетической логики* (это выражение часто употребляется по старой памяти, хотя мы сами предпочитаем так уже не говорить; я постараюсь пояснить, почему и как это произошло в результате эволюции наших идей).

Эта концепция, которая теперь характеризуется как *методологический подход* с установкой на *методологическую организацию мышления и деятельности*, еще иногда называется *системно-деятельностный подход* и включает в качестве некоторых составляющих то, что мы сейчас называем, с одной стороны, *нормативно-деятельностным подходом*, а с другой — *теоретико-деятельностным подходом*. Причем все эти понятия, а именно: системно-деятельностный подход, нормативно-деятельностный подход и теоретико-деятельностный подход — это разные понятия, фиксирующие разные моменты.

Понятие *теория деятельности* отличается от всех названных выше (системно-деятельностного, нормативно-деятельностного, теоретико-деятельностного подходов), это совсем иное, и отличается от методологического подхода, методологической организации. Это не

Из отчета по теме «Постановка проблем и решение задач в условиях коллективной мыследеятельности» (1979 г.). Публикуется по изданию: Вопросы методологии. 1996. № 3–4. С. 5–20.

синонимы, а разные понятия, которые фиксируют разные моменты сложной агломерации. Каждый из этих моментов может выделяться, давая основания для своего собственного подхода, своей линии исследований.

Итак, я постараюсь проследить основные линии эволюции идей, наметить самые узловые, переломные точки, с тем чтобы както разобраться во всей этой эволюционирующей системе.

Всю историю наших исследований можно разделить на три больших периода.

Первый период, начиная с 1952 года, может быть в общем и целом охарактеризован как период теоретико-мыслительных исследований, или исследований по *содержательно-генетической логике*, хотя идея содержательно-генетической логики и сам этот термин возникли не в 1952 году, а в 1958–1959 годах.

Второй период, который начинался с 1960–1963 годов, — это был большой перелом и продолжался до 1971–1972 годов — может быть назван *теоретико-деятельностным*.

Третий период начался в 1971–1972 годах и связан с появлением такого понятия как *организационно-деятельностный подход*, и это понятие является сейчас для нас основным. Теперь я поясню графику схемы (см. рис. 1).

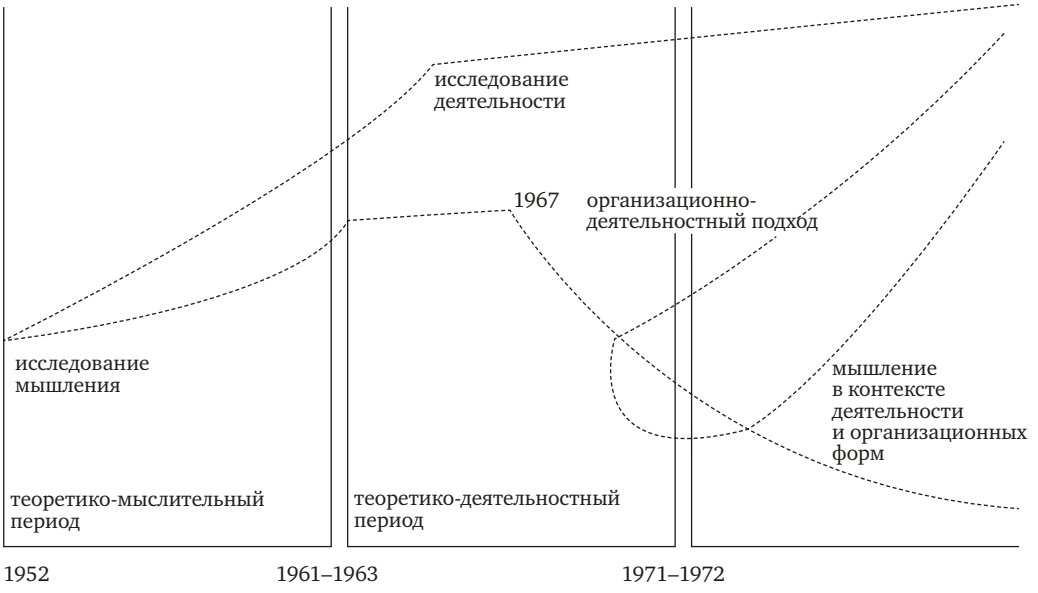


Рис. 1

На первом этапе (внутри имеются подэтапы, о которых я не говорю) мы занимались *теоретико-деятельностными* мыслительными

исследованиями, категория деятельности не использовалась в качестве объяснительной, предельной категории.

После 1960–1963 годов деятельность становится основным предметом исследования, в этом направлении концентрируются основные усилия, исследования по мышлению продолжаются, а потом резко спадают где-то около 1967 года, исследования деятельности резко возрастают. Где-то на рубеже 1965–1966 годов начинают формироваться идеи *организационного подхода*, которые становятся основными, они захватывают всю эту область и подчиняют ее, а вместе с тем дают нам возможность решить вопрос о соотношении мышления и деятельности и начать соединять их.

И тогда опять исследования мышления начинают интенсивно расти. Мы возвращаемся как бы к проблематике мышления, начинаем развертывать ее все больше и больше, но теперь уже, во-первых, в контексте деятельности, деятельностных исследований (то есть мы рассматривали мышление не само по себе), а во-вторых, в контексте организации, организационных форм и т. д.

Вот я представил как бы в самом общем и грубом виде основные этапы развития наших идей. Эта характеристика является в общем и целом интегральной и охватывающей основные результаты.

Теперь, имея в виду, с одной стороны, эту схему и это пространство, а с другой — схему организации жизни задач, я буду обсуждать все дальнейшее поэтапно, намечая основные линии переломов и характеризуя каждый этап.

При этом я буду пользоваться довольно сложной и разветвленной системой методологических понятий, которые выступают как шаблон, или таблицы, в моем анализе. Я не могу сейчас все это систематически вводить, лишь поясню (просто чтобы было понятно, о чем идет речь) весьма фрагментарно.

Например, я буду пользоваться представлениями о научном предмете, который мы разрабатывали в других частях онтологии. В научном предмете есть такие образования как онтология, или онтологическая картина, факты или материал, средства и метод, теоретические знания, проблемы и т. д. Я беру эту схему как таблицу и буду обсуждать вопросы: какие цели и задачи перед нами стояли, какие проблемы мы при этом выделяли, какой онтологической картиной пользовались, какие у нас были средства, как выделялись категории, что получалось на выходе? Я буду протаскивать это через периоды, показывать, как по этим составляющим менялись наши представления. У меня есть некоторый набор основных узлов, понятий, характеризующих мышление и деятельность. Я беру эти представления как

средства для организации своей собственной работы и для изложения. По этим табличкам, используя их как «разборные ящики», я буду характеризовать основные моменты и этапы изменения наших представлений.

1. Наша работа с самого начала, то есть с 1952 года, была методологической по своей направленности. Что это значит? Это значит, что мы рассматривали себя как методологов естественных и гуманитарных в первую очередь, социальных наук, методологов, призванных на основе анализа прошлого опыта наук (естественных, гуманитарных и социальных) сформировать средства и методы для постановки и решения научных проблем. При этом с самого начала мы рассматривали такую методологию как общую, охватывающую самые разные науки, ибо, с нашей точки зрения, смысл методологии состоит в том, чтобы *переносить* средства и методы из одних наук в другие.

Если, скажем, мы полагаем (а мы так и полагали), что естественные науки развиты в смысле средств и методов больше, чем гуманитарные, социальные, антропологические науки, то, значит, надо было проанализировать мышление, средства и методы в естественных, физико-математических науках, чтобы выделить все то, что может быть использовано для развития социальных, гуманитарных, антропологических наук.

Итак, методологическая установка задается этими двумя ситуациями: прошлой и будущей. Это — первый момент.

2. Мы тогда, на этом первом этапе, ставя перед собой методологические задачи, плохо представляли разницу между методологией и наукой. Мы исходили из гегелевских идей, которые мы сейчас считаем кардинально ложными и даже вредными, идей о том, что собственно научно-теоретическая и еще более научно-философская форма спекулятивной теории является высшей формой человеческого мышления, знания, организации, поэтому, по сути дела, все должно быть организовано в форме научных теорий.

На этом этапе мы мыслили логику как науку. (В этом был смысл, между прочим, работ Гегеля. «Наука логики» — написал он на своем фундаментальном труде, и уже в самом этом названии была заключена революция, потому что никто раньше логику как науку не рассматривал. Этот переворот совершил Гегель.)

Мы верили тогда в эту идею. Мы думали, что надо, решая методологические задачи, прежде всего научно-технически описать прошлый опыт человеческого мышления, и, получив такие научно-технические знания, мы сможем их потом использовать в качестве методологии. Поэтому наш *методологический подход*, по сути дела,

сливался с *научно-теоретическим подходом*. Тогда основная задача разработки методологии, с нашей точки зрения, заключалась в том, чтобы научно-теоретически описать мышление, то есть построить *теорию мышления*, и эта теория мышления будет одновременно и логикой, и диалектикой и т. д.

Опыт показал, что эта идея была ложной и абсолютно неосуществимой. И практика нашей собственной работы непрерывно нас самих опровергала, потому что говорили мы одно, а делали совсем другое. Счастье наше заключалось в том, что мы это с какого-то момента поняли. Но поняв это, мы стали ориентироваться не на то, что мы говорили по традиции, а на реальную практику нашей работы. И это позволило сделать дальнейшие шаги.

Итак, мы понимали разработку методологии как разработку наук, теорий, в частности теории мышления. Поэтому все это одно с другим складывалось, склеивалось. Логику мы понимали тоже как теорию мышления и считали, что теория мышления есть в этом смысле логика. И это была основная наша установка, хотя методологические ориентиры все время были. Поэтому у нас был такой странный крен, который непрерывно разваливался, порождая все новые и новые проблемы.

3. В итоге решение задач мы рассматривали с точки зрения разработки теории мышления и методологии*. В этом плане наша позиция напоминала позицию последователей П. Я. Гальперина: нас вообще задачи и их решения не интересуют как таковые, и вообще задачи и их решения не могут быть предметом теоретического подхода в том смысле, что не может быть никакой теории задач, никакой «задачелогии», «проблемологии», а должна быть «теория психики», «психологическая ориентировка».

Примерно так же рассуждали и мы. Мы говорили, что должна быть теория мышления, рассматривающая разнообразные формы мышления, а задачи — это только один вид такого мышления. Мы знаем, что кроме задач есть еще такие образования как рассуждения, которые не всегда есть решения задач (например, доказательство теорем), спор, который несет важные, может быть, определяющие моменты мышления, но это не есть решение задач. Решение задач представляло собой одну частную форму, выступая как частная группировка материала. Мы исследовали задачи и их решения не для того, чтобы построить теорию решения задач, а для того, чтобы построить теорию мышления. Но при этом мы с самого начала в эмпирической организации материала четко выделяли задачи, теории (которые

---

* См., например, [Щедровицкий, 1960а]. *Примеч. ред.*

тоже несли в себе особые моменты) и т. д., но все это рассматривали с точки зрения общей теории мышления.

4. Нам нужно было, с одной стороны, общее *онтологическое представление о мышлении*, а с другой — определенный набор *категорий*, описывающих это мышление, в том числе и решение задач.

Хотя мы с самого начала понимали, что решение задач есть частный случай мышления, но при перечислении разных видов и типов мышления мы ограничивались всегда познающим, или научно-исследовательским мышлением. Поэтому мышление мы тогда определяли как выработку знаний, или как процесс, приводящий к получению новых знаний. Для нас и решение задачи тоже выступало в превратном виде, потому что мы думали, что суть решения задачи состоит в получении знания или проблемы. А это, по-видимому, не так.

В чем же состояла эта основная онтологическая картина?

Первая основная идея, которую мы сформулировали в 1953–1954 годах, состояла в том, что основу, сердцевину мышления составляет *замещение* знаками поля практических действий и операций с объектами знаками и работой со знаками. Поэтому первое онтологическое определение состояло в том, что мышление — это работа со знаками, замещающими поле объектов (см. рис. 2). Так в общем виде выступало для нас мышление.

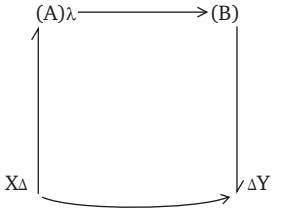


Рис. 2

Левая полустрелка символизирует *замещение*, правая — *отнесение*, возврат к объекту. Эта схема задает принцип выделения единиц измерения. Мы считаем единицей мышления (причем, полной единицей — у нас тогда же появилось важное различение полных и усеченных единиц) только полный цикл и, следовательно, как бы замыкающий через работу со знаками переход от ***XΔ*** к ***ΔY***. Это было, следовательно, опосредованное преобразование объекта.

Такая онтологическая картина сразу привела нас к резкому противоречию (причем сама эта картина снимала дискуссии, проходившие в 1952–1954 годах на философском факультете МГУ*),

---

* См. [Щедровицкий, 2012, с. 225–226]. *Примеч. ред.*

а именно: к противопоставлению *процессуальности* и *структурности* мышления. Тогда мы еще не знали о работах К. Дункера, который это уже зафиксировал. Мы плохо представляли себе историю философии. Мы выдумывали это сами, исходя из той ситуации, в которой находились, потому что ретроспективная работа назад в культуру есть всегда последующая работа в процессе человеческого самоопределения.

Сначала человек начинает решать дискуссионные вопросы, которые ставятся в его кругу, ищет какие-то решения проектно, конструктивно, потом он узнает, что, оказывается, эту проблему ставили и 2500 лет назад, что было много мнений, что ее даже, может быть, уже сняли 1000 лет назад или заменили другими. Все это появляется потом.

Тогда шли дискуссии, в которых на примере «Капитала» К. Маркса (как образцового произведения) или работ Л. Эйлера обсуждались проблемы перехода от текста, который представляет мышление, к мышлению. Но для того чтобы от текста перейти к мышлению, начать выделять мыслительные единицы, мы должны прежде всего знать их категориальную характеристику, знать, что это такое: процессуальность или структурность. В такой парадоксальной форме этот вопрос обсуждался на философском факультете: «Капитал» Маркса — это что — изображение буржуазных производственных отношений или фиксация процедур и процессов мысли Маркса? В зависимости от того, как вы ответите на этот вопрос, у вас получаются совершенно разные трактовки мышления и появляются принципиально разные представления.

Эта схема (см. рис. 2) снимала эти противоречия, поскольку мы рисовали одну схему, а интерпретировать ее начинали двояко. Двигая палец по этой схеме, мы говорили: такова структура мышления, оно статически здесь дано и представлено как одно. Чтобы как-то зафиксировать двусмысленность таких употреблений, мы различили две формы существования мышления, а именно: форму в виде процессов и форму в виде структур. Мы говорили, что эти структуры суть знания, понятия и т. д. Поэтому это фактически есть структура нашего *знания*. Мы, таким образом, соединили две категории, которые раньше не соединялись, причем соединили их на одних и тех же схемах. По сути дела, эти две категории задавали формы понимания, формы интенциональной интерпретации одной и той же структуры.

Но дальше все это расходилось, потому что если речь идет о процессе, то надо выделять единицы, а именно: процедуры, операции, писать *алфавит операций*, и тогда, между прочим, все это

(то есть то, что я нарисовал) предстанет совсем в другом виде, как, скажем, Δ_1, Δ_2, Δ_3 — последовательность разных операций мышления. С другой стороны, если мы это рассматриваем как знание и работаем в категории структуры, то здесь действуют принципиально иные категориальные принципы и прежде всего принципы целостности и нецелостности.

Это важные и принципиальные вещи. (Я, к сожалению, вынужден обсуждать это бегло, но за всем этим стоят гигантские проблемы, масса работ, многолетние дискуссии и большой труд с потом и слезами.)

Здесь возникал *разрыв*. Мы его сняли много позднее в понятии *система*. А сначала были эти две интерпретации: мы одни и те же схемы (что очень важно) толковали, с одной стороны, как процессуальные, с другой — как структурные. И дальше они развертывались принципиально иначе в разных рядах схем.

5. Следующий момент, который тоже очень важен, касается понятия *замещения*. Тогда мы начинали строить схемы замещения, задавая вроде бы объект непосредственного практического оперирования. Но это совсем не тот объект, который фигурирует в схеме ***S—O*** [субъект–объект]. Это объект оперирования и в этом смысле — *предмет*. И мы эту часть называли *объективным содержанием*. Мы вводили понятия *знаковой формы* и *содержания*, понятие *объективного содержания*. Объективное содержание — это объект, включенный в определенные оперирования и неотрывный от оперирования, и, в этом смысле, это — предмет, по Марксу. Хотя мы стали называть все это предметом, поскольку не было объектов, с которыми мы не проводили бы подобных операций, которые не подводились бы под те или иные знаки, понятия, общие формальные знания и т. д.

И мы целиком отвергли схему ***S—O***. К этому нас привела гигантская историческая традиция. Мы дальше могли только объяснять, почему мы не пользуемся этой схемой, но не доказывать. Огромное число современных исследований построено по этой схеме. Но я утверждаю, что теория мышления в нашей трактовке и теория деятельности в нашей трактовке направлены против этой схемы. Мы ее не признаем как *онтологическое основание* нашей работы.

Очень коротко: в чем смысл этого исторического процесса? Весь эмпиризм и рационализм XVII–XVIII века исходил из этой схемы — от Локка до Канта. Кант показал, что если мы исходим из схемы ***S—O***, то единственный последовательный путь — признать существование априорных идей. Никакого другого решения на этом пути

не было предложено, то есть решения, сколько-нибудь выдерживающего логическую критику. И поэтому Фихте сказал, что сама эта постановка вопроса является ложной: человек не получает знаний, взаимодействуя с объектом. Человек есть член общества, и знания получаются не в результате столкновения его с объектом, а в результате филиации идей.

И дальше, вплоть до Поппера, эта линия обсуждается в этой традиции Шеллингом, Гегелем, Марксом и т. д. — они все приняли эту фихтевскую критику. И даже неокантианцы Наторп и Виндельбанд принципиально разворачивали кантовские представления, уже отказавшись от схемы ***S—O***. Эти направления называются поэтому *методологическими*.

Значит, все это получается на самом деле, как мы представляем себе, в результате сложного процесса проверки идей и понятий на материале и через материал и возврата назад и т. д. Все то, что мы считали марксизмом, с моей точки зрения (я не буду говорить, что мое понимание истинно и т. д.), и есть дальнейшее продолжение этого круга идей. Маркс начисто отрицал схему ***S—O***, и вся суть его работ состояла в том, чтобы низвергнуть это представление, отсюда и его «Тезисы о Фейербахе»*.

Поэтому мы исходили из такого понимания истории, считая этот вопрос решенным в марксизме. Нам только важно было теперь объяснить, как это происходит. И мы зафиксировали двойное отношение, которое я представил на схеме (см. рис. 2). Причем записали таким образом схематически оба момента, которые фиксировал Маркс, а именно: то, что мы, включая объект в определенную систему практического действия, оперирования, затем замещаем наше практическое действие, наше оперирование с объектами (не объекты, обратите внимание, а наше оперирование с объектами) знаками.

Потом мы оперирование со знаками можем заменять другими знаками. Оперирование знаками третьей плоскости мы можем заменить знаками четвертой плоскости и т. д. Мы можем, соответственно, спускаться вниз, реализуя наши идеальные представления, содержание, фиксируемое в знаковых формах, снова переводить в оперирование, то есть строить оперирование с объектами, которое определяется не природой, а нашими представлениями.

Здесь реализована идея Маркса о том, что то, что сегодня выступает как материя и материал, есть лишь реализация наших собственных идей. Наша основная идея состояла в том, что происходит замещение объектов знаками, знаковыми формами, работой

---

* См. [Маркс, 1955]. *Примеч. ред.*

в знаковых формах, которая была невозможна на уровне объектов, и возврат назад как бы с новой схемой, новой формой самого объекта, которая на объекте не может быть получена. Здесь основной пункт наших столкновений с П. Я. Гальпериным и основание нашей критики.

6. Следующая проблема опять проходит через эту историю. Как оперирование соединяется с объектом? Я утверждаю: природа человеческих операций, действий проистекает не из объектов. Человеческие действия, операции имманентны, это есть *деятельность* в операциональном, процедурном плане, и вывести операции, действия из объектов в принципе нельзя. Поэтому вопрос о том, как соединяются, сочленяются операции с объектами, образуя гетерогенное, то есть разнообразное образование, мы называем *объектно-операциональным содержанием*.

Эта связка операций с объектом является искусственной, а не естественной. Когда мы применяем к объекту те или иные операции, либо нам удается что-то сделать, то есть нам сопутствует удача, либо мы получаем «граблями в лоб», и тогда начинается обратный процесс, кстати, вызывающий рефлексию и т. д. Это же все подтверждается гигантским материалом.

Мы начинаем, совершив это действие, думать, почему мы ошиблись, почему объект действует иначе, почему нам не удалось достичь своих целей, и за счет этого начинаем (в сложной процедуре анализа ошибок) формирование новых схем, новых представлений об объекте, которое идет вне объекта и помимо объекта только на основании того, что он «вырвался» у нас из рук. В столкновении с объектом мы либо получаем нужные продукты, либо не получаем. Так и начинается вся работа, и она идет в знаковом замещении.

Процесс познания, как и процесс проектирования и другие, неразрывно и непрерывно связан с объектом. Мы вводим совершенно другие, «матрешечные» схемы. Мы говорим: вот есть деятельность и внутри нее объект (см. рис. 3).

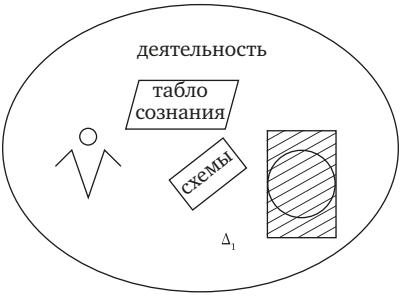


Рис. 3

И объект для нас есть не то, что противостоит деятельности, а то, что во всех его формах, объектной организации и т. д. есть элемент деятельности. При этом он, с одной стороны, включен в практические операции, с другой — зафиксирован в замещающих его схемах, которые, в свою очередь, включены в операции и т. д., а кроме того, отражены в сознании. Что же отражается в сознании? В сознании отражается только деятельность человека, и в рефлексии только деятельность <…>.

Таким образом, получилась наша собственная сложная исследовательская машина, где решение задач составляло маленький кусочек материала. Мы исследовали это не для того, чтобы ответить на вопрос, как решаются задачи, а для того, чтобы ответить на вопрос, что есть мышление, как оно развертывается. Надо было в соответствии с этими представлениями построить, во-первых, все основные типы схем замещения и оперирования, задать типологию объективных содержаний, теорию категорий диалектической логики. Надо было посмотреть, как осуществляются замещения и отнесения. Причем мы через эти замещения и отнесения вводили понятие *содержательного мышления*. Мы называли *формальным мышлением* фактически фрагмент реального мышления, тот фрагмент, когда мы оперируем только знаками (если идут вертикальные связи — это опять содержательное мышление).

Мы считали, что основное — в том числе и при решении задач — есть эти отношения замещения и отнесения. Что значит научиться решать задачи? Это значит научиться производить замещения практического оперирования с объектами соответствующими знаками, или соответствующим языком, или соответствующей оперативной системой, проделать движение в ней и суметь вернуться назад. Для нас суть мышления в этих отношениях замещения и обратных отнесений знаков к объекту, то есть суть в интенциональных отношениях. Поэтому наши представления о мышлении и логике могли бы быть еще названы *интенциональными*. В этом смысле в схеме на рис. 2 выражена не операциональность, потому что не в операциях выражается интенциональность. Интенциональность есть момент, который привносит механизм сознания.

Когда мы переходили к операционально-процессуальному (а это значит к процедурно-операциональному) представлению мышления, тут задача стояла совсем другая, и она была выражена в программной статье «О возможных путях исследования мышления как деятельности»*, написанной в 1955 году. Важно было полу-

* См. [Щедровицкий, Алексеев, 1957]. *Примеч. ред.*

чить перечень операций или их наборы, дать все эти перечни, и тогда в этой странной теории мышления должны были фиксироваться принципы построения (см. рис. 2) замещающих структур, типология объектов, тип знаков и еще типология операций и правила организации их в сложные процессы и процедуры. В этом, грубо говоря, состоял смысл этой программы, и она еще два раза в уточненной форме была повторена: в статье «О различии исходных понятий формальной и содержательной логик» и в резюмирующей статье «О принципах анализа объективной структуры мыслительной деятельности на основе понятий содержательно-генетической логики»*.

Что мы в этом плане делали?

Первоначально, начиная с 1954–1955 года, мы работали в рамках методологии и теории мышления. Эти исследования были методологическими, а не педагогическими, не психологическими.

Применение непосредственно к задачам было сделано в работе, которая называлась «Опыт анализа сложного рассуждения, содержащего решение математической задачи»**. В принципе, мы первоначально задачами не занимались, поскольку нас интересовала наука и методология науки. Мы рассматривали проблемы, а это не то, что задачи. Есть научные проблемы, а есть задачи, которые могут быть учебными и научными. Мы обсуждали прежде всего решение проблем. Например, доказательство тоже могло быть решением проблемы, если она ставилась как проблема доказать что-то или выяснить то-то и то-то.

Но, кроме того, в науке были задачи, и нами была взята одна такая задача, которую решал Аристарх Самосский. Он хотел ответить на вопрос: каково отношение расстояний «Земля — Солнце» и «Земля — Луна»? Ответ нужно было получить в условиях, когда тригонометрии не было практически (он ее создавал), были геометрические средства, не было телескопов и прочее. Ему надо было работать путем чистого замещения (он ничего мерить не мог), он должен был построить сложную модель и на ней все это рассчитать. Это была задача, причем, ответ на вопрос, каково отношение расстояний «Земля — Солнце» и «Земля — Луна» для теоретической науки, для развития ее понятий имел лишь косвенное значение — в той мере, в какой он развивал ее средства. Поэтому это была не научная проблема, не проблема построения нового понятия. Надо было дать ответ на вопрос в простых численных значениях, каково соотношение расстояний.

---

* См. [Щедровицкий, 1962; 1964а]. *Примеч. ред.*

** См. [Щедровицкий, 1997]. *Примеч. ред.*

Нам же надо было проделать большую реконструирующую работу и ответить на вопрос, как решается эта задача.

В первом варианте эта работа занимала около 200 страниц, в расширенном варианте в ней около 600 страниц и еще порядка 1000 страниц дискуссий на эту тему. Эта работа стала одной из первых, которые обсуждались на Комиссии по логике и психологии мышления. Комиссия была создана в марте 1958 года, а в 1959 году началась дискуссия по этой работе, в которой принимали участие М. С. Шехтер, В. В. Давыдов, А. М. Матюшкин и другие.

На этом материале были отработаны практически все различения — оперативные системы, теоретические системы, включение их в процесс решения задач и т. д. Что же было результатом этих исследований? Было показано, что процесс рассуждения при решении задач не может быть представлен в виде линейного процесса. Практически мы получили следующее: если изображать процесс решения задачи, то всегда там надо различить — и это было очень важно — процесс *решения* задачи и процесс *решания* задачи. Решение задачи есть продукт весьма своеобразный; процесс решения задачи всегда дает два продукта: с одной стороны — ответ, а с другой — решение как таковое. И они очень четко раскладываются. Решение есть линейно организованная цепь операций, которая дает возможность начать вычисления и прийти к ответу.

А если говорить о процессе решания, то он никогда не может быть выстроен в линейный процесс, а представляет собой сложную связку процессов, причем структура этого процесса может быть самой разнообразной в зависимости от того, какими средствами пользоваться. При этом выяснилось и было показано на материале истории науки, что длинные и сложные ветвящиеся квазипроцессы, или псевдопроцессы, непрерывно свертываются в крупные блоки и в дальнейшем вводятся новые знаковые средства и схемы, которые трансформируют и меняют все это, и в зависимости от этого протекает процесс решания. Дело не в способностях, качествах, которые в одних случаях оказываются положительными для решения, в других отрицательными. И поэтому, кстати, при решении задач совершенно не имеет никакого смысла психологическое исследование традиционного плана. Потому что, что вы там всегда будете исследовать то, что было в этот раз и не может быть перенесено на другие случаи, оно никогда не повторится. В этом смысле все эти процессы предельно индивидуальны.

Я высказал бы здесь такую мысль: к сожалению, сегодня вся великая энергия психологов тратится на погоню за «солнечными зайчиками»: вместо того, чтобы решать подлинные проблемы, они

ищут фантомы, которых, как показано, нет и не может быть в силу организации мышления. Тут способности, качества, личные моменты не играют никакой роли, если только вы не хотите описать этот индивидуальный случай.

Но оказалось, и это тоже очень важно, что и в логическом плане поиск процесса решения есть тоже бессмыслица. Мы можем, таким образом, описать тот случай, который был один раз, и весь вопрос: зачем мы его будем описывать, с какой целью?

Поэтому категория процесса при анализе процесса решания задач не работает, она принципиально не соответствует тому, что реально происходит в мышлении. Другими словами, категория процесса дефициентна по отношению к решению задач и вообще мыслительной деятельности.

Итак, мы начинали с установки, что надо искать процессы решения задач, и пришли к выводу, что хотя этот процесс решения есть и он дискурсивен, но в нем нет ни законосообразности, ни логики, и поэтому ничто не может быть передано дальше, и вообще нам анализ таких процессов если и нужен, то совершенно для других целей.

На большом материале в этой работе показано, как дальше в истории процессы свертываются, замещаясь новыми знаковыми схемами, кардинально меняя процесс мышления, показано, как в результате проделанной рефлексивной работы меняются и преобразуются средства деятельности так, что уже повторение этого процесса становится невозможным (да оно, собственно, и не нужно), что человечество все время проделывает такую работу, избавляясь от реализованных им процессов для того, чтобы строить новые процессы.

Далее встал очень важный принципиальный вопрос, как же это рассматривать, и мы поставили на первый план категорию *структуры* и резко формулировали принцип, что мышление есть структура, а не процесс. Это было получено в 1959 году*.

Итак, до 1958–1959 года это были чисто логические, методологические, теоретико-мыслительные разработки. Это были исследования нормативные в том смысле, что мы каждый раз стремились из анализа опыта мыслительной работы предшествующих поколений в особых ситуациях извлечь определенные средства для организации следующих процессов мышления, а именно для их перестройки и трансформации, не для того, чтобы описать теоретически, а для того, чтобы иметь средства, методы решения проблем. Мы говорили о проблемах, отличая их от задач, мы исследовали задачи в их особой форме, при

---

* Подробнее см. [Щедровицкий, 2003]. *Примеч. ред.*

этом мы ошибочно в тот период думали, что это и есть научно-теоретическая работа. Теперь мы понимаем, что это не научно-теоретическая работа. Мы задавали эти нормативные представления.

Но с 1958–1959 года, с созданием Комиссии по логике и психологии мышления, с появлением не просто контактов с психологами, дискуссий, обсуждений, разговоров и т. д., а необходимости организовать совместную работу, мы перешли в область изучения живой деятельности школьников. От изучения мышления, зафиксированного в текстах, и от задач реконструкции мышления по материалу мы перешли к анализу реальных деятельных ситуаций детей. И здесь возник новый комплекс проблем, который привел к принципиальному перелому всей концепции, к переходу ее от *теоретико-мыслительной* к *теоретико-деятельностной*.

Что здесь произошло? Я зафиксирую две проблемы.

1. Разница психологического и логического подхода к изучению мышления.

2. Проблема процесса решения и способа решения.

Эти две проблемы соединились с тем, что мы проделывали по обсуждению вопроса о том, какую структуру должна иметь теория мышления. Мы с самого начала ставили вопрос методологически, то есть спрашивали: а что мы должны получить в конце, через 200 лет нашей работы, какой вид будет иметь теория мышления? Поэтому параллельно со всеми этими работами был проведен комплекс исследований структуры научных теорий мышления, какой она может быть, потом теории деятельности в отличие от естественных наук, математических теорий и т. д. Мы хотели представить себе это целое и при этом соотнести с естественно-историческим процессом развития мышления. Маленький кусочек из работ 1958–1959 годов был опубликован в ежегоднике «Системные исследования»*. Это маленькая часть большой работы, законченной в 1959 году.

Итак, мы анализируем процесс решения задачи ребенком. И это процесс решения, представленный линейно. При этом мы говорили о способах решения. Почему? Потому что нам же процесс решения анализировать не надо, нам нужен способ, которым можно было бы решать все другие задачи. Спрашивается: а где этот способ существует? В работе 1962 года «К анализу процессов решения простых арифметических задач»** и в ряде других работ,

---

* См. [Щедровицкий, 1975]. *Примеч. ред.*

** Более поздний, обобщающий вариант — работа 1965 года «Исследование мышления детей на материале решений арифметических задач». (См. [Щедровицкий, Якобсон, 1962; Щедровицкий, 1965]. *Примеч. ред.*)

которые велись на материале геометрии, физики и т. д., мы все постоянно сталкивались с вопросом: если вы зафиксировали в последовательности операций и действий само решение, процесс решения, то что такое способ? Это нечто, что мы видим в этом решении? Ну ладно, мы видим, но тогда же это конструкт-способ, наша конструкция.

А где же эта конструкция существует? Когда мы вдумались в этот вопрос, все перевернулось: мы вынуждены были отказаться от теоретико-мыслительного подхода и перейти к совершенно другой концепции. Если раньше мы думали, что решение задач есть вид и тип мышления, то теперь мы говорим, что решение задач не может быть видом и типом мышления, это есть определенная деятельность, и поскольку это деятельность — это нечто принципиально иное.

К этому тезису мы пришли от двух вопросов: 1) где существует способ и чем способ отличается от самого процесса решения и 2) что такое нормативное представление и как логика мышления-деятельности отличается от психологии мышления-деятельности? Ответом на эти вопросы была кардинальная смена исходных представлений и развитие категорий.

Введя понятие о *воспроизводстве* деятельности, об основной схеме воспроизводства (см. рис. 4)*, мы фактически снова переоткрыли великое соссюровское различение речи и языка. Именно этой аналогией я хочу пользоваться.

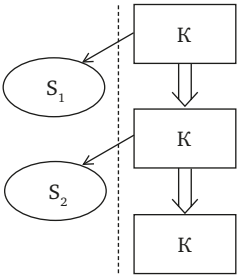


Рис. 4

Но, идя от своих проблем и парадоксов, мы вынуждены были различить эти два образования и заметить, что всякая деятельность есть реализация норм (тогда мы еще не очень различали нормативный план от средственного, это дальше появилось), но имеется такое образование, как нормы и средства вместе, которое имеет

---

* См. также [Щедровицкий, 1967, с. 38–42 (Воспроизводство и трансляция «культуры»); 1999а, с. 118–127; Лефевр, Щедровицкий, Юдин, 1967]. *Примеч. ред.*

совершенно другое реальное существование, нежели сами решения. Если мы хотим разбираться в деятельности и мышлении, то мы должны, прежде всего, четко фиксировать различие способов, которые есть некоторые конструкции средств и существуют в системе трансляции культуры и передачи через обучение и воспитание, с одной стороны, и решений, которые существуют в социетальных ситуациях, там, где они реализуются — с другой.

Здесь начинается множество сложных проблем. Например, напрочь снимается проблема творчества, оппозиция формального и творческого, противопоставление их друг другу. Вообще, оказывается, что все это смысла никакого не имеет, поскольку снято в схеме воспроизводства. Если мы берем какой-то процесс решения задачи, то, с одной стороны, каждый кусочек в нем имеет отражение в средствах и нормирован; с другой стороны, каждый процесс мышления всегда именно потому, что он нормативен во всех кусочках, творческий от начала и до конца. Это всегда есть результат индивидуальной, здесь происходящей деятельности, мышления, рефлексии и т. д. В этом смысле вообще нельзя противопоставлять творчество и нормировку, творческое всегда нормировано во всех своих морфологических кусочках, и оно вместе с тем всегда творческое, как сложная конструкция.

Если в работах теоретико-мыслительного периода мы все время твердо знали, что мы осуществляем нормативный анализ, то есть из бывшего выделяем должное, необходимое, создаем соответствующие схемы, эти схемы выступают как средства дальнейшего решения задач, дальнейшей учебы в следующих ситуациях. За счет этого идет непрерывный процесс развития и трансформации мышления. Поэтому схема воспроизводства задавала один из основных механизмов развития мышления: развитие и функционирование как бы накладываются на процессы воспроизводства. Если мы твердо понимали, что такой анализ создает некоторые нормативные представления, то теперь за счет введения деятельных представлений мы стали говорить, что это нормативное представление в смысле должного, необходимого, созданное исследователями, конструкторами, потом в ситуациях общения передается в деятельность и становится реальным элементом их деятельности. Значит, то, что мы создаем и конструируем как определяющую эпистемическую, а иногда и эпистемологическую конструкцию-схему, понятие, норму, затем через общение либо через коммуникацию попадает в систему культуры или трансляции, затем используется, за счет механизмов деятельности становится элементом реальной мыслительной деятельности, иначе говоря, выступает уже не только как нормативное описание, но и как норма или как набор средств.

Но тогда наметился очень интересный и принципиальный ход к построению совершенно новых типов исследовательских предметов, которые мы на третьем этапе назвали *нормативно-деятельностными предметами* и нормативно-деятельностными исследованиями. В чем суть этого подхода? В том, что конструктор, схематизируя предшествующий материал, в этом смысле анализируя предшествующий материал, но не исследуя его, создает соответствующее нормативное представление, и это не есть исследование.

Современное общество выделило массу операторов разного рода, которые создают подобные схемы, — математики, физики — все те, кто создает соответствующие схематизмы, языки, формы и т. д. Математика — не наука, а язык. Это старое, известное еще Декарту и Лейбницу различение невероятно важно. Есть конструкторы языков, и они могут быть представителями самых разных профессий.

Мы создаем эти схемы — это конструктивная и проектная работа, но это не значит, что она идет без материала. Она идет на материале, прежде всего, предшествующих знаний.

Когда мы получили эту конструкцию, мы должны посмотреть, это новая конструкция или она уже использовалась как норма. А дальше необходимо посмотреть, как эти нормы реализуются в процессе решения и что при этом, в принципе, появляется. Здесь нужно исследование, специально отвечающее на вопрос: как же реализуются те или иные средства, нормы, схематизмы, в частности, в процессе решания?

Тут появляется, как очень важная, категория *ошибки*, та самая категория, которая отличает этот предмет от естественно-научного. Потому что — как говорил Рене Декарт — природа ошибок не делает, а люди в своей деятельности при решении задач постоянно ошибаются, а самое главное — эти ошибки имеют положительное, эвристическое значение. А следовательно, появляется сложный гетерогенный предмет, в котором есть особая работа по выделению норм, нормативных описаний, которые делаются всеми и всеми могут делаться, но должны делаться по определенным правилам. Причем они существуют практически в каждой сфере деятельности: для педагогов нужны свои конструкторы, для логиков — свои, для психологов — свои.

И другая работа — когда мы начинаем использовать эти схемы средств и нормативных предписаний в функции первой предварительной научной гипотезы, поскольку имеем для этого основания. Если правдоподобен тезис, что средства реализуются в процессе решения (а они нам известны, поскольку они — наши конструкции), то мы можем взять эти сконструированные нами схемы в функции проектов, норм, средств и сказать: вот первое схематическое изображение

того, что там происходит. Почему? Нам не нужна традиционная функция истинности и традиционные процедуры проверки, как в естественнонаучном исследовании: соответствует наша гипотетическая схема объекту или нет. Мы имеем принцип, что схемы, которые мы создаем, организуют деятельность, — принцип Выготского, по сути дела. В этом пункте мы считаем себя органически с ним связанными. Поэтому мы можем взять такого рода схемы как основание для анализа материала.

Но что мы должны показать потом? Мы должны показать потом две принципиально важные вещи: сначала — что этот процесс соответствует этому схематическому представлению, а потом — что процесс не соответствует тому, что происходит, что в нем есть какие-то добавки. Чем они определены? Спецификой личности или чем-то еще? Непосредственно-то да, но опосредованно это есть комбинации других норм, других средств; их комбинация создает то, что характеризует здесь личность, они тоже нормированы. Это все неадекватная форма психологического описания того, что здесь происходит, это есть определенные склейки, свертки, комплексы подобных представлений. Надо описать все это, и это будет вторая часть нормативно-деятельностного предмета.

Резюмирую: *нормативно-деятельностный предмет* обязателен для всех дисциплин, изучающих деятельность или связанных так или иначе с изучением деятельности. Нормативно-деятельностный предмет имеет две разнородные части, в этом смысле это есть суперпредмет, в котором один раз идет работа по выделению, вычленению нормативных схем (с соответствующей технологией работы), а второй раз идет определенная работа по изучению, реализации всего этого — получаются знания принципиально иного типа. Принцип реализации образует сердцевину нормативно-деятельностного предмета и стержень, в соответствии с которым мы организуем наши знания. Вот что было основным результатом второго этапа.

Что явилось другим важным результатом второго этапа? Был поставлен вопрос о соотношении мышления и понимания, мышления и рефлексии. Это можно увидеть в работах, посвященных проблемам лингвистики и связанных с проблемами значения, смысла и т. д. Статья 1974 года «Смысл и значение»* дает представление об этом направлении исследований. Дальше, исходя из этих деятельностных схем, необходимо было решить проблему соорганизации мышления, понимания, рефлексии и деятельности. И именно этим были детерминированы проблемы третьего периода.

---

* См. [Щедровицкий, 1974а]. *Примеч. ред.*

Но мы не могли этого сделать без еще двух ходов, которые начинаются где-то в 1965–1966 году. Параллельно идут дискуссии, связанные с категориями *процесс* и *структура*. Очень большой вклад в эту работу сделали, с одной стороны, В. Я. Дубровский, с другой стороны, О. И. Генисаретский, а также В. М. Розин и А. С. Москаева. И от категорий *процесс* и *структура* мы должны были прийти к категории *система*, введя еще два плана, а именно: понятие *организованности*, ставшее для нас основным, и понятие *субстрата*, или *материала*. Причем понятие организованности ближе всего соответствует традиционному понятию *морфологии*. Тогда у нас получилась четырехслойная категория системы*, и для того, чтобы описать некоторый объект или явление системно, надо было представить его как процесс (или совокупность процессов), как функциональную структуру (или структуру функций) — и без этого не может быть работа в проспективном, или прожективном, плане. Мы должны представить его как организованность материала — морфологию, как бы фиксирующую следы процессов и функциональных структур, и как субстрат.

Это простая система, на базе этого [понятия] строится понятие сложной системы, и *теоретико-деятельностный подход* перерабатывается в *системно-деятельностный подход*, где фактически соединяются три подхода: *деятельностный подход*, *системный подход* (на базе этого принципиально нового понятия системы) и идеи *методологической организации*, то есть умение соединять знания разного типа — методические, научные, методологические, организационные и т. д.

Для того чтобы дальше решать все эти проблемы, мы должны были фиксировать понятие *организованности*. Оно привело нас к другому понятию — *организации*, и в 1965–1966 году было введено принципиально новое (в частности, более всего оно было развито в моих лекциях 1966 года на философском факультете о понятии управления и деятельности управления[45]) представление о *социотехнической схеме* и *социотехническом отношении***. Было введено понятие социотехнического отношения (оно невероятно важно), фиксирующее деятельность над деятельностью. Это фактически не опубликовано.

Поэтому основные вопросы, которые перед нами сейчас стоят, заключаются в том, чтобы не только разбить процесс и структуры на

---

* См. [Щедровицкий, 1975, с. 96–109 (4. Основные категории системного подхода)]. *Примеч. ред.*

** См. [Щедровицкий, 1999а, с. 152–168]. *Примеч. ред.*

единицы (целостности), а решить, сколько там социотехнических отношений одно над другим, то есть сколько надслаивающихся уровней организации. Ибо, как я уже говорил выше, процессы со средствами непрерывно свертываются в средства, которые снова входят в процесс крупноблочно.

Множество уровней организации деятельности, осуществляющейся за счет деятельности над деятельностью, непрерывно сплющиваются, ложатся одни на другие предметные организации. Предмет есть фактически такие сплющивающиеся деятельности, так он и появляется. Поэтому, чтобы развернуть предмет, надо развернуть массу деятельностей над деятельностью. Нам всегда надо решать, сколько таких социотехнических отношений. Таким образом, понятие социотехнического отношения стало основным.

Важнейшим стало понятие об *организационной деятельности*, или деятельности по организации*. Причем мы сейчас понимаем, что педагог, языковед, литературовед, методист — это все социотехники, то есть те, кто осуществляют определенную деятельность над деятельностью, откладывая результаты своей работы в более или менее сложных организациях, подтягивая все время нижнюю деятельность к верхней, верхнюю к нижней, сплющивая все это.

На основе этого мы получили возможность решить проблему соотношения понимания, рефлексии, мышления и деятельности через процессы коммуникации. Мне важно сейчас подчеркнуть, что, скажем, когда мы анализируем ту или иную деятельность, в том числе и деятельность по решению задач, мы рассматриваем ее как происходящую на уровне действования, на уровне коммуникации, вызванном, соответственно, пониманием, на уровне мышления и на уровне рефлексии.

Мы понимаем, что разные участники коллективной работы могут брать на себя не только части кооперированной деятельности (в этом смысле понятие социотехнической организации снимает идею кооперации, поскольку кооперация благодаря организации приобретает принципиально иной вид). Кооперация должна быть организована, за счет этого деятельность, которая с точки зрения предшествующих представлений должна была развертываться в четких ситуациях, как бы развертывается в этих единицах.

Членение по единицам деятельности не совпадает с морфологическим членением по носителям. Это две принципиально разные формы членения и организации. И это, на мой взгляд, порождает

---

* См. [Щедровицкий, 2000]. *Примеч. ред.*

невероятное количество психологических, личностных проблем и т. д. Это дает нам возможность принципиально по-новому решать вопрос о соотношении между действованием, пониманием, мышлением и рефлексией.

Тот массив публикаций, который мы имеем, очень неоднороден. Он отражает, с одной стороны, представления деятельностного периода, с другой стороны, представления теоретико-мыслительного периода. Я специально хочу подчеркнуть, что этот перелом есть перелом принципиально иной. Я сказал бы: в этом месте в нашей школе была принципиальная смена всей методологии. Поэтому могут существовать школы, которые продолжают теоретико-мыслительный подход. Там можно бесконечно, еще 500 лет вести весьма продуктивные исследования, но они уже стали неприемлемыми с точки зрения более высоких представлений. Теоретико-деятельностные представления дают значительно более богатое продолжение, в том числе и для решения задач, нежели теоретико-мыслительные. Но и эти представления точно так же снимаются системно-деятельностными, в которых уже мышление, рефлексия и понимание сняты через анализ процессов коммуникации, благодаря понятиям социотехнического отношения и организации.

НОРМАТИВНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Цель моего выступления сегодня состоит в том, чтобы пояснить, что я называю *нормативно-деятельностным подходом*, представить основания, которые привели к появлению этого образования и задают его назначение и функции, а также место внутри других методов, способов, подходов к исследованию интеллектуальных процессов.

Первое ограничивающее замечание, дабы все, что я дальше буду говорить, понималось достаточно узко и именно в том контексте, в каком это имеет смысл и значение.

Я полагаю (и говорил об этом здесь два года назад*), что в развитии робототехники и того, что мы называем исследованиями и разработками в области искусственного интеллекта, нужно различать два основных направления:

1) «искусственный интеллект» создается как орудийная, или инструментальная, система безотносительно к задачам имитации человеческих интеллектуальных процессов;

2) ставится специальная задача на имитацию тех процессов понимания, рефлексии, мышления, схематизации смысла, которые осуществляются человеком и в человеческих сообществах.

Доклад на Всесоюзном симпозиуме «Семантические вопросы искусственного интеллекта»(г. Киев, 12 июня 1979 г.). Публикуется впервые (арх. № 2545).

* Доклад «Связь естественного и искусственного как основной принцип исследования интеллектуальной деятельности» на Всесоюзном симпозиуме «Семантические вопросы искусственного интеллекта» (г. Киев, 7 июня 1977 г.). см. [Щедровицкий, 2005, с. 293–314]. *Примеч. ред.*

Эти два направления достаточно автономны и, самое главное, требуют совершенно разных исследований. Все, что я дальше буду говорить, имеет смысл лишь в рамках второго направления, то есть таких исследований и разработок, которые с самого начала ориентированы на имитацию человеческих интеллектуальных процессов. Я бы даже сказал еще более определенно: все, что я буду говорить, связано, прежде всего, с исследованием человеческих интеллектуальных процессов; именно в этих рамках меня надо будет понимать и трактовать.

Теперь я перехожу к основным тезисам моего доклада.

Первая, по сути дела, исходная посылка (я ее довольно подробно развивал здесь два года назад) состоит в том, что человеческий интеллект и, в частности, интеллектуальные процессы в принципе не сходны с теми физическими явлениями — механическими, термодинамическими, электродинамическими и т. п., которые нам уже достаточно известны, и мы умеем представлять их в так называемых естественно-научных теориях.

Интеллектуальные процессы являются образованиями принципиально иного рода. Это, прежде всего, целеустремленные и нормируемые системы. А это означает, что бессмысленно делать ставку на поиск каких-то законов интеллектуальных процессов. Нет у них таких законов и быть не может.

А из этого следует, что и строить модели, онтологические картины и научные теории такого типа, какие мы строим, скажем, в физике, не имеет смысла; а надо искать какие-то другие образцы построения моделей, онтологических картин и научных теорий.

Это мой исходный тезис. Я не буду возвращаться к той аргументации, которая проводилась мною здесь два года назад. Сейчас я лишь попробую осветить эти положения с несколько иной стороны, а именно исторической.

Утверждение, сделанное мною только что, представляется мне крайне важным: оно является результатом длинной, по сути дела, 25-летней истории моих собственных исследований и исследований всех тех, кто со мной сотрудничал, результатом долгой истории поисков средств для исследования интеллектуальных процессов, трудностей, редких удач, которые нам сопутствовали на этом пути, результатом осознания дрейфов и вынужденной эволюции основных представлений.

Эта история и сама по себе поучительна, но сейчас она особенно значима, как мне кажется, еще и потому, что многие исследовательские коллективы начинают эту работу примерно с того, с чего мы начинали 25 лет назад, и, как я вижу, проходят шаг за шагом этапы, которые проходили и мы.

Но зачем же повторять еще раз чужие ошибки? Как говорил Бисмарк, только дураки учатся на своих собственных ошибках, а умные должны учиться на ошибках других[46]. Вот поэтому я и хочу представить историю наших ошибок.

Все то, что мы пытались делать в исследовании интеллектуальных процессов, можно разделить на несколько основных этапов.

Первый этап — 1954–1959 годы. Мы исследовали научные рассуждения, зафиксированные в текстах, преимущественно в историко-научных исследованиях. Мы пытались восстановить те интеллектуальные процессы, посредством которых эти тексты создавались. В этих работах участвовало много исследователей, сейчас достаточно известных в нашей стране. Часть из них продолжает эти исследования и дальше, в том числе и я сам.

Основным, что характеризовало этот этап, было использование категории *процесса*. Мы ставили перед собой задачу выделить строение и основные механизмы мыслительных рассуждений, которые мы рассматривали как естественный процесс.

Мы пытались найти способы членения этих процессов, выделить в них процедуры и операции, составить алфавит операций и показать, как из них в ходе мыслительной деятельности по решению задач строятся сложные процессы. Программа этих работ была опубликована в 1957 году*, а основные результаты зафиксированы в моей работе «Опыт анализа сложного рассуждения, содержащего решение математической задачи» (окончена в 1959 году)** и в ряде статей И. С. Ладенко, В. М. Розина, А. С. Москаевой и других. В этом же контексте проводился анализ логико-эпистемического строения научной теории — «Начал» Евклида, молекулярно-кинетической теории газов, «Бесед…» Галилея[47] и др.

Второй этап начался с 1959 года, когда мы в наших исследованиях и разработках обратились к анализу процессов решения учебных задач детьми. Программа этих работ была представлена в материалах Второго съезда Общества психологов***, а затем в статье в журнале «Вопросы психологии»****. Значительная часть результатов, которые мы получили на этом этапе, представлена в моей работе в 1965 году «Исследование мышления детей на материале решений арифметических задач»*****.

---

* См. [Щедровицкий, Алексеев, 1957]. *Примеч. ред.*

** См. [Щедровицкий, 1997]. *Примеч. ред.*

*** См. [Тезисы докладов…, 1963, с. 162–187]. *Примеч. ред.*

**** См. [Щедровицкий, 1964а]. *Примеч. ред.*

***** См. [Щедровицкий, 1965а]. *Примеч. ред.*

Самое главное, что характеризует второй этап наших исследований (а он тоже был логическим в первую очередь), — это то, что мы искали некоторые *нормативные структуры* для процессов решения задач, чтобы потом использовать их в процессе обучения детей. Мы стремились выделить эти нормативные структуры решений, а после того, как нам это удавалось, рассматривали реальное поведение и реальные действия детей относительно этих нормативных представлений.

При этом мы все время стремились сопоставить то, что мы получили при исследовании мышления по текстам научных произведений, с тем, что мы получали при исследовании «живой» деятельности по решению задач у детей. Мы предполагали, что анализ «кухни», или «лаборатории» мышления большого мыслителя, даст нам возможность выявить некоторые средства, которые потом можно будет передать другим людям и таким образом оптимизировать мыслительную работу современных поколений.

Эта работа имела двойственную направленность: с одной стороны, нормативно-техническую и нормативную, а с другой — исследовательскую, поскольку мы имели «живой» материал, с которым соотносили наши конструкции и относительно которого мы их проверяли. Поэтому она была важной, в том числе и в плане дальнейшего развития наших методов работы. На тех этапах мы еще не сделали из этого необходимых методологических выводов.

Тогда мы еще думали по традиции, что можно найти нечто похожее на законы построения интеллектуального процесса, мы еще верили в это, хотя весь материал и наши собственные способы работы фактически опровергали такую установку. Даже в постановке основных задач — определить строение, формы организации, механизмы интеллектуальной деятельности — уже не было традиционной естественно-научной направленности, но наше осознание того, что реально происходило, явно отставало.

Итак, основным и характерным в нашей работе на этих двух этапах было то, что мы рассматривали *материал*, а целью и результатом наших исследований и разработок должно было быть не описание того, что происходило, а некоторое *нормативное образование*. Мы фиксировали факты, то, что фактически случилось, но при этом хотели ответить на вопрос, как нужно или как должно мыслить.

Это обстоятельство не казалось нам тогда странным, поскольку мы и естественно-научные законы рассматривали как некоторую «фотографию», с одной стороны, а с другой — как некоторое технологическое правило.

Но при этом выпадало из поля зрения то, что при естественно-научном исследовании главное — получить «фотографию», а при

педагогическом нормативно-ориентированном исследовании — норму. Мы же рассматривали материал относительно нормы и наивно полагали, что достигли успеха, если показали, что материал хорошо вкладывается в наши нормативные конструкции, то есть что нормы соответствуют материалу, а материал — нормам.

С нашей современной точки зрения, в этом было сразу две ошибки: во-первых, мы стремились к установлению соответствий между материалом и конструкциями, не очень понимая, что их отношения и связи весьма разнообразны, а во-вторых, стирали различие между *нормативными* и *естественно-научными* конструкциями, по сути дела, отождествляли нормативные образования с моделями интеллектуальных процессов.

Оба эти пункта являются крайне принципиальными. Чтобы пояснить это — установку на соответствие материала и конструкций и смешение нормативных конструкций с описывающими, — можно обратиться к истории психологии.

Нетрудно видеть, что психологи сегодня так и работают, скажем, в исследованиях П. Я. Гальперина. У них точно такая же задача и установка. Например, нормативно описываются процессы образования понятий. Когда эти процессы зафиксированы, то соответствующие схемы дают детям и говорят: вот так нужно образовывать понятия. И если дети потом образуют понятия именно таким образом, то считается, что нормативные описания оправдали себя, и на этом основании их проецируют не только в план употребления нормативного образования, но и непосредственно трактуют как модель интеллектуальных процессов. Утверждается, что, если дети эффективно строят по этим нормативным схемам решения учебных задач, следовательно, их реальные процессы мышления или те процессы образования понятий, которые происходят и должны происходить по некоторым законам мышления, описаны правильно.

Но как бы там ни было, мы более 10 лет исследовали тексты научных работ, фиксирующие мыслительную работу ученых; мы исследовали мыслительную деятельность детей по решению задач; мы развили методы своей работы; мы открыли массу интересных подробностей. Но в итоге мы пришли к общему результату и выводу, который, как мы теперь понимаем, был известен уже Платону и воспроизведен в работах К. Дункера, а именно: мышление нельзя рассматривать только как процессы, вообще ни мышление, ни понимание, ни интеллект в целом нельзя рассматривать только как процессуальные образования. Здесь нужна принципиально иная категориальная система. Это стало для нас совершенно ясным к 1965 году.

И тогда мы перешли к *категории структуры*, ибо наши нормативные образования представляли собой, по сути дела, структуры, которые задавались как одно целое и выступали как особые формы организации интеллектуальных процессов — искусственные, социотехнические формы.

Платон давным-давно знал (но мы в трансляции культуры не получили этого как знания и принципа), что в мышлении всегда есть два плана: план уже заранее заданных *структур* (и поэтому каждый человек, мысля, лишь «припоминает» то, что он уже имел, — реализует эти структуры) и другой план — план *процесса*, который он строит, план дискурсивный, или сукцессивный. И эти два плана обязательно присутствуют в том, что мы называем мышлением и интеллектом.

Таким образом, весь наш материал и весь ход нашего исследования говорили, что пока что нам нужно отказаться от категории процесса — с ней ничего не получается и не может получиться — и надо работать с категорией структуры.

Осознание и осмысление этого началось в 1960–1961 году, но к ясному и отчетливому формулированию этого положения как принципа нашей работы мы пришли в 1963–1965 годах. Этап 1960–1965 годов, таким образом, в плане категорий может считаться переходным.

В плане же методологического осмысления наших работ в целом этот этап определил переход от теоретико-мыслительных к деятельностным и теоретико-деятельностным трактовкам мышления и интеллекта.

В плане собственно предметного анализа рассуждений и деятельности по решению задач он характеризуется переходом от исследования процессов решения задач к исследованию способов решения задач и всего того, что мы сейчас называем собственно деятельностными структурами.

В период 1956–1960 годов у нас параллельно фигурировали два понятия: с одной стороны, *процесс решения задачи*, а с другой — *способ решения задачи*; и соответственно этому — процесс рассуждения и способ рассуждения. Но на вопрос, где же существуют способы, ответа не было*.

Мы конструировали способы, описывали их и давали детям — мы все это делали. Но, отвечая на вопрос, где же существуют способы «в натуре», мы опять-таки проецировали конструкции способов на процессы и считали, что там, в процессах, они как раз

---

* См. с. 284–290 наст. изд. *Примеч. ред.*

и реализуются. Но такой ответ, естественно, не мог уже нас удовлетворить.

Переход от *теоретико-мыслительных* к *деятельностным представлениям* был связан прежде всего с решением этой проблемы. И когда были сформулированы наши первые общие представления о деятельности (процессы воспроизводства и трансляции нормативных образований в системе культуры*), появилась возможность строго предметно и онтологически объяснить существование как способов решения задач, так и нормативных структур. Это происходило в период с 1961 по 1965 год: первые доклады были сделаны и первые статьи были написаны в 1961 году, первые публикации вышли в 1965 году.

Третий этап — 1961–1965 годы. С 1961 года начался фактически *теоретико-деятельностный* этап исследований мышления и вообще интеллектуальных процессов. В этот период он как бы подготавливался внутри других направлений анализа, а к 1964–1965 году слился с линией смены категорий, перехода от процессуального к структурному представлению мышления и интеллекта, и все это вместе положило начало уже собственно новому этапу наших исследований и разработок — *структурно-деятельностному*. Как только это произошло, мы получили возможность ответить на вопрос (теперь уже в онтологическом плане), чем же отличаются друг от друга: 1) нормативный план решения задач, 2) план способов и 3) реализационный план, план процессов. Мы получили возможность объяснить объективное существование того, другого и третьего.

И это опять-таки не было чем-то принципиально новым. Двигаясь на материале интеллектуальных процессов, мы снова переоткрыли для себя то, что уже сделал для лингвистики Фердинанд де Соссюр, правда, в несколько иной трактовке.

Мы поняли, что нормативные образования должны существовать в деятельности сами по себе, автономно от мыслительных процессов, являющихся реализациями этих способов; что эти нормативные образования как моментально данные конструкты, как нечто симультанно присутствующее в процессе мышления суть особые элементы мыслительных, или интеллектуальных образований, интеллектуальных систем.

Иначе говоря, наша основная задача на этом этапе работы состояла в том, чтобы развести эти два момента — способы решения задач, или нормы, и процессы решения — и задать им раздельное объективное

---

* См. [Щедровицкий, 1967, с. 38–42 (Воспроизводство и трансляция «культуры»); 1999а, с. 118–127; Лефевр, Щедровицкий, Юдин, 1967]. *Примеч. ред.*

существование, построить такую онтологическую картину, где бы нормативные образования существовали сами по себе как нормативные образования и было бы ясно, где и как они существуют, а процессы реализации существовали бы отдельно от способов и норм, в своей особой структуре, в других конструкциях и в других процессах.

Этот третий этап, который мы обычно называем структурно-деятельностным, характеризовался, следовательно, кроме перехода к категории структуры, еще созданием специальных онтологических картин деятельности, где деятельность задавалась в процессах воспроизводства и трансляции норм культуры. Один из вариантов этой картины я представил здесь на схеме (см. рис. 1).

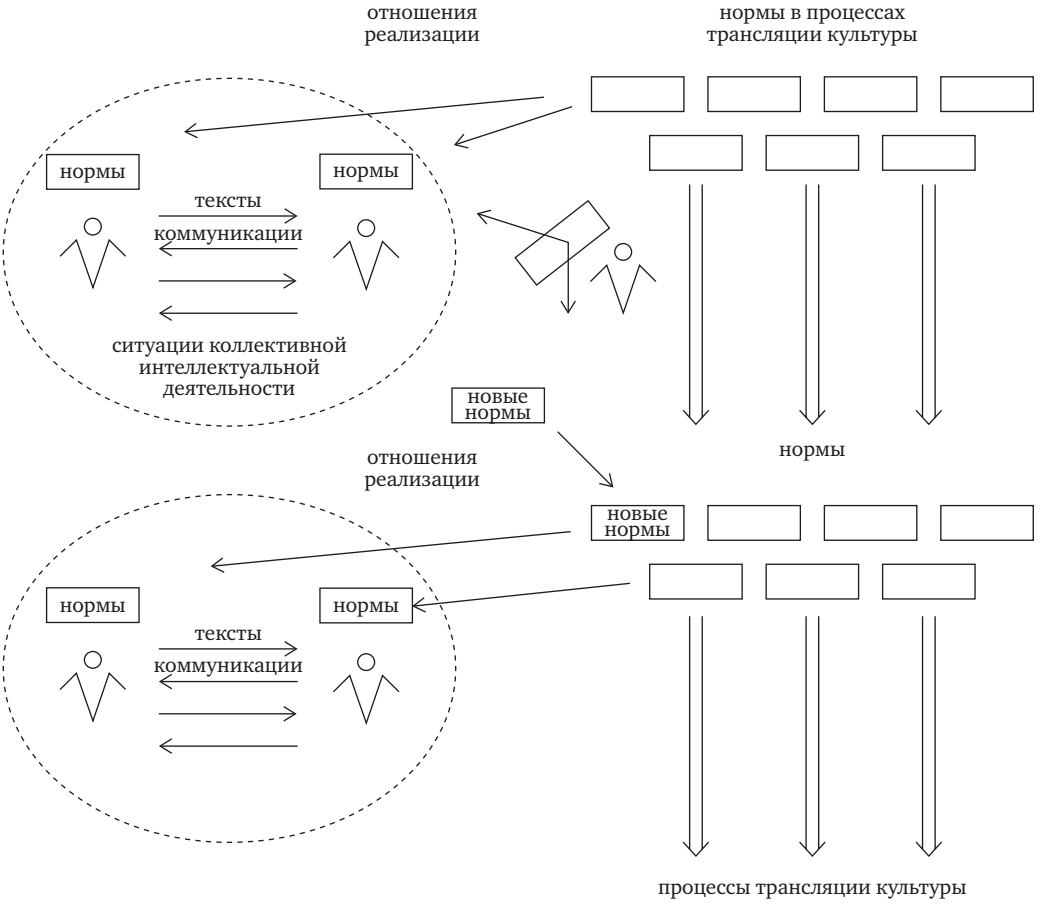


Рис. 1

Слева в этой схеме представлена одна группа составляющих деятельности, а именно ситуации совместной деятельности, в которых развертываются, в частности, процессы решения задач и другие

интеллектуальные процессы. В этой же части деятельностной структуры я нарисовал и представил те нормы, которые были усвоены индивидами, интериоризованы и реализуются ими в процессах интеллектуальной деятельности. Все, что происходит в ситуациях деятельности, нормировано. Но сами процессы осуществляются отнюдь не только в соответствии с этой нормировкой; сами нормы, выбираемые и определенным образом организуемые в процессе реализации, выделяются в соответствии с логикой овладения ситуацией, построения ситуации, переорганизации существующей ситуации и т. д. и т. п. Весь процесс, следовательно, креативен, является творческим процессом.

Но этот момент — креативности, творческого характера деятельности в ситуациях — никак не может противопоставляться моменту нормированности. Любой процесс деятельности, любой интеллектуальный процесс и нормирован, и креативен одновременно.

Это само по себе очень важный момент, который надо обсуждать особо, но сейчас для меня существенно совсем другое — самостоятельное и автономное существование в структурах общественной деятельности норм деятельности и, в частности, норм интеллектуальной деятельности, отдельно и независимо от реализации этих норм в процессах деятельности вообще, в процессах интеллектуальной деятельности в частности. Нормы деятельности (и это важнейшее утверждение для деятельностного подхода) существуют сами по себе в процессах трансляции культуры, они создаются, конструируются специальными деятелями культуры — культуротехниками, инженерами-нормировщиками, «операторами культуры», как говорят в итальянской традиции[48], но в особой фокусировке могут рассматриваться как таковые в процессах трансляции и реализации. Вот что сейчас особенно важно для меня.

Это был основной результат, основное представление, полученное нами в 1961 году, осознанное в различных планах в период с 1961 по 1965 год и с тех пор легшее в основание всех наших работ.

Я отойду теперь чуть-чуть в сторону от основной линии моих рассуждений; это будет своего рода «аппендикс», но он представляется мне сегодня крайне значимым.

На этих совещаниях собираются и психологи, и логики, и лингвисты, и инженеры, и все мы пытаемся делать общую работу по анализу и разработке систем интеллекта. Но я хотел бы обратить внимание всех присутствующих, что лингвисты, на мой взгляд, продвинулись дальше всех, по меньшей мере лет на сто по сравнению с представителями других наук — и логиками, и психологами — в развертывании онтологических картин интеллектуальной деятельности. Это

обстоятельство, которое могло бы быстро и эффективно продвинуть нас всех, если бы мы просто заимствовали и использовали главное из того, что уже поняли и наработали лингвисты, на деле становится тормозом в нашей совместной работе, поскольку мы не имеем пока общей онтологической картины интеллектуальных процессов, и собирающиеся здесь представители разных наук исходят из принципиально разных онтологических представлений.

Сейчас нам необходимо прежде всего как-то соотнести и сообразовать друг с другом наши онтологические картины.

Для психологов, к примеру (и сегодня О. К. Тихомиров ярко продемонстрировал нынешнее положение дел в психологии, хотя я, конечно, понимаю, что он не ответствен за состояние психологии в целом, ведь это «фирма», как говорится, «с ограниченной ответственностью»), до сих пор практически не существует того, что сделал Соссюр: они не отличают нормативные образования от их реализации. Поэтому им приходится склеивать то, что характерно для норм, с тем, что характерно для процессов. И то же самое делают логики. Но если логики еще могут оправдаться тем, что они нормировщики и работают только в нормативной сфере, то есть тем, что их интересуют только нормативные образования и больше они ничем не интересуются, то положение психологов много сложнее. Они-то утверждают, что интересуются «живой» деятельностью в целом, и поэтому они никак не могут игнорировать различие этих двух моментов. Мне представляется, что если психологи и дальше будут гнуть свою линию и продолжать работу, не учитывая различия норм и их реализаций в процессах деятельности, то есть нормативных конструкций и процессов, если они не будут учитывать того, что человек зажат между этими двумя принципиально разными образованиями, то, я боюсь, они будут тянуть назад не только свою собственную науку, но и работу всех других, завязанных с ними в общем движении развития исследований интеллектуальной деятельности.

После этого замечания, которое представляется мне важным не только в теоретическом, но и в практическом плане, я могу вернуться к рассказу об эволюции наших основных представлений об интеллекте.

Итак, мы вынуждены были построить схему, где различаются моменты существования норм и их реализации; мы дали нормам отдельное самостоятельное существование и получили таким образом структурные представления деятельности. Но нужно было еще ответить на вопрос: а как же создаются нормы, нормативные конструкции, нормативные описания?

Здесь мы были вынуждены обратиться в первую очередь к категориям *естественного* и *искусственного**. И это стало следующим важным шагом в развертывании структурных представлений о деятельности. А затем уже как развитие представлений об естественном и искусственном появилась идея социотехнической организации деятельности и утверждение определяющей роли деятельности над деятельностью в жизни всех систем деятельности**.

Уже потом, когда эти идеи были достаточно разработаны и развернуты, мы, опять-таки с некоторым удивлением для себя, обнаружили, что переоткрыли различения и понятия, уже вводившиеся в психологию, в частности Л. С. Выготским. Именно он настаивал на необходимости различать естественное и искусственное в интеллектуальных и вообще во всяких психических процессах. Но даже его ближайшие ученики не оценили и не приняли этой его идеи, и она не получила практически ни приложений, ни распространения в психологии.

Сейчас я не буду обсуждать самого существа идеи *искусственного* и *естественного*. Два года назад я довольно подробно обсуждал ее в применении непосредственно к проблемам изучения интеллектуальных процессов, и сейчас поэтому затрону лишь те вопросы искусственного и естественного, которые лежат непосредственно в линии моих дальнейших рассуждений.

Обратимся снова к только что зарисованной мною схеме (см. рис. 1). Предположим, что в какой-то ситуации (она нарисована на схеме сверху) произошел креативный интеллектуальный процесс. Как я уже отмечал, несмотря на то что в этом процессе все было нормировано, в нем *могли* и *должны* были возникать различные *новообразования* — новые процедуры и новые средства деятельности. Именно за счет них, собственно говоря, и была решена та интеллектуальная задача, которая стояла в этой ситуации. Но теперь, для того чтобы эти новообразования вошли в систему культуры и выступили в качестве новых образцов, норм и средств интеллектуальной деятельности, их нужно еще особым образом переработать, оформить и перевести в систему культуры. Эту работу, как я уже отмечал, осуществляют *культуротехники,* и в частности *«инженеры-нормировщики»*. (Последнее обозначение, конечно, весьма условное выражение, за которым я прошу вас видеть и фиксировать лишь два связанных между собой смысла: во-первых, работу по созданию нормативных конструкций, во-вторых, осуществляемую инженерно.)

---

* См. [Лефевр, Щедровицкий, Юдин, 1967]. *Примеч. ред.*

** См. [Щедровицкий, 1999а, с. 152–168]. *Примеч. ред.*

Чтобы сделать этот принцип наглядным, я изобразил на схеме «инженера-нормировщика», который проделывает специальную социотехническую работу — анализирует процесс рассуждения или решения задачи, выявляет структуры и механизмы осуществляемой при этом интеллектуальной деятельности, схематизирует то и другое, выражает это в виде определенных конструкций и приписывает этим конструкциям определенную нормативную функцию. На схеме я изобразил эти новые нормативные конструкции в виде заштрихованного прямоугольника.

В принципе, этот только что обозначенный механизм деятельности и обеспечивает появление в системе общественного воспроизводства новых *образцов* и *норм* деятельности. В своих основных чертах этот процесс был проанализирован и описан во многих работах, опубликованных в период с 1965 по 1974 год, и поэтому сейчас я не буду на нем останавливаться.

Мне важен в контексте моих рассуждений только один момент… Уже одно то обстоятельство, что культуротехники разного рода специально анализируют процессы интеллектуальной деятельности, чтобы выделить нормы, а затем передают созданные ими нормативные конструкции в систему культуры и в сферу образования, все время меняет отношения между нормами интеллектуальной деятельности и креативными процессами интеллектуальной деятельности в ситуациях, то есть связывающее их отношение реализации, и таким образом все время трансформирует и преобразует креативную деятельность, делая ненужным ее повторение.

И это легко понять, ибо оформление какой-либо креативной деятельности в виде нормы делает ненужным и бессмысленным повторение той креативной работы, которая до этого была выполнена коммуникантами в ситуации: теперь тот же самый продукт может быть получен путем реализации новой нормы, созданной инженером-нормировщиком, а все остальные получают свободу для нового креативного процесса для создания чего-то нового на базе имеющихся образцов и норм деятельности.

Кстати, это еще одно основание считать, что процессы деятельности — это не естественно-научные процессы. Здесь действует принцип куда более глубокий, чем принцип дополнительности. Появление каждого нового знания меняет сам объект, к которому эти знания относятся. Так живет деятельность, и так живут интеллектуальные процессы. Поэтому они принципиально историчны. И чем быстрее мы бежим вперед в познании и в нормировании самой деятельности, тем быстрее она убегает от нас в креативных процессах собственного развития.

Схемы воспроизводства деятельности, как я уже отмечал, были созданы нами в 1961 году. В 1963–1965 годах на этой базе были разработаны основные представления и понятия теории деятельности*, и, по сути дела, все, что относилось к мышлению и к интеллекту, стало рассматриваться нами сквозь призму схем деятельности и в их рамках.

Но это привело к тому, что стерлась и растворилась разница между деятельностью и мышлением. Начиная с 1963 года и, наверное, вплоть до 1972–1973 года мы рассматривали мышление как особый вид деятельности, как мыслительную деятельность. И это обстоятельство лишало нас возможности выделить и рассматривать специфически недеятельные моменты мышления, в частности все то, что относилось к собственно коммуникативному мышлению, понять механизмы построения текстов и коммуникации, представить мышление и другие составляющие интеллекта как своеобразную надстройку над деятельностью, появляющуюся в ситуациях и обеспечивающую выбор и соорганизацию самих норм деятельности. Именно это, как мне кажется, было характерным для третьего этапа наших исследований и разработок.

Правда, именно внутри этого этапа стали появляться и разрабатываться многие новые представления и понятия, существенные для перехода к принципиально новым исследованиям самого мышления.

На первое место среди этих новых представлений надо поставить, наверное, представление о рефлексии. Хорошо известное нам и не раз используемое в 50-е годы, оно обрело совершенно новую жизнь с 1964 года в контексте новых представлений о деятельности**. Это неимоверно важно и принципиально, ибо в рамках чисто мыслительных (или теоретико-мыслительных) представлений оно, по сути дела, не могло эффективно развертываться и развиваться. Теперь оно получило совершенно новый и исключительно богатый смысл в рамках деятельностных представлений, было таким образом отделено от мышления, оформлено в виде самостоятельного процесса — и все это создало совершенно новую базу для соотнесения и сопоставления рефлексии с мышлением и коммуникацией***.

На второе место я поставил бы развитие представлений о *понимании* и особой роли понимания в деятельности и в интеллек-

---

* См. [Щедровицкий, 1975]. *Примеч. ред.*

** См. [Щедровицкий, 1994]. *Примеч. ред.*

*** См. [Щедровицкий, 1975, с. 131–143 (8. Рефлексия и ее проблемы)]. *Примеч. ред.*

туальных процессах. Проблемы понимания, намеченные нами еще на первых двух этапах нашей работы в 1954–1965 годах, почти не обсуждались и не разворачивались на третьем этапе, но тем не менее зрели в нем и наполнялись совершенно новым содержанием и смыслом, а с 1971 года начали интенсивно обсуждаться и разворачиваться уже как совершенно особый и самостоятельный круг проблем*.

Наконец, третьим важнейшим моментом в развитии наших идей в тот период стал переход от *категории структуры* к *категории системы*, объединяющей в себе четыре группы категориальных представлений — процессуальные, структурно-функциональные, структурно-морфологические и материальные; он осуществился где-то в период с 1967 по 1969 годы.

Разработка совершенно новой основополагающей категории системы была исключительно важным и принципиальным достижением, и нужно было бы, конечно, обсуждать это очень подробно, но это увело бы нас далеко за рамки сегодняшнего доклада, и поэтому я лишь фиксирую этот момент среди трех важнейших обстоятельств нашего развития в период 1965–1972 годов.

А теперь я хочу продолжить обсуждение основной темы, касающейся изменений и развития наших представлений об интеллектуальных процессах.

Итак, вы помните, надеюсь, что я начал с утверждений, что интеллектуальные процессы не подчиняются законам, ибо они являются, с одной стороны, нормированными, а с другой стороны, целеустремленными системами. Я говорил также по ходу доклада, что нормированность нередко противопоставляют творческому, креативному и что это противопоставление является, в принципе, ложным.

Теперь я хочу продолжить эти замечания и в той же манере отмечаю, что нередко нормированность интеллектуальных процессов противопоставляют целеустремленности. И это противопоставление является, на мой взгляд, столь же ошибочным, как и первое. Нормы и цели являются теми двумя взаимодополняющими факторами, которые в равной мере и одновременно определяют течение и развертывание интеллектуальных процессов. Нормы и цели — это взаимодополняющие факторы, которые создают запас надежности в организации процесса. Есть еще ситуация, которая особым образом рефлексируется и в этом своем качестве тоже определяет интеллектуальный процесс.

---

* См. [Щедровицкий, Якобсон, 1973; Щедровицкий, 1974а]. *Примеч. ред.*

Итак, мы имеем, с одной стороны, нормы интеллектуальной деятельности, и живые процессы рассуждений, решений задач и т. п. строятся в соответствии с этими нормами, но, с другой стороны, мы имеем *обстановку*, ситуации и цели деятельности, которые также определяют живые процессы интеллектуальной деятельности. И в силу всех этих факторов процессы мышления и вообще интеллектуальные процессы осуществляются не как естественные процессы, не по естественно-научным законам, а как *искусство*, описываемое в понятиях *стратегии*, *тактики* и *техники*.

Но если принять, что такая трактовка интеллектуальных процессов является правдоподобной, то спрашивается: как же их можно и нужно исследовать и описывать и, главное, для чего кому-то нужны подобные описания и как ими будут пользоваться при решении тех или иных практических задач? В этом, на мой взгляд, основной вопрос, который стоит сейчас перед нами.

Я с большим вниманием слушал доклад О. К. Тихомирова и попробовал для себя его резюмировать. Олег Константинович все время говорил о том, как надо применять имеющиеся психологические знания в практических, в частности, инженерных разработках, а меня все время интересует другой вопрос: как надо исследовать интеллектуальные процессы в связи с инженерными разработками? Потому что это глубокая иллюзия — думать, будто современная психология уже дает все необходимые представления и средства инженеру, чтобы он мог имитировать интеллектуальные процессы на машинах и вообще организовать с учетом этих представлений и средств системы, непосредственно имитирующие интеллект или смешанные диалоговые системы. Повторяю: это — иллюзия.

Задача, на мой взгляд, во всяком случае для психолога, состоит совсем в другом — постараться продвинуть сами психологические исследования интеллекта. Но для этого нужно ответить на такие вопросы: что, собственно говоря, мы ищем? что мы хотим получить в результате наших исследований? что является нашей целью? будем ли мы искать законы интеллекта? а если нет, то что?

Но, к сожалению, на эти вопросы не только не дают ответа, их всячески избегают, и потому из поля зрения исчезает самое главное — ответ на вопрос: что же должна делать психология во всей этой ситуации? И не только психология, но все другие исследовательские дисциплины, которые занимаются изучением искусственного интеллекта. Я попытаюсь ответить на этот вопрос.

Чуть раньше я уже сказал, что и психология, и логика, на мой взгляд, отстали от лингвистики в плане выработки представлений

об объекте изучения. Великий лингвист Ф. де Соссюр уже различил в рамках речевой деятельности систему языка (для меня это система норм) и систему речи (для меня это «живые» процессы, выражаемые в текстах). И это, по моему мнению, совершенно адекватное представление объекта нашего общего изучения — всякой интеллектуальной деятельности. Но если это так, если есть два таких образования, то каждый раз приходится отвечать на вопрос: что вы исследуете — норму, процессы или связь и того и другого, язык, речь или речевую деятельность? И именно в такой жесткой дефиниции: или — или.

Этот вопрос во всей его остроте должен быть адресован не только логикам и психологам, но и лингвистам. Хотя Соссюр и решил эту проблему в принципе, различив в системе речевой деятельности язык и речь, но сами лингвисты никак не могут додумать эту идею до конца и вывести из нее все необходимые методологические следствия. Они постоянно ссылаются в своих исследованиях на Соссюра и его представления, но осуществляют свои исследования совсем не так, как этого требуют эти представления.

Правда, последние десять лет очень продвинули нас вперед, и появилась «лингвистика текста». Это, конечно, большое достижение, но только лингвистику текста по-прежнему пытаются строить как лингвистику языка, не ставя вопрос о необходимой специфике ее методов. И это сводит смысл всех различений на нет. Поэтому и перед лингвистикой приходится со всей резкостью ставить вопрос: в чем же специфика средств и методов изучения, с одной стороны, норм деятельности, с другой стороны, процессов (синтагматики) и, наконец, какими должны быть средства и методы изучения деятельности в целом?

Сегодня и лингвисты, и психологи, и логики работают, по сути дела, по одной и той же схеме. Они начинают все свои исследовательские процедуры с уже существующих абстрактно-теоретических, конструктивных представлений, не ставя, по сути дела, вопросов, что представляют собой эти конструкции и как они были получены. С моей точки зрения, все они являются отнюдь не научными представлениями и описаниями, полученными путем исследовательских процедур, а нормативными образованиями, используемыми прежде всего при обучении деятельности и оценке ее исполнения.

Но этот момент не осознается ни лингвистами, ни психологами, ни логиками, поскольку никем из них не фиксируется как факт объективное различие норм и их реализаций. Отсутствие самого этого различения и четких противопоставлений исследовательских

моделей и нормативных образований позволяет всем этим исследователям использовать нормативные конструкции в качестве научно-исследовательских моделей: их берут и «накладывают» на процессы в качестве описаний последних, совсем не учитывая ни структурных различий, ни различий в способах существования норм и процессов.

Получается очень странная вещь: мы сравниваем нормы с их процессуальными реализациями. Но, спрашивается: что мы хотим при этом получить? В таком методе работы и при таком подходе совершенно исчезает различие между методами построения нормативных представлений и методами собственного научного исследования явлений деятельности вообще, интеллектуальной деятельности в частности. И в силу этого мы лишаемся возможности сознательно и целенаправленно совершенствовать средства и методы как одного, так и другого. И наоборот: если мы хотим развивать и усовершенствовать как методы построения нормативных представлений, так и методы собственно научного исследования интеллектуальной деятельности, то мы должны прежде всего разделить эти два направления работы и оформить их методы как принципиально разные.

Нормативный метод анализа сам по себе вполне оправдан, но нужно четко представлять себе его место и назначение. Нужно додумать ситуацию до конца. Нормативный метод может дать нам лишь нормативные представления, или нормы. И нужно правильно определить его технологию: в сути своей она является инженерно-конструкторской работой. Надо зафиксировать это и не обманывать общественность и самих себя разговорами об исследовании. Во всяком случае, если это и исследование, то в каком-то совершенно особом смысле.

Но ведь, кроме того, надо еще исследовать реализации этих норм в процессах. И здесь действительно имеет место исследование в точном смысле этого слова. Но возникает вопрос, относительно каких теоретических конструкций мы будем рассматривать сами реализации, то есть синтагматические процессы.

Именно в этом месте я могу теперь ввести представление о нормативно-деятельностном подходе и нормативно-деятельностном предмете изучения. Оно опирается на те онтологические представления о деятельности вообще и интеллектуальной деятельности в частности, которые я развивал по ходу этого доклада.

Главное здесь в том, что всякий интеллектуальный процесс, с одной стороны, есть реализация норм, а с другой стороны, это всегда ситуативный и потому совершенно уникальный процесс.

Чуть иначе и резче этот же тезис можно выразить так: хотя любой интеллектуальный процесс жестко нормирован, но человек никогда не мыслит и не решает задачи только по норме; он всегда ищет решения целенаправленно, ситуативно и в этом смысле креативно, а значит, он всегда отклоняется от этой нормы. И всякий ситуативный интеллектуальный процесс, который мы исследуем, интересен нам как раз не тем, что он реализует норму, а именно тем, что он ее не реализует, и в тех моментах, в которых он ее не реализует. И отсюда вытекает основная идея нормативно-деятельностного подхода.

Оказывается, что мы можем взять норму — норму в смысле языка, норму в смысле некоторых логических систем, норму в смысле понятий, категорий, которые у нас зафиксированы, — и использовать ее в совершенно особой функции, а именно не как норму, то есть не как то, в соответствии с чем строится процесс решения, а как *нормативное описание* или, может быть, как *нормативную модель* самого процесса решения.

Это совсем не значит, что мы будем осуществлять нормативное исследование (или разработку) — последнее имеет совсем иную структуру и осуществляется при других обстоятельствах. И это не значит, что мы вернемся к старому недифференцированному методу работы, когда нормативное представление без достаточного рефлексивного осознания используется в качестве исследовательской модели.

Это будет совсем иное в своей сути исследование, при котором мы начинаем с четкого осознания и фиксации того, что имеем дело с нормативной конструкцией. Но к этому мы добавляем еще второе знание, что эта нормативная конструкция может быть использована совсем в особом качестве — не как исследовательская модель, которую сопоставляют с материалом процессов либо на предмет фиксации их совпадения, либо на предмет опровержения самой модели в случае несоответствия ее материалу, а как *нормативная модель*. С помощью этой модели выявляют все отличия процессов реализации от нормативных конструкций, все их отклонения, которые затем квалифицируются либо как *ошибки*, либо как *креативные новообразования*. Именно в этой новой ориентации всего исследования и в этом совершенно особом и специфическом его продолжении суть нормативно-деятельностного подхода.

Если мы берем и вторично трактуем норму как некоторое нормативное описание, то у нее появляется два плана отнесений: один план — в отношении к норме, которую оно описывает и представляет как бы автонимно, а второй план — отнесение к реализации,

к «живым» процессам деятельности. Это двойное использование и, соответственно, двойная трактовка нормативной конструкции и создают то, что называется нормативно-деятельностным подходом и нормативно-деятельностным предметом изучения.

Первое отнесение и первая трактовка, как я уже сказал, является *автонимной*. Мы говорим: это — норма, и это вместе с тем может рассматриваться нами как изображение нормы (см. рис. 2). Второе отнесение должно быть исследовательским: мы сопоставляем нормативную схему (нормативную конструкцию и т. п.) с заведомо другим — с процессом реализации, и мы спрашиваем: в чем именно и в какой мере процесс реализации отличается от той нормы, которую он реализует?

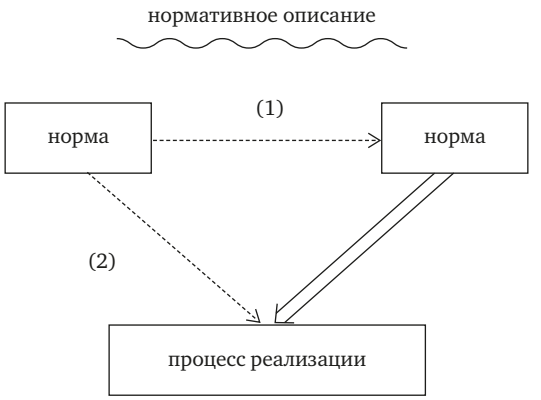


Рис. 2

Цели и задачи работы здесь, следовательно, состоят совсем не в том, чтобы материалом процесса реализации *подтвердить* нормативную конструкцию (нормативная конструкция должна подтверждаться и подкрепляться иначе), и не в том, чтобы через нормативную конструкцию *объяснить* материал реализации. Хотя такое объяснение частично и происходит, но сама по себе нормативная конструкция никогда не может объяснить процесс реализации.

Цели и задачи работы в этом случае состоят в том, чтобы прежде всего выявить и зафиксировать отличия процесса реализации от нормативной конструкции и затем сделать эти отличия предметом специального исследования и объяснения, апеллирующего уже не к норме (во всяком случае, не к той норме, которую мы выбрали первоначально). Это и будет исследование того, что традиционно называется *ошибкой*, *разрывами* и т. п. И именно так ориентированное, так *конфликтами* направленное исследование даст нам то, что может быть названо собственно нормативно-

деятельностным исследованием и *нормативно-деятельностным подходом*.

Разворачивать его мы можем в двух планах. С одной стороны, в плане как бы квазиестественного описания интеллектуальных процессов. Тогда мы будем работать так, как работает, скажем, врач, как работает патопсихолог или психиатр, когда он отмечает отклонения от нормы и ищет их причины и естественно-материальные механизмы. И это будет один план описания.

С другой стороны, мы можем взять все эти описания реальных (а не нормативно представленных) интеллектуальных процессов и поставить перед собой задачу выделить или сконструировать для них новую норму работы. Это будет уже совсем другой план работы, собственно нормативный, работы по обогащению системы норм.

Последнее замечание, которое я хотел бы сделать: всегда нужно четко знать и понимать место и ограничения нормативно-деятельностного анализа. С ним работают именно так, как я рассказал.

А кроме того, существует еще теоретико-деятельностный подход к описанию деятельности. Он включает и нормативный подход, и нормативно-деятельностный, и собственно деятельностный. Он берет системы деятельности как целостности, а это значит — обязательно в плане процесса воспроизводства вместе с историческими, или, как говорил К. Маркс, «естественно-историческими» процессами и механизмами его функционирования и развития. И это будет нечто совершенно другое, нежели нормативно-деятельностное исследование.

Нормативно-деятельностный подход может работать только в узких и определенных границах, в той отнесенности, когда мы берем за основание нормы и рассматриваем их как своеобразные модели; но именно *своеобразные* — не изображающие, не описывающие, а лишь выделяющие и фиксирующие ядро процесса. Поэтому соотнесение их с материалом осуществляется не с целью показать в материале то, что соответствует норме, а с целью выявить и показать в нем то, что не соответствует норме и может быть квалифицировано как отклонения, ошибки, новообразования и т. д. и т. п. И именно так мы будем получать факты внутри нормативно-деятельностного анализа интеллектуальных процессов.

Дальше следует целый ряд очень сложных и интересных вопросов, например: как нужно все это разворачивать в предметы изучения? какие здесь могут и должны быть направления анализа? и т. д. Но все это уже не проблемы, а отдельные задачи, которые можно решать в соответствии с заданной онтологической картиной.

Теперь я отвечу на вопрос, заданный мне по ходу доклада: «А что с целями?»

Все зависит от того, в каком плане вы ведете анализ. Если вы хотите дать квазинаучное описание того, «что было» и «как было», тогда вы обращаетесь к схемам актов деятельности*, которые здесь выступают в качестве основных объяснительных средств. Эти схемы имеют в качестве одного из блоков блок целей. И вы начинаете исследовать цели в контексте актов деятельности. Вы можете ставить вопросы: какие были цели? как они осознавались? — описывать всю «жизнь» целей. Для современной теории деятельности это не проблемы: уже лет 15, как это все расписано довольно подробно. А если вы ведете нормативный анализ, тогда вы должны все то, что там было описано и представлено как цели, представить в принципиально ином виде — как нормы. Тогда вы целевую определенность деятельности переводите в нормативную определенность, и в последующих актах деятельности все это будет существовать уже не как цели, а как нормы, как то, что нормативно вменено и человеку, и группам, и обществу, как то, что осуществляется уже не за счет целеобразования, а за счет формирования соответствующих ценностных способностей, умений, навыков, технологий, которые мы создаем, и т. д. И тогда все это содержание будет рассматриваться и изучаться уже не теоретико-деятельностно, а нормативно-деятельностно.

Благодарю вас за внимание.

Дискуссия

— Есть ли конкретные описания ваших конструктивных образований интеллекта и описание правил и законов их реализации? Если есть, то приведите образец, если нет, то как вы думаете их описывать?

В 1958–1960 гг. в «Докладах Академии педагогических наук РСФСР» была опубликована серия сообщений «О строении атрибутивного знания»**; это — один пример нормативного описания интеллектуальных процессов. В 1962 году в «Докладах Академии педагогических наук РСФСР» мною совместно с С. Г. Якобсон была опубликована серия сообщений, посвященная нормативному анализу процессов решения арифметических задач***.

---

* См. [Щедровицкий, 1975, с. 125–126 (7. Кооперация и оформляющие ее организованности)]. *Примеч. ред.*

** См. [Щедровицкий, 1958–1960]. *Примеч. ред.*

*** См. [Щедровицкий, Якобсон, 1962], а также [Щедровицкий, 1965а]. *Примеч. ред.*

В 1964 и 1974 году вышли две статьи, продолжающие эти работы*. В 1967 году в сборнике «Семиотика и восточные языки» вышла работа В. М. Розина**, демонстрирующая другие примеры нормативного анализа. В книге «Педагогика и логика», сделанной в 1967 г., представлены работы Н. Г. Алексеева, А. С. Москаевой, Н. И. Непомнящей, В. М. Розина*** с подобными же примерами нормативного анализа, осуществленного на разнообразном материале. Здесь же можно назвать работы Н. С. Пантиной по анализу деятельности детей с так называемыми «дидактическими игрушками», опубликованные в сборнике «Психология и педагогика игры дошкольника»****. Но все это — только небольшая часть уже выполненных и опубликованных работ.

— Вы серьезно говорите об отсутствии законов интеллектуальных процессов?

Да, конечно, серьезно. И более того, я очень серьезно вам говорю, что это — результат 25-летних исследований большущего коллектива ученых разных специальностей.

— И вы всерьез думаете, что мы примем этот ваш тезис?

Нет, я уже давно так не думаю, хотя, признаться, не понимаю, а почему бы вам не принять его. Пока что мне приходится с сожалением констатировать, что вы этого тезиса не понимаете и не принимаете, но почему — это для меня до сих пор остается загадкой. Я каждый раз не могу этого понять, потому что мне-то он представляется удивительно прозрачным и ясным. А почему вы этого не хотите учитывать — это для меня проблема, «восьмое чудо света»…

— В каждом явлении есть свои законы природы. Нет ничего, в чем не было бы своих законов.

Я думаю, что вы сейчас пользуетесь, извините за резкость, бытовым понятием закона, которое взято вами, наверное, из популярных книжек. Но это несерьезно.

В современной методологии есть точное понятие закона: это — определенное технологическое правило и в этом смысле — определенная конструкция. Если вы обратитесь к современной методологической литературе и познакомитесь с понятием закона, я думаю, вы всерьез уже не будете задавать таких вопросов. Ибо они звучат серьезно только с точки зрения обыденного здравого смысла.

---

* См. [Щедровицкий, 1964а; 1974б]. *Примеч. ред.*

** См. [Розин, 1967]. *Примеч. ред.*

*** См. [Педагогика и логика, 1993]. *Примеч. ред.*

**** См. [Пантина, 1966], а также [Пантина, 1965]. *Примеч. ред.*

— Законы существуют в природе; другое дело, что мы их всех не знаем.

Мне-то представляется, и, собственно говоря, в этом пафос моего выступления, что эта ваша твердая уверенность и убежденность, что во всяком явлении, с которым мы имеем дело, есть законы в традиционном естественно-научном смысле, законы в смысле «законов природы», есть основной «тюремщик», который сегодня тормозит развитие всех исследований и разработок в области искусственного интеллекта.

Я не хочу этим сказать, что вы уже, с моей точки зрения, вообще ничего не будете получать. Кое-что вы получать будете. Но каждый раз вы будете интерпретировать получаемое вверх тормашками, и это будет сильно тормозить развитие этих областей исследования.

Я еще раз поэтому повторю свой тезис: интеллект является не природным, а деятельностным образованием. И, когда я говорю, что интеллектуальные системы являются целеустремленными и нормируемыми системами, то я тем самым не просто утверждаю, что здесь нет законов, а я еще и объясняю, *что* именно заменяет эти законы и делает их ненужными. Я объясняю и показываю, что именно создает организованности этих процессов, определяющие и детерминирующие интеллектуальные процессы без того, что мы называем законами их функционирования.

Больше того, мне в каком-то смысле даже странно с пафосом здесь об этом говорить, поскольку и в биологии, и в социологии, и в психологии есть гигантские традиции, где это показано на огромном материале.

Больше того, если вы возьмете работы Норберта Винера, почитаете их и посмотрите, что он там писал по поводу закона и той трансформации, которая произошла в кибернетике с понятием цели, как это понятие было отставлено в сторону в связи с переходом от принципов телеологизма к принципам детерминизма, если вы задумаетесь над всем этим, то, я полагаю, вы более серьезно будете относиться к тому, что я говорю.

Но прежде всего, конечно, надо избавиться от внутреннего «тюремщика», который сковывает вашу мысль.

— В каждой процедуре анализа мы выявляем и совпадения, и отклонения.

Нет, если мы ищем совпадения, то мы фактически всегда и получаем совпадения. На отклонения мы, как мне кажется, можем *натолкнуться* лишь случайно и, скажем, отделить их.

Но дальше начинается одна очень интересная вещь… Она принципиальна. Мы фиксируем эти отклонения, скажем, в инженерной

психологии чаще всего как *ошибки*. Но что значит «ошибка»? Ведь нужно еще задуматься, какого рода категориальную квалификацию вы дали, сказав, что это «ошибка». Кстати, а ошибки законосообразны или нет? Ведь когда вы сказали, что это — «ошибка», тем самым вы подчеркнули, на мой взгляд, что это незаконосообразное явление. Вы будете относить это либо к злой воле оператора, либо к тому, что он не приспособлен к данной работе, не имеет навыков. Вы можете отнести это к случаю или еще к чему-то. А в нормативно-деятельностном предмете требуется совершенно иное переосмысление. Ведь надо теперь зафиксировать все это как материал, подлежащий как бы законосообразному объяснению. Я говорю «как бы», потому что это опять будет обусловленное и вызванное либо особыми целями, либо особыми нормами, либо ситуацией и т. д. То есть «ошибка» должна быть переквалифицирована в нормативно-деятельностном анализе и определена не как ошибка, а как материал, требующий своего законосообразного или правилосообразного описания и соответствующего объяснения.

И вот здесь-то, как мне кажется, в различии этих установок и заключено различие выходов в нормативный анализ и в анализ квазиестественно-научный. Здесь заложена тайна этого дела. Следовательно, суть проблемы, с моей точки зрения, не в том, что мы выявляем совпадения и при этом наталкиваемся на отклонения, а в том, с каким изначальным шаблоном и целями мы подходим и как мы осмысляем и трактуем все то, что получаем в наблюдении и анализе. При нормативном подходе у нас будут одни шаблоны и цели, при нормативно-деятельностном — другие, а при теоретико-деятельностном — третьи. В этом суть дела.

Председатель: Я вижу, что есть очень много вопросов. Но время истекло. Мы должны переходить к следующему докладу. Я думаю, что вопросы и замечания по докладу Г. П. Щедровицкого можно будет продолжить на заседаниях секций, в частности уже сегодня на заседании психологической секции.

Вопросы и дискуссия по пленарному докладу Г. П. Щедровицкого на психологической секции

Бондаровская В. М.: 1. Кто может и должен создавать нормы или они существуют независимо от нас в приобретениях культуры? 2. Как соотносится современный человек с нормами? 3. Кому практически нужны исследования отклонений от нормы, как могут применяться выработанные здесь знания?

Мне представляется, что основной недостаток в организации нынешних психологических исследований и разработок, так же как и в организации системных, квазисистемных разработок сложных научных проблем, таких, скажем, как искусственный интеллект, региональное проектирование и планирование и других состоит в том, что нет социокультурного разделения труда и соответствующей организации коммуникации и кооперации. И это то, на что мы все сейчас наталкиваемся. А применяем мы обычно образцы работы, которые сложились в современных естественных науках и связанных с ними областях инженерии.

Если мы, скажем, возьмем традиционного психолога или традиционного языковеда, то каждый из них является социотехником или культуротехником в современном смысле этих слов, каждый из них имеет дело с определенной коммуникативной и деятельной ситуацией, в которую он включен и на которую он должен воздействовать.

Поэтому если здесь вырабатываются знания какого-то рода, то это всегда знания, обслуживающие непосредственное воздействие на эти индивидуализированные объекты, и они не экстериоризируется в обобщенном виде. Это, следовательно, знания, которые принципиально отличаются от тех, которые вырабатываются в естественных теоретических науках. Но общий дух сциентизма приводит нас к тому, что мы начинаем говорить о научном исследовании в этих ситуациях, начинаем мыслить психолога и языковеда как ученого. Мы начинаем требовать от них обобщенных знаний, то есть таких, которые будут переноситься на другие объекты.

Сегодня в перерыве между заседаниями мы кулуарно обсуждали эту тему. Я воспользуюсь примером, который там приводил. Если, скажем, физик изучает падение какого-то тела, то он абстрагируется от самого этого тела. Он не изучает падающее тело, скажем, падающий шар. Был период, когда это было так, когда (еще до Аристотеля) ко всем этим процессам подходили как к неразрывно связанным с телами. И так же исследовали явления электрического тока и электродинамизма Ампер и Майкл Фарадей. Но современный ученый-физик рассуждает иначе: он изучает *процесс падения тела*. Но нужно было тысячу лет обсуждать эту тематику, чтобы выделить эту абстракцию — «падение тела», или «процесс падения тела».

У психолога и языковеда нет и не может быть ничего подобного. Если он работает с какой-то ситуацией, скажем, коммуникативной или решения задачи, то все то, что он изучает, неразрывно связано с этими участниками группы, со структурой этой группы и т. д. Если, скажем, вы строите какие-то отношения с человеком

и точно следите за эволюцией этих отношений, то должны все время следить и понимать мотивы деятельности этого человека, и такое знание необходимо для поддержания отношений. Но вы никогда не будете писать статью или книжку о том, что представляет собой *этот* человек и как с ним строить отношения. А научные образцы исследования требуют именно этого.

Почему я начал обсуждение с такой странной, на первый взгляд, темы, не имеющей, казалось бы, отношения к заданному вами вопросу? Потому что мне кажется, Валентина Матвеевна, что вы в своих вопросах все еще склеиваете самые разные моменты: момент обучения, воспитания, исследования, разработки нормативных систем и т. д. А мне надо их различить и разделить.

Если бы вы работали в системе Академии педагогических наук, то это было бы для вас и принципиально, и жизненно, потому что там все это не различается в принципе. Если вдруг попадается аспирант и говорит: «Я хочу проводить исследование», ему говорят: «Прекрасно. Вот в первый год сдай экзамен. Второй год — у тебя будет гипотеза. Третий — фронтальное обучение класса». «Но какое фронтальное обучение? Мне же исследовать надо. У меня уйдут на это все три года». Ему отвечают: «У нас не Большая Академия, у нас Академия педагогических наук. Если ты не проведешь фронтального обучения и не покажешь, что у тебя на 0,3% лучше, чем при другой системе обучения, кто же поверит, что ты сделал настоящую работу».

Это — принципиальная идеология, делающая невозможным исследование. В Академии педагогических наук не может быть ни исследователей, ни инженеров-разработчиков, ни методистов. Там каждый должен выполнять все работы и поэтому практически никогда он не может стать кем-либо.

Но уж коль мы начинаем ставить вопрос, кто вы — исследователь, практик, нормировщик и т. д., — то обязательно должны задать соответствующие образцы работы, создать эти новые культурные профессиональные образцы и создавать также продуманную систему социальной и культурной кооперации между ними. И реально мы обсуждаем все время именно этот вопрос.

Вернемся к основной линии моей мысли. Я говорил, что, когда человек осуществляет какую-то деятельность в группе, в процессе коммуникации или отдельно, сидя у себя в кабинете, то, что он создает в качестве интеллектуального процесса, процесса речи-мысли, еще чего-то, — это всегда реализация его способностей, интериоризованных средств. Если он включен в систему коммуникации, то к способностям добавлены еще какие-то правила, методики, знания и т. д. И все это образует некоторую выделяемую нами условную

единицу рассмотрения. Именно «условно выделяемую», потому что реально в деятельности нет таких единиц, но мы работаем в системном подходе, где надо идти от целого к выделяемым в нем единицам. И поэтому, чтобы рассматривать и обсуждать, мы должны их выделить.

Предположим, что мы встретились с каким-то человеком, с которым мы ранее не виделись, и час беседуем. У него, безусловно, есть своя линия развития: он фактически продолжает монолог, то есть экстериоризацию имеющихся у него средств, онтологических картин, реализацию присущих ему норм деятельности, его личных, групповых, норм того страта, где он развивался. То же самое делаю и я сам. Но при этом мы задаем друг другу вопросы и отвечаем на них.

Получились две пересекающиеся траектории мысли-деятельности… Интересно, что вы будете исследовать, если вы чертите ситуацию пересечения? То ли развитие одной траектории, то ли другой, то ли вообще саму систему взаимодействий — вы никогда этого не знаете. Поэтому в процессах деятельности никогда нет уже выделенных объектов, элементов, из которых все это складывается. Человек, который реализует здесь определенный интеллектуальный процесс, реализует всего себя в целом, всю свою историю формирования, цели, способности — и вы не можете здесь ничего отделить от всего остального.

Но вы начинаете задавать вопросы. А откуда взялись его способности? Что это такое? Вы спрашиваете: как они формировались исторически, скажем, аппаратурно или программно? Вы знаете, что это происходило в обучении. И где-то на предыдущих отрезках его траектории вы фиксируете другие ситуации, где ему задавались некоторые образцы, или нормы, которые он воспроизводит или калькирует. Это будут совсем другие ситуации. Самих по себе ситуаций актуального действования здесь уже не может быть, но они присутствуют через способности, через память человека, через его сознание и т. д.

Теперь следует другой вопрос: «А кто создает его нормы?» И вы должны нарисовать другую единицу, которую вы вводите, — единицу деятельности по созданию самих образцов, или норм, службу их вменения, социализации, перевода их в сознание и психику людей.

Фактически современные психологические исследования идут и разворачиваются по-прежнему *внедеятельностно*: мы все время выделяем какие-то «вещи», организованности. Мы не рассматриваем выделяемое в потоках и процессах деятельности, не рассматриваем их миграцию, не умеем выделять отдельные акты, профессионально детерминированные позиции и т. д.

А если, наоборот, мы встаем на точку зрения принципа множественности существования всех организованностей в разных актах деятельности, в ее потоках и процессах? Что будет означать этот принцип в плане методологии исследования? Да очень многое, по сути дела — принципиальное изменение объекта рассмотрения. В актах реализации, или в актах актуализации этой деятельности, ее исполнения, нормы будут представлены одним способом — в виде способностей или в виде методических правил. Но они сюда поступили из других актов деятельности. И в этих других актах они существовали иначе. В системе обучения они представлены по-другому, в системе конструирования норм они представлены третьим образом.

И пока мы не научимся различать все эти моменты, мы всякий раз будем ставить вопрос: «А, собственно, как существуют нормы?» И никогда не сможем получить ответ на него. Потому что для человека, *исполняющего* знакомую деятельность, пусть даже креативную, они существуют одним способом, для учителя в системе обучения — другим, для ученика — третьим, для конструктора, который работает абстрактно как бы на культуру, они существуют четвертым способом.

Я говорю «они». Что, собственно, я имею в виду? Они же в каждом случае передаются от одного к другому, во всяком случае, в своих знаковых оформлениях, и при этом все время меняются в своем содержании, в операциональном составе, в способах действования — они движутся. И при этом все время меняются их функции: в одном месте они выступают как нормы, в другом — как знания, в третьих — еще как то. Все время происходит трансформация. И нужно теперь сорганизовать все это профессионально, кооперативно, социокультурно. Следовательно, мы не можем здесь говорить о каких-то «вещах». Речь идет о каких-то принципиально иных образованиях, которые и меняются, и остаются теми же самыми. И нужно научиться их анализировать и описывать.

Теперь по вопросу, кто же создает нормы. В принципе, нормы могут создавать все — все, кто так или иначе причастен к процессу работы в культуре. А кто попадает в культуру, сказать трудно. Вот, скажем, начинает актриса работать. Одна прекрасная роль, вторая… Она уже «звезда». Тогда оказывается, что ее пухлые губы, которые раньше вызывали насмешку, теперь стали нормой для всех женщин. Они приходят к своей косметичке и говорят: «Мне, пожалуйста, губы под Брижит Бардо». И им делают их. Что произошло? Она стала носителем соответствующей нормы.

Вот вы работаете, наделены некоторой властью, благодаря инструкции или еще чему-то вы создаете нормы. Как вы их создаете,

никто не спрашивает. Профессионально, компетентно или некомпетентно — вы сидите на этом месте, значит, должны быть ему соответствующей. А какая вы на самом деле, это никого не интересует.

Теперь мы идем дальше… Мы задаем совсем другой вопрос: как *надо* создавать нормативные описания? И тут начинается совершенно новая техника и новый круг проблем.

Что мне здесь важно сказать? Давайте, наконец, различим научное исследование, пусть даже ваши очень сложные исследования, результатом которых должно быть знание, и схематизирующую работу, конструктивную работу, пусть даже ваши очень сложные исследования с решающими задачу и находящими решение…

Если вы, к примеру, собираете психологов и прочих исследователей, чтобы выделить и записать решение, которое находят ваши инженеры, то это к научному исследованию не имеет ровно никакого отношения. Это такая же важная и необходимая работа, может быть, даже много более важная, чем научное исследование, но это не научное исследование в прямом и точном смысле этого слова. И раньше, скажем, во времена Декарта, это было хорошо известно. И только современный дух сциентизма вывернул все наизнанку, и мы почему-то думаем, что наука, научные исследования играют какую-то особо важную роль. Ерунда все это. Кроме научного исследования и исследования вообще есть много других деятельных интеллектуальных отправлений.

Человеческий интеллект и наше сознание проделывают массу самых разных работ: типологическую работу — она крайне важна для практики, и это не научное исследование; схематизацию всех предшествующих смыслов и знаний, выражение их в схемах, уплотнение всего того, что мы называем знанием; систематизацию знаний, что не имеет к научному исследованию никакого отношения, хотя это невероятно важно; мы проектируем, конструируем, ведем критику, занимаемся онтологической работой… И это все не исследование.

Все эти интеллектуальные процессы и процедуры собираются и сорганизуются в сложные системы.

Например, вам надо сконструировать некую форму и записать ее в определенном языке. Вы либо берете язык, который уже где-то был создан с помощью определенных процедур, либо выдумаете его сами. Вы заставляете работать испытуемых; они подбирают элементы, создают само это решение. Вы его потом схематизируете и конструктивно описываете. Там может быть много разных деятельностей, но в целом все это задано вашей общей установкой — конструктивной в одних случаях, проектной в других. И нужно *технологию* этой работы исследовать (вот здесь у меня впервые появляется

исследователь), записать ее и учить тех, кто создает эти нормы, работать в дальнейшем по этим методам.

Это совсем другая вещь, о которой вы все время говорили, это собственно исследование, но каким оно может быть в психологии — это вопрос. Для этого нужен объект, овнешнение самого исследователя, задание соответствующих онтологических картин. То есть это будет решение той задачи, которую решал Майкл Фарадей, когда он изучал законы электротока: ведь он не знал, что произойдет с силой тока, если он проволоку согнет, положит рядом с ней другой кусок проволоки, он не знал, меняются ли законы тока, когда он меняет медь на свинец; массу таких вещей нужно было проанализировать, чтобы образовалась та абстракция, на которой был построен закон Ома.

И сегодня психологи накапливают материал. Есть гигантская область подобной человеко-технической практики. Они влезают в решение задач и описывают там массу вещей, не зная, что относится к объекту, а что не относится и каковы те предметные организации, в которых они работают, — про что это — про решение задач или про коммуникацию?

Именно поэтому появляется тезис О. К. Тихомирова: «интеллектуальное зависит от аффективного». Ну хорошо, зависит. Ну и что? Что теперь делать? Их же растягивать, разделять надо. А Тихомиров призывает сегодня психолога все до кучи собирать: и это важно, и это важно, и это важно. Действительно, практически все это очень важно. Но только на таком пути к научному исследованию мы вообще никогда не придем.

Бесспорно, эта позиция в психологии очень распространена. Но это антинаучная позиция. Она имеет свои практические оправдания, но так нельзя получить науку. Когда Тихомиров говорит, что нельзя интеллект рассматривать вне аффективной сферы, он по-своему правильно говорит, но он говорит с антинаучной позиции. И это надо понимать. Смысл его тезиса: не будем пытаться делать из психологии науку. И я хорошо понимаю эту точку зрения и в каких-то своих разработках, скажем, в человеко-технических, даже принимаю ее. Но только в некоторых.

И теперь последний момент — вопрос А. И. Нафтульева. Когда психологи, языковеды или кто-то еще начинают свою квазинаучную работу, хотят стать учеными, хотят измерять, исследовать по тем образцам, которые предписаны им естественными науками и методологией естественных наук, то они прежде всего должны построить некоторые модели объектов.

Представьте себе это. Такому ученому надо найти модель решения задачи. Из чего она возникает? Из решений, которые находят

ваши испытуемые, или из того образца решений, который в данной задачке заключен? Предположим, я приступаю к исследованию решений арифметических задач, построенному традиционно. У меня несколько классов, и я начинаю смотреть, как дети решают эти задачки. А зачем я это делаю, когда я и так знаю, что эти задачки можно решать только тремя способами? Это известно и зафиксировано. И больше того, у меня может быть только два случая: либо у меня дети не решают, но тогда зачем мне эти случаи нужны в исследовании, если ставлю своей целью выяснить, как надо решать задачи; а если они задачи решают, то у меня будут получаться только эти три уже известные мне способа решения задачи. Спрашивается: зачем же я исследую и что, собственно говоря, я хочу выявить или описать?

Мое описание будет относиться либо к процессам решения, либо к нормам. Я знаю также, что сами процессы решения есть не что иное как либо реализация этой нормы или комбинации их, либо поисковые ходы, которые имеют отношение уже не к решению, а к решанию задачи. Но есть еще, как мы с вами зафиксировали, ошибки, отклонения, поиски и т. д. Что я с этим должен делать?

Здесь намечается несколько принципиально разных стратегий (см. рис. 3).

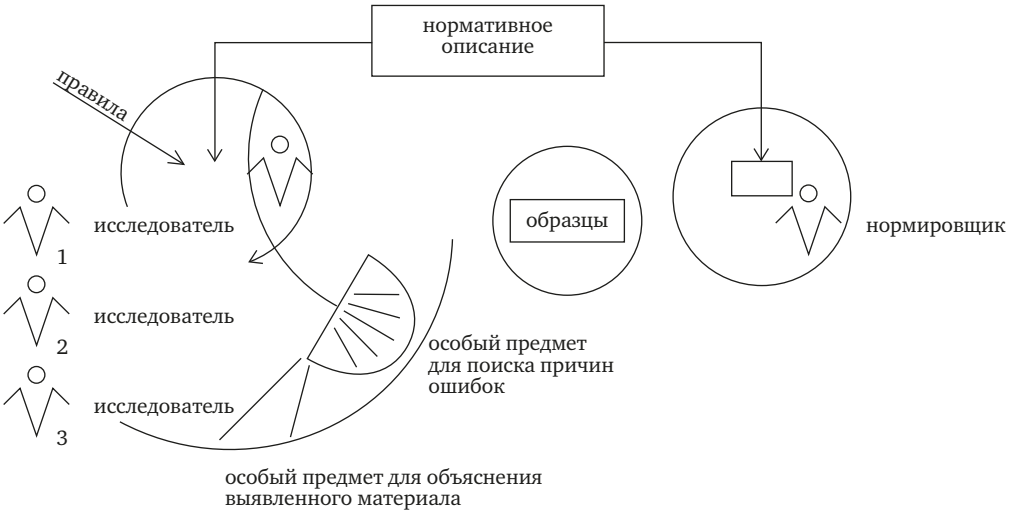


Рис. 3

Первая. Я говорю: «Иванов путался и сделал много разных ошибок, но это — ошибки, и они к делу отношения не имеют. К какому делу? К решению задач. Иванов либо не выучил, либо не может выучить. Надо его учить».

Вторая. Я выделяю весь этот набор ошибок и рассматриваю их как ошибки в инженерно-психологическом плане. Мы начинаем искать ошибки и устраняем их. Является это естественно-научным исследованием? Ничего подобного. Причинное объяснение, объяснение того, чем вызвано то или иное явление, не имеет отношения к науке. Научные описания появились позже — как прямое отрицание этого подхода, выявляющего причины ошибок. Если мы просто фиксируем причины ошибок, то это нужно нам, чтобы устранить ошибки, то есть для конструктивной реорганизации, для проектировочной работы. Это вторая стратегия.

Третья. Я говорю, что все эти ошибки — это совсем не ошибки, а нечто такое, что было необходимо, потому что был и действовал еще и другой механизм работы.

Важнейшая заслуга Жана Пиаже в изучении детского интеллекта, по мнению Эдуарда Клапареда, заключается в том, что он первым понял, что там не одна игра, а много разных правил, которые по-разному соединяются и комбинируются. Это в полной мере применимо и к нашему случаю. Когда я получил нормативное представление процесса решения задачи, то я задал его логический срез, я описал, как она должна решаться в абстрактных процедурах.

Но давайте теперь посмотрим на решение задачи как на проявление механизма работы сознания. Тогда то, что я зафиксировал как «ошибки», — это уже не ошибки, а некоторое поведение, которое должно объясняться особой структурой своих механизмов. Мы эту часть выделяем в особый предмет и объект изучения и начинаем искать другие механизмы, объясняющие ее появление. Мы будем искать эти механизмы либо в другой системе норм, либо в социопсихологических процессах, либо в аффективных процессах. То, что мы выявили, будет при этом раскладываться в свои предметы. Здесь главная задача состоит в том, чтобы *растащить* человеческий интеллект, который многопроцессуален, представляет собой организацию многих процессов, на отдельные монопроцессы, ибо вся хваленая современная естественная и математическая наука может описывать только *монопроцессуальные образования*. Она не решила ни одной задачки с полипроцессуальными образованиями. А мы в деятельности все время имеем дело с полипроцессуальными образованиями.

Поэтому мы вынуждены, если хотим искать научным способом законы или, как говорят, механизмы всех этих явлений, растаскивать их на слои со своими особыми процессами. И это обстоятельство определяет направление и логику нормативно-деятельностного исследования. Все то, что мы рассматриваем в первой и второй стратегии

как ошибки (в первой просто как ошибки, во второй как ошибки, обусловленные причинами, которые надо устранить), теперь — в третьей стратегии — рассматривается как результаты действия определенных механизмов, которые мы должны открыть. С какой целью? Чтобы представить человеческий интеллект и интеллектуальные процессы как полиструктуры, полипроцессы, одним словом, как полисистемное образование. И пока мы этого не сделаем, никакой науки в этой области быть не может.

— Но почему же тогда вы ругаете Тихомирова?

Я его не ругаю. Я просто говорю, что у него направленность совершенно другая, нежели у меня. Он говорит тем, кто хочет «растянуть» человеческую деятельность и мышление и рассматривать интеллект в одном предмете, аффекты в другом предмете: «Ай-яй-яй! Так нельзя делать».

— Тихомиров предлагает рассматривать реальный процесс.

Вы даете мне отличный материал. В том-то и дело, что *наука не занимается реальными процессами*. Я даже не могу представить себе, откуда могло возникнуть представление, что наука имеет дело с реальными процессами. Наука занимается только идеальными объектами, продуктами идеализации. Тихомиров, как вы правильно отметили, хочет заниматься реальными объектами.

— Но разве интеллектуальная деятельность это не реальный, не живой процесс?

Вопрос не в том, что есть подлинная интеллектуальная деятельность, а в том, как мы ее можем и должны представить. Если вы хотите изучать интеллектуальные процессы научно, вы *обязаны* представить их идеально. Обратите внимание: обязаны! И именно это-то и составляет проблему научного подхода в психологии.

А пока что вы стоите на позициях психологического обскурантизма. Представьте себе вашу позицию по отношению к физике. Физик говорит: «Надо изучать свободное падение тел». Появляется психолог и говорит: «Какой такой закон, какие там процессы? Это не тела падают, а в одном случае кусок мела, в другом — ручка, а вы хотите какие-то законы падения изучать. Где же они бывают без тех тел, которые падают. Надо обязательно вместе — и падения, и тела».

Но научно изучать-то все это вместе нельзя. Наука требует, что все было растянуто и организовано в виде отдельных и самостоятельных предметов их изучения. Нельзя изучать то и другое вместе, оставаясь ученым. И до тех пор, пока психологи этого не поймут, до тех пор ничего не сдвинется с места.

Вот простой пример из наших опытов. Мы задаем детям модели «части и целого» — кружочек и его части в качестве средств

решения задачи. Дети работают, а потом кто-то из них говорит: «А теперь я этот стульчик понес к этому столику». Для него, оказывается, маленький кружок стал вдруг стульчиком. Ну, я это обнаружил. А что с этим делать дальше? Можно ли включать все это в процесс решения задач?

— *А как же это растащить*?

Для этого нужно проделывать сложнейшие процедуры: онтологизацию, объективизацию, реализацию, строить предметы, задавать схемы эксперимента и т. д.

А сейчас все просто перепутано. Например, что такое эксперимент? Эксперимент есть создание таких искусственных условий, где мы показываем возможность реального существования онтологической картины, то есть правильность нашей идеализации. Когда вы будете производить идеализацию, отрывать одно от другого, то потом, для проверки логических операций, вы обязательно должны создавать искусственные, или экспериментальные, условия, в которых ваша идеализация начнет существовать как объект. И таким образом вы будете выяснять, реализуема практически ваша онтологическая картина или нет? Идеализацию надо подтверждать. Для этого надо создавать экспериментальную ситуацию. Но нельзя изучать все вместе.

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПРЕДМЕТНЫЙ МИР

Цели и задачи обсуждения. Каждому следующему докладчику — а я четвертый в этом ряду — приходится, с одной стороны, значительно легче, чем его предшественникам, поскольку он уже «стоит на их плечах» и имеет возможность благодаря этому видеть несколько больше и дальше, а с другой стороны — несколько труднее, ибо с большим числом высказанных точек зрения и положений приходится считаться.

Мой доклад будет длинным и состоять из нескольких существенно различающихся частей. Прежде чем приступить к обсуждению интересующих нас вопросов: что такое *предметный мир* в его отношении к людям? что такое отдельный *предмет* и отдельная *вещь*? — мне придется предварительно рассмотреть методологические принципы анализа названной темы, те логические принципы и общие онтологические идеи, из которых можно исходить. Лишь после того, как будет сделана методологическая схема анализа, можно будет приступить непосредственно к обсуждению вопросов по теме. Думаю, что без такого предварительного объяснения схемы анализа мне будет трудно изложить свои представления о предмете обсуждения и защищать их в дискуссии.

Вопрос «зачем мы проводим это обсуждение и что, собственно, должно быть его результатом?» задавал в прошлый раз И. Н. Голомшток.

Мне важно ответить на него, разделив возможные трактовки наших целей и задач. Хотя тема дискуссии обозначена как «Люди–вещи», и тогда вроде бы нужно было обсуждать, с одной стороны, понятие предметов и вещей, а с другой — сами ситуации взаимодействия

Доклад во Всесоюзном научно-исследовательском институте технической эстетики (предположительно 1968 г.). Источник не определен. Публикуется впервые по сохранившейся электронной копии.

людей с вещами, отношение людей к вещам и имманентную структуру предметного мира, то есть системы вещей, я думаю, что возможная сейчас и действительная задача наших дискуссий все же в другом.

Сейчас мы еще не знаем, что такое предметы и вещи, каковы отношения к ним людей, и, чтобы ответить на эти вопросы, необходимо провести специальные исследования. Наверное, все или почти все присутствующие согласятся с этим тезисом. Но предстоящие исследования нужно еще спланировать. А это значит, что мы должны наметить путь предстоящих нам исследований, построить, как мы обычно говорим, их *план-карту*. Именно в этом я вижу первую и основную задачу наших обсуждений. И именно так мы и должны обсуждать все вопросы.

Если поставить задачу таким образом, то уже не ясно, должны ли мы и можем ли мы уже на этом первом этапе нашей работы вводить понятия предметов, вещей, возможных взаимоотношений между людьми и вещами, а также отвечать на вопросы, каковы окружающие нас взаимоотношения между людьми и вещами. Вполне возможно, что ответы на все эти вопросы должны быть результатом наших исследований, а начинать нужно с чего-то другого. Может также оказаться в итоге наших дискуссий, что для решения стоящих перед нами задач вообще не нужно пользоваться понятием вещи, что, следовательно, в теоретической картине, которую мы должны нарисовать, не будет вещей как таковых, они просто не будут существовать, что это — вообще фантом или понятие из другой области, которое мы по традиции незаконно переносим в создаваемую нами новую теоретическую область.

Такой результат анализа вполне возможен. Но даже если не придерживаться столь крайней и радикальной позиции, то вполне возможно, что «предмет» и «вещь» выступят для нас — в свете наших новых задач — совсем иначе, чем они выступали раньше для предшествующих исследователей, когда они решали иные практические и теоретические задачи. Это тоже вполне вероятно. Поэтому, разрабатывая план-карту предстоящих нам исследований, мы вряд ли можем начинать с определения и описания существующих понятий предметов, вещей, людей и взаимоотношений между ними. Мы должны начинать с чего-то другого.

Обычно, когда обсуждается план каких-либо исследований, когда строятся какие-то новые рассуждения, то регулятивами для этого служат две группы знаний.

Первую группу образуют знания о том, как вообще решаются и могут решаться подобные задачи, знания о логической форме наших рассуждений и их продуктов — понятий и теоретических описаний.

Сюда же входят знания о возможных типах научных исследований, о возможных научных задачах и способах их решения. Зная все это, исследователь может выбирать тот или иной план исследования в зависимости от характера той задачи, которая перед ним стоит.

Но одних этих знаний недостаточно, чтобы построить конкретный план предстоящих исследований. Для этого нужны еще дополнительные знания, которые и образуют вторую группу. Это будут первые предварительные знания о том объекте, который предстоит анализировать и описывать. Не имея еще необходимых, собственно теоретических знаний об изучаемом объекте, мы должны все же иметь предварительно более общие, предельно абстрактные его изображения и характеристики. Без этого мы не сможем ответить на вопрос, какую же собственно задачу мы решаем, какого типа наше исследование, и, значит, не сможем построить его план-карту. Наоборот, имея такой общий абрис объекта изучения, мы сможем, сочетая это знание со знаниями о логических формах исследования, составить нужную нам план-карту.

Если вы начнете сопоставлять последние утверждения с тем, что говорилось выше, то есть с утверждениями о том, что мы не можем начинать нашу работу с введения понятий о предметном мире, вещах, людях и взаимоотношениях между ними, то без труда заметите, что первые формулировки нуждаются в известном уточнении. Фактически утверждения, к которым мы теперь пришли, равносильны утверждениям, что с самого начала нашей работы мы должны иметь определенное представление и о предметном мире, и о предметах, и о вещах, и об отношении к ним людей.

Таким образом, хотя сначала я сказал, что цель наших дискуссий состоит в том, чтобы наметить план-карту предстоящих исследований и что здесь нужно отказаться от всех существующих понятий, характеризующих изучаемый объект, или, во всяком случае, поставить их под сомнение, что фактически тема нашего обсуждения — не люди и вещи, не их взаимоотношения, а наше собственное исследование этой темы, теперь я существенно поправляю этот тезис. Теперь я говорю, что именно для того, чтобы построить план-карту предстоящих исследований, нам приходится отвечать предварительно на вопросы: что такое предметный мир? что такое люди и какие отношения могут существовать между ними?

Но к этому уточнению последует еще одно — уточнение уточнения. Хотя мы и будем отвечать на вопрос, что такое предметный мир, предметы, вещи, взаимоотношения между вещами и людьми, эти ответы будут принципиально иными, нежели те, которые я отверг или поставил под сомнение, и принципиально иными будут

вводимые нами на этом первом этапе представления. Это будут не теоретические, а *методологические* понятия. Казалось бы, мы будем отвечать на вопрос, каков изучаемый нами объект. Но этот ответ будет принципиально отличен от того ответа, который мы будем давать в конце наших исследований, в ходе теоретических описаний нашего объекта.

Указанный сейчас момент я прошу всех присутствующих специально отметить. Я уже начал свое движение с предположения о том, что вещей вообще может не оказаться или они будут совсем иными, просто другими, чем то, что мы себе сейчас представляем. А дальше в ходе своих рассуждений я буду постоянно пользоваться словами «предметный мир», «предметы», «вещи» и т. п., но все это будут слова и понятия из другой области, из другой, что ли, «оперы», методологической, а не теоретической, и это нужно все время помнить, чтобы не получить превратного представления и не впасть в заблуждение.

Попробуем подытожить то, что сказано. В конце концов нам нужно построить теоретическое описание предметного мира и вещей в их отношениях к людям. Для этого нам нужно иметь соответствующие понятия — понятия предметного мира, предмета, вещи, взаимоотношения между вещью и человеком, отношения человека к вещи и другие, которые будут выступать в качестве средств построения теоретических описаний. Но чтобы выработать эти понятия, мы должны разработать соответствующую методологию, а это значит, с одной стороны, зафиксировать адекватные задаче логические средства, а с другой — построить общие методологические, или, как обычно говорят, *онтологические* представления об изучаемом объекте.

При построении нужных нам методологических средств, то есть, с одной стороны, знаний о логических формах, а с другой стороны, онтологических схем объекта изучения, мы, конечно, будем пользоваться всем тем, что нам известно из прошлого развития науки как о первом, так и о втором. Мы будем привлекать самые разнообразные знания, в том числе из других областей науки и инженерии. Но мы не сможем и не должны будем, как я уже говорил, пользоваться существующими понятиями вещей, предметов и взаимоотношений между ними и людьми. Этот пункт требует специального обсуждения и обоснования.

1. Старые понятия и новый подход

Во многих работах — философских, философско-эстетических, научных и технических — вводятся и употребляются понятия о предметах, вещах и их отношениях к людям. Почему же, собственно, мы

не можем ими пользоваться? Почему мы не можем, опираясь на них и отталкиваясь от них, построить первый методологический очерк нашего объекта изучения, его первую онтологическую картину?

Я утверждаю, что не можем, так как мне представляется, что наши практические и теоретические задачи, а вместе с тем и общий подход к проблеме существенно и принципиально изменились по сравнению с тем, что было раньше. Наш подход изменился настолько, что все старые понятия из этой области уже перестали ему соответствовать и поэтому не могут нами больше употребляться и использоваться.

Из этого следует, что мы должны начать прежде всего с оценки тех задач, которые сейчас стоят перед нами, рассмотреть с точки зрения новых задач существующие понятия и представления, выделить в них все то, что нас сегодня уже не устраивает, а затем, исходя из новых задач, начать строить новые представления и понятия. Таким образом, предлагаемый мною путь строится от анализа практических задач, стоящих сейчас перед дизайном, то есть той областью практической деятельности, в которой мы работаем, к определению новых теоретических задач и уже от них — к построению новых методологических схем и средств.

Мне кажется, что известный недостаток, что ли, моих предшественников заключается в том, что, отправляясь от существенно иных, новых задач — как практических, так и теоретических, — они вели анализ и строили все свои рассуждения на основе старых понятий, тех понятий, которые были выработаны при решении прежних, других задач.

Переверзев: Основное содержание моего доклада, Георгий Петрович, как я сказал, состояло в том, чтобы показать, что ни одно из существующих понятий вещей нас явно не устраивает, хотя вы упорно пытались приписать именно мне каждое из тех утверждений, которое я критиковал.

Возможно, что в своих рассуждениях я ошибаюсь, но все-таки мне кажется, что и вы тоже исходили из прежних понятий. Вы начали свой доклад с известного определения вещи — не своего определения, а определения, которое вы считали неудовлетворительным, а затем стали накладывать его на разнообразный эмпирический материал, показывая, что этот эмпирический материал не укладывается в понятие, не может быть последним охвачен. Но здесь возникает всегдашняя трудность…

Любое понятие, каким бы плохим оно ни было, всегда охватывает и может охватить, по сути дела, весь эмпирический материал. Если какой-то материал оно не охватывает, то всегда есть возможность

сказать, что, следовательно, данные явления просто не подходят под это понятие. Есть только один способ доказать, что понятия уже не удовлетворяют нас, — соотнести их с задачами, но именно этого вы не делали. Вы исходили из уже существующих понятий и накладывали их на существующий эмпирический материал. Вы указывали те эмпирические данные, которые расходились с понятием. Но ведь это обстоятельство вы с самого начала постулировали, и, исходя из него, вы искали подходящие для вас примеры, то есть примеры несоответствий. В чем же тогда заключалось ваше доказательство?

Переверзев: Но как же иначе можно доказать, что понятия не работают? Как же заставить других согласиться с выдвинутыми утверждениями такого рода?

Но именно так, как вы делали. Однако с помощью эмпирических процедур соотнесения с частными примерами никого нельзя убедить и ничего нельзя доказать. Любой скептик отвечает вам, что абстрактные определения идеальных объектов вообще не должны соответствовать эмпирическим примерам. Со времен Галилея это уже очевидный методологический принцип для любой науки.

Галилей сформулировал свой закон свободного падения тел, и мы считаем его истинным, несмотря на то, что ему не соответствует ни один эмпирический случай. Можно экспериментально подтверждать это несоответствие как угодно долго, но из этого не будет следовать, что закон Галилея неправилен или не истинен.

Переверзев: Я точно так же экспериментально могу показать, что нужно скорректировать в эмпирическом опыте, чтобы добиться соответствия с законом.

В этом я сильно сомневаюсь, и даже, более того, я рискнул бы утверждать, что на эмпирическом материале, исходя из эмпирического материала вы этого никогда не установите.

Но я готов согласиться, что не совсем правильно трактую замысел вашего доклада и принятые там способы работы. Если мы с вами единодушны в понимании того, что существующие ныне понятия не работают, не могут нас уже удовлетворить, то это меня только радует. Мне лишь хочется подчеркнуть, что если это так, то мы уже не можем исходить из этих понятий, а каким-то путем должны строить новые понятия, а для этого — искать пути и средства правильного их построения.

Я пользуюсь здесь случаем, чтобы подчеркнуть, что в своей методологической работе я буду исходить из принципа, что вещей, как они представлены в наших традиционных понятиях, просто не существует. А задача наша состоит в том, чтобы их ввести, то есть ввести новые понятия и представления, которые бы так изображали

реальность, чтобы это соответствовало нашим новым практическим задачам и позволило теоретически решить их. Если мы это сделаем, то «вещи» станут существовать как особые теоретические сущности, но это будет уже нечто другое, чем то, что мы представляли себе раньше.

Переверзев: А для чего нам нужно вводить «вещи»? Может быть, нам и не нужно вводить такого понятия? Или, может быть, вы с самого начала постулируете их существование и предлагаете нам принять это безоговорочно?

Я не предлагаю ничего принимать, тем более безоговорочно. Я просто рассказываю о том, как именно я работаю. Для чего нам нужно понятие вещи и каким образом я буду его теоретически выводить — обо всем этом я хочу дальше говорить.

Переверзев: Я прошу вас также уточнить, что означает тезис, что вещи не существуют? Где и в каком смысле они не существуют?

Когда вы как-то относитесь к моему сообщению, то я прошу вас помнить, что все, что я говорю, имеет специфический смысл: оно значимо лишь на том месте в рассуждении, в котором приведено и формулируется. Каждое утверждение функционально приспособлено к своему месту в рассуждении. Когда я говорю, что вещей нет, это не значит, что их вообще нет, мое утверждение не нужно рассматривать и оценивать с точки зрения эмпирической реальности. Все это имеет смысл лишь как посылки в определенном месте рассуждения, необходимые для дальнейшего построения основания для дальнейших движений. В ходе рассуждений я наверняка дальше буду приходить к утверждениям, которые внешне будут прямо противоположными тому, что я говорил сейчас. Но это не будет опровергать правильности первоначально сформулированных утверждений. Сейчас я рассказываю лишь об исходных принципах моих рассуждений, и в этом плане то, что я говорю, может рассматриваться как постулаты.

После этих замечаний я могу вернуться к основной линии моих рассуждений.

Я утверждал, что сейчас нам нужен совсем иной теоретический подход к проблеме, чем тот, который существовал раньше. Необходимость этого обусловлена в первую очередь тем, что изменились задачи нашей работы. Именно это я и постараюсь сейчас показать.

Чтобы обеспечить повседневную жизнь людей, человечество научилось производить определенные предметы, вещи. Одни из них лучше, другие хуже. Но в общем, как это понимается уже многими людьми, некоторые из современных вещей нас не устраивают. Одни — потому, что они просто плохие, утомляют человека, громоздки или малоудобны, другие вещи не удовлетворяют нас потому, что

они устарели морально, есть уже другие вещи лучше, совершеннее первых. Мир вещей нужно и можно улучшать. Дизайн принимает участие в этой работе, именно ему принадлежит главная и решающая роль в работе по улучшению предметного мира, при решении вопроса о том, в каком направлении должен развиваться предметный мир.

Практическая работа дизайнеров связана с определенным осознанием существующей ситуации. Пусть на меня никто не обижается, если я назову это осознание «здравым смыслом» или построенным на здравом смысле. Во многих случаях хороший здравый смысл во сто крат лучше теоретизирования и наукообразного анализа. Во многих, но не во всех.

Подход здравого смысла к проблеме характеризуется рядом особенностей. В частности, ему вообще не нужны понятия предметного мира, предметов, вещей. Он знает, что вокруг нас есть масса вещей — столы, стулья, пишущие машинки и магнитофоны, здания и парки, станки и машины. У него есть слово для названия — «вещь» и «вещи», — но за ним не скрывается никакого понятия, да оно ему и не нужно, ибо от того, будет оно или не будет, ничего не изменится в той практике, которую он обслуживает. Эта практика всегда ориентирована на уже существующий опыт и навыки работы, на традицию. Даже работа по улучшению вещей происходит по традиции.

Есть, конечно, непрерывное совершенствование отдельных предметов, расширение их функциональных возможностей, совершенствование конструкций и формы, но все это происходит безотносительно к понятиям предмета и вещи, никак от понятий не зависит. Правда, это совершенствование идет медленно, а улучшения вещей носят либо чисто конструктивный характер, либо экономический, либо же чисто стилевой, и мало сказываются на расширении функций и систематизации предметной среды. Но мы так привыкли к этому, что фактический застой в области функций вещей выдаем за бурное развитие. Во всяком случае, для продолжения всей этой работы понятия предмета и вещи не нужны. Нужно уметь отличить плохую или недостаточно хорошую вещь от хорошей, некрасивую от красивой — это удается и без понятий — и суметь ее улучшить. *Что* мы будем улучшать — несущественно. Наборы вещей нам даны, и каждую вещь из этого набора можно выделить и сделать лучше, чем она была раньше…

Переверзев: А даны ли и определены ли эти наборы вещей?

Эмпирически, да. Но никто не знает, что такое вещь и является ли вещью бритвенный прибор…

Переверзев: Но спорят, за что нужно дизайнерам браться, а за что не нужно, что входит в сферу дизайнерской деятельности, а что не входит.

Спорить можно по любому вопросу. Но практики, как, например, Восконян, отвечают на этот вопрос четко и определенно: пока вы тут занимаетесь пустыми разглагольствованиями, мы получили заказ на проектирование садовых инструментов, которые будут производить прибалтийские заводы, а заказы, как вы знаете, нам очень нужны, ибо без них люди останутся без работы. Нельсон отвечает: мы проектируем все — вплоть до американского сенатора. То есть опять-таки это — практический ответ: берем заказ на любую работу, за которую платят.

Таким образом, практически вопросы о том, что такое вещи, что такое предмет, за что нужно браться, а за что не нужно, не встают. Вещи, на которые могут быть даны заказы, существуют вокруг дизайнеров, каждая из них может быть выделена и станет объектом его работы. Никакое теоретизирование здесь не нужно, и здравый смысл прав, когда начинает смеяться над каждой попыткой теоретизирования на этом материале. Получив заказ, дизайнер сам решит, что в этой вещи плохо и что может быть улучшено. Он делает каждую вещь лучше, и, в принципе, ему не нужно знать, что на самом деле является красивым, а что нет.

Переверзев: Когда вы пытаетесь обучать людей дизайнерскому мастерству, то тогда вам приходится отвечать на вопрос, что такое вещь. Во всяком случае, они будут спрашивать это.

Нет, и в этом случае они не будут спрашивать, если вы их на это не спровоцируете, то есть не объясните им, что они должны эти вопросы задавать. Опыт работы Сенежского семинара[49] красноречиво говорит об этом. Слушатели курсов не спрашивают В. Л. Глазычева о том, что такое вещь, до тех пор, пока он не объяснит им, что они должны интересоваться этим вопросом и что, в принципе, понимание этой тонкой материи могло бы помочь им работать. А им самим это никогда не приходит в голову, и прежде всего потому, что у них есть хорошо отработанные навыки выполнения профессиональных заданий, они имеют определенные методы работы, полученные по традиции, и в этом случае им совсем не нужно знать, что такое вещь или предмет.

Переверзев: Все это действительно так, но лишь до тех пор, пока они не столкнуться с каким-либо препятствием в своей работе, которое они не смогут разрешить с помощью переданных им по традиции навыков и методов работы.

Но эти затруднения тоже должны быть совсем особого рода. И, более того, они сами должны совсем особым образом отнестись

к ним. Об этих особых затруднениях и особом отношении к ним я и хочу говорить.

А пока я утверждаю лишь то, что если мы исходим из определенного набора окружающих нас вещей, четко дифференцированных и отделенных друг от друга благодаря существующим методам их производства, если четко фиксировано, почему и в чем эти вещи нас не устраивают, то мы можем переделывать каждую из этих вещей, не задаваясь вопросами, что такое вещь вообще и что такое предмет вообще. Я утверждаю также, что, по одной из принятых позиций, считается, что дизайн в целом осуществляет такую перестройку вещей или, во всяком случае, участвует в этой перестройке.

Из этого я исхожу и хочу здесь отметить лишь один момент, который будет играть существенную роль во всем дальнейшем. Даже тот теоретик, который обсуждает судьбу вещей в современном мире и пишет, что их надо сделать более красивыми, даже он стоит на позициях, совпадающих, по сути дела, с позицией дизайнера-проектировщика: перед ним находится мир данных ему вещей, и он их описывает.

Переверзев: Фактически ведь ему дана вся Вселенная, но почему-то он не обсуждает вопрос о преимуществах и недостатках семичасового рабочего дня и пятидневной рабочей недели. Он не обсуждает организацию космических перелетов.

Это неправильно. Дизайнер занимается в том числе и всем этим. Дизайнер занимается, по сути дела, всем миром. Суть вопроса не в том, *чем* он занимается, а в том, *как* он занимается. Именно эту сторону дела я сейчас и обсуждаю. Я говорю не о том, что дизайнер занимается вещами окружающего нас мира, а о том, как он ими занимается. Здесь я говорю, что он исходит из мира данных ему отдельных вещей. Существование вещей — не природный факт, а факт нашего сознания, выраженный в «превращенной» объектно-природной форме. Если вы хотите познакомиться с тем, как на материалистической основе подобные феномены рассматривал К. Маркс, то возьмите очень интересную статью М. К. Мамардашвили в журнале «Вопросы философии»*.

Усвоив соответствующие формы культуры, дизайнер-теоретик, подобно всем другим людям, исходит из объективной реальности содержаний своего сознания, он считает вещи, или предметы, непосредственно данными ему и начинает свое теоретизирование с этого пункта, не подвергая сомнению сам факт существования отдельных вещей. Он лишь оценивает их как плохие или хорошие. Такому

---

* См. [Мамардашвили, 1968]. *Примеч. ред.*

дизайнеру даже не приходит в голову, что на самом деле ему, специалисту, дана вся Вселенная, а совсем не отдельные вещи. Наоборот, он исходит из непосредственной данности вещей. Таково реальное положение дел, с которыми мы должны считаться в своем анализе. Но есть и другие, точно так же реальные ситуации.

Дело в том, что охарактеризованная выше позиция в какие-то моменты все же приводит к таким затруднениям, которые уже не могут быть разрешены на основе подобных философских представлений. Когда спрашивают, все же что такое «хорошая» и «плохая» вещь, почему та или иная вещь нас уже сегодня не устраивает, когда стараются выяснить, а какая вещь нас будет устраивать, когда вредный оппонент или студент задает подобного рода вопрос, то тогда возникает уже принципиально новая ситуация. Отвечая на вопросы такого рода, дизайнеры вынуждены говорить, что предметы и объекты их деятельности это не вещи, а нечто совсем другое. Им приходится здесь отрицать и отвергать то, что они говорили в первой позиции.

Здесь возможны несколько ответов, хотя они лишь варианты, по сути дела, одного и того же. Одни говорят, что объекты или предметы деятельности дизайнеров — это вещи, взятые в их отношениях к людям. Другие, более резкие и радикальные, говорят, что таким объектом и предметом являются отношения между вещами и людьми.

Между этими двумя утверждениями есть, несмотря на всю общность, весьма существенная разница, и она, как мне кажется, проявилась и в наших предшествующих дискуссиях по этой теме.

Когда даны такие ответы (любой из них), то возникает масса новых теоретических и методологических затруднений, ибо весьма существенно меняется предмет исследования. В частности, мы прежде всего должны решить, существует ли принципиальное различие между первым, традиционным ответом и вторым вариантом ответа, ответом 2А.

Мне представляется, что между ними во многих отношениях нет принципиальной разницы, ибо здесь лишь осознается и сознательно фиксируется то, что реально существовало всегда и играло свою практическую роль в деятельности людей. И раньше всегда стул делали с учетом человеческого роста, а квартиру — с учетом основных процессов человеческой жизнедеятельности и взаимоотношений между людьми. Даже то весьма неудобное судейское кресло, о котором так здорово рассказывал в прошлый раз Л. Б. Переверзев, тоже делали с учетом реальной ситуации суда и складывающихся там взаимоотношений между людьми и позициями.

Таким образом, из утверждения, что дизайн рассматривает не просто вещи, а вещи в их отношениях к людям, ничего не следует в плане изменения существующей практики деятельности. Это взаимоотношение учитывалось всегда, хотя сам факт учета и методы его не всегда осознавались и фиксировались в достаточной мере. Поэтому с появлением новой формулы шаг вперед делает сознание, но не реальная практика работы. Формы осознания приближаются к тому, что происходит реально. И раньше вещи брались в их отношениях к людям, а в теории между тем говорилось, что рассматриваются сами вещи, в осознании и в теории фиксировались лишь сами вещи, их свойства, материал и т. п., а теперь вроде бы говорят более точно: вещи берутся в отношении к людям.

Но из этого, как я уже сказал, пока ничего не следует: не меняется практика дизайнерской работы, и вместе с тем не появляется новых методов исследования объектов дизайна и дизайнерской деятельности. Это происходит потому, что потом не дается разъяснений по вопросу о том, что значит взять и рассмотреть вещи в отношениях к людям. В достаточно узкой области так называемых «эргономических отношений» мы примерно представляем себе, что это такое и что значит брать вещи в отношениях к людям, а что это значит во всех других областях, мы себе не представляем, хотя практически постоянно делаем это.

Более радикальным и принципиальным представляется второй вариант второго ответа, ответ 2Б. Согласно ему, мы должны рассматривать не вещи, а взаимоотношения вещей и людей. Но до определенного времени это положение тоже не является теоретическим, ибо остается неизвестным и непонятным, как это может и должно делаться. Кроме того, определив таким образом предмет и объект дизайнерской деятельности, мы создаем очень большой разрыв между нашей теоретической формулой и практикой реальной работы дизайнеров-проектировщиков.

Очень интересно обсудить вопрос о том, откуда, почему и как появился второй ответ в обоих своих вариантах. Сейчас мне представляется, что он достаточно точно отражает некоторые традиции в развитии практики дизайна, которые наметились в последнее время. Смена формул, отвечающих на вопрос, каков объект и предмет дизайна, есть, с моей точки зрения, сигнал, или знак, того, что в настоящее время меняются способы и формы дизайнерской практики. Но лишь «или знак», ибо из смены формул такого рода пока ровным счетом ничего не следует — ни в плане объектов и предметов теоретического исследования, ни в плане изменения объектов и предметов самого проектирования. Иначе можно сказать, что смена

формул не задает еще новых объектов и предметов проектирования и изучения.

Кроме того, я хотел бы обратить ваше внимание на то, что сам этот принцип с теоретической точки зрения просто несостоятелен. Хотя и говорят, что объектом проектирования или исследования становятся отношения между людьми и вещами, сами эти отношения задаются как нечто внешнее и формальное относительно самих людей и вещей. По сути дела, исходят из традиционного представления об изолированной данности людей, с одной стороны, вещей — с другой, а затем хотят взять их в определенных связях и соотношениях друг с другом. Иначе говоря, берут мир людей, мир вещей, а потом спрашивают: как они связаны друг с другом?

Однако опыт других наук показывает, что подобные связи, если они устанавливаются после того, как связываемые элементы уже выделены безотносительно друг к другу, являются чистой фикцией, лишь формальной добавкой, не имеющей, как правило, объективного содержания. Если анализ производился из первой позиции, то характеристики вещей, как они были введены, уже учитывали отношение к ним людей. Это были, другими словами, не вещи как таковые, которые можно было бы теперь поставить в отношение к людям, а это были вещи так, как они выглядели для людей. Получается не они должны быть элементами связки «вещи–люди», а нечто совсем другое: такое представление вещей, которое вводилось бы с самого начала с учетом того, что затем они будут поставлены в отношение или связь с людьми.

Поэтому (здесь я снова повторяю уже сформулированный выше тезис) эту новую позицию можно рассматривать только как знак или сигнал несоответствия наших знаний новым практическим задачам. Говорить, что мы должны рассмотреть отношения между людьми и вещами, — это значит в теоретическом плане ничего не говорить, ибо предмет и объект анализа таким образом не задаются и не могут быть исследованы.

Переверзев: Не могли бы вы чуть подробнее пояснить свою точку зрения?

Аргументы здесь могут быть двоякого рода: одни логические, другие предметно-эмпирические. Аргументы логические сводятся к тому, что если мы уже выделили объекты, которые затем должны быть связаны, то нам придется отдельно находить связывающее их отношение. Набор категорий, характеризующих эти отношения сегодня, по сути дела, еще не существует. Поэтому мы не знаем, какие это будут отношения и как их нужно устанавливать. Сейчас мы знаем, что такое отношение больше-меньше, мы знаем, что такое

взаимодействие, а что еще мы знаем из этой области? Когда мы начинаем говорить о так называемых эстетических отношениях или о психологических отношениях типа восприятия, об аксиологических отношениях и т. п., то все это пока — земля неизведанная. Хотя мы говорим обо всех этих отношениях, но мы не знаем, как их изобразить и описать. И поэтому, выделив в качестве исходных объектов вещи и людей, мы не будем знать, как потом наложить на них все эти разнообразные отношения.

Переверзев: Вы хотите сказать, что перечисленные вами отношения не годятся для описания взаимоотношений между людьми и вещами?

Нет, я хочу сказать, что этих отношений с научно-теоретической точки зрения просто не существует.

Переверзев: Мы имеем какую-то систему, как мы полагаем…

Где вы имеете эту систему?

Переверзев: В мире. Ведь люди и вещи живут вместе и они, очевидно, связаны друг с другом. Люди не могут жить без вещей, а вещи не существуют без людей, они ими создаются, ими употребляются. Я могу привести совсем простой пример. Для радиоинженеров существует два разных мира приемников и передатчиков, существует две разные теории — одна для приемных, другая для передающих устройств. Но, кроме того, эти две группы вещей связаны в одну общую область, они образуют системы, и каждый инженер это хорошо знает.

Ваши замечания очень характерны и помогают мне пояснить мою мысль. Здесь очень важны ваши выражения. Вы сказали, что приемные и передающие устройства образуют два разных мира для радиоинженеров. Интересно, почему вы не сказали, что приемные и передающие устройства образуют две разные системы сами по себе, как таковые.

Переверзев: Всегда все, что мы утверждаем, это для кого-то.

Именно это мне и важно подчеркнуть, ибо ваши тезисы поясняют мою мысль. Когда на вещи смотрели конструкторы, тогда были вещи, причем они были и существовали именно для конструкторов, а совсем не сами по себе, не как таковые. Но это и есть та самая старая точка зрения, которая, по моим утверждениям, не позволит нам исследовать проблему дальше.

Обратите внимание на другую вашу фразу. Вы сказали, что есть радиоприемники и есть люди. Те и другие живут вместе в одной системе. Я спрашиваю: как вы монтируете, собираете вашу систему? Вы говорите: есть радиоприемники, и как бы очерчиваете эту область. Затем вы говорите: есть люди, и тоже как бы

очерчиваете эту область. И, кроме того, говорите вы, они еще живут в системе. Но что означает последнее? Задаем ли мы их целостность, то есть еще раз как бы очерчиваем кругом одной линией то и другое, или же мы вводим отношение, связывающее эти две области в одну связку.

Переверзев: Я ввожу: 1) приемники, 2) передатчики, 3) люди, которые смотрят на все это. Приемники и передатчики определенным образом связаны друг с другом, объединяются в системах приемо-передающих станций, но, кроме того, передатчики сами по себе и приемники сами по себе образуют достаточно самостоятельные и изолированные системы. Поэтому мы можем отыскивать определенные связи между этими приемниками и передатчиками и конструировать наши понятийные представления на этот счет. Мне непонятно, почему мы не может сделать того же самого в отношении людей и вещей.

Мне кажется, что здесь надо разделить и развести друг от друга несколько принципиально разных вещей. Я буду отвечать по каждому из этих пунктов отдельно.

Вы начинаете с аксиомы, что есть одна группа вещей — радиоприемники, и есть другая группа вещей — радиопередатчики. Вы не сомневаетесь в том, что и то и другое есть и что, более того, и то и другое дано вам в виде определенных систем. Я во всем этом сильно сомневаюсь (опять-таки не в плане практическом, а в плане теоретическом). Я не могу начинать с такого утверждения и, чтобы противопоставиться, ввел тезис, что в моей позиции нет вещей. Я специально подчеркиваю: их нет на этом уровне моих рассуждений.

Я хорошо понимаю, что для любого конструктора и радиоинженера вещи, конечно, есть, но область его видения мира и есть та единственная область, где существуют подлинные вещи. Это область конструирования и производства вещей, а мы, как теоретики дизайна, находимся совсем в другой области. Нас интересует так называемая жизнь вещей, а не их производство…

Переверзев: Приемники и передатчики живут как вещи, и мы можем исследовать их жизнь уже не с точки зрения конструктора, а с точки зрения теоретика, рассматривающего их «жизнь».

А кто вам сказал, что мы с позиции теоретика-дизайнера действительно можем увидеть приемники и передатчики как вещи и анализировать их жизнь как жизнь вещей?

Переверзев: Это я так сказал!

А я в противоположность вам и для того, чтобы наша дискуссия была более интересной, утверждаю, что с позиции дизайнера-теоретика, на первом этапе его анализа, нет и не может быть вещей.

Переверзев: Тогда вы должны сказать, что вам неизвестен язык, на котором люди говорят о вещах, и что вы сами говорите на таком языке, который нам непонятен.

Я это достаточно хорошо понимаю. Я сознательно отрицаю тот язык, на котором «люди говорят о вещах», но я надеюсь, что в результате нашей дискуссии мы все освоим тот язык, на котором нужно говорить о вещах. Я надеюсь, что я сам в ходе этой дискуссии лучше разберусь в том языке, на котором мне приходится говорить, что мы все поймем его необходимость и принципы его построения. Я надеюсь достичь, в конце концов, взаимопонимания.

Переверзев: По дороге мы встречаемся с такими порогами…

Дальше будут «пороги» куда более высокие и острые, но я все равно не теряю надежды.

Фёдоров: Мне кажется, что когда вы критикуете существующий язык и его употребление, то вы делаете это правильно. Но сама ваша критика возможна лишь потому, что вы заранее знаете, из каких конечных позиций вы исходите, и, кроме того, вы заранее заложили в критикуемую вами позицию то, за что вы ее критикуете. Вы говорите: уже разделены люди и вещи, их пытаются соединить, но они не соединяются. Это правильно: если вы то и другое разделили, то их теперь не соединить. Такие позиции действительно есть, и по отношению к ним вы правы. Но есть ведь и другие подходы к проблеме. Например, можно предположить, что все существует вместе. По отношению к этому мнению вы столь же логично можете сказать, что оно является неправильным, поскольку его представителям и защитникам не удается выделить отдельный элемент.

Мне кажется, что правильнее и эффективнее всего с самого начала задать двоякий подход: мы должны сказать, что, с одной стороны, существует система и одновременно в ней (это уже другая сторона) существуют ее элементы — люди и вещи и отношения между ними. Таким образом вы задаете и систему, и ее отдельные стороны, а задав и то и другое, вы можете переходить от одного представления к другому. И только в этом случае вы действительно выйдете из положения. А с позиции двуликой точки зрения нетрудно критиковать каждую одностороннюю позицию, причем именно за ее односторонность.

Мне хочется отделить от моих критических высказываний важный, на мой взгляд, позитивный момент. Я хочу обратить ваше внимание на то, что существует по крайней мере две, а более точно, даже три логики рассуждения. Первая логика строится на принципе, что все в мире связано, что мир системен, системны вещи, системны вещи-люди и т. д. Чтобы изобразить эти системы, их нужно собрать,

или смонтировать из элементов. Здесь самое важное в том, что монтаж системы начинается в этом случае с элементов. Элементы эти должны быть заданы. Мы не ставим вопрос, что такое элементы системы, как они выделяются в качестве элементов и т. д. и т. п. Мы берем вещи окружающего нас мира, данные в формах практического сознания, и говорим, что это и есть элементы тех систем, которые мы будем монтировать.

Фёдоров: Когда вы взяли элементы, то системы уже нет.

Если бы все собравшиеся здесь были согласны с этим тезисом, то я не стал бы здесь ломать копья. Я не уверен в том, что большинство собравшихся примет тезис, столь резко и точно сформулированный вами. Ведь фактически вы утверждаете, что если взять набор элементов и начать его как-то соединять, то систему никогда не удается получить, системы не будет.

Переверзев: Мой метод в другом: я выделяю некоторое «облако» и стараюсь нащупать его составляющие, скажем, две его половины.

Мне же важно противопоставить друг другу два метода работы. Я утверждаю, что есть два принципиально разных подхода по решению проблемы. Первый метод заключается в том, что мы берем какой-то набор объектов, объявляем эти объекты элементами системы и начинаем собирать систему, накладывая на эти объекты разнообразные отношения и связи. Обычно сами объекты берутся из какой-то традиции, например из традиции конструкторов, создающих эти объекты. Мы говорим, что эти объекты, создаваемые конструкторами по отдельности, на самом деле живут и существуют в системе, поэтому, говорим мы, их нужно соединить. Соединить — это значит найти между ними отношения и связи. Мы найдем эти связи и с помощью них скрепим выделенные нами объекты — приемники с передатчиками — в единую систему станции, смонтированный таким образом агрегат поставим в определенные отношения к людям — в эстетические, ценностные, стоимостные, психологические и т. п. Таким образом у нас будут монтироваться системы разного рода. Это и есть первый путь их создания. Другой путь состоит в том, что мы задаем, как выразился Л. Б. Переверзев, некоторое «облако»…

Переверзев: Нет, я целиком согласен с вашим первым вариантом. Это мой путь анализа.

Тогда, значит, вы будете мне хорошим оппонентом. Я подчеркиваю как раз в противоположность тому, что вы говорили, что «облако» нам не дается извне, а именно задается нами, то есть оно особым образом создается, конструируется и изображается. Потом уже в сконструированном нами «облаке» задаются некоторые процессы, и эти процессы, ходом своего осуществления, структурируют это «облако».

Тогда, между прочим, и элементы, и связи приобретают совсем иной смысл, они вводятся иначе, нежели при первом методе: они вводятся с самого начала как элементы целого, а не как изолированные объекты. Но об этом я еще буду говорить дальше более подробно.

Сейчас мне важно обратить ваше внимание на две процедуры, которые по своей логике, если хотите, противоположны и приводят к разным результатам.

Переверзев: Наверное, это так, поскольку в первом случае у вас точка зрения естествоиспытателя, точка зрения человека, который наблюдает данную ему реальность и пытается как-то ее описать…

Мне представляется, что все обстоит как раз наоборот…

Переверзев: Второй метод — это метод конструктора.

Различие позиций естествоиспытателя и конструктора придется вводить еще специально. Во всяком случае, мне не хотелось бы связывать ту противоположность, о которой я сейчас говорю, с различием позиции естествоиспытателя и конструктора. Мне важно зафиксировать различие двух названных методов пока безотносительно ко всему другому.

Повторяю: на одном пути мы имеем или находим какие-то объекты, которые объявляются нами элементами собираемой системы; второй путь состоит в том, что мы сначала задаем «облако», а затем вводим определенные процедуры его структурирования в соответствии с теми процессами, которые проходят через это «облако». В первом случае мы идем от объектов и предполагаем, что они определяют отношения и связи. Иначе можно сказать: они вступают в отношения и связи, соответствующие их природе, можно даже сказать, что они находятся в отношениях и связях, соответствующих их природе. Здесь важно, что мы начинаем с характеристики элементов, а затем идем к характеристикам отношений и связей; вторые соответствуют первым.

Переверзев: Это происходит потому, что нам легче обнаружить сами элементы: они являются данными нам объектами, — нежели отношения и связи.

Очень хорошо. Но важно, что мы сначала находим элементы, а затем определяем соответствующие им отношения и связи…

Переверзев: Это вовсе не значит, что в онтологии элементы первичны…

Да, конечно. Но мне здесь важно сейчас не строение онтологии, а порядок и последовательность нашей работы. Рассматривая все с точки зрения процедур работы, ее характера и порядка, я разделяю два пути, или способа анализа: в одном мы идем от исходно задаваемых элементов к связям и системе целого, в другом, наоборот, — от

целого, заданного сначала в виде «облака», к его структуре или системе связей и от них уже к отдельным элементам. Двигаясь вторым путем, мы находим элементы, соответствующие системе связей, а не наоборот. И мы будем делать именно так, несмотря на то, что это более трудный путь, чем первый, мы будем делать так, потому что хотим достичь истины. Это два разных пути, и только это мне важно сейчас подчеркнуть.

Именно для того, чтобы отмежеваться от первого пути, я сказал, что вещей нет. Но это и означает, что в моей схеме пока нет элементов, то есть тех «кирпичиков», из которых я мог бы монтировать систему. Тем самым я отрезал себе тот легкий путь, о котором говорил Л. Б. Переверзев. Я наложил на него табу.

Таким образом, я утверждаю, что, с одной стороны, у нас нет того набора отношений и связей и нет тех элементов, с помощью которых и, соответственно, из которых мы могли бы смонтировать систему «люди–вещи». Это методологическое суждение. А с эмпирической точки зрения мы выясняем, что, задав элементы, трактуемые нами как вещи, не удается никогда выявить затем объединяющие их отношения и связи.

Переверзев: В приемниках и передатчиках это удается прекрасно.

Приемники и передатчики — это еще не системы и не структуры, в них нет связей и отношений как таковых. Чтобы говорить здесь о связях и отношениях, нужно еще представить приемники и передатчики как системы и структуры. Кроме того, как хорошо известно из практики конструирования передатчиков и приемников, их очень трудно представлять как системы и находить новые отношения и связи. Это знает каждый конструктор этих приборов. Кроме того, мы не можем, обсуждая эти проблемы теоретически, смешивать исследование с конструированием или проектированием. У каждой из этих деятельностей свои законы и свои трудности. Сейчас я говорю об исследовании.

Дорогов: Я хотел бы выступить в роли толмача. Вы задаете два класса предметов как некоторые отдельности. Вы говорите, что между ними трудно установить отношения и связи. Л. Б. Переверзев привел в качестве примера приемные и передающие устройства в радиоинженерии, которые точно так же являются двумя классами предметов. Ни один из этих классов не существует без другого. Если те или другие будут изолированы, то они не будут ни приемными, ни передающими. Только во взаимодействии друг с другом они могут так называться.

Я не могу с этим согласиться: вы говорите об определении понятий и их формальных отношениях, а трактуете все так, как будто

речь идет о реальных взаимодействиях между приемниками и передатчиками. Подобные реальные отношения тоже существуют, но они не имеют никакого отношения к процедурам определения понятий и установления отношений между понятиями.

Дорогов: Тем не менее эти два класса составляют как бы две половинки единства, хотя номенклатурно они точно и четко отграничены друг от друга. Л. Б. Переверзев задал вопрос: почему когда вы говорите о людях и вещах, то для вас не существует аналогичного отношения?

Подобные отношения для меня не существуют. Мы можем определить людей в оппозиции к вещам и, соответственно, вещи — в оппозиции к людям. Но меня сейчас интересует не это, а характер реальных связей и взаимосвязей между людьми и вещами в социальном мире, или в мире деятельности. Поэтому мне нужно поставить вопрос принципиально иначе. Именно по отношению к социальному миру и миру деятельности я ввожу системно-структурные представления и обсуждаю их возможности.

Ведь самое главное здесь — выяснить, что вы называете отношением или связью. Какая связь или какое отношение существует между приемниками и передатчиками, когда вы говорите о том, что одни нельзя определить без других?

Дорогов: Один без другого не существует, и один без другого не будет тем, как он называется.

Вас устроит такая характеристика вещей? Представьте себе, что мы хотим проанализировать взаимоотношения между людьми и вещами. Представьте себе, что вы отвечаете на этот вопрос так: да, между ними существуют отношения, потому что вещи не существуют без людей, а люди всегда существуют вместе с вещами. Таково, скажете вы, отношение между людьми и вещами. Вы вынуждены будете потом добавить, что на основе заданного таким образом отношения или отношений дизайнеры-практики должны строить свою проектировочную деятельность. Устроит ли вас такой ответ и, главное, устроит ли такой ответ дизайнеров?

Переверзев: После того как я дал такой ответ, я начинаю исследовать эти отношения — шаг за шагом.

Но что вы будете исследовать? Задали ли вы таким образом отношения и связи как предмет исследования? Здесь вы можете ответить двояким образом: вы можете сказать, что приведенная выше формулировка не задает отношений и связей как предмета исследований…

Переверзев: В этой формулировке мы фиксируем лишь то, что такие отношения и связи существуют.

Это все равно непонятно. Непонятно, что именно вы задали: отношения и связи между понятиями, следовательно, нечто совсем формальное? Или, может быть, вы говорите лишь о своей интенции на исследование чего-то, что могло бы быть названо связью или отношением между вещами и людьми? Может быть, делая подобные утверждения, вы говорите только то, что вы хотели бы рассматривать вещи и люди в отношениях и связях друг с другом? Но вы при этом говорите, что вы хотите рассматривать их таким образом, потому что эти связи между людьми и вещами действительно существуют, или иначе: что люди и вещи существуют в отношениях и связях друг с другом. Но меня здесь интересует только один вопрос: задали ли вы уже отношения и связи как предмет исследования или вы только еще хотите их задать?

Переверзев: Мы их хотим найти.

Значит, то, что вы сказали, это еще не задание отношений и связей в качестве предмета исследования. Если это так, то вам еще придется рассказать мне, каким образом, при каких задачах и в каких ситуациях вы выявляете отношения и связи между приемниками и передатчиками, как вы характеризуете эти связи.

Переверзев: Я как инженер по радиоприборам, знающий все современные методы исследования, начинаю смотреть, как эти два класса друг у другу относятся.

Классы или объекты? Ведь это очень существенно.

Переверзев: Рано или поздно я прихожу к идее, что между ними существует электромагнитная связь. Далее я устанавливаю градацию этих связей, их мощность, частотный диапазон и т. п. В конце концов я составляю очень подробное описание этих систем, разбиваю их на подсистемы и субсистемы, нахожу множество линий связей между ними — прямых и обратных. Я действую точно таким же образом, как действует разведчик, устанавливающий места расположения вражеских частей. На основе построенных таким образом систем я могу очень хорошо предсказывать их будущее поведение.

Меня удивляет то, что вы говорите: «рано или поздно» вы «приходите к идее», вы «разбиваете систему на подсистему» и т. п., но вы ни разу не сказали, как именно вы это делаете. Неужто вам не приходит в голову вопрос: а как это делалось в реальной истории познания? Не была ли сначала создана максвелловская электромагнитная теория, а потом создавались и все более усложнялись два полюса заданных отношений…

Переверзев. Безусловно, да, так и было.

Но тогда первый из намеченных мною путей — это не тот путь, по которому шло реальное познание. Там не было приемных

и передающих радиоустройств, между которыми устанавливались те отношения, о которых вы говорите.

Переверзев: Я говорю не об этом. Я говорю о решении задач на выявление связей внутри и посредством уже существующей системы, не заданной нами, а данной нам.

Но ведь я все время и спрашиваю: где именно вы выявляете, а точнее, устанавливаете связи и отношения? Конечно, если в электромагнитной теории поля заданы соответствующие понятия, в том числе те, которые вы можете трактовать как понятия, принадлежащие к категории отношения, связи, то потом на основе этой теории вы можете устанавливать в реальных объектах связи и отношения, по сути дела, перенося на них, приписывая им то, что у вас уже зафиксировано в теории. Но в обсуждаемом нами случае дело обстоит как раз наоборот, и задача, которую мы должны решить, тоже заключается в другом: здесь мы должны не применять уже готовую теорию, а мы должны впервые построить такую теорию.

Ведь я все время спрашиваю: знаете ли вы те отношения и связи, которые существуют между людьми и вещами? Я спрашиваю также: может быть, те связи и отношения, которыми вы пользуетесь при решении задач по радиоинженерии, устанавливались в истории науки иначе и другими путями, чем вы это сейчас трактуете, имея уже соответствующие понятия и пользуясь ими для решения практических задач?

Переверзев: Я знаю, что между предметами, вещами, людьми могут существовать различные связи и отношения. Я не знаю, какие именно связи здесь есть, но я знаю, какие примерно могут быть. Более того, я знаю, что существуют какие-то фундаментальные типы связей, у которых могут быть различные модификации, пока мне не известные, но такие, что я могу их открыть. Теперь я буду исследовать именно эти модификации. Эти связи есть, я вижу их на экранах осциллографов.

Я уже сказал, что владею всеми существующими сейчас методами, — мы так предположили, и пока эти методы работают, я продолжаю действовать ими. Там, где эти методы перестают работать, я начинаю искать — какими методами… Это мне еще пока не ясно — что-то, что дало бы мне возможность перевалить через эту очередную высоту и получить новые понятия.

Дубровский: Мне кажется, что пример, который приводит Л. Б. Переверзев, говорит против его утверждений. Ведь приемники и передатчики — это объекты, которые вводились при конструировании в одной системе, они с самого начала были заданы в связи друг с другом.

Нетрудно показать, что в области науки об электричестве и инженерии, связанной с электричеством, все шло именно так, как я это сейчас говорю: сначала было задано некое очень неопределенное «облако», а потом оно все более уточнялось и все более дифференцировалось, при этом постепенно появилось различие между приемными и передающими устройствами, но оно с самого начала задавалось относительно уже предполагаемой связи между приемниками и передатчиками.

У нас есть два пути, которые я сейчас противопоставляю друг другу: в одном случае мы начинаем с утверждения, что перед нами строго организованный и четко определенный мир, в этом мире есть вещи, люди и т. п., и мы ставим вопрос, каковы взаимоотношения между вещами и людьми…

Переверзев: Нам говорят, что мир таким образом устроен.

Вот именно — «нам говорят», и мы все это принимаем, во все это верим. Но мы принимаем это, поскольку мы уже знаем, что есть люди и вещи. Такими предпосылками задается один путь анализа проблемы. С моей точки зрения, безнадежный и бесперспективный. Второй путь начинается с прямо противоположного утверждения: нет ни вещей, ни людей, а есть некое «облако», а такие объекты, какими являются люди и вещи, нам еще предстоит выделить из этого «облака», то есть познавательно создать.

Переверзев: А зачем их нужно создавать?

Для того чтобы решить стоящую перед нами проблему.

Переверзев. Какую именно проблему?

Нам нужно решить практическую задачу — создать связи между изготовляемыми нами вещами и формируемыми нами людьми, мы должны создавать мир вещей, который бы удовлетворял людей.

Переверзев: Получается какая-то курьезная ситуация: мир, в котором нет ничего.

Почему же «ничего»? В том мире, в котором я работаю, есть логические принципы. Мне важно подчеркнуть ту мысль, что, если мы начинаем с мира, в котором уже все есть, все четко определено, мы ничего не сможем создать, во всяком случае — ничего принципиально нового. Именно поэтому я утверждаю, что нельзя работать таким методом, как это предлагает Переверзев: начиная с противопоставления людей и вещей, мы всегда и придем к тому же самому. В этом и состоит основной принципиальный тезис этой части моего доклада, во всяком случае, поскольку разыгралась эта дискуссия.

Фёдоров: Начиная с разделения людей и вещей, мы получаем проблему — четкое понимание того, что надо что-то сделать, что-то

исправить, что-то решить. Наша работа начинается именно потому, что нас не устраивает сложившаяся ситуация.

Вас может сколько угодно не устаивать ситуация, но из нее вы не получите ни новых проблем, ни новых направлений анализа. Вы не получите даже идеалов, которые задавали бы вам ваш будущий необходимый продукт.

Фёдоров: Исходя из разделения на людей и вещи, мы констатировали факт, что нас все это не устаивает.

В том-то и дело, что это не факт. Исходя из ситуации, можно констатировать лишь то, что есть в этой ситуации, но никак не оценочное отношение к этой ситуации.

Мне кажется, что точки зрения уже достаточно выяснились, и мне хотелось бы лишь еще «поставить восклицательный знак». Я утверждаю, что если мы хотим и подряжаемся обеспечить знаниями те практические запросы, которые перед нами поставлены практикой, если мы хотим наметить новый круг проблем и пути их решения, то первое, что мы должны сделать, — подвергнуть сомнению и критике все имеющиеся у нас понятия, забыть те представления о мире, которые у нас уже есть. Нам нужно здесь сформулировать принцип: привычные нам вещи, отношения и связи просто не существуют.

Фёдоров: Но если мы всё забыли, то как же поставить проблему?

Это и есть тот вопрос, который нам предстоит обсуждать и решать.

Итак, у нас имеется определенная логика, и на ее основе мы должны двигаться. Проблемы предстоит еще поставить. В данном случае логика выступает у нас, прежде всего, как различение нескольких путей, по которым мы можем идти.

Переверзев: Значит, имеется некоторая логика и потребность что-то сделать, что-то исправить, решить какие-то задачи.

Нет, задач еще нет, но у нас есть или должна быть потребность работать. Поскольку мы ученые или называем себя такими, мы должны конструировать и реконструировать мыслимые миры.

Но я возвращаюсь ближе к теме. Мне важно зафиксировать различие нескольких подходов. И интересно, что все они разыгрывались в той или иной мере в предыдущих докладах и сообщениях.

Мы должны представить себе наблюдателя, который глядит на мир вещей. Само выражение «глядит» здесь очень условно. Наблюдателю сказали, что есть вещи, его научили выделять их, и он знает благодаря механизмам своего сознания, чем являются те или иные вещи и как они называются. В этом смысле для него все вещи существуют. Это — первая позиция. Исследователь может встать в эту позицию,

и тогда он увидит перед собою в мире только подобные вещи. Это — типичная позиция здравого смысла, позиция важная и полезная в обиходной жизни, но не приемлемая в науке.

Другой подход построен на принципе примата отношений и связей. Вещи и люди при таком подходе принимаются в качестве элементов, или «кирпичиков» мира, но главными являются все-таки не они, а объединяющие их связи и отношения. Соответственно, исходными для анализа являются не сами вещи или люди, а отношения человека к вещам, и сами вещи при этом берутся лишь в том их аспекте, который задается этими отношениями.

В принципе, исследователь может стоять вне сферы заданного таким образом отношения, но тогда он должен заимствовать позицию человека, относящегося к вещи, и уже затем анализировать это отношение с повседневной позиции. В ряде случаев мы можем говорить, что исследователь в таком случае рефлективно анализирует свое собственное отношение к вещи и вещь в той мере, в какой она выделена и задана этим отношением. В этом случае у исследователя получается весьма своеобразное знание — знание вещи, существующей в отношении к человеку, вещи по отношению к человеку. Вещь в этом случае существует не сама по себе и не для себя, а как вещь для человека. Сама вещь в этом случае (вспомните доклад Глазычева) всегда есть лишь то, что сам человек привносит в эту вещь. Привнеся нечто в вещь, человек затем рефлексивно выделяет, осознает и объективирует то, что он привнес. Тогда и получается, что в самой вещи, как об этом рассказывал Глазычев, дан человек и его отношение. Поэтому сама вещь рассматривалась как внешняя форма существования человека и его отношений, как инобытие этого отношения.

Наконец, есть третий подход, при котором мы в исходном пункте задаем то, что я назвал «облаком». Наблюдатель в этом случае стоит вне «облака». Если смотреть с позиции Господа Бога, то внутри «облака» может быть дан и человек, может быть дан предметный мир и многое другое, но главное состоит в том, что все там связано в одну структуру, в одну структурную целостность.

Я мог бы изложить все это на уровне чисто логических принципов. Но я сознательно избрал форму примеров. Мне казалось, что так будет понятнее то, о чем я говорю. Если бы мне пришлось обсуждать все это на уровне чистых логических принципов, то я вообще не вводил бы разделения на людей и вещи. Я говорил бы о множестве элементов. Тогда в первом случае я бы имел уже заданные элементы того или иного типа и ставил вопрос о тех связях и отношениях, которые могут быть между ними. Во втором случае я задавал бы сразу отношение и связи, объединяющие эти элементы, и каждый элемент

характеризовал бы только относительно. В третьем случае, задав «облако», я ставил бы вопрос о том, какие элементы и связи мы можем выделить, исходя из определенных процессов. Вы можете без труда заметить, что в основе моих рассуждений лежит принцип, что сама структура объекта есть не что иное как форма фиксации, протекающих в нем процессов.

Три перечисленные мною подхода, несмотря на то что они выражены как некоторые представления об объекте, представляют собой не что иное как три разные логики.

В принципе, мы должны рассмотреть их все — и в какой-то мере я постараюсь это сделать, — но главной и основной для меня будет третья, а первую и вторую я буду привлекать в качестве подсобных.

Мне важно также подчеркнуть — хотя я не уверен, что вы мне верите, что я выделяю три указанных подхода безотносительно к процедуре расчленения мира на людей и вещи. О вещах и людях я говорю лишь для того, чтобы облегчить в дальнейшем перенос развернутых схем на интересующие нас эмпирические материалы. А единственное, чем я действительно пользуюсь, это логические принципы.

Важно специально подчеркнуть, что пока я не имею никаких шаблонов, или трафаретов, для описания или моделирования интересующего меня материала. Я обсуждаю лишь чистые наборы средств, чистые логики. И существенно, что я отдаю предпочтение одной из них не в силу тех или иных эмпирических данных о рассматриваемом объекте, а в силу чисто формальных соображений, в силу того, что сегодня третья логика является более мощной, чем две других, и применяется повсеместно. Таким образом, то, что я излагал, — формальные принципы монтажа в наших знаниях. А чтобы получить шаблон, или трафарет, нужно уже осуществить некоторый монтаж или, во всяком случае, задать некоторую исходную структуру, а затем смонтировать из нее более сложную. Согласитесь, что принципы монтажа отличаются от уже смонтированных структур.

Я с самого начала предполагаю, что ни один из существующих шаблонов не соответствует выделенному нами эмпирическому материалу и строению изучаемого объекта. Поэтому я обращаюсь в значительно более высокий слой научного, методологического и философского знания и заимствую оттуда чистые логические принципы. Имея эти логики, я могу при столкновении с той или иной областью эмпирического материала построить, причем путем многих шагов, проб и ошибок тот или иной шаблон для описания и изображения этого эмпирического материала. Лишь имея такой шаблон, или

трафарет, я буду затем осуществлять само наложение. Но сейчас речь идет не о наложении, а о строительстве самого шаблона.

Мне хотелось бы, чтобы различие этих двух задач было четко зафиксировано, ибо ему соответствует резкое различие самих процедур работы. Чтобы производить наложение шаблона на эмпирический материал (а именно о нем все время говорит Переверзев), нужно уже иметь сам шаблон. Я утверждаю, что адекватных шаблонов не существует. И поэтому передо мной, естественно, встает особая задача: построить эти шаблоны. Приступая к решению этой задачи, я обнародую свои принципы — различение трех типов чистых логик. Строительство самих шаблонов начнется дальше, и я буду подробно, шаг за шагом его описывать.

Переверзев: А нельзя ли здесь рассуждать так: есть очень высокие уровни реальности, и по отношению к ним принципы, о которых вы говорите, являются шаблонами?

Это сложный и интересный вопрос. Если вы имеете в виду все то, о чем я говорил, то вы можете называть эти принципы исходными, или первичными, шаблонами. Но тогда проблема переносится в область взаимоотношений между реальностью разных уровней, как вы выразились.

Ведь на деле вы рассматриваете реальность как единую, сплющенную, и ваши слова об уровнях реальности ничего не меняют в этом представлении, ибо для вас все они автоматически сплющиваются, раз они все относятся к одной реальности. Для меня же нет. Поэтому я вынужден буду сказать, что эти принципы — шаблоны для другой реальности, а для моей реальности они не шаблоны, а именно средства, и поэтому, вводя их, я еще не фиксирую тот тип реальности, который меня непосредственно интересует.

С такими оговорками я принял бы ваши замечания и даже обрадовался бы им, поскольку они весьма близки моим собственным представлениям. Мне здесь важно лишь одно: шаблоны, применимые к интересующей меня реальности, еще должны строиться, и в этом — основная задача.

Дубровский: Мне кажется, что анализ отношения человека к вещи всегда предполагает рефлексивное отображение самого взаимоотношения между человеком и вещью. Так ли это?

Это не так, во всяком случае, в плане теоретического описания и изображения в моделях. Когда мы говорим, что какой-то человек — учитель или ученик, то мы фиксируем его функцию, заданную релятивно, но эта фиксация не связана необходимым образом с изображением взаимоотношения между человеком и вещью. Мне кажется, что здесь нужно различать рефлексию как она производится людьми

и рефлексию при создании теоретических моделей. Главное различие между ними состоит в том, какими средствами для построения моделей они пользуются.

Если не будет больше вопросов, то я двинусь дальше, ко второй части моего сообщения.

Мы ввели различие трех логик, и я сказал, что буду пользоваться ими как различными, опираясь в первую очередь на третью. В дальнейшем я буду, конечно, как-то соединять и комбинировать их друг с другом. Но главное, что даже их трех недостаточно для того, чтобы построить необходимые шаблоны. По сути дела, я указал лишь формальную часть регулятивов нашей работы, о которых говорил в самом начале.

Кроме того, нужна еще особая объективная картина, чтобы я потом начал говорить о вещах, людях и т. п. Короче говоря, теперь я должен задать определенную картину мира. Именно к этой работе я сейчас и приступлю.

2. Основания объектно-онтологической картины

Первый принцип, который я здесь должен ввести, хорошо известен присутствующим, и я поэтому почти не буду на нем останавливаться. Это *принцип деятельностного подхода*. Он гласит: единственное, что существует, — это деятельность и ее организованности.

Именно с точки зрения деятельности можно будет дальше выделять и рассматривать предметный мир и разные единицы и элементы предметного мира. Только с точки зрения деятельности можно выделять и рассматривать самих людей.

Деятельность, с одной стороны, «паразитирует» на природе — природа в этом плане охвачена деятельностью подобно тому, как у Вернадского и Тейяра де Шардена она охвачена сначала биосферой, а потом ноосферой, — а с другой стороны, на самой себе.

Второй принцип — принцип эволюции, трактуемый примерно в том же плане, как он трактуется у Тейяра де Шардена[50]. Смысл этого понятия в том, что существуют какие-то процессы, происходящие в области ограниченной материи или ограниченной энергии. Сначала изменение распространяется во все стороны как бы по полному кругу. Распространение этой «лужи» вширь при ограниченных запасах энергии, материи и при определенном постоянном темпе самого движения будет более медленным, чем в том случае, когда мы ограничим возможное распространение одним лишь сектором. *Принцип эволюции* как раз и состоит в том, что из уже имеющихся процессов,

заданных этой схемой, выделяется какая-то их группа. Это происходит за счет того, что на сам процесс накладывается организованность. В результате вместо «лужи» появляется «луч», который начинает распространяться быстрее и интенсивнее, чем все остальное. Таким образом, происходит, с одной стороны, ограничение возможностей — до этого они были вроде бы беспредельны, — а с другой стороны, если мы учитываем реальное время и включаем само время в наши возможности, происходит расширение возможностей, ибо мы реально можем достичь большего, чем раньше. В каждый момент времени «луч» теперь достигает таких состояний, которых не могла достичь «лужа». Мы можем предположить, что внутри распространяющегося «луча» могут возникать новые организованности, сам «луч» делается еще тоньше, но зато намного интенсивнее.

Каждый этап развития гео-, био-, ноосферы характеризовался подобным сужением «луча», то есть ограничением и вместе с тем расширением реальных возможностей. И в этом и заключалась суть эволюции. Можно сказать, что этот процесс представлял собой появление все новых и новых организованностей.

Утверждается, что все происходящее в гео-, био-, ноомире — а это есть мир деятельности — может рассматриваться лишь в свете процессов эволюции и с их точки зрения. Именно *принцип эволюции*, представленный таким образом, задает возможности структурирования материала деятельности.

Дубровский: Существенность самого темпа выводится из каких-либо оснований или же это — простая констатация факта?

Здесь понятие темпа употребляется в специфическом смысле. В основе всего лежит модель. Ограничение «лужи» и превращение ее в «луч» сопровождается увеличением скорости распространения самого луча — конечно, само распространение имеет чисто модельный смысл и должно имитировать какие-то иные процессы.

Если наш мир представлен таким образом — здесь мы переходим к *третьему принципу*, — то мы можем ввести систему накладывающих друг на друга иерархированных организованностей, или организаций. Это уже совсем особое представление создаваемого нами мира. Мы будем говорить, что каждая последующая организованность «паразитирует» на предшествующих, это значит, что она живет на них и за счет них. Все то, на чем «паразитирует» какая-то организованность, образует материю, или материал, по отношению к этой организованности.

Человеческая деятельность представляет собой высшую форму такой организованности. Она может рассматриваться либо чисто функционально — и тогда все другое в мире будет противостоять

ей, — либо же материально и в целостности, тогда все остальные типы организованностей, на которых она «паразитирует», тоже будут входить в деятельность. Поэтому мы с равным правом можем говорить, что деятельность «паразитирует» на всех других организованностях и включает в себя все эти другие организованности.

Обратите внимание на то, что я не обсуждаю здесь процессы и механизмы появления, формирования организованностей разного типа, я формулирую чистый логический принцип возможности такого разложения.

Выше я уже сказал, что в числе таких организованностей, на которых «паразитирует» деятельность, будет сама *природа*. Но эта природа может пониматься нами лишь одним способом — как чисто неорганизованный фон или как масса неорганизованного вещества, точнее, как масса материала. Мне сейчас — но только пока — не важно, что она была структурирована предшествующими формами организации. Таким образом я произвожу известное отвлечение и упрощение. В дальнейшем, когда мне это понадобится, я смогу изменить исходный принцип и учесть факт существования этих организованностей.

Четвертый принцип: деятельность представляет собой массу связанных между собой процессов и в этом смысле является не процессом, а структурой. Таким образом, структуру я понимаю здесь как связь и взаимодействие многих процессов.

Пятый принцип: деятельность ассимилирует материал, в среде которого она существует, и превращает его в наполнение своих элементов. Вместе с тем сами структуры деятельности изменяются в соответствии с характером ассимилируемого материала и его структурированием. Тем самым я задаю характерную для всех организмов оппозицию *ассимиляции* и *аккомодации*. Ассимиляция — это поглощение материала и структурирование его в соответствии с деятельностью как совокупностью процессов, а аккомодация — это изменение самих этих процессов в соответствии со структурой поглощаемого вещества или материала.

Шестой принцип: ассимиляция и аккомодация приводят к дифференциации структур деятельности. При этом сама деятельность разделяется на порождающую структуру деятельности, соответствующую ее процессам, и на деятельность, протекающую в этих структурах. Точнее, наверное, нужно было бы говорить о деятельности, порождающей организованности, и деятельности, протекающей в соответствующих организованностях. При этом указанные различения могут быть либо характеристиками функциональных аспектов, либо же характеристиками некоторых обособившихся частей деятельности.

Итак, деятельность есть совокупность процессов и в этом смысле структура, она «паразитирует» на определенном материале — неживом и живом, на белковом в такой же мере, как и на неорганическом. За счет всей своей совокупности процессов деятельность производит структурирование, или, точнее, организацию, всего этого материала, создавая, с одной стороны, предметный мир как особую организованность деятельности, а с другой стороны, как другую организованность деятельности. Результатом деятельности является все большая и большая структурированность мирового материала в смысле эволюции, определенной выше, — как одновременное ограничение и вместе с тем расширение возможностей.

Сказанное является категориальным определением деятельности и, следовательно, не содержит пока в себе никаких специфических моментов.

Дорогов: Амеба включается в деятельность, когда становится передатчиком дизентерии — так называемая «амебная дизентерия».

Это хороший пример, но он заиграет еще более богато после того, как будут заданы специфические признаки деятельности.

Но вместе с тем я прошу вас обратить внимание на сложный способ, каким я вводил и задавал саму деятельность. С одной стороны, я сказал, что деятельность представляет собой высшую форму организованности и в этом плане она противостоит всем остальным организованностям. Но одновременно я сказал, что деятельность как высшая форма организованности включает в себя все существующее для нас и для нашего сознания, все, что нам известно, а поэтому я могу говорить просто «все». Именно поэтому материал, не включенный в деятельность, рассматривается как чистый фон, как вещество, не обладающее никакими свойствами. Я говорил, что потом я могу изменить этот принцип и постулировать, что материал уже структурирован. Но я это буду всегда делать не движением снизу вверх, а движением сверху вниз, то есть исходя из уже заданной организованности и рассматривая материал, на котором она «паразитирует». При исследовании происхождения тех или иных организованностей движение должно быть и будет другим. Но сейчас я не занимаюсь анализом происхождения, я решаю иную задачу — определяю общие принципы конструирования мира.

В этом плане очень интересен пример с амебой. До того как начали изучать дизентерию особого типа или какие-то иные практические процессы, амеб просто не существовало (для человека). Амебы появляются (опять-таки для человека) тогда, когда начинают изучать определенные виды дизентерии и устанавливают, что именно амебы

являются ее разносчиками. Тогда амеба является в качестве особого объекта человеческого знания и человеческой деятельности, и в особых формах знания, достаточно высоких, ей приписывают естественное существование. Но прежде она появляется как предмет человеческого знания и человеческой деятельности.

Я думаю, что этих разъяснений достаточно, чтобы вы могли понять мою точку зрения, и поэтому перейду к формулированию следующего принципа.

Седьмой принцип: в деятельности существует и реализуется масса различных процессов, каждый из них по-своему структурирует материал.

Следующий, *восьмой принцип* примыкает к только что сформулированному: число разных видов деятельности и, соответственно, число разных процессов в деятельности непрерывно возрастает. Их рост образует *эволюцию деятельности*, эта эволюция охватывает все поглощенное, или ассимилированное деятельностью.

Необходимо различать *интенсивные* и *экстенсивные* процессы развития, интенсивную и экстенсивную эволюцию. Экстенсивные процессы связаны с охватом все новых и новых видов и типов материала, не входивших раньше в систему деятельности, а интенсивные процессы — с перестройкой, переорганизацией материала, уже охваченного раньше деятельностью, то есть с перестройкой уже существующих структур деятельности, с появлением новых связей и сетей связей.

— Как совместить это ваше утверждение с утверждениями, сделанными раньше: что новые цели не могут появляться?

Эти два положения не только легко совмещаются, но и дополняют друг друга. Я говорил, что новые цели не могут появиться, не могут быть поставлены до того, как появятся деятельности, образующие основания для самой постановки этой цели. В противоположность утверждениям, что-де цели появляются спонтанно и определяют развитие человеческой деятельности, я подчеркиваю связь и взаимозависимость всех элементов деятельности, поэтому я указывал на зависимость целей от актуальной деятельности. Но это была очень абстрактная зависимость, мало что раскрывающая. Если мы хотим понять, как возникают цели, то это нужно рассматривать специально в плане выявления механизма появления новых целей. Мне важно было также подчеркнуть, что постановка целей связана с осознанием уже существующих видов деятельности.

Следующий, *девятый принцип* очень важен, и его нужно специально отметить (на нем будет строиться многое из дальнейшего): внутри структурируемого таким образом материала появляются

автономные организованности этого материала, которые приобретают относительную самостоятельность внутри всей сферы деятельности и создают свои особые специфические процессы *функционирования* (употребления) и *развития*.

По сути дела, все, что существует в нашем мире, появилось и существует таким образом. Сюда должны быть отнесены отдельные люди, которые становятся автономными организмами внутри системы деятельности; благодаря своей автономии они получают возможность «паразитировать» на деятельности.

Таким образом, я в скрытой форме различаю *человечество* и *отдельного человека*, выводя последнего из первого. Другими словами, я утверждаю, что отдельный человек — это не элемент системы человечества, а особая организованность, приобретающая права автономного организма. Это значит, что по отношению к человечеству мы можем рассматривать отдельного человека (при известных ограничениях и в определенных условиях) как следующую, более высокую форму организованности. Представленный таким образом человек — то, что называется *личностью*.

Этим принципом я заканчиваю вторую часть моего сообщения, и если не будет вопросов, то я перейду к третьей части. В ней, опираясь на сформулированные выше принципы, я постараюсь наметить схему того анализа, которому подлежит предметный мир и люди, причем те и другие будут задаваться сразу во взаимоотношениях и связях друг с другом.

3. Схема анализа предметного мира и людей в контексте деятельностного подхода

Сначала — самая общая характеристика метода, которым я буду пользоваться, в частности — ответ на вопрос, что мне дает возможность, с одной стороны, избежать, а с другой стороны, решить ту задачу, которую я так резко обругал в самом начале своего сообщения.

Все мои возможности и преимущества обусловлены тем, что я с самого начала ввожу и очерчиваю так называемое «облако» деятельности, затем ввожу и характеризую определенные процессы, протекающие внутри этого «облака». Структура вводится мною как форма фиксации этих процессов, затем вводятся разнообразные организованности, возникающие *в* материале или *на* материале этого «облака» в ходе его эволюции, при этом сама эволюция рассматривается как сужение «луча» существования и вместе с тем увеличение темпов его движения вперед, а возникновение отдельных вещей и отдельных людей задается как результат всего этого процесса.

Итак, я исхожу не из уже заданного членения на существующие вещи и виды вещей, не из столов и стульев. В теоретическом выведении я должен сначала задать процессы деятельности, структуры деятельности и уже затем, исходя из этих структур деятельности и их изображения, вводить отдельные элементы этой структурированности, отдельные организованности, то есть то, что мы привыкли называть вещами, людьми, знаковыми системами и т. п.

Методы такого анализа разрабатывались нами наиболее интенсивно применительно к знаковым системам. Нашей задачей было объяснить жизнь разных знаковых систем в социуме, в частности жизнь речи-языка, обычного словесного языка, языков науки и т. д. При решении этих задач и были выработаны общие принципы. Именно на материале знаковых систем мы поняли, что сначала строятся, теоретически выводятся модели систем деятельности, описывается деятельность как таковая с ее непрерывно дифференцирующимися структурами. Отдельные знаки оказываются лишь элементами этой деятельности, объектами, средствами, формами сообщений и т. п.

Оказалось также, что мы можем описывать деятельность либо как *процессы* и совокупности процессов — это будет кинетическая точка зрения, либо как *знаковые формы* разного типа, порождаемые деятельностью, а затем как «рельсы» или «каналы», определяющие саму деятельность, — это будет статическая точка зрения.

Здесь можно воспользоваться образом муравейника. Ведь муравейник — это не что иное, как оформление материала хвойных игл движением и структурами жизни муравьиного «общества». Собственно, так муравьи и получают свой муравейник. Они движутся и по дороге оставляют строительный материал. Это всегда следы их движений. Но поскольку эти следы уже сложились, они же становятся условиями их движений. Получившиеся каналы и ходы однозначным образом определяют, как потом будут двигаться муравьи. Таким образом, муравейник — это структура движений, отпечатавшаяся в определенном материале.

Знаки в человеческом обществе являются таким же материалом (наряду с другими элементами), в них отпечатаны ходы движений человеческой деятельности. Поэтому мы можем рассматривать либо сами движения, либо же знаковые системы, которые получились в результате этих движений и запечатлели их в себе. Другими словами, анализируя строение знаковых систем, мы можем таким путем опосредственно анализировать саму деятельность.

Трактовка знаковых систем только как элементов деятельности является односторонней и поэтому недостаточна. Выше я специально

отмечал принцип оформления организованностей и их автономизации. Почему я начинаю говорить об организованностях и почему мне недостаточно говорить просто об элементах структур деятельности? Что это вообще означает, что появляется некоторая организованность?

По сути дела, эти утверждения и эти понятия равносильны утверждению, что знаковые системы, сложившиеся сначала как следы и оформление процессов деятельности, потом как бы вынимаются из этой деятельности, оформляются в самостоятельную целостность и при этом еще перестраиваются и переорганизовываются в соответствии с какими-то иными процессами. Нужно еще понять, как и почему такое возможно.

Представьте себе такой процесс, протекающий на определенном материале, этому процессу соответствует определенная структура, а структуре — определенная организованность материала. Теперь представьте себе, что этот же материал из-за ограниченности материала или из-за ограниченных возможностей самой деятельности должен стать материальным условием другого процесса. Но этот материал является пока что отпечатком первого процесса. Чтобы он соответствовал другим процессам, его нужно перестроить, переконструировать в соответствии с их специфическими особенностями. Именно поэтому материал как бы вынимается из первой деятельности, вставляется во вторую деятельность и перестраивается там, внутри второй деятельности. Потом он вынимается из второй деятельности, вставляется в третью и перестраивается в ней. Но нельзя забывать, что и вторая, и первая деятельности должны еще повториться. Поэтому перестройка материала во втором процессе должна быть такой, чтобы она не только подгоняла материал под себя, но и учитывала бы также особенности и строение первого процесса. А третий процесс должен так перестраивать материал, чтобы учитывать необходимость и возможность повторения второго и первого. Значит, в результате всего этого процесса должна появиться такая *полиструктура*, которая бы оптимальным образом обеспечивала бы все виды процессов, в которые этот материал включен. За счет этого организованность как таковая отделяется от самих процессов и выражающих, или фиксирующих их структур и может существовать как особое статическое образование, которое может консервироваться и существовать, сохраняя свое строение, свою организованность в готовности к участию в разнообразных процессах.

Так или примерно так появляются разнообразные знаковые системы, которые мы обычно называем *парадигматическими*.

Соответственно, знаки, рассматриваемые нами в контексте одного какого-то процесса, мы называем *синтагматическими* системами. Когда же мы вынимаем их и как бы кладем в «арсенал» с тем, чтобы потом использовать в качестве средств, то это будут *парадигматические системы*.

Вы понимаете, что это различение и противопоставление имеют прямое отношение и к эстетике, и к социальной теории искусств, и к нашей проблеме вещей, и вообще к любой области культуры.

Нетрудно заметить, что системы, которые должны строить дизайнеры, в частности то, что предлагал строить несколько заседаний назад В. Л. Глазычев, — это парадигматические системы разного типа. Здесь же, по-видимому, или, точнее, вокруг этого материала и на этом материале, возникают *системы ценностей* — но об этом я буду говорить более подробно в другой раз.

Сейчас мне важно подчеркнуть лишь несколько моментов: во-первых, включенность знаков в процессы деятельности, во-вторых, включенность знаков во многие и разнообразные процессы деятельности, в-третьих, необходимость — из-за разнообразия самих процессов деятельности — отделения этих систем знаков от каждого особого вида деятельности и оформление их в особые статические организованности. Имея в виду этот процесс — а его непрерывно и постоянно проходят подобные системы, — я буду говорить и о *синтагматических системах*, когда знаки или знаковые цепочки рассматриваются в процессе одной деятельности, и о *парадигматических системах*, когда знаки вынуты из этих деятельностей и рассматриваются как особые организованности.

Я начал с указания на то, что первоначально мы строим независимые модели деятельности. Двигаясь этим путем, нельзя получить организованности, о которых я сейчас говорю. Чтобы получить организованности знаков или организованности вещей — с методологической точки зрения это все равно, — мы должны как бы перейти на вторую плоскость, или второй уровень теории, как бы во второе «полотно», и на этом втором «полотне» строить теорию знаков — семиотику или теорию предметного мира.

Нетрудно заметить, что при такой организации научных исследований и, соответственно, самой теории устанавливается определенная зависимость теории второй плоскости — семиотики или теории предметного мира, от теории первой плоскости — теории деятельности. Значит, другими словами, мы должны сначала построить теорию деятельности, а потом на ее основе и в соответствии с ней построить семиотику или теорию предметного мира. Между прочим, это и будет означать, что семиотика или теория предметного мира

строится нами как теория, принадлежащая к группе теорий деятельности.

По сути дела, мы уже перешли к обсуждению вопроса, что такое *предметный мир* и, соответственно, *теория* предметного мира. Предметный мир, в моем представлении, — это тоже одна из организованностей деятельности. Поэтому, чтобы построить теорию вещей, или теорию предметов, мы должны сначала развернуть теорию деятельности, описать там вещи, предметы или предметный мир как элементы деятельности, как нечто, включенное в разнообразные процессы деятельности — каждый процесс деятельности будет задавать особую «личину» вещи, и сколько у нас будет таких процессов деятельности, столько будет разных образов, или «личин» вещей. Но такое представление вещей или предметного мира будет неудовлетворительным даже с точки зрения проблем оптимизации самой деятельности.

Дело в том, что вещи, подобно знакам, организуются в особые системы и существуют в виде таких систем относительно независимо и обособленно от тех или иных частных видов деятельности. Поэтому мы можем описывать системы вещей относительно независимо от систем деятельности и такое описание вещей как особых организованностей деятельности и даст нам теорию вещей, или теорию предметного мира. Но это будет — в соответствии с указанной выше процедурой — теория, вырастающая на основе теории деятельности и развертывающаяся далее в рамках ее системы. Такова общая схема, но нужно еще посмотреть, как это будет делаться практически.

Я предполагаю, что будут рассматриваться разные виды деятельности с вещами. При этом будет специально фиксироваться материал, который точно так же входит в специфическое определение вещей (скажем, в их отличии от знаков). Выбранный материал будет рассматриваться сквозь призму процессов деятельности, и, следовательно, в нем будут выделяться и фиксироваться такие свойства, которые характеризуют его зависимость от процессов деятельности. Внутри каждого предмета будут задаваться эти характеристики, выражающие зависимость его от деятельности. Другими словами, можно сказать, что я каждый раз буду рассматривать некоторые маленькие частички деятельности и по отношению к каждой такой частичке, то есть по отношению к каждому предмету будут вводиться и задаваться такие характеристики, которые определяются конкретными видами деятельности.

Следующий шаг будет состоять в том, что я буду рассматривать сцепление разных видов деятельностей на одном и том же материале, это значит, будет вводиться полифункциональность каждой

вещи. На следующем, третьем шаге каждая частичка материала, оформленная уже определенными деятельностями, будет как бы выниматься из самих деятельностей, в которые она была включена, и все ее характеристики, заданные разными видами деятельности, будут как бы перестраиваться таким образом, чтобы совокупность, или множество, вещей могли бы задать организованности по определенным, заранее выделенным параметрам. В качестве таких параметров можно выделять совершенно искусственные образования, например визуальную организацию, о которой говорил Глазычев. Эти параметры могут служить принципами создания некоторых организованностей.

Вопрос в том, какие принципы здесь возможны, а какие невозможны, или, иначе: какие принципы эффективны и полезны, а какие, наоборот, неэффективны и неполезны, представляет собой сложную проблему и должен обсуждаться особо. Вместе с тем любой выбранный принцип должен обеспечивать полифункциональность. Поэтому он привносится не из самой деятельности, не их тех или иных ее процессов, а как бы извне (по отношению к каждому отдельному процессу).

Таким образом — и это самое важное, что я хочу подчеркнуть, — будет, по крайней мере, два типа характеристик любой вещи и любой предметной системы. Одна характеристика будет извлекаться непосредственно из деятельности и будет характеризовать отношение вещи непосредственно к деятельности, это будет ее *функциональная характеристика*.

Но если мы ограничимся только этими характеристиками, то получим хаос, причем хаос, полученный систематически и целенаправленно, это будет еще страшнее, чем случайный хаос. Поэтому понадобится вторая характеристика. Я подчеркиваю: это не просто теоретическая выдумка, необходимость подобной второй характеристики непосредственно вытекает из потребностей практики.

Таким образом, вторая характеристика будет определять вещь саму по себе, вещь в ряду других вещей как элемент системы предметного мира, системы, взятой как бы независимо от деятельности. Но при этом, конечно, функциональные характеристики вещей и предметов нужно будет каким-то образом «снять» и учесть. В связи с этим нам придется ввести и обсуждать такие понятия как *форма* и *содержание*.

Это нужно пояснить на простом примере. Предположим, мы задаем некоторое преобразование вещей с помощью, или посредством, деятельности. Пусть у вас есть ряд состояний, которые мы

рассматриваем. Обычно форму определяют как то, что меняется относительно этого ряда, а субстанция, или материя, или содержание — это то, что остается неизменным. По субстанции, материи или содержанию мы устанавливаем тождества всех элементов этого ряда. При этом нам приходится считаться с тем, что преобразования вещи могут быть достаточно разнообразны. Ясно, что в зависимости от их характера мы будем получать то или иное определение формы и содержания. В одном из подобных рядов форму можно рассматривать как то, что привносит в вещь мастер — ремесленник или художник. Но сейчас есть уже такие процедуры деятельности, при которых мы сохраняем форму и меняем материал (например, отливки из разного материала по одной и той же форме). Если подходить к этому процессу с философскими категориями и их традиционными определениями, то придется все перевернуть: форма становится содержанием, а содержание, наоборот, станет формой.

То, что я говорю, — банальности, но банальности, которые надо учитывать и с которыми надо считаться. По-видимому, в искусстве такая перевертка реально произошла. Сейчас мы говорим, что искусство не интересуется содержанием, а интересуется только формой, хотя прекрасно понимаем, что именно форма составляет содержание искусства.

Точно так же мы можем замещать объект знаком. Это одно из преобразований, совершаемых деятельностью. Чтобы объяснить это преобразование в схеме старых категорий, мы должны считать вещественное состояние и знаковое состояние формами существования и, кроме того, придумать еще особое содержание, которое в этом переходе остается неизменным, сохраняется. Так появляется смысл — как то, что сохраняется и переходит при смене вещественной формы на знаковую.

Я пытаюсь показать, как родились понятия содержания и формы, что они должны были объяснять и в какой мере эти понятия и их противопоставления независимы от конкретного содержания разных явлений; как с изменением деятельности меняется характер преобразования объектов, а вместе с ним меняется смысл тех отношений, которые мы называем формальными и содержательными: то, что вчера было содержанием, сегодня, с изменением типов деятельности, становится формой, а форма, наоборот, становится содержанием. При этом формальный смысл и формальное основание различения и противопоставления формы и содержания остается одним и тем же.

Мне важно подчеркнуть, что разные виды деятельности создают разные типы отношений между включенными в них вещами.

Здесь отношения — это статистическая фиксация процессов изменения некоторых вещей. Здесь важную роль играет различение порождающих процессов и процессов использования, развертывающихся в соответствии с уже имеющимися условиями. Через деятельность мы осуществляем преобразование вещей. Но эти преобразования должны оставаться фиксированными после того, как они осуществились, после деятельности, это необходимо, чтобы мы могли их как-то фиксировать и чтобы мы могли о них говорить.

Таким образом мы создаем нормы нашей деятельности и осуществляемых ею преобразований вещей, таким образом мы структурируем внеположенный нам мир. Мы фиксируем состояние и говорим, что таким путем мы должны фиксировать преобразование, мы создаем норму тех состояний, через которые должны проходить ассимилированные нами процессы. Точно так же мы можем переходить от вещей к знакам, изображающим их. Так мы создаем отношение обозначения. Но это тоже структура, которой мы должны следовать. И, таким образом, мы сначала порождаем эти структуры, а потом должны все время следовать им. Эти структуры напоминают как бы рельсы или каналы, по которым мы можем двигаться в своей деятельности.

Конечно, есть деятельности, которые отмирают, деятельности, которым помогают отмирать, но в общем и в целом структуры и организованности создаваемой деятельности непрерывно растут и расширяются, а вместе с тем растут и расширяются сами виды или типы деятельности. Но даже тогда, когда те или иные организованности и структуры деятельности исчезают из актуального социума, мы все равно стремимся сохранить их, хотя бы в историческом музее культуры.

Итак, каждая характеристика предметного мира для отдельной вещи должна быть задана сначала относительно всех этих процессов. Лишь затем мы можем перейти к характеристикам вещей или предметов самим по себе.

С этой точки зрения я выдвигаю некоторые претензии к предшествующим сообщениям и докладам. В них во всех случаях бралась какая-либо современная вещь. Если принять изложенное мною выше, то каждая вещь есть некоторая организованность, замыкающая на себе целый ряд различных употреблений. Таким образом, она как бы снимает с себя многие характеристики процессов деятельности, но снимает их как бы в иерархии. Чтобы разобраться во всех этих характеристиках, определить их взаимные зависимости и отношения, надо проделать очень длинный путь — сначала по схемам деятельности, рассматривая, как усложняются и дифференцируются виды

самой деятельности, как появляются все новые и новые способы употребления вещей, а соответственно этому сами вещи получают новые и новые характеристики. Лишь на следующем этапе и исходя из предыдущего мы можем выяснить, как оформляются сами вещи, как бы вынимаясь из самих деятельностей.

Все это — длинная и нудная работа, но зато работа строгая, систематическая и научная. Важно, что в этом процессе вещи как бы поляризуются и соответственно этим поляризациям типологизируются. Дело в том, что мы не можем создать вещи, которые соответствовали бы всем видам и типам деятельности. Мы образуем систему вещей в соответствии с определенными классами их употребления. Все это — разные предметы.

Предметный мир в этом случае выступает в виде непрерывно расширяющегося, распространяющегося дерева. Все точки этого дерева суть предметы или вещи, поскольку они выросли из одного предметного или вещного основания. Но из этого следует, что если мы хотим иметь одно определение для вещи, то мы сможем и должны будем определять лишь одно предметное или вещное основание этого дерева, а чтобы определить все узлы дерева, нужно будет вводить много разных определений либо же воспользоваться структурными определениями. Но эти выводы предопределяют способы эмпирического основания наших утверждений. Ведь «корешка» предметов и вещей уже нет. Поэтому, если мы ввели одно определение предмета, мы уже не сможем его проверить и подтвердить эмпирически: ведь соответствующего ему объекта уже нет. По отношению к разнообразным предметам и вещам, существующим как бы в узлах нашего дерева, предполагаемое определение не будет «срабатывать»: ведь они столь различны. Вообще метод определений, не связанный с введением понятий тем способом, каким я здесь изображал, устарел и невозможен, по крайней мере относительно тех объектов, с которыми мы сейчас имеем дело, — будь то знаки или вещи.

Последнее замечание касается второго вопроса, который, как мне кажется, нужно будет еще обсуждать. Мы часто говорим, что наша задача — организовывать предметный мир, сделать его лучше, более приспособленным к человеку и т. д. Но надо спросить себя: действительно ли мы хотим преобразовать предметный мир?

Мне представляется, что такой задачи нет, ее нельзя и не нужно обсуждать. Единственная задача, которая, на мой взгляд, стоит перед нами, — это задача лучшей организации самой деятельности. А вещи должны быть перестроены и переорганизованы, чтобы обеспечить лучшее протекание самой деятельности.

Я думаю, вы согласитесь с тем, что это — две разные постановки задачи: одно дело — организовывать предметный мир, другое дело — организовывать саму деятельность и для этого перестроить предметный мир. Этот пункт, как мне кажется, нужно специально зафиксировать и четко определить различие в одной или другой постановке задачи.

При этом моя собственная точка зрения состоит в том, что особые задачи по перестройке предметного мира, задачи, взятые изолированно и самостоятельно, вообще не могут существовать. В принципе, наверное, можно ставить задачу обойтись вообще без вещей. И если бы это можно было сделать, то в пределе это нужно было бы сделать. Можно сказать, что вещи — это все материальные элементы и условия деятельности. Если бы можно было без них обойтись, то это было бы очень здорово. В принципе, мы к этому стремимся и в какой-то мере эту задачу решаем. Мы стремимся общаться мыслями без языка, пить воду без стаканов, носить и хранить масло без масленки и т. д.

Но мне хочется обратить внимание на логические аспекты проблем. Две обсуждавшиеся нами постановки проблем задают разные ориентировки и разные направления анализа. И это важно.

Остаются еще два вопроса, которые я должен обсудить на последующих заседаниях. Во-первых, я должен более конкретно очертить, как вообще можно реализовать такую программу исследования разных «личин» предметов и вещей в соответствии с разными видами деятельности, и во-вторых, рассмотреть проблему *ценностей*, в особенности в отношении к вещам. То, что я изложил до сих пор, — это программа тех исследований, которые мы должны осуществить, если мы хотим рассмотреть предметный мир, определить понятия предметного мира, определить разные элементы предметного мира, если мы хотим рассмотреть понятия функции, формы и т. д. Во второй из названной частей я должен буду, в частности, обсудить правомерность разложения социума на сферы производства и потребления. Я хочу показать, что, говоря о вещах, часто нельзя исходить из предварительного разделения социума на сферы производства и потребления.

Фёдоров: Вы раскрыли перед нами одну систему построения моделей, которая много обещает. Но меня интересует, к чему эта модель может быть приложена. В частности, может ли эта модель деятельности быть приложена к истории или к историческим фактам? Может ли она быть приложена к современному состоянию предметного мира и производства? Можно ли приложить ее к будущему?

Эта модель ориентирована на проблемы всех указанных вами областей.

Фёдоров: Меня интересует, как эта модель будет сталкиваться с моделью здравого смысла, которой вы первоначально противопоставили свою модель. К чему будет прилагаться ваша модель — к другим моделям или к подлинной эмпирии?

Эту модель можно было бы использовать в качестве основания для составления план-карты теоретических исследований. В конечном счете мы могли бы построить «теорию вещей», а она, в свою очередь, давала бы нам возможность перестраивать практику проектирования.

Но, кроме того, я хотел бы заметить, что эта модель, с одной стороны, дает возможность рассматривать все другие модели и теоретические представления в качестве эмпирического материала, а с другой стороны, дает возможность искать и создавать новый эмпирический материал, непосредственно соответствующий самой этой модели. Точно так же я не вижу затруднений в одновременном использовании этих моделей как средств описания и объяснения истории, так и в качестве средств проектирования. Это известный гегелевский тезис, а сами модели строятся в соответствии с этой задачей полифункционального употребления.

IV. КАК «ПОДХОД» ПЕРЕДАВАТЬ ДРУГИМ (ВОСПРОИЗВОДСТВО)?

О ЗНАЧЕНИИ ИССЛЕДОВАНИЯ КОММУНИКАЦИИ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О МЫСЛЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В моем докладе будет пять основных частей:

1) вступление, поясняющее смысл ситуации и саму тему;

2) часть, посвященная методологической характеристике ситуации и постановке методологических целей и задач;

3) самая большая часть, где я постараюсь рассмотреть внутреннюю эволюцию подходов к теме в рамках представлений Московской методологической школы;

4) обсуждение той онтологической схемы, которая представляется мне ядерной для рассмотрения коммуникации;

5) часть, в которой я попробую наметить некоторые проблемы предметного представления коммуникации, понимания и мышления.

1. В настоящее время не существует сколько-нибудь удовлетворительных представлений о коммуникации — ни онтологических, ни собственно предметных представлений, хотя есть уже достаточно много работ, в которых, как думают их авторы, проблемы коммуникации ставятся и обсуждаются. Характерно, что при этом коммуникация вольно или невольно отождествляется либо с передачей сообщений, либо с циркуляцией информации, либо с какими-то

Доклад на совещании по коммуникации и пониманию в НИИ общей и педагогической психологии (г. Москва, 15 декабря 1980 г.). Публикуется по изданию: Щедровицкий Г. П. Мышление. Понимание. Рефлексия. М. : Наследие ММК, 2005. С. 447–481.

целенаправленными организационными воздействиями, то есть, если перефразировать Ельмслева[51], коммуникация вроде бы и берется как некий эпифеномен, но рассматривается при этом не она, а нечто другое.

Вот поэтому я и говорю, что мы находимся сейчас лишь на пути к выделению коммуникации как особого, специфичного явления. Движение идет с разных сторон, но при этом специфика самой коммуникации, ее особенности пока еще не схвачены. Вы можете рассматривать эти утверждения как странные, но вот в недавно переведенной на русский язык очень разумной книге Роджерса и Агарвала-Роджерса «Коммуникация в организации»* дана весьма сходная характеристика нынешней ситуации, хотя сами авторы являются, если можно так выразиться, узкими специалистами именно в этой области. Там дана точная характеристика состояния этой области, а когда авторы переходят к позитивным рассуждениям, они еще раз демонстрируют отсутствие подлинных эмпирических и теоретических представлений о коммуникации, невозможность выйти на этот предмет.

Я хотел бы в этой связи подчеркнуть один специфический момент. Нас интересует не столько коммуникация сама по себе, хотя нам хотелось бы выйти к этому предмету, сколько место и роль коммуникации в мыследеятельности, то есть по отношению к деятельности, мышлению и, более узко, по отношению к процессам решения проблем и задач. Поэтому мы должны рассматривать коммуникацию не саму по себе, а именно в той ее роли, в какой она позволяет нам понять и точнее описать мыследеятельность. Это задает особый срез, в котором мы рассматриваем эту сложную и большую область.

Поскольку еще нет ни предметного, ни онтологического представления о коммуникации и я при всем желании не могу критически рассмотреть предшествующие подходы и как-то связать их, я должен был искать другой путь введения всей этой проблематики и самой темы. Я поэтому, с одной стороны, попробую обрисовать ситуацию в общеметодологическом плане, а с другой — буду рассказывать историю подходов в Московском методологическом кружке. И это будет обратным ходом по отношению к тем разъяснениям, которые я сделал сейчас.

По моему глубокому убеждению, сегодня отсутствие предметных, технических или научных представлений о коммуникации стало главным тормозом развития наших представлений о мыследеятельности.

---

* См. [Роджерс, Агарвала-Роджерс, 1980]. *Примеч. ред.*

Вроде бы нам теория коммуникации и не нужна сама по себе, этим занимаются и должны заниматься другие, но так сегодня складывается ситуация, что мы не можем дальше исследовать мышление и деятельность, не продвинувшись специально и целенаправленно в исследовании коммуникации. Отсутствие предметных представлений о коммуникации не дает нам сегодня возможности работать.

Отсюда возникают две группы проблем. С одной стороны, мы должны рассмотреть коммуникацию в отношении к мышлению и деятельности, функции коммуникации относительно мыследеятельности, и, следовательно, должны задать какую-то общую онтологическую картину, в которой мышление, деятельность, коммуникация были бы увязаны в одно целое. С другой стороны, мы не можем этого сделать именно потому, что у нас сегодня отсутствуют достаточно развернутые и детализированные представления о коммуникации как таковой. И отсутствие таких представлений сдерживает развитие наших разработок в этой более глубокой области.

Мы, таким образом, приходим к двойной задаче: 1) необходимо построить онтологическую картину, в которой коммуникация будет вписана в структуры мыследеятельности и будет выступать там как определенный функциональный элемент; 2) мы не можем этого сделать, пока не имеем предметных представлений о коммуникации. Эти два момента теснейшим образом друг с другом связаны. Но они вместе с тем разделяют и дифференцируют нашу проблематику.

На этом я закончил обрисовку ситуации и поставил цели и задачи.

2. Во второй части я попытаюсь наметить программу описания эмпирической истории.

В сложнейшей области мыследеятельности все связано и склеено: деятельность, мышление, рефлексия, понимание… Все это там перекручено. Мы пытаемся с разных сторон рассматривать это целое и выделяем соответствующие предметы.

Мы выделяем какие-то срезы, аспекты целого и фиксируем их в предметных представлениях: мышление, деятельность, коммуникация или что-то другое, понимание, рефлексия. И мы можем разворачивать все это, делая каждый раз вид, что это само мышление существует вне деятельности, само по себе, подчиняется своей особой логике, безотносительной к изменяющимся факторам деятельности. Или описываем деятельность как таковую. Но каждый раз мы приходим к вопросу: а как же они связаны между собой в этом целом? Потому что как только любое исследование делает шаги вперед и укрепляется, то оно обнаруживает массу таких пунктов, в которых анализ и описание мышления невозможны без учета соответствующих

моментов в деятельности или в понимании. Начинается уход от этой предметной области и попытки построить то, что мы в начале 60-х годов называли «конфигураторами» и «конфигуроидами», то есть особые онтологические представления, в которых эти моменты, аспекты, фиксированные в разных предметах, даются уже не как аспекты, а в своих онтологических формах*. Следовательно, постулируется некоторое объективное существование того, что рисуется здесь, в онтологии.

Здесь, на мой взгляд, проходит граница между собственно предметным (научным) и методологическим (онтологическим) типами работы. Это обстоятельство было уже очень давно отмечено Кондильяком и Кантом: представление об объекте рождается на основе синтеза наших представлений. Но долгое время под влиянием работ Гегеля значимость таких онтологических проработок принижалась. Считалось, что при диалектическом подходе такие проработки не нужны. Хотел того Гегель или нет, но таким образом он работал на самый плоский сциентизм. Гегель в своих крайних утверждениях создавал почву для позитивизма. Как только мы отрицаем необходимость онтологической работы, того, что традиционно называлось «метафизикой», тотчас же расцветают сенсуализм, плоский позитивизм и т. д.

На мой взгляд, должна идти постоянная игра между этими двумя формами работы (предметной и онтологической) и их постоянное обогащение. Когда мы получили три предметных представления, то, чтобы ответить на вопрос о том, каков же объект «на самом деле» (в кавычках потому, что я понимаю исторически преходящий характер этого предположения), мы должны проделать определенную синтезирующую, или конфигурирующую, работу и построить некоторую схему, которая даст нам представление об объекте.

Именно здесь, в онтологической работе, мы прорываемся к объекту. А научные, предметные представления начинаем оценивать не как дающие нам объективное знание, а как аспектное представление этого объекта. Сама идея аспектов зиждется на этом различении предметной и онтологической работы. Только сам этот момент не различается и остается где-то за пределами непосредственного сознания — как определенный фон.

Но если мы сделали этот шаг и получили онтологическую картину сложного объекта, то мы сразу же получаем возможность проделать обратную работу предметизации. Мы можем либо взять

---

* Подробнее см. [Щедровицкий, 1984, с. 89–94 (Модель-конфигуратор)]. *Примеч. ред.*

онтологическое представление, которое мы построили, как основание для развертывания нового теоретического предмета — это случай предельный и не очень выгодный, — либо же, исходя из этой онтологической картины, в которой мышление, деятельность и коммуникация увязаны, причем показано, как они увязаны, развернуть целую серию новых предметных представлений и одновременно произвести корректировку старых предметных представлений.

Мне кажется, что в этой игре постоянных переходов — от предметных представлений к онтологическим и обратно — реализуется единственно возможная стратегия как системного анализа, так и комплексной организации исследования. Этот пункт мне очень важен, поскольку дальше я постараюсь показать, как мы в развитии своих собственных исследований постоянно осуществляли эту работу, а когда не осуществляли, то получали длительное торможение наших исследований и разработок. Я рассказываю об этом, чтобы сделать эту тему строгим методическим принципом реализации наших исследований и разработок.

Итак, мы возвращаемся к предметам, осуществляем предметизацию, увеличиваем число предметов на базе новой онтологической картины, охватываем новый эмпирический материал и затем снова выходим — в результате автономного развития всех предметов — к новому набору диссонансов, дисфункций, расхождений между ними. И затем снова должны проделать конфигурирующую онтологическую работу и снова вернуться к предметам.

С какого-то момента получается (в физике это уже наверняка произошло в середине XVIII века), что мы начинаем разворачивать два параллельных канала работы: 1) собственно предметный канал, формируя все новые и новые частные предметы изучения, 2) канал онтологической работы, где мы получаем единое, связное системное представление об объекте.

Самая большая опасность, которая нас здесь поджидает, — перепутать функции и назначение каждой из этих работ. А между тем это происходит постоянно. Игнорирование различия между научно-предметной и онтологической работой всегда оборачивается ошибками, возникающими в результате использования онтологических картин там, где нужно пользоваться научными знаниями, и научных знаний там, где нужно пользоваться онтологическими картинами. (Современное положение в психологии или в области исследования процессов решения проблем и задач так же как и в исследованиях коммуникации, является точной и очень красивой иллюстрацией этого положения.)

Разрабатывая онтологические представления — к ним, на мой взгляд, принадлежат и культурно-историческая концепция Выготского, и психологическая теория деятельности Леонтьева, — их ничтоже сумняшеся выдают за теоретические разработки, и начинается катавасия, в которой все запутываются окончательно.

Итак, как же с этой точки зрения выглядит нынешняя ситуация? Вот развивалась какое-то время теория или предтеория мышления. При этом в соответствии с логической и психологической традицией она охватывала моменты индивидуального поведения и деятельности, фиксировала их в своей онтологии и строила всем вам хорошо известную картину. Потом исследование мышления все более переходило в план деятельностных представлений. Мы говорили об исследованиях мышления как деятельности и за счет этого развернули какую-то совокупность деятельностных представлений.

В психологии, например в концепции Выготского, были представления о коммуникации и чистом сознании, затем эта концепция подменяется психологической теорией деятельности, принципиально, на мой взгляд, иной, и начинает разворачиваться другой комплекс представлений. Но теперь, чтобы обеспечить полноту и объективность нашего научного знания (научное знание само по себе не обеспечивает объективности — это глубочайшее заблуждение сциентизма, ибо наука всегда аспектна), мы на основе полученного ряда аспектных представлений должны построить соответствующее онтологическое представление.

Так получилось, что у нас сегодня напрочь отсутствуют представления о коммуникации — предметные представления. И в результате у нас нет онтологической картины, которая моменты мышления, деятельности, понимания увязывала бы друг с другом и с коммуникацией. И поэтому мы не можем сделать обратного шага — выделить коммуникацию как особый предмет изучения. Для этого нужно иметь общую онтологическую картину мыследеятельности.

И здесь я резче формулирую основной тезис моего доклада: нельзя организовать научные исследования коммуникации, не определив место и функции коммуникации внутри мыследеятельности. Но для того чтобы это сделать, нужна соответствующая онтологическая картина, в которой мышление, деятельность, рефлексия, понимание, коммуникация были бы увязаны друг с другом. Пока такой картины нет, реальное развитие исследований коммуникации просто невозможно. Ибо суть коммуникации в ее функциях.

Те инварианты, которые обязана искать наука и которые образуют специфику научного знания, в сути своей функциональны. Иначе говоря, нельзя исследовать коммуникацию как нечто

морфологически, вещно данное. Тогда и получаются такие редукции как «передача сообщений», «циркуляция информации» и т. д. Ибо в мире гуманитарного знания главная и единственная, на мой взгляд, инварианта — это функциональное место того или иного образования. Но чтобы определить функции коммуникации, надо иметь онтологическую картину мыследеятельности как целого с вписанной туда коммуникацией.

Это один момент и один полюс. А с другой стороны (я, забегая вперед, резюмирую основной вывод третьей части), вроде бы сейчас становится ясным, что именно коммуникация, и ничто другое (я чуть поправлюсь: коммуникация и трансляция), является тем стержнем, который и дает нам возможность объединить мышление, понимание, рефлексию и деятельность в одно целое.

Я, по сути дела, уже сказал то, что должно быть итогом моего доклада. Весь ход исследований мышления, деятельности, понимания, который шел в разных предметах, теперь приводит нас к мысли, что потому у нас и нет этой единой обобщающей онтологической картины, что мы утеряли коммуникацию. Ибо коммуникация и есть то, что собирает мышление, понимание, рефлексию и деятельность в одно целое.

Отсюда понятен мой тезис, что отсутствие представлений о коммуникации тормозит развитие наших представлений о мыследеятельности. Если мы не имеем главного — этого стержня или «шампура», на который надеваются все «кусочки» мышления, деятельности, рефлексии, понимания, то у нас нет обобщенной онтологической картины.

Таким образом, нам сегодня нужны представления о коммуникации как ядерное, основное образование, через которое мы могли бы объединить между собой и деятельность, и понимание, и мышление и обеспечить организационный современный подход ко всем этим явлениям и перейти к анализу форм исторически изменяющегося мышления, деятельности и т. д.

И я здесь фактически выхожу к тезису, который сегодня звучит все чаще и чаще: коммуникация, формы этой коммуникации определяют формы организации мыследеятельности. Смена форм коммуникации влечет за собой изменение отношений между мышлением и деятельностью и изменение самой этой мыследеятельности.

Я зафиксировал эти два полюса и перехожу к формулировке цели и задачи.

Если все это правдоподобно, то наши цели и задачи становятся очевидными. Мы должны, с одной стороны, строить онтологическую картину, объединяющую мышление, деятельность, понимание,

рефлексию в одно целое, которое я сейчас условно называю «мыследеятельность». Надо найти схему, которая показывала бы принцип связи всего этого в единое целое на основе коммуникации, в связи с коммуникацией. А с другой стороны, мы должны будем, идя от мышления, деятельности, понимания, рефлексии, представленных этой онтологической картиной, осуществить затем обратный ход и определить, каким же образом коммуникация может и должна исследоваться предметно, то есть ответить на вопрос, каковы приемы, средства и методы предметного выделения и изучения коммуникации — одним словом, ее предметизации.

Эти задачи представляются мне сегодня решающими.

3. Переходя к третьей части, я кардинальным образом изменю стиль и жанр изложения. Я буду работать здесь с материалом истории представлений в Московском методологическом кружке с начала 50-х годов, то есть в течение 30 лет, и постараюсь показать, как шла эта игра с предметными представлениями и переходами к общей онтологии, находя, как «мазохист», особое удовольствие в том, чтобы выделять и фиксировать те ошибки, которые мы невольно совершали в этом движении.

Первый период: 1951–1959 годы. Это период содержательно-генетической логики, или теории мышления, разворачивавшейся, в первую очередь, на базе логических представлений. Начинали мы с логических форм. Дискуссии об отношении между формальной и содержательной логиками были актуальными в то время на философском факультете МГУ. В них участвовали не только логики, но и психологи, сделавшие свой важный вклад.

Но сама исходная идея диалектики, отвергавшая представление о неизменных формах, способствовала установке на поиск других форм организации мышления. При этом, с самого начала и соответственно той традиции, которая существовала в 50-е годы и которая, к сожалению, сейчас кое в чем утеряна, сама установка тех лет заставляла нас ставить вопрос о соотношении мышления и коммуникации. Была точка зрения, которую отстаивал В. В. Давыдов, что все фиксируемые в логике формы мышления суть не что иное, как фиксация стандартных, элементарных форм коммуникации, а совсем не мышления.

Этот тезис тем более важен, что мы сейчас хорошо понимаем, что в мышлении постоянно происходит эта замена, а именно: бывшие формы мышления становятся нынешними формами речи. И мы все время впихиваем новое содержание в старые формы. Поэтому развитие древнегреческой математики и позднее естественных наук создавало такие новые формы, которые уже явно не соответствовали традиционным логическим формам суждения и связи суждений,

формам умозаключений или иным. Аристотелевская логика становилась лишь формой языка; отсюда отождествление языка и мысли в современной логике — ошибка очень устойчивая и вместе с тем понятная, имеющая основания.

Итак, мы начинали с традиционных логических представлений, обсуждали, являются ли они формами мышления и формами коммуникации, и, следовательно, стягивали мышление и коммуникацию вместе. И в первых схемах содержательно-генетической логики этот момент был зафиксирован очень четко.

В докладе 1957 года (в дискуссии об отношениях диахронического и синхронического) я рисовал такую схему (см. рис. 1)*:

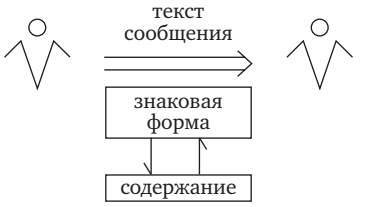


Рис. 1

Есть некоторая область содержания, выделенного нами. Оно фиксируется в определенной форме, или, как мы тогда говорили, знаковой форме, и затем отображается уже другим человеком (подразумевалось, что за этим стоит акт коммуникации), то есть отображается в другом содержании, реализуется за счет другой деятельности.

В статье «Языковое мышление и методы его анализа»** я резко фиксировал три основные функции всякой знаковой формы: функцию замещения, или отражения, то бишь мышления, как тогда мы это называли, функцию коммуникативную и функцию экспрессивную, или выразительную. Формулировалась определенная программа изучения знаковых форм в единстве этих трех функций.

Уже в этой очень примитивной схеме угадывались эти коммуниканты, человечки, которых мы рисуем в современных схемах, задавалось довольно сложное отношение между структурами мышления и структурами коммуникации. Структура коммуникации фактически обнимала как функцию и структуру мышления (на рисунке слева), так и структуру и функцию понимания (на рисунке справа). И понимание уже тогда, в 1953–1954 годах, понималось как обратное движение от знаковой формы к содержанию, а мышление — как движение от содержания к знаковой форме. Хотя и считалось, что это единый процесс.

---

* Схема реконструирована редактором. *Примеч. ред.*

** См. [Щедровицкий, 1957]. *Примеч. ред.*

Анализ фокусировался на знаковой форме. И, рассматривая структуры знаковых форм — семантику и синтаксис текстов речи, — нужно было выявлять эти три функции — отражения, коммуникации и выражения (экспрессивную) — и анализировать морфологию знаковых форм соответственно этой функциональной установке.

Эта программа задавалась в целом ряде работ, в частности в работе «О строении атрибутивного знания»*. Это публикации 1958–1960 годов, хотя работы были сделаны в 1954–1955 годах. <…>

…было неясно, как это нужно определять. Следовательно, здесь намечалось различие между собственно предметным представлением и онтологическим. Когда мы говорили об онтологических схемах, мы вводили понятие «языковое мышление», или «речевое мышление», которое обязательно разворачивалось на такой, по сути своей, коммуникативной схеме. При этом оставалась еще очень сложная проблема единиц.

В этом цикле работ было показано, что принципиально неверными являются сделанные Ч. Моррисом различения синтактики, семантики и прагматики[52], что у нас нет средств различить эти три плана. Было показано, что в синтаксических структурах фактически замещаются и изображаются семантические отношения, начиная от элементарных форм и кончая сложными, что эти семантические отношения, или отношения номинации, поднимаются в отношения предикации и, собственно, в них выражаются. Сама структура предикации рассматривалась в коммуникативном аспекте, и растяжка номинативных комплексов как замещающих или изобразительных форм синтагмы фиксировалась как результат именно коммуникации со ссылками на соответствующие работы.

Тут большую роль сыграли очень интересные психологические работы Н. Х. Швачкина**. Одним из первых он фиксировал это простейшее коммуникативное отношение между взрослым и ребенком в ответах на вопросы.

Короче говоря, рассматривалось именно «речевое», или «языковое», мышление, но рассматривалось не логически — в оппозиции к лингвистическому анализу, не лингвистически — в оппозиции к логическому анализу, но синтетически — на базе совершенно других единиц, хотя затем происходила растяжка в два плана — план собственно мыслительного анализа и план речи-языка, или лингвистического анализа. Из целого вытягивались два предмета, и все время

---

* См. [Щедровицкий, 1958–1960]. *Примеч. ред.*

** См., например: [Швачкин, 1954а; 1954б], а также анализ этих работ в [Щедровицкий, 1958–1960]. *Примеч. ред.*

шла работа на связке между лингвистическими и содержательно-логическими, или, как я сказал бы сейчас, эпистемологическими представлениями. И было показано, что в рамках такого рода образований — «речи-мысли» в коммуникации — различить речь и мысль в принципе невозможно.

Здесь работал принцип аспектного анализа и утверждалось, что в объекте этих аспектов нет и что правы те, кто говорил, что нет мышления и языка, а есть только «речевое мышление», оно же — «языковое». Было показано, что на уровне объекта различить это невозможно, что логические единицы фактически в сути своей являются лингвистическими единицами, особой формой фиксации.

Было много работ — немногие из них опубликованы, но их достаточно, чтобы увидеть суть. Обобщающая работа была опубликована в сборнике «Семиотика и восточные языки»*, хотя как доклад она была прочитана в 1963 году на совещании по принципу лингвистической относительности Сепира–Уорфа и запоздала с выходом.

Это было сделано. А сейчас я перехожу к нашим ошибкам.

Ильясов: А как тогда предметы выделялись?

Снимали аспект, технически важную для нас проекцию — и все. Мы проделали цикл работ исторического характера, показывая, как возникала логика, каким образом логические формы переводились в лингвистические, как они начинали дифференцироваться, расходиться и как они осуществляли проектное влияние на речь, язык и мысль, организовывали их и т. д. Дальше все это получило развитие в концепции «естественного» и «искусственного» и их соотношения, в странных вещах типа «речь без языка», которые лингвистам кажутся несуразными, но которые для меня очевидны. Эта линия сама по себе продуктивна, но сейчас меня интересуют ошибки.

Прежде всего, на этом этапе мы не различали и не могли различать речь и язык. И в этом смысле мы сильно отставали от Ф. де Соссюра. В сборнике 1960 года «О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков» (это материалы дискуссии 1957 года)** я отстаивал аспектную точку зрения, базируясь на оппозиции предмета и объекта. Я утверждал, что язык есть не что иное, как предметное представление речи-мысли — наряду с другими предметными представлениями. Невероятно интересной была реакция лингвистов. В книжке это отражено, хотя и с купюрами. Каждый из выступавших касался этого тезиса. Скажем, П. С. Кузнецов и другие формулировали тезис, идущий из традиций лингвисти-

---

* См. [Щедровицкий, Розин, 1967]. *Примеч. ред.*

** См. [Щедровицкий, 1960б]. *Примеч. ред.*

ческого анализа, но для меня тогда непонятный и противоречивый. Они говорили: все верно, но забывается то важнейшее обстоятельство, что язык есть тоже объект — объект второго рода. Я не мог понять. Почему? И сейчас я формулирую очень важный тезис… Я не мог этого понять потому, что был не лингвист, а логик и психолог. А в логике и психологии различений, соответствующих различению речи и языка, не существует до сих пор. Принципиальнейший факт, зафиксированный Ф. де Соссюром в представлении о соотношении трех планов — *langue*, *langage*, *parole*[53], — для современных логиков, как и для психологов, есть нонсенс.

Психологи лишь говорят о культуре, но на самом деле они не придают ей объективного статуса. На вопрос «что же такое культура в отличие от социального плана?» они отвечают: это все аспекты психологических или антропологических явлений. Как же должна быть фиксирована культура в отличие от ее социальной структуры и организации? Они отвечают: это сложный вопрос выше нашего понимания. Если по-прежнему реализовать аспектную точку зрения, то оказывается, что есть это феноменальное целое, а ответов на вопрос, как устроено это антропо-психологическое целое, они не дают, то есть отказываются рисовать онтологическую картину. И тогда вся эта совокупность дисциплин — культурология, антропология, психология мышления — оказывается без объекта.

Поэтому я в 1957 году не понимал того, что мне говорили лингвисты. Мне это казалось непоследовательным. Они принимают аспектную точку зрения и говорят: да, язык есть совокупность знаний. Аспект (проекция) фиксируется. Но нет — это тоже объект. Какой объект? Второго рода. Я тогда хихикал в наивности своей и говорил: тоже мне мыслители! Признают, что это знание, а потом говорят: объект второго рода. Как это у них получается?

В оправдание могу сказать, что я в тот момент, в 1957 году, Соссюра не читал. И когда Ф. А. Сохин, представитель школы Рубинштейна, прочитав мои первые работы, спросил: «А вы различаете речь и язык?» — я сказал: «Да, я их различаю». И рассказал ему о том, как я их доморощенно различаю. Но подлинного различения не было.

И я повторяю еще раз: современная психология и современная логика отстают по крайней мере на 70 лет, и пока они не сделают в этом плане шага вперед и не выровняют свои представления с лингвистическими, до тех пор никакого подлинного развития у них не будет.

Ильясов: Выготский и Рубинштейн понимали это различение, они знали Соссюра.

Да, но они его не принимали и не использовали. Знать знали, в книжках упоминали, а при конкретной работе игнорировали. Ибо не игнорировать не могли. Если бы они его приняли, то должны были бы отколоться от сообщества и пойти своими «еретическими» путями незнамо куда. Выгнали бы одного и другого из Института психологии и философии, и ходили бы они безработные.

Ильясов: У Уёмова в очень грубой форме зафиксировано, что аспект есть объект второго рода.

Это результат нашей работы, общения с нами. Кстати, первым это зафиксировал совсем в другом плане В. Смирнов — в томском сборнике[54]. Но слова есть слова, а дело есть дело. В словах это фиксируется, а на деле ничего подобного нет. А когда это будет, это будет означать кардинальнейший отказ от всей традиционной психологии, от всей традиционной логики.

Кстати, в этом пункте я расхожусь со всей логикой. Поэтому сейчас я уже не логик, хотя и логик по своему исходному образованию. Я считаю, что продолжаю заниматься логикой, но я исключен из этого сообщества или, точнее, занимаю место аутсайдера. И я четко это понимаю. Потому что принять эти тезисы означает для них отказаться от всей традиции изучения мышления.

Второй, не менее важный недостаток. Обратите внимание, все эти схемы коммуникации, знания, мышления оставались подвешенными в пустоте. Если бы вы спросили, а что, собственно, они изображают, то ответ был бы: мышление, знание в коммуникативном потоке. Но если спросить: а где это существует? — то ответа бы не было. Характерно, что при господстве современного натуралистического представления эпистемология «существует нигде». Или — в голове у человека, то есть получает психологистическое обоснование. Где существуют знания?

— *В культуре*.

Так ведь ее нет. Она ведь тоже аспект. Но где? Аспект чего?

И мы возвращаемся к старой дискуссии: само по себе или *in re**. В объекте, в реальности оно есть? В каком объекте? Натуральном? И тогда оказывается, что психология оказывается для всех них единственным выходом. Где существует язык? В голове! Поэтому-то грамматика кажется несуразной. Что значит грамматика? Это опять-таки тот же самый аспект, опять то же самое знание. А где онтология этого? Поэтому онтологически наше мышление оставалось в пустоте. Его некуда было поместить, не было объемлющей онтологии — ни объемлющей, ни предельной, как сказал бы я сейчас.

---

* in re (*лат.*) — в реальности; в вещах. *Примеч. ред.*

Третий очень важный момент. С самого начала мы постулировали необходимость рассматривать мышление как деятельность. Но что это означает? Этот момент невероятно интересен. Это означало лишь одно — отрицание психологистической точки зрения. Это означало перенести мышление из области умственных явлений в область практики, и поэтому в работе «О возможных путях исследования мышления как деятельности»* смысл этого тезиса был таков: мы хотим рассматривать мышление как практику особого рода — как нечто существующее объективно, безотносительно к процессам в голове.

Таким образом мы выводили мышление из области души в область духа и должны были рассматривать, фактически реализуя программу Выготского, мышление реально как момент культуры. Первоначально тезис «как деятельность» означал одно (и в этом смысле Э. Г. Юдин не совсем прав в своих всем известных работах о категории деятельности как объяснительном принципе** — там пропускается предварительное звено с соответствующими интерпретациями): объективное рассмотрение, отказ от психологизма. Но не было онтологического решения этого вопроса.

Что значит «как деятельность»? Нарисуйте мышление как деятельность! А это означало, что схема, которую я привел (рис. 1), должна была быть вписана в более широкую, объемлющую ее онтологию. Нужно нарисовать соответствующую реальность, или объект.

Ильясов: Действительность?

Нет, вы меня не путайте. Я об этом буду говорить дальше. Это у меня очень точные термины.

Этот шаг был сделан где-то на рубеже 1959–1961 годов. С этого момента начинается деятельностный, теоретико-деятельностный, системодеятельностный этап в развитии всех этих представлений.

Докладывалось это впервые на первом симпозиуме по структурному изучению знаковых систем в Москве[55] (то, с чего начинается советский структурализм). Характерно (и я этим горжусь), что редколлегия сборника во главе с Лотманом, Пятигорским — при наших приятельских отношениях — выкинула все наши тезисы из сборника, поскольку оказалось, что это разрушает единство всего направления, и они никак не могут публиковать в своей книге таких «сумасшедших» представлений. Нам, правда, дали возможность выступить. Кстати, интересно, что «левые» в этом смысле совершенно не отличаются от «правых»: и те и другие в отношении научной дискуссии абсолютные

---

* См. [Щедровицкий, Алексеев, 1957]. *Примеч. ред.*

** См. [Юдин 1976; 1978]. *Примеч. ред.*

бандиты, «левые» даже более. Как они мне потом объясняли: то, что печатается в «Новом мире», не печатается в «Октябре», и наоборот.

В чем же состоял смысл дела? Для многих из числа постоянно участвующих в нашей работе его существо остается абсолютно темным местом.

Основная суть деятельностного подхода состоит в том, что был выделен процесс трансляции культуры, построены схемы воспроизводства деятельности* и, рискну я утверждать, культура впервые в мировой литературе была задана через схему идеального объекта.

Тут я должен сделать маленькую петлю. Вроде бы культурология сейчас широко распространяется: лингвистический и структуральный подход к культуре, Тартусская школа с московскими ответвлениями, тот же М. Коул, тот же А. Крёбер и масса других имен. Но что характерно — я прошу вас обратить внимание на завтрашний доклад Коула, он точно выражает эту позицию, — ни в одном из современных культурологических направлений нет изображения культуры как идеального объекта в тех специфических процессах, которые характеризуют именно культуру. А поэтому оказывается, что социальное и культурное (старая оппозиция Дюркгейма и Риккерта — оппозиция социологического и культурологического подходов) склеиваются и культурный процесс считается существующим в социальном окружении. Отсюда следуют автоматические ходы, до сих пор характерные для психологии: ориентация на культуру отождествляется с ориентацией на социальное окружение, приспособление к социальному окружению трактуется как усвоение культуры, механизм социализации отождествляется с механизмом культуризации.

И если вы возьмете известную книгу А. Крёбера и К. Клакхона «Идея культуры»**, где разбираются разные понятия культуры, вы при самом пристрастном отношении не найдете определения, где культура задавалась бы как идеальный объект через ее специфические процессы.

Ильясов: В виде схемы нет, но в виде понятия есть.

Обратите внимание: аспектный подход не дает нам идеального объекта. Если вы вводите понятие культуры, а на вопрос, где же она есть, отсылаете к социальной структуре и говорите, что культура есть особый механизм, особый аспект в составе этой структуры, то у вас нет культуры как идеального объекта.

---

* См. [Щедровицкий, 1967, с. 38–42 (Воспроизводство и трансляция «культуры»); 1999а, с. 118–127; Лефевр, Щедровицкий, Юдин, 1967]. *Примеч. ред.*

** Точное название книги — «Культура: Критический обзор понятий и определений»; см. [Kroeber, Kluckhohn, 1963]. *Примеч. ред.*

Основной смысл этой схемы состоял в том, что задавались особые блоки культуры, которые транслировались — вводился особый процесс трансляции культуры и выделялось пространство социетальных реализаций, где есть производство, и люди вступают между собой в определенные отношения, и, соответственно (я забегаю вперед), организуется коммуникация в ее отличии от трансляции (см. рис. 2).

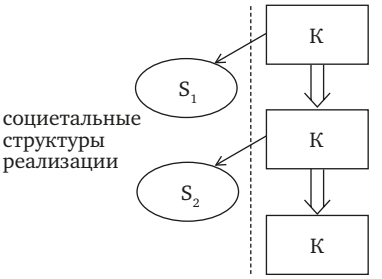


Рис. 2

Сознательно была введена такая односторонняя схема — односторонняя в том смысле, что в ней не было обратной связи между социетальными структурами и культурой, хотя, скажем, в первых работах это обсуждалось.

Таким образом, впервые на рубеже 1959–1960 годов мы ввели понятие о деятельности, которое принципиально отличается от психологических представлений о деятельности*.

Поскольку сейчас все время противопоставляются психологические представления о деятельности и методологические представления о деятельности и при этом ясности нет, я хочу несколько слов сказать по этому поводу. С точки зрения этой схемы (рис. 2) нельзя говорить, что в деятельности существует процесс воспроизводства и процесс трансляции культуры. Сказать так было бы принципиально неверным. Сказать, что есть процесс трансляции культуры, который происходит в деятельности, нельзя.

Уж коли мы все время говорили «мышление как деятельность», то мы должны были задать объемлющую или предельную структуру. Поэтому мы говорим так: процесс воспроизводства и трансляции культуры и есть то, что впервые задает или конституирует деятельность в ее отличии от поведения человека.

Таким образом, реализуется принцип антипсихологизма: деятельность отнимается от ее индивидуальных носителей, от «ум-

* См. [Щедровицкий, 1975, с. 72–84 (1. Первые подходы к изучению деятельности); 2010], а также [П. Г. Щедровицкий, 2014]. *Примеч. ред.*

ственности» всякого рода, и рассматривается как естественно-исторический процесс, который впервые создает деятельность как целое, задает и конституирует ее. Следовательно, деятельностным для нас оказывается теперь только то, что причастно к этим процессам воспроизводства, живет соответственно этой схеме и, следовательно, в процессах трансляции и реализации. <…>

Я здесь не хочу сказать, что это — единственное правильное представление о деятельности, которому надо следовать, а все другие неправильные. Я только утверждаю, что, обсуждая вопрос о понятии деятельности в психологии и в методологии, надо очень четко представлять себе, в чем суть различия обоих представлений.

Психология по-прежнему традиционно идет от поведения человека и наказана тем, что фактически моменты поведения и деятельности не различаются. Наша точка зрения состоит принципиально в другом: деятельность есть не душевное явление — она принадлежит человечеству и является системой, зафиксированной таким образом — через выделение культуры, трансляцию культуры и реализацию образцов, норм культуры в социетальных структурах.

Само жесткое разделение мира культуры и мира социетальных реализаций, как нам кажется, дает возможность разрешить многочисленные парадоксы, которые не разрешают другие типы знаний, дает нам некоторый новый реальный ход в трактовке самой коммуникации.

Итак, самым важным результатом этого этапа (в плане рассматриваемой нами темы) было жесткое разделение трансляции и коммуникации, которое реализуется в этих социетальных образованиях. Программной в этом смысле была работа 1967 года*, где коммуникация вводится через разрывы в социетальных структурах деятельности — как заполняющая эти разрывы. Тем самым задавалось особое понимание коммуникации, которое в последнее время достаточно распространилось.

Вместе с тем я хотел бы отметить, что в результате внедрения такой схемы проблемы мышления как такового в 60-е годы несколько отошли на задний план. Если вы теперь вернетесь к первой схеме (рис. 1), то вы увидите, что фактически происходило на базе этого схематизма. У нас было предметное представление о мышлении через ту схему, которую я нарисовал. Мы это мышление определяли как деятельность, как практику особого рода, тем самым подчеркивая его апсихологический характер. Но затем вставал вопрос о том,

---

* См. [Щедровицкий, 1967]. *Примеч. ред.*

что такое деятельность, и, для того чтобы ответить на этот вопрос, мы вынуждены были построить другую онтологическую картину деятельности (рис. 2), которая теперь начала конкурировать с картиной мышления.

Смотрите, какой важный шаг… Сначала мы говорим: вот мышление, вот его схемы, и тем самым даем интенцию на объект. А теперь говорим: и это есть деятельность — в том смысле, что это не в голове, а есть практика особого рода. А предметно-онтологической картины самой деятельности нет еще. Теперь она создается, но тогда возникает вопрос: что же делать с мышлением?

Начинается дифференциация этих предметов, и рядом с теорией мышления, которое рассматривают как деятельность, возникает своя особая теория деятельности со своей особой предметно-онтологической картиной. Мало того, эта онтологическая картина начинает теперь трактоваться 1) как объемлющая все остальное и 2) как предельная. Иначе говоря, если мы теперь хотим рассматривать мышление как деятельность, коммуникацию как деятельность и т. д., то мы должны рассматривать все это в деятельности, то есть мы должны все эти схемы мышления, понимания и т. д. поместить в схемы деятельности и протрактовать их относительно схем деятельности.

Появляется объемлющая онтологическая картина и основания для ответа на вопрос: где существуют коммуникация и мышление? Мы теперь отвечаем: коммуникация и та речевая мысль, которую мы изучали до этого, существуют в социетальных ситуациях. И в 1960 году появляется принципиальнейшее понятие ситуации со всеми вытекающими отсюда интенциями — ситуативной логики и всего остального. И тогда мы возвращаемся к логическим представлениям и говорим: логика — это все несуразность, поскольку необходимо теперь различать, с одной стороны, речь и мысль, которые едины в социетальных ситуациях (речь-мысль), и с другой — язык и мышление, которые принципиально различны в культуре, поскольку они фиксируются как разные типы норм.

Таким образом, мы снимаем все парадоксы, связанные с этой традиционной оппозицией. Мы теперь можем сказать, что правы те, кто говорил, что речь и мысль неразличимы, что есть только одно — речевое мышление. Это верно — вот здесь, в социетальных ситуациях этих структур. И правы те, кто говорит, что мышление — это одно, а язык — это совсем другое, ибо это верно по отношению к парадигмам, то есть к системе культурной нормировки.

Появляется это представление о деятельности, и в 60-е годы мы разворачиваем это деятельностное представление, отодвинув на второй план представления о мышлении, понимании, коммуникации

и т. д. — было не до этого. Но сама трактовка деятельности одновременно и как предметной онтологии, и как общей, объединяющей предметные онтологии, заставляет нас относить мышление, коммуникацию, понимание и т. д. к деятельности, вкладывать их туда и, соответственно, оттуда их выводить.

Этим заканчивается второй период и начинается третий — где-то на рубеже 1969–1970 годов. Здесь наиболее важными и интересными являются работы, развертывающиеся в тесной связи с лингвистикой и психолингвистикой. Это работы, которые привели к принципиальному, хотя и намеченному раньше, различению значения и смысла, смысла и содержания и к не менее принципиальному различению понимания и мышления.

Правда, как я уже сказал, различение понимания и мышления было уже зафиксировано в самом общем виде раньше, скажем, в работах 1959–1960 годов по исследованию процессов решения задач детьми, где все время фиксировалась принципиальная оппозиция понимания и мышления. Но, во-первых, не было еще схем, которые могли бы достаточно четко и детализированно разъяснить одно и другое, и, во-вторых, не было соответствующей проработки.

Различение трансляции и коммуникации оказалось невероятно важным и принципиальным для ситуации учения-обучения, и на этой базе мы сумели построить соответствующие типологии ситуаций учения и обучения* — поскольку это в принципе не коммуникация, коммуникация является здесь лишь внешней формой выражения совершенно иного процесса (здесь мы уже начинаем подходить к существу нашего совещания), суть же состоит в демонстрации образцов деятельности.

Теперь, когда мы уже различили трансляцию культуры и коммуникацию, наш вывод нужно представить в принципиальной схеме коммуникации — в такой структуре:

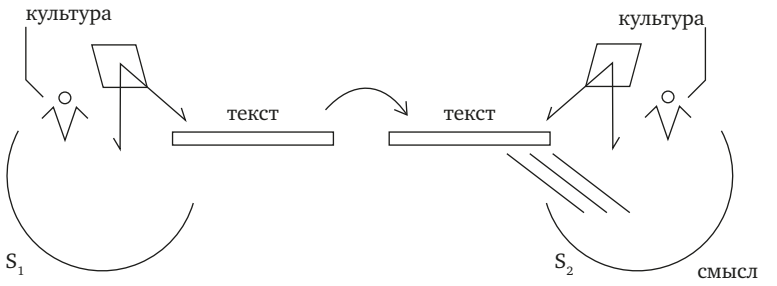


Рис. 3

* См. [Щедровицкий, Якобсон, 1973]. *Примеч. ред.*

Имеется коммуникант-1. Он имеет табло сознания, работает в определенной ситуации (S_1) и создает текст, как бы описывающий эту ситуацию и, кроме того, направленный от одного коммуниканта к другому (коммуникант-2). Тем самым выделяется область содержания. Затем этот текст передается другому коммуниканту, который должен его понять, то есть включить этот текст в ситуацию своей практической деятельности или, соответственно, построить новую ситуацию. И потом все это отображается в схему трансляции культуры, порождая тем самым вторичные проблемы — фиксации и трансляции парадигм коммуникации. И это нам тоже будет очень важно в дальнейшем.

Итак, была задана такая схема, на которой началось разворачивание собственно коммуникативных структур с учетом либо тождества, либо различия культур, с учетом тождества либо различия ситуаций, тождества либо различия содержаний сознания, то есть того, что фиксируется на табло сознания, тождества или различия целей, которые фиксировались участниками, и т. д. — масса очень сложных типологических разработок, переводящих это системное представление (процессуальное, структурное, морфологическое) в типологии. Я не буду этого касаться, поскольку это более известно — оно и новее, и сами публикации чуть-чуть полнее.

В чем недостатки такого представления? Все это, как я уже сказал, относится к социетальной ситуации — на передний план выделяется ситуация. Но, нарисовав такие схемы, мы обнаружили, что нам не удается выделить мышление. И это в каком-то смысле была расплата за всю эту историю, потому что у нас ведь мышление трактовалось как деятельность.

Коммуникация разворачивалась над ситуациями практической деятельности или практической мыследеятельности, и тексты фактически были тем верхним ограничением, или пределом, в который все упиралось. Таким образом, наше схематическое представление фиксировало коммуникацию, но мышления как такового там не было. Мышление вроде бы существует совсем в другой области — в культуре. А здесь существует речь-мысль, вплетенная в практику, в деятельность. Тогда мы повторяли то, что говорят сегодня 99% социологов, 99% психологов, 99% культурологов. Это все достаточно традиционно. В отличие от них мы четко понимаем одну вещь: таким образом к мышлению не «выплывешь» и мышления не поймешь. И возник разрыв между коммуникацией и мышлением как таковым.

Как я уже сказал, эта схема была уже очень четко зафиксирована в 1971 году и потом разворачивалась вплоть до 1979–1980 года. Мы все время бились над этой проблемой соотношения мышления и деятельности и решить ее не могли. Как только мы относили мышление

к ситуациям, тотчас же возникали все эти онтологические вопросы типа: а где существует идеальный объект? По-видимому, в текстах. И мы невольно переходили на традиционную натуралистическую точку зрения. Либо же — в голове, на табло сознания, тогда — концептуализм, психологизм, все эти традиционные ходы…

Но мы ведь знаем в силу нашей традиции (через Гегеля, Маркса), что мышление живет в идеальных объектах. Мы-то все время говорим о культуре. Оказалось, таким образом, что эта схема коммуникации — такая симпатичная, открывающая вроде бы очень интересные перспективы — совершенно уничтожает возможность увидеть мышление и понять мир мышления. Мы вслед за всеми этими культурологами, которых я сейчас сильно ругал, шли тем же самым путем, так как не могли идти иначе.

Культура вроде бы была, но она существовала как «амбар», из которого вынимаются средства. А нам надо было объяснить мышление не как набор средств, а как что-то актуально включаемое в коммуникацию и деятельность. Короче говоря, наши коммуниканты на этих схемах не мыслили и не могли мыслить, поскольку мы им не нарисовали этого мира. А не нарисовали мы его, поскольку не знали, как его рисовать.

Я не знаю, сколько бы это продолжалось, если бы в играх мы не столкнулись с этим лоб в лоб и не были вынуждены искать решения. Я сейчас поясню ситуацию.

Собранные нами там специалисты должны были разрабатывать программы комплексных НИР. Совершенно ясно, что эта работа может быть выполнена только в мышлении. И эта работа по программированию должна была определяться в самой ситуации — тем набором позиционеров, которые там были. Мы умели создать реальную проблемную ситуацию за счет столкновения мнений и фиксации парадокса — онтологически и сциентистски неразрешимого противоречия. И нам все время казалось, что люди, собранные нами, решающие задачи в едином коллективе, столкнувшись с различием своих мнений, точек зрения, подходов, начнут искать какое-то решение.

Что же мы получили на самом деле? Они доходили до этого места, до этой проблемы и могли сидеть здесь вечно, пережевывая эту ситуацию. Они не делали только одного — они не решали задачу.

Кстати, они очень здорово приспосабливались к ситуации: поскольку там была соответствующая иерархия, то они осторожненько критиковали начальников. Они делали самые разные вещи, но только не мыслили и не решали задачу.

И когда мы сами себе поставили вопрос: чего мы здесь не понимаем, в чем дефекты наших собственных представлений? — то

в результате очень напряженной стрессовой ситуации, собирая по кусочкам намечающиеся результаты, мы пришли к схеме, которую я и считаю главным результатом этих игр. Я ее немножко затрагивал на прошлых совещаниях и разворачивал дальше. И теперь я предлагаю вам эту схему как некоторое онтологическое основание для обсуждения проблемы коммуникации (рис. 4).

Наша трактовка мышления как деятельности и механическое образование такого целого как мыследеятельность, в котором мышление в одном из своих аспектов вроде бы есть деятельность и деятельность в одном из своих аспектов есть мышление, и та эволюция наших взглядов, которую я сейчас описал, закрывали от нас тот принципиальный, кардинальный, самый существенный факт, что мир мышления не совпадает с миром деятельности, что мышление имеет свою особую действительность, мышление есть конструктивный и проектный процесс в сути своей.

Короче говоря, у нас не оказывалось того, что Аристотель назвал «логосом». Смыслы у нас есть. Они возникают за счет процедур понимания как структуры. У нас есть объективные содержания (информационные) — это то, что выделяется текстами. Но тексты у нас практические, а не мыслительные. Там нет идеальных объектов.

И тогда вдруг мы смогли зафиксировать и нарисовать эту простую вещь, которая предстала для нас в виде набора досок, имеющихся в каждой аудитории, а практически — у каждого человека, досок, в которых живут по своей внутренней имманентной логике идеальные объекты.

Мир идеальных объектов как особого содержания коммуникации не подчиняется законам человеческой деятельности, законам человеческих взаимодействий. Это есть мир культуры в его подлинном смысле — тот самый мир культуры, который, собственно, и является условием существования индивида как личности. Это есть то пространство, та действительность, которая дает индивиду опору в его неприятии социетальных структур, в его возможности быть человеком и противостоять давлению группы, давлению сиюминутной ситуации, всегда корыстной, всегда по сути своей вредной (и в практическом отношении тоже).

И тогда в результате оказалось, что мир мыследеятельности содержит две принципиально разные части.

С одной стороны — часть, относящуюся к чистому мышлению. Здесь мы возвращаем все традиционные представления немецкой классической философии — о чистом мышлении, о мышлении априорных форм, о филиации идей. Это — мир «логоса»; здесь как принцип действуют логические законы — законы мышления как такового.

И этот мир реален за счет существования человеческой культуры. Он «живет» здесь, в мире культуры, и, собственно, как бы образует ее цементирующее основание. И этот мир идеальных объектов может отражаться и отражается в текстах коммуникации.

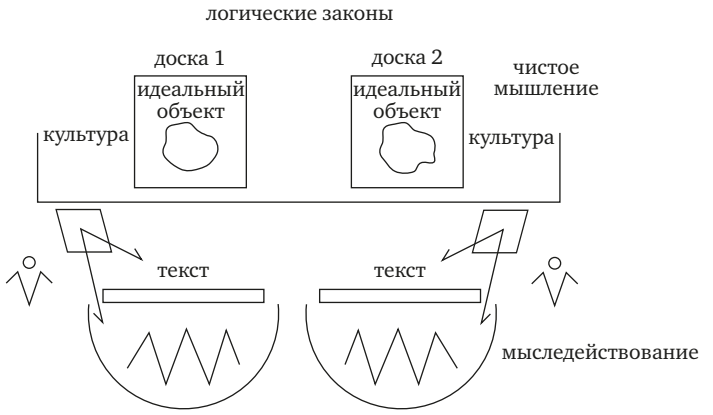


Рис. 4

А кроме того, есть еще мир реальных ситуаций, мир мыследействования, который точно так же отражается в текстах за счет особых механизмов рефлексии. И тогда оказывается, что именно тексты коммуникации и сама коммуникация как таковая и есть тот стержень, на который мы «насаживаем» мыследеятельность в целом с ее двумя частями (мышлением и мыследействованием), и что вместе с тем это есть средство склейки одного, другого и третьего.

Не надо думать, что я, нарисовав эту схему, задаю тем самым коммуникацию как объект и предмет. Это только онтологическая картина мыследеятельности, где намечены принципиальные связки между чистым мышлением и практическим действованием и взаимодействием людей (кооперацией, борьбой, конкуренцией и т. д.). Но мы тем самым в принципе уже решили проблему связи практического и теоретического — ту самую проблему, которую не могла решить классическая немецкая философия: мы объединили их в рамках единого объекта.

Но мы при этом понимаем, что эти тексты не есть коммуникация, и нам здесь еще не хватает собственно предметного определения коммуникации, то есть ответа на вопрос: в чем же, в каких единицах эта коммуникация существует и как она осуществляется внутри мыследеятельности? Мы получаем возможность выделять разные «усеченные» предметы, например, мы можем говорить о «мысли-коммуникации» и «коммуникации-мысли». Это очень важно и принципиально.

Представьте себе, что идет какой-то текст и имеется понимающий этот текст. Он его может отнести к доске, на которой заданы идеальные объекты, то есть к действительности мышления, и понять все это только в действительности мышления. Если предположить, что первый коммуникант строил текст через рефлексию ситуации, то перевод в действительность мышления, или идеального объекта, будет происходить через схематизацию смысла текста. Таким образом, здесь за счет коммуникации начинается в ее структурах реальная схематизация мыследеятельности, перевод ее в логически детерминированную действительность мышления.

Мы можем получить совсем другой процесс, если, скажем, коммуникант-1 работал в мышлении и строил схемы идеального объекта, а коммуникант-2 начинает реализовать эти схемы в своем практическом действовании и взаимодействовании с другими, то есть происходит перевод мышления в мыследействование, если, конечно, эти схемы легко реализуемы.

Я здесь нарисовал бинарную схему. Вы можете развертывать ее дальше — брать четырех, пять участников и, соответственно, рисовать не однонаправленные, а циклические и двухсторонние схемы коммуникации. Но мы все время должны очень четко и жестко различать между собой мир чистого мышления, или мир идеальных объектов, которые фиксируются в текстах, и мир реального мыследействования. Смотрите: действительное — это к мышлению, а реальное — к деятельности, к ситуации, к взаимодействию.

А это все склеивается и организуется за счет того, что мы называем коммуникацией или текстами. Тут и оказывается вроде бы, что коммуникация и тексты, в ней создаваемые, и образуют стержень мыследеятельности, в которой мышление не растворено в деятельности, а деятельность отличается от мышления как такового. Обратите внимание, ведь это — различение функциональное, поэтому мы, когда говорим о мыследействовании, тем самым подчеркиваем, что это может быть бывшая мысль, перешедшая на уровень ситуативного действования — в деятельность как таковую.

А то, что она «мыслительная», это в эпоху «белых воротничков» никого не должно удивлять. Мы сейчас осуществляем практическую деятельность не на заводе и не на улице, когда сгребаем снег, а в конструкторских бюро, проектных бюро, в научно-исследовательских институтах и т. д. Вот где осуществляется подлинная практика современного общества — практика мыследействования. То, что это мыследействование становится по своей морфологии мыслительным, не меняет его сути как действования; если оно происходит в ситуации

кооперированного программирования, проектирования, исследования или чего-то другого — это все равно мыследействование.

А чистое мышление всегда находится в функциональной оппозиции к этому, поскольку это есть выход на мир идеальных объектов.

Эта схема выступает для меня онтологической картиной мыследеятельности, построенной на идее коммуникации. Только одно здесь непонятно — что такое коммуникация? Это не тексты, и это не процесс построения текстов. Вот теперь мы подошли к нашему основному вопросу. Ибо, по сути дела, это теперь вопрос не онтологический — с онтологической работой я вроде бы на первом шаге покончил. Мне теперь надо выйти совсем в другую область и извлечь много разных предметов, с разных сторон выделяющих то, что мы называем коммуникацией.

Здесь мы должны соблюсти основной принцип формирования естественных наук и наук вообще (в узком смысле этого слова). Ведь мы очень часто забываем простую истину: наука есть служанка техники. Идея чистого познания, изображения объекта в целом принадлежит только философии и методологии как таковой, а не науке. Наука начинает существовать лишь тогда, когда выделена соответствующая техника, например техника организации коммуникации, техника организации понимания, техника мышления в коммуникации. Когда есть, следовательно, техники, или операторы коммуникации, мышления, понимания, которые хотят организовать эти процессы, обучать им, то есть переводить их в план трансляции культуры, фиксировать соответствующие нормы и т. д.

Для обслуживания этой промежуточной части возникает то, что мы привыкли называть «естественной наукой» — не натуральной, а естественной, то есть описывающей объект как он есть сам по себе, снимающей «фотографию». Тут я формулирую один очень важный принцип: у нас не может быть научного изучения коммуникации, пока и поскольку мы не определимся в техниках разного рода по отношению ко всей этой ситуации. Надо определить возможные здесь техники с их соответствующими целями, затем относительно них выделить предметы техники или техник, а потом преобразовать эти предметы техник в предметы собственно научного, или естественно-научного, исследования.

И никакой «королевской дороги» на этом пути нет. Это надо проделывать систематически, шаг за шагом. Конечно, можно все это методологически проанализировать и определить, но тут есть тоже зона возможного развития, и она весьма ограничена, потому что ум человеческий — это очень слабая штука. Культура человеческая — это мощная штука, а ум невероятно слаб. Он плетется, как правило,

сзади, только думает, что он забегает далеко вперед. Это означает, что мы практически должны строить эти техники и, шаг за шагом строя их, обслуживать их знанием.

Но этот вопрос и хотелось бы обыграть. Вроде бы это образует третью тему нашего обсуждения, а может быть, даже и вторую… Нужно наметить возможные программы развития техник — коммуникации, понимания, мышления. Затем, исходя из этого, определить типы знаний, которые мы должны иметь. А уж затем определить те единицы, которые у нас будут в теории коммуникации. Что это за единицы?

Это, конечно, не построение текста. Это — текст вместе с мыслью, вместе с содержаниями, вместе с целью, вместе с техникой коммуникации и техникой понимания. Что это за единицы, которые, собственно, и образуют тело коммуникации, — на этот вопрос сегодня практически нет никакого ответа. Даже вопрос не поставлен со всей должной резкостью. Какого рода идеальные объекты мы должны нарисовать здесь, на этой схеме (общей схеме мыследеятельности), чтобы увидеть через этот рисунок то, что мы будем называть коммуникацией? Какого рода рисунки-схемы с онтологической интенцией? Какого рода категориальные определения мы должны получить?

Например, представьте себе, что мы будем считать коммуникацией переброс культуры первого коммуниканта в ситуацию второго коммуниканта с соответствующим целевым оформлением (например, «хочу передать ему культуру») — здесь педагогическая техника. Совсем другая установка: «хочу добиться согласия наших сознаний» — точка зрения, развиваемая сейчас О. И. Генисаретским (у него коммуникация есть момент, обеспечивающий целостность сознания разных индивидуумов). А, скажем, «хочу перебросить идеальные объекты мышления в реальную ситуацию, добиться реализации их в деятельности другого индивида» — другая, по сути, стратегия и тактика коммуникации. И это будут процессуальные варианты передачи, переброса элементов.

Если вы отнесете это к системам трансляции, например к задачам развития ситуации, вы получите совершенно новый набор предметов. Тогда — коммуникация в целях развития ситуации действования или приведения ее к образцу, коммуникация в целях развития данного индивида. Здесь вырисовывается огромная область различных коммуникативных предметов. Вы можете рассматривать их как предметы отдельных теорий или как главы единой теории — это уже несущественно, если есть такая онтологическая картина.

Но на все эти вопросы нужно дать ответ. В этом я вижу одну из основных задач нашего совещания — наметить такую программу

и посмотреть, как она реализуется в разных исследовательских лабораториях и направлениях. Благодарю вас за внимание и терпение.

Алексеев: Как относится докладчик к тем попыткам, которые уже были предприняты по складыванию области идеальных объектов? В чем специфика предлагаемого метода?

Я думаю, что в отношении к тем традиционным линиям, о которых вы говорите, это просто совпадает с их трактовками (скажем, с платоновской, не Гуссерля).

Но мне важно в целом подчеркнуть один момент… Когда мы работали — будь то на схемах воспроизводства и трансляции деятельности, будь то на схемах так представленной коммуникации, над мыследеятельностью, мы совершенно особым и специфическим образом решали вопрос об онтологическом существовании этих идеальных объектов и действительности мышления.

Наверное, вы помните, Никита Глебович, что, когда мы, начиная с 50-х годов, рассматривали структуры мышления, процессы мышления и знаки, мы фактически относили их к ситуациям. Отсюда возникал очень интересный вопрос: где же, собственно, существуют эти структуры?

Ясно, что они существовали вот здесь, на уровне смыслов, которые существуют между формой и как бы вырезаемой плоскостью содержания. И поэтому наши схемы знания были такими: объект практического оперирования ***X***, некоторые операции **Δ**, замещение в знании и отнесение назад. Это первая исходная схема (см. рис. 5).

Рис. 5

Потом, когда мы начали рассматривать процессы объективации абстрактного содержания, процессы схематизации, то родились другие схемы. Появлялась где-то внутри идеализация, но она существовала именно внутри — между плоскостью знаковой формы ***(A)*** и плоскостью объектов и операций с ними, то есть так называемого объективного содержания (см. рис. 6).

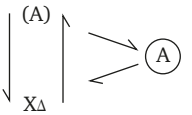


Рис. 6

В брошюре 1964 года* эта часть схемы, уже как онтологическая, была вынесена сюда — влево (см. рис. 7).

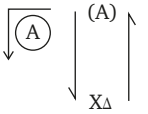


Рис. 7

Она обеспечила прямой выход в мир объективной реальности, и поэтому основные поиски все время шли в направлении выхода назад — на объекты практической деятельности.

Что мне сейчас важно подчеркнуть? С моей нынешней точки зрения, это — неправильное направление поисков. Мир идеальных объектов как мир действительности мышления, конструируемый, проектируемый, существует не здесь — не в отношении к миру реальному. Он существует в мире логики, логического, логоса. И это — другой мир, противостоящий практике деятельности. Нужно осуществить как бы зеркальное оборачивание и задать самостоятельное существование культуры; это и будет реализацией культурологической или культуротехнической точки зрения на мышление.

Алексеев: Смотря на этот рисунок, я спрашиваю: могу ли я повернуть рисунок на 90 градусов?

Можно, но не нужно. Тут ведь суть дела не в том, где мы нарисуем, — это все проблемы формы. Мне важно подчеркнуть следующую принципиальную вещь: мышление живет не по законам деятельности, как мы думали раньше. Рассматривая мышление как деятельность, мы тем самым задавали неверную, с моей нынешней точки зрения, трактовку мышления. Мышление всегда может быть рассмотрено как деятельность, но не в этом его суть.

И я возвращаюсь в этом плане к очень интересным и принципиальным установкам В. Я. Дубровского. Что значит мыслить? Мыслить — это значит отдать себя законам жизни другого, мыслимого содержания. Мы как бы вперяем свой взгляд в то, что происходит в идеальной действительности, и начинаем двигаться по логике этой идеальной действительности, а не по законам социетальных взаимодействий. И в этом — величайший, принципиальный смысл человеческого существования, ибо человеком является только тот, кто имеет такую плоскость, тот, кто за счет этого может существовать в культуре, а не только в коммунальных столкновениях

* См. [Щедровицкий 1964б]. *Примеч. ред.*

и взаимодействиях. Тот, у кого этого нет, перестает быть человеком и становится животным — это уже результат распада человеческого общества.

Но этот распад обосновывается и программируется, скажем, радикальным направлением. Ведь этот тезис — «Долой культуру!» — и приводит к распаду человеческого общества и человеческого существования. И поэтому ранний вариант методологической теории деятельности с ее сведением идеальной действительности мышления к деятельности, как и вариант теории деятельности по А. Н. Леонтьеву, есть не что иное, как оправдание бескультурья, теоретическое или квазитеоретическое оправдание этого распада, как бы научное его обоснование за счет идеи деятельности. В этом основная суть оппозиции психологической теории деятельности и культурно-исторической концепции Выготского. Они разошлись не только теоретически. Они разошлись культурно.

Алексеев: Функционарно это может означать, что возможно разведение коммуникантов по разным деятельностным позициям?

По позициям — нет. Для меня должна существовать отдельно мысль-коммуникация. За счет коммуникации вся эта верхняя часть может сниматься и существовать вне мыследеятельности. Так возникают всевозможные формальные направления, в частности вся классическая философия…

Алексеев: Можно ли представить дело так, что этот верхний слой есть слой по преимуществу методологический?

Нет. Это лежит совсем в другой плоскости. Мы с вами обсуждаем это онтологически — проблемы человеческого существования и отношения между мышлением и деятельностью. Они действительно разделяются — на уровне текстов коммуникации они могут расслаиваться и распадаться, расщепляться вообще. И может существовать (как это было в практике немецкого академического профессора) чистое мышление в коммуникации — через книги. Золотой век европейской цивилизации — XVIII–XIX век.

А может существовать и нечто совершенно другое — рефлексивные тексты, причем рефлексивные уже в классическом английском смысле, в смысле рефлексии как отражения. Вот тут и проходит принципиальная грань между трактовками отражения и мышления. Мышление в этом смысле есть конструирование замещающих изобразительных средств. Мышление всегда замкнуто на развитие. А отражение есть фиксация в речи самой ситуации. И есть особые средства отражения, то есть подъема вверх — от ситуации к технике, а есть совершенно другой мир — мир мышления с его идеальной действительностью, и он существует в другом плане.

И есть одна принципиальнейшая проблема, поставленная Шеллингом, — проблема соединения отражения с мышлением, то есть рефлексии с мышлением, конструирования с отражением. И она вроде бы решается здесь за счет того, что (в особенности при понимании) возможен выход наверх — в мышление, может быть выход вниз — в ситуацию, а может быть соединение того и другого.

Но практически такое соединение чаще происходит за счет коммуникации — один движется в действительности мышления, другой это реализует в практике своей деятельности, и только потом — как бы обратная интериоризация, снятие, из «интра-» в «интер-» — и на этом формируется человеческое сознание. Вот так бы я это представлял.

Неверкович: Ведь это процесс познания самого себя, а не процесса, который на самом деле происходит. Поэтому непонятно, является ли мысленное отнесение себя к тем закономерностям, которые существуют на сегодняшний момент, познанием себя или видением тех закономерностей. Тогда первый вопрос: действительно ли коммуникация — такая, какой вы ее сегодня представили, — является первичной по отношению к наблюдению?

Я благодарю вас, Сергей Дмитриевич, за ваши замечания, поскольку они дают возможность мне четче сформулировать то, о чем я только что говорил.

Первое. Я бы в этих структурах мыследеятельности ничего не выделял в качестве первичного. Собственно, системный подход мне это запрещает. Ибо реальностью является это целое. Там все важно. Как в нашем организме — печенка, легкое и сердце так же нужны нам, как и голова, и ноги, и без этого мы жить не можем. Здесь все на своем месте, и это есть то целое, которое меня интересует.

Второй момент. Когда я говорил, что коммуникация — это стержень, то это относится к проблеме связи и соотношения чистого мышления и деятельности, или мыследействования. Коммуникация связывает и склеивает то и другое. Я бы сказал, что коммуникация и есть то посредствующее звено, которое соединяет эти два момента вместе и дает возможность переводить мышление в деятельность и поднимать деятельность до уровня мышления. Мы все это делаем с помощью коммуникации в ситуациях нашего общения, взаимодействия и взаимовлияния.

Третий момент. На мой взгляд, необходимо различить (то, о чем говорил Курт Левин) полагание себя (то, что вы назвали «исследованием себя») и этот мир действительности мышления. Я здесь все время выступаю как антипсихологист. Я люблю психологию, но придерживаюсь принципа: психология, бойся психологизма. На

мой взгляд, для психологии нет ничего страшнее, чем психологизм, и при психологистической философии психология развиваться не сможет.

На мой взгляд, психология может развиваться только в тесной связи с культурологией, социологией, теорией организации и т. д. И мышление как явление культуры имеет самостоятельное, имманентное, независимое от нашей психики существование. Ни в коем случае нельзя отождествлять мышление как явление культуры с тем, что происходит в нас, с психологическим. Наоборот, психологическое есть только отражение, с одной стороны, мира мышления, его действительности, мира идеальных объектов, который для человека, как это показал Маркс, столь же объективен и реален, как все остальное, и даже еще более объективен и реален, ибо он в сути своей человеческий и определяет его, и, с другой стороны, мира деятельности, мира взаимодействий, непосредственных столкновений, ситуаций и т. д.

Значит, здесь все идет по законам логики, которая есть лишь частный вариант имманентного движения культуры, и это не «Я». Когда я познаю — вперив взгляд в этот логос — законы жизни идеальных объектов и все остальное, то я не себя рассматриваю… Кстати, сюда, в мир идеальных объектов, попадают все естественные науки. Естественные науки потому и смогли игнорировать деятельность, обойти ее, что они сумели построить идеальные объекты, в частности, представили природу как идеальный объект и начали изучать ее законы.

Когда я положил перед собой представление о законах природы и начинаю жить по этим законам, следуя им, глядя на них, а не на свою деятельность, я живу в мире натуральной культуры (или натуралистической в этом смысле), в мире действительности абстрактного мышления, идеальных объектов, а не деятельности. И наоборот, чтобы обратиться к деятельности, я должен оторваться от этого мира уже фиксированной культуры, «разуть глаза» и посмотреть, что происходит кругом.

Кстати, я ведь настаиваю на значимости обоих этих направлений. Мне чужды формализмы разного рода и чужда идеализация, но только на поляризации того и другого и только на соединении того и другого, то есть на постоянном окультуривании наших ситуаций и на постоянном «оситуачивании» нашей культуры, то есть ее приложении, может сохраняться и существовать человек.

А вопросы о том, что он видит в себе, — это уже особый разговор. Я бы дальше обсуждал вопрос о том, когда человек должен отвечать на вопрос, что он есть, и раскрывать себя. Но это уже особая практика самоопределения.

Литвинов: Верно ли я понимаю, что мышление, по вашей трактовке, развертывается на внутреннем видении?

Нет, неправильно. Это ведь культурная работа. Внутреннее видение — это ваше отражение всего этого. Когда вы приобщаетесь к культуре, то вас долго-долго учат, закладывают туда идеальные объекты, потом вы их начинаете видеть. Это результат окультуривания вас.

Литвинов: Вы положили в вашу онтологию эти доски-планшеты. На каком основании? Это вам исследование подсказало, что их надо туда положить? Вы это на игре наблюдали?

Наблюдал в том смысле, что меня как «граблями в лоб» — один раз, другой… Пока я не понял наконец-то. И тогда дело двинулось.

Литвинов: Иначе говоря, никакой логической необходимости не было для введения этих вещей?

Нет, это неправильно. Я могу рассказать вам историю, почему я все-таки это сообразил. «Ага, ведь это мы давно знаем, и, больше того, это все знают. Как же я раньше этого не учел? Это ведь всем известно!» И тут начинается филиация этих идей… Мышление для меня есть культурная общечеловеческая работа по развертыванию средств выражения, именно — знаковых форм, конструктивное и прогностически ориентированное развертывание. Вот что такое для меня мышление.

Литвинов: Не встает ли перед вами сложнейший вопрос об онтологии, так сказать, этого планшета? Вы его положили, и он задан — там что-то должно быть, что-то «зелененькое»… Этот вопрос существенен для вас?

Да, и я на него отвечаю. У нас есть так называемая «сферно-фокусная схема деятельности», куда все это вписывается.

Я ведь рассказывал только о части, имея в виду коммуникацию. И мы знаем, что это значит. Это и есть мир культуры. А из чего состоит культура? Культура состоит из значений — идеальных объектов. Это и есть мир значений культуры, который живет в исторических процессах, с одной стороны, трансляции, с другой — развития. Ведь его постоянно строят специальные операторы культуры, культуротехники с помощью культурологов.

И это есть тот самый мир значений — наше основное достояние, которое мы все время накапливаем и передаем. Сюда входят все наши орудия, образцы вещей, совокупности наших идей, проектов и т. п. И этот массив живет и развивается. Вы меня спрашиваете: по каким законам? Я отвечаю: по законам человеческой эволюции. Там свои процессы. И я вроде бы отвечаю, что это такое.

Литвинов: Я спотыкаюсь на другом: на проблеме индивидуального сознания. У меня это как бы автоматически выскакивает в связи с тем, что у вас для мышления должен быть конфликт.

Это то, что мы будем обсуждать в четверг. Вы спотыкаетесь на проблеме индивидуального сознания. А я здесь при чем? Это ваши проблемы! А я с проблемами индивидуального сознания разбираюсь очень просто. Это интересно, но теперь у меня нет там проблем, которые меня бы держали. Я теперь могу и «личность» строить, и теорию сознания строить, я теперь все могу делать — у меня нет таких проблем.

Непонятно я отвечаю? Давайте конкретно. Вы кто — оператор культуры или кто-то еще? Что вы делаете? Какое у вас мышление и т. д.? Я теперь имею принципиальную методическую схему для объяснения вашего сознания и всего остального. У меня нет больше проблем с психологизмом. Это они у вас потому были, что вам все время надо объяснять, как там быть с миром сознания. А я отвечаю: сознание есть универсальный механизм отражения и соотнесения. Я построил модель сознания, она у меня работает и подтверждается на самом разном материале — это главное.

Литвинов: Вот вы мне показываете планшеты. А где они еще существуют, кроме доски? Вы скажете «в культуре»?

Вам нужен конкретный ответ? В книгах, проектах, в рукописях, в том, что передается через мысль-коммуникацию. Сейчас это существует в нашем собрании: через наше собрание сейчас культура течет. Вот где это существует.

Литвинов: А конфликт двух индивидуальных сознаний…

Обратите внимание, конфликты в сознании бывают, только если это сознание некультурное. Если оно неокультуренное — тогда в нем конфликты.

Но за этим для меня стоит реальная проблема. Я вам говорю: поэтому так важны феноменология и феноменальный план. Потому что этот ваш вопрос я теперь должен перевести в другой, а именно: для меня возникает тоже очень сложный и интересный, но уже вроде бы решенный вопрос — проблема соотношения идеальных объектов и феноменального плана сознания, феноменальной действительности. Но Гуссерль, Нейман, Брентано практически уже наметили эту линию. Может быть, она исторически ошибочна, но работать там есть над чем.

Таким образом, это для меня проблема идеального и феноменального, и она должна решаться строго и как таковая. Проблема понимания — точно так же, ибо мы потом туда выходим.

Данилова: Георгий Петрович, у коммуникантов разные доски, потому что у них культура разная?

Нет, просто потому что у них разные парадигматики. У одного — одна концепционная схема, у другого — другая. Один одними

схемами онтологии пользуется, другой — другими. Это не просто культура, это то, что они положили в процессе коммуникации. Один положил одно, другой — другое, хотя это и реализация разных культур.

Смотрите, я этой доской вырезаю некоторое наличное. Я таким образом культуру как бы удваиваю: появляются культура вообще как «амбар» средств и то, что положено в мышлении в данный момент. А то, что положено в данный момент для мышления, — это уже не культура, а действительность мысли.

— Можно ли провести аналогию между вашей схемой и таблицей Менделеева, где были пустые места, но известно, что там должно быть то-то и то-то?

Я бы принял вашу характеристику, только кое-что бы к ней добавил. Для этого я обсуждал игру на постоянных отображениях совокупности предметов в онтологию и обратно.

И мысль моя состоит вот в чем. Вроде бы я построил онтологическую картину, но коммуникации пока там все равно нет. Я говорю: вроде она где-то должна быть, но только я ее не вижу. Мне для того, чтобы нарисовать здесь коммуникацию, нужно иметь предметное представление о коммуникации. Те представления, которые в теории коммуникации развиваются, не помогают, не «кладутся». Они не помогают не только в этом рисунке — они нам реально не помогают. Мы организуем коммуникацию между разнопредметно организованными специалистами, мы прочитали все, что есть по коммуникации, мы пытаемся следовать этим принципам — и ничего не выходит, потому что они у нас не просто коммуницируют…

Я беру те же представления о коммуникативных сетях, о системе коммуникации в группе. Ну и что? Что я с этим могу сделать? У нас нет ничего этого. Мне надо разнопредметных специалистов организовать на коллективное мышление, и то, что хорошо для коммуникации в организации, при организации коллективной мыследеятельности не срабатывает…

— Можно ли так представить, что без включения верхней части схемы все оказалось бы только уровнем явления, а если включается — то возможно представление на уровне сущности?

Вы совершенно правы, но я бы ушел от употребления термина «сущность» и т. п.

С чем мы столкнулись? Я должен уметь, организуя работу этих людей, переходить от рефлексии ситуации в план идеального объекта. Пока они не сделали этого перехода, они не могут решать задачу. Они мне снова и снова будут воспроизводить проблемную ситуацию и невозможность движения. Как только у меня в ситуации набралось

пять-шесть разнопредметных специалистов, как только они поняли, что столкнулись лбами, поняли, что несовместимость, — на этом все кончилось. Они больше не могут двигаться. Больше того, я даже не могу им помочь, если я не понимаю, что я должен их перевести в план идеального объекта, каким-то образом задать им эту сущность адекватно ситуации и вообще заставить их уйти туда и решать там задачу, потому что оказывается, что проблема в задачу здесь, на уровне ситуации, переведена быть не может, и задачу решать нельзя, пока ты не перешел туда — в мир чистого мышления. Задачи решаются только в мире чистого мышления. Приспособиться здесь — можно, уйти от мыследеятельности в ситуации — можно, круговую оборону занять — можно, а культуру развивать — нельзя.

Тюков: Георгий Петрович, вы ведь различаете мышление и деятельность…

Теперь нет. Я говорю так: деятельность — это эти схемы (воспроизводства и прочие). Это — деятельное. Теперь я различаю мыследействование (это то, что в ситуации) и чистое мышление. Я могу говорить о мыследеятельности как об этом целом, но обязательно должен взять это в связи с трансляцией.

Тюков: Это — онтологическая схема мыследеятельности…

Это — часть онтологической схемы мыследеятельности. Она обязательно должна быть взята в отношении к воспроизводству и трансляции.

Тюков: Воспроизводство и трансляция — это тоже онтологическая схема мыследеятельности?

Это — увеличенный кусочек от этой схемы (см. рис. 8).

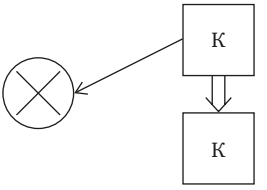


Рис. 8

Тюков: Я понимаю. Меня и интересует вопрос о том, существует ли, по вашему мнению, по представлению, по логике того, что вы здесь изображаете, действие в своих социетальных формах — организуемых, ситуативных и т. д. — по отношению к трансляции культуры как не мыследеятельность?

Вы затрагиваете один невероятно интересный, принципиальный и сложный вопрос, который я на этой схеме не могу обсуждать. Давайте попробуем разобраться.

Первое. Я называю деятельностью нечто, представленное в схемах воспроизводства с трансляцией культуры. Все, что соответствует такой организации, я буду называть деятельным, или принадлежащим деятельности, или деятельностью. И теперь я это рассматриваю как абстрактное. Однако когда я говорю, скажем, «графин», так вроде бы вот это и есть графин, но, с другой стороны, это графин лишь в той мере, в какой это «графин», то есть соответствует абстракции графина. Поэтому я говорю: все то есть деятельность, что соответствует этим схемам, живет по их законам, по их логике. А вы меня спрашиваете: ну хорошо, а где деятельность?

Тюков: Я этого вопроса не задавал.

Но вы обращаетесь к этим схемам. Я теперь говорю такую странную вещь: да, вообще-то есть деятельность как предельный случай мыследеятельности, который ведет в безмыслие, это — деятельность безмыслия…

Тюков: Например, мыследеятельность есть очень редко и сложно организуемый случай организации деятельности.

Наоборот, случай деятельности есть очень трудный, редкий случай. Это тот случай, когда я прихожу на лекцию читать своим студентам, и меня ничто не интересует в ситуации… Я гляжу на них и ничего не вижу, прихожу и начинаю бубнить свою лекцию. Меня ничто не интересует: я знай себе хожу и бубню свое. Вот это — случай деятельности. Но такого не бывает, потому что сколь бы отупевшим я ни был за прошедшие двадцать пять лет чтения лекций, но чтобы довести меня до такого состояния, что я вообще не буду глядеть на мир, — это редкий, вырожденный случай. Если же я начинаю глядеть, зацепившись за чьи-нибудь глаза, за чью-то улыбку, все — деятельность кончилась, началось мыследействование: я оказываюсь в коммуникации и мыследействую — что-то начинаю передавать, как-то начинаю воздействовать, а не просто бубнить содержание. И уже нет деятельности, а есть мыследействование. В той мере, в какой это мое мыследействование включено в процесс воспроизведения человеческой деятельности, оно есть деятельность в родовом смысле.

Рубцов В. В.: А если вы будете обругивать ваших студентов? Ставить им двойки? Будет ли это мыследеятельность?

Конечно. Потому что кто же сейчас так ставит двойки? Принцип же нужен: через одного или ребятам одно, а девушкам другое — уже мыследеятельность.

— Правильно ли я вас понял, что мыследействование обычно связано с обращенностью?

Конечно.

Буряк: А как же вы тогда говорите о переводе ваших коммуникантов из мыследействования в чистое мышление? Вы их подняли наверх, дали им там другие объекты, они там начали опять мыследействовать…

Нет. Вот тут начинается самое интересное… Мыследействование всегда ситуационно. Представьте себе, Александр Петрович, что я их пригласил в комнату, и они начинают мыслить: один мыслит, другой мыслит, третий мыслит… А я как организатор смотрю на это как на мыследействие, хотя каждый из них мыслит, потому что один мыслит в одной концепции, другой — в другой и т. д. У меня они несовместимы. Я трачу массу усилий для того, чтобы они сообразили, что они мыследействуют — не мыслят, а мыследействуют. Их поэтому нужно сначала распредметить, снять с их глаз шоры… И вдруг после такой двухдневной работы он думает: «Да я же не один сижу! Мне ведь с этим паразитом тоже приходится считаться». Значит, я проделал сложнейшую работу, чтобы он понял, что он мыследействует, а не мыслит.

Что я теперь должен сделать? Начинается такая интересная игра: я их теперь обратно в мышление должен перевести, но не в мышление, соответствующее их парадигмам, а в мышление, соответствующее их ситуации — они все вместе задачку решать должны. И вот теперь я начинаю вышибать из них то, что я только что закладывал. Я говорю: «Вы не мыследействуйте. Перестаньте считаться с тем, что говорит сосед. Вы мыслите, пожалуйста, то есть решайте задачу». Если он начинает опять мыследействовать, он задачку не решит, он будет приспосабливаться и адаптироваться.

Значит, вы говорите же, применяя аспектный подход: вы вроде бы утверждаете, что они там мыслят, а я поглядел, у меня «очки» другие, и вижу, что они не мыслят, а мыследействуют. Я говорю, это очень интересно и важно, но это аспектный подход. Вы-то можете представить это как угодно, а на самом деле начинается развал между его позицией и вашей: он-то думает, что он мыслит, а вы думаете, что он мыследействует, — и началось расхождение ваших представлений, вы теперь неадекватны тому, что происходит, ибо это не соответствует принципу заимствования. Понятно, да?

Буряк: Нет, непонятно. Почему он думает, что он мыслит?

Потому что я ему это вложил. У него установка такая.

Буряк: А теперь непонятно, как вы в него это вкладываете. Вроде бы вы говорите, что не существует мышления как процесса, а существует мышление как история…

Наоборот, я все время доказываю, что человек может мыслить, что есть мышление (вот оно — наверху). А что значит мыслить?

Буряк: Окультуренно действовать.

Не-ет! Не действовать, а мыслить?

Буряк: С реальными объектами…

Нет, не с реальными.

Буряк. С идеальными.

А с идеальными объектами нельзя действовать. Мы так раньше думали ошибочно…

Смотрите, ребенку дают задачку: «На дереве сидели птички, потом прилетело еще шесть, и стало?..» Если у меня ребенок начинает строить ситуацию, он не научится решать задачу ни арифметически, ни алгебраически, а будет строить ситуацию, возвращаться к мыследействию. В наших экспериментах так и делали*. «Сидели птички — положим пять кубиков». — «Почему пять — ведь неизвестно сколько?» — «Пока положим пять, потом выясним сколько, но без этого нельзя». — «Почему?» И он начинает эти кубики передвигать или на пальцах работает, то есть действует. Учитель даже может считать, что он думает, но на самом деле он мыследействует. А что такое мыслить? Он думает: «Птички, опять эти птички, хоть бы пирожок дали». Он же знает, что это все к делу отношения не имеет. Он думает: «Сидели птички — ***X*** и т. д.» — пошел делать преобразования.

Мы, кстати, не различаем действия и операции, а смысл здесь очень большой, поскольку во втором случае он перешел к оперативной системе и осуществляет операции, а не действует. И в этом смысле Пиаже прав, а наши многие советские критики просто не понимают, о чем идет речь, поскольку для них операции и действия суть одно и то же. А я говорю, что нет, ничего подобного. Операции — это в действительности мышления, но это есть не наши действия, а форма субъективного снятия преобразований, или превращений идеального объекта, это есть повторение, воспроизведение этих превращений, логики жизни идеального объекта.

И поэтому я говорю, что психологическая концепция деятельности вообще не дает возможности понять, о чем говорил Пиаже, так как она из другой субкультуры. Вы отстали от того же ругаемого вами Жана Пиаже на полстолетия минимум, а то и больше, и критикуете со своих пещерных позиций.

Значит, здесь происходят логические превращения, снятые в форме операций, то есть представленные в превращенной форме, — это не действия. И поэтому так важно, чтобы человек знал, где он мыслит и где он действует, что мышление и действие живут по

---

* См. [Щедровицкий, Якобсон, 1962; Щедровицкий, 1965а]. *Примеч. ред.*

разным, образно говоря, «законам», то есть имеют разные нормативные системы организации.

А кроме того, есть еще проблема отображения одного на другое, и она решается либо в этих сложных структурах коммуникации, либо в снятии через имитацию, в имитирующей работе.

Данилова (неразборчиво).

Вера Леонидовна, вы задаете очень серьезный и важный вопрос. Я, вообще-то говоря, его проработал, но сейчас докладывать не могу.

Это уже касается непосредственно методов предметизации. Если я беру схему воспроизводства деятельности через трансляцию культуры, я могу, во-первых, взять социетальную структуру как часть этой большой структуры и заниматься ее морфологическим наполнением — один способ предметизации; другой — я фокусируюсь на этой социетальной ситуации, и теперь я должен все остальные элементы структуры «снять» в нее. При этом я связи вроде бы обрываю, перевожу их в функции и эти функции должен особым образом здесь фиксировать. Тогда у меня оказывается (тут мы уже попадаем в область психологических проблем), что культура «снята» в индивиде. И это уже не культура вообще, а, кстати сказать, микрокультура (в том смысле, как это различал В. Я. Дубровский: макрокультура и микрокультура) — как то, что в индивиде зафиксировано. Индивидуальная культура, культура как наборы присвоенных или освоенных средств — это второй способ предметизации.

Третий — это когда я не часть вынимаю, а все целое фокусирую и свертываю сюда; есть особый метод таких фокусированных предметизаций.

И есть еще метод — тот, который В. П. Литвинов намечал, связанный с методами феноменальной редукции, то есть перевода всего в феноменальный план. Это возврат к точке зрения Майкла Коула и других. Ведь он что говорит: «Не вижу я этой вашей схемы культуры. На что вы глядите?» Причем он меня спрашивает в плане ситуации, то есть на какие я опираюсь материалы — антропологические, психологические. Я ему говорю: «Помилуйте, я гляжу на идеальные объекты. Я в мышлении нахожусь, а не в вашем мыследействии. У меня в мышлении я как шапокляк это растянул и знаю, что вот так все и есть».

Теперь смотрите: нет же такого зримого процесса трансляции культуры. Трансляция культуры ведь происходит через определенное взаимодействие, через определенные аксиологические фиксации — авторитет, образец и т. д. Так спрашивается: если я веду

феноменальный анализ, что же я здесь вижу? Я теперь должен все сплющить, собрать вместе. И тогда у меня будет третья предметизация, где фактически я должен увидеть в феноменально фиксируемых явлениях все остальное.

А что значит «увидеть»? Уметь этот феноменальный план растягивать и снова складывать. Вот такую процедуру я должен уметь делать, и она идет уже не в мышлении, а на связи мышления и феноменальной действительности — и это третий момент. Поэтому я бы не согласился с вами, что это из другого места, и сказал бы, что я здесь не провел различения этих трех предметизаций. Когда я их проведу, у меня все будет окей.

Литвинов: Когда мы мыслим, что мы делаем с идеальными объектами?

Когда мы мыслим, мы живем по законам этих идеальных объектов, уподобляемся этому идеальному объекту. Когда мы мыслим, мы забываем о себе, мы уже не действуем, у нас нет нашей подлинности. Мы там живем, мы имитируем эту логику. Вот что мы делаем, когда мы мыслим.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ОППОЗИЦИИ НАТУРАЛИСТИЧЕСКОГО И СИСТЕМОДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДОВ

1. Организация деловых контактов и совместной работы представителей разных профессиональных сфер и научных дисциплин до сих пор остается сложной проблемой. Подавляющее большинство исследователей во всех областях науки предпочитает работать только в рамках своих научных предметов и на представителей других дисциплин смотрит как на «чужаков», которых надо опасаться и держать на приличном расстоянии, чтобы предохранить свои научные предметы от «загрязнения» и вульгаризации. И во многом в наш век массовой коммуникации эти опасения и заботы оправданны и разумны.

Но, с другой стороны, мир, в котором мы живем и действуем, един, он не разделен на автономные географические, геологические, физические и социокультурные миры, и те проблемы, которые стоят сейчас перед учеными-предметниками, как правило, являются не только и не столько предметными, сколько общими для многих

Публикуется по изданию: Вопросы методологии. 1991. № 2. С. 3–11 (см. также: Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М.: Школа культурной политики, 1995. С. 143–154; Знание — сила. 2006. № 3). В архиве сохранились более ранние варианты данной статьи под заголовками: «Системодеятельностный подход в геологии — его смысл и перспективы использования» (арх. № 0272–11), «Методологический смысл оппозиции системодеятельностного и натурального подходов в современных естественных науках» (арх. № 0272–20) и другие, которые не были в свое время опубликованы.

наук, а часто для *всех* наук — как естественных, так и общественных. И в подавляющем большинстве случаев эти проблемы не могут быть разрешены усилиями представителей одной какой-либо науки, а требуют вкладов со стороны многих наук. Уже одно это обстоятельство заставляет нас искать *формы совместной работы над общими проблемами, формы междисциплинарной коммуникации и комплексного полипредметного мышления**.

Углубляя это уже достаточно утвердившееся к настоящему времени представление, я рискнул бы даже сказать, что главный принцип, который реально разделяет нас сейчас в нашей работе, — это уже не различия в научно-предметных представлениях, а *методологические различия в подходах*, которые мы принимаем, организуя свою работу, *различия в способах онтологического видения и представления мира*, *различия в средствах и методах нашей мыслительной работы*, *оформляемые часто как различия в «логиках» нашего мышления*.

Это, на мой взгляд, сейчас много важнее, чем различия в научных предметах. Два специалиста, исповедующие, скажем, системный подход, легче сговорятся между собой, даже если один из них — геолог, а другой — социолог, нежели в том случае, когда оба они — геологи, но один работает в системных представлениях, а другой — в вещных. Это мы тоже должны зафиксировать как существеннейшую характеристику современной социокультурной ситуации и постоянно учитывать в своем анализе.

Принимая это в качестве принципа, наиболее точно выражающего суть тех изменений, которые претерпело мышление в последние 50 лет, мы попробуем далее рассмотреть (в применении к материалу естественных наук) *различия между натуралистическим и системодеятельностным подходами* в исследовании и познании, которые мы считаем важнейшими и во многих отношениях даже решающими для современной социокультурной ситуации в науке.

2. Всякий исследователь, принимающий *натуралистический подход*, независимо от того, в какой науке он работает, исходит из того, что ему уже дан объект его рассмотрения, что он сам как исследователь противостоит этому объекту и применяет к нему определенный набор исследовательских процедур и операций, которые и дают ему, исследователю, *знания об объекте*. Эти знания представляют своего рода трафареты, шаблоны или схемы, которые мы накладываем на объект и таким образом получаем его изображение, а вместе с тем — вид и форму самого объекта.

---

* См. [Горохов, 1982а; 1982б; Комплексный подход…, 1979; Мирский, 1980; Щедровицкий, 1974в; 1978; 1981].

Исследователь-натуралист никогда не задает вопросов, откуда взялся «объект» и как он в принципе получается, ибо для него, сколь бы методологически изощренным и развитым он ни был, *природа с самого начала состоит из объектов*, а точнее, как писал К. Маркс, *из «объектов созерцания»**, которые и становятся затем объектами специального научного исследования.

Мысля таким образом, натуралист работает (и, можно даже сказать, находится), во-первых, *в эпистемолого-организационных схемах* (см. рис. 1а), сформированных в период Античности, во-вторых, *в гносеолого-организационных схемах*, оформившихся с начала XV века, — сейчас обычно они выражаются в схеме познавательного отношения «субъект-объект» (см. рис. 1б), и, в-третьих, в собственно *натуралистической конкретизации субъект-объектной схемы* (см. рис. 1в), сформировавшейся на рубеже XVI–XVII веков за счет введения понятия «природа» (в первую очередь в работах Френсиса Бэкона).

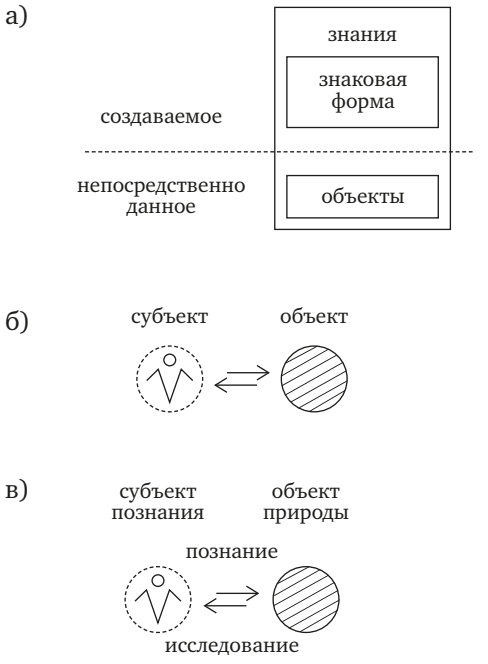


Рис. 1а, 1б, 1в

* «Главный недостаток всего предшествующего материализма — включая и фейербаховский — заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме *объекта*, или в форме *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность*, *практика*, не субъективно» [Маркс, 1955, с. 1].

Чтобы перекинуть мост к дальнейшему обсуждению *системодеятельностного подхода*, я буду представлять субъект-объектные отношения в деятельностных схемах и символах (см. рис. 2) и при этом для упрощения «склею» познавательное и исследовательское отношения субъекта к природе в одном знаке (в точном соответствии с тем, как это обычно делается в методологии натурализма).

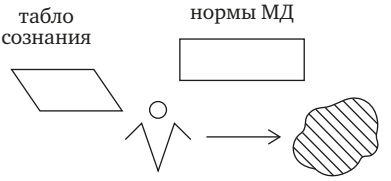


Рис. 2

Чтобы с самого начала убрать возможную неправильную трактовку моих слов, специально подчеркну, что пока я никак не критикую натуралистическую точку зрения, а лишь резко и схематически выражаю ее суть — те специальные онтологические и организационно-мыслительные допущения, которые лежат в ее основании. Натуралистический подход, на мой взгляд, является столь же законным и логически основательным, как и все другие подходы; более того, в противоположность многим другим подходам, он прекрасно проработан за последние 400 лет, и именно ему наука обязана своими основными успехами. Поэтому когда речь зайдет о критике натуралистического подхода, да еще особенно в области естественных наук, то это будет совсем не простым делом*.

Но это — к будущему, а сейчас мне важно лишь подчеркнуть, что натуралистический подход отнюдь не единственный и наряду с ним существуют и другие, по идее, не менее значимые подходы.

3. И, в частности, в самом этом сопоставлении и анализе разных подходов в научных исследованиях и разработках я реализую другой — *деятельностный*, или, точнее, *системомыследеятельностный подход*, который в задании основной организационной структуры мышления исходит не из оппозиции «субъект–объект», или — в более специфических терминах — не из оппозиции «исследователь–исследуемый объект», а из самих *систем деятельности*

---

* С современной критикой натурализма в науках о языке и мышлении можно познакомиться по работам: [Щедровицкий, 1969; 1972; 1974а; 1975, с. 143–147 (9. «Принцип натурализма» и «принцип деятельности» как логические и методологические принципы)].

и мышления, из тех средств и методов, той техники и технологии, тех процедур и операций и, наконец, тех онтологических схем и представлений, которые составляют структуру мыследеятельности (в частности, исследовательской) и задают основные формы ее организации.

В рамках развернутой системодеятельностной трактовки натуралистического подхода все то, что было представлено на рис. 2, я должен перерисовать несколько иначе (см. рис. 3).

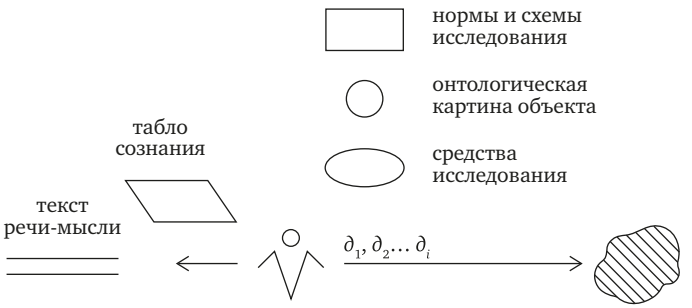


Рис. 3

И, в частности, я должен зафиксировать у исследователя:

1) определенный набор мыслительных и деятельностных средств, с которыми он «выходит» на объект;

2) определенный набор действий (процедур и операций), которые он применяет в отношении к объекту;

3) то, что мы называем (в технической манере) «табло сознания» исследователя, на котором появляются образы, фиксирующие опыт его исследовательской работы;

4) тексты речи-мысли, в которых исследователь фиксирует ход и результаты своей исследовательской работы и сообщает о них другим людям (заметим на будущее, что в этих текстах выражаются, среди прочего, его знания об объекте), и, наконец,

5) строго определенные нормы и схемы организации исследовательской мыследеятельности, в частности, категории, которые этот исследователь реализует в практике своего мышления и своей деятельности, когда становится в то самое исследовательски-познавательное отношение к объекту, которое представлено на этой схеме акта мыследействия; в частности, это могут быть те самые натуралистические гносеолого-организационные схемы (см. рис. 1в), которые он как бы «надевает на себя», занимая место «субъекта познания» или «субъекта исследования» и одновременно объявляя то, на что направлены его операции и процедуры, и то, что он «видит» перед собой благодаря онтологическим схемам

и картинам, — «в виде объекта природы» и вместе с тем «объекта познания» или «объекта исследования»*.

Нужно еще специально подчеркнуть — и это, в принципе, одно из величайших чудес в организации работы нашего сознания, — что при всей совершенно очевидной сложности нашей мыследеятельности, в частности исследовательской, при обилии входящих в нее разнообразных элементов *сознание натуралиста в предметно-теоретической форме фиксирует только объект исследования*, сосредоточено только на нем, только его замечает и видит — и в этом, по-видимому, величайшая простота и сила натуралистического подхода, его бесспорное практическое преимущество.

Натуралистически организованное сознание, следовательно, не замечает сложнейших структур мышления и деятельности и того обстоятельства, что *объект мыследеятельности включен в эту мыследеятельность, является ее функциональным и морфологическим элементом*, а видит вместо сложнейших структур мыследеятельности только два ее морфологических фокуса — объект и субъект, их оно различает и разделяет, между ними проводит границу, стягивает все «мыследеятельное» к ним одним, а затем полагает между ними отношение, или связь особого рода — познавательно-исследовательскую.

4. Подобное представление структур и механизмов исследовательской мыследеятельности сложилось в результате философской рефлексии научно-исследовательской работы в XVII–XVIII веках — рефлексии в большей мере проективной и спекулятивной, нежели ретроспективной и исследовательской**, что затем было заимствовано широким кругом естествоиспытателей и закреплено традицией. Именно благодаря рефлексивной спекуляции «объект» оказался «вынутым» из систем мыследеятельности и знаний и был противопоставлен «субъекту» в качестве самостоятельной реальной сущности, существующей в мире природы.

И хотя такое представление было совершенно очевидным переупрощением реального положения дел, оно позволило сознанию натуралиста сосредоточиться на «объекте» и начать анализировать его с помощью специальных процедур, направленных на материал природы, выделять в нем свойства и качества, фиксировать их в знаниях и понятиях, переводить в формы «видения» и созерцания, обсуждать все это как непосредственно-феноменально

---

* Более проработанные схемы организации деятельности и мышления см.: [Щедровицкий, 1964б; 1966б; 1969; 1974а; 1981; Разработка и внедрение…, 1975].

** См. [Щедровицкий, 1975, с. 131–143 (8. Рефлексия и ее проблемы)].

и опосредованно-рефлексивно данное и т. д., и т. п. Но все это, как и вообще сосредоточение на объекте, стало возможным, как я уже отметил, только благодаря тому, что в ходе исторического развития мыследеятельности, в частности ее научных и философских форм, была сформирована сначала эпистемолого-организационная схема, а затем обосновывавшая и оправдывавшая ее гносеолого-организационная схема, ставшая основной формой организации нашей рефлексии и нашего знания. Именно эта схема с конца XVIII века стала определять наше понимание и смыслообразование в процессе научно-исследовательской работы (понимание чужих текстов и понимание ситуаций), а также способы порождения самих текстов и выражаемых в них знаний.

Но после того как такая форма понимания и знаний была задана, мы уже в любых условиях априорно, как это показывал И. Кант, *начинали видеть то, что знали*. Для данной формы организации мыследеятельности это означает, что мы начинали видеть объект со всеми теми характеристиками, которые мы приписали материалу природы посредством нашей мыследеятельности, и все эти характеристики мы выводили не из мыследеятельности и приписывали отнюдь не мыследеятельности, а именно объекту природы как таковому.

Образно говоря, реально мы как бы «наклеивали» наши знания на материал природы и таким образом порождали объекты рассмотрения. Пока это не сделано, объектов просто нет. А если нет объектов, то не может быть и натуралистического подхода в их изучении. Выражая это в виде общего принципа, можно сказать, что реализация натуралистического подхода в исследовании возможна лишь при условии, что мы уже знаем, хотя бы в общих чертах, как устроен объект анализа, где проходят его границы и какими методами его можно исследовать.

Естественные науки, разворачивавшиеся на базе натуралистического подхода, стали возможны лишь после того, как Ф. Бэкон, Г. Галилей, Р. Декарт и другие, опиравшиеся на огромную методологическую и философскую работу своих предшественников — математиков, логиков и метафизиков, — *построили общие представления о природе и возможных способах существования объектов природы, а их последователи в XVII–XIX веках создали еще целый ряд более конкретных представлений о разных типах объектов природы*, соответствующих разным естественно-научным категориям — субстанции, процесса, взаимодействия, вещи, поля, множества частиц и т. п. И все это время с начала XVII века, вот уже около 400 лет, мы продолжали эксплуатировать эти базовые представления и строили

на них, одно за другим, разные научные предметы. И, в принципе, если брать науку саму по себе, изолированно от развития инженерии, техники и производства, то эту работу можно продолжать бесконечно и создавать все новые и новые натуралистически организованные научные предметы.

Но дело в том, что за это время кардинально изменился характер самой общественной практики, изменились ее реальные ситуации, изменился характер общественно значимой мыследеятельности, и в силу этого характер «объектов», создаваемых в науке на базе натуралистического подхода, перестал соответствовать тем проблемам и задачам, которые порождает и творит сама практика.

Если попробовать выразить эти изменения практики предельно сжато и кратко, то можно, наверное, сказать, что за это время сложилась и оформилась *многосторонняя комплексная практика*, порождающая такое мыследеятельное содержание, которое никак уже не может быть выражено в представлениях о традиционных натуральных объектах. И мы, следовательно, попадаем в социокультурную ситуацию, напоминающую ту, в которой начинали свою работу философы, методологи, математики и физики XVII века: подобно тому, как они создали тогда *новые онтологические представления о мире природы* и таким образом заложили основания для развития всей системы «натуральных» наук, так и мы сейчас должны создать *принципиально новые онтологические представления о мире деятельности и мышления* и таким образом заложить основания для развития системы мыследеятельностных наук. Но это, в свою очередь, предполагает, с одной стороны, *обращение к принципиально новым категориальным схемам*, а с другой — *использование совершенно иного — не натуралистического, а деятельностного, или, еще точнее, системодеятельностного подхода*.

5. Переход от натуралистического к системодеятельностному подходу связан с целым рядом изменений в структуре и формах организации нашего мышления и мыследеятельности, которые подготавливались исторически и происходили в особенно явной и заметной форме в последние три столетия.

Первое из них связано с появлением и постепенным распространением наряду со схемами и моделями объектов нашей мыследеятельности также еще и схем мышления, деятельности и мыследеятельности как таковых. К середине XX века это движение оформилось как *установка на создание наук о мышлении и деятельности*, что потенциально несет в себе новую научно-техническую революцию.

Второе изменение исходило из первого и поддерживало его — это перенос центра тяжести в организации мышления и мыследеятельности со схем объектов мыследействия *на схемы и модели самих мышления, деятельности или мыследеятельности как таковых*. Оно было особенно характерным для областей, где развертывалась полипрофессиональная и полипредметная работа, которая нуждалась в комплексной и системной организации* и насаждалась в первую очередь оргуправленческой работой, которая в последние 100 лет становилась все более значимой, а после Первой мировой войны стала господствующей**.

Третье изменение — соорганизация схем объектов мыследействия со схемами мышления, деятельности и мыследеятельности как таковых в *знаниевые связки совершенно нового типа* (обычно их называют «подходами»), — соорганизация, достигнутая за счет использования «схем многих знаний»*** и, далее, схем многомерной, пространственной организации знаний о мыследеятельности****. Благодаря этому нововведению методологическое мышление получило возможность оформиться в *новый вид и тип мыследеятельности*, в «методологическую работу» и методологическую сферу, которая складывается как бы над наукой, захватывает и подчиняет ее себе и становится *новой исторической формой «всеобщего» мышления, замыкающего на время рамки нашего мира*****.

Фиксации и уяснению смысла и сути всех этих изменений в структуре и формах организации мыследеятельности сильно мешает то обстоятельство, что в течение трех последних столетий методологическая работа развивалась преимущественно на материале науки. Связь между ними была столь тесной и оказала такое влияние на формы методологического самосознания, что чуть ли не повсеместно методология стала рассматриваться как надстройка над наукой, обязанная последней как происхождением, так и своим существованием.

При таком подходе практически не имело смысла ставить вопросы о каких-либо самостоятельных формах организации методологии и ее специфических средствах: она рассматривалась по образу

---

* См. [Комплексный подход…, 1979.].

** См. [Щедровицкий, 1976].

*** См. [Щедровицкий, 1964б].

**** См. [Комплексный подход…, 1979; Щедровицкий, 1972; Щедровицкий, Котельников, 1983].

***** См. [Щедровицкий, 1964б; 1978; 1981; Щедровицкий, Котельников, 1983].

и подобию науки — чаще всего в виде метатеории. И если даже фиксировалось, что на ранних этапах своего становления методология могла иметь форму методики и проекта, то все равно эти формы рассматривались как «зародыши», неминуемо превращающиеся далее в форму научной теории.

Это же представление проецировалось в историю мышления: считалось, что наука складывается в теле философии сама собой, без посредства методологии, затем выделяется в самостоятельную сферу и порождает методологию науки, в основном подобную самой науке.

Но само представление об автономном существовании науки как особой сферы познания возникло и получило распространение не так давно — в конце XVIII — начале XIX века и приблизительно соответствует лишь тому, что реально сложилось и существовало только во второй половине XIX и первой половине XX века. Поэтому если мы хотим рассмотреть взаимоотношения методологии и науки в более широком историческом контексте, скажем, от Античности до наших дней, и получить, соответственно этому, более глубокие и более адекватные представления об этом отношении, то должны начинать анализ не с обособленной и изолированной науки, а с нерасчлененной соцелостности всех форм человеческого мыследействия — мифологических, конструктивно-технических, собственно научных, инженерных, проектных и других. *Мы называем эту соцелостность «сферой мыследеятельности»*.

Всем, кто мыслит традиционно, бесспорно, может показаться, что выделение этой соцелостности в качестве предмета анализа является чисто искусственным делом, не схватывающим подлинную организацию нашего деятельного мира. Но такое представление — типичный результат абсолютизации профессионального партикуляризма, характерного для нашего времени. *Соцелостность всех форм и типов мыследействия реально существовала, по-видимому, во все периоды развития человеческого общества и существует сейчас*, сколь бы разнообразными ни были входящие в нее формы мышления и деятельности и как бы ни обособлялись они друг от друга в организационном плане.

Другое дело, что в одни эпохи сфера мыследеятельности была более дифференцирована и напоминала скорее конгломерат, нежели целостность, в другие, наоборот, была более интегрирована и принимала разнообразные формы — от агломерации до почти тотально организованного целого. Но при этом в каждую историческую эпоху существовала такая форма мыследеятельности, которая выдвигалась на передний план и брала на себя *функции*

рефлексивного представления и рефлексивной организации всей сферы мыследеятельности. В предантичный период это была мифология, в античный — философия, в Средние века — теология, в XVII–XVIII веках — снова философия, в XIX и XX веках — наука. Именно эту соцелостность разных форм мыследеятельности мы и должны рассматривать, если хотим исследовать взаимоотношения науки и методологии и исторические изменения этого взаимоотношения.

Все, что известно нам сейчас по истории мыследеятельности, показывает, что в течение долгого времени элементы научного и методологического мышления складывались и оформлялись вместе и, по сути дела, параллельно друг другу внутри иных форм мышления и мыследеятельности — мифологических, философских, теологических и практико-методических. В принципе, можно предположить, что как наука, так и методология имели свои независимые линии развития и могли бы оформиться в относительно самостоятельные сферы мыследеятельности. Но известные нам факты говорят другое. На деле получилось так, что во всех переломных точках, характеризующих основные этапы становления науки, — в Античности, в позднем Средневековье и в XVII–XVIII веках — *методология складывалась раньше, а наука появлялась и оформлялась внутри нее*, по сути дела — как специфическая организация некоторых частей методологии.

Именно такое отношение между методологическим и научным мышлением находим мы в работах Платона, Аристотеля, Евклида, Птолемея, Орема, Ф. Бэкона, Галилея, Декарта и других выдающихся мыслителей. Более того, уже элементарный анализ всех этих работ показывает, что методологическое мышление выступало при этом не только в качестве объемлющей системы, но также и в качестве средства порождения специфических организованностей научного мышления — так называемых *научных предметов*. В сочинениях Галилея и Декарта это выявляется с такой же отчетливостью, как и в сочинениях Птолемея и Аристотеля.

Но после того как научное мышление складывалось и оформлялось внутри методологического, всегда происходила странная, на первый взгляд, вещь: научное мышление закреплялось в своих специфических организованностях и начинало развиваться по своим внутренним, имманентным законам, а методологическое мышление, породившее науку, наоборот, не закреплялось ни в каких специфических организованностях, пригодных для автономного и имманентного развертывания, начинало распадаться и как бы отходило в общей сфере мыследеятельности на задний план. И это можно проследить

по всем работам, характерным для постреволюционных периодов в истории мыследеятельности.

Названное отношение между методологией и наукой было бы легче выявить, если бы оно не затемнялось другим, по сути дела, противоположно направленным отношением и процессом. Параллельно процессу разрушения и выпадения исходных форм методологии над научно-исследовательским мышлением (как только оно начинало оформляться в автономную и обособленную сферу мыследеятельности) появлялась *«вторичная методология» — методология научного исследования*.

Последняя имеет два относительно независимых источника: традиции собственно методологического мышления и рефлексию научного мышления. И процессы, порожденные этими двумя источниками, непрерывно взаимодействуют друг с другом. Рефлексия научного мышления может оформляться по-разному: 1) научно (и в таком случае порождает метатеории разного рода); 2) методически и философски (и тогда появляются чаще всего «комментарии»); либо же, наконец, 3) собственно методологически (и это каждый раз дает новый толчок для развития собственно методологического мышления*).

В принципе, *рефлексия возникает над каждым мыследействием и раньше или позже превращается в ту или иную форму мышления*. Затем, когда это мышление перерабатывается в мыслительную деятельность, то есть когда оно нормируется и начинает транслироваться**, над ним надстраиваются *новая рефлексия и новое мышление, организующиеся в ту или иную форму «вторичной» методологии*. Впервые это произошло, по-видимому, именно с научным мышлением, превратившимся в научно-исследовательскую мыследеятельность, но сейчас по тому же, теперь проторенному пути идут *практико-методическое, инженерно-техническое, проектное, организационно-управленческое и историческое мышление*. Над каждым из них надстраивается своя «вторичная» методология, организующая этот тип мышления в относительно замкнутое и автономное целое, и таким образом складываются *различные сферы профессиональной мыследеятельности*.

Возникшие совершенно естественно и необходимо в качестве служб, обеспечивающих развитие профессиональных форм мышления, все эти «вторичные» методологии ходом своего относительно независимого развития начинают разрушать и дезорганизовывать

---

* См. [Щедровицкий, 1981].

** См. [Щедровицкий, 1967].

целостность сферы мыследеятельности: каждый тип мышления благодаря организующим функциям своей профессиональной методологии обособляется от других типов мышления и «окукливается». Вместе с тем происходит разделение и «окукливание» разных форм методологического мышления, превращающихся в так называемые «частные методологии». Таким образом, и на уровне методологического мышления, по идее, призванного интегрировать сферу мыследеятельности, начинает воспроизводиться та разобщенность и обособленность, которая характерна для современных наук и профессиональных типов мышления. *Мы вновь приходим к ситуации, реально угрожающей целостности человеческой мыследеятельности*. Естественным ответом на нее становится «опускание» интегрирующей функции на более простые, массовые формы мышления и деятельности, но это лишь усугубляет и закрепляет разобщенность.

Альтернативным решением проблемы, на мой взгляд, является *развитие методологического мышления как универсальной формы мышления*, организованной в самостоятельную сферу мыследеятельности и рефлексивно (в том числе и исследовательски) охватывающей все другие формы и типы мышления. Развитая таким образом методология должна будет включать образцы всех форм, способов и стилей мышления — методические, конструктивно-технические, научные, проектные, организационно-управленческие, исторические и т. д.; она будет свободно использовать знания всех типов и видов, но базироваться в первую очередь на *специальном комплексе методологических дисциплин — теории мыследеятельности, теории мышления, теории деятельности, семиотике, теории знаний, теории коммуникации и взаимопонимания* и т. п.* Она будет свободно использовать все существующие категории, но базироваться пока в первую очередь *на категории системы, снимающей и организующей все другие категории*. Как целое она будет организована специальной рефлексией методологического мышления, фиксируемой в средствах содержательно-генетической эпистемологии (и логики), а также в онтологических представлениях всех методологических дисциплин**.

6. Итак, в силу всех этих процессов (и существующих проектов организации будущего) мы оказываемся поставленными в такое положение, что должны, как это было и в период научной революции, выработать новые категориальные представления объектов

---

* См. [Щедровицкий, 1969; 1981].

** См. [Щедровицкий, 1981].

исследований и разработок. И именно в связи с этим мы обращаемся к структурно-системным представлениям и стараемся *представить объекты нашего мыследействия* как структуры и системы, или, если говорить точнее, *как полиструктуры и полисистемы*. А затем, исходя из этого категориального представления объектов наших исследований, мы стремимся определить возможные формы организации таких исследований — предметные, непредметные, надпредметные*.

И именно эта последняя процедура — определение форм организации технических, собственно научных и методологических исследований полиструктурных и полисистемных объектов — является главной и решающей, именно на нее в первую очередь направлено наше внимание, и именно об этих аспектах мы хотим получить конкретное представление. Но в силу этого суть расхождений, разделяющих «натуралистов» и «деятельностников», суть конфронтации между ними оказывается заключенной совсем не в том, системные или несистемные представления об объекте мы исповедуем, а в том, какой подход — натуралистический или деятельностный — реализуем мы в своем мышлении и в своей научно-исследовательской работе. Именно это различие образует сердцевину чуть ли не всех методологических проблем в разных науках.

Мы представляем в этом споре *системодеятельностный подход*. Основания, которые заставляют нас вставать на его позиции, как видно, весьма просты, хотя и не тривиальны. Если мы пришли к такому положению дел, что представления об объекте изучения кажутся нам нескладными и внутренне противоречивыми, если они не раскрывают новых перспектив перед нашей практикой, если нам приходится то и дело констатировать, что в наших представлениях об объекте нет теперь порядка, то надо, говорим мы, перестать «пялиться» на объект и в нем искать причины и источники этого беспорядка, а обратиться к своей собственной мыследеятельности, к ее средствам, методам и формам организации, и произвести перестройку в них, ибо *наши представления об объекте, да и сам объект как особая организованность, задаются и определяются не только и даже не столько материалом природы и мира, сколько средствами и методами нашего мышления и нашей деятельности.* И именно в этом переводе нашего внимания и наших интересов с объекта как такового *на средства и методы нашей собственной мыследеятельности, творящей объекты и представления о них*, и состоит суть деятельностного подхода.

---

* См. [Щедровицкий, 1981; 1966б, с. 96–119; 1978].

Если натуралистический подход ориентирует нас в первую очередь на материал природы, в нем непосредственно видит разрешение затруднений и парадоксов современной науки, то деятельностный подход, напротив, ориентирует нас в первую очередь на средства, методы и структуры нашей собственной мыследеятельности и в их перестройке и развитии видит он путь дальнейшего совершенствования самой науки. В этом главная идея деятельностного подхода, и в этом его отличие от натуралистического подхода.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД: ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СФЕРЕ ФИЗКУЛЬТУРЫ И СПОРТА

I. Современное состояние, основные проблемы и перспективы развития психологии спорта

При обсуждении современного состояния, основных проблем и перспектив развития психологии спорта, мы должны учитывать по меньшей мере две заинтересованные стороны: одна из них — физкультура и спорт, другая — психология.

Мы хорошо понимаем, что сегодня физкультура и спорт вообще, и большой олимпийский спорт в частности не могут развиваться быстро и эффективно без использования разнообразных психологических знаний. Поэтому сфера физкультуры и спорта кровно заинтересована в развитии психологических исследований, специально обслуживающих ее потребности и запросы.

Но и психология точно так же кровно заинтересована в использовании этой области исследований для своего собственного развития.

В современном социуме спорт стал одной из важных социокультурных сфер деятельности, и уже в силу одного этого он

Текст доклада на секции психологии спорта Московского отделения общества психологов (Институт общей и педагогической психологии, г. Москва, 16 июня 1980 г.). Публикуется впервые (арх. № 2272).

заслуживает самого пристального внимания. Он интересен и для психологии хотя бы потому, что «большие» спортсмены — это люди, занятые совершенствованием и развитием своей деятельности и самих себя и, следовательно, дают неповторимый материал для психологического исследования. И, может быть, нигде более психология не имеет сейчас такого удобного плацдарма для своих исследований и разработок.

Все это делает крайне актуальным развитие этой области как прикладной для психологических исследований и разработок.

Каково же ее нынешнее состояние?

Психология спорта существует уже 30 или 40 лет. Но настоящий союз между психологией и спортом все же пока не клеится. До сих пор нет, по моему мнению, никакой спортивно-психологической работы, которая, с одной стороны, приносила бы реальную пользу физкультуре и спорту, а с другой, по-настоящему развивала и обогащала психологию.

Это первый тезис моего доклада.

Все попытки развивать по-настоящему продуктивную психологию спорта, сделанные в последние годы, утонули в рутине: с одной стороны, в рутине традиционной функциональной психологии, а с другой — в рутине традиционной работы Спорткомитета СССР и всех его учреждений. По сути дела, психологические исследования и разработки в сфере физкультуры и спорта превратились в своего рода отраслевую психологию спорта. Получилось так, что психология спорта сейчас никак не связана с общей психологией и не работает на развитие ее узловых теоретических и экспериментальных проблем, что тем не менее, на мой взгляд, является обязательным и непременным требованием к такой дисциплине как психология спорта. А в рамках общей психологии психология спорта не занимает никакого реального места.

Но и в системе Спорткомитета СССР психология спорта существует только как *вспомогательное* подразделение где-то на задворках клубов, институтов и других учреждений и решает узковедомственные задачи, не имеющие никакого ни теоретического, ни практического значения для физкультуры и спорта.

Два года назад соответствующее административное подразделение Спорткомитета СССР отдало распоряжение — не вести никаких глубоких теоретических исследований в области психологии спорта, а все силы сосредоточить на практических приложениях и конкретной помощи сборным командам страны. И это в условиях, когда у нас нет ни одной мало-мальски приемлемой теоретической концепции в области психологии спорта.

Неудивительно, что в результате этих обстоятельств и близорукой политики в области научных исследований и разработок в сфере спорта сложилась ситуация, при которой психология вообще и психология спорта в частности мало помогают развитию практики физкультурной и спортивной работы.

Эта ситуация находит весьма своеобразное отражение в мнениях и идеологии как тренеров и организаторов спорта, так и самих психологов.

Нередко приходится слышать высказывания психологов, что различные подразделения Спорткомитета СССР еще не доросли до реального внедрения в систему физкультуры и спорта психологических знаний и результатов психологических исследований. Такая оценка дается как руководителям сферы, так и практикам — тренерам, организаторам спорта на местах и т. д.

Кроме того, приходится постоянно слышать высказывания представителей спорта, что психологические знания преподносятся в таком виде, что они *в принципе* не могут быть применены в практике физкультурно-спортивной работы. В этом суждении, на мой взгляд, гораздо больше правды, показывающей истинную картину и причины разрыва между психологическими знаниями и практикой спорта, нежели в высказываниях психологов. Существующие в настоящее время знания не могут эффективно применяться в сфере физкультурно-спортивной практики отнюдь не потому, что они чрезмерно глубоки и детализированы, и совсем не потому, что работники сферы физкультуры и спорта не доросли до понимания и использования этих знаний, а потому, что существующие сейчас психологические и психолого-педагогические знания в принципе, то есть по своей логической структуре и своему содержанию, не могут применяться в современной, весьма сложной практике физкультуры и спорта.

Современная физкультурно-спортивная практика нуждается в психологических знаниях принципиально иного типа, нежели те, которые производятся сегодня как в области психологии спорта, так и в области общей и педагогической психологии.

Это основной тезис моего доклада, который я буду дальше разъяснять, развивать и обосновывать с разных сторон. Можно даже, наверное, сказать, что основной смысл всего моего доклада состоит в оправдании и объяснении этого тезиса.

Для реализации этого плана я должен дальше:

1) дать характеристику современного состояния физкультурно-спортивной практики; я постараюсь показать, что это *организационно-управленческая практика*;

2) обсудить вопрос, какие же знания могут и должны обслуживать такого рода практику;

3) рассмотреть природу как естественно-научных знаний, так и, собственно, психологических знаний и проанализировать возможности внедрения их в ту практику, которую я назвал организационно-управленческой.

Я остановлюсь на понятии «прикладная дисциплина» и постараюсь показать, что существующее сейчас представление о прикладной дисциплине является ложным, несовременным и что именно это представление ответственно за неудачи использования научных знаний в практике физкультуры и спорта и за неправильную в целом ориентацию психологических исследований и разработок. В связи с этим я дам другую трактовку самого понятия «прикладная дисциплина».

По ходу дела я должен буду коснуться также основных ориентаций и установок современной психологии, борьбы двух основных направлений — натуралистического и системодеятельностного — и рассмотреть основные принципы *системодеятельностного подхода* и его *организационно-деятельностного* варианта. Я должен буду также затронуть представление о социотехнической деятельности и затем поставить узловые, на мой взгляд, проблемы *организационно-психологического подхода* и организационно-психологических исследований в условиях организационной практики, в частности физкультурно-спортивной. Вот тот круг вопросов, которые я должен буду затронуть.

2. Организация и управление в контексте борьбы и конкуренции — суть спортивной работы

Вряд ли кто из собравшихся будет оспаривать тезис, что в спорте существуют три основные практические позиции: *спортсмен, тренер* и *организатор*. Это вроде бы достаточно очевидно. Все другие позиции — методист, исследователь, проектировщик и т. д. — я буду рассматривать как вспомогательные и вторичные.

Далее я утверждаю, что эти три основных позиционера — спортсмен, тренер и организатор — осуществляют *организационно-управленческую деятельность* в общем для всех них контексте борьбы и конкуренции.

Это утверждение, конечно, отнюдь не так очевидно, как предыдущее, и может даже показаться рискованным. Но я попробую обосновать его или, во всяком случае, объяснить, почему я настаиваю на этом.

Давайте сначала поставим вопрос в самом общем виде. Какую же деятельность из числа зафиксированных в общей типологии деятельностей осуществляет спортсмен? Это весьма нелегкий вопрос. Сегодня мы уже достаточно четко понимаем, что *спортсмен* не осуществляет спортивную деятельность в целом: он выполняет в ней лишь какую-то часть. Но какую именно часть и как она должна быть названа, — на эти вопросы ответа пока нет.

Рассматривая этот вопрос с разных сторон последние четыре года, мы пришли к выводу, что сегодня основной фигурой в спорте является *тренер*, поскольку он является носителем *культуры спортивной деятельности* и ее традиций. Мы понимаем уже, что спортсмен *используется* тренером как средство для достижения целей спортивной деятельности — демонстрации высоких спортивных достижений и побед.

Третьей важной фигурой в спорте является *организатор*; он не специфичен для спорта, хотя и задает форму организации всей этой деятельности. И все они — тренер, спортсмен и организатор — работают на одну цель: развитие и подготовку спортсмена к достижению высших спортивных результатов и побед. Именно поэтому я и говорю, что все три позиционера осуществляют организационно-управленческую деятельность в общем контексте борьбы и конкуренции.

Вы, конечно, можете возразить: пусть организатор физкультурно-спортивной работы и тренер осуществляют организационно-управленческую деятельность. Но кого же организует и кем управляет спортсмен? На мой взгляд, работа спортсмена — это тот уникальный случай, когда человек занимается деятельностью по формированию своей собственной деятельности и самого себя как деятеля; он постоянно и непрерывно развивает себя или поддерживает в состоянии высшей готовности. Поэтому — говорю *я* — здесь разворачивается организационно-учебная и развивающая деятельность. Цель спортсмена состоит в том, чтобы развивать и совершенствовать себя, достигая все более высоких результатов в создании эффективных, в принципе, продуктов деятельности. Таким образом, цель и смысл этой деятельности заключается в организации своего собственного развития, в управлении своим развитием.

В этом плане с точки зрения системодеятельностных представлений все эти три основные практические позиции в спорте работают в *социотехнических системах*, можно сказать, в деятельностно-технических, то есть осуществляют *деятельность над деятельностью*.

Основная особенность этого варианта социотехнической деятельности заключается в *развитии* деятельности, ведь спорт — это

конкурентная область деятельности и смысл ее состоит в том, чтобы получать все время новый, более высокий результат или побеждать в борьбе.

Следующая часть доклада посвящена обсуждению условий функционирования тех систем деятельности, где главной целью и задачей становится *развитие* ядерных рабочих процессов деятельности, а социотехническая часть этих систем обеспечивает организацию и управление этим развитием.

3. Значение знаний для развивающейся сферы деятельности. Проблема приложения знаний

Здесь мой главный тезис состоит в том, что, если мы имеем дело с такой сложной, развивающейся системой деятельности, где главное — это организация и управление самой деятельностью и ее развитием, то основными средствами деятельности и мышления в этих системах становятся *знания*.

Во всех сферах деятельности, не ориентированных на развитие как на основной процесс, средствами для построения деятельности являются *образцы* и *нормы*, а не знания, и само это построение в таких случаях является не чем иным, как *воспроизводством* деятельности.

Это важный тезис. Если его обернуть, то можно сказать, что вся общественная деятельность воспроизводится, в принципе, без знаний, независимо от знаний, а часто и вопреки знаниям.

Но как только мы переходим к сферам деятельности, которые постоянно вынуждены развиваться, там картина меняется. Поэтому неудивительно, что, начиная с 1950-х годов, когда у нас в стране была создана сфера большого спорта, смысл которой заключается прежде всего в конкурентной борьбе и, соответственно, в постоянном и непрерывном развитии, знания разного рода и наука как поставщик этих знаний вышли на передний край и стали важными составными элементами сферы физкультуры и спорта.

Повторяю, это неудивительно, ибо именно *знания*, и *только* знания, являются тем основным средством, которое дает возможность развивать всю систему спортивной деятельности. Отсюда необходимость специально втягивать в сферу физкультуры и спорта то, что принято называть *научно-методическим обеспечением*.

Интенсивно этот процесс начался сразу же после 1951 года (хотя его подготовка велась уже в 30-е и 40-е годы) и продолжается до сих пор. Поэтому сейчас сфера физкультуры и спорта имеет достаточно

интенсивные связи со сферой науки и «втянула» в себя самые различные научные дисциплины, создав соответствующие научно-спортивные подразделения. И, естественно, раз знания стали основным средством целевого существования сферы, главный упор делается на том, что эти знания должны применяться на практике, то есть на *прикладном* характере этих знаний.

Но именно этот пункт по целому ряду причин хуже всего обеспечен в сфере физкультуры и спорта: когда знания являются действительно прикладными, они, как правило, бесполезны, ибо носят описательный характер и не обеспечивают развития сферы. А собственно теоретические знания, которые в принципе могли бы обеспечить развитие сферы, в подавляющем большинстве случаев к ней неприложимы.

Несколько лет назад по заданию руководителей научно-методического управления Спорткомитета СССР мы провели методологический анализ этой проблемы и выяснили, что в сфере физкультуры и спорта начисто отсутствует служба создания новых образцов деятельности. В ней есть, с одной стороны, практика, которая должна непрерывно развиваться, но сама по себе склонна к предельной консервации и к воспроизведению уже существующих образцов, а с другой стороны, между научными подразделениями, которые должны производить новые знания как средства развития сферы, нет никакого посредствующего звена, ничего, что перерабатывало бы теоретические знания в новые формы и образцы деятельности.

Наверное, сфера физкультуры и спорта является единственной сферой без службы проектирования и экспериментального опробования новых образцов деятельности. Может быть, это происходит потому, что вся сфера в целом считается таким экспериментальным полигоном (что, в принципе, то есть по идее, весьма разумно), но тогда она вся должна быть организована совершенно иначе, нежели сейчас.

Как бы там ни было, но этой службы создания на базе научно-теоретических знаний новых образцов деятельности в ней пока нет, и поэтому сами научные подразделения существуют и работают все время «под дулом» требования непосредственного приложения создаваемых ими знаний на практике. А так как для подлинных научно-теоретических знаний это в принципе невозможно — их «приложение» состоит в изменении и трансформации существующей практики и, следовательно, может реализоваться первоначально только на экспериментальных полигонах, — то все эти научные подразделения и не разрешают себе создавать

подлинно научных знаний, требующих изменения и развития существующей практики.

Если бы они пошли на это, то это сразу же породило бы конфликт между ними и самой практикой и в существующих условиях, когда научные подразделения целиком и полностью зависят от оценки их работы практическими подразделениями и не имеют ни собственной базы для существования, ни иных, собственно научных критериев, по которым могли бы оцениваться их результаты, неизбежно привело бы к закрытию этих научных подразделений.

Но сфера большого спорта все же остается той сферой, в которой развитие является *законом* ее существования и функционирования, а поэтому в ней по-прежнему остаются и являются не только идеологическими, но и практически значимыми два пока что исключающих друг друга требования.

Первое — научные знания должны быть средствами развития существующей практики, и второе — все производимые в сфере знания должны находить непосредственное приложение на практике. И эти принципы все вновь и вновь формируются руководящими органами, ориентируя направления наших поисков. Реализуя эти установки, мы должны искать такие формы организации сферы в целом и ее научно-методических подразделений, чтобы можно было удовлетворить оба эти требования.

Этот вывод заставляет нас обращаться к специальному анализу циклов жизни научно-методических знаний, циклов, включающих в себя как момент производства их в «машинах науки», так и момент внедрения полученных знаний в практику, причем последнее (в соответствии с нашими основными установками) будет главным и исходным.

4. Простейшая схема цикла жизни знания

В соответствии с изложенным выше три позиционера в сфере спорта — спортсмен, тренер и организатор — должны иметь определенные блоки знаний, которые, во-первых, будут для них *средствами*, которые позволяют строить и осуществлять деятельность, а во-вторых, развивать ее.

В состав этих знаний обязательно входят практико-методические знания, знания о типичных ошибках в деятельности, причинно-объяснительные знания, конструктивно-теоретические, естественно-научные, организационно-управленческие, рефлексивно-методологические и другие знания.

Более детальное перечисление и анализ различных типов знаний, обеспечивающих работу основных позиционеров в сфере спорта, не входит сейчас в мою задачу, хотя это очень важное и принципиальное дело, никем еще по сути-то не выполненное. Но все равно сейчас я этим не смогу заниматься, и мне важно будет обсудить лишь некоторые общие моменты, касающиеся знаний всех видов и типов.

Есть два принципиально разных подхода в анализе и трактовке знаний — традиционный эпистемологический, связанный с натуралистической ориентацией в науке, и системодеятельностный. В рамках традиционного эпистемологического подхода знания рассматриваются прежде всего в плане своего содержания и сразу же берутся в отношении к тому объекту, который в них фиксируется. После того как содержание знаний выделено таким образом, положено отдельно от знания в виде объекта и за счет этого противопоставлено самому знанию, тогда обращаются к знаковой форме знания и, как правило, описывают либо рече-языковую, либо функционально-смысловую структуру и таким образом фиксируют «форму» знания в ее противопоставленности и противоположности содержанию. За счет всего этого знание при традиционном эпистемологическом подходе начинает существовать, с одной стороны, как нечто отличное от объекта знания и лишь отражающее его, а с другой стороны — как нечто отождествляемое с объектом знания и по сути дела сводимое к нему. Оно как таковое и отлично от объекта знания, и тождественно ему, как это представлено на схеме (см. рис. 1) за счет связи двух параллельно существующих трактовок.

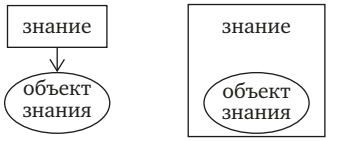


Рис. 1

Поэтому здесь совершенно бессмысленно спрашивать, по каким *собственным* законам живут знания. Они не имеют собственных законов жизни, а лишь отражают и фиксируют объекты. Они вторичны и, по сути дела, лишь эпифеномены в деятельности, ибо нас при такой трактовке никогда не интересуют знания как таковые, а лишь те объекты, которыми мы хотим оперировать.

При *системодеятельностном подходе* знания рассматриваются как функциональные элементы систем деятельности и в первую очередь определяются своим *функционированием в деятельности* и своими *связями с остальными элементами систем деятельности*.

А они задают то, что мы привыкли называть *функциями* знаний; нередко, когда саму жизнь систем деятельности рассматривают в плане движения и функционирования отдельных элементов внутри этих систем, но придают этому движению не естественный, а искусственный, или технический характер, и тогда говорят о применении или *употреблении* знаний.

Сочетание и соединение двух принципиально разных способов описания знаний — естественного и искусственного — является отличительным признаком *деятельностного подхода*. Анализ этих способов применения и употребления знаний, или, что то же самое, — их *должных функций* в системах деятельности, позволяет сформулировать требования к самим знаниям и затем перевести работу с ними из плана описательного в план конструктивно-технический. При этом знания о функциях (метазнания) как бы перерабатываются в рамках системодеятельностной теории знаний [при переходе] из одного места в другое — из области применения исходных знаний в область «машин науки», где эти знания производятся и [знания о функциях] применяются уже внутри этих «машин науки» при решении вопроса, какие же знания нам нужны и получат применение на практике, а какие, наоборот, не получат применения и поэтому не нужны.

Если мы с этой точки зрения поглядим на историю сферы физкультуры и спорта, то увидим, что до 1951 года, пока большой спорт существовал у нас еще только в «зародыше» и не имел той преобладающей роли, которую он получил сейчас, в этой сфере употреблялись в основном педагогические знания. И это породило то, что мы сейчас называем «теорией физвоспитания». После 1951 года в сферу начали втягиваться преимущественно медико-биологические знания и дисциплины, а также механика, а в последнее десятилетие еще социологические и социально-психологические дисциплины. А это закономерно приводит к постановке вопроса о необходимости пересмотра и преобразования всей спортивной педагогики и распространения ее также на область большого спорта.

Но ведь этот уже осуществившийся процесс принципиально меняет отношения между практикой и наукой в сфере физкультуры и спорта: из мононаучной эта сфера становится *полинаучной*. Но это значит, что мы уже не можем рассматривать складывающиеся в ней ситуации с помощью простой схемы, [описанной выше]*, а должны изменять и развивать эту схему, превращая ее в полинаучную.

---

* В рукописи эта и следующая схемы не были воспроизведены. *Примеч. ред.*

5. Схема использования нескольких разнопредметных знаний

На основе изложенных выше соображений я должен теперь развернуть эту схему и зарисовать слева уже не один научный предмет в виде «машины науки», а сразу много предметов, и притом различных по своим средствам и методам. Соответственно, и к области приложения в практике будет подходить уже не одно научное знание, а много разных, и у каждого из этих знаний будет свой особый *идеальный объект*, соответствующий средствам и методам того научного предмета, в котором он был получен. А сама практика при этом будет, как мы предположили, оставаться все той же одной, в которой все эти знания должны быть соединены и связаны, и у этой практики будет свой особый предмет — *предмет практики*, и в нем должен существовать пусть как угодно сложный, но тем не менее единый и непротиворечивый относительно практических решений и действий объект.

Это уже, конечно, онтологическая характеристика, с одной стороны, предмета и объекта практики, а с другой стороны, требований к научным знаниям и их содержанию. Но во всех случаях знания, создаваемые в научных предметах, если следовать этой, последней, схеме, во-первых, должны быть зафиксированы в формах, допускающих их непосредственное практическое приложение, а во-вторых, должны по меньшей мере соответствовать друг другу с точки зрения определяемых ими практических действий.

Но именно эти условия, или требования к научным знаниям, никак не удается удовлетворить в научных исследованиях и разработках. И это происходит отнюдь не потому, что эти исследования и разработки плохие, некачественные. Наоборот: чем дальше развиваются научные исследования, чем аналитичнее и тоньше они становятся, тем больше увеличивается разрыв между ними и практикой. И это происходит повсеместно и неумолимо и заставляет нас подозревать, что мы здесь имеем дело со своеобразным законом научного познания. И поэтому со всем этим приходится разбираться уже методологически.

6. Проблема применения научных знаний в практике. Идеальные объекты науки и реальные предметы практики

Первое, что мы должны здесь зафиксировать на уровне принципа, — это различие реальных предметов практики и идеальных объектов науки: вторые ни по отдельности, ни вместе никогда не соответствуют

и в принципе не могут соответствовать идеальным объектам науки. Наука имеет дело с абсолютно твердыми и абсолютно упругими телами, с тяжелыми точками, не имеющими размеров, с движениями, происходящими вне среды, и т. д. и т. п., а в реальном мире практика имеет дело с деформируемыми телами, с движениями, зависящими от обратного воздействия среды, с телами, которые обязательно занимают определенное место. И поэтому каждый раз, когда мы хотим применить на практике то или иное знание, мы еще должны специально выяснять, а соответствует ли та абстракция, которая лежит в основе этого знания, целям и задачам нашей практики, не оставит ли она основное и главное, что нас интересует, за скобками, то есть за рамками самой этой абстракции, не получим ли мы, применяя это знание, вместо необходимого для нас упрощения, недопустимое переупрощение и в силу этого *искажение* действительности.

Об этом приходится говорить, ибо очень и очень часто мы сталкиваемся как в сфере практики, так и в сфере науки с отождествлением реальных предметов практики с идеальными объектами науки. Нередко думают (и даже утверждают), что наука изучает реальные объекты, и при этом отождествляют их с предметами практики. Это грубое заблуждение, приводящее к ошибкам и поражениям на практике. Наука занимается только идеальными объектами. Все ее законы суть законы идеальных объектов и до сих пор в подавляющем большинстве — монопроцессуальных объектов. Успех всякой науки зависит от того, насколько ей удалось провести эту идеализацию и таким образом уйти от реальных предметов практики.

Полуторатысячелетнее топтание физики на одном месте объясняется тем, что ей очень долго не удавалось произвести необходимую идеализацию и в исследовании законов свободного падения освободиться от искажающих всю картину реальных факторов обратного воздействия среды на ход свободного падения. Законы догалилеевской физики точнее фиксировали наблюдаемое на практике, но были неправильными, поскольку в их основании лежала неверная идеализация. Галилей нашел более верную (для его времени) абстрактную идеализацию и получил «правильные» законы свободного падения тел, но в силу этого его законы перестали соответствовать наблюдаемому на практике. И то же самое неизбежно происходит со всяким научным знанием: чем оно аналитичнее и рафинированнее как научное знание, тем меньше оно соответствует тому, что мы видим и фиксируем на практике.

Из этого следует второй принцип: абстрактные научные знания могут применяться на практике только в очень редких случаях, когда

сама практика носит абстрактный характер. В общем случае абстрактные научные знания и не должны непосредственно применяться на практике: между ними и действиями практика должны быть еще определенные опосредствующие звенья — организационно-управленческие, конструктивно-технические, практико-методические знания и, главное, должны быть специально отработанные и культурно фиксированные образцы практической деятельности, которые, собственно, и должны воспроизводиться. А научные знания должны использоваться, во-первых, опосредованно, через оргуправленческие, конструктивно-технические и практико-методологические знания, а во-вторых, не в самой практике, а для изменения и развития этой практики.

Непонимание этих двух фундаментальных принципов, определяющих отношения между научными исследованиями и практикой, и приводит к тому, что, с одной стороны, от науки требуют, чтобы она давала непосредственно приложимые в практике и одновременно правильные с точки зрения этой практики знания, а с другой стороны, обвиняют ее либо в ненаучности, когда она, поддавшись, производит подобные знания, либо в неприкладности, когда она стоит на своем и создает действительно научные и правильные в научном смысле знания. И именно в этих ситуациях, созданных неправильным пониманием задач и функций науки, и возникают те конфликты и взаимные обвинения и оскорбления практиков и ученых, возникают те разрывы и барьеры, которые совершенно разрушают реальные культурные связи между наукой и практикой.

Но даже если оставить в стороне все эти коллизии, обусловленные неправильным пониманием назначения и функций науки, то все равно ведь остается реальная проблема: как же все-таки связать науку с практикой в сфере физкультуры и спорта и как обеспечить практическую значимость и эффективность воздействий науки на практику?

Хотя абстрактно-аналитические научные знания, получаемые в каждом научном предмете, и не могут использоваться в качестве *основания* при организации практической деятельности тренеров и других позиционеров-практиков в сфере физкультуры и спорта, ибо все они имеют дело с *многосторонней*, «синтетической», или «комплексной», практикой, тем не менее все эти научные знания нужны — именно потому что практика многостороння и синтетична, все они должны быть включены в эту практику и, мало того, предварительно соотнесены и связаны воедино или по меньшей мере комплексно организованы. Иначе говоря, сегодня тренер в сфере большого спорта будет работать эффективно только в том случае, если он сможет

воспользоваться при организации своей работы самыми разными знаниями — биохимическими, физиологическими, психологическими, собственно педагогическими и т. д. и т. п. И все эти знания должны быть соотнесены и связаны им не вообще, а применительно к тем ситуациям деятельности, которые возникают в практике его работы, они должны быть связаны ситуационно.

Но именно эту работу по ситуационному связыванию разнопредметных научных знаний и созданию синтетического, или комплексного, прикладного знания сегодня никто не проделывает. Ученые, занятые разработкой новых аналитических знаний в своих научных предметах, по-видимому, считают, что делать всю эту работу должны сами практики, в данном случае — тренеры. Но задача эта для практиков непосильна, как она непосильна и для самих ученых-предметников. Поэтому практики ее просто не принимают, и имеют на то все основания, и начинают работать с тем, что им дали, то есть с абстрактно-аналитическими знаниями. Но последние очень скоро показывают свою неэффективность в этом употреблении, и поэтому их просто отбрасывают, сопровождая соответствующими оценками как самих этих знаний, так, заодно, и науки как таковой.

В результате между практиками и учеными складывается совершенно непреодолимый барьер. Практики ругают науку, ученые ругают практиков, все имеют на то достаточно оснований, а дело стоит на месте. Когда во все это вмешиваются еще организаторы и управленцы, у которых часто устаревшие и совершенно неадекватные представления как о науке, так и о практике, и начинают давать указания ученым, как им развивать науку, чтобы она соответствовала запросам практики, и практикам, как им менять и трансформировать практику, то все запутывается уже вконец и начинается такой ералаш, в котором и черт голову сломит.

И хорошо еще, если ученые и практики просто машут рукой на «ценные указания» своих руководителей и продолжают делать все то, что они делали раньше; хуже, если они воспринимают эти указания всерьез и начинают им следовать: в таком случае и наука, и практика очень быстро разрушаются и идут на слом.

А для того чтобы этого не было и чтобы можно было организовать эффективное использование научных знаний в практике, нужно совсем другое — разработка *новых представлений и понятий о прикладной дисциплине* и организация всей работы по внедрению научных знаний в практику и комплексной разработке необходимых научных дисциплин в соответствии с этими представлениями и понятиями.

7. Представление о прикладной дисциплине

В настоящее время общепринято представление, что прикладная дисциплина складывается и развертывается в процессе *использования*, или, как обычно говорят, *приложения* в какой-либо практической области знаний, полученных в фундаментальных науках. Прикладная дисциплина, таким образом, трактуется как *результат* процесса приложения научных знаний в практике, а сама эта фундаментальная наука, следовательно, выступает как автономная целостность, противостоящая прикладной науке: она создает знания определенного типа в имманентном развитии на идеальных объектах, а затем эти знания «прикладываются» в тех или иных ситуациях практической работы, и таким образом из работы по приложению возникает «прикладная дисциплина». Приложение при таком представлении трактуется как нечто заведомо вторичное по отношению к фундаментальной науке*.

* На этом месте рукопись обрывается. *Примеч. ред.*

V. КАК РАБОТАЕТ СИСТЕМОМЫСЛЕ-ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД?

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМОМЫСЛЕ-ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДА

1. Проблема психологизма и методологизма в Московском методологическом кружке

Я рассчитываю на больший цикл, который хочу начать сегодняшним сообщением по основным понятиям системомыследеятельностного (СМД) подхода и основным проблемам развития СМД-подхода. Тема моего сегодняшнего сообщения мало обсуждается в статьях и личных выступлениях и существует как бы на периферии СМД-подхода, хотя представляет собой важный и принципиальный результат, во многом определивший и все остальное.

Я буду говорить о решении проблемы психологизма и методологизма в ММК. Кардинальность этого решения состоит в том, что по основной схеме и по понятию *мышление* (как основная интеллектуальная функция человека) было принципиально отделено от предшествующих форм познания, в частности от отражения. И благодаря этому была показана несовместимость этих двух функций (мышления и познания) и отсутствие генетической связи между ними, которая предполагается в европейском рационализме и эмпиризме и дотягивается в превращенных формах до Канта, Гегеля, Ленина.

Программа обсуждения будет довольно сложной.

Первое. Я постараюсь задать основные идеи решения этой проблемы: кардинального освобождения от психологизма, которым, с моей точки зрения, объяты все остальные направления и школы в стране, полагаю, что и практически во всем мире.

Два доклада на семинаре ММК (5 и 19 мая 1987 г.). Источник не установлен. Публикуются впервые по сохранившейся электронной копии.

Второе. После этого я буду обсуждать, как подготавливалось это решение и что там мы должны выделить и зафиксировать как значимое и важное.

Третье. В этой части я постараюсь обсудить проблемы, вытекающие из этого решения.

Таков мой замысел, но для того, чтобы я его мог осуществить на высоком уровне, мне нужно активное участие присутствующих, их вопросы, замечания, соображения.

Попов: Почему вы в теме «Основные понятия и проблемы СМД-подхода» начинаете именно с темы психологизма?

На этот вопрос я буду отвечать в дальнейшем постоянно.

Вообще-то, конечно, обращение к этой теме случайно. Мне сейчас пришлось рецензировать рефераты слушателей моего курса «Методология и философия наук», и меня этот основной момент трактовки проблем философии познания просто поразил.

Продумав эту проблему с точки зрения сегодняшнего существования и развития наших идей, я для себя зафиксировал, что я ведь никогда не обсуждал этот вопрос и никогда не обращал внимание молодых участников кружка на этот важный момент, характеризующий всю концепцию ММК в принципах и в целом.

Это важная идея, которая нас разорвала со всеми предшествующими концепциями познания. Значимость этого была нами понята, и в одной из дискуссий Владимир Александрович Нефёдов сказал, что это — основной результат, а все остальное — так… просто мелочи. Я с такой резкой оценкой этой идеи в принципе согласился бы. Но поскольку это ограниченная идея, то в работах она редко фиксируется и обсуждается, хотя правильное понимание идей ММК и их использование во многом зависит от четкого понимания и четкой фиксации этой идеи. И как это часто бывает — случайное совпало с необходимым, — и я решил начать обсуждение именно этой идеи.

Левинтов: Правильно ли я вас понял, что отрыв от традиционных идей теории познания есть уникальный опыт ММК?

Не отрыв, а *разрыв*. Вопрос я понимаю, хотя ответить на него мне непросто.

Левинтов: Есть ли надежда найти братьев по разуму?

С одной стороны, наличие идеи о «братьях по разуму» есть аксиома существования, и в этом смысле они должны быть. Вообще сам этот разрыв был во многом обусловлен тем поворотом в процессе познания интеллектуальных функций, который наметился в XX веке и связан с выдвижением на первый план знаков и сигналов. И в этом смысле он лежит в самом центре идей на семиотизацию теории познания.

А с другой стороны, само это представление есть уникальный результат ММК. Я дальше во второй части буду обсуждать свое понимание этой идеи и ситуации, в которой были предопределены возможности появления этой идеи. Она не очень проста, специфична для обстоятельств и стиля работы ММК.

И последнее, что я хотел бы присовокупить… Я нигде и никогда не встречал такого радикального решения проблемы или близкого решения этой проблемы в мировой литературе. Поэтому я наряду с общей аксиомой, что «братья по разуму» должны быть, я должен добавить тезис, что я их пока не встречал.

Левинтов: Можно тогда еще один вопрос?

Пожалуйста, Александр Евгеньевич, мне всегда весьма приятно, когда вы задаете вопросы.

Левинтов: А мне всегда очень приятно слушать ваши ответы на мои вопросы. Предполагается ли в дальнейшем набор сторонников, увеличение рядов помимо ММК в осуществлении этой идеи ММК, или же вы предполагаете, что еще долго ММК будет иметь этот уникальный опыт и занимать уникальную позицию? Или, может, где-то в светлом будущем будет расширение сторонников и приверженцев?

Вы задаете вопрос, который требует социологического ответа. Конечно же, расширение предполагается, и оно происходит. Сама по себе эта идея нетривиальна и предполагает действительно нетрадиционный подход и нетрадиционное мышление. Поэтому число людей, исповедующих эту идею, будет увеличиваться, хотя увеличение числа нетрадиционно мыслящих и смелых людей всегда достаточно мало.

Ответил ли я на ваш вопрос? Но вы имейте в виду, что я сторонник платоновского решения: правдоподобие той или иной идеи определяется отнюдь не числом людей, исповедующих ее. И в этом смысле между одним и тремя миллиардами никакой разницы нет. Идея существует в своем мире, и, если она однажды высказана, она уже есть. Эта идея есть, но она существует в такой форме, что практически равна несуществованию.

Поэтому если Сергей Валентинович [Попов] перестанет саботировать мои доклады и выступления и если я получу запись этого доклада, то я постараюсь сделать из него статью. Хотя я понимаю, что публикация этой идеи вызовет массу возражений и прямо поток «поливов», но вроде бы мне уже не страшно.

Левинтов: У меня пожелание, чтобы эта идея нашла свое место в культуре.

Работайте! Работайте! Вы же ведь все работаете в учреждениях, а не в культуре. И это я говорю всем здесь присутствующим:

перестаньте работать в учреждениях, начните работать в культуре! Тогда эта идея найдет свое место.

Хромченко: А вот вы считаете людьми тех, кто исповедуют СМД-подход? И по какому принципу? Скажем, Дубровский, Лефевр — они исповедуют?

Вопрос старый, но у меня на него есть заранее заготовленный ответ, а также на все вопросы такого типа. Я считаю принадлежащим к СМД-подходу человека, который заявляет, что он к нему принадлежит. При этом для меня всегда остается открытым вопрос, насколько он понимает СМД-подход, его принципы и идеи и насколько может этим пользоваться. И тогда я отношусь к каждому соответственно этим его возможностям и способностям. А формально таковым является всякий, объявивший о принадлежности.

Хромченко: А также не причастен тот, кто объявил о своем выходе?

Да, только объявить это надо. Как правило, в суете жизни это забывают. Объявлять об этом в открытую люди остерегались до сих пор… Сейчас впервые такая ситуация, когда нечего бояться…

Нет больше вопросов? Тогда я перешел к обсуждению сути дела.

Суть концепции, против которой я выступаю и борюсь, может быть представлена рядом тезисов.

Первый тезис. Мышление является не первой и основополагающей интеллектуальной функцией, а второй или третьей. Мышлению как особому механизму познания предшествуют другие процессы: так называемого чувственного или непосредственного отражения, а потом чувственного представления. Поэтому утверждается, что мышление (по-моему, более рельефно эту позицию выявил Локк) возникает как результат рефлексии второго или третьего порядка над образами, возникающими в результате прямого и непосредственного чувственного отражения.

Локк разделял идеи первого порядка и идеи второго порядка. Первые относились к тому, что непосредственно может быть воспринято, и потом многие вульгаризаторы производили разделение на реальные объекты, то есть те, которые воспринимаются, и виртуальные. Идеи и образы как вторая интеллектуальная функция относятся к объектам, которые выражают суть вещей и непосредственно восприниматься органами чувств не могут. Эти идеи второго порядка всегда были для Локка результатом рефлексивного анализа, результатом переработки идей первого порядка, их обобщения и соответствующей акции абстрагирования.

При этом, конечно, путается все на свете: абстракция как одностороннее отображение с идеализацией или схематизацией.

Но поскольку сами эти представления об идеализации не существовали и все работали и анализировали свой опыт в рамках надстраивания мышления над чувственным отражением и рефлексивной переработкой чувственных образов, то никаких здравомыслящих и схватывающих суть вещей работ не появлялось.

Второй тезис. Критикуемая концепция может быть выражена так: знаки речи и языка служат прежде всего для выражения идей, которые у нас в сознании возникают за счет механизмов чувственного отражения или рефлексивной переработки образов.

Здесь, следовательно (я обращаю на это ваше внимание), главным становилось понятие *выражение*. Знаки речи и языка *выражают* наши идеи. Затем на эти простые идеи накладывается представление об *отражении*, и вся картина запутывалась уже окончательно. Поскольку никто никогда самой идеи отражения или рефлексии как отражения не прорабатывал, то по сути дела даже немцы опростоволосились. Не было проработки этой темы и среди неокантианских методологов конца XIX — начала XX века, ни среди имманентов и эмпириокритиков.

Это понятно, поскольку сама эта критика была закрыта выводами Канта об априорности. И поскольку вся европейская философия и теория познания работала в этих принципах, заданных Кантом, то они всегда думали только о том, как бы связать концы с концами в своей концепции, а не о продуктивном развитии мыслительных конструкций и представлений о процессе познания.

Третий тезис. Вроде бы под это представление о познании и вторичности мышления как интеллектуальной функции и ее надстраивания над чувственным познанием подводилась онтологическая схема «субъект–объект» (***S—O***). Предполагалось, что субъект взаимодействует с объектами природы и в результате отражает их.

Наверное, одна из немногих последовательных концепций, проводивших эту идею и разрабатывающих ее в деталях, была точка зрения Я. А. Пономарёва, выраженная очень здорово в его книжке «Психология творческого мышления»*: там дана даже эта схема познания, выраженная в столкновении двух шаров с соответствующим остроумным объяснением возникновения образа как «вмятины», возникающей у одного из шаров при ударе другого шара. По этой онтологической схеме, в принципе, всегда и анализировали процесс познания.

Несмотря на всю критику, которую произвел К. Маркс, эти вульгарные материалисты сумели отождествить марксовы принципы

---

* См. [Пономарев, 1960]. *Примеч. ред.*

с вульгарным материализмом, создать такую «смятку», где все противоречия и несуразности весьма красиво замазаны. Схема субъект–объект выступала, с моей точки зрения, как мнимое обоснование кантовской схемы познания. И не только психологи, но и все ученые работают в ней, несмотря на всю ее несуразность.

При этом я хотел бы отметить, что я не проделывал специального анализа этой познавательной концепции, а это надо проделать, и я рассчитываю, что я в течение этого года эту работу сделаю и по каждому отдельному философу просмотрю, как он строил это представление.

Все, что я говорю, есть пренебрежительное методологическое отношение к этой схеме, а не ее реальный анализ и критика. Этот анализ надо проделывать отдельно, но это есть общее место. И в этом смысле это не «братья по разуму», но их еще нужно описать.

На этом я прекратил бы фиксацию той концепции, с которой я борюсь, поскольку думаю, что я достаточно намекнул на нее и те, кто знает этот материал, отчетливо представят, о чем я говорю, а те, кто не знает, даже если я долго буду рассказывать, все равно себе этого не представят. Мне важно очертить эту область, а дальше я буду обсуждать альтернативные идеи.

Есть ли какие-либо вопросы, замечания?

Левинтов: Правильно ли я понял тезис ваших оппонентов, что мышление есть вынесенное за рамки познания…

Совсем неправильно. Поскольку здесь надо, наверное, различать *процессы* познания и *механизмы*. В этом смысле надо проводить важную и принципиальную, но вместе с тем очень тонкую границу между процессами познания как таковыми и процессами чувственного отражения и мышления. Познание есть *по-знание*. А чувственное отражение и мышление во всех этих концепциях выступали как механизмы работы человеческого сознания, или, как стали говорить в вульгарно-материалистической трактовке, механизмы работы мозга, которые якобы обеспечивают познание.

Рассматривая историю ММК ретроспективно, я должен прежде всего зафиксировать, что мы от этих отождествлений каким-то образом быстро и рано ушли, перестали путать мышление с познанием. Хотя не все. Я сказал бы, что в рамках ММК это была моя личная и особая позиция, которая нередко вызывала насмешки М. К. Мамардашвили в первую очередь и Б. А. Грушина — во вторую.

Грушин говорил: «Ну что ты занимаешься механизмами мышления, чувственным отражением? Да наплюй ты на всех этих психологов, поскольку то, что они пишут и говорят, есть изначально ерунда, поскольку мысли у психологов нет и быть не может по

определению самих психологов». А что касается Мамардашвили, то он, по-моему, был не в ладах с категориями *процесс–механизм*, хотя постоянно настаивал на том, что результат работы ММК есть лишь реализация принципа системного подхода. И я добавил бы, что, по-видимому, он и идей системного подхода тоже не понимал. В его трактовках это была такая несуразица, что я бы даже всерьез не стал этого обсуждать.

Поэтому вы, Александр Евгеньевич, сейчас вслед за этими уважаемыми людьми и другими совсем неуважаемыми спутали процесс познания и процесс сознания, или интеллектуальные функции. Это то, что я бы назвал интеллектом в психологическом смысле, поскольку в смысле общественном вы говорили по мыследеятельности и ее структурам и вроде бы имеете такую абстракцию, которая жестко проводит границу между разделяющими концепцию ММК и не разделяющими. Но у них ничего этого не было, включая даже таких умных как неокантианцы. Это важный и принципиальный результат в онтологическом плане.

Когда не имеешь всех этих многочисленных идей, развитых за время работы ММК, то очень трудно обсуждать эту тематику. Поэтому я бы даже снял шляпу перед всеми логиками, психологами и методологами, которые обсуждают эту тему и еще что-то там находят, совершенно не имея адекватных понятий, что говорит о высоком уровне индивида, каждой отдельной личности.

Вроде бы вы игнорируете эти основные понятия, которые были развиты в 50-е и далее в 60-е годы, причем развиты в борьбе с противоположными точками зрения, разными вариациями в традиционно локковско-кантовской схеме. И это то, что я называю *гносеологией* и *гносеологизмом*. Достаточно сказать, что Эвальд Ильенков тоже работал в этой «склейке» интеллектуальных функций и познания.

В противоположность тому, что вы мне приписали, я не говорю, что мышление лежит вне познания. Я работаю в системной парадигме (полисистемной в принципе) и имею, с одной стороны, такой предмет как познание, и довожу до предметности эти представления, а с другой стороны, обсуждаю вопрос о всевозможных механизмах, за счет которых осуществляется познание согласно той или иной концепции.

То изменение представлений, которое я должен сейчас обсуждать, происходит в рамках этого системного подхода и системной парадигмы, а, следовательно, имеет достаточно сложные мыслительные структуры, которые вы игнорируете.

А теперь я с удовольствием послушал бы ваш вопрос дальше. Нет больше вопроса? Отлично, еще есть вопросы?

Хромченко: В развитие этой концепции вы будете дальше обсуждать отношение между мышлением, отражением?..

Да, конечно.

Левинтов: Но тогда понятие о мышлении, которое вы здесь будете задавать, будет резко отличаться от того понятия, которое обсуждалось Локком и Кантом.

Вопрос хороший, но ответить я на него не могу. Поскольку (и я все время подчеркиваю эту мысль во всех публикациях, ссылаясь на Дж. Томсона*) XX век знаменует собой начало науки о мышлении. И это означает, что все представления, которые были до этого, очень трудно обсуждать — они смутные и не проработанные.

В этом смысле я бы сформулировал более резкий тезис: наука о мышлении начинается с работы ММК. И в других направлениях мало-мальски здравых направлений, схватывающих суть представлений о мышлении, просто нет. Поэтому нельзя ответить на вопрос: как мы отличаемся от них?

Я говорю, что с нас начинается история этих исследований, а все, что было до нас, — просто не поймешь что. И не потому, что мы не можем анализировать их. Можем и проанализируем со временем. А потому что у самих авторов этих концепций было незнамо что. Даже у таких великих как Кант. И у них не было идеи, на основе которой можно выделить мышление как предмет исследования. Не было! Я предполагаю, что эта идея впервые выработалась в ММК.

Сиротский: Но если эта идея появляется только в ММК, то для чего вам анализ?

Для культурности. А то ваш брат обычно спрашивает: а вы знаете, что там было? А я хочу знать, тем более что там было и много интересного. Это важный вывод: не было идеи, которую можно было бы дальше продуктивно развивать.

Хромченко: Вы, отвечая на вопрос, ответили «чувственное отражение и мышление», значит ли, что «и» надо убрать? Чувственное отражение, мышление…

Чувственное отражение, ощущение, восприятие, представление.

Хромченко: А мышление отдельно? Вы же говорите, что мышления там и не было.

Не было идеи, с помощью которой это можно было бы рассматривать. И все базовые схемы, которые могли бы претендовать на роль

---

* См. [Томсон, 1958]. *Примеч. ред.*

онтологии, создавали сумятицу идей и синкретичность, невозможность анализировать.

В истории есть доистория, когда идеи еще нет, а в какой-то момент происходит появление идеи, которая закладывает начало, или основания для разумного анализа или предметного исследования. И в этом смысле Александр Евгеньевич [Левинтов] с его скептическим и критическим отношением точно ухватил идею: до ММК разумности в этом вопросе не было, а впервые какая-то разумность (может быть, и ошибочная) привносится ММК на первом этапе его развития, то есть в 1950-е годы.

Хромченко: А далее вы говорили, что Ильенков работал…

…на диффузных склейках. Но здесь узел разных тем, которые надо учитывать и разбирать.

Хромченко: Но ваша установка довести познание до предметности…

Это — одна линия. А кроме того, за счет системной парадигмы я могу рассматривать чувственное отражение и мышление…

Хромченко: Как что?

А вот это интересно: как что? И я не случайно ссылаюсь на *системный подход*. Это то же самое целое, но только рассматриваемое с другой точки зрения. Системный подход дает нам возможность рассматривать одно реальное образование как много разных предметов и их особым образом соорганизовывать и соединять или комбинировать.

Это принципиальнейший методологический принцип: установка на *системное мышление*. А что это значит? Это значит — установка на многовариантное решение, объединяющее массу альтернативных ходов. Если бы у меня и у других представителей ММК этого не было, мы не дошли бы до необходимого расчленения, поскольку исходная абстракция и исходная схема невероятно сложны. Об этом я должен буду говорить специально.

Эти идеи могли появиться за счет невероятной масштабности заходов в работе ММК и наличия сразу многих разных вариаций в решении проблем, которые удерживаются как варианты и в какой-то момент особым образом соорганизуются в одно целое. Никто один этого сделать в принципе не может. Для этого нужна коллективистски работающая *школа,* должна быть сразу масса альтернативных решений, каждое из которых не принимается, но и не отбрасывается. Они все удерживаются как возможности, а потом должны быть особым образом соорганизованы и собраны. Эти идеи не принимаются как правдоподобные и единственные. Каждая из них вроде бы верна, но в своей частичности не схватывает рассматриваемого целого. Это

происходит в случайной сборке — то, что немецкие психологи называли «ага-эффект»[56].

Хромченко: Вот вы говорите о познании, процессах познания, а мышление…

А мышление — это вроде бы то же самое, только совершенно иначе представленное… И в этом смысле в 1955 году, когда я делал доклад на кружке первой генерации и употреблял выражение «познающее мышление», то Мамардашвили выходил и начинал плясать канкан… «Познающее мышление! А что, мышление может быть каким-то другим?! Это все равно как “круглый круг”», — говорил он. Но для меня это не был «круглый круг», поскольку мышление может быть проектным, оргуправленческим и т. д. И в 1955 году мне это было очевидно.

И здесь они не принимали отношения между познанием и мышлением, поскольку для них это были практически синонимы. А здесь надо было разделять и говорить: познание — это не мышление, а мышление не познание. Но и одновременно удерживать тезис, что мышление есть познание, а познание есть мышление, хотя может быть и чем-то другим.

И в этом смысле работать *диалектически*, так, как говорили об этом Фихте и Гегель, но по сути совершенно иначе. И я бы сказал, что техника диалектического мышления тоже создана в ММК, именно *техника*, поскольку она оставалась не практикуемой.

Хромченко: А можно сказать, что мыслительная рамка шире рамки познания.

А вот ничего этого нельзя сказать! В этом суть дела, и этим был определен успех: мы этого не говорили.

Поливанова: Георгий Петрович, когда вы теперь заходите с другой стороны и берете мышление как основной процесс…

Я не беру мышление как основной процесс. Я говорю, что все процессы основные — каждый в свое время.

Поливанова: Когда у вас мышление «в свое время», вы эту категорию процесс-механизм как бы отбрасываете…

Нет, я держу это как возможный способ оформления. Возможный! Я в этом смысле очень тонко работаю с модальностями и утверждаю, что мышление — это тонкая работа с модальностями: по превращению возможного в действительное, необходимое или обратно.

Поливанова: Если я помню содержание работ начального периода ММК…

Как это ты помнишь?

Поливанова: Потому что я читала, в основном по текстам, как же еще? Как актуальная эта пара вами…

Какая пара?

Поливанова: Процесс–механизм…

Я все время в своих работах пишу, подчеркиваю, что основная особенность методологического мышления заключается в том, что я накладываю на один объект массу разных многопредметных представлений. И это было отражено в схемах 60-х годов, когда объект рисовался внутри, а затем рисовались овалы разнопредметных позиций и точек зрения. И я утверждаю, что для моего мышления — это вещь стандартная, я таким образом мыслю, работая на разнопредметных представлениях, каждое из которых не кладется жестко на объект. Отсюда совершенно иное отношение к категориям истинности и правдоподобия. Мне нужны правдоподобные варианты как возможные. И я держу в актуальности эту методологическую структуру, а именно: я вроде бы выложил несколько возможных предметизаций и любую из них могу «защелкнуть» на объект.

Это не принцип сплавщика, принцип сплавщика в другом месте и из другой оперы. И вот я накладываю сеть предметных организаций и держу их как возможные. И у меня есть масса возможностей в развитии точки зрения. Но для того чтобы я их начал актуализировать, мне необходимо их особым образом собрать в целое, сочленить и смонтировать, и дальше я буду работать на этих многопредметных структурах. И в этом смысле для меня системное методологическое мышление — это мышление сразу на многих предметных, разнопредметных структурах. Это и есть условие и предпосылка решения этой проблемы.

Поливанова: Вы не отвечаете на то, что я спрашиваю. По принципу я все это понимаю.

Отлично, мы говорим только об этом. Что вы спрашиваете?

Поливанова: Я говорю об одной возможной категоризации, которую вы как возможную приняли и затвердили.

А в этом месте я говорю: я не работаю с одной возможной категоризацией. Я работаю на нескольких возможностях, причем взаимоисключающих друг друга категоризациях и предметизациях. Чем больше их разных, тем я себя спокойнее чувствую. Я безразличен к принципу противоречия, или еще резче: считаю это достоинством и ценностью, поскольку каждый раз, зафиксировав такую ситуацию, я себе ставлю задачу на изобретательскую монтировку, то есть включаю конструирование в момент изобретения. Чем больше там взаимоисключающих вариантов, тем мне интереснее. И никогда одну категорию не выделяю. И это есть особенность *методологического подхода*: работа сразу во многих категориях и ядерных структурах предметизации.

Тебе, Светлана, очень не нравится то, что я говорю. Но ты подумай. Есть еще здесь вопросы?

Левинтов: (неразборчиво).

Продолжая дискуссию с Петром [Щедровицким] и поддерживающим его Сергеем Поповым, я утверждал бы, что вот это мышление во многих альтернативных вариантах, которые мне удалось бы собрать и соорганизовать, — это и есть программное мышление. Я мыслю обычно программно, но в программах конструктивной сборки. Поэтому я всегда мыслю в открытой системе, поскольку вижу большое продолжение работ. Чем больше появляется проблемных кусков, тем я считаю, что я лучше работаю. И это — оппозиция традиционному мышлению.

Я был на совещании в своем отделе: дается маленькая работа на год, оплачивается. А они все кричат: «Мы не можем браться за эту работу! Денег мало! Срока мало! Работы много! И определенности нет!» Я не стал их спрашивать, чего они «работают», когда работают, поскольку я знаю, что они только делают вид, что работают, а всякая реальная работа их пугает. Для меня же сделать работу — это наметить программу работ, да еще и задействовать несколько миллиардов людей.

Левинтов: Тогда такое программирующее мышление безысходно креативно.

Да, это то, что мне все время говорит Марк Владимирович Рац. Поскольку он из меня хочет вытащить тайну моего существования. А я говорю, что чем больше таких «дырок», открытых систем и т. д., тем ценнее для меня эта работа. И это есть в некотором смысле логический и методологический принцип.

Есть еще вопросы? Нет. Тогда я перейду к следующей части и буду излагать суть этой идеи.

Попов: Эта часть относится к решению или к тому, как подготавливалась?

Идея кардинального разрыва с психологизмом — это я буду сейчас обсуждать. Тема — моя идея радикального разрыва с психологизмом.

Эта идея была впервые доложена в г. Томске в 1960 году на первом симпозиуме по логике и методологии науки*. Она называется сокращенно идея «квадрата».

Суть этой идеи в том, что мышление и чувственное отражение ставятся ортогонально. Чувственное отражение, с одной стороны, и мышление — с другой, ставятся в отношении ортогональности друг

---

* См. [Щедровицкий, 1962]. *Примеч. ред.*

к другу и располагаются по разным сторонам квадрата: одни — в горизонталь, другие — в вертикаль (см. рис. 1*).

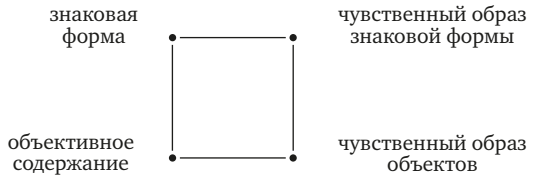


Рис. 1а

Я рисую этот квадрат (см. рис. 1б**), и ставлю прежде всего объект ***X*** как символ познания или отражаемого объекта (я бы сказал теперь, и познания, и отражаемого объекта), и задаю по горизонтали чувственное отражение этого объекта — O^x. И это чувственное отражение осуществляется с помощью эволюционно-исторически сформировавшихся механизмов работы сознания и мозга. Оно задает один спектр отражения и один из векторов познания, определяемого данным механизмом.

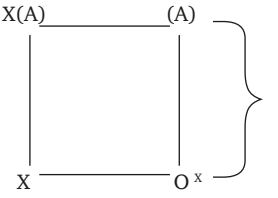


Рис. 1б

Теперь вверх по вертикали я ставлю знак, или материал знака, который замещает объект — ***X(A)***. И этот знак, или материал знака, точно так же чувственно отражает сознание; и это я фиксирую внутри квадратика — ***(A)***. И теперь, чтобы зафиксировать отношение связи, выявленные ассоцианистами между образами — чувственными образами объекта и чувственными образами знака, — я рисую фигурную скобку и говорю, что эта схема «квадрата» и изображает идею связи и соотношения мышления и чувственного отражения.

То есть я утверждаю, что мышление есть вид деятельности — деятельности со знаками, посредством которых мы замещаем объекты, и происходит это мышление вне головы и вне сознания — в первую очередь за счет «ручной» работы. А чувственное отражение,

---

* Схема приводится по [Щедровицкий, 1962]. *Примеч. ред.*

** Схема реконструирована редактором. *Примеч. ред.*

осуществляемое механизмами сознания или мозга, осуществляется ортогонально к этому замещению, которое есть суть мышления, его ядро.

И есть, с одной стороны, отражение объектов оперирования, а с другой стороны, знаков, которыми эти объекты оперирования и свои операции замещали. Этой связи мышления, или структуре, нарисованной слева, которая у меня сейчас отождествляется с отношением замещения или деятельностного отношения замещения, соответствуют в сознании ассоциации, то есть условно-рефлекторные замыкания чувственных образов объектов и знаков.

План сознания и план семиотической реальности могут меняться местами, и план сознания, навострившийся замещать образы объектов знаками, может стать ведущим, осуществлять деятельностные замещения. И дальше это оборачивание ведущей роли будет специально исследоваться в психологии, но это не меняет существа мыслительных структур.

Я бы тут провел еще одну вертикальную пунктирную линию раздела (это нам еще понадобится), поскольку слева находится объективное, справа — субъективное (в смысле принадлежащее субъекту и его сознанию) в том смысле разделения субъективного и объективного, которое не совпадает с общепринятым.

Хотя если вы начнете меня спрашивать, что это такое «общепринятая трактовка понятия субъективного и объективного», то я бы ответил в саркастическом духе: а это белиберда всякая, не ломайте себе голову. Не было у них ни понятий, ни мыслей в этом отношении.

Левинтов: Вот если бы эту картинку рисовал Локк…

Не мог Локк рисовать такою картинку. Не мог.

Левинтов: Ну а если бы он ее увидел, то он бы, наверное, сказал, что в правой, субъективной, части эта верхняя часть есть рефлексия нижней части.

Да не мог бы он ничего этого сказать. Разбирайтесь с Локком. Я понимаю, что эта моя картинка на много порядков выше и сложнее всего того, что они могли себе представить по поводу процессов познания и обеспечивающих это познание чувственных, интеллектуальных и мыслительных функций. Не было [у них] ничего такого и ничего подобного.

Николай Николаевич: Можно ли так сказать, что мышление имеет дело с предметами, а чувственное восприятие — с объектами?

Нет, я бы так не стал говорить, тем более, что здесь уже выяснено, что здесь надо решать другие вопросы. И я буду говорить об этом

дальше, чтобы вытянуть из этой схемы то гигантское проблемное содержание, которое в ней заложено. Теперь можно начинать работу по развитию психологии на базе этих деятельных схем, можно ее построить, если работать последовательно.

Сиротский: У меня сложилось такое впечатление, когда вы рисовали эту схему, что вы разговаривали в образах, признанных существующей возрастной психологией и тривиальных со времен работ Выготского, потом обсуждений Леонтьева. Мне кажется, что вы ввели эту схему, пользуясь этими представлениями.

Может, кое-что в этом и есть. Хотя это странно. Я говорил в терминах контрарных. Суть дела здесь вот в чем… Эта концепция в ее конкретном приложении была выработана против концепции умственных действий П. Я. Гальперина* — впрямую против — как объяснение их ошибок и заблуждений.

В этом смысле я — «ребенок» факультета[57], и то, что там преподают на кафедре общей психологии, у меня и сформировало это отвращение. Если бы у меня не было постоянного ощущения, что нам всем вешают непрерывно лапшу на уши в соответствии с неспособностью мыслить у преподавателей этой кафедры, то ничего бы этого не было. Я этих людей считаю соучастниками и соавторами этой идеи.

Сиротский: Вы на этой схеме задаете генезис индивидуального чувственного отражения людей. Важно ли это для дальнейшего?

Мне казалось, что я этой схемой с этим покончил. Это ведь странная схема… Она невероятно сложная, она полипредметная в том смысле, что она снимает внутренние структурные взаимосвязи множества разных предметов и снимает массу проблем. Можно было бы сказать, что это схема сущности очень высокого порядка. Исторически это формировалось за счет сложной линии моих последовательных обобщений. Я эту точку зрения все время расширял и генерализовал, и дальше я расскажу, в каких конкретных ситуациях это возникло.

То, что вы переводите это в термины возрастной психологии, — это несуразность. Я ведь утверждаю, что эта схема выбрасывает все эти проблемы в мусорный ящик. То есть если то, что я нарисовал, правдоподобно, то они все эти годы занимаются ничем, поскольку не ухватывают сущности объективных структур и работают на своих диффузных представлениях.

Хромченко: А можем ли мы сказать, что справа у нас абстракция, а слева мы имеем дело с идеализацией?

---

* См. [Щедровицкий, 2004]. *Примеч. ред.*

Можем и так сказать: это одно из возможных продолжений.

Это сущностная схема очень глубокого уровня, она задает принципиальное устройство, как было сказано, «на самом деле», принципиальное в отношении между мышлением, содержанием сознания, чувственным отражением и т. д. Она разнопредметна и схватывает множество предметных представлений и связывает их определенными отношениями и соорганизацией, причем иными, чем были намечены в европейской цивилизации и культуре в предшествующие две с половиной тысячи лет.

А все ваши ошибки в том, что вы берете очень мощную идеализацию, а пытаетесь ее мыслить как топологию комнаты: куда и как переставить… Нельзя этого делать! С этим нельзя работать феноменально. Здесь необходимо, во-первых, взять все эти четыре различения, а во-вторых, через этот квадрат — всю гигантскую историю развития идей. Я ведь не против прочтений Матвея Соломоновича [Хромченко]… Я ведь только за то, чтобы он читал все, что нарисовано, а не фрагменты.

Головняк: Вопрос номер один: что в этой схеме изображено? Это схема чего? Каков объект?

Здесь я должен сказать в противоречие со своими основными постулатами, что эта схема ничего не изображает. Она выражает мое представление в решении проблемы взаимоотношения мышления, умственных действий, чувственного отображения и ассоциаций, живущих в нашем сознании.

Головняк: Вы зацепились за странную парадигму «выражает». Я предполагаю, что вы в ней и работаете.

Нет, я работаю не в «парадигме»… Просто вы должны сделать из того, что я сказал, другой вывод.

Вводя схему «квадрата», я столкнулся с множеством проблем и должен был переосмыслить и переинтерпретировать все понятия, которые работают в семиотике, психологии, логике и т. д. И я эту работу проделал в период с 1954 по 1964 год. И должен был среди прочего определить понятие *замещение* по-новому. Я не могу сказать, что его вообще не было, хотя оно не было таким фундаментальным, каким стало у меня и становится вообще сейчас. Я должен был переосмыслить понятие *выражение*. И я сейчас говорю вам, употребляя эти переработанные термины. И эта схема выражает сущностное решение всего этого круга проблем.

Головняк: Можно ли сказать, что эта схема является комплексированием существовавших знаний и представлений в этом круге проблем?

Не только комплексирования, но и разделения в первую очередь. В этой схеме есть мышление, есть чувственное отражение, которое ортогонально к мышлению, и я прошу это и многое другое вытекающее по логике этой схемы не путать! Различать! И это есть фундаментальные принципы, на которых строит свою работу СМД-подход.

Головняк: Можно сказать, что эта схема — «разборный ящик».

Скорее, это схема, выражающая идею.

Головняк: Есть работа 1958 года «О строении атрибутивного знания», где генетически рассматриваются связи замещения. Можно ли рассматривать эту схему как получившуюся в результате работы?..*

Можно так рассматривать. Хотя здесь более сложное отношение, поскольку этот вариант статьи об атрибутивном знании был написан в 1952 году, и вроде бы я закрепил это как возможное продолжение и сейчас держу до конца атрибутивные знания как метод и способ.

Особенность мышления ММК и моего, в частности, в том, что все понятия, схемы, знания рассматриваются, прежде всего, как *средства* работы, а не как изображения и описания (тоже, но во вторую очередь). Я за этим текстом 1952 года вижу определенный метод и подход. Дальше я его должен осмыслить и довести до предельных форм. Схема «квадрата» является системным выражением того, что было нащупано — не только в этой работе. Затем это отношение оборачивается, становится теоретическим и методологическим обоснованием по продолжению работ по атрибутивному знанию для структурации и отделения псевдопроблем от подлинных проблем.

Головняк: В имманентной логике этой работы правая часть схемы ломается.

Вы правы, но эта работа о строении атрибутивного знания есть работа не законченная, которую я все время продолжаю. Незаконченная она потому, что заложенные туда логические принципы метода оказались недостаточными для выведения всей системы представлений, которые я хотел из этого основания вывести. В этом смысле эта неполнота банальна.

Мы с самого начала знаем, для обоснования каких феноменов эта работа проделывалась. Но тех логических принципов, из которых я исходил, оказалось недостаточно для того, чтобы развернуть исходные схемы на основе заложенных генетических механизмов до того конца, который я держал как то, к чему я иду.

---

* См. [Щедровицкий, 1958–1960]. *Примеч. ред.*

И в последнем, шестом сообщении об атрибутивных знаниях я уперся в то, что мне здесь нужно учитывать рефлексию как механизм, понимание как механизм и строить СМД-рамку как объемлющую для описываемых в серии этих сообщений представлений, предметных структур.

Головняк: Если вы закладывали это по типу метода «клеточки» Маркса[58] *и пытались из этой «клеточки» разворачивать всё, то здесь два варианта: либо вы недоразвернули, либо с какого-то момента этот метод ломается*.

Вы очень точно говорите. Вы — хороший теоретик, и за это я вас люблю. Так оно и есть.

Головняк: Так какой вариант на самом деле реализовался?

Оба. Я же уже на это ответил… Я все время держу альтернативные решения, и когда я уже больше не могу, то говорю: ага, надо отказаться от метода «клеточки». И в тексте диссертации* этот вопрос обсуждается. Либо я не должен отказываться от этого метода, а должен ввести ряд дополнительных процессов и, имея альтернативные варианты, двигаться по всем сразу, поскольку я еще и «бармалей». И это — метод мышления — двигаться по всем сразу и все держать как возможные продолжения.

Головняк: А почему нельзя творчески достроить эту «клеточку» и начать заново разворачивать?

Потому что метод «клеточки» — не изначальная схема, а один из огромного куста совершенно разных методов с совершенно разными исходными схемами. И все, что сделал Маркс в политэкономии, — это ерунда по сравнению с тем, что может быть, что в пробах было уже намечено. И в этом состоит метод работы в СМД-подходе.

Головняк: Поскольку учебника по методу работы в СМД-подходе нет, Маркса я так глубоко не читал, то на мой вопрос «что же отсутствует?» вы не отвечаете…

А что отсутствует? Идея имманентного разворачивания? Это же полипредметная схема, и здесь много процессов. И в силу этого она богаче, чем схема «клеточки», много мощнее. Но вместе с тем возникает масса проблем.

Головняк: А можно сказать, что эта система не проработана?

Конечно. Ведь что такое «с 1960 года»? Ведь это не срок. Она все время прорабатывается. Вопрос в том, куда идти в плане проработки. Ведь это открытый мир. Причем линий этой проработки невероятно много, и на каждую уходит по несколько лет.

---

* См. [Щедровицкий, 2006]. *Примеч. ред.*

Головняк: Что сказал бы Локк, я понял, а вот что сказал бы Поппер по поводу этой схемы, обсуждая свою концепцию трех миров, два из которых сюда хорошо ложатся?

Я вам странным образом отвечу: это схема невероятной гигантской мощности, и в нее ложится практически все, поскольку она под это все и делалась. Но Поппер ничего бы на этот счет сказать не мог. Для этого ему надо было отказаться от попперовской концепции и встать на позицию концепции ММК. И эта схема не для решения вопроса о мирах. Решение этого вопроса тоже заложено в эту схему, но не непосредственно, а в далекой возможности.

Головняк: А вы не могли бы это как-нибудь наметить?

Кое-что попробую, если дойду сегодня. Кое-что, что я понимаю, но это очень немного по сравнению с тем, что в ней заложено.

Николай Николаевич: А не должно ли здесь быть горизонтальной линии раздела?

Нет, здесь ее не должно быть.

Николай Николаевич: Меня интересует вопрос предмета и объекта. На вашей схеме где находится предмет?

Левая часть — это схема предмета.

Николай Николаевич: Нет, где на схеме «квадрата» находится схема «квадрата»?

С некоторым упрощением это надо относить к левому верхнему символу — знак ***(A)***. Но с упрощением. Но вы странным образом трактуете схему: вы как бы освобождаетесь от содержания и смысла. Я все думаю, зачем вам нужен ответ на этот вопрос, но, наверное, нужен.

Головняк: А ведь в левом верхнем углу — не схема, а графическая форма.

Я бы даже сказал: материал формы.

Головняк: Если вопрос точно поставлен про схему, то ответ не точный. Схема не рисуется на этой схеме.

А я так и сказал: не рисуется, но если производить редукцию и ряд упрощений, то можно ответить так. В чем тут сложность? Обратите внимание, каждый символ схемы «квадрата» зажат в целый ряд процессов, и я их ввожу неявно, говоря, что это на самом деле схема разложения и сборки многих различных процессов.

Тогда оказывается, что есть одна связь и процесс непосредственного отражения знаков, связь замещения и отнесения. Теперь я должен их взять вместе, и я получу третий процесс. Есть процесс отражения объекта, причем пока он нарисован неоперационально (а я могу здесь еще и операции пририсовать). Кроме того, я все отношение субъективного к объективному могу выражать как процесс.

Здесь масса таких процессов, и этот тезис о их множественности глубже, чем мы его сейчас понимаем и трактуем. Эта схема невероятных возможностей конструктивной работы.

Головняк: Если брать схему знания, то на вопрос «где нарисована схема знания в схеме знания?» был бы точный ответ без всяких редукций, поскольку схема знания это допускает.*

Я все это понимаю. Но чем вам не нравится вопрос Николая Николаевича?

Головняк: Вопрос мне нравится, а по поводу ответа я фиксирую непонимание. Поскольку вы не ответили на вопрос, что в этой схеме изображено, то стоящего за ней идеального объекта нет, а ответить на вопрос Николая Николаевича без этого ответа нельзя.

На вопрос, что изображено на этой схеме, я не ответил и вообще от этой постановки вопроса уклонился. Вы что спрашиваете? Что на ней актуально изображено или что в ней изображено еще в потенции? И я отвечаю на этот вопрос совершенно другим образом: это схема невероятной мощности, и в потенции на ней изображено все — все мышление с его содержанием, все чувственное отражение со всем его содержанием, вся мыследеятельность с ее возможными содержаниями и взаимосвязь между субъективной и объективной…

Головняк: Георгий Петрович, но я тогда не понимаю: либо вы эту схему рассматриваете как основополагающую, не предполагая ее теоретизации и проблематизации, либо?..

А вот тут у вас неточное выражение. Поскольку вы все-таки, при всем вашем таланте теоретика, мыслите конечными определенными тезисами. Мне нужна достаточно неопределенная схема с разными альтернативными возможностями ее конструктивного развития. Для меня это первоначальная…

Головняк: Приходится различать… Я бы ввел тогда различение теоретической и конструктивно-онтологической работы…

А я бы ввел еще вот что… Каждый раз, когда мы строим схему, перед нами «витает» ее приложение. У меня в сознании «витает» огромное количество приложений. Я должен был снять все предшествующие представления в истории всей философии и методологии и задать схему, которая «снимала» бы в себе всю эту прошлую историю и еще какое-то гигантское развитие методологии, социологии, психологии… бог знает что. И вот эти перспективы, которые для меня в ходе работы очень актуальны, я в сознании держу и собираю.

---

* См. рис. 5, с. 437 наст. изд.

Я знаю процедуру формальной онтологизации и объективации, но не всякая формальная объективация и онтологизация допускает овеществление. Точно так же, как не всякая формальная онтологизация допускает объективацию. Если вы работаете в системной парадигме, то вам надо производить такую онтологизацию, которая бы порождала вам объект, который по платоновской теории существования «может существовать».

В этом смысле эта схема есть схема принципа — принципа разделения и соорганизации. И эта схема существовать не может. В том смысле, что объект, ею выраженный, сам по себе существовать не может.

На мой-то взгляд, вы эту ошибку допустили, Володя. Отнюдь не все, что нарисовано, может быть объективировано. Идеализация есть делаемое. Дальше я могу сделать словесный трюк и сказать, что это есть схема, называемая «квадрат», которая выражает принцип связи мышления, структур отражения, механизмов и содержания познания и связи субъективного и объективного. Это я кладу как полагание. И это есть задание идеального объекта, не допускающее его перевода в реальный объект.

Я ведь материалист диалектический, а это значит, что для меня объективация — это только тогда объективация, когда она меня выводит в платоновский «существующий объект». А это значит, что у меня между функциональной структурой, структурой организованности и процессами должны существовать отношения соответствия и полнота по всем формам представления и по всем планам.

А здесь этого нет. А поэтому я и говорю, что эта схема не изображает ничего. Эта схема выражает идею.

Я ввел эту схему и утверждаю, что на ней я решаю все проблемы, которые стояли. Причем, конечно, обыватель будет смеяться: «Где ж тут решение? Ха-ха!» Как Мамардашвили говорил: «Мне нравится эта методология… Чертят круг, внутри ставят точку и говорят: “Вот это — мир, и мы его изобразили”». Но если я так уверен, что я сумею здесь объяснить определенные классы проблем, которые будет ставить оппонент, то я изобразил…

Головняк: Георгий Петрович предлагает некоторую машинку, и надо теперь смотреть, как и где она будет работать.

Эта схема для меня есть основание построения тех программ теории мышления, которые я себе определил как установку. Имея эту схему, я теперь могу реализовать эти программы, поскольку я нашел это правдоподобное решение проблемы связи и развиваюсь.

Володя, мы разобрались с этим аспектом объективации? Еще есть вопросы? Более того, я могу теперь утверждать, что на этой

схеме, руководствуясь ее конфигурацией, вы будете ставить правильные проблемы.

Теперь я бы перешел к третьей части.

Я наметил некоторые источники и основания появления этой схемы, хотя готовился урывками к этому докладу. Одним из таких оснований было развитие представления об *атрибутивном знании*, и в частности объяснение схемы отношения, или стрелочки, обозначающей интенциональное отношение, идущее от знака к объекту.

Традиционная концепция отражения знает одно отношение — идущее от объекта, воздействующего на органы чувств, к образам. Эта концепция отвергает все интенциональные отношения, то есть идущие от образа к объекту. И мне это с самого начала не нравилось. Поэтому в работах в начале 60-х годов, а это цикл работ, посвященных объяснению происхождения знака, в этой традиционной концепции я должен был бы доводить знак из чувственных образов.

Я прежде всего постарался отказаться вот от этого объекта как идущего в направлении стрелочки [к знаку] и должен был задать обратное отношение — от знака к объекту или от образа к объекту. И в докладе 1955 года по программе развития содержательно-генетической логики я прежде всего утверждал равнозначность и равносильность связи и отношений как от знака к объекту, так и от объекта к знаку. Точнее, я даже настаивал на том, что отношения или связи, идущие от знака или любого другого образа к объекту и содержанию, должны играть ведущую роль.

Теперь я смотрю на это иначе: сегодня я уже понимаю, что в этой схеме «квадрата» отсутствует целый ряд тех процессов и функций, которые бы сделали эту схему полной и ее изображение даже «клеточками». В частности, здесь отсутствует рефлексия. Из этой схемы среди прочего вытекает необходимость рефлексии, то есть такого отражения, которое сопоставляет объект с замещающими знаками и знак с замещающими его объектами и будет разворачиваться поверх этой группы отношений и связей замещения.

Головняк: А нельзя ли здесь сказать, что вы рефлексию в этой схеме практически «сняли» в тех процессах, которые изображены вертикальными стрелочками слева: отнесения и замещения.

Да, «снял», но за счет редукции.

Головняк: А что именно *редуцировалось*?

Рефлексию я элиминировал. Я «снял» по содержанию, оставив вопрос о механизме осуществления. Основная претензия к этой схеме в том, что она принципиальная и без механизмов, потому она не может быть и объективирована до конца. Следовательно, то, что

здесь изображено, — рефлексивный принцип разделения и комбинирования — не задает механизма.

Итак, было утверждение значимости отношений и связей, идущих от замещающего знака к объекту и содержанию, придание им по крайней мере такой же роли, как и связям, идущим от объекта к знаку. Это же и относилось к постановке вопроса: что первично? что ведет? И в 1955 году я был уже убежден, что ведет *знак*, что он есть центр всего, разрывая тогда с ведущими психологическими направлениями, такими как концепция Ж. Пиаже. И хотя Л. С. Выготский меня здесь устраивал с его особым интересом к знаку, но в силу психологической и несемиотической трактовки концепции Выготского его ведущими учениками я должен был тогда отталкиваться от этой концепции. Поскольку для меня тезис об отношении, идущем от знака к объекту и к некоторому содержанию, был крайне важен и принципиален.

Более того, в этом докладе 1955 года я задал фактически деятельность *имитации*, поскольку утверждал, что человек познает и люди вообще познают в меру того, как они имитируют реальность в своей работе со знаками. Это, если хотите, был первый заход к разработке *концепции игры*. И именно тогда же, в 1955 году, это рассматривалось в концепции игры и имитации.

Головняк: Я бы хотел здесь прояснить один момент. Люди познают в силу того, как они имитируют реальность и работают со знаками. Это, с одной стороны…

В той мере, как они для себя конструируют знаковый мир, который они ставят между собой и познаваемым миром.

Головняк: Такая формулировка меня тоже устраивает, но есть тезис о различии формального и содержательного в генетической логике… Так что параллелизма здесь нет и быть не может.*

Я к нему еще перейду, так как это один из проблемных пунктов.

Хромченко: (неразборчиво).

Есть конечно, но это новый результат, я это додумал сейчас, при подготовке к этому докладу. Тогда я ничего этого не понимал. И так правильно и резко вопроса не ставил, как вы сейчас. И поскольку он должен быть поставлен, то ответ на него тоже уже предрешен.

Второй момент, очень важный. Основные идеи статьи 1957 года «“Языковое мышление” и его анализ»** сформировались уже

---

* См., например, [Щедровицкий, Алексеев, Костеловский, 1960–1961; Щедровицкий, 1962]. *Примеч. ред.*

** См. [Щедровицкий, 1957]. *Примеч. ред.*

в 1952–1953 году при написании диплома, и я тогда уже понимал значимость тезиса, который лежит в основании этой статьи. Тезис следующий: мышление — это работа со знаками, и знаки должны нести по крайней мере три функции: функцию отражения, функцию экспрессии, или выражения, а третья… А третью я забыл, но твердо помнил, что их должно быть три.

Табачникова: Коммуникации.

2. [Основания системомыследеятельностного подхода. Смысл и границы деятельностного подхода]

Итак, основная мысль моего прошлого доклада (хотя она все время шла неявно) сегодня уже может быть сформулирована так: методологические и мировоззренческие принципы, скрытые в схеме «квадрата» (см. рис. 1а), значительно глубже и по своему непосредственному смыслу, и по своим следствиям, чем это видно на первый взгляд.

И вроде бы в прошлый раз Пётр [Щедровицкий] об этом меня впрямую спрашивал и получил соответствующий ответ, но я сегодня произвожу парадигматическое обсуждение этой схемы, чтобы выявить ее основной смысл и содержание, которые не так видны и не так бросаются в глаза, как хотелось бы.

И нам еще предстоит очень долгое парадигматическое обсуждение этой схемы, чтобы вытащить из нее все те представления, которые лежат в основании СМД-подхода. Но при этом эти представления в принципы и положения самого СМД-подхода не входят, а лежат далеко за его пределами и представляют собой такую «космологическую» (я употребляю здесь термин греческой философии) базу, которая как таковая в общем независима от СМД-подхода и решает не вопросы СМД-представления, или представления систем мыследеятельности, а задает действительно основания СМД-подхода в широкой, глубокой и далекой традиции, то есть проводится в терминах предшествующей философии.

На прошлом докладе я утверждал, на мой взгляд, очень важный момент, но, обдумывая это потом, я понял, что все равно это прозвучало под сурдинку и, следовательно, требует еще повторения и воспроизведения. А именно: что левое отношение в схеме «квадрата», а именно — отношение и связь замещения образуют основное ядро, которое было выделено ММК, причем формы выделения и фиксации этого основного конституирующего отношения и связи были разными на разных этапах развития ММК.

И первоначально (на что указывал в прошлый раз Пётр [Щедровицкий]) это отношение замещения выступало как основание и база для прорисовки *схемы знания*. И тогда эта левая часть в тех абстракциях, или отвлечениях от других частей этой схемы «квадрата», ложилась в основание трактовки знания. После 1960 года это отношение замещения и эта же связь ложится в основание деятельностного представления и деятельностного подхода.

На нынешнем этапе это все конкретизируется и детализируется в *схеме мыследеятельности* с ее превалирующей ролью *мысли-коммуникации* и выводит нас на проблему, которую подчеркивал Матвей Соломонович [Хромченко] в прошлый раз, а именно: проблему соотношения сигнала и знака или перевода сигнала в знак и ухода от сигнальных функций, которые до сих пор эксплуатировались в различных направлениях философии, психологии, включая и семиотические направления разного рода: семиотической философии (как это было у Э. Кассирера), психосемиотики, которую разрабатывает профессор Гамезо.

И сейчас в этом обсуждении эта схема рассматривается мной в том контексте, который я назвал условно «космологическим», чем хотел подчеркнуть, что это выход за пределы собственно СМД-представлений. Я бы мог с таким же успехом сказать «в гносеологическом контексте», но мне это слово претит, и поэтому его лучше всуе не употреблять.

Я уже говорил в прошлый раз, что именно это отношение *замещения* образует, с одной стороны, объективное основание и ядро *теории познания*; с другой стороны, основание, ядро *мышления*, а также содержание мыслительно организованных видов и форм *восприятия*.

Мы с вами эту терминологическую тонкость в прошлый раз обсуждали. И это был первый тезис, который я отстаивал в прошлый раз.

Карнозова: В левой части схемы есть как связь замещения, так и связь отнесения. И все, что вы говорили, касается обеих этих связей?

Да. Поскольку само отношение и связь замещения включает эту компоненту — собственно замещения знаком — и обратную связь отнесения. Точнее, только вместе эти два отношения образуют связь.

Этот первый пункт требует еще комментариев, значимость которых мне стала понятна в последнюю неделю. И сегодня я эти принципы сформулировал таким образом: преувеличение роли *деятельностного подхода* и деятельностных представлений есть не меньшая

ошибка, чем недоучет деятельностных представлений. И эту вторую часть — преувеличение роли деятельностного подхода — я и хочу сейчас выделить и обсудить. Поскольку это проявляется всюду. Я назову те ситуации, где это становится очевидным.

Но предварительно — комментарий. Я полагаю, что мы в развитии наших представлений сегодня вышли уже к такому моменту, когда можем реально и объективно оценить роль, смысл и границы возможного применения деятельностного подхода, а следовательно, как-то уравновесить наши методологические представления.

В силу самого уравновешивания СМД-подход становится куда более сложным и требующим филигранной работы с ним. А это при всем известной лени и безответственности методологов само по себе сложное дело. Но достаточно это проявилось в общем уже на Игре-50 в Красноярске[59] в том смешении деятельности и истории, которое демонстрировали все методологи и игротехники, проводившие эту игру.

Это в полной мере должно быть отнесено и ко мне, поскольку я эту сторону дела начал понимать по-настоящему только на этой Игре-50, за что я очень благодарен моим друзьям методологам. Может быть, если бы они меня тогда не оставили «падать» одного, то я этого бы никогда и не понял. Но я это понял, и я стал пересматривать свое поведение и свои действия за всю свою сознательную жизнь.

И я впервые начал понимать, почему меня так ненавидит московская интеллигенция. Я бы мог сказать, что я в своем преувеличении роли деятельностного подхода этой ненависти заслуживаю. Ибо они задают вопрос: как это я такой простой вещи не понимаю — далеко не всего можно достигать с помощью деятельности, есть масса вещей, которые делает история и только история?

Сам по себе этот принцип не нов: я бы мог назвать массу докладов, начиная с 50-х годов, и в особенности в 60-е — начале 70-х годов, я это все очень деятельно обсуждал. Но буквально вчера, работая с сотрудниками МНТК «ГЕОС»[60], я был вынужден сформулировать такую, для меня самого 50–60-х годов несуразную вещь: что, например, изучение минеральных ресурсов страны не может быть деятельностью, а есть *исторический процесс*.

А поэтому, когда перед методологической группой МНТК «ГЕОС» ставится задача разработать общую методологическую схему работы МНТК для того, чтобы это МНТК могло организовывать автоматизированную информационную службу по созданию единой геосистемы в стране, то мы не можем эту самую службу и процесс изучения минеральных ресурсов, тем более территории или

еще чего-то, рассматривать как деятельность, а вынуждены рассматривать изучение как сложную совокупность пересекающихся между собой процессов и обсуждать специально вопросы их состыковки.

Иванов Д. А.: Процессов деятельности?

Нет, просто процессов. Хотя, может быть, в частности и деятельностных процессов.

Мы были близки к этому тезису уже в Играх–35, 36[61], когда мы поверх схемы акта действия начертили 45 или 50 процессов. Мы обсуждали это в НИИПИ[62] во время доклада Д. Б. Зильбермана о стратегиях научно-технического развития, когда О. И. Генисаретский различал первичные и вторичные процессы в деятельности.

Я бы называл еще много таких случаев, когда мы выходили на эту проблематику и так или иначе фиксировали ее, даже обсуждали и понимали очень важные, принципиальные вещи, которые не понимали другие исследователи. Но вот так остро и жестко, как я теперь вынужден это фиксировать, я понял это вчера: что даже наша такая собственная деятельность, как исследование, не может описываться категориальной парадигмой деятельности.

К исследованию я бы еще добавил и получение знаний и информации… А автоматизаторы сразу мне сказали: «Так что, и банки данных не есть результат деятельности?» Что касается банков данных, они-то точно не есть результат деятельности, а результат естественно-исторического процесса, то есть сплошного, хаотического движения. Вот с такой остротой, как сейчас, я этого никогда не понимал.

В 1965 году у меня был длинный цикл дискуссий (к сожалению, он в своей основной части пропал) трех человек (Лефевр, Юдин и я) по поводу исторического процесса и методов его анализа. Но там решалась обратная задача: исторический процесс надо было представить деятельностно. А вчера я столкнулся с совершенно другим: оказывается, как это сказал Ванюшин, мы должны описать геологическую мыследеятельность, чтобы потом реализовать это в МНТК.

Но оказывается, что для того, чтобы описать геологическую мыследеятельность (и это в равной мере относится к любой сфере деятельности), надо вначале уйти от деятельностных парадигм и начинать описывать изучение Земли как естественно-исторический полипроцесс. И вроде бы это первая категориальная парадигма, которая позволяет продвигаться дальше. В ходе этого продвижения, Дмитрий Андреевич, встанет этот вопрос как важнейший: какие из этих процессов деятельностные, а какие естественно-исторические?

И в зависимости от того, как мы будем отвечать на ваш вопрос по поводу каждого из перечисленных нами процессов, мы будем выходить на конкретный анализ и разработку.

Иванов: Можно ли так понять, что некоторые процессы будут описываться с деятельностных позиций, а другие будут описываться в естественно-научной парадигме, то есть натуралистически?

Так точно. И дальше я буду это обсуждать. И при этом они не лежат рядом, и надо будет еще обсуждать вопрос, что поверх чего кладется. И там будут вторичные, третичные и всякие другие наслоения. Но первоначально мы должны произвести разборку, пользуясь простой аристотелевской категорией сущности, задавая вопрос: в чем сущность этого процесса? И тогда оказывается, что изучение, исследование тоже суть естественно-исторические процессы, хотя мы их все время пытаемся артифицировать. Но они, будучи оискусствляемыми, сами по себе не искусственные и не естественные, они — исторические.

Иванов: Но тогда все — историческое, а мы просто производим акцию оискусствления. А ведь можем и не производить?

О! Мы осуществляем акцию артификации, мы можем сделать эти процессы в их сути деятельностными, если сможем. Но, как правило, это не удается.

И в этом месте (я должен это подчеркнуть) мы с вами возвращаемся к исходным теоретическим принципам марксизма, хотя стараемся уйти назад от практики «марксистского строительства», поскольку то, что мы сейчас имеем в стране, есть результат этой антиисторической практики. И в этом смысле Маркс за нее ответственности совсем не несет. Он как раз стоял на другой теоретической позиции и предупреждал, что этого ничего нельзя делать. А вот когда мы производим такую артификацию, не зная границ и меры, мы всегда получаем по лбу.

И я это в полной мере отношу к нашим прошлым методологическим изысканиям. Я могу это оправдывать тем, что нам надо было осуществить этот перевод в деятельностный или мыследеятельностный план, и вроде бы исторически это оправданно и это нужно делать каждый раз, когда мы ставим своей задачей артификацию, причем не важно, в какой форме — в оргуправленческой форме, в виде оргтехнических систем, методологизации, автоматизации и других таких артифицированных работ.

Но при этом не нужно терять здравого смысла и понимать, что эти процессы — *исторические*. А что это для меня означает? Что они должны рассматриваться в абстрактной системной парадигме. И только во фрагментах или в рефлексивном метаотношении

можно выходить на деятельность и задавать деятельностные представления.

Громыко: Георгий Петрович, можно ли назвать здесь те процессы, которые вы обсуждаете, не историческими, а эволюционными?

Прекрасно. Поскольку в истории главный процесс — это *эволюция*. Поэтому, когда я говорю «исторические», я не беру на себя определенности, которую берете вы, говоря об эволюционности.

Громыко: Но здесь есть другой момент, очень важный и накладывающий определенные требования, а именно требования, связанные с выходом в исторический универсум. Не все эти хаотические процессы туда входят.

Целиком согласен. Назовите их «эволюционными» и будьте более точным. Мы, следовательно, захватываем и Бергсона.

Громыко: Я сейчас, продумывая психологию, вынужден обсуждать сходные вопросы. И анализируя работы, в частности [Д. И.] Дубровского, я вижу, что там категория деятельности сыграла одну очень интересную роль в определении объекта психологического исследования.

Вы хотите сказать «отрицательную»?

Громыко: Отрицательную.

Поскольку оценка положительного/отрицательного очень сложна и требует конкретного анализа, я бы сейчас не рискнул оценивать это. Но чтобы не было недоразумений, я бы сказал, что выход в деятельностный план в 60–70-е годы и даже сейчас, в 80-е годы, был благотворным, с моей точки зрения. Поскольку все хорошо на своем месте.

Громыко: Обсуждая эти исторические, или эволюционные, процессы, вы будете углубляться в обсуждение того, что эти процессы не делает деятельностными?

Это делается при решении вопроса, в какой категориальной парадигме все это прорабатывать.

Головняк: Вот Юра [Громыко] вопросы задает, а я попытался сформулировать, что же я не понимаю. Получается странная вещь: раньше мы вроде бы говорили, что системные категории — процесс, функция, структура, морфология и т. д. — в онтологической функции использовать нельзя. А тут получается, что вы вводите такую странную метафизику, которая строится на этих категориальных основаниях, рассматриваете сначала на этой метафизике, а потом разводите это в историческую сущность, а это — в деятельностную.

Вы правы, Володя, и, как всегда, очень глубоко копаете. Причем даже не важно, правы вы или нет, вы глубоко копаете, а это

самое важное. Но мы же с вами на прошлом докладе получили один очень важный результат, а именно: есть такая онтология — *онтология средств*. И этот вывод все меняет и все переворачивает. Хотя то, что вы сейчас зафиксировали, не тождественно заданию онтологии средств. Но возможность выкладывать онтологию средств дает мне возможность сделать такой ход, который вы сейчас обозначили, а потом ставить вопрос: а что это за онтология такая?

Головняк: Очень странно получается: сначала объявляем средства онтологическими, онтологию средств выкладываем, а потом средства убираем и начинаем использовать то, что выложили, уже по функциям настоящей онтологии. Это промежуточная какая-то недоонтология…

О! И в этом смысл дела. Но она уже онтология, поскольку мы ее как онтологию используем. И я получил для себя такую возможность и начинаю это выжимать…

Хотя были очень интересные обсуждения в начале 70-х годов… При обсуждении методологии, методологического мышления, методологической работы этот вопрос точно так же встал — в первую очередь в связи с дискуссиями с О. И. Генисаретским и В. Я. Дубровским. Причем они проблематизировали мои утверждения с разных сторон: Дубровский, например, с точки зрения роли категории системы в объективации.

И этот вопрос до сих пор остается. Я тогда пытался решить проблему, которая была нащупана за счет анализа взаимоотношения между деятельностными и системными представлениями. И построил там схему, которая меня долгое время удовлетворяла, а именно: что категория системы, будучи второй по отношению к деятельностным представлениям, задает сами процедуры онтологизации, объективации и т. д. Но поскольку эта очень принципиальная и глубокая мысль осталась недоработанной, она не развита дальше.

Те, кто участвовал там, работают на этом. Пётр [Щедровицкий] работает на этом, поскольку он читает и знает историю, а остальные ничего не читают и проблематики такой перед ними не стоит. Реально это обсуждалось: что может онтологизироваться, а что нет.

Головняк: А в продолжение этого вопроса было запущено то направление, которое мы сейчас называем «деятельностным подходом»?

Да, в тех его употреблениях, которые у нас сейчас приняты. Вы вроде бы возвращаете нас к этому вопросу и намекаете или требуете нового пересмотра этого. Совершенно справедливо.

Головняк: И если сейчас дать другой ответ на этот вопрос, то надо пересматривать основания системного подхода и всей программы, которая за ним стоит.

Правильно. Вы очень точно говорите. Но это совершенно не значит, что я целиком становлюсь на ту позитивную часть утверждения, которая содержалась в вашем вопросе.

Я проблематизирую и рассматриваю некоторые возможности. Я теперь могу по-новому решать вопрос с системным подходом и задавать как бы абстрактно-системную онтологию; могу оставаться в рамках средствиальной онтологии, и тогда мне не надо искать предметизаций и соответствующих квазипредметных объективаций: я нечто объективирую как средство.

Я теперь могу делать то, что вы обсуждали в своем вопросе о «недоонтологии, но уже онтологии», когда я зафиксировал онтологически некоторое средство, потом стираю границы такого средствиального употребления этой специфической онтологии и рассматриваю ее как онтологию вообще, и затем могу искать под нее предметизации и другие направления объективации.

Я могу эту системную парадигматику, категориальную, по сути дела, накладывать на какие-то предметные онтологии и менять их. Я могу создавать, как делает Непомнящая (о чем говорил Юра [Громыко]), системно-психологический подход и вводить такую системно-психологическую онтологию. И, в принципе, это можно делать, если найдется такой человек, который придумает разумную системную психологическую онтологию. Непомнящей и Дубровскому это не удалось. И дело не в том, что есть принципиальный запрет на возможность такого движения. *Им* не удалось. Почему — это надо обсуждать.

Короче говоря, я могу двигаться здесь в самых разных направлениях и искать решение, которое разумно. Но, как вы понимаете, я-то обсуждаю сейчас схему «квадрата»…

Головняк: Если принимать тот вариант, который я обсуждаю, то есть онтологизацию системной парадигмы, то получается, что на вопрос Юры [Громыко] «чем они не деятельностные?» приходится отвечать, поскольку появляется доска, на которую их можно класть как рядоположенные и смотреть: что из чего. Отвечать приходится на этот вопрос.

Не всегда торопиться с ответом — это правильная стратегия. У нас ведь до сих пор остался нерешенным вопрос об отношениях между онтологиями и категориями. И хотя он неоднократно обсуждался и предлагались различные, в общем довольно осмысленные решения этой проблемы (причем Дубровский утверждал свое решение, Генисаретский — свое, я придерживался третьего, понимая, что у Лефевра было четвертое, а у Юдина — пятое), я хочу подчеркнуть невероятно принципиальную методологическую значимость этого вопроса.

Громыко: Но ведь при этом, даже создавая инструментальную онтологию, вы процессы инструментализации и онтологизации все равно различаете?

Да, конечно. Хотя грань между ними стираю.

Громыко: Тоже понятно. И таким образом вы для себя еще создаете возможность постоянно ставить вопросы: это недоонтология или онтология? То есть углубляться в вопросы самой онтологизации и инструментализации?

Конечно, ведь мне нужна свобода в работе. И я себе такую свободу приобретаю. А что там получается, давайте посмотрим, как работает.

«Жена Цезаря выше подозрения». Я бы перефразировал: «Настоящий исследователь выше логики». Это не значит, что он может нарушать логические правила и делать логические ошибки. Но это значит, что, если логика ему мешает, он вполне может от нее отказаться, то есть сделать новую логику. При этом неизвестно: то ли мы сначала делаем новую логику, потом исследуем, то ли мы сначала исследуем, а логику делаем потом, при изложении результатов и хода исследования.

Но поскольку эта проблема в общем еще не была поставлена и решена, она и сейчас дает о себе знать. И реально вы, Володя, задаете вопросы сюда. А я добиваюсь некоторой ситуативной свободы. А перед вами ставлю проблему. Юра ее уже понял. Причем проблему-то одну из самых значимых. Поэтому, если у кого голова работает, хорошо бы ее атаковать.

Громыко: Для меня связалось то, что обсуждал Георгий Петрович и Володя [Головняк]. Весь вопрос в дальнейших употреблениях и способах анализа употреблений, в том числе и недоонтологий. Их удается употреблять чисто онтологически или, скажем, они требуют каждый раз средствиального анализа?

Спасибо, вы подсказали решение. Ладно, я задал средствиальную онтологию. Но — онтологию. Она у меня теперь работает за границами средств как предметная онтология, мировая или космологическая… Что меня будет удерживать? Я работаю, получаю новые результаты. А то, что я при этом нарушил запреты на ее употребления… Ну, пускай меня потомство ругает.

Головняк: Но я обсуждаю следующий шаг, когда запрет нарушен и работа идет с этим средствиальным образованием…

Не средствиальным. Я работаю с ней как с онтологией.

Громыко: Я только забочусь об анализе употребления, не провожу логическую компоненту…

Головняк: Этого я не понимаю. Я обсуждаю следующий шаг, когда работа пошла с этим странными образованием. Дальше, на следующем уровне, возникает вопрос о логической или понятийной сборке.

Здесь самый главный момент: так какой же — понятийной или логической?

Головняк: *Я бы в вашем стиле ответил: и той и другой, а может быть, и еще какой-то, обеспечивающей понимание и структурированность наших средств*.

Я согласен, но меня занимает вопрос: логической или понятийной? И то, что говорит Юра [Громыко]: не надо здесь логическую проработку делать. А понятийную обязательно надо. И я дальше это и покажу, и покажу, как это интересно оборачивается на ситуации. Я думаю, что даже невозмутимый Сережа Попов скажет: «Ого!» и начнет работать.

Головняк: Я только не понимаю, почему вы в этом многовариантном подходе резко хватаетесь за понятийное, а логическое отодвигаете.

Чихал я на логическое, если работа идет и есть продвижение. А без понятийной я ничего не могу сделать. Я это сейчас и продемонстрирую.

История ММК, по крайней мере семинары, есть история такой работы в ориентации на понятийную организацию. Два раза я пытался строго держаться за логические принципы, и мои ученики, в частности Сазонов, до сих пор это мне вспоминают как самые страшные мои преступления. И даже считают количество лет, на которое я задержал развитие ММК в своей привязанности к логике. Все точно. Задержал, ориентируясь на логику, а не на предметное содержание и идеи. Я ведь что говорю: идею надо всегда подхватывать, какой бы несуразной она ни казалась с логической точки зрения.

Головняк: Но чтобы подхватить и развить идею, ее же надо за что-то зацепить. Весь вопрос дальше в обобществлении этого вашего средства, как его передать будущим поколениям. Вы тогда отказываетесь от логического канала передачи и формируете какой-то странный понятийный канал передачи. Можно ли понятия передавать вообще таким образом?

В этом смысле выступление Петра [Щедровицкого] здесь в прошлый раз было очень интересным. Он говорил: «Если я правильно понял, ты сейчас производишь парадигматизацию схемы “квадрата”». И я вам в этом духе отвечаю: да, вроде бы это все пойдет при парадигматизации. Такую парадигматизирующую проработку надо делать и там вы целиком правы.

Но одно из двух: либо я работаю дальше, либо делаю парадигматизацию. И я всегда говорил: с парадигматизацией не надо спешить. А пока работается — работай.

Громыко: Хотя если все, что сказал Володя [Головняк], оборачивать на схему «квадрата», то это предполагает, что схема «квадрата» должна быть онтологизирована как некоторое средство, и потом эти возможности, которые получаются в результате такой онтологизации, должны быть парадигматизированы.

Головняк: То есть Юра [Громыко] говорит: вот вам, ребята, по экземпляру схемы «квадрата» и в разные области. А там посмотрим, что получится.

Если пойдет работа. И эти 27 лет мы так и делали.

И когда Юра [Громыко] мне задает вопрос о том, почему я вернулся к схеме «квадрата», я отвечаю очень просто: а мне до сих пор схемы «квадрата» хватало. А теперь я собрался уходить на пенсию и дорабатывать то, что сделано. Я теперь не рвусь вперед… У меня так много молодых и умных, а мне надо доделать и привести в порядок то, что сделано.

С другой стороны, именно потому, что у меня уже есть установка на парадигматизацию, мне не хватает проработки всех этих деталей и логической организации. И я, начиная парадигматизацию, углубляю схему «квадрата». И при таком систематическом, медленном обсуждении я начинаю видеть многое такое, чего я не понимал и не видел 20 лет назад.

Но, с другой стороны, мы так бежали вперед и делали открытия. И это было за счет отсутствия парадигматизации. А теперь давайте парадигматизировать и делать открытия на базе парадигматизации.

Головняк: Я получил ответ на свой старый вопрос: почему методологи статей не пишут? Тут оказывается принципиальная установка: сначала бежим, бежим, а потом пишем. Если успеваем.

У меня — да. Но это из-за того, что я жил и работал в ненормальных условиях. И анализ моего поколения показывает, что практически никто не нашел способа выйти из этих условий. А про себя я очень самоуверенно думаю, что я нашел: работал, бежал, получил результаты, выжил, есть ученики и люди со мной работают. А кому это еще удалось? И это потому, что я не делал лишнего. И в этом смысле меня мои ученики все время спрашивают: «Почему ты не пишешь книжки?», и я им отвечаю: «Ребята, вы — писатели, пишите, а мне работать и думать надо».

Громыко: Георгий Петрович, продумывая ваш доклад и один из вопросов, который вы задали в прошлый раз об отношении схемы «квадрата» и схемы мыследеятельности, я пришел к выводу, что

важнейшим моментом в анализе этого отношения является вопрос о процессах индивидуализации и коллективизации при передаче средств. Параллельно с субъективацией и объективацией.

Согласен, что это один из важных вопросов. Я записал себе еще пять примерно такой же значимости.

Громыко: Первый ваш вопрос по поводу границ деятельностного подхода…

Это дело истории.

Громыко: И еще: здесь, видимо, будут принципиально различаться акторный и процессуальный анализ.

Здесь гигантский комплекс вопросов, которые в схеме «квадрата» реально содержались, но в силу отсутствия парадигматизации никогда не додумывались. Еще немного, и мы методологические основания психологии извлечем.

Хромченко: Можно ли говорить о «геологической мыследеятельности»?

Самое главное здесь то, что сказав «геологическая мыследеятельность», Ванюшин должен ее на единицы раскладывать. Причем мыследеятельность в единицы одним образом раскладывается, а при использовании абстрактной системной парадигмы мы другие единицы задаем. И для Валерия Анатольевича и его товарищей это было невероятно трудно, начиная с того, что они спрашивали: «А что это значит, что геологическая мыследеятельность определена как изучение минеральных ресурсов? Зачем?» Я понимаю, здесь обе части нужны: и геологическая мыследеятельность, и сведение этого к изучению минеральных ресурсов.

Хромченко: Для меня мыследеятельность — это всегда организованное, а потому противостоящее хаотическому, а потому историческому.

Да. И поэтому для нас не годится, не соответствует реальности.

Громыко: Наверное, может быть поставлен вопрос и о границах применения деятельностного подхода к мышлению?

Естественно. Я это и обсуждаю сейчас.

Итак, готовясь к этому докладу, я вдруг понял, что схема «квадрата» тоже фиксирует исторически существующий полипроцесс, то есть не деятельностный объект. Она есть, по сути дела, преддеятельностное основание СМД-подхода. Это я зафиксировал в прошлый раз, а сейчас нужно вывести из этого необходимые следствия.

И тогда я вынужден отвечать на вопрос: что же мне фиксирует схема «квадрата», но не в плане предметной онтологии, а в плане

принципов категоризации? И тут выясняется, что то, что я должен говорить по поводу этой схемы, нами уже было проиграно по поводу объектов совершенно другого рода. А именно тех, которые мы обсуждали в ЦНИИпроекте[63] и, в частности, на конференции по техно-природным и деятельностно-природным объектам.

И я еще раз вспомнил тезис, который произнес в прошлый раз всуе, а именно: что схема «квадрата» демонстрирует для нас особый *деятельностно-природный объект*. А следовательно, я отвечаю на ваши вопросы очень странным образом. И вспоминаю историю, когда В. А. Лефевр тоже (как и Юра Громыко) вернулся после двухгодичного пребывания в армии с очень большой личностной самостью. Он так в себе эту личность развил, что дальше всеобщая борьба против его личности не увенчалась успехом.

Громыко: Последний трюк, который вы делаете, требует специальных размышлений. Получается, что кружок всю свою историю проблему техно-природного объекта и отношения деятельностных систем к природным, а также всю естественную методологию и обсуждал.

Конечно. Я думал, что вы это и так знаете.

Когда Лефевр вернулся из армии, он привез мне такого монстра, который назывался «киброид», то есть единство человека и вычислительной машины. И дальше года три проходило в борьбе с этим «киброидом». Но сказать, что схемы искусственного и естественного родились из этого…

Я не фокусник, Юрий Вячеславович, это история ММК была такой удивительной. Поскольку ММК представлял собой ряд «проточных канав» с несколькими входами. И он собирал всегда самых интересных людей из России и прилежащих областей.

Но теперь я говорю, что за схемой «квадрата» стоит онтология деятельностно-природных объектов и систем определенного типа.

Вчера мне морочили голову по поводу публикации в газете о том, что итальянцы выбрали новый путь компьютеризации: они будут создавать компьютеры не на железках, а за счет сращивания с самими итальянцами. На что я ответил: «Ребята, читая газеты, надо иметь свою точку зрения, а кроме того, ценности и принципы. Помните, что техническая евгеника запрещена. А поэтому заниматься этим можно только в той форме, в которой занимаюсь этим я, а именно: соединять людей с культурой. Это и есть создание вашего “киброидального гомункулюса”, только в разрешенных формах».

Хотя у Лема такой роман был[64], где решается вопрос: что ценнее — накопленная культура или дети? кого спасать в первую оче-

редь? И автор решает этот вопрос в пользу людей. Надо сказать, что первобытные люди решали этот вопрос иначе.

Итак, вроде бы схема «квадрата» задавала нам определенный тип природно-деятельностной системы. И эта система и привела к появлению человечества. Причем схема «квадрата» есть чистый абстрактный принцип, или суть идеи, а не изображение системы, способной к естественным процессам и жизни. И обсуждать эту схему нужно с точки зрения идеологии деятельностно-природных систем. И я бы сказал, что человек является человеком в той мере, в которой он имеет такую систему, в которой происходит сращивание отношения замещения с его обезьяньими, животными возможностями и, в частности, с его головой, мозгом, сознанием и т. д.

Но сознание появляется несколько позднее, а пока есть простое восприятие. Таким образом, это есть некоторое абстрактное основание, с одной стороны, для анализа человека, с другой — для анализа человечества. В сути своей эти два момента сходятся. И вроде бы я шаг, необходимый для методологических оснований психологии, сделал. Но это — отдельный кусочек, своего рода преамбула к дальнейшему, более конкретному обсуждению.

Что вы, Володя, хотите сказать здесь?

Головняк: Когда вы нарисовали эту схему, я подумал: ну вот, мы проблему автоматизации будем решать уже исходя из методологических оснований. И человеко-компьютерный эксперимент тоже не просто так самостийно будет обсуждаться, а исходя из некоторых оснований. Второе. Когда я представлял себе, как вы будете рассуждать на этой схеме, я видел несколько другой путь, именно: можно ее раскладывать как естественно-искусственную систему в потенции, опрокидывая ее на понятие истории. И стал обсуждать, почему бы не рассматривать на этой схеме всю деятельностную проблематику как искусственную и направленную на артификацию и историческую как естественную и как эту схему для этого перерисовать и что с ней дальше делать.

Все понятно. И кое-что из этого я дальше буду делать. Но в смысле принципиальной постановки вопроса я до того, что вы сказали, не дошел.

Головняк: Можно еще обсуждать возможные направления развертывания этой схемы как графической формы. Например, если слева начинать пририсовывать еще одно вертикальное отношение и задавать еще один ряд горизонтальных связей, то получится такая схема-монстр. Можно рассматривать то ли как три вертикальных связки, то ли как две левых отдельно. И обсуждать историческое, его переход в деятельностное и, скажем, психологическое.

Точно. Красивая мысль. И вы должны развить это здесь по возвращении из Харькова. В Харькове должна быть невероятно интересная игра, поскольку мы должны решить проблему эксперимента[65].

Громыко: В связи с тем, как вы краем стали обсуждать основания психологии, получается, что человек — это существо, которое все время пытается бороться с естественно-эволюционными процессами. И в основном все усилия по артификации направлены на это.

Да, человек живет мыслью и деятельностью. Но отнюдь не все люди живут мыслью и деятельностью.

Я до сих пор ошарашен тезисом Петра [Щедровицкого] в среду: «В кинематографе есть все. Не только концепция Дзиги Вертова». Поэтому я бы тоже сказал: в людях существует все. Есть люди мыслящие, есть люди деятельностные, есть люди живущие. Все хороши.

Головняк: Почему вы альтернативную точку зрения не рассматриваете: что человек такое существо, что он с артификацией сражается не на жизнь, а на смерть.

Громыко: С моей точки зрения, за счет борьбы с естественными процессами происходит и освобождение от артификации. Поскольку артификацию приходится все время преодолевать и определять ее границы и место.

Проблема очень важная и интересная, но я бы придал ей другую форму. Я ведь логик и методолог и никуда от этого не могу уйти. И поэтому я делаю другой вывод: ведь оказывается, что эта схема «квадрата» *не допускает* деятельностного или мыследеятельностного подхода.

Громыко: Тогда получается, что ее нельзя деятельностно использовать.

И не надо. Промысливать ее можно, а вот действовать по ней нельзя. Но для меня здесь важно другое. Когда мы начинаем обсуждать эту схему, то деятельностный или мыследеятельностный подход в приложении ко всей этой схеме как к целому оказывается неадекватным, дефициентным и недостаточным.

Итак, схема «квадрата» есть такая схема объекта, или предмета, в этой предметизующей, или объективирующей, интенции, по отношению к которому *деятельностный подход* в чистом виде оказывается дефициентным и неадекватным. Именно это фиксируется в тезисе, что в схеме «квадрата» фиксируется тип деятельностно-природного объекта.

Головняк: Правильно ли я понял, что если возвращаться к проблеме отношения и связи между категориями и онтологиями, то вы за счет такой странной категоризации этой схемы проблематизи-

ровали ряд существующих онтологий и задали каналы для новых (как техника рассуждения)?

Да. Только опять-таки не старайтесь понять это в терминах деятельности. Да, вы правы по результату. Я это сообразил в длительности трех докладов. Это случилось. А сделал ли я это или нет — этого я не могу сказать. И если вы теперь опишете это как действие, я готов согласиться. А я не сделал этого, у меня, простите, так получилось.

Головняк: А действие получается из рефлексивной фиксации.

О! Это и нужно зафиксировать. Что именно? Вопреки тезисам Петра [Щедровицкого] по поводу того, что я возвращаюсь к старому, я-то убежден, что в этой схеме заложены неимоверно значимые принципы. И я искусственно растягиваю их обсуждение, поскольку придаю этой теме огромное значение. А параллельно у меня идет жизнь, но я все время рассматриваю происходящее в свете этого своего основного доклада, потому что здесь я прорываюсь в глубинных принципах методологии и мировоззрения. И я снова и снова возвращаюсь, вытягивая все новое и новое. За счет этого случается…

Иванов: Так принцип: делай, рефлектируй, и получится?

Обратите внимание: *что* делать, не знаю. Но настойчиво и сосредоточенно, и не отцепляйтесь. То есть вязкость нужна.

Иванов: Но тут интересный момент в обсуждении между вами и Володей [Головняком]. Он пытался зафиксировать некоторый принцип-технику, а вы говорите, что это у вас некоторый эволюционный процесс. Но он-то это зафиксировал для себя. И если он сможет так делать, то он получит это. В артификации исторического процесса.

В рефлексии с установкой на артификацию, поскольку у Володи [Головняка] артифицирующая рефлексия, что его продвигает. Но, кроме того, нужны еще и эволюционные принципы, а именно: быть вязким, бежать, не отрываясь. Ноги сбиты, руки уже из плечевых сумок вырваны, но бежишь и не отрываешься.

Головняк: Тогда получается, что деятельностный подход, если прилепить к нему как родовую метку артификацию, растет из рефлексии. Тогда рефлексия — его конституирующий момент.

Конечно.

Иванов: Получается, что у Георгия Петровича есть какая-то другая рефлексия, когда он свой процесс рефлексивно растягивает.

Это тоже верно. Володя [Головняк] ведь говорит следующую онтологическую вещь: деятельность рождается из рефлексии…

Головняк: Рефлексии такой, как ее конституирует ММК, в отличие от многих других, по-видимому. И это самое важное.

Все это очень интересно. Сам по себе тезис ведь весьма спорный и рискованный.

Когда я начинал эту работу в 50-е годы, я думал, что анализ мышления рождается из деятельности, и мышление рождается из деятельности. Теперь я могу сказать, что деятельность рождается из рефлексии и мышления. И в этом смысле этот традиционный психологический ход «мышление из деятельности», который я долгое время понимал, — дерьмо. Со всеми Валлонами, Леонтьевыми и т. д.

Громыко: Хотя здесь есть интересный момент с анализом процессов экстериоризации. Я дальше стал разделять процессы инструментализации и процессы экстериоризации.

Но тогда оказывается, что эти процессы идут раньше интериоризации.

Громыко: Процесса интериоризации, может быть, нет вообще.

Интересно. Это мы и раньше понимали.

Громыко: Здесь есть еще один занятный момент: выделение средства для его последующего употребления. Процесс выделения средства и его последующего употребления тоже должен рассматриваться с естественно-исторической прокладкой. Хотя и на базе процессов коллективизации, индивидуализации и всего остального. И с этой точки зрения здесь есть еще второй план обсуждения этого момента рефлексивного выделения деятельностных структур. Поскольку оказывается, что этот процесс нужно смотреть дважды: одно дело, когда я в рефлексии выделил над этим процессом собственно деятельностную средствиальную часть, а другое дело, когда мне удалось эту средствиальную часть употребить заведомо не так, как я ее выделил, и отрефлектировать снова.

Здесь вы больше примыкаете к тому, что сказал Дима [Иванов].

Громыко: Здесь возникает вопрос: по отношению к чему мы можем и должны строить утверждение, что это деятельность? По отношению к какого типа циклам?

Головняк: Мне не нравится твое рассуждение, Юра, поскольку ты замыкаешь все это на категорию деятельности. А если мы нечто будем обсуждать не в категории деятельности, а в категории истории, то там применение таких понятий как «средство», «выкладывание средств», «онтологизация» становится неадекватным, а для других у нас даже слов не придумано.

Громыко: Но мне что не нравится в том, что ты говоришь? Очень просто можно принять за деятельность размышления и наблюдения за эволюционно-историческим процессом другого человека. Я это для себя получил, наблюдая за частью действий Петра [Щед-

ровицкого]. И мне это не нравится. Поскольку я считаю, что потом обязательно эволюционно-исторический процесс должен происходить с тобой, и там ты употребить то, что выделил, глядя за Георгием Петровичем. Мне вот это важно.

Вы не противоречите друг другу.

Громыко: *Поскольку Володя [Головняк] логику опять обсуждает. И я не согласен с тем планом, что есть сам момент реального выделения собственно эволюционно-исторического плана и деятельностного. Это очень хитрый вопрос. Со средствами я немного разобрался. А вот момент телеологичности… Его к чему относить? Поскольку и у меня есть подозрение, что нужно разделить и членить цели. Может быть, у истории и у эволюции есть цели.*

Головняк: А поэтому ты что — строишь двойников всем понятиям деятельностного подхода?

Громыко: *Нет, я просто считаю, что часть этих понятий, которые называются деятельностными, нужно сейчас еще проверить. Их нельзя сразу отодвинуть в деятельностный подход. С каждым из них в отдельности может получиться так, как со схемой «квадрата».*

Вопрос, который вы подняли, интересен в том числе и в плане предстоящей нам игры по эксперименту. Это я хочу сейчас обсудить, чтобы включить наше обсуждение в контекст этой игры.

В субботу мы с Петром [Щедровицким], обсуждая сценарий, должны были обменяться онтологическими представлениями о сути проблемы и исходной проблематизации. Он мне начал рассказывать о докладах, которые он делал в Харькове, обсуждая эксперимент. И сказал несколько глубоких и интересных вещей. Он говорил: «Скажи, пожалуйста, а почему там у Галилея три собеседника? Сальвиати, который представлял… Что он представлял?» — «Смелость». — «А зачем был нужен Симпличио?» — он был нужен для того, чтобы задавать традиционную аристотелеву онтологию, для того, чтобы Сальвиати мог нечто утверждать, в том числе и как факты свою проблематизацию и результаты мыслительных экспериментов, он же должен был вмонтировать их в традиционную картину.

Головняк: Разбирая ее при этом.

Естественно. Но и собирая. Исследование идет на разрушенной картине. Но если Сальвиати не монтирует своих проблем и смелых гипотез в традиционную картину реальности, эксперимента не будет. И мысленного в том числе.

Головняк: Термин нехороший.

«Импланирует». Годится?

Головняк: Тоже не очень.

Но мне же, чтобы строить эксперимент, кроме идеальных объектов нужна еще реальность. И тогда я могу мыслить эксперимент. Но ведь эксперимент есть проверка смелых онтологических идей. Но как же так, чтобы эксперимент, который носит вроде бы эмпирический характер, проверяет на правдоподобность новые смелые «идеальные идеи»? Чтобы эксперимент мог это проверить, эти идеи должны быть туда уже имплантированы. Или вмонтированы.

Головняк: Куда «туда»?

В традиционную реальность.

Головняк: Тогда эти старые традиционные представления выступают как раз в функции этой реальности?

Конечно, ведь они же задают практику. Ибо считается, что практика построена в соответствии с ними. И никакой практики, а эксперимент содержит этот момент, не может быть, пока мы не вышли на эту традиционную реальность. Третий собеседник, Сагредо, судья, он справедливый, он должен их уравновешивать. И в этом смысле он отвечает на вопрос, удалась процедура или нет, произошла ли эта монтировка. Причем вопреки заинтересованности и корысти Симпличио.

Сиротский: А на основании чего он это делает?

На основании своего здравого смысла, того, что он человек справедливый, незаинтересованный и бескорыстный.

Головняк: Я понял, что это будет за игра. Если практика не оформилась и не сложилась, то и экспериментировать нечего.

О! Там ведь будет еще первый день. И обрушится все там. Поскольку практика очень важное понятие. Оно предполагает освобождение от коммунальности. А там нет практики, одна коммунальность.

Но вы начинаете новую линию, надо будет строить теоретическую действительность и монтировать новые представления об эксперименте с деятельностью в старую действительность об эксперименте. И именно вы, как выпускник физтеха, и должны нам это обеспечить. Суть естественно-научных представлений об эксперименте, их ограничение и выход на новую ступеньку.

Громыко: В исторической эволюции.

Головняк: Я имел в виду несколько другое. Одно дело, когда мы начинаем проблематизировать старые научные представления об эксперименте, строить новые. Но я обсуждал другую, более страшную для меня вещь.

Страшное развернется в первый день и будет переведено в игровую ситуацию.

Головняк: Но я представил себе, что будет с системным подходом, с оргтехническим подходом, с деятельностным подходом, который как-то понимается участниками, если все это туда вывернуть. Меня не эксперимент в Харькове интересует, а эксперимент, который произойдет на игре. Каковы будут последствия этого взрыва, придется ли культуру на космолет грузить.

Важно, что все, что мы сегодня обсуждаем, в эту игру втягивается. И проблема деятельностно-природной системы, другого типа, нежели та, которая представлена в схеме «квадрата». И мы должны эту схему эксперимента как деятельностно-природной системы, я бы только добавил: мыслительно-деятельностно-природной системы, мы должны построить на этой игре.

Головняк: Возвращаясь к обсуждению доклада, я бы хотел поиграть на двух тезисах, которые мне запомнились. Первый тезис, из которого вы исходили, что мышление растет и вырастает из деятельности…

Я из этого тезиса в своей истории исходил.

Головняк: Да. И второй тезис: деятельность появляется только как результат осмысливания или рефлектирующего мышления.

Да, но тут же много гипотез. Можно сказать, что рефлексия появляется до мышления и существует как рефлексия. А дальше можно строить любые комбинации: если рефлексия рождает деятельность, то надо еще обсуждать — при каких условиях. Поскольку для этого же нужна деятельностно-ориентированная рефлексия.

Головняк: Я хотел построить апорию, а потом ее снять. А вы ввели третий фокус — рефлексию — и все через него вывернули. Но я бы хотел продолжить.

Можете попробовать. Все равно ничего не выйдет. Уже понятно.

Головняк: Вроде бы такие апории снимаются за счет различения понятий деятельностей в тезисах. Генисаретский так вводил деятельности первого и второго рода?

Он не деятельности вводил, а процессы. Первого рода — это те, которые оформляются как организованности деятельности, второго рода — те, которые протекают через организованности деятельности.

А ситуация куда более сложная. Решающая роль все равно принадлежит рефлексии. Но если бы дело было в трехчленных схемах, я бы это решил. Тут куда более сложные структуры, чем триады и тетрады.

Громыко: И кончается все это «девяткой» Платона как способом помыслить античный космос.

Да, тут много вариантов таких технических. Но давайте вернемся к общей теме.

Практически, я сейчас провозглашаю как основную тему следующего этапа развития ММК *деятельностно-природные системы*. И в этом плане работа над типологиями деятельностно-природных систем захватывает и геологическую, и географическую, и изыскательскую работу, и эксперимент, и методологию в узком смысле, и психологическую работу над сутью человека. И вроде бы методологическая категориальная проработка систем такого типа есть наша сегодняшняя задача. А уж все ваши вопросы, Юра, которые вы сегодня объявили, есть лишь моменты методологии следующего этапа.

Громыко: Но я не понимаю, как здесь ставится вопрос об отношении эволюционно-исторических и деятельностных систем. Поскольку здесь, кроме вопроса об их разделении, есть вопрос об их зашнуровках и связях, когда мы можем выделять это в качестве разных единиц. Но встает вопрос: для какого типа деятельностных употреблений фиксируются эволюционно-исторические процессы при помощи схемы «квадрата»?

Все зависит от типа материала. Для индивида будет один тип зашнуровки, для науки как человеческого института — другой тип зашнуровки. Ведь парадокс-то состоит в том, что все культурные институты и все материальные образования, которые есть у человечества, все есть реализации одного или другого типа этой зашнуровки.

Громыко: Я это понимаю. Но я задавал свои вопросы, нащупывая метод выделения таких единиц.

Юра, у меня подозрение, что каждая такая единица требует своей методологии. И это есть линия такого нутряного методологического разделения.

Головняк: Георгий Петрович, а что типология делает с теорией? Если у меня была теория, а я взял и построил типологию?

Теория теперь должна перестраиваться в системно-типологическую. Пример злоключений лингвистики — очень интересный материал. Или иначе: должно быть столько теорий, сколько у нас есть типов природно-деятельностных, или деятельностно-природных, систем.

Громыко: Тут просто типология внешняя и внутренняя, то есть типология самих теорий и типология каждой теории будут различаться.

Кстати, Матвей Соломонович [Хромченко], это есть наш следующий политический шаг. Ведь мы закладываем основания для сонма новых наук, наук XXI века. И надо уже начинать борьбу даже с такими хорошими людьми как Ягодин. Поскольку не утвердились даже идеи

наук о деятельности и мышлении, а тут еще надо закладывать весь этот комплекс наук про «кентавр-системы»[66]. А для этого придется проламывать все это традиционное мышление.

Громыко: А как тут быть с пропуском? Ведь, наверное, нельзя миновать задание наук о деятельности и перескочить?

Нельзя. Но обратите внимание: надо перескочить. Мы должны заложить массу «шурфов», чтобы двигаться параллельно. И дать задание большому количеству людей, которые могли бы дальше работать независимо друг от друга и друг друга взаимно подкрепляя.

Переворот в науке может произойти только радикально. Полная смена всего комплекса наук. Вводить одну-другую можно только в порядке логического поиска. А последовательность очень важна: они будут держать друг друга. И это надо методологически отрабатывать.

Иванов: Вопрос о создании теории общественных систем как бы снимается в этом подходе?

Методологически снимается, а в теоретическом плане — нет. Ведь это надо строить. Надо каждый раз закладывать ячейки для развития соответствующих теорий. А методологию строить на едином основании, строить типологически и, может быть, отрабатывать эту последовательность и взаимную зависимость.

ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОГРАММЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМОМЫСЛЕ-ДЕЯТЕЛЬНОСТНОЙ МЕТОДОЛОГИИ

Уважаемые товарищи, не удивляйтесь: я буду говорить вещи, которые я говорю на протяжении всех последних лет. И в этом смысле всем тем, кто надеется услышать что-нибудь новенькое, я отвечаю: «Я же не бабочка, которая каждый день проживает новую жизнь, и говорить могу только то, что говорил эти 25 или 30 лет».

Итак, в теме «Перспективы и программы развития СМД-методологии» я должен выделить две интенции: одна — ретроспективная, направленная в прошлое, на воспроизведение представлений о функциях и роли развивавшейся в рамках Московского методологического кружка СМД-методологии, другая — интенция на разговор о программах. И в этом смысле в какой-то мере — о перспективах развития СМД-методологии.

Это замечание, хотя и банальное, имеет важный смысл. Оно напоминает о дискуссии, проходившей примерно в 1962–1963 году, и о том, что пониманием этого я во многом обязан Владимиру Александровичу Лефевру.

Однажды он пришел ко мне домой на «Сокол», сел плотно на стул, всем своим видом показывая, что он скажет сейчас что-то экстраординарное, и начал: «А ведь прогнозов не бывает и не может быть». — «Как это не бывает? У нас ведь есть лаборатория прогнозирования, есть Бестужев-Лада и все другие, очень речистые». — «Да нет! В мире деятельности есть планы, проекты и программы. Какие там могут быть прогнозы?»

Доклад на I Методологическом съезде (г. Киев, январь 1989 г.). Источник не определен. Публикуется впервые по сохранившейся электронной копии.

Итак, *прогностический подход* к миру мыследеятельности — ошибка, но тогда — а я уже сказал, что это начало 60-х годов, — слушать это было непривычно и удивительно. Теперь-то я думаю, что это само собой разумеющиеся вещи и каждый, кто мало-мальски разбирается в нынешней ситуации, должен это понимать и знать.

Поэтому я буду говорить о *программах* — сначала о тех, которые во многом вытекают из всей прошлой истории СМД-методологии и из концепций развития мышления в ММК; только в самой последней части я перейду к обсуждению собственно программ — не истории, а программ. Это, таким образом, уже будет касаться моих представлений о том, что делать завтра и послезавтра.

И в этом отношении у меня есть внутренняя убежденность и уверенность в духе Высоцкого, как он чудище убил и бочку портвейна отспорил[67]. Так что — надо жить, а уж бочку портвейна мы отспорим.

Итак, *тезис первый*. Начиная где-то с середины 50-х годов я жил уже в твердом убеждении, что время науки кончилось и что наука *уже* (*уже*, подчеркиваю я) умерла, а то, что мы наблюдаем вокруг себя, — это скорлупа — мертвая скорлупа. И что мы живем в эпоху очень сложной революции, когда на смену науке и научным формам организации мышления и деятельности, в частности такой форме, как исследование, приходят новые формы — методологические, которые в этом смысле и вытесняют науку.

Здесь, однако, требует специального пояснения фраза «в этом смысле». Тезис этот нельзя понимать в том плане, что методология начинает решать задачи науки и выходит на место науки в институциональной организации. Понимать этот тезис нужно совсем иначе, и, поскольку тогда, в середине 50-х и в 60-е годы, он вызывал много очень разных непониманий, мне пришлось искать образ, который бы его пояснил. Дело в том, что, по моему убеждению, методология замещает науку только в функции интегративной, всенакрывающей и на самом верху организующей формы мышления и деятельности, и в этом смысле наука ведь остается.

Наверное, здесь наиболее подошел бы термин Гегеля «снятие»[68], но его нужно дополнить представлением о тесте, поднимающемся в кастрюле. Этот последний образ вы все знаете и понимаете. Хозяйка ставит тесто. Тесто, сначала занимавшее половину кастрюли, растет, растет и наконец переваливается через край кастрюли, и тогда уже попытки накрывать кастрюлю крышкой совершенно бессмысленны.

Этот рост теста происходит аналогично росту живого организма. Когда я учился в школе, большое впечатление на меня произвели объяснения ботанички: вот, мол, растение растет — корень растет

вглубь, крона растет вверх; но это ни в коем случае нельзя понимать так, что перемещаются клетки, которые располагались с двух противоположных концов этого растения, что одни опускаются вниз, а другие поднимаются куда-то вверх. На самом деле клетки, дошедшие до определенных отметок, на этом месте остаются, выполняя определенные функции в структуре организма. Причем эти функции тоже все время меняются.

И в этом смысле, конечно же, наука вечна, и вечно она будет решать свои задачки, например: измерить высоту этого магнитофона или, скажем, подсчитать объем, занимаемый им в пространстве.

— Это не наука…

Это и есть наука. Задачки она решает.

— Ну а если по схеме научного предмета?.. Вы сказали: «Это и есть наука». А там много чего… У вас не было таких важных для науки процедур, как моделирование, систематизация…*

Когда я говорю об «измерении», я имею в виду все то, что вы перечисляете, — моделирование, систематизация, классификация, сравнение и т. д. Все это остается. И когда мы формулировали тезис, что наука умерла и заменяется методологией, мы имели в виду вовсе не то, что методология в бою отнимет у науки выполнение этих процедур. Наоборот! Пускай наука и дальше сравнивает, измеряет, классифицирует и систематизирует. Надо оставить ей эти процедуры, и пускай она преуспевает на этом поприще.

Речь шла о другом — о функции, задающей целое самого мышления, об организации этого самого мышления и деятельности, и, следовательно, это очень близко к тому, что относится к созданию *мировоззрения*. Вот этого наука XX века уже больше не делает и целостной картины мира, мышления и деятельности — а следовательно, и мира людей вообще — не дает и давать не может. И эти функции, которые с XVII по XIX век выполняла наука, теперь, в силу того, что она больше их выполнять не может, от нее уходят и должны перейти к другой форме организации мышления и деятельности, построенной на иных структурных принципах.

— А не миф ли это, что наука выполняла эти функции?

Нет, не миф, поскольку, обратите внимание, ведь в XVII–XIX веках ни религии, ни философии в том смысле, как вы говорите, уже, как я подозреваю, не было. И делала это все — как говорили философы тех именитых столетий, «строила общее мировоззренческое видение мира» — наука. (Энгельс еще очень подробно объяснял, как стихийное мировоззрение древних греков, материалистическое в сути

---

* См. [Щедровицкий, 1981]. *Примеч. ред.*

своей, осуществлялось без науки и как с XVII века философия стала научной и наука, впитав в себя какие-то моменты философского мировоззрения, теперь выполняла эти функции[69].)

Мне, однако, прежде всего важно, что такая идеология есть — тут вопросов нету. Но я теперь сказал бы, что эта идеология точно и правильно отражает существо дела. Так оно вроде бы и происходило.

Мне в молодости пришлось изучать все это по оригинальным работам, и я понял тот переворот в философии, который осуществил Галилей вкупе с «однодельцами» — Френсисом Бэконом, Рене Декартом и другими. Все это соответствует реальной истории развития науки и философии. Но прежде всего — науки, поскольку эта деятельность, которая начинается с работ Галилея, проходящих по ведомству науки, и которая дальше была поддержана и освещена в философских работах Бэкона, Декарта и других, стала трактоваться как научная работа. И философия стала научной — что, с моей точки зрения, есть абсолютнейший нонсенс.

Вот что я имею в виду и говорю: уважаемые коллеги, в середине XX века это кончилось, кануло в Лету. И не только для ММК. Это — средний уровень европейской философии. Там тоже лопоухих уже нет, хотя они, конечно же, и не такие продвинутые, как мы.

Итак, *первый тезис* состоит в том, что методология берет на себя функцию разработки общего и целостного мировоззрения и начинает ее выполнять — подменяя философию, поскольку разработка общего мировоззрения остается важным и принципиальным делом в философии, но до конца ею не выполняется.

Я вроде бы и пытался понять и объяснить себе, почему такой философской работы больше не может быть. А потому, что наука XVII–XIX столетий разработала такие *подходы*, задала такие *процедуры* и *операции* работы, которые оказались не под силу спекулятивному философскому методу. Общие философские мировоззренческие картины не срабатывают в областях науки и онаученной практики, и нужны другие подходы и методы, которые, на мой взгляд, может обеспечить только методология.

В этом смысле я понимаю ваше замечание — оно ведь точное и правильное. Но я немножко упрощаю дело. Конечно, это делала наука вместе с философией, иначе сказать, философия, слившаяся с наукой. Процесс проникновения науки во все сферы мысли и ведущая роль научных форм организации во всех областях мышления и осмысленной деятельности являются, на мой взгляд, бесспорным фактом.

— Есть еще один аспект. Ведь то, что вы говорите, верно для достаточно узкой европейской традиции и для того интеллектуального

слоя, который таким образом жил. Но народные массы жили под влиянием религии, что не могло не влиять на жизнь европейской интеллигенции.

Я с вами согласен и сказал бы, что мне все это подходит. И, конечно, если бы я держал исходное содержание так, как его надо держать, я придумал бы более тонкие формулировки и сказал: да, оставалась политическая деятельность, которая была окрашена в тона религиозности. Больше того, как показал это Макс Вебер, религиозным цветом окрашивались и научные разработки. И может быть, историки покажут, что лицо советского мышления в XX веке определяется православными корнями всей российской, то есть в этом смысле и советской культуры. Наверное, так и будет.

А теперь, учитывая ваше замечание, надо сказать: конечно, есть огромные пласты, которые оставались и остаются под определяющим влиянием религиозного мировоззрения или, скажем, нравственно-этического мировоззрения в духе современной советской интеллигенции. Да, это так — со всеми тезисами и антитезисами. Все это есть, и меня это вполне устраивает.

Но я говорю про этот мир, который продолжал дифференцироваться. В этом мире не было какой-то единой, интегрирующей мировоззренческой картины, построенной на единых основаниях, а получался калейдоскоп картин. Миру науки как общего и целостного мировоззрения пришел конец, и миру религиозного мировоззрения тоже пришел конец. И приходится это сказать, хотя это и очень противно.

Я ведь понимаю, что нравственно-этический аспект не присущ науке, и его несло религиозное мировоззрение. Я убежден, что он должен быть сохранен, и этому вроде бы нет замены сегодня… Методология такую замену обеспечить не может — ни методология, ни методологи не могут. Но тем не менее — если мы берем исторический процесс — мне представляется, что нам нужны новые формы интеграции, новые формы доведения до целостности всего мира мышления и деятельности. Понятный тезис?

— Зачем до целостности?

Обязательно до целостности! Предельной целостности. И пока ты не дошел до предела, «Америку не открыл» и на карте ее не зафиксировал, до тех пор ощущение, что ты — человек, не появляется. Это ведь нужно для того, чтобы человеческий гонор удовлетворить. Кураж! Человеческий кураж должен быть, и, пока до границ не дошел, остается ощущение неудовлетворенности.

— Целостность — ведь она не универсальная, она субъективная… Не есть ли это такая же иллюзия, как поиск истины в науке?

Естественно, говорю я. Кураж это.

— А чем методологический кураж лучше других?

В методологии вы можете все сделать — к открытым системам перейти, другие глупости объяснять и осмысливать…

И вообще (я обычно рассказываю эту байку игротехникам в широком кругу) с чего началась игра? Ходил директор Уральского филиала ВНИИТЭ[70] и мучился, как ему ассортимент товаров народного потребления разработать. И вдруг услышал, что кто-то на первом этаже настырным голосом говорит: «А методология все может». Вот это и есть кураж.

— Философ на это никогда бы не подрядился.

Сегодня философ на это уже не подряжается. Такова ситуация. Он подряжается обсуждать свои проблемы, со своей традицией, в своей институциональной форме и с заранее заданным результатом.

— А может быть, потому что философ уж очень культурный человек?

Мне нравится ваша трактовка. Такой «культурный», как вы сказали, ничего не может.

Если уж ты такой «культурный» и все можешь, что нужно для человеческой жизни, мы тебе это простим. Но если ты «культурный» и наличием культуры оправдываешь свою несостоятельность, вот этого мы уже не простим. Культура не должна быть ограничением, культура должна открывать перспективы и давать возможность творить и работать. Тогда можешь и «культурным» быть. Вот как я отвечаю.

— Правильно ли я понял, что методология может задавать перспективу, но рамкой не является?

Я же сказал уже, что методология может все, и если говорить о принципе куража, то я принцип выложил. Вы говорите о другом. Я ведь говорю: методология все может. А вы говорите?..

— Что она рамок не имеет.

Да имеет она рамки и все «социальное» — в большом количестве. Только не рассматривайте это как пределы для себя, как ограничения, а рассматривайте как горизонты — в понимании Гуссерля, — как то, что само собой должно сдвигаться, когда вы идете. Ходить надо. И не бояться бескультурья.

— Много ходить?

А всю жизнь. И чтобы дети наши, и внуки, и правнуки могли идти и ничего бы их не сдерживало. Сегодня бескультурье в смысле творчества сильнее культуры.

Итак, больше замечаний по первому тезису нет. А первый тезис — о том, что методология выходит на роль «верхней», самой

высокой формы организации мира мышления и деятельности — формы, задающей целостную картину. Выходит не потому, что она так просто, в кураже, идет и «чечетку отбивает», а поскольку наука — традиционная, «культурная» — и традиционная, «культурная» философия эту функцию выполнять перестали, не могут. И надо обсуждать, почему же это они теперь не могут? Раньше делали, а теперь не могут.

А я лишь констатирую то, что происходит, именно происходит в нашей переломной ситуации, ибо мы живем во время такой революции, которая куда поважнее научно-технической революции. Или, иначе говоря, то, что по недоразумению называется научно-технической революцией, есть на самом деле, как я это представляю, революция в формах организации мышления и деятельности и соорганизации их друг с другом — мышления с деятельностью, деятельности с мышлением. Поэтому, когда говорят о научно-технической революции — это всегда поверхностная трактовка перестройки в формах организации и соорганизации мышления и деятельности.

Теперь *второй тезис*. Чтобы обеспечивать выполнение функции, которая осталась без обеспечения, методология развивает, создает целый ряд специфических форм организации, которых не было ни в науке, ни в философии, ни в инженерии. Не было и в религии.

Хотя в каком-то смысле религия — самая сильная форма, и никакая научная форма тягаться с религиозной, на мой взгляд, не может. Именно в силу внутренних особенностей религиозного мировоззрения. И надо обсуждать, каких именно. Современная философия только подошла к этим проблемам.

Скажем, Зильберман незадолго до своей смерти писал мне из Штатов: «Георгий Петрович, мне кажется, вы делаете ошибку. Сегодня главный вопрос для методологии — это ответить не на вопрос, что такое наука, а на вопрос, что такое философия». Я его тезис вроде бы понял и написал, что, мол, дорогой Эдик, это ваша задача, и вы, пожалуйста, это сделайте: опишите нам устройство философии с методологической точки зрения. Но я так понимаю, что письмо это пришло туда уже после его смерти. А поэтому опять-таки придется это делать не в Штатах, а в России. В Штатах жизнь слишком сложная для того, чтобы такие задачки решать. И свободы там нет — той, которая есть у нас.

Вы понимаете, что я говорю совершенно серьезно, хотя и с иронией в отношении самого себя.

Итак, методология развивает целый ряд совершенно новых форм организации. При этом нельзя это понимать так, что она впервые рождает идеи этих форм. Идеи уже были намечены — например,

идея *топики* у Аристотеля, идея *герменевтики* у него же. Это были важные идеи, но ведь так получилось (особенно ясно это с герменевтикой), что она начала развиваться и обсуждаться интенсивно только с 20-х годов нашего века, а до этого… Ну, немножко там средневековые монахи порассуждали на тему, какой умный Аристотель: герменевтику заметил и даже какие-то из ее форм определил.

И опять-таки объяснять это я могу только отсутствием куража. Я внимательно изучаю работы Аристотеля и думаю: ну, великий мужик был! Но гордился-то какой ерундой! Вспомните, как он в «Аналитиках» писал, что он гордится тем, что впервые задал логические формы. А герменевтику или топику — этого он даже не зафиксировал. И я говорю: мужик великий и много создал, но кураж жиденький…

И вот я возвращаюсь к герменевтике и топике и говорю, что герменевтикой начали заниматься только в нашем веке, хотя мне могут возразить и сказать, что Дильтей это уже предвидел и в своих работах наметил. Дильтей понял про понимающую психологию. Да, так было, но подлинный смысл этого тезиса рождается сейчас, причем не родился, говорю я, а рождается. А что касается топики, то я бы рискнул сказать, что только в ММК понято неимоверное значение топики, а больше в литературе по-настоящему это нигде не обсуждается — ну, разве какой-нибудь монах XX века напишет: великий был Аристотель — сообразил, как важна топика.

— *Лосев в своей многотомной истории античной эстетики посвятил специальную главу «Топике» как главнейшему и нераскрытому месту в Аристотеле…*[71]

Отлично. Я благодарен вам за поддержку. Значит, опять все в России. И Лосев сообразил про огромную значимость топики и написал — что мне важно — «нераскрытой». И это подтверждение того, что я говорю. Но я ведь не видел, чтобы Лосев использовал методы топики или формы топики в реальной работе. А дальше я сказал бы, что для того, что писал Лосев, не нужно ни топики, ни логики; это можно написать на уровне здравого смысла. Поэтому написать — написал: «важное», «нераскрытое»… Но сам этим не пользовался. Даже в молодости, я уж не говорю о позднем Лосеве. <…>

Итак, значит, нужно создавать целый ряд таких форм топики и герменевтики и, наверное, еще много чего, касающегося форм организации мышления и соорганизации мышления и деятельности, но — с соответствующим куражом, и я так дальше буду каждый тезис подтягивать. И какие-то из этих форм нам удалось нащупать и даже схематически представить. Я туда отнес бы прежде всего *схему ортогональной организации пространства мышления* и *деятельности* — как очень важный принцип.

Но тут я делаю большое отступление и говорю: вообще, эта схема ортогональной организации пространства мышления и деятельности стала возможной после того, как в немецкой классической философии, в частности у Маркса, было произведено разделение мира на мир природы и мир деятельности и мышления; причем миру мышления и деятельности было придано значение первенствующего, ведущего, а мир природы был определен как мыслительная и деятельностная конструкция.

Были решены и многие другие вопросы. Была, в частности, снята *оппозиция материализма и идеализма*, поскольку, утверждаю я, в диалектическом материализме оппозиция материализма и идеализма снята. Снята и отброшена как незначимая для диамата. При этом принципу материализма придано значение ведущей схемы, но — после того, как снят весь идеализм.

Я вспоминаю шутку, когда Эвальд Васильевич Ильенков в редколлегию журнала «Вопросы философии» принес «Grundrisse…»[72] и, переводя с листа с немецкого на русский, спрашивал уважаемых академиков-философов: «А это что — идеализм или материализм?» Они кричали в ответ: «Скажите, кто написал, и мы вам скажем». И (вы знаете продолжение этой байки) он в какой-то момент, рассердившись и не выдерживая взятой на себя роли, сказал: «Ну, из “Grundrisse…”». И тогда один из профессоров сказал: «Ну ясно, что идеалист! Немцы — все идеалисты!» Но эта фраза «немцы — все идеалисты», сказанная в блаженном неведении, к Марксу точно применима, поскольку в диамате весь идеализм снят, но затем, как это объяснял Маркс, «перевернут» в материалистический план.

Я поэтому утверждаю одну весьма простую вещь: марксов материализм есть идеализм, проинтерпретированный материалистически и вставленный в соответствующую материалистическую рамочку. Диамат есть идеализм с материалистической добавкой в духе Канта и последующей немецкой классической философии. «Деятельность описывалась идеализмом» (я сейчас цитирую «Тезисы о Фейербахе»[73]). А кроме того, есть еще фундаментальное допущение, или предположение, что мир существует реально (я дальше скажу об этом как об очень важном методологическом принципе).

Я вспоминаю в этой связи постоянный предмет размышлений и шуток Александра Зиновьева: «В “Кратком курсе”[74] говорится, что метод у нас диалектический, а теория у нас материалистическая. Какой бред! Материализм есть метод, а не теория, принцип материализма — методический принцип, а не теоретический». И мне кажется, что он ухватывал здесь суть дела, хотя суть дела не такая простая, как может показаться на первый взгляд.

Таким образом, я сказал, что разработка этой ортогональной схемы стала возможна после того, как был осознан принцип разделения мира, или трактовки мира как мышления и деятельности. А это означает материалистическую интерпретацию, а точнее — переосмысление всего опыта идеализма как активной философии, философии, организующей человеческую активность, человеческое действие, о чем Маркс и писал. И поэтому получается, что идеи ММК рождаются на продолжении этой линии, линии осмысления мира как деятельности и мышления — мира человеческого, а не косной, инертной материи.

А идея косной, инертной материи, ее автономности, самостоятельности или независимости от деятельности и мышления есть родимое пятно вульгарного материализма. И науки, которая строилась на идеологии вульгарного материализма (вульгарного, подчеркиваю я, тупого) и неразрывно с ним связана.

Может быть, кто-нибудь хочет защитить науку, объяснить мне, что я ошибаюсь?

Спросите ученых — не важно, президента или рядового академика: какое отношение наука, которую они строят, имеет к мышлению и деятельности? Они вам хором ответят: «Да никакого! Да вы что, вообще с ума посходили?!»

А, кстати, вы здесь забываете невероятно важный *принцип отражения*. Материализм без принципа отражения — ничто, они живут в теснейшей связи друг с другом. Поэтому ученые не действуют и не мыслят, им мышление не нужно — они «отражают». Мир отражают. Вот это как называется? Если мне слово подскажут — «капуста», — я сразу скажу, что это капуста растет. Вижу «капусту» — отражаю. Отражаю то, что есть. Оказывается, парадоксальным образом, что «увидеть» можно только то, что знаешь и для чего слово имеешь. А я тут стою и гляжу на эту штуку… Если б еще поливали, она бы, наверное, не засохла. А что это такое — не знаю.

— Но ведь те из ученых, которые стоят на передовом фронте науки, создают эти слова.

Создают ученые типа Галилея, который был идеалист, платоник. Поэтому, когда в науке были идеалисты, они двигали науку, а что касается ученых-материалистов, то они «отражают». Им деятельность и мышление не нужны. Им объяснили, что важно правильно и точно отражать то, что видишь.

— А Бор, Докучаев?

Они-то, естественно, всегда и были идеалистами. Но потом мы все переписали заново (у нас ведь свое «министерство правды»[75] есть) и объяснили, что все это, мол, вранье, а на самом деле они были

настоящие стихийные диалектические материалисты. Ну, да, они были «стихийные», «диалектические» — понимающие суть идеализма и понимающие, что есть особый непознанный мир реальности. Они такими и были, но этого прочесть нельзя, поскольку все закодировано и описано в таких словах, чтобы простой советский ученый ничего не понял про существо дела.

— Я не совсем понимаю. Если Маркс вывернул мышление через деятельность и для него самой важной была категория деятельности, то откуда тогда получилось такое разделение: мышление и деятельность?

Так не мышление же он вывернул! Он как говорил? Ошибка всего предшествующего материализма, в том числе и фейербаховского (а я бы добавил: и всей науки как института) заключается в том, что они имеют дело с объектом, который они непосредственно созерцают, а не с предметами человеческой чувственно-практической деятельности[76].

Я вроде бы достаточно точно изложил один из тезисов. Теперь надо брать это все в системе. И я теперь добавляю, что Карлу Марксу и его сподвижникам по перевороту в буржуазном мире надо было бросить политику и строить новую методологию — как Методологию с большой буквы и Логику с большой буквы, — а они этим не занимались, потому что их интересы лежали в «облагодетельствовании» человечества через социалистическую революцию.

— Но жесткое разделение мышления и деятельности — откуда оно взялось?

Оно родилось из немецкой классической философии. И как объяснял О. Г. Дробницкий (красивое очень место), раньше научные знания постепенно переходили в популярную литературу и становились достоянием народа, содержанием здравого смысла. В Советском Союзе все иначе: поскольку из здравого смысла — в популярную литературу, оттуда — в головы больших ученых-академиков и в научную литературу. И, мне кажется, Дробницкий был прав и точен.

Как это произошло? Очень просто. Теперь нужна была популярная литература при полной неразработанности как теории деятельности, так и теории мышления. Гениальные идеи были сформулированы и остались подвешенными, а надо было делать социалистическую революцию и занятия организовывать в рабочих кружках.

Итак, мы зафиксировали принцип организации топики и герменевтики. Но про герменевтику надо поговорить отдельно. И это будет следующий тезис.

Тезис третий. Очень важным является разделение логики и герменевтики. Хотя, обратите внимание, у Аристотеля

герменевтики в этом смысле намечено не было. У него были «Герменеи»*, или «Об истолковании», как это традиционно переводилось на русский язык. Но «Об истолковании» есть работа о реальном процессе толкования, а не раздел дисциплины. За разделением логики и герменевтики, которое, на мой взгляд, является принципиальным и значимым для методологии, стоит разделение двух принципиально разных интеллектуальных функций — мышления и понимания.

И если мы теперь будем брать их вместе и в отношении друг к другу, по сути дела, в предметной структуре — не просто как объект и знание о нем, а в предметной структуре, — то возникает представление о *предмете* как основной единице мира мышления и деятельности. Это представление является исключительно важным, и, пока его не было, двигаться дальше было нельзя и методологии не могло быть — как не могло быть, впрочем, и герменевтики.

Итак, различение *объекта* и *предметных структур*. Задание основных принципов описания предметных структур и работы с ними является таким же невероятно важным и значимым принципом *методологического подхода*.

Но для этого надо было пройти через ту ситуацию, которая сложилась на философском факультете к концу 40-х — началу 50-х годов — впервые, насколько я понимаю, в истории человечества. Вроде бы в немецкой культуре, во французской культуре, в американской таких ситуаций не было. В американской не могло быть. Во французской тоже не могло быть, да и в немецкой тоже. Нужно было то особое стечение обстоятельств, которое возникло в России в конце 40-х годов, чтобы был сделан этот шаг в развитии методологии и идеи методологической организации мышления и деятельности.

Я тут отступаю чуть в сторону и говорю, что я, конечно, деятельностник, и я работаю по принципам барона Мюнхгаузена, как его изображают Янковский и Захаров[77]. Для меня эта фигура невероятно значимая, фигура, утверждающая примат человеческой воли, мысли и представления над всем остальным, то есть задающая, по сути дела, диалектико-материалистическое представление о мире. Мне это очень близко. Ибо я думаю, что Коллингвуд был прав, когда он сказал, что психология есть мошенничество XX века[78] — вся система психологических представлений.

Я тут обычно отступаю и говорю: «психологистических представлений» — ибо психология очень важна и нужна, ее вполне можно

---

* Περὶ ἑρμηνείας (др.-греч.). *Примеч. ред.*

построить на методологических основаниях, и в частности на основаниях СМД-методологии, и тогда будет настоящая, подлинная психология. Подчеркиваю: *впервые будет*, потому что все, что существовало до этого, есть один сплошной психологизм без всякой психологии. И это очень важно, и надо было еще этот психологизм преодолеть, и вот это преодоление психологизма произошло на философском факультете МГУ в силу особых и специфических обстоятельств конца 40-х годов.

Никакая воля и никакое представление без соответствующей констелляции социальных условий в масштабах страны в целом ничего не дадут. В этом смысле ход истории принципиально отличается от последовательности или пересечения последовательностей действий и их продуктов. И хотя мне это очень противно, Маркс опять-таки был прав, подчеркивая социальные и социологические аспекты всякого рода идеологии и науки в том числе. И в этом плане, говорю я, Карл Маннгейм тоже прав, и его работы — «Идеология и утопия» и все другие — являются, с моей точки зрения, краеугольным камнем *современной* (подчеркиваю: *современной*) европейской культуры. Но это надо было пройти, понять, изобрести здесь и теперь в российских условиях, и в этом смысле надо понимать различие и противоположность *пространства истории* и *пространства мышления и деятельности* и понимать, что только особое их пересечение и наложение друг на друга создают новые результаты в науке, в философии и вообще в мире мышления и деятельности.

Правда, история есть не что иное, как одно из пространств мышления и деятельности, и это тоже надо четко понимать. Я сейчас различаю другое: пространство деятельности и мышления как деятельности, с одной стороны, и пространство истории, с другой — как принципиально разные пространства мышления и деятельности. Я могу говорить эти несуразные слова, работая в схемах различения объекта и предмета и понимая, что *первая реальность мира — это предметы*, а уж *объекты и объективный мир — это вторая реальность*. И эта вторая, объективная реальность — хотя она и есть подлинная реальность, в отличие от предметной, подлинная по сути дела, по сути принципа материализма, — она при всем том вторична, и надо двигаться от предметов как феноменальной реальности, к той реальности, из которой состоит наш мир. Пока это различение объектов и предметов не было понято, осознано и зафиксировано, до тех пор дальнейшее развитие методологии было невозможным. И я фиксирую это как один из краеугольных принципов СМД-методологии.

Понятно я говорю? Или здесь есть какие-то замечания и вопросы?

— Насчет психологизма непонятно.

Это хороший вопрос. У нас до перерыва несколько минут, и я поговорил бы о психологизме.

Необходимо различать (вчера мы вели дискуссии на эту тему) *сущности* и *феноменальные проявления*. Я утверждаю (тезис очень рискованный, но, с моей точки зрения, он вырастает из истории развития немецкой классической философии и входит в число основных принципов марксизма): *сущности* и есть то, что реально существует, и в этом смысле Гегель был прав. Прав как идеалист, но он прав и как потенциальный материалист. И откуда бы вы ни двигались, вы должны понимать, что сущности и есть то, что актуально существует, а феноменальный мир есть мир призраков — явлений. *Явления* ведь субъективны.

И здесь бы я отнесся к тезисам Левкиппа и Демокрита и сказал: первые материалисты были умницы. Демокрит был умницей потому, что он был антиподом Платона и сам был идеалистом кондовее, чем Платон. Платон был лишь вторичный идеалист, культурный и ограничивающий свой идеализм, а Демокрит был идеалистом «от пупа».

А что сейчас обсуждает Карл Поппер? Вначале, когда я с этим знакомился, мне казалось, что это все бред, и я даже имел нахальство выступать и говорить, что Карл Поппер, конечно, великий философ, но с учениками второго года в ММК не сравнится, не дотягивает.

Так я говорил в своей вульгарной манере и был убежден в этом. Теперь я понимаю, что ошибался. И хотя его тезис о существовании мира содержаний самого по себе есть неправильный тезис — поскольку он идеалистический, а вопрос о существовании должен решаться материалистически, и я в этом убежден, — но тем не менее то, что утверждал Карл Поппер о существовании мира сущностей, или содержаний как таковых, по-видимому, верно.

Это как бы введение в ответ на ваш вопрос. А теперь я обсуждаю это феноменально-эмпирически.

Мы же как думаем? Вот, скажем, Сагатовский когда-то, после 1961–1962 года, сформулировал это в дискуссии со мной точно и прямо: «Георгий Петрович, ахинею вы несете. Есть люди, которые мыслят, но нет мышления и нет никакой деятельности. Люди — это реальность, и люди иногда мыслят, иногда действуют, иногда любят. Это и есть реальность».

Психологизм здесь выражен философски предельно точно: психологизм есть представление о реальностях, а именно что есть люди, которые могут любить, а могут мыслить, черт подери! Ерунда

это, с моей точки зрения, ибо мир есть существование в сущности. И в этом смысле мышление существует реально — как субстанция, независимо от того, есть люди или нет людей. Потом, через несколько лет, Виталий Яковлевич Дубровский сформулировал это очень точно: «Люди есть случайные носители мышления». Можно реализовать мышление на людях, а можно на смешанных системах людей и машин. Главное — что есть мышление, а на чем оно реализуется — не важно. В нашем мире — случайно — на людях, в другом мире — на пингвинах, а в третьем — как у Лема — на железках. Какая разница, на чем это реализуется?!

Итак, чтобы строить дальше СМД-методологию, надо было понять, что мышление есть процесс субстанциальный и надо искать законы его существования и особо выделять вопрос, на чем это в тех или иных условиях реализуется и как меняется материал-носитель в зависимости от условий. И я склонен утверждать, что это есть материалистическое решение вопроса. В этом смысле я бы пересмотрел кондовую марксистскую позицию в отношении Декарта. Когда Декарт говорил, что есть две субстанции — *материя* и *мышление*, я думаю, что он был прав. И даже в том, что он был дуалист, он был прав. А монисты в принципе неправы. И логически тоже, поскольку они монисты.

Итак, есть такая реальность мышления, и это особая *субстанция*. Есть реальность и особая субстанция деятельности, или мыследеятельности. И есть то, что мы в этот момент понимаем. И это есть переход к следующему пункту, который я сейчас не буду обсуждать, а именно: что эта реальность зависит от мышления. Что мы задаем в *действительности мышления*, то потом мы *онтологизируем, объективируем*, а потом *реализуем*. И вот это и есть, и существует.

Я могу это утверждать последовательно и без логических противоречий. Я же заявил, что мир предметов мышления и деятельности есть для меня первичный мир — реальный, материальный в смысле ленинского понятия материи. И вроде бы все очень здорово получается, и не надо нарушать принцип материализма, можно его сохранить, и все «клеится» много лучше, чем у идеалистов…

Но для этого надо понять, что мир людей или люди как таковые с их психологией есть вторичный мир, реализация мира мышления и деятельности. И если мы хотим закономерно все это понять и представить, мы должны рассматривать мир мышления и деятельности, а не мир людей, поскольку люди есть случайные эпифеномены мира мышления и деятельности. Как говорил Лефевр: «Люди ссорятся

между собой и мирятся в силу своих принципов, своего мировоззрения, а не наоборот». И это есть принципиальный подход.

Мы постоянно сталкиваемся с этим, и, в частности, оказывается, что игру[79] можно провести лишь в том случае, если игротехники принимают эту идеологию. Тогда они гарантированы от политиканства…

* * *

(После перерыва.) Я спросил своих товарищей: «Как я делаю доклад?» Не потому, что это меня очень волновало, — мне мой доклад нравился, мне казалось, что я говорю то, что нужно, — а не так, для проформы. Они сделали «отсутствующие глаза» и молчат. Галина Алексеевна [Давыдова] говорит: «Надо Раца спросить».

Давыдова: Я не так сказала. Я сказала: «Когда вы, Георгий Петрович, делаете доклад, смотрите на Марка Владимировича Раца».

«Смотрите»? Это — в будущем: Марк Владимирович как лакмусовая бумажка.

Я его и спрашиваю: «Марк Владимирович, как я делал доклад?» Он подумал и говорит: «Да плохо делали. Плохо делали — байки рассказывать не надо, текст мусорный, нужно более академично и по пунктам: раз, два, три. А иначе все пропадет». Я сказал: «Я вас понял, мне на вас противно…»

Мне на самом деле противно, ибо я делаю доклад для тех, кто обладает разумом и знает, что такое разумное мышление. Марк Владимирович хорош тем, что он требует рассудочного плана. И он прав стопроцентно, потому что в такой аудитории можно делать только рассудочный доклад. Он требует организации: чтобы было точно известно, что в этой первой части шесть, а не семь пунктов, и не рассчитывать, что кто-то там самостоятельно их выделит… Я сел и начал считать — сколько же пунктов я сформулировал? И тут мы разошлись. Галина Алексеевна [Давыдова] говорит: «Три». Я говорю: «Как три? Двенадцать». Она говорит: «Нет, три…»

Так, что же утверждалось в предыдущей части?

Первый тезис. Происходит революция в формах организации мышления и деятельности. *Методологическая организация* выходит на смену научной организации мышления и деятельности, причем как научная организация в прошедшие 300 лет была тотальной, так и методологическая организация будет, очевидно, тотальной.

Второй тезис. Условием перехода к методологической форме организации мышления и деятельности является разделение двух

подходов — *натуралистического* и *деятельностного*. И мы должны, соответственно, разделять мир на мир мыследеятельности и мир натуральный, или мир природы. При этом, говорил я, мир мышления и деятельности является первичным и определяющим, а мир натуральный есть не что иное, как конструкция натуралистов, и в этом смысле претендовать на место реальности не может, не имеет права. Это не значит, что никто никогда не совершит такой выход, но ему тяжело придется, и, как говорили при старом режиме, он всегда будет «бит нещадно».

Третий тезис. Методология создала свои особые формы организации, которые резко отличаются от научных форм организации мышления и деятельности. И одной из них является *ортогональная организация мышления и деятельности*.

Мне тут в первый день задавали вопрос: «Георгий Петрович, вы же употребляете слово «пространство» в метафорическом смысле, а не так, как мы, физики». На что я сказал: «Видал я ваше физическое представление в гробу». Понятие «пространство» отнюдь не сводится к понятию «физическое пространство». Физическое пространство — одна из частных вариаций понятия пространства, и в этой связи, сказал я (это продолжение третьего тезиса), невероятно важна роль *топики*, которую наметил Аристотель, но которая до сих пор не была развита в истории европейской культуры.

Четвертый тезис. Работа в методологии требует предельно резкого разделения *логики* и *герменевтики*, и соответственно разделению логики и герменевтики необходимо разделять *мышление* и *понимание*. Еще совсем недавно психологи нам доказывали, что мышление и понимание — одно и то же и всегда существуют вместе. (Тот, кто живет в мире психологии, знает, кого я имею в виду.) Методология же требует предельно жесткого разделения этих двух интеллектуальных функций и, соответственно, инструментального и формального обеспечения мира понимания — в такой же мере, в какой в истории европейской культуры и цивилизации обеспечивался мир мышления.

Пятый тезис. Есть особое *пространство истории*, и, когда мы обсуждаем прошлое развитие методологии и ставим задачи вставить его в нынешнюю нашу европейскую культуру и наметить пути дальнейшего развития, мы должны придавать этому особое значение… По-моему, это прозвучало в докладе Веры Леонидовны [Даниловой] вчера, и вроде бы весьма значимо. Но я думаю, что это не ваше изобретение, Вера Леонидовна, а скорее заимствовано у Генисаретского, из его работ. Это — понятие «ловушки» в историческом процессе. И это очень здорово. Значит, в историческом

процессе надо еще иметь ловушки и в эти ловушки… Нет, не попасть! А вовремя подставить эту ловушку в ходе исторического процесса, чтобы туда «свалился» некоторый новый научный и методологический проект, вообще новый культурный результат, или продукт. Подставил ловушку — будешь иметь, не подставил — не будешь.

Эта тема обсуждалась мною в очень важном и значимом для меня контексте: почему СМД-методология сложилась именно в Советском Союзе, а не в Германии, или во Франции, или в США? Там ничего подобного не могло быть, и думаю, что никогда и не будет в ближайшие 200 лет. Если они это и приобретут, то только за счет того, что будут заимствовать у нас. И в этой связи я рассказывал про совершенно особую ситуацию конца 40-х — начала 50-х годов, которая сложилась в Москве на философском факультете МГУ* и которая, собственно, и породила все то, чем я пользуюсь.

Итак, если мы хотим получать значимые культурные результаты, мы должны понимать эту двойственность — пространство деятельности, с одной стороны, пространство истории, с другой, — строить, соответственно, «ловушки» такого типа, создавать социальную ситуацию и получать некоторые культурно-исторически значимые результаты.

Шестой тезис. Теперь бы я вернулся к дискуссии по поводу Игры и сказал: конечно, и то, что говорил Сергей Попов — игра как инструмент, и то, что говорил Игорь Ильич [Геллер] — игра как образ жизни, — это все верно, но для меня куда более значимо то, что игра построена по принципу ловушки, куда должны сваливаться результаты. И это куда важней, чем то, что игра есть инструмент.

Седьмой тезис. Потом я говорил о неимоверной значимости разделения *предмета* и *объекта* и сказал, что без этого разделения методологии не могло быть и не может быть сейчас. И дальше начал обсуждать природу диалектического материализма и утверждал, что диалектический материализм, каким он разрабатывался у Маркса — но не у «марксидов», поскольку «марксиды» — дураки, а Маркс отнюдь нет, — разрабатывался как «снятие» противоположностей между материализмом и идеализмом. Причем я утверждаю, что в диамате есть все, что есть в самых рафинированных формах идеализма, но есть еще основной принцип *материалистической организации мировоззрения*.

Этот принцип не отменяет всех принципов идеализма, которые обеспечивают активность человеческого духа, а дополняет их, делая

---

* См. [Щедровицкий, 2012, с. 225–226]. *Примеч. ред.*

этот идеализм куда более сложным, и впервые вооружает человека и делает из него человека с активной жизненной позицией и творческими способностями. И это был седьмой тезис.

Тезис восьмой. Я ссылался на Карла Поппера и сказал, что его принцип самостоятельного существования идеальных содержаний и сущностей отнюдь не смешон и не представляет собой идеалистической ошибки, а есть принцип жизненно важный, без которого развивать мышление и деятельность нельзя. Надо понять, что реально существуют сущности, или идеальные содержания, и это есть подлинный мир, а мир феноменальный — мир явлений — есть, по сути дела, эпифеноменальный.

Без понимания этого, с моей точки зрения, нельзя обеспечить не только «перестройку»[80] и нормальное культурное развитие, но даже решение житейских дел. Люди, которые не понимают этого принципа — что сущности реальны, и жить надо принципиально: ориентироваться на эти сущности, а не на социальную ситуацию, — ничего не могут сделать.

И *тезис девятый*. Это уже то, что мы поняли позже, обсуждая доклад с Галиной Алексеевной [Давыдовой]. Дело в том, что нынешняя борьба диамата с позитивизмом непосредственно определена значимостью предыдущего пункта, ибо *позитивизм* есть не что иное, как такая квазифилософская концепция, которая отказалась от попыток решения всех перечисленных выше проблем и представляет собой попытку вернуться к отсталому научному мировоззрению в новой ситуации XX века. Это попытка вернуться к научному мировоззрению и тупо экстраполировать научные способы мышления в те области, где они уже давно не работают, в частности в области проектирования, программирования, определения будущего и т. д.

Вроде бы сейчас в этих тезисах я резюмировал то, что обсуждал в предыдущей части доклада. Есть тут вопросы и замечания? Я что-нибудь получу, кроме мрачных взглядов?

— Георгий Петрович, у меня есть вопрос — противный, но, по-моему, очень важный. Если методология претендует на решение задачи с формированием мировоззрения, то науку и философию она «снимает». А вот что делать с религией?

А религию — запросто.

— А в какой форме?

Знаете, есть такая заповедь: «Познай Бога, а дальше делай все, что угодно». И мне все равно, кто это сказал — Монтень или Будда. Методология, говорю я, продолжая ответ на ваш очень важный вопрос, есть нравственность XX века и ближайших последующих веков,

ибо жить по традиционной морали уже нельзя. И я не думаю, что мне надо вам это особенно доказывать, — вы это и так понимаете. А как жить — непонятно. Приходится через мышление строить нравственность, совершенно по-новому, и потом ее использовать как временный склад морали.

Но вроде бы я уже говорил об этом и о том, что мне нравится тезис [В. П.] Тыщенко из Новосибирска, что XX и XXI век не допускают ориентации на мораль, ибо мораль стала уже аморальной. Нужен другой принцип организации жизни — *нравственность*. Он более пластичен, чем незыблемые принципы морали, ибо оказалось, что нравственность определяется идеей *добра*, а добро — оно всегда ситуативно, или ситуационно. Приходится решать этот вопрос каждый раз, выкладывая из «шкатулки» моральные принципы и перебирая их один за другим, решать, что здесь ведет к добру, а что не ведет. И в каждой ситуации строить для себя систему локальной нравственности.

Я специально так это подчеркиваю, но идея о том, что локальная нравственность противоречит мировой, является, по-моему, ошибочной. Просто ситуация должна быть многодонной, и приходится проходить сверху донизу или снизу доверху, а иначе, оказывается, жить нельзя.

И вопрос не в том — локальная нравственность или не локальная, — она просто сегодня не может быть другой. Она должна быть изменчивой и учитывающей особенности ситуации. И такой является как нравственность, так и безнравственность, а вот как вы в этих меняющихся ситуациях будете оставаться нравственными и принципиальными — это каждый раз вопрос, который человек решает лично.

Я вам ответил?

— *Я еще подумаю*.

Отлично, если вы подумаете, то и я еще подумаю, как вам ответить.

— *Георгий Петрович, вы бы могли соотнести высказывание Попова о том, что игра (я подчеркиваю: игра, а не ОДИ) не имеет собственного содержания, с вашим тезисом?*

Не согласен я с этим тезисом Попова, но позавчера было важно затвердить его в таком виде. Я ведь понимаю, что у Сергея Валентиновича [Попова] был свой план, своя стратегия. Она, на мой взгляд, вела к добру и к пониманию этого принципа. И хотя я по содержанию с этим не согласен и говорю, что это — ложь, мне важно было, чтобы он этот свой принцип разыграл и доиграл до конца, поскольку это вроде бы ведет к добру.

— Георгий Петрович, вы противопоставляете два пространства — пространство истории и пространство деятельности?

Я вопрос ваш понимаю. Но я не знаю, как ответить и правильно сказать, поэтому я сейчас пространство деятельности и пространство действия не различаю, не противопоставляю друг другу.

Мне важно то, что у нас произошло на Игре-50, когда мы игровым образом практически зафиксировали, что пространство действий, цепочек действий — и в этом смысле деятельности — расходится с пространством истории. И нам надо было эти два пространства развести и дальше в это поиграть.

А вот как это правильно называть по понятию — пространством деятельности или пространством действия, — никто не задумывался, и у меня времени не было. Вопрос правильный, перспективный, но ответа у меня нет. Так что думайте дальше, пишите статью, пожалуйста, входите в культуру, подавайте заявку на Нобелевскую премию.

Итак, я пошел дальше. И вот в этой логике, инициированной Марком Владимировичем [Рацем], я начал думать, что же я еще должен сказать и что важно.

При этом надо еще одну оговорку сделать: я тут докладываю импрессионистски, мазками, рассчитывая, что каждый, кто может мыслить, запишет и промыслит, а кто не может мыслить, так ему это вообще ни к чему. Но я не могу здесь сейчас излагать историю ММК — для этого нужны гигантские циклы лекций и детальное обсуждение. Хотя меня ругали опять же (в обед)… Говорят: если я распространяюсь широко на каждую тему, то это интересно и может быть усвоено, а если я просто назывным образом говорю, что такое вот было, и вехи или буйки расставляю здесь, а потом ухожу, то это малопродуктивно. Внутренне-то я с этим тезисом согласен, но ничего подобного сейчас нельзя сделать, и поэтому я только оставляю вехи — для того, чтобы собравшиеся ориентировались более или менее и задали какие-нибудь вопросы. А дальше — литературу читать, прорабатывать. Я не могу здесь, в этой лекции, передать основы мировоззрения, которые, с моей точки зрения, необходимы для освоения методологии и для работы в методологии. Это задача для других форм коммуникации — это надо иметь в виду.

А я двигаюсь дальше. У меня осталось совсем немного: надо, наверное, еще четыре принципа задать вдобавок к девяти, уже названным. Всего получается тринадцать, а тринадцать — это хорошее число.

Десятый тезис. Итак, наверное, следующим очень важным результатом ММК, который лежит в основании всех современных

нынешних работ по СМД-методологии, было построение *схемы знания** и разработка оснований *содержательно-генетической эпистемологии*. Я, таким образом, утверждаю, что ММК отличается от всех других направлений и школ — от других видов культурной и идеологической работы и от других видов методологии, существующих в мире, скажем, от французской школы или от американских школ, — тем, что у ММК есть своя особая эпистемология, или теория знания, своя схема знания и своя конструктивизированная и формальная работа со знанием. В том числе такая работа со знанием и мышлением ведется в оргдеятельностных играх — в принципе, мы должны требовать от каждого игротехника знания эпистемологии и умения работать с эпистемологическими схемами.

Это — тезис. Есть тут какие-то вопросы или замечания?

— Георгий Петрович, не могли бы вы указать литературу по этому тезису?

Меня по поводу каждого тезиса просят указать литературу, поэтому это надо делать иначе. Вы должны понимать к тому же (и это тоже важный момент, я сейчас его зафиксирую как следующий пункт-принцип), что мы работали до «перестройки» и СМД-методологию, с одной стороны, и ОДИ, с другой, сложили до периода «перестройки».

Больше того, Галина Алексеевна [Давыдова] в обед вообще все перевернула… Она сказала: «Ну да, вы в подполье, сложив узкие эзотерические группы, работали, жили и действовали. Теперь посмотрим, как вы будете работать в условиях “перестройки”; это не то, что при старом режиме работать — методологию строить. Теперь вы будете действовать в новых, свободных, открытых условиях. Думаю, что тут вы загнетесь очень быстро». И я понимаю, о чем она говорит, и думаю, что это правильно. Но ведь в тех условиях мы ничего не могли реально опубликовать, поэтому это каждый раз — отдельные статьи.

— Кое-что публиковалось все-таки.

Видите ли, мои сверстники-завистники говорили мне: «Что это ты жалуешься, что тебя не публикуют? Тебя же печатают направо и налево». Это действительно так, но опубликованное — ничто по сравнению с тем, что должно было быть опубликовано.

И если вы хотите войти в СМД-методологию, всю эту литературу надо теперь в ускоренном темпе прорабатывать. Мы так считали: на это нужно пять-семь лет напряженнейшей учебной работы.

---

* См. рис. 5, с. 437 наст. изд.

И потому на вопрос о литературе отвечаю вам и всем остальным в общем виде… Надо брать книжку 1975 года «Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектировании (теория и методология)»* и года три, страница за страницей, изучать. Смотреть на ссылки, брать эту литературу, читать, смотреть там на ссылки, читать и эту литературу — так разворачиваются бесконечные кортежи текстов. Когда снимете первый слой, придете к Петру Георгиевичу [Щедровицкому], возьмете у него машинописные тексты и будете по новой читать все это. Такова ситуация, и королевского пути здесь нет.

И *одиннадцатый тезис* — идея *бессубъектности* (это — к вопросу о психологизме и психологии как мошенничестве XX века). Я уже говорил, что эта идея состоит в том, чтобы развивать мышление и деятельность как субстанции особого рода и описывать их без человека, или, иначе, без субъектов действия. И, продолжая эту линию, я сказал бы, что главное мошенничество — это идея человека с его психикой, а второе мошенничество — это идея субъекта, оппозиция «субъект-объект». И пока эта категориальная схема «субъект-объект» не преодолена и вы продолжаете мыслить в ней — вы ничего не сможете сделать. Поэтому я и сказал, что эта схема есть величайшее мошенничество последних 800 лет европейской культуры (поскольку виновник этого — Абеляр; а это 1147 год или где-то в этом районе, а все дальнейшее было во многом мистификацией).

Галина Алексеевна напомнила мне, что, когда в 60-е годы я выходил и рисовал нечто, а потом пририсовывал такой символ [позиции], который тогда в Москве в просторечии назывался «морковка», это вызывало страшный крик и ненависть всей московской интеллигенции. Они кричали: «Опять он со своими “морковками”! Чего он дурака валяет? Скажи нам, и мы все поймем!» Нет, милые товарищи, ничего вы не поймете.

Поскольку должно и нужно работать в схеме бессубъектности: у вас есть мышление, которое живет по своим законам и разворачивается в своих особых механизмах. И когда, скажем, в схеме коммуникации рядом со знаками коммуникации ставятся эти самые знаки [позиции] — «морковки», то ведь я этим самым проделываю серьезную процедуру — я выношу индивида на доску и произвожу его отчуждение. Он теперь есть момент объективности, и я рассматриваю, как он там живет, — вне меня.

С этим связаны довольно сложные проблемы… Поскольку есть я, который здесь рассказывает и рисует, но я с собою должен работать

---

* См. [Разработка и внедрение…, 1975]. *Примеч. ред.*

совершенно особым способом и в особом модальном отношении. При этом особом модальном отношении никакого выхода на знания, на законы, на объективность быть не может. Чтобы работать с индивидом в мышлении и деятельности, надо этого индивида вынести на схему и быть ему противопоставленным. И он должен стать тем, что немцы называют *Gegenstand*, то есть «противостоящий мне». И если эта процедура не стала вашей основной процедурой, считайте, что вы живете вообще без смысла.

Такова моя тенденциозная точка зрения. Но я эту свою тенденциозность могу и даже должен проявить и сказать: «Мне все понятно. Вы работаете в схеме «субъект-объект». Извините, мне это не интересно. Вы же никогда ничего не получите и не можете получить. Нет, продолжайте, уважаемые товарищи, но только без меня!» Такова моя резкая, радикальная позиция.

Потом нам ее пришлось перевернуть. Для особых ситуаций нужно проделывать особую работу субъективации. Чтобы, например, организовать игру, мы должны создавать специальную «ловушку», или особые условия, — чтобы индивиды, попавшие в игру, могли субъективировать свои отношения, субъективировать то, что они слушают и как-то начинают осваивать.

Я думаю, что и в педагогике это точно так же есть основной тупик. И я думаю, что наши дети, внуки не учатся в школе, вузе и дальше в ИПК[81], поскольку не организован *процесс субъективации*, а если он не организован, то никакого обучения, образования, никакой высшей школы быть вообще не может.

Но шаг это принципиальнейший — отказ от субъективности и субъект-объектной категории, и этот шаг является условием выхода в методологическую позицию.

Есть здесь какие-нибудь вопросы?

— Субъективация и интериоризация — это синонимы или разные вещи?

Это разные вещи. Интериоризация есть понятие в концепции Петра Яковлевича Гальперина. И хотя он пытался показать, что это общекультурное понятие и что якобы оно было у Жане и зафиксировано во французской психологической культуре, и хотя вроде бы у Петра Яковлевича были для этого некоторые основания, поскольку у Жане и это было, но вообще-то это — понятие из его, Петра Яковлевича, концепции, связанное, с моей точки зрения, с ошибочным допущением, что знания усваиваются людьми за счет того, что человек извне вовнутрь втягивает это знание. Причем, на мой взгляд, идея интериоризации как сущностная идея очень интересна, принципиальна и правильна — употребление только негодное, поскольку рамочка

не годится и теряется смысл самой идеи интериоризации. У Жане-то это осмысленно, у Петра Яковлевича — наполовину, а у его учеников на девять десятых неосмысленно.

— А у Выготского?

Извините! У Выготского этой идеи не было, и тут я готов с вами стреляться. Я понимаю ваш шаг, ибо вы же производите модернизацию Выготского под дурошлепские представления нашего времени… Не нет, а да! Я ведь понимаю, о чем вы говорите, а дальше — на пистолетах, господа, на пистолетах! Мне же важно позиции определить.

Так вот, этой идее интериоризации Выготский принципиально противоположен. Я думаю, что, если бы Пётр Яковлевич выдвигал эту идею еще при жизни Льва Семёновича, Лев Семёнович ему бы голову оторвал — сам, в милицию бы не обращался. Но поскольку Гальперин действует «опосля», он, конечно, всегда прав. Поэтому, я так понимаю, мне не только с вами придется стреляться, но и с ним, чтобы принять на себя функции Выготского.

Позиция моя понятна? А дальше вы считайте, что я ошибаюсь или лапшу вам вешаю на уши.

Еще какие вопросы?

— Георгий Петрович, а кураж — это условие субъективности?

Нет! Кураж есть необходимое условие существования личности, а не субъективации. Субъект — это не личность. А если вы думаете, что личностями рождаются, то вы ошибаетесь. Надо иметь кураж, чтобы стать личностью. Но этого еще мало. Надо иметь кураж и еще уцелеть во время первого избиения, которое вам «профсоюз» устроит по поводу вашего куража. И если вы потом выживете, куражьтесь, сколько хотите, если сможете.

— Поясните, пожалуйста, про субъективацию.

Вы наблюдали первые дни нашей дискуссии? Вам не скучно было?

— Нет.

О, это меня радует! А мне было дико скучно. Поскольку никакой субъективации не было.

Как мне объясняли то, что тут происходило? Ну, Попов, Пётр Щедровицкий, Георгий Щедровицкий обсуждают какие-то интересующие их вопросы, а мы тут при чем? Мы сидим, ручки на коленях сложили… И чего делаем? Другими словами, никакого субъективного отношения нет: рассказывают, что там у нас было, спрашивают только, в какую рамку помещать. Дальше уже был вопрос более субъективированный и интересный: «Георгий Петрович, объясните, чего у вас с Поповым и Петром такая ожесточенная драка была? Что вы там такого значимого нашли? И как это можно вообще?» Один — любимый

ученик, другой — не менее любимый сын, а ведь если бы мог, так глотку бы зубами перегрыз, — это про меня так говорят. И правильно говорят. Из-за чего сыр-бор-то? Разве есть такие отчужденные принципы, предметные реалии, из-за которых можно ближним горло перекусывать? А кто-то меня спросил: «Георгий Петрович, а вы не из породы Павликов Морозовых?» А я ведь ответил: «Я из породы этих Павликов Морозовых».

Но дело не в этом, хотя все точно так. Так вот, Павлик Морозов, донося на родного отца, нарушал, конечно, этику и нравственность, но он был заинтересован в деле, он верил в идеологию колхозного движения. И если веришь в идеологию колхозного движения, то обязан на папеньку родного доносить в соответствующее отделение ОГПУ[82] — вот это есть субъективация[83].

И этому (меня спрашивают) как научиться? Либо у вас это есть, либо у вас этого нет. А как научиться? Ну, пройдете две-три игры…

А кстати, я вспоминаю один из ваших вопросов. Сидит такая девочка, щеки пухлые, и спрашивает: «Как вы относитесь к историческому процессу?» Я сначала подумал: «Ничего себе! Сидит и интересуется моим отношением к историческому процессу. Что это означает?» Я ведь должен был понять, что вы в решении этого вопроса кровно заинтересованы. А то ведь непонятно: почему? какое вам дело? Живете там у себя в Челябинске… Какое вам дело до исторического процесса? Умничает, значит. Что вас в историческом процессе заинтересовало? Ну, идет он и идет. Солнце всходит и заходит. А меня спрашивают: «Георгий Петрович, а как вы относитесь к тому, что солнце всходит и заходит?» Как отношусь? Нейтрально. Ну и черт с ним, пускай оно всходит и заходит. А чего это вы с историческим процессом? Со структурой его, с линейными развертками?.. Как вы выработали в себе такое субъективированное отношение к историческому процессу?

Вот так ко всем вопросам и относитесь, и у вас будет субъективация, а если не будет, то тоже нормально и хорошо. И без субъективации можно нормально жить. В игре участвовать — нельзя, наукой заниматься — нельзя, тем более — методологией, а жить — нормально.

Вот это то, что я могу ответить вам с ходу, если вы будете что-то еще спрашивать, я еще отвечу.

— Вы объективируете субъекта, и, соответственно, он вам не нужен?

Мне схема «субъект–объект» не нужна — как ошибочная.

— А почему вы считаете, что она ошибочная?

А очень просто. Объясняю: потому, что я работать с этой схемой — научно, методологически, теоретически — не могу. Я могу только девушек охмурять своей субъективностью.

— Она вам просто не нужна, поэтому вы и отказываетесь.

Она мешает что-либо решать — мне и другим. Теперь я все переворачиваю и говорю: когда я нарисовал эту «морковку» на доске, то у меня ведь здесь не субъективность, у меня субъект как объект моей мысли. Так он кто — субъект или объект моей мысли? Кто он?

— Объект.

Объект мысли. Вот и не нужна эта самая субъективность. И я тогда могу механизмы мышления рассматривать объективно, как противопоставленные мне — мне как субъекту актуальной работы. Могу знания получать. Ибо получать знания про то, что субъективно, нельзя. Никто еще не показал, как это делается.

— Но смотрите: у вас все равно есть эта схема, просто вы с ней не работаете, а вы же фактически субъект.

Я, между прочим, не субъект. Это ведь смотря в какой деятельности. Обычно я — мыслитель, а не субъект.

— А субъект — тот, кто не мыслитель?

Субъект — это тот, кто «надел» на себя эту категорию и щеки раздувает: «Я — субъект!» И еще высказывает разные мнения — что ему нравится, что ему не нравится и как он относится к отсутствию или недостатку колбасы в городе Обнинске. В этот момент он — «субъект». И на этом все заканчивается.

А я, как мыслитель, должен себе онтологическую картинку объективности прорисовать. И содержание моей мысли задается тем, что я прорисовал. Поэтому здесь важнейший момент — это искоренение себя, субъективности. Или — если пользоваться чеховскими словами о том, что «раба надо из себя выдавливать»[84], — надо эту субъективность из себя «выдавливать». Когда выдавите, можете быть ученым, методологом, учеником. Человеком быть не можете.

У меня на курсе в Университете марксизма-ленинизма в Обнинске есть одна слушательница… Вот она субъективна. Так почему-то вы на последних лекциях требовали ее удалить. Почему так?

— Рассудок у нее отсутствует, работать мешает.

«Работать мешает»! Но обратите внимание — субъективна! Честна и искренна! А вы требовали, чтобы ее выгнали. Интересно почему?

— Почему же у вас оказывается, что субъективность науки — ценность?

Я понимаю, что вы говорите, но утверждаю, что надо пройти между Сциллой и Харибдой: чтобы была наука, надо быть объективным, и чтобы была наука, надо быть субъективно заинтересованным. Как говорил Тиль Уленшпигель: «Пепел Клааса стучит в мое сердце»[85].

— Георгий Петрович, вы в 1985 году в дискуссии с Розиным и Сазоновым на игре, посвященной теории проектирования, вводили две схемы — субъект-объектную и схему деятельностного отношения…

Если вы думаете, что я помню, каким образом я там работал…

— В той дискуссии обсуждалась оппозиция натуралистического и деятельностного отношения к миру, к мышлению, и натуралистическая позиция фиксировалась как субъект-объектная, а деятельностная как отношение трех позиций, где есть субъект-объектная позиция, есть объект отношения и есть еще некоторая позиция, которая фиксировалась как занимающая место индивида в субъект-объектной схеме. Там можно было занимать позицию объекта, субъекта, позицию отношения. Был такой пример, вы говорили: «Вы, Вадим Маркович, сейчас меня ругаете, но я понимаю, что я в вашем тексте — объект и веду себя как объект. То есть я это понимаю, а затем я беру слово и отвечаю вам, поскольку теперь я уже занимаю позицию субъекта». И вот у меня вопрос относительно натуралистической и деятельностной парадигматики в контексте идеи субъективности и отказа от идеи субъектности: как практиковать это деятельностное отношение?

Понял ваш вопрос и кое-что вспомнил из того, о чем вы говорите. Это на самом деле очень сложная проблема. Она состоит вот в чем: сейчас, когда я нечто рассказываю и при этом рисую на доске, я как рассказчик занимаю субъективированную позицию. Я твердо помню, что докладчик — я, а не, скажем, вы. Но вы мне задаете вопрос, и у вас есть определенные представления, которые вы в логике того, что я рассказываю, связать и склеить друг с другом не можете. Я это понимаю и говорю: «Ага, схема “субъект–объект”», — и начинаю трактовать историю философии. У меня есть оргдеятельностная схема, и я понимаю, что там происходило в немецкой классической философии…

Начинать надо с Фихте, который обсуждал вопрос предельно субъективированно. Он ставил вопрос: что сейчас в нынешней ситуации в Германии должен делать ученый? Что мы, ученые, должны исповедовать и как мы должны действовать?[86] И это одна постановка вопроса. При этом Фихте оказал гигантское влияние на тогдашнюю ситуацию, поскольку он был искренним, беззаветно смелым.

Он не политиканствовал, он обсуждал вопрос, что ученому делать. Теперь представьте себе, что Фихте определялся бы иначе. Он бы начал обсуждать, как обсуждаем мы, — объективированно, а именно так: «Уважаемые профессора немецких университетов, дерьмо вы все и делаете не то, что нужно». Поступая так, он производил бы объективацию. Он говорил бы: «Эти профессора…» — при этом он как бы их на доске нарисовал и квалификацию им давал — как объектам. Каков был бы результат? Сегодня эти лекции — классика культуры Германии, а поступи он иначе, никто бы не обратил на него внимания, поскольку вопрос обсуждался бы отчужденно и опредмеченно: что там должен делать немецкий профессор? Да видал это все немецкий профессор в гробу. Вот это и есть объективное представление предмета разговора — в противоположность той модальности, которую выбрал Фихте, — субъективированной. Он как бы для себя писал… и говорил: «Я — дерьмо».

За этим стоит невероятно сложная методологическая проблема. Для меня, кстати, на этом совещании главная проблема — это проблема осмысления того, что здесь происходит, проблема моего собственного места. Я постоянно задаю себе вопрос: «А что я должен делать? Как я обязан себя вести?» Это есть проблема субъективации. Я не обсуждаю вопроса, что должны делать другие методологи, в отчужденной, объективированной манере. Это — дело каждого, и я четко знаю свои границы и рассказываю про то, что делал я, и про то, что, с моей точки зрения, надо было мне делать и чего не надо было делать. И это очень важная категория — категория *самоопределения*. А самоопределение находится вне контекста научного исследования. Самоопределение не есть научное исследование, и я в самоопределении не есть объект исследования. А если я хочу что-то исследовать, то я буду строить мысль совсем иначе.

Значит, отказ от категории «субъект–объект» происходит в организации мира объектов, и я фактически утверждаю, что категория «субъект–объект» дает ложную онтологическую схему. И все онтологические схемы, в том числе схемы психологии, построенные на базе категории «субъект–объект», есть ложь и вранье изначально. Понятно я говорю?

Вот и все. И мы с вами решили этот вопрос. Он решается в ортогональной схеме — в ортогональной организации пространства методологического мышления. И он решается именно таким образом, поскольку методолог, в отличие от ученого, имеет дело не только с объектами. Он включен в коммуникацию с другими субъектами и должен к ним относиться и строить эту коммуникацию совсем по другим законам.

И уже теперь реплика психологам. В этом смысле субъект-субъектные схемы Ломова и деятельностные схемы учеников Леонтьева лежат просто в разных плоскостях пространства мышления и требуют разной организации мышления и деятельности с двумя разными логиками — с одной логикой для горизонтальной доски и с другой логикой для вертикальной доски. Вот что важно. И мои утверждения, что субъект-объектная схема есть ложь, верны в отношении доски онтологий и, наоборот, принципиально неверны в отношении оргдеятельностной доски. Поскольку там, в оргдеятельностной доске, вся организация собственной работы происходит в схеме «субъект–объект» или через отказ от этой схемы. И там это очень важно.

Но я теперь гляжу на прошлые исследования в философии и науках и говорю: «Ребята, вы же постоянно путали эти две доски, поскольку не учитывали двух необходимых измерений в европейском мышлении, постоянно их склеивали и смешивали». И, поняв это, я могу избежать ошибки традиционной европейской философии и науки. Вот об этом идет речь.

Я хотел бы еще кое-что важное добавить к обсуждению этого принципа. В связи с идеей освобождения от догм психологизма очень важны три момента.

Первый состоит в том, что очень часто идеи психологизации рассматриваются и критикуются в идеологии материализации психики, помещения психики в человека. А я убежден, что психика не есть качество или характеристика человека. Психика должна рассматриваться субстанционально, если мы хотим строить психологию вне субъектов. Вот это и есть первый момент, который должен быть преодолен, — предваряющая, преждевременная материализация (с разными вариациями — вроде той, что психика находится в голове у человека, и другой белиберды).

Второй момент — это идея выведения высших форм из низших, интеллектуальной деятельности — из чувств. Необходимость обсуждать этот вопрос возникла в конце 50-х годов. Тогда же была предложена схема «квадрата». Она очень эскизно, сокращенно была описана мной в статье «О различии исходных понятий «формальной» и содержательной логик»*.

В чем смысл схемы «квадрата»? Надо было ввести понятие мышления и объяснить, каким образом может существовать мышление не как психический процесс, а объективно — как субстанция особого рода. Была предложена схема, где мышление отождествлялось с системами оперирования в смысле Кондорсе — оперирования

---

* См. [Щедровицкий, 1962], а также с. 418 наст. изд. *Примеч. ред.*

на «верстаке» — вне нас. Поэтому я всегда, когда обсуждаю эту тему, говорю, что мышление происходит вне головы, что голова никакого отношения к мышлению, в сущности, не имеет (см. рис. 1)*.

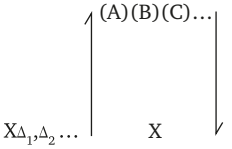


Рис. 1

Что изображено на схеме? В левой части: оперирование с объектом (X_{Δ_1,Δ_2}…), затем полустрелка вверх, фиксирующая отношение замещения полученных содержаний, создаваемых за счет применения операций к объекту, знаками (A)(B)(C) и т. д., и отнесение этой знаковой формы к объекту (полустрелка вниз).

Таким образом, с одной стороны, здесь получается *структура знания*, ставшая у нас канонической, с другой стороны, задается рамка для анализа *мышления*. Ибо мышление есть оперирование с объектами (поэтому мы и называем их объектами оперирования), замещение единиц, возникающих за счет этого, знаковыми формами и применение следующего уровня оперирования к знакам. И все это существует, говорим мы, вне головы человека и дает нам возможность рассматривать мышление как деятельность, а мыслительные процедуры — как оперирование с объектами, замещение, оперирование со знаками и отнесение [к объекту].

А теперь я перехожу к правой части схемы. Здесь мы видим все то, что представлено в левой части, — объекты и операции с ними, знаковые формы и операции с ними, но уже как образы, как результаты отражения в сознании человека. И по законам, которые давным-давно зафиксировали ассоцианисты, все это соединяется ассоциациями в человеческой голове.

Итак, правая и левая части объединяются отношениями отражения, изображенными вверху и внизу по горизонтали. Именно здесь (по горизонтали) развертывается чувственное отражение: ощущение, восприятие, представление. А мышление разворачивается перпендикулярно отражению — «ортогонально человеческой голове» — и имеет объективный характер.

Эта схема «квадрата» очень точно, с моей точки зрения, фиксирует реальную ситуацию, объясняет все связанные с этим трудности в истории развития европейской философии. Это и есть мое

---

* Схема реконструирована редактором. *Примеч. ред.*

отношение к Локку и другим «умникам» (поскольку в этом мошенничестве как раз Локк виноват): это — несколько столетий глубочайших, принципиальных заблуждений европейских философов. А надо рассматривать мышление отдельно — ортогонально к чувственному отражению — и понимать, что мышление формируется не на основе чувственных форм отражения, а вне их.

Проблема очень сложная, требующая дальнейшей разработки, и опять-таки, к сожалению, описать ее нельзя. Когда я принес статью в «Вопросы психологии», мне сказали: «Ну что вы? Возможно, такое и может быть, но наши психологи этого не поймут».

— Георгий Петрович, можно ли сказать, что в нижней части — образы объектов, а в верхней — образы знаков?

Внизу — образы объектов и образы операций (оперирования), а вверху — образы знаковых форм. Не знаков, а знаковых форм, поскольку знаки, будучи структурами, связанными отношениями замещения и отнесения, образов не имеют, поскольку иметь не могут. Это все то, что немецкие школы, вюрцбуржцы[87] в частности, называли безóбразным мышлением. И безóбразное мышление есть, поскольку мышление принципиально безóбразно. Но вюрцбуржцы не могли построить этой схемы и объяснить, как же связаны между собой чувственное отражение и мышление, то самое, безóбразное, о котором они говорили. Они думали, что это — особый вид мышления, а я утверждаю, что мышление — любое мышление — всегда таково. И это есть общая и принципиальная схема.

— Просто в некоторых семантических треугольниках и пятиугольниках употребляется именно «образ знака». Или это плохой перевод с немецкого, или что-то другое…

Нет, правильно все употребляется, поскольку они пошли по другому культурному пути: они не могут отказаться от психологизации. И в этом смысле, между прочим, все то, что было зафиксировано в нашей философии, очень четко продолжает европейские традиции — тенденции, наметившиеся в европейской науке. Но наука заблуждалась, и надо давно спустить это в унитаз. Я понимаю, что такое обсуждение режет слух всем культурно-ориентированным, потому так и говорю. Испытываю при этом удовольствие — от того, что вы сердитесь.

— Отношения между объектами и операциями над объектами и знаковыми формами и операциями над ними — это отношения моделирования?

Нет, ни в коем случае не моделирования. Это есть отношение *замещения* одного другим.

И в этом смысле прав был Фердинанд де Соссюр, который говорил, что знак всегда не мотивирован.

Очень красивый пример (я его люблю) приводил Миклухо-Маклай[88]. Хотя пример вроде бы прямо противоположный идее Соссюра, но на самом деле он эту идею иллюстрирует. Когда Миклухо-Маклай приехал на Новую Гвинею и начал бриться, достав зеркало, один из аборигенов, стоявших за его спиной, с удивлением протянул: «Вода!» С нашей точки зрения, это — немотивированное действие, а в психологизме — мотивированное. Аборигены видели свое изображение всегда только в воде, и поскольку зеркало воспроизводило эту функцию, то они сказали «вода». Но папуас — не такой дурак, как можно подумать: он протянул палец и ткнул в эту самую воду. Снова удивился и сказал: «Твердая вода». Так появилось папуасское выражение для зеркала — «твердая вода», но оно ведь не мотивировано по отношению к природе зеркала как такового.

— По отношению к природе — да, а вот по отношению к операциям — неизвестно.

Нет никакой мотивированности. Это есть конвенциональное обозначение на основе произвольного акта замещения. Если я начну вас допрашивать: «А почему это вы — Юрий Иванович?» Ну, предположим, вы мне ответите, почему вы — Иванович. А почему вы — Юрий? Таким образом, это все не мотивировано.

Итак, схема «квадрата» есть решение всех этих проблем. Что такое психологизм? Психологизм в новой развитой трактовке: 1) есть попытка погружения на человеческий материал, который феноменально привычен; 2) есть выведение высших форм из низших — восприятия, представления и других форм чувственности. А правильное решение находится за счет схемы «квадрата» и установления того, что мышление от других форм отражения не зависит. Оно есть система, сформировавшаяся и развивающаяся ортогонально к этим формам чувственного отражения и подчинившая их себе, ассимилировавшая и включившая их по принципам активного освоения. Вот что я утверждаю в этих трех моментах.

— Георгий Петрович, но тогда вы утверждаете, что есть изначальные знания?

Естественно! Знания вообще независимы от форм отражения, и сколько вы глаза ни лупите на то, что происходит кругом, никаких знаний вообще не получается.

— Я имею в виду человека, изначально имеющего знания.

Нет. Знания получаются в коммуникации, если вам свезло и ваша семья может вам передавать знания. Знания рождаются в коммуникации. Но это следующий вопрос.

Итак, я пытаюсь восстановить историческую логику. Каждый шаг в познании задавал новый круг проблем, их решение создавало

новые пакеты проблем, и так мы все время внутренне развивались: решая одну проблему, ставили много других, решая их, ставили на порядок больше новых проблем, и получили возможность разворачивать представления о методологии, мышлении и деятельности. Этим и задавалось непрерывное развитие ММК.

Вот что я говорю. А есть начальные знания или их нет — это детали.

Следующим шагом было, наверное, введение новых понятий *системы* и *системности*, которые дали нам возможность двигаться вперед и занять свое особое место внутри системного движения.

И следующий пункт, очень важный, — это выход на *теорию мышления как деятельности* и на *теорию деятельности*.

Меня спрашивали: «Как же вы провели разделение мышления и деятельности?» Основной заход, который вложил в наше движение Александр Зиновьев в конце 40-х — начале 50-х, был тезис, что мышление должно рассматриваться как деятельность. Принцип неимоверно важный, значимый, поскольку в дискуссиях тех лет (и это тоже историческая «ловушка», которая существовала на философском факультете МГУ) обсуждался вопрос, что представляет собой «Капитал» Маркса, и вся наша профессура, которая стояла на идее тождества логики, онтологии и методологии, утверждала, что три тома «Капитала» есть отражение буржуазных производственных отношений. Когда Александр Зиновьев это слышал, он кричал: «Дураки!» И мы были твердо убеждены, что глупее наших профессоров на философском факультете нет и быть не может. Мы были неправы. Я сейчас, оглядываясь назад, не думаю, что они были глупые — очень даже интеллигентные и культурнейшие. И в этом смысле нам очень свезло. А то, что они говорили глупости, — это один из моментов исторической «ловушки». Поскольку, наблюдая за тем, как они работают и что они говорят, мы поняли очень четко, что нельзя рассматривать тексты, в частности «Капитал», как отражение объекта, а надо рассматривать их как следы, или проявление операций мышления и деятельности людей.

О чем была эта дискуссия? Чем же является текст — формой изображения некоторой объективности или следами тех процедур или операций, которые мы осуществляем? Дискуссия оказалась очень продуктивной, и в той схеме знания, или схеме мыслительной структуры, которую я здесь нарисовал, это все снято, поскольку оказывается (и в этом смысле обе стороны были правы, поэтому я говорю об этом как о «ловушке»), что каждый текст есть замещение объектов, включенных в процедуры оперирования с ними. Вот это-то и есть самое главное.

Мы же теперь знаем, что каждая знаковая форма, в которой фиксируется определенное новое содержание, есть результат оперирования с объектами, и когда мы относим эту знаковую форму назад к объектам, то она должна фиксировать это оперирование с объектами. Но ведь, относя знаковую форму к объектам, называя, например, вот это «очками», я же не говорю каждый раз, что я фиксирую употребление этих двух дужек в нашей жизни. Я говорю: вот это — очки. И это есть стандартная форма интерпретации наших языковых форм: мы фиксируем содержание, создаваемое нашим оперированием с объектами, а относим наши знаковые формы к самим объектам и на них «крепим». Создается стандартное, или типичное, противоречие, в котором живут наши знания и представления.

Итак, надо было теперь обсуждать мышление как оперирование, и это было зафиксировано в тезисе, что мышление и знание есть оперирование с объектами или просто оперирование. Иначе говоря — деятельность. И Зиновьев говорил: «мышление как деятельность». И когда мы с Никитой Глебовичем [Алексеевым] писали в 1957 году вариант программной статьи о развитии новой методологии, мы написали «О возможных путях исследования мышления как деятельности»*.

Написали. Но ведь что это значит, когда я говорю: «мышление как деятельность»? Я в этой формуле чем буду заниматься — мышлением или деятельностью? Различить нельзя, потому что, когда я говорю «мышление как деятельность», это и есть схема сопоставления, и что я тут описываю — мышление или деятельность, — сказать нельзя.

Так с этой формулой «мышление как деятельность» мы вышли на новый путь — разработки новой логики и методологии. Но все те, кто нас слушали, — дотошные формалисты вроде вас — спрашивали: «А что это значит — мышление как деятельность?» Я им объяснял: оперирование, пятое-десятое, процессуальный момент… Но они говорят: «Хорошо. А что вы называете деятельностью?» И тут вроде бы пора сгибать коленки и вставать на четвереньки, но поскольку я не люблю ползать на четвереньках, то я решил, что обязан ответить им на вопрос, что такое деятельность, и начал отвечать. Началось разделение мышления и деятельности, мы начали строить теорию деятельности. Та книга, которую я называл, — «Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектировании» — есть, по сути дела, манифест *деятельностного подхода* и вместе с тем манифест *теории*

---

* См. [Щедровицкий, Алексеев, 1957]. *Примеч. ред.*

деятельности. Здесь были заложены основания научного или квазинаучного описания деятельности.

В этом месте психологи спрашивают: «А психологическая теория деятельности?» К вашему сведению, методологическая теория деятельности разрабатывалась до леонтьевской психологической теории деятельности. Больше того, вся психологическая теория деятельности Леонтьева есть искаженное, психологизированное отражение методологической теории деятельности.

Потом, когда в 1961–1962 годах нам надо было отвечать на вопрос, что такое деятельность, оказалось, что единственная схема, через которую деятельность может быть задана, — это *схема воспроизводства деятельности*. Тогда «процесс воспроизводства» впервые появился в этой области социальных и гуманитарных идей, потому что у Маркса идеи воспроизводства — простого, расширенного — были, но совсем в другом контексте. Теперь же (это опубликовано в 1967 году в сборнике «Семиотика и восточные языки»*) был проанализирован процесс воспроизводства деятельности как конституирующий само понятие деятельности. Оказывается, что деятельность может быть задана только через процесс воспроизводства. Здесь проходит демаркационная линия между деятельностью и действием, поскольку действие, оказывается, не есть единица деятельности, и деятельность из действий не складывается. Деятельность — это принципиально другая категория, поскольку деятельность существует в истории, а не на отдельных людях. И задается она через процесс воспроизводства и тем самым — через исторические процессы.

И что очень важно — на идее воспроизводства деятельности было затем сформировано принципиально важное разделение идей социальности и культуры. Насколько я понимаю, мы были первыми, кто ввел в советскую науку *идею культуры*. Более того, я опять-таки рискнул бы сказать, что мы — единственные в мире, кто имеет понятие культуры. В Америке есть известная работа А. Крёбера и К. Клакхона «Идея культуры»**. Там дано 234 или что-то в этом роде существующих определений культуры, но все они не работают. Я утверждаю, что в рамках методологии эта идея, задаваемая через схему воспроизводства деятельности как один из фрагментов механизма воспроизводства, работает, и работает «на большой палец». И, насколько я понимаю, это единственное актуально работающее понятие культуры.

---

* См. [Щедровицкий, 1967; Лефевр, Щедровицкий, Юдин, 1967]. *Примеч. ред.*

** Точное название книги — «Культура: Критический обзор понятий и определений»; см.: [Kroeber, Kluckhohn, 1963]. *Примеч. ред.*

На основе идеи воспроизводства было произведено разделение социального мира и мира культуры. На мой взгляд, лучше всего это описано в статье 1970 года Генисаретским, где он обсуждал вопрос о социумах с проектированием и без проектирования*. Но намечены были все эти идеи в серии статей, вышедших в 1967 году, — в статье трех авторов «“Естественное” и “искусственное” в семиотических системах» и в моей статье «О методе семиотического исследования знаковых систем»**.

Это принцип неимоверно важный. Кстати — до сих пор не понятый американцами. У меня в этом плане была очень интересная дискуссия с очень известными американскими психологами, социологами и философами, которые буквально заклеймили меня за разделение социальности и культуры. Но меня вообще-то это не удивляет: американцы не могут этого понимать. Я думаю, что это понимают две нации: с одной стороны, Германия, люди, прошедшие период фашизма, с другой стороны, советские люди. Реальное разделение культуры и социальности проходило через них, по их телам, и поэтому это — единственные два народа, которые отчетливо прожили (*erleben*, как говорят немцы) необходимость разделения социальности и культуры. А для американцев культура существует на людях, и люди являются носителями культуры — люди, которые приспосабливаются, адаптируются и живут по законам, скажем, фашистского рейха. Они и являются носителями культуры, ибо культура — народная, да? И другой не может быть.

Для ММК противопоставление социальных систем и культуры является конституирующим и одним из важнейших. Можно быть сколько угодно социализированным, адаптированным к социальности и — в силу этого — быть абсолютно бескультурным или антикультурным.

И следующее — это идея знаний и эпистемологии как необходимых условий мышления о всяком предмете…

— Георгий Петрович, а почему вы обошли категорию производства?

А не имеет она значения, потому что в жизни людей категория производства есть «хризантема в проруби». Вместе с производством. Я понятно отвечаю?

Жизненно значимой является категория воспроизводства, причем воспроизводства как особого процесса, противостоящего развитию и функционированию, как особого процесса в деятельности

---

* См. [Генисаретский, 1970]. *Примеч. ред.*

** См. [Лефевр, Щедровицкий, Юдин, 1967; Щедровицкий, 1967]. *Примеч. ред.*

и мышлении, в жизни людей сегодня. Поскольку люди — случайный материал, на котором паразитируют мышление и деятельность.

А зачем тут обсуждать производство? Ну, пришло кому-то в голову вести игры обмена и строить производство, чтобы обеспечить эти игры обмена и наживу… Это сейчас мы только подходим к тому, что свободный рынок есть условие человеческого существования и надо все прорабатывать и смотреть, как и что с этой новой точки зрения. Но тогда мы всего этого не понимали, и контекста, который я сейчас определил, тоже не было. А с этой точки зрения рассматривать производство не имеет смысла. Подумаешь, очень значимый процесс! <…> Это нормальные условия жизни, и превращать это в проблему, да еще в социальную… Производство, с моей точки зрения, в жизни людей никакого значения не имеет.

— А оппозиция «клуб–производство»?*

Но это совсем другая оппозиция. Меня спрашивают про производство — я выдаю все, что накопилось. Про производство надо говорить, чтобы скрыть от людей значимость производственных отношений. Производственные отношения значимы, а производство, извините меня, — вещь чисто техническая. Вот если вы хотите скрыть характер производственных отношений, вы должны говорить о том, что у нас плохо налажено производство. А оно так вот и налажено — как нужно, так и налажено. И с производством всегда происходит то, что нужно. Я понятно вам отвечаю?

И поэтому чего это обсуждать? Тебе надо подмести в квартире, ну и мети — зачем устраивать «битву за чистоту»?

Итак, идею знаний и эпистемологии мы зафиксировали. Потом шла очень важная проблема разделения логики и методологии, ибо Гегель оставил нам идею тождества логики и методологии. И мы жили в этой ошибочной идеологии. Но ошибки ошибкам рознь. Бывают ошибки неимоверно эвристичные, продуктивные. И эта ошибка Гегеля была из числа эвристичных. Нужно было задать ошибочную концепцию тождества логики, методологии и онтологии, с тем чтобы те, кто ее принял, освободились от этой ошибки. Это непросто. Чтобы освободиться, надо решить массу социокультурных проблем. И они были решены. Понемножку. И сейчас мы понимаем, что есть логика и есть методология, и что это вещи принципиально различные и необходимые человеческой культуре — каждая в своей особости.

И следующий ход. Как только мы их разделили, поиск ответа на вопрос, что такое логика, вывел нас к тезису, пока еще ошибочному, что «логика есть теория мышления».

---

* См., например, [Щедровицкий, 1999б, с. 326–327]. *Примеч. ред.*

Мы попробовали развивать логику как эмпирическую теорию мыслительных форм. Через 25 лет работы поняли, что это — ошибочный путь, но зато мы теперь понимаем, что есть логика и есть теория мышления, и это — совершенно другое. И есть методология — это третье.

Ведь начинали с тезиса «мышление как деятельность» — и это было очень эвристично. Потом мы отделили деятельность и начали строить теорию деятельности, а мышление оказалось не деятельностью, а мышлением. И его пришлось вводить как особую категорию, стоящую независимо от категории деятельности. И когда мы вышли на этот предмет и начали уже по новому кругу строить теорию мышления, оказалось, что понятие мышления, как и понятие деятельности, есть чрезмерное упрощение. У людей не может быть мышления, отделенного от деятельности, и деятельности, отделенной от мышления.

На одной из игр недавнего прошлого я сформулировал это предельно резко. Я сказал: «Деятельность вне мышления есть преступление, подлежащее уголовному преследованию». Это должно быть очень четко зафиксировано. Вы понимаете, что тем самым я отправляю туда, «в уголовное преступление», всех психологов, рассуждающих о деятельности как таковой.

И поэтому возникло понятие *«мыследеятельность»*, которое сегодня выходит на смену чрезмерному упрощению, фиксируемому в понятии деятельности, и другому чрезмерному упрощению, фиксируемому в понятии мышления.

— Поворот, или выход на СМД-представления, был в истории ММК отделен от выхода на мыследеятельностные представления или фактически эта тематика одновременно пошла?

Видите ли, я вряд ли по существу могу что-нибудь добавить к тому, что я сказал в статье 1987 года*.

Итак, был период теории мышления. Потом ему на смену пришел период теории деятельности. Дальше шел период анализа мысли-коммуникации (где-то с 1971 года). И стояла проблема соотнесения и связывания мышления и деятельности при наличии двух предметных структур. Было несколько заходов — Генисаретского, Розина и Москаевой, но решение не находилось. И с этим мы приехали на игру 1980 года[89]. Вроде бы практика заставляла связывать мышление и деятельность в одно, а теоретические представления были разделены. И у нас происходили очень острые дискуссии, возникала масса заблуждений… И потом, в той ситуации — как я это описал — произошел прорыв, в осуществлении которого вы, Марк

---

* См. [Щедровицкий, 1987]. *Примеч. ред.*

Григорьевич [Меерович], как вы знаете, участвовали в первой роли — в роли того хоккеиста, который вкатился в ворота противника вместе с шайбой[90].

— Разъясните, пожалуйста, что там было с теорией и практикой.

Я ведь никогда не говорил, что нужна адекватная теория. Я говорил: теория нужна, иначе практики не будет. Но практика может подтверждать теорию или опровергать теорию. Мы и имели дело с продуктивной практикой, то есть с практикой, не соответствующей теории и опровергающей теорию. В этом состояла продуктивность этой практики.

— Когда вы говорите, что нельзя разделять мышление и деятельность, то это — в реальности. А в идее мышление можно анализировать автономно?

Мы сейчас в контексте исследования мыследеятельности должны то и другое разделять, поскольку произошла эта игра (третья), и там случились новые повороты и прорывы. «Ведро» с головы сняли.

— Это вас практика призвала?

Ведь я почему говорю, что нет практики без теории, без теоретического обеспечения? Я утверждаю, что они всегда идут вместе и соотносятся друг с другом. И только то есть практика, что либо соответствует теории, либо опровергает ее.

— Так практика была?

Была, и она опровергала существующие теоретические представления. А дальше пытайте этого молодого человека, как он до этого допер.

На этом я бы закончил основные мазки, сделал бы внутренний поворот и сказал: итак, это надо продолжать и обсуждать.

Мне и хотелось перейти к обсуждению, но получилось как в анекдоте… Собрались психи в дурдоме — решили роман писать. Три дня планировали, потом один из них пришел и говорит: «Коллеги, я написал». Что-то вытащил и читает, а потом оказывается, что это — телефонная книга.

В обед, после первой части, меня очень жестко критиковали, говоря: «Без разворачивания отдельных тезисов все бессмысленно. Какую цель ты преследуешь?» А я отвечал: «Да бросьте вы, дайте мне сначала изложить, а потом я подумаю». Но пока мы шли сюда, я вдруг сообразил. А в чем у меня цель? У меня цель простая: я хочу более или менее прочертить эту «телефонную книгу» и сказать: уважаемые коллеги, «телефонная книга» толстая, в ней много разделов на разные буквы — от А до Я. Надо это все-все осваивать, если уж вы набрались

окаянства и входите в методологическое движение, — знать, что, где с «психами» было и что, когда они делали. Из всего этого вытекают проблемы, программы и задачи. Но при этом вы не должны думать, что вы имеете дело с чем-то простым и легко осваиваемым.

Насколько я понимаю, такой разработанной и обширной системы, как система теоретических представлений ММК, на сегодня нет ни у кого больше. И у Карла Поппера с его Лондонским кружком[91] тоже — и вопросы вроде решены неправильно, и представления идут вверх тормашками. И поэтому относиться к этому надо с предельной ответственностью.

— Георгий Петрович, а клетки дерева будут расти вверх и вниз или рост уже остановился?

Клетки дерева растут. И в разные стороны тоже. Но вы же понимаете, что рост клеток определяется гравитацией. Момент совершенно случайный. Поэтому я так понимаю, что клетки растут в самые разные стороны и в этом залог нормальной жизни.

— Является ли набор имеющихся средств необходимым и достаточным, чтобы считать, что с методологией можно иметь дело?

Я говорю простую вещь: такой развитой теоретической системы, какая есть сегодня в ММК, нет ни в одном другом объединении мира. Нет ничего равного и похожего.

Хотя я понимаю нашу совершенно особую ситуацию. Мы нарабатывали эти идеи, печатали наши дискуссии, но не писали книг, и поэтому каждый критик сегодня может справедливо сказать: «Перестаньте болтать! Что это вы нам рассказываете? Карл Поппер написал три книжки, а ваши где?» И я ничего не могу сказать, кроме того, что: «Знаете, ребята, там у меня в ящике стола не четыре, а пятнадцать книг». Это я считаю только себя, не считая других.

Я повторяю, что такой наработки, как у ММК, нет ни у какой другой философской, методологической колонии в мире. Ни в Лондонском университете, ни в Питсбургском университете, поскольку, говорю я, таковы были случайные обстоятельства в жизни страны. «Ловушка» была такая сложная.

И когда приезжают американские коллеги и спрашивают: «Ну, как вы работаете?» — я отвечаю: «Неплохо работаю». — «А откуда вы берете студентов?» — спрашивают они. Я говорю: «У меня отбоя от них нет. Я объявляю семинар — приходит двести человек». Они говорят: «Чего?!» Я говорю: «Двести». — «Такого не может быть, поскольку не может быть никогда!»

Но я знаю обстановку работы в американском университете. У них лишних людей нет. Каждый может стать уважаемым фирмачом, прояви только активность. А тут ты приходишь на семинар,

и тебя пять лет бьют, объясняют тебе, что ты — последний дурак. И известно: уцелеет только тот, кто все это пройдет и станет Философом с большой буквы. И у них нет выхода. Вы это понимаете? Они работают.

Мы с вами живем в совершенно особых, уникальных условиях. Поэтому на игру приезжают люди. И на этот съезд приехало 270 человек на 120 мест. Опасений не было. Даже у Александра Зинченко: он зарезервировал 120 и еще 100 мест. И тем не менее в последний день, когда пришли люди, которым некуда было селиться и они рисковали остаться на улице, надо было предпринимать судорожные шаги. Такой ситуации нет ни в одной стране мира и даже в цивилизованной. И поэтому мы имеем гигантский, нерастраченный интеллектуальный потенциал и даже можем развивать такие дорогостоящие метасистемы, какими являются методология, теория культуры или эпистемология. Это — основной ресурс нашей страны. И его очень дорого можно продавать, если есть нужда. Но лучше не продавать, оставить у себя.

Я, начиная с 1953 года, работал в таких условиях. Поэтому когда я объявлял семинар, скажем, «Структуры и системы в науке и технике», то мне надо было снимать помещение на 300 человек, и приходили эти 300 человек. И год работали, и редко когда собрание уменьшалось до двухсот. Вот такие условия. И то, что получилось, есть результат констелляции этих избыточных людей и интеллектуальных ресурсов, потому что всегда было пять или десять активных человек, звезд первой величины, и они работали, собирались вместе — чего не может быть ни в каком американском университете. Это вы понимаете? Вот и все. А дальше надо было рационально и разумно этим пользоваться.

Но при этом я утверждаю, что методология есть самая развитая и передовая форма организации мышления и деятельности, и если сейчас она у нас сохранится еще 20 или 30 лет, то мы здесь будем «впереди всех» и в таком недосягаемом отдалении от всех остальных, что они и за 150 лет нашего застоя нас не догонят.

А теперь в этих условиях надо задать основные направления прорыва и построить большие программы, обеспечивающие развитие методологии и обслуживающих ее наук — теоретических исследований мышления, деятельности, мыследеятельности, эпистемологии. Заодно построить психологию… Систему повышения квалификации надо разработать: содержание, методы и формы.

Вот в этом состояла моя цель. Я должен был это сказать и маломальски показать. Так, как это можно было здесь сделать: наметить импрессионистски.

Все молчат. Двадцать минут седьмого. Я имею возможность уложиться.

Итак, у меня есть несколько тем, перечень примерно из десяти пунктов, которые я считаю первоочередными для развития СМД-методологии. И я их должен перечислить и предельно коротко прокомментировать.

1. Первая тема — «Теоретическая методология и наука». Эта тема в свою очередь раскладывается на ряд тем, имеющих общекультурное значение.

2. «Метод и наука». У нас ведь до сих пор нигде в мире нет понятия метода. Я имею в виду — работающего понятия. Попытки определить, что такое метод, есть. И в этом плане мне больше всего нравится гегелевское определение: «метод есть форма самодвижения содержания мысли»[92]. Красиво! Если задуматься, то просто здорово. «Форма самодвижения содержания мысли»! Это из «Науки логики» (малой).

Но это метафора. А вот что такое метод в противоположность науке и что такое методология как методология или «логия» метода? Таких понятий нет — ни в нашей отечественной традиции, ни во французской, ни в других. Но я понимаю, что надо иметь свое понятие, и, следовательно, этот вопрос должен быть проработан и теоретически, и практически, одновременно, в связи теории с практикой.

3. «Метод и методология». Дело в том, что слово «методология» мы употребляем в двух смыслах. С одной стороны, в значении «логия метода», с другой — методология как теоретизированный метод. Когда я говорю «логия метода», я имею в виду описание метода, или метод, представленный в знании. Методология как метод — более сложная штука. По сути дела, это ответ на вопрос, что такое метод и методология как метод в мышлении — в науке, в оргуправленческой деятельности, в промышленном производстве. Что это такое?

4. «Методология и практика»: проблемы внедрения, или втискивания.

5. «Методология и игра». А игра для меня есть единство игропрактики и игротехники. Значит, можно все раскладывать дальше: методология и игротехника, методология и игропрактика.

6. «Теоретические основания СМД-методологии». Когда я говорю «теоретические основания СМД-методологии», я среди прочего имею в виду то, что я описывал в статье 1981 года в «Системных исследованиях», — методологическую организацию системных исследований*. Это, конечно, «кодированное» название, поскольку меня

---

* См. [Щедровицкий, 1981]. *Примеч. ред.*

там интересовали не системные исследования, а методологическая организация, конкретно — представленная там схема методологии. Я обсуждаю этот вопрос, говоря о тех теоретических дисциплинах, которые обеспечивают СМД-методологию. Но вопрос о теоретических основаниях методологии прикладного типа имеет самостоятельное значение и весьма сложен. И он должен быть проработан в каких-то первых заходах для того, чтобы мы могли двигаться дальше. Этот вопрос выводит нас на более общую тему

7. «Структурная организация методологии». Наверное, об этом надо было бы говорить до «теоретического основания СМД-методологии» и дальше рассматривать формы организации прикладной методологии.

8. «Научно-теоретические представления, обеспечивающие общую методологию». Я говорю об «общей методологии», поскольку я до этого ввел выражение «прикладная методология». Оно было введено примерно пять лет назад, после семинара по системно-кибернетическому подходу в Риге[93], где я понял, с одной стороны, необходимость такого выражения, как «прикладная методология», а с другой стороны, полную теоретическую бессмысленность этого выражения, поскольку методология — всегда прикладная, и если она не прикладная, то это не методология, а «хризантема…». Но при этом оказывается, что прагматически — это очень точное выражение.

Итак, надо рассматривать раздельно теоретические основания методологии, структуру методологии со всеми ее подразделениями и прикладные разделы методологии, то есть, по сути дела, те или иные имплантированные виды практики или научных исследований, оргуправленческой работы, повышения квалификации или вузовского образования — как хотите.

— Не могли бы вы объяснить, что такое «научно-теоретические представления, обеспечивающие общую методологию»?

Отличный вопрос. Когда мы ввели представления о мыследеятельности и прописали их, и говорим, что мы в человеческой жизни имеем дело с мыследеятельностью, и начинаем обсуждать вопрос «мыследеятельность или жизнедеятельность?», то мы обсуждаем именно этот вопрос — о теоретических основаниях общей методологии. Когда Сергей Валентинович [Попов] говорит «методология как средство решения практической задачи» (вы помните эти дискуссии позавчера и вчера), он задает принципиально другую позицию. Его позиция мне понятна. Она очень проста: «Хочу провести социально-экологическую экспертизу Байкала — провожу игру как инструмент для проведения социально-экологической экспертизы»[94]. Это мне понятно, но ведь я говорю о теоретической и общей методологии. И там

я должен разрабатывать методы решения любых и всяческих задач. При этом мне говорят: «Так это что? “Золотой ключик”, который открывает любые двери?» А я говорю: «Нет, такого в методологии не бывает — не может быть, но я же должен быть готов к тому, чтобы открыть любой замок, не имея “золотого ключика”. И даже если меня пригласят исполнять роль медвежатника, я должен уметь вскрыть сейф». Вот это есть ситуация общей методологии.

— Почему «научные»?

Научно-теоретические. Мы ведь все время утверждали, что такие основания задаются теорией мыследеятельности, теорией понимания, теорией рефлексии. И теорию эту понимаем научно — как описание представлений о мыследеятельности, рефлексии и прочем. Но будет очень здорово, если вы продумаете это сегодня и завтра и не оставите от моих суждений камня на камне.

— Для меня просто неожиданно, что эти теории называются «научными».

А это просто есть внутренняя искренность и честность. Вы ведь понимаете, что вся методология ММК проходила под знаком сциентизма, и это были родимые пятна нашего происхождения и дальнейшего развития. Я умом-то уже понимаю, что сциентизм — это плохо, и сердцем — что это безобразно и отвратительно, и могу публично обругать научный подход. Это я вполне могу, но, с другой стороны, я ведь про себя знаю, что я ведь иначе работать не умею и не могу, и никаких теорий, кроме научных, не знаю.

Я понимаю, когда мне объясняют, что Мераб Константинович Мамардашвили — большой философ. И когда он опубликовал свою статью в журнале «Юность»[95] и прописал, что такое философия и что такое философствование, то это очень здорово, но я ведь всего этого не понимаю. И хотя мы с ним большие друзья и двигались вместе с начала 50-х годов, и я его очень люблю и уважаю, — я при этом говорю: я его не понимаю. Пускай он рассуждает про философствование и строит свои невероятно сложные смысловые структуры, но я ведь все это опишу на основе моделей — детальнее, лучше, понятнее и много практичнее. И когда Виталий Яковлевич Дубровский прочитал после моих настояний эту работу Мамардашвили и Пятигорского[96], он мне сказал: «Знаковую форму не уважают, идею знаковости не признают, невероятно сложно пишут о том, о чем мы пишем коротко на основе наших схем. Чего вы мне морочите голову, Георгий Петрович?!» — «Да не морочу, знать надо». А он мне говорит: «Мало ли чего знать надо». Я его понимаю, поскольку внутренне и сам так думаю.

И работаем мы в научной модальности, на основе моделирования. Схемы мыследеятельности строим. Схемы искусственного

и естественного строим. Мераб Константинович работает на высоком понятийном, спекулятивном уровне. Я его понимаю, я сам так учился и знаю мощь спекулятивного философского подхода. Даже призы получал за это дело. Но сейчас для меня работа в научной модальности и на основе моделей куда дороже и куда ближе. И мне нужна схема мыследеятельности. <…>

9. «Научно-теоретические основания игропрактики и игротехники». Здесь у меня игропрактика и игротехника появляются во второй раз.

10. И, наконец, десятый пункт — «Методологические разработки в различных системах мыследеятельности». Методологическая таблица систем мыследеятельности — вместо классификации наук.

Для ученых эта работа с классификацией форм движения материи была очень значимой, несмотря на бессмыслицу всей этой работы. Они, разумеется, классифицировали типы наук и типы знаний, но классифицировали по-дурацки. Ну… как могли.

А нам нужна методологическая разработка типологии систем мыследеятельности, и в соответствии с этой типологией систем мыследеятельности мы должны входить в свою практику методологической работы в различных группах наук, в научных дисциплинах и других видах практики. Именно здесь появляется, скажем, СМД-методология в геологии, в инженерных изысканиях, в проектировании и архитектуре, в программировании и т. д.

На этом я хочу закончить. Я наметил основные направления развития СМД-методологии, наметил вчерне, в расчете на то, что в эти дни в своих докладах и выступлениях все вы, присутствующие здесь, на этом совещании, наметите и разовьете их, исходя из своих практических областей деятельности. И если мы такую программу будем иметь и если мы ее реализуем, то мы и в первом случае, и во втором реально двинемся в развитии методологии. И это и есть то, что нам надо сделать.

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МЕТОДА РАБОТЫ, ИЛИ СПОСОБА МЫШЛЕНИЯ [13 ПРИНЦИПОВ СИСТЕМОМЫСЛЕ-ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДА]

Я сознательно придаю этому несколько догматическую форму, но делаю это исключительно в дидактических целях. Я сформулирую тринадцать принципов, хотя содержание всего, что будет изложено, во многом является проблематичным.

Принцип первый: идея деятельности.

Для меня этот принцип является основополагающим. Все рассуждения я строю, исходя из идеи деятельности. <…> Эта идея накладывает печать на все аспекты и слои работы: она проявляется в логике рассуждения, мышления и определяет тип естественно-научных моделей. Как идея она противостоит, во-первых, идее натурализма, а во-вторых, идее феноменологии, или феноменологического метода. По крайней мере, эти три принципиальные философские идеи, с моей точки зрения, определяют способ и характер человеческого мышления.

Исторически идея деятельности вырастает из некоторых соображений Аристотеля, но не очень развитых, неразвернутых. Она легла в основание философии немецкого классического идеализма: в некоторой степени идея деятельности представлена у Канта, но

Публикуется по изданию: Щедровицкий Г. П. Знак и деятельность. Кн. 1. 14 лекций 1971 года. М. : Восточная литература, 2005. С. 38–48, 53–90 (фрагменты лекций 1, 2 и 3).

фактически она развивается сначала Фихте, затем Шеллингом в его «Системе трансцендентального идеализма»*, затем Гегелем, Фейербахом и, наконец, Марксом**.

Поясняю коротко основную суть этой идеи.

Мы наблюдаем массу разных вещей и хотим, следуя идеалам и эталонам естественно-научного мышления, найти некоторые законы, управляющие жизнью этих вещей. Но такая постановка задачи приводит нас к тому, что вещи как таковые исчезают. У нас остаются объекты или то, что идеология натурализма называла «формой движения материи».

Иначе говоря, если вы хотите рассмотреть стол как некоторую вещь, или магнитофон, или стул, или даже знание, то они предстают как объект человеческой деятельности, включенный в деятельность, и как таковые не имеют естественных законов сами по себе. Это есть некий инструмент человеческой деятельности, и он живет по законам этой деятельности. Но если мы захотим найти эти законы, то вещь как таковая исчезнет и появится нечто другое, скажем, химический, физический, биологический объект и т. п.

Но тем не менее сама задача анализа вещей и описания естественных законов их жизни остается, и это обстоятельство заставляет нас обращаться к деятельности. Я утверждаю, что все это является не чем иным, как материальными следами, или отпечатками деятельности. И если мы хотим отыскать и сформулировать естественные законы жизни вещей, то это будут не что иное, как законы функционирования и развития человеческой деятельности. Они, следовательно, не имеют собственных, имманентных законов, отличных от законов функционирования и развития деятельности, и не имеют особой самостоятельной жизни, отличной от их жизни в деятельности. И если мы говорим об их собственном существовании, отличном от существования деятельности, то мы должны найти такую мысленную форму, или такую форму мыслимости, чтобы они рассматривались даже в своем самостоятельном существовании как отпечатки, следы, отображения самой деятельности. <…>

Если этот принцип понят как таковой и начинает использоваться, то дальше оказывается, что само понятие «вещь» начинает расширяться и выходит за пределы натуралистического представления.

Вначале понятие «вещь» возникало в рамках натуралистического представления. Вещами могли быть только материальные

---

* См. [Шеллинг, 1987]. *Примеч. ред.*

** Подробнее см. [Щедровицкий, 1975, с. 72–84 (1. Первые подходы к изучению деятельности); 2010], а также [П. Г. Щедровицкий, 2014]. *Примеч. ред.*

вещи, то есть вещи, сделанные из материала природы. Но они были именно *сделаны*, и это обстоятельство подчеркивает Аристотель. Маркс в своих ранних работах различал это как первую и вторую природу[97]. Современные дизайнеры называют то же самое «комплексностью среды» или «комплексной средой», учитывая тот момент, что наша деятельность трансформирует, видоизменяет, преобразует все. Я буду говорить об этом после — это десятый принцип.

Значит, само понятие «вещь» возникает в недрах натуралистической концепции, затем из нее выталкивается, переносится в недра деятельностной концепции, и вещь объявляется созданием деятельности, или отпечатком деятельности.

В этом плане оказывается, что и *знак* есть некоторая вещь в деятельности и созданная деятельностью; *понятие* есть некоторая вещь в деятельности и созданная деятельностью. И в конце концов оказывается, что и *человек* есть некоторая вещь, созданная деятельностью и в деятельности. И более того, принимая деятельностную концепцию и стремясь быть последовательными, мы вынуждены сказать, что для человека существует только деятельность. И, вообще, деятельность есть единственное исходно существующее. А «природа» есть некоторая конструкция самой деятельности.

И тогда натуралистическая точка зрения сама получает объяснение как некоторый исторический феномен в рамках различной человеческой деятельности, то есть оказывается, что природа как таковая задается через человеческую деятельность, благодаря появлению натуралистической (или более широко — естественнонаучной) точки зрения. И через это она выявляется в своем существовании, отличном от деятельности, и даже потом противопоставляется самой деятельности как нечто существовавшее до деятельности и то, на чем деятельность смогла развиться и затем «паразитировать». <…>

Хотя я на первом этапе и противопоставляю деятельностную точку зрения натуралистической и феноменологической, чтобы показать тотальный характер этих концепций, <…> но затем я стараюсь показать, что *деятельностная позиция* создана таким образом и уже в таких условиях, что она эти оппозиции снимает в себе и может объяснить существование и оправданность как феноменологической позиции, так и натуралистической позиции.

Другими словами, в историческом плане они должны быть поставлены рядом и противопоставлены, а в плане функциональном или структурном деятельностная позиция задается таким образом, что она должна «снять» и ассимилировать все остальные. [Соответственно,]

я должен отвергнуть оппозицию «природа–культура», принятую Леви-Стросом[98] и другими структуралистами. Для меня существует только культура и природа как элемент культуры. <…>

Бахурина: А можете ли вы разграничить вопросы методологии и вопросы мировоззренческие?

Не могу.

Бахурина: Значит, в вашей концепции нет ни одного зазора?

Я вижу много зазоров. Но представьте себе многогранник: все зависит от того, как смотреть. Но чтобы ответить вам, я должен буду ввести дополнительную сложность, которая в плане этого первого понимания ничего не даст, а зато создаст массу трудностей.

Лейчик: Остается ли что-нибудь за пределами вещей в вашем понимании?

Деятельность. Для меня единственно существующим является деятельность, а вещи суть некоторые отпечатки деятельности, то есть сами вещи я должен объяснить как деятельность.

Лейчик: А что остается за пределами вещей и деятельности?

Ничего. На этом уровне есть другие [образования], там будет масса разных образований, там будет весь мир — «мир» в старорусском смысле — не как природный мир, а мир как деревня, сообщество[99] <…>. Если вы посмотрите этимологию слова «мир», то вы узнаете, вероятно, с некоторым удивлением, что вообще-то деятельностная позиция является исконной. До тех пор пока она не была затуманена учеными-феноменологами, она была естественной с точки зрения первобытного мышления.

Лейчик: А чем отличается эта деятельностная позиция от точки зрения? Почему вам надо говорить о деятельностной позиции, а не о наличии точки зрения на вещи в вашем понимании? Понимаете мой вопрос?

Понимаю. Ведь я все это и ввожу как свою точку зрения, но если эта точка зрения развита таким образом, что она охватывает мировоззрение, методологию, стиль и способ мышления, логику, характер допустимых или, наоборот, исключаемых моделей, представление о действительности и о том, что существует в подлинном смысле [в отличие от того,] что есть чистая кажимость, если эта точка зрения распространяется таким образом, да еще к тому же ставится специальная методологическая цель — построить такую действительность, чтобы в ней могли быть объяснены, ассимилированы и закономерно описаны все другие явления, описанные со всех других точек зрения, то тогда это уже оказывается не только точкой зрения (хотя я и начинаю с нее), но это уже *методологическое требование*, а именно: *задать такую действительность, в которой получило бы*

существование все, что описано с других точек зрения. И это требование делает ее чем-то большим, чем просто точка зрения.

Лейчик: А какая у вас есть гарантия того, что этой вашей точкой зрения охватывается все, что было исследовано и описано до нее?

Дело в том, что это задается самой точкой зрения: я ведь стою на *конструктивной позиции*. Я должен построить такую точку зрения, чтобы охватить все. И с того момента, как я поставил перед собой такую задачу, я это делаю. И основанием для такого утверждения является то, что все это сделано, но как теоретик я понимаю другую возможность.

Принцип деятельности предполагает еще одну вещь: *утверждение примата действования над знанием и принцип непрерывного отставания знания от действования*. И в этом аспекте я прекрасно понимаю, что все, что я сделаю правильно, будет потом опрокинуто последующей исторической деятельностью. И поскольку есть представители натуралистической точки зрения, и поскольку есть представители феноменологической точки зрения (а кстати, феноменология сама стоит перпендикулярно к натурализму и к науке, так как она все объявляет некими смыслами и деятельностью сознания), постольку я понимаю, что представители этих точек зрения могут ту же самую задачу ставить относительно *деятельностной позиции*. И поэтому всегда возможна конкуренция, основанная на том, что каждая точка зрения «пожирает» все другие, используя методологическую функцию.

Вопрос тут решается чистым соревнованием, и поэтому никаких гарантий я заранее дать не могу. То есть я даю гарантии на сегодняшний день, раз это уже сделано, но не могу их дать на будущее, потому что я понимаю, что это зависит от активности тех или иных групп людей…

Бахурина: Таким образом, вопрос об образе жизни не стоит?

Вопрос об образе жизни обязательно стоит, но он решен — в том смысле, что эта точка зрения включает и все экзистенциальные потребности. Я мог бы сюда включить и экзистенциализм, но только я к нему всерьез не отношусь. Мне представляется, что эта точка зрения слабенькая, но она может быть представлена как мировоззренческая позиция.

Лейчик: Как противопоставлены феноменологическая позиция и позиция деятельностная?

Это очень серьезный вопрос, и он упирается в проблему объектности, и поэтому лучше этот вопрос обсудить позднее, когда я свою позицию изложу.

Итак, *принцип второй: примат деятельности над знаниями.*

Действование всегда первично, а знание всегда вторично. И в этом смысле действование всегда может опрокинуть любые знания.

<…> Мы действуем с каким-то целями, с какими-то знаниями, но всегда создаем за счет своего действования новый мир, который неадекватен нашему знанию. Ведь если я утверждаю, что существует деятельность, а все остальное есть не что иное, как ее отображение, или <…> *организованность деятельности*, то для меня и знание есть организованность деятельности как некоторая вещь, создаваемая деятельностью, и, следовательно, деятельность первична: *она* создает мир, а не знание. И только деятельность, а не знание, может претендовать на истинность.

Таким образом, я здесь пытаюсь включить очень трудный *принцип истины*: относительности истины, объективности истины и т. д. Это уже было предметом обсуждения многих философов — Гегеля, Маркса и т. п. Но я его формулирую в радикальной форме, а именно: *деятельность всегда может создавать и создает то, что опровергает те знания, которые в эту деятельность включены*.

Снимщикова: Знание как результат деятельности?

Как неадекватный результат деятельности. И в этом смысле максимум, к чему мы можем стремиться — это так построить наши знания, чтобы они соответствовали этой деятельности. Они сами по себе никогда не могут создавать действительность.

Снимщикова: Но наши действия несовершенны, как и наши знания.

Этот принцип запрещает определять наши действия как несовершенные, ибо у нас нет критериев, на основе которых мы могли бы оценить совершенство или несовершенство деятельности.

Если говорить об этических аспектах, то физики не несут ответственности за то, что они создали [атомную] бомбу, а Ницше не несет ответственности за то, что он сформулировал принцип «воли к власти».

Бахурина: Физик Оппенгеймер не несет ответственности, а человек Оппенгеймер несет.

Это очень интересный вопрос. Я здесь сослался бы на статью Януша Кучинского в двенадцатом номере «Вопросов философии»* и на «Доктора Фаустуса» Томаса Манна, но я принципиально не согласен с Кучинским.

Натансон: Но тогда любая попытка прогнозирования с этой точки зрения обречена на провал!

---

* См. [Кучинский, 1970]. *Примеч. ред.*

С моей точки зрения, любая попытка прогнозирования бессмысленна. И больше того, я могу показать на очень большом материале, что реально прогноз никогда и не осуществляется, но, с другой стороны, я могу показать, что так называемое «прогнозирование» оправдано, поскольку оно всегда выступает не как прогнозирование, а как элемент *проектирования*. Вот проектирование допустимо, и человек живет, непрерывно проектируя будущее. Но при этом он часто путает: реализуя свои проекты, он называет их «прогнозами» и потом говорит, если он хорошо действовал и реализовал проект, что его прогноз осуществился, хотя на самом деле осуществился не прогноз, а был реализован созданный им проект.

Натансон: Но хронологически получается, что знание уже функционирует на стадии составления проекта.

Лейчик: А может быть, можно говорить об относительности нашего прогнозирования?

Я ответил так, как я ответил. На этот вопрос я хотел бы ответить, возвращаясь к первому принципу.

Представьте себе, что есть знание, по которому составляется соответствующий проект, и этот проект реализуется в виде вещи. Но ведь реализация проекта так же, как и накопление знаний, создали для меня новую объективную действительность, а именно — деятельность.

Для меня ведь существующим является *деятельность*, а она как таковая в принципе не проектируема. Даже если мы некоторые структуры деятельности сделаем вещами (а мы стремимся к этому) и будем их проектировать (кстати, я сам этим все время занимаюсь), то все равно, для того чтобы эти структуры деятельности реализовать по проекту, мы всегда создаем другую, более широкую деятельность, которая ни знаниями, ни проектом не могла быть нами учтена.

Для меня действительностью является вот эта более широкая реальность, включающая выработку знаний, выработку проекта и его реализацию, но в результате рождается не вещь как реализация проекта, а деятельность по осуществлению всего этого. И я утверждаю, что она не может быть заранее «ухвачена» знаниями, так как эту деятельность знание опередить не может.

В этом смысле вся человеческая деятельность замкнута на невыполнимость того, что человек желает зафиксировать в *проект*, ибо порождает он всегда нечто другое, а подлинно сущим является деятельность.

Лейчик. А может быть, он порождает деятельность?

Можно сказать так, что человек со всем остальным «порождает деятельность». Но дальше я буду говорить о таком прин-

ципе — *принципе «кентавр-системы»*. Здесь может быть *естественная* и *искусственная* точки зрения, которые взаимно дополняют друг друга. Я принимаю любую из этих модальностей.

Натансон: Скажем, Ньютон наблюдал падающее яблоко, и у него возникло некоторое знание. Падение яблока — это природный феномен, и его нельзя считать проявлением или видом деятельности, если деятельность присуща только человеку. На основе знания, полученного им, был построен некий закон. Здесь же знание первично, а та вещь, которая была сделана, основана на этом знании, которое само по себе дано вневещным, внедеятельностным.

Яблоки падали и до Ньютона, и падало их очень много. И это обстоятельство не приводило к появлению знания, хотя люди постоянно наблюдали падение яблок. Значит, вывести знание из факта падения яблок мы не можем: не происходящее определяет характер знания. Мы видим лишь то, что мы знаем. Многие историки науки, особенно в XX веке, занимались этим феноменом и показали, каким образом действительно возникали ньютоновские принципы. Они возникали совсем не так, как вы думаете. Это — анекдот, что он лежал под деревом…

Натансон: Я упрощаю. Речь идет о том, что наблюдение природного явления создает знание.

На мой взгляд, наблюдение природных явлений не может дать знаний и никогда их не дает. И как сейчас уже многие считают, оно может только опровергать знание, и смысл состоит в том, чтобы его опровергать, но мы часто думаем, что оно подтверждает.

Снимщикова: На основании чего появляются знания?

А знания не «на основании чего» появляются. Они появляются на основании других знаний. Есть описание механизма происхождения знаний…

Мы тут с вами попадаем в очень интересную область: это так называемая полемика Фихте и Канта. Дело в том, что Кант был последним философом, который думал, что знания возникают из отношения человека к вещам. И тогда он пришел к единственному и закономерному выводу, что такого быть не может и что все знания нам прирождены. И никто до сих пор не может опровергнуть его вывода. Кроме фихтовской линии. А Фихте сказал, что сама постановка вопроса неверна, так как человек вообще не относится к вещам окружающей природы, человек живет в социуме, и поэтому он получает знания от папы и мамы, а не от природы.

И дальше эта мысль развертывалась и привела, в частности, среди других линий к марксизму. Ведь, собственно говоря, марксизм начинает с того, что из столкновения человека с природой знания возникнуть не могут. Это основополагающий принцип Маркса.

Натансон: Недавно было сообщение, что повышение содержания радона в каких-то подземных водах свидетельствует о надвигающемся землетрясении. Так ведь это было, наверное, прослежено, несмотря на наш развитой уровень науки, чисто эмпирическим путем. Ведь не специально наблюдали, а случайно обнаружили.

Не знаю, может быть, и специально наблюдали.

Натансон: Нет, а если не специально, ведь значит, что какие-то феномены природы дают знания? А в результате ведь выводы делают?

Не знания они дают, а удивления. А единственный вывод, который может из этого возникнуть, такой: «Странно, что это происходит, а я-то думал, что этого быть не должно». Я ведь не случайно говорю, что наблюдение может либо оставить нас бесчувственными, либо удивить. Ничего другого оно дать не может.

Натансон: Но ведь все жители сельских мест определяют погоду по набору примет: красный закат, низко летающие ласточки и т. д. Я допускаю, что это — результат развития общества, и что приметы передаются от одного поколения к другому. Но когда все это подтверждается регулярно, то это становится знанием, полученным на основе длительных наблюдений. Можно так сказать?

Нет, так нельзя сказать. Ведь если бы хоть однажды произошло все то, что зафиксировано в этой примете, а в следующий раз не произошло, не случилось дождя или ветра, то, с точки зрения догм научного знания и бэконовской индукции, вы должны были бы сказать, что ваши знания неверны. Но вы же так никогда не поступаете.

Примета остается приметой независимо от того, есть опровергающие ее случаи или нет. Более того, современные исследования по методологии науки показали, что никакое знание никогда не было построено по этим нормам. Когда Ньютон создавал свою небесную механику, когда создается любое научное знание, всегда существует огромное количество контрпримеров, его опровергающих. И это обстоятельство не оказывает никакого влияния на утверждение об истинности этого знания.

Натансон: У нас, лингвистов, существуют статистические методы, которые построены на некотором наблюдении существующих феноменов, то есть проводится изучение каких-то количественных явлений, и тогда ведь можно сказать, что все выводы, которые делаются на основе статистического изучения языка…

Я не согласился бы с тем, что это можно рассматривать как пример. Что касается статистического метода, то его надо обсуждать особо. Лично я считаю, что ценности в нем никакой нет, это мое мнение

основано на определенных аргументах. Возможно, что для каких-то целей он имеет какой-то смысл, но это вещь не очевидная.

Лейчик: А может быть, с такой точки зрения стоит вообще отказаться от категории знания.

Я об этом скажу позже. <…>

Принцип третий: системный подход.

Апелляция к определенным категориям, которые сами выступают как методологическое и онтологическое основание для характеристики деятельности. Тот факт, что сам системный подход обосновывается через идею и теорию деятельности, не столь существенен. Мы имеем здесь дело с «машинкой», где есть прямая и обратная связь, то есть с «машинкой», замкнутой в кольцо. <…>

Принцип четвертый: методология как способ действования.

<…> Этот принцип, апеллирующий к методологии как таковой, в отличие от обоснования через идею деятельности или системный подход, может быть охарактеризован через два существенных момента.

Первый момент — это сама идея методологичности, или диалектики: так, например, шестой принцип — это один из основополагающих принципов диалектики. Платон, Гегель, далее Маркс именно на этом и строили диалектику и четко формулировали эту мысль: движение к объектности через анализ субъективности, «снятие» субъективного слоя как средства перехода к характеристике объекта, но именно как характеристики субъективности. *Диалектика* — это первый момент, на который я хочу обратить ваше внимание.

Второй момент, непосредственно с ним связанный, представляет собой интереснейшую особенность человеческого существования. Смысл методологического подхода, или диалектики, состоит в следующем: планируя и проектируя свои действия, научно-исследовательские действия, мышление в том числе, мы обязаны обращаться не только к объектам, которые мы должны преобразовать, но и к деятельности, к самим себе как к объекту. Мы должны выяснить не только какой вещественный объект нам противостоит, то есть каков объект, который мы преобразуем, но мы должны выяснить пределы нашей преобразовательной мощи, то есть, попросту говоря, мы должны выяснить, что *мы можем делать*.

Это образует ядро диалектики, как ее трактовал Маркс (а не более поздние интерпретаторы). Маркс утверждал, что диалектика потому является новой, более высокой, чем предыдущие, формой мышления, что она учитывает *не только устройство объектов и протекающие в них процессы, но и сами потенции действования*. И это дает возможность подлинного проектирования и планирования самого действования.

Из этого вытекает важное следствие, разделяющее два плана и образующее принцип пятый.

Принцип пятый: деятельность бессубъектна и безобъектна.

С одной стороны, это возможность *деятельности как таковой*, деятельности человечества. И если мы действуем как ученые, а не как обыватели, то мы должны сообразовывать свое действование с этими возможностями общечеловеческой деятельности, ориентироваться на выработанные в истории нормы этой деятельности. Мы, следовательно, планируя свои личные действия, должны исходить из тех *образцов* и *норм*, которыми человечество располагает. Если сегодня кто-нибудь будет решать задачи, ориентируясь на математику Ньютона, или на представления о душе Аристотеля, или на аристотелевскую логику, то этот некто не будет осуществлять подлинной человеческой деятельности. Ориентация на объективные, непрерывно развивающиеся нормы, на верхний уровень задает истинную деятельность. Если мы не будем ориентироваться на эту норму, характеризующую возможности и мощь человеческой деятельности, мы и не будем осуществлять человеческой деятельности.

С другой стороны, само *мышление*, хотя оно и является деятельностью, вместе с тем во многом *имманентно и не зависимо от законов деятельности*. На это обращали внимание еще Фихте и Шеллинг. Для них такая теоретическая деятельность как мышление, или форма существования «интеллигенции», обособлялась от практической деятельности и от техники. Из этого следует, что мы должны ориентироваться на возможности и законы мышления как такового, как особого вида человеческой продуктивности. Если мы рассматриваем мышление как деятельность, то, следовательно, надо говорить о мышлении как об особом виде деятельности со своими особыми закономерностями.

А кроме того (и это уже третий момент), мы должны учитывать возможности и закономерности нашего собственного индивидуального действования. И здесь начинается самое интересное: сколь близко мы ни подходили бы к нормам человеческой деятельности и мышления, все равно мы, как индивиды и личности, не можем исчерпать мощь и возможности человеческой деятельности вообще, мы не можем охватить весь ее ареал — это с одной стороны. А с другой — мы всегда сильнее, чем эта человеческая деятельность, поскольку в нас заложена возможность творчества: мы можем и должны не только сообразовываться с нормами человеческой деятельности, но и преодолевать эти нормы, перешагивать их, создавая тем самым новые нормы.

Итак, если мы само *методологическое мышление* трактуем как учет *субъективности* не только в плане преобразуемых *объектов*, но

также и создаваемой нами в этот момент *деятельности*, то это означает, что мы должны сообразоваться с возможностями мышления теоретической деятельности и, кроме того, учитывать возможность нашего собственного действования.

И все эти три момента мы должны учитывать в методологическом мышлении, а они разные, они не структурированы, а возможно, и не могут быть структурированы в единую систему, поскольку, как я сказал (и это кажется мне весьма правдоподобным), человек перешагивает нормы, он творит их. Он находится всегда в некотором отчуждении от этих норм. Он, хотя и присваивает их, начинает работать в соответствии с ними, но он всегда при этом должен помнить, что он может эти нормы нарушить. *И такое нарушение норм деятельности и есть норма, возможно, его индивидуального существования*.

Бахурина: А как согласовать эти утверждения с тем, что деятельность бессубъектна?

В том-то все и дело. Вроде бы индивидуальная деятельность должна быть включена в деятельность, но, с другой стороны, она никогда не может быть включена, ибо это есть некое действование или поведение, которое с этой нормой сообразуется, но не отождествляется с нею. Во всяком случае, возникает проблема отношения между этими тремя планами, и в частности, когда я говорил о том, что деятельность первична, а знание вторично, то я стремился учесть в том числе и этот момент, а именно что экспериментирование, проверка собой, своими личными действиями всегда опережает знания, ибо знания по природе своей представляют всеобщее, это некоторые нормы, в то время как действование должно эту норму (сообразуясь с ней) нарушать.

Итак, эти три момента должны быть учтены в *методологическом мышлении*, и отсюда — разноплановость самой методологии. В некоторых случаях я апеллирую к *закономерностям* и *механизмам деятельности*, в других случаях — к *закономерностям* и *механизмам мышления* вообще, а в третьих случаях я вынужден говорить о возможностях самого *действования*, для которого в принципе нет пределов и преград. По сути дела, я должен как некий методологический принцип иметь в виду ту норму, о которой мы говорили выше, — необходимость нарушать нормы. <…>

Понятие *нормы* предполагает социализацию, социализированность. Для того чтобы некто мог создать норму, нужно, чтобы все остальные признали за ним это право, то есть создание нормы есть продукт коллективный, в отличие от индивидуального действования. Чтобы создавалась норма, все остальные должны принять как норму индивидуальное действование.

Хотя известны случаи, когда индивиды создавали то, что могло бы перевернуть мир, но люди узнавали об этом через тысячелетия. Примером может служить монах Филопон, который создал галилеевскую физику за тысячу лет до Галилея[100]. Его сгноили в клетке[101]. И лишь после того, как Галилей совершил свои открытия, а потом начались исторические исследования, выяснилось, что один раз все это уже было. И это не столько трагический единичный случай, сколько яркий пример того, что происходит массовидно, каждодневно.

Лейчик: А возможны случаи нарушения нормы не одним действователем, а целым родом?

Эмпирически понятно, что вы имеете в виду, но это уже противоречие в самом понятии. Если «нарушение» распространено, оно становится в той или иной мере стандартом, моделью поведения или действования, и, ориентируясь на этот стандарт, мы выделяем социальные группы (в самом широком смысле слова) и должны говорить уже о борьбе разных групп людей. Появляются, например, сектанты, раскол церкви, религиозные войны, борьба с еретиками и т. д. Но «нарушение» уже становится нормой — для тех, кто реализует соответствующее поведение. А вот у индивида нормы быть не может. Так что когда индивид, включенный в группу, нарушает норму более широкого сообщества, с одной стороны, а с другой — точно реализует норму своей группы, то здесь, наверное, должна идти речь о конфликте норм. И трудно сказать, нарушает индивид норму или реализует. А вот когда индивид нарушает и то и другое, тогда он — личность. <…>

Шестой принцип: собственно методологический.

Он разложен мною на четыре подпринципа. Это важный пункт, я подробно разберу его еще раз.

Я, по сути дела, уже давал его формулировку, говоря о *диалектическом мышлении*. Речь идет о необходимости при определении методики деятельности, ее плана и проекта, учитывать онтологическую картину как объекта, так и самой деятельности, форм действования. И то и другое должно быть представлено в некоторых знаниях или изображениях. И, следовательно, то поле, на котором работает человек, осуществляющий *методологическое мышление*, это не просто поле объектов его действия, а это сложное, многопространственное поле, содержащее несколько пространств, живущих по своим собственным законам.

Одно такое пространство образует *изображение объектов*, а исследователь ориентируется на процессы, протекающие в объектах, и механизмы, регулирующие эти процессы. Это пространство его собственного *действования*. Но возможности деятельности точно так же должны быть представлены в поле зрения.

И проект или план исследователь строит, учитывая обе эти области. Он организует структуру или план своего действования как особый синтез представления объектов и представления самой деятельности.

Иначе говоря, программа работы должна включать как характеристики объекта деятельности, точнее — *объектов преобразования*, так и характеристики самого действия как чего-то существующего объективно. И только на базе этих двух знаний принципиально разных типов может быть построена подлинно эффективная программа действования. Методология как раз и возникает потому, что мы обращаем внимание на сами возможности действования и начинаем их формировать.

С этого момента становятся возможными социальные формы деятельности. До этого не могло быть ни разделения труда, ни кооперации, ни такого понятия, как мышление: до появления соответствующих норм действования люди не мыслили. Это еще один аргумент в пользу искусственности человеческого существования. Люди создали мышление, начав анализировать и нормировать свое действование, ибо *мышление*, по определению, *есть такое действование со знаками*, которое имеет соответствующую социально апробированную норму, а сама эта норма могла возникнуть только тогда, когда действование стало объектом рассмотрения.

Таков общий смысл шестого принципа: утверждается, что существует *особое, методологическое мышление*, которое движется не только в картинах объектов и протекающих в них процессов, но одновременно и во втором пространстве — *пространстве самой деятельности, соотнося друг с другом эти пространства и устанавливая между ними особые отношения*.

Это мышление является супернаучным, поскольку, используя достижения научного мышления, оно присоединяет к ним эту добавку. Методологическое мышление вырастает из философского и отличается от него тем, что в философском мышлении не было и не могло быть научного или квазинаучного знания о самой деятельности. Там деятельность учитывалась не на уровне знаний, а на уровне определенных смыслов и методик, в частности — принципов. С того момента, когда и эта часть мышления, относимая ранее к философии, начинает строиться по принципам научного [мышления], методология начинает отпочковываться от философии и превращается в особую *организованность*.

Я глубоко убежден, что через 150–200 лет *методология как способ организации мышления* начнет вытеснять науку примерно так же, как в свое время наука вытесняла теологию. Это — более мощный

способ мышления, к которому мы постепенно переходим, и сейчас этот процесс начинает приобретать лавинообразный характер, становится массовым явлением.

В этом общем принципе я выделяю несколько подпринципов.

Принцип 6.1: принцип двойного, или множественного, знания.

Сначала я вернусь назад, к формам простого методологического мышления. Это *принцип двойного знания*. Для того чтобы знание могло стать объектом изучения — через знание и деятельность, — нужно было оторвать само знание от объекта. Если я просто смотрю на окружающий мир или мыслю, то для меня знание как таковое, отдельно от объектов, не существует.

Знание в этом смысле можно уподобить очкам, сквозь которые мы смотрим на мир: если очки хорошие, мы их не замечаем. Знание начинает отрываться, или отделяться, от объектов только тогда, когда оно оказывается неадекватным или плохим, а это, как правило, выявляется только благодаря ситуациям парадоксов, то есть когда у нас на одном и том же объекте, практически всегда на одном и том же эмпирическом объекте, сталкиваются два исключающих друг друга знания. Я подробно описывал эту ситуацию парадокса, например, в брошюре «Проблемы методологии системного исследования»* и сейчас не буду на этом останавливаться. Мне важно лишь подчеркнуть это. Одно знание утверждает, например, что два движения равны по скорости, а другое знание утверждает, что эти же самые два движения, взятые в этом же самом отношении, не равны по скорости. И оба эти утверждения могут быть доказаны, причем в обоих доказательствах не обнаруживается никаких ошибок.

Когда такая ситуация четко зафиксирована, то единственный ход, который может ее объяснить — это выход в особую действительность знания, или средства, — понятия. Так как это делается уже несколько тысяч лет, то в этой ситуации мы должны говорить, что подобные утверждения возникают потому, что мы пользуемся особым средством — знанием, и это знание неадекватно объекту. Здесь мы оторвали знание от объекта. Но это возможно, повторяю, только в том случае, если кроме тех знаний, которые неадекватны объекту, у нас есть еще какое-то другое знание. Для того чтобы мы могли оторвать знание от объекта, должно быть минимум два знания, и одно из них должно выступать как сам объект, потому что никак иначе, чем через знания, объект нам дан быть не может.

С того момента, когда происходит это отделение знания от объекта, мы получаем два пространства. В одном — мы имеем

---

* См. [Щедровицкий, 1964б]. *Примеч. ред.*

знание, за которым стоит объект, но мы говорим: это не объект, это лишь иллюзия, что здесь стоит объект, это знание всего лишь знание, а объект, который за ним якобы стоит, ложный или несуществующий. А про другое знание мы говорим нечто прямо противоположное: мы вообще-то знаем, что это тоже знание, но не это нам сейчас важно, важно, что за ним стоит объект, что мы, следовательно, через это знание видим объект. Это знание адекватно объекту, следовательно, оно и есть не что иное, как объект. Таким образом, одно знание выступает здесь как объект без знания, а другое знание — как знание и только знание, без объекта. Это задает нам *схему двойного знания*. Обобщая ее, можно говорить о принципе или *схеме множественного знания**.

Такова ситуация простого методологического мышления. Из нее возникает та развитая форма методологического мышления, где, как я говорил, в одном пространстве имеется объект и знание о нем, а в другом — знание о деятельности как таковой. Для этого должна быть проделана одна трансформация: знание об объекте, которое присутствует в схеме двойного знания, должно быть проанализировано и замещено возникшим над ним *метазнанием*, и тогда оно получило бы трактовку *знания о знании*.

Насколько это трудно, можно видеть, в частности, из наших предыдущих дискуссий. Мы фиксировали там, что часто, говоря о знании, мы говорили на самом деле об объекте или о содержании этого знания и характеризовали знание тем, какой объект в нем зафиксирован. Это — архаические формы подобной трансформации, то есть уже выхода к знанию, но еще имеющего форму и характер знания об объектах. Таково содержание этого принципа: *принципа двойного*, или *множественного, знания*.

<…> Эта связка — объект и знание — и сегодня еще, как правило, не осознана. Если бы она была осознана в своих последствиях, не было бы адептов и представителей формальной логики, ибо формальная логика предполагает отрицание таковой связки, то есть вообще никто не работал бы в *принципе параллелизма***, но так как сейчас 99% предметников мыслят в духе параллелизма, то это доказывает, что такого переворота понимания, что мы имеем не объект и свойство, а объект и знание о нем, еще не произошло.

<…> Пафос статей Ю. Лотмана по семиотике[102] состоит в следующем: он обращает внимание на то, что объект всегда существует на пересечении многих разных знаний, но он не рискует сделать

---

* См. [Щедровицкий, 1966а]. *Примеч. ред.*

** См. [Щедровицкий, Алексеев, Костеловский, 1960–1961]. *Примеч. ред.*

следующий шаг. Он говорит: чем больше знаний об объекте, тем многограннее сам объект, но только он сам не присутствует, он есть лишь пересечение этих содержаний; в этом смысле он всегда эпифеномен.

Дано много знаний, и понятно, что это — знания. А если теперь спросить, каков объект, то ответ — «многогранный». Это значит, что в ответе на такой вопрос будут пересказывать имеющиеся знания об объекте. И следующего шага — к изображению объекта как такового в его отличии от разных знаний и противопоставленности им — не делается. Причем не делает Ю. Лотман этого, в частности, еще и потому, что, видимо, имеет обоснование недопустимости и невозможности этого шага, ибо, как только он изобразит объект как таковой, он сразу переходит в метапозицию и говорит: «Что же здесь изображено, разве это не знание — еще одно, добавочное к тем, которые были?»

Такой способ мышления существует, он даже более эффективен по сравнению с монознаниевым способом и знаменует собой шаг вперед, но там нет попыток изобразить объект как таковой: сознание все время фиксирует, что имеет дело только со знаниями, а не с объектами. И там даже обосновывается невозможность изображения объекта, ибо с этой точки зрения всякая попытка изобразить объект как таковой добавляет лишь одно знание и не дает возможности трансцендентального шага, то есть перехода к объекту как таковому.

<…> А что значит «объект как таковой»? Я попытаюсь ответить при рассмотрении следующего подпринципа. Пока же отвечу чисто формально: я могу иметь знание, а могу изображать объект. И хотя кажется, что это одно и то же, тем не менее здесь есть принципиальная разница. Я попробую повторить рассуждение по этапам.

Первый шаг. Было некоторое знание. Причем это мы, *из внешней позиции*, знаем, что это знание, а человек, имеющий знание, из *внутренней позиции*, не говорит о знании, он говорит об объекте, ему дан объект…

Это очень важный момент, его надо понять. Я изображу это (см. рис. 1). Вот человек с *табло* его *сознания*. На «выходной» линии этого табло имеется знание или некоторая форма, сквозь которую он видит. И таким образом он видит объект.

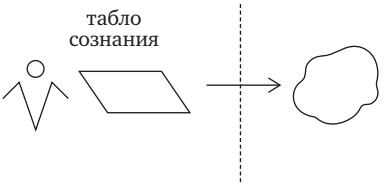


Рис. 1

Папуш: Но эта форма всегда содержит два элемента: X есть Y.

Нет. Вы сейчас свое рафинированное философски-логическое осознание выдаете за естественное, действительное положение дел. У меня на рисунке в человечка «вделано» знание так, что он его не видит: как человек, не снимающий никогда очки, перестает их замечать.

Папуш: Тогда нельзя говорить, что он имеет знание. Чтобы иметь знание, нужно знать, что имеешь знание.

Это я знаю, что у него есть знание, а он этого не знает. В этом, первом, шаге только логик знает, что у человек есть знание, а сам человек видит объект. Он видит объект, хотя мы-то знаем, что это всего лишь проекция его формы, которая у него на табло. Он видит свой собственный «фильтр», но осознает он это как *видение объекта*.

Второй шаг. Индивид работает с этим объектом, который он видит, и получает о нем второе знание. Он соединяет, сплющивает эти знания и получает другой объект, более разносторонний. Он попрежнему остается при видении объекта, и даже то обстоятельство, что у него прибавились какие-то знания, ему не ясно.

Третий шаг. У человека появляются такие два знания, которые не могут быть соединены друг с другом.

Папуш: А можно ли вообще в рамках вашей абстракции говорить о совмещении знаний? Сквозь второе знание видится второй объект, и соединиться они не могут.

Почему? Вы сами все время выдвигаете в качестве контраргумента выражение типа «береза белая». Но это и есть два соединенных знания. А каким образом это получается — я подробно описывал*. Вы имеете объект оперирования, сопоставляете его с разными эталонами и полученные знания относите к этому объекту. Красивый пример — инкорпорированные языки: там это происходит за счет чисто лингвистических механизмов.

Папуш: Я понял. Наверное, мое непонимание было вызвано недостаточно четкой фиксацией того, что вы говорите в позиции методолога, а что в заимствованной позиции.

Бахурина: Чтобы указать объект, нужно указать его характеристики.

Нет. Когда у вас есть характеристики, то вы не будете знать, каков объект, вы будете знать только, каковы характеристики объекта.

Я зафиксировал, что на третьем шаге не удается соединить характеристики одного объекта, они оказываются несовместимыми. Вот в этот момент и нужно сделать принципиальный скачок — *стать человеком другого уровня*, или типа. Таким образом, четвертый шаг

---

* См., например, [Щедровицкий, 1958–1960]. *Примеч. ред.*

состоит в том, чтобы из позиции, где знания видятся как объекты, необходимо перейти в *рефлексивную позицию*, где знание отличается от объекта. Там человек не только видит объекты, но еще и знает, что у него есть знания. Это оказывается единственным выходом из ситуации.

Лейчик: Так какого же шага не сделали Лотман и его последователи?

Ответ на этот вопрос дает следующий принцип.

Принцип 6.2: принцип «сплавщика».

<…> Хотя мы всегда имеем дело со знаниями и в принципе не можем вырваться за их пределы, мы должны сделать вид, что вырываемся. И если мы делаем вид, что вырываемся, то мы на самом деле вырываемся. Вырываемся в другой способ мышления и в другой способ деятельности, а вместе с тем мы благодаря этому получаем новый способ освоения объектов.

Лейчик: А за пределы деятельности вырываться нельзя?

Нельзя и не надо. Надо только развивать деятельность, поднимаясь по ступенькам вверх и вверх. Конечно, мы не получаем объекта, всегда имеем только знание, но ведь объект нам и не нужен.

Лейчик: Можно ли получить однозначный ответ на такой вопрос: признаете ли вы объективное существование объектов независимо от действий?

Когда вы задаете этот вопрос, вы тем самым приглашаете меня перейти с деятельностной точки зрения на натуралистическую.

Лейчик: Или на диалектико-материалистическую?

Нет. Как раз диалектико-материалистическая точка зрения «рядом не лежала» с натуралистической. Это — азы. Правда, все зависит от того, что вы называете диалектико-материалистической точкой зрения. Если вы называете так воззрения Маркса и Энгельса, то их точка зрения противостоит натурализму. Диалектико-материалистическая точка зрения была создана ими против натуралистической и развивалась в борьбе с нею. Если же вы диалектико-материалистической точкой зрения называете писания Платонова, Константинова и других, то это и есть натурализм.

Но сила моей позиции состоит в том, что я могу ответить вам и в рамках натуралистической позиции. Я ее тоже признаю как одну из возможных мировоззренческих картин. Я знаю, когда она нужна, когда ею полезно пользоваться. Иначе говоря, не надо идти в вычислительный центр, чтобы сложить два простых числа, это лучше сделать обычным старым способом. Так вот, в рамках натуралистической позиции я, конечно, признаю существование

объекта. Более того, я знаю, что это — основополагающий принцип натуралистической позиции и единственно допустимая точка зрения также и в космологической позиции. А вот если вы находитесь в позиции теории познания — причем любой теории познания, там такого уже быть не может, во всяком случае, если учитывать то, что писал К. Маркс: «Главный недостаток всего предшествующего материализма — включая и фейербаховский — заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме объекта, или в форме *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность*, *практика*, не субъективно»*.

Лейчик: Там говорится о «человеческой деятельности». А если нет человека?

Тогда нет и теории познания, ибо нет и познания.

Лейчик: А природа есть?

Такой вопрос корректен только в натуралистической позиции, в теории познания не может быть такого вопроса.

Дело в том, что всякий вопрос осмыслен не вообще, а в рамках определенной системы парадигм. На вопрос о том, как существует объект, даются два совершенно разных ответа в двух разных позициях. В плане натурфилософском и космологическом мы спрашиваем, как именно существуют объекты, там никто не спрашивает, как мы их познаем. Чтобы ответить на такой вопрос, нужно обратиться к определенной космологической или натурфилософской, или научной картине, и рассказать — вот так существуют объекты. И на этот вопрос нет другого способа ответить. Но вы хотите сделать вид, что вы отвечаете на вопрос о существовании объектов не на том основании, что вы взяли некоторую картину, созданную наукой, а на том основании, что вы, как Господь Бог, знаете, как все устроено, не пользуясь знанием.

Если вы признаете мое утверждение, то из этого следует как бесспорный факт, что вопрос и ответ на него зависят от того, в какой картине они разыгрываются. Вы, правда, можете сказать, что есть только одна картина, а других быть не может. Если же мы принимаем разницу между натурфилософской и методологической или собственно философской картиной, то можем начать описывать эту натурфилософскую картину. Мы видим, что в ней несущественно, каков «фильтр», определяющий в*и*дение объекта, что она репрезентирует лишь имеющиеся знания. Обсуждение того, как получено знание, элиминировано. А вот в философской или методологической позиции запрещено элиминирование.

---

* См. [Маркс, 1955, с. 1]. *Примеч. ред.*

Маркс, как известно, боролся против натурфилософии, разрабатывал диалектический способ мышления. И этот способ он совершенно недвусмысленно характеризовал как движение к объектам через «снятие» субъективной формы их освоения. Это проходит через всю его жизнь. И если бы ему задавали вопросы, подобные тому, которые вы задаете мне, он ответил бы, что это вопрос из другой парадигмы.

Лейчик: Но ведь кроме «принципа сплавщика» может быть еще другой принцип, который как раз и отстаивали Маркс и Энгельс, — принцип последовательного приближения к абсолютной истине. Бесконечного, но приближения. С этой точки зрения, мы не просто перепрыгиваем с одного бревна на другое, а приближаемся постепенно, познавая, к истине. Я не хочу принижать роль познания, познающего индивида, познающей деятельности и т. п., это было бы смешно. Но при этом мы можем либо приближаться, либо не приближаться к познанию объекта, а не оставаться в рамках ваших четырех этапов, не переходя на пятый. А под пятым я имею в виду именно приближение к познанию объекта. У вас же объекта нигде нет, он у вас все время остается в рамках натурфилософского мировоззрения.

Но вы говорите об истине, а не об объекте…

Лейчик: Истина появляется в процессе познания. Мой вопрос состоит в следующем: за всем этим движением есть что-то или ничего нет, кроме движения в знаниях?

Мне придется давать довольно сложный ответ. По-видимому, вы не совсем верно поняли то, что я говорил. Я ведь не говорил, что мы не приближаемся к объекту, что мы не познаем его. Я не говорил ничего, что могло быть противопоставлено принципу относительности и объективности истины. Но меня не совсем устраивает ваша формулировка, которую вы приписываете Энгельсу. Оттого, что мы говорим, что мы приближаемся к познанию объекта, еще не становится ясным, *как* мы это делаем, а меня интересует только и именно это.

Вопрос об объективности и относительности истины — вопрос в культуре решенный, поскольку я двигаюсь в рамках традиции Шеллинг—Гегель—Маркс. Если бы я был неокантианцем или принадлежал к другой столь же почтенной школе, я, может быть, думал бы иначе, и этот вопрос требовал бы обсуждения. Поскольку же я марксист, все эти вопросы для меня уже решены. И теперь я обсуждаю, каким образом достигается объектность или объективность знания. И на этот вопрос я и отвечаю «принципом сплавщика».

Натансон: А не бывает ли такого, что познание объекта связано с реконструкцией его физической природы? Я имею в виду,

в частности, работы Герасимова по восстановлению лица на основании черепа.

Я через несколько шагов смогу ответить на этот вопрос.

Итак, в чем состоит «метод сплавщика»? Имея ряд знаний, мы можем отметить, маркировать одно из них как основное, ядерное — на данный момент. Ядерное — это значит то, которое мы кладем в основание для реконструкции объекта. Мы утверждаем, что наши знания неравноценны. Здесь именно и действует принцип относительности истины. Как раз здесь он реализуется, а не, как это часто бывает, приговаривается. Поскольку знания относительно истинны, одни из них больше приближаются к объекту, другие меньше. Именно это позволяет делать утверждение, что одно из них наиболее приблизилось к объекту, и маркировать его как объективное.

Если бы я не использовал идею относительности истины и приближения к ней, я не мог бы этого сделать. С кантианской точки зрения, такого быть не может, ибо для кантианцев нет никакой разницы между знаниями. Знания для них просто разные, и ни одно из них не ближе к объекту и не дальше, а как разные знания они несопоставимы. Кстати, это относится и к «принципу терпимости» Карнапа, который утверждает, что ни одному знанию не может быть отдано предпочтение в смысле объективности и истинности[103].

Что касается «метода сплавщика», то он возможен, повторяю, только в опоре на принцип относительности истины. Одно из знаний мы выделяем как объективное, а остальные рассматриваем как относительные, неточные. Что с ними делать? Ясно, что их нужно привести в соответствие с тем, которое изображает «подлинный» объект, и для этого мы начинаем остальные знания трансформировать.

Здесь впервые устанавливается соответствие между знанием и объектом, то есть в реальной работе используется принцип истинности, который становится здесь, однако, не приговариванием, а принципом работы. Устанавливается соответствие, идет работа на основе этого соответствия, реализуется принцип истинности, как его формулировал Аристотель, а именно: «Если мы соединяем то, что соединено в объекте, и разъединяем то, что там разъединено, — мы достигаем истины»[104]. Поскольку я маркировал одно из знаний как объективное, я могу реально это делать.

Но теперь, когда я подогнал все знания под «объективное», я теряю различие между ними, ибо я их все вывел на один уровень, но они разные. И теперь я опять должен выбрать наиболее «объективное» <…> и начну трансформировать все остальные знания, подгоняя их под него. Так и работает «метод сплавщика».

Лейчик: А все же, на основании чего вы решаете, что данное знание более объективно?

Именно на это вопрос я и буду отвечать в следующем подпринципе.

Принцип 6.3: принцип конфигурирования.

Этот принцип обеспечивает достижение объективности. Дело в том, что каждое из имеющихся знаний есть относительно истинное знание. Это не просто заблуждение Иванова, Петрова или Сидорова. Когда я говорю «истинное», это значит, что существует определенная познавательная процедура, либо она социализирована и есть практическая деятельность, подтверждающая это знание, либо проводится экспериментальная проверка, фиксирующая лабораторную ситуацию, в которой получается это знание. Таким образом, речь идет о правильно полученных знаниях, в соответствии с принятой в это момент логикой и способами практического оперирования с объектами. <…>

Но не может быть никакого «знания объекта», кроме веры. Есть только знание в методологии, которая относит его к некоторому оперированию. Владимир Моисеевич Лейчик упрекал меня, что-де в методологии нет знаний об объектах, а я всю жизнь доказываю прямо противоположное, а именно что наука не дает никаких знаний об объектах, объективных знаний, знания об объектах дает только методология за счет ее специфических процедур (это подробно рассматривается в брошюре «Проблемы методологии системного исследования»*). Методология дает объективное знание, поскольку она фиксирует познавательные ситуации и операции, а не домысливает, как устроены объекты.

Натансон: Я вернусь к своему примеру. Мы хотим знать, как выглядел Иван Грозный, но знаем лишь, как накладывать мышцы на кость.

В том-то все и дело. Именно благодаря тому, что Герасимов знал только это, и ничего при этом не домысливал, он мог реконструировать объект. А в той мере, в какой он строил предположения и домысливал, у него должны были получаться ошибки. Если бы он не выбросил все имеющиеся у него представления о том, красивый был Иван Грозный или нет, он ничего бы не получил. А суть состояла именно в предельно объективной работе, в знании, какие операции надо делать. Так что этот пример хорошо подтверждает то, о чем я говорю.

Пока Герасимов осуществляет нормированные процедуры, он реконструирует объект, а вот если бы он в угоду откуда-то взятым

---

* См. [Щедровицкий, 1964б]. *Примеч. ред.*

(и всегда ложным) заранее положенным представлениям начал бы искажать объективные процедуры, он получил бы ложь. Правда, с другой стороны, мы не можем обойтись без таких представлений, но это не принцип, а недостаток нашего мышления. Истины же мы достигаем тогда, когда удовлетворяем нормам и точно осуществляем нормативные операции. <…>

Но для начала мы должны нечто декларировать. Поэтому в логике есть принцип: *ложь влечет за собой все, что угодно, в том числе и истину*.

Возвращаюсь к принципу конфигурирования. Мы имеем ряд знаний, каждое из которых опирается на логику, а следовательно, относительно истинно. Возникает вопрос: как же перейти к знанию, которое мы можем маркировать как объективное? Здесь и вступает в силу принцип конфигурирования. То знание будет «более истинным», которое «снимает» больше разных знаний.

Отсюда и процедура построения такого изображения, которое мы потом сможем маркировать как объективное, — путем схематизации смысла всех уже имеющихся знаний и обратной проверки, то есть объяснения этих знаний, как выводимых из этого объективного знания, из объекта, модель которого мы построили.

Мы проделываем двойную работу: сначала мы набираем знания об объекте, проверяем их (как они были получены, соответствуют ли они фактам, приборным процедурам и т. д.), затем мы ставим конструктивную задачу объединить это все в одном изображении, раз эти знания относятся к одному объекту, и строим такое изображение, которое «снимает» все эти знания, а построив его, проверяем эти знания еще раз, но уже не на основе проверки логических процедур их получения из фактов, а проверяем возможные логические процедуры получения их из объекта, соответствие их этому объекту. Если нам удалось их все объяснить, мы говорим, что наша модель оправданна, ибо она, «сняв» все эти знания, тем самым «сняла» всю практику, за ними стоящую. Это очень важно, и это «снятие» практики в едином изображении и есть тот нормативный механизм, с помощью которого мы проверяем изображение, построенное нами, на объективность.

Папуш: Здесь нужно упомянуть, что вопрос об отнесении разных знаний к одному объекту достаточно сложен. Это не учитывалось в той дискуссии, которая здесь происходила. Объективность в общефилософском плане нужно отличать от предметной объективности. Скажем, в зависимости от того, какие знания вы сочтете знаниями о знаке и решите конфигурировать, а относительно каких вы скажете, что они «на самом деле» относятся к другому

объекту, у вас получится то или иное понятие о знаке. Знак будет разными объектами, если выделять разные «объемы» конфигурируемых знаний.

Я дам иллюстрацию этого. Когда перед К. Дункером встала задача построить модель мышления, он получил в качестве наследства от предыдущей психологии два направления: бихевиористское направление доказывает, что мышление всегда репродуктивно и иным быть не может, а гештальтистское направление доказывает, что мышление всегда продуктивно. Дункер оказался в типичной ситуации парадокса, который ему нужно «снять», строя модель объекта. Есть, действительно, такие модели, на которых можно совместить продуктивность и репродуктивность мышления, но Дункер пошел другим путем. Он, прежде всего, разрезает объект на две части и говорит: ошибка состояла в том, что характеристики продуктивности и характеристики репродуктивности относили к одному и тому же объекту, а это неверно: то, что продуктивно, не может быть репродуктивным, и наоборот. Но то, что представляет собой не мышление, он называет репродуктивной деятельностью, а то, что есть продуктивная деятельность, он и называет мышлением.

Михаил Папуш говорил, что мы всегда находимся перед альтернативой: или постараться синтезировать знания в объекте, или, наоборот, разрезать эти знания и считать, что они относятся к разным объектам, и «снимать» парадокс таким образом.

Однако это лишь частный случай конфигурирования. Допустим, мы разделили продуктивную и репродуктивную деятельность. Но ведь это все — моменты деятельности. И как только перед нами встают задачи, которые нужно решать, мы должны собрать все это вместе и показать, каким же образом репродуктивная и продуктивная деятельности связаны друг с другом.

Папуш: И, может быть, в объектном плане они вообще никак не связаны?

Такого не может быть. Мы всегда идем к синтезу. Дифференциация есть лишь частный момент синтеза, потому что дифференциация без задания связей не бывает.

Папуш: Но синтез не обязательно осуществлять в объектно-онтологическом плане. Бывают и другие формы синтеза. Напомню вам хотя бы идею «репера» О. И. Генисаретского.

Для синтеза мы и вводим идею деятельности как всеобщего объекта.

Лейчик: А где гарантии, что в результате конфигурирования вы действительно «сняли», синтезировали знания?

Гарантия чисто конструктивная.

Лейчик: Но это же ваша, субъективная конструкция.

Из этого вы никогда никуда не сможете выскочить. Сама попытка выйти за пределы деятельности — нонсенс.

Лейчик: А может быть, гарантия в другом? В том, что если я запустил ракету на Венеру и она действительно попала на Венеру, то это и есть критерий истинности?

Ни в коем случае. Как это ни покажется странным, но вы, настаивая таким образом на такой объективности, оказываетесь склонным к фидеизму и т. п. Это проблема, которая занимала всех философов начала XX века. Кстати, В. И. Ленин в этом плане был не одинок.

Человек, совершая какие-то ритуальные или магические действия, всегда находит и имеет подтверждение правильности их в практике. Люди вполне нормально могут сосуществовать с призраками, духами, привидениями и т. п. Удачный запуск спутника на Венеру вполне может служить доказательством существования Божия. Именно онтологические доказательства существования Бога были единственными, которые были удовлетворительными. Дело в том, что практика подтверждает все знания, которые есть на данный момент, ибо практика есть не что иное, как реализация этих знаний. И никакой иной она быть не может.

Это иллюзия, что практика — критерий истинности. Именно поэтому Маркс и выступил против такого критерия практики и посвятил много работ разъяснению того, что частная практика, либо практическое действие, или техника, не могут служить критерием истинности. Критерием истины по Марксу является *общественно-историческая практика*[105]. У нас, как ни странно, часто приписывают Марксу именно то, с чем он боролся, в данном случае тезис, что частная практика есть критерий истины.

Лейчик: А в чем разница между практикой одного человека и общественно-исторической практикой?

Указывая на такой критерий как общественно-историческая практика, Маркс и Энгельс задавали идею развития и относительности. Пафос их полемики состоял в том, что, указывая на объективность истины, они подчеркивали ее относительность. Истина всегда соотнесена с тем или иным историческим срезом. И как только вы переходите на другой исторический этап, так у вас тем самым меняется критерий: то, что ранее было истинным, становится ложным. Для них важно было показать относительность различения истины и лжи.

А вы, следуя старательным популяризаторам, переворачиваете все с ног на голову и доказываете то, с чем Маркс боролся, а именно: если вы на каком-то историческом уровне проверили практически

ваши знания, то тем самым вы будто бы доказали истинность этих знаний.

Лейчик: Как же быть с приближением к абсолютной истине?

Возможность такого приближения и обеспечивается той процедурой, о которой я говорил, процедурой конфигурирования. Вспомните, с чего началась наша дискуссия? На ваш вопрос о критерии я ответил, что критерий всегда конструктивный.

Каждое из конфигурируемых знаний было получено на основе определенной области практического опыта определенного исторического времени. Теперь представьте себе, что есть три таких знания, а вы смогли объединить в своей модели только два, а третье не можете включить в ваш конфигуратор. Получили ли вы истинное знание? Нет! Поскольку вы не учли и не можете учесть определенную область практики, и поэтому ваше знание, которое вы сконструировали, необъективно, неистинно, именно потому, что оно не учитывает целую область практики. А вот если вы охватили все существующие области практики, сумели синтезировать их в одном знании, в одной модели, значит она истинная.

Лейчик: А где же критерий полноты?

Тут часто пугает слово «все», а знаний, или точек зрения, подлежащих конфигурированию, всегда немного. Если мы говорим, например, о современной лингвистике, то «все» принципиально разные ее концепции можно по пальцам пересчитать. Это только иллюзия, что их много.

Лейчик: А когда появляется новая точка зрения?

Как только она появилась, мы встаем перед задачей и ее включить в конфигуратор. Если она не может быть включена в наш конфигуратор, мы объявляем его ложным, хотя вчера считали истинным. И начинаем новую работу по конфигурированию. Так где же критерий истинности? В непрерывном движении по этому механизму конфигурирования. Это — принцип и норма, благодаря которой истина достигается.

Лейчик: Но не отрицаете ли вы тем самым прогресс и не отрицаете ли каждый день то, что вы знали вчера?

Вторая половина — прекрасная формулировка, вы повторяете Карла Маркса. В этом и состоит принцип относительности истины.

Лейчик: Таким образом, у вас, с одной стороны, то, что сегодня истинно, уже содержит относительность, а то, что сегодня не истинно, ложно, получает какое-то оправдание как относительно истинное вчера. Получается, что если мы вчера бегали вокруг костра, совершая обряд, чтобы убить оленя, то это тоже относительная истина?

Конечно.

Лейчик: Что же вы тогда понимаете под ложностью?

Несоответствие логическим нормам. А что касается бегания вокруг костра, то в этом, конечно, с сегодняшней точки зрения необходимо усматривать осмысленность или относительную истинность. Это была подготовка, вызванная, в частности, необходимостью согласования поведения всех участников будущей охоты. Я не понимаю, почему столь известные и очевидные вещи вызывают у вас сомнение. Ритуал — это способ фиксации мест в кооперации.

Папуш: Вы считаете, что устремление к постоянному синтезу имеет место в рамках познания? А если кто-нибудь наберется окаянства и скажет, что познание — довольно жиденькая форма существования, он не будет уже стремиться все синтезировать?

Да. Более того, это не только принцип познания вообще, точнее — это принцип познания в современной европейской культуре. Например, у индейцев такого не было, там не было и не могло быть принципа конфигурирования, поскольку в этой культуре знание не социализировалось, трансляция осуществлялась в другой форме. В заключение я хочу вернуться к замечанию Э. А. Натансона, на которое я обещал ответить.

Принцип 6.4: принцип реализуемости.

Это дополнительное требование, которое мы накладываем на конфигуратор: эта модель, или проект объекта, должна открывать новые возможности для практики, то есть была бы реализуема данными наличными средствами. <…>

Принцип седьмой: неопределенность противопоставления внутреннего и внешнего для деятельности.

Говорим ли мы о работе отдельного человека, о каких-либо объектах, мы всегда четко и определенно мыслим границу то ли нашей субъективности, то ли этого объекта. Понятие об определенном объекте, который не имеет границ или имеет неопределенные границы, неосмысленно.

Когда же мы переходим к деятельности и движемся в ее поле, то это противопоставление внешнего и внутреннего теряет свою полную определенность. В каком-то плане это есть оборотная сторона *принципа свободы*.

Человек свободен в выборе объекта своей деятельности. Ибо все то, что он имеет в сознании, и все то, что он использует в качестве средств, может быть за счет особых механизмов работы сознания спроецировано в план объекта. Но эта проекция в план объективности, в план объекта, осуществляемая за счет механизмов сознания,

приводит к реальному изменению объекта. Человек может считать себя действующим не в данной ситуации, а, скажем, в истории человечества, как она задана в историографии. Я могу, например, продолжать полемику с Платоном или с Аристотелем и считать, что ситуация моей деятельности распространяется до них, что они включены в мою деятельность.

Но фактически мы всегда пользуемся этим противопоставлением внешнего и внутреннего. В каждый определенный момент деятельности в каждом определенном акте мы имеем некоторый объект — с одной стороны, и с другой — определенный набор средств. В плане действия средства принадлежат внутреннему для действия, а объект — чему-то внешнему. Но в любой момент мы можем переводить внутреннее во внешнее, развертывая систему объективности, и точно так же можем свертывать любые объектные структуры в средства, то есть начинать употреблять их как орудия и средства нашей деятельности.

Таким образом, само противопоставление внешнего и внутреннего непрерывно скользит и меняется по ходу деятельности. Поэтому я могу сказать, что деятельность и все ее элементы не имеют определенных границ.

Теперь два подпринципа.

Принцип 7.1: нет границ объекта деятельности.

Принцип 7.2: в ходе рассуждения понятие не может быть определенным.

Это антитеза к формально-логическому плану рассуждения, когда считается, что если мы в начале рассуждения определили наши понятия как *средства работы*, то в ходе рассуждения они не должны меняться, а если они будут меняться, то это — логическая ошибка. Так вот, я утверждаю, что это не так, что *в ходе рассуждения понятия меняются и должны меняться*. И это непосредственно вытекает из отсутствия жесткой определенности в противопоставлении внутреннего и внешнего. <…>

Принцип восьмой: принцип множественности позиций.

На прошлом заседании мы отчасти уже обсуждали этот вопрос, и В. М. Лейчик сказал, что я должен признавать множественность позиций и множественность истин. И я четко это фиксирую. Но это не значит, что за каждой точкой зрения признается право на существование и право на истину. Когда я говорю о множественности позиций, то имею в виду, что сама по себе *позиция* — это нечто иное, чем просто *точка зрения*.

Предполагается, что в ходе работы с объектом (предположим, что мы его четко определили) мы можем менять набор, или систему

средств, которые мы используем для описания, отображения и, соответственно, в*и*дения самого объекта.

Но вместе с тем отрицается непрерывность существования таких наборов. Наоборот, утверждается дискретность: это каждый раз конкретные, выработанные историей развития человечества наборы средств. И если мы как исследователи меняем нашу позицию — в том смысле, что мы переходим от одного набора средств к другому, то тем самым мы меняем в*и*дение объекта и способ его представления. И мы не можем говорить, что одно из этих в*и*дений истинное, а другое — нет. Мы должны признать их как равно истинные, во всяком случае, до того момента, когда будет осуществлена *процедура конфигурирования*. Это и есть *принцип множественности позиций* и, соответственно, множественности истин.

Два замечания, поясняющих этот принцип.

Когда мы в рамках теории деятельности описываем этот момент, то рисуем позиции в виде человеческих фигурок с соответствующими индексами, предполагая, что такое изображение дает основание (это уже второе замечание) для взаимопонимания. Понять чужую точку зрения и признать ее правомерность или правильность — значит отнести ее к некоторой исторически фиксированной позиции, которая имеет основания, аргументацию и т. д. И если мы в ходе беседы сталкиваемся с различием утверждений или точек зрения по поводу одного объекта, то должны учесть, что существуют две процедуры понимания и признания.

Об одной из них профессор Т. И. Ойзерман говорил, что, если кто-то говорит то, что мы думаем и знаем, мы говорим, что он не дурак; все остальное мы считаем неподходящим для нас. Но такая позиция, как вы понимаете, не дает основания для взаимопонимания и для достаточно интеллигентной и организованной работы. Наоборот, для того чтобы мы могли действительно организовать взаимопонимание, понимать чужие точки зрения и проводить работу, мы не можем пользоваться только нашим изображением объекта.

Единственным средством для организации взаимопонимания оказывается деятельностная схема *кооперации разных позиций* и изображение различных средств, которыми эти позиционеры пользуются. И тогда мы можем понимать чужую точку зрения таким образом: это не моя позиция, но она имеет такую традицию, такую историю и такой набор средств, то есть каждое высказывание об объекте мы начинаем относить не к объекту как таковому, а к системе средств, которая использована для получения этого знания или этого утверждения (см. рис. 2).

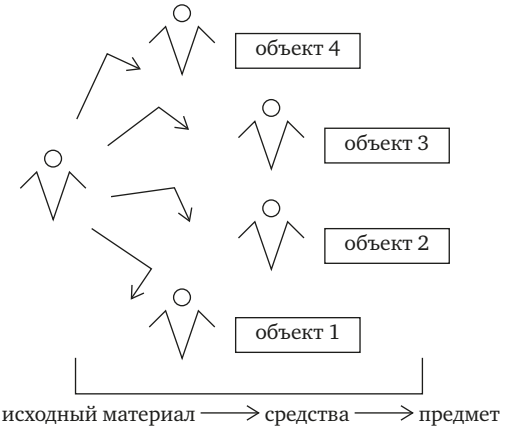


Рис. 2

Таковы два замечания, которые я хотел сделать относительно восьмого принципа: способ изображения позиций в виде схем кооперации и схемы кооперации как основание для взаимопонимания.

Папуш: Вы сознательно не говорите об иерархированности этих позиций, о том, что методолог уже не может сказать, что это не его позиция, а чужая, поскольку он обязан все точки зрения ассимилировать через отнесение к своему объекту, заданному самим различением позиций?

Это непонятно. Само по себе использование схем кооперации есть прием, специфический для методологического мышления. И как таковой он передается представителям любой точки зрения. В этом смысле каждый предметник, использующий определенные средства, должен видеть объект по-своему и считать, что его действительность самая хорошая (иначе работать нельзя). Но, с другой стороны, он должен использовать эту методологическую схему кооперации как основание для взаимопонимания и признания суверенности оппонентов. А вот что еще может сделать методолог, кроме того, что он признает саму множественность позиций, — я не понимаю. Он же не обязательно должен конфигурировать и объединять знания.

Бахурина: А в том случае, когда он не должен объединять, зачем ему это представление о кооперации — исключительно из этических соображений?

Нет. Ведь это и есть реальность ситуации. Здесь реализуется принцип социальности человеческого мышления, который противостоит принципу просвещения и «робинзоновскому» принципу единства знания. Если мы признаём существование многих парадигм и не можем выделить ни одну из них как лучшую, а признаём их все

достаточно хорошими и наличествующими в современной культуре человечества, то ситуация задается не объектом, а наличием этих разных систем средств, то есть системой кооперированной деятельности человечества. И это и есть реальность человеческого существования и человеческой деятельности.

Бахурина: Я спрашивала про другое. Если я не собираюсь объединять свои знания с вашими, не собираюсь учитывать вашу точку зрения в своем знании (а вы сказали, что такой случай возможен), зачем мне знать, откуда ваша точка зрения взялась, зачем мне эта картинка с позициями? Не достаточно ли просто этически принять, что есть другая точка зрения, я ее признаю возможной, но мне до нее нет дела?

Если перейти на такую точку зрения, то исчезает граница между человеческим и нечеловеческим, культурным и некультурным. Сейчас распространена такая идеология: все мы личности, все человеки. У каждого есть своя точка зрения. Имеет некто, скажем, точку зрения, что науки не существует, — это точка зрения, имеющая право на существование. И этика заставляет признавать все эти точки зрения. А для меня не всякая точка зрения имеет право на существование.

Бахурина: И чтобы признать за ней право на существование, мы должны провести ее через традицию, оправдать ее как позицию в схеме кооперации?

Да. Она должна существовать не на социальном уровне, то есть как точка зрения Иванова или Петрова, а на уровне культуры, где Петрова и Сидорова как таковых нет. В схеме не люди, а позиции, объективно заданные развитием систем деятельности.

Бахурина: И при этом предполагается, что вот в таком «просеянном» виде ничто не ново, то есть какую бы новую мысль кто-то ни высказал, ее можно отыскать в культуре? И нет такой ситуации, чтобы позиция возникла из ничего?

Да, из ничего ничего и не возникает.

Принцип девятый: предметность, а не объектность мышления.

Этот принцип непосредственно вытекает из предыдущего. Если я имею дело с чужими точками зрения, то я всегда должен помнить, что [любая точка зрения есть] особое в*и*дение объекта, заданное определенным набором средств. Значит, нет в*и*дения объекта как такового, есть его в*и*дение всегда через определенный «фильтр», через определенные «очки».

Это обстоятельство мы рисуем так (см. рис. 3): объект ассимилирован системой знания [(А), (В), (С)…], и связка между знанием,

заданным соответствующими средствами, и объектом, который включен в эту связку, и есть то, что мы называем *предметом* в отличие от *объекта*.

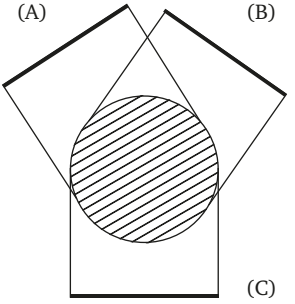


Рис. 3

Здесь, правда, нужно сделать одно замечание. Понятие предмета по существу уже расщепилось, и есть два разных понятия предмета, по-разному употребляемых и описанных в соответствующих текстах. Если я нахожусь во внутренней позиции мыслителя или исследователя, то я вижу объект сквозь призму имеющегося знания, я зафиксировал объект с какой-то одной определенной стороны. И я знаю, что это — в*и*дение объекта сквозь призму определенного знания. И предметом я называю ту сторону объекта, которая в этом знании представлена.

Возможна другая трактовка предмета: когда я нахожусь во внешней позиции. Тогда я не только знаю, что предметное в*и*дение дает определенную сторону объекта, но я еще, кроме того, вижу предмет как некоторую структуру, как связку между знанием и объектом. И это есть второе употребление слова «предмет» в логическом смысле. Здесь *предметом называется связка между знанием и объектом*, в него включенным. В отличие от этого, в предметном тексте предметом называют такое в*и*дение объекта, которое «высвечивается» в знании, те стороны объекта, которые даны в знании. Это, конечно, недостаток терминологии, но так сложилось исторически, и мы не можем произвести здесь терминологическую революцию и упорядочение.

Принцип десятый: схемы кооперации как основания для синтеза и конфигурирования особого рода.

Этот принцип тоже непосредственно вытекает из восьмого и с ним связан. Существует, следовательно, не только предметный, но и теоретико-деятельностный, или методологический синтез. В некоторых случаях мы не можем создать достаточно хороший конфигуратор, то есть изобразить объект как «снимающий» в себе все разные

зафиксированные в нем стороны. И в таком случае для того, чтобы организовать наш материал, мы обращаемся к схеме кооперации, задаем объект как нечто мнимое: есть объект, но мы еще не знаем, какой он, и задаем систему «воззрений» на него, определяемых соответствующими позициями.

В таком случае мы говорим, что вокруг этого объекта развертывается вот такая система разных позиций, в каждой позиции имеется такое-то знание об этом объекте. И тем самым мы произвели особого рода *конфигурирование*, мы уже особым образом связали знания за счет отнесения их к традиции и некоторой ситуации кооперирования деятельности или обработки объекта с разных фиксированных позиций. <..>

Натансон: Я хотел бы уточнить, что понимается под «позициями». Одно понимание — когда мы говорим, что лингвист, психолог, логик и т. п. с разных позиций и по-разному представляют язык. И иное — когда уже внутри, скажем, теоретической лингвистики, разные люди по-разному определяют норму языка, у них разные позиции в этом вопросе: одни апеллируют к статистике, другие к культурной традиции и т. д. Как здесь мыслится кооперация?

Вы с самого начала сузили и конкретизировали мой тезис. Я имею в виду более детализированное представление о позициях, нежели просто различение позиций логика, психолога, лингвиста и т. п. И внутри, скажем, лингвистики мы можем иметь дело с разными наборами средств, например: синхроническая и историческая лингвистика, несмотря на то, что обе они — лингвистики, они имеют разные наборы средств.

Попытка создания типологии языков Н. Я. Марром — одна система средств, а на уровне современной структурной лингвистики — другая. Обе типологии решают одну и ту же задачу, но решают ее принципиально по-разному. Я сопоставлял задачи и средства этих типологий в статье «Методологические замечания к проблеме типологической классификации языков»*. Там показано, насколько по всем пунктам различаются системы средств. Мне как раз было важно показать, почему утверждения о языке в этих двух типологиях столь различны, и именно это я объяснял через разницу в наборах средств. Так что и внутри лингвистики существуют разные системы средств.

Натансон: Но мне еще хотелось бы подчеркнуть, что понять не значит определить. Я ведь могу считать какую-то методологию

---

* См. [Щедровицкий, 1965в]. *Примеч. ред.*

совершенно неприемлемой, исходящей или построенной на неверном основании.

Если вы сможете показать, что основание действительно неверно. Но другое дело, что для себя вы можете считать другие методологии и системы средств неприемлемыми, даже не показывая их ошибочности. Вы просто считаете, что вам это не подходит или не нравится. Есть ведь большая разница между тем, что я считаю, и тем, что доказано и должно быть признано. Если вы докажете, что оппонирующая точка зрения исходит из ошибочного основания, то она перестает существовать как фактор. Даже если ее представители не хотят с этим согласиться. Они уже «мертвецы», хотя они могут этого не замечать и функционировать еще сто лет. <…>

Лейчик: Еще один вопрос к этому принципу. Существуют ли какие-нибудь разработанные принципы кооперирования?

Это — одна из главных тем методологии. В статье «Методологический смысл проблемы лингвистических универсалий»* я сделал попытку расписать формы кооперации. Но мы этим занимаемся 5–6 лет.

Но я хочу вернуться к вопросу Э. А. Натансона, чтобы проиллюстрировать еще раз десятый принцип. Если я задал несколько исключающих друг друга позиций, то, чтобы «снять» их, я должен построить, как я говорил, такое изображение объекта, которое «снимало» бы их в одной плоскости — на уровне объектности. Пока я этого сделать не могу. Поэтому я строю систему кооперации и объясняю специфику каждой из позиций, и в этом смысле оправдываю их. Я говорю, что, например, языковед-практик работает таким-то образом, поэтому ему нужно вот такое в*и*дение объекта, который он называет языком. Языковед-инженер делает такую-то работу, и поэтому ему нужно другое представление объекта. А теоретик делает третью работу, и у него свое изображение объекта. Каждый из них прав, поскольку ему для работы нужно определенное изображение. А каков на самом деле объект, я пока не знаю. Но я уже оправдал позицию каждого и их знания, но не ссылкой на устройство объекта (ибо такой модели объекта у меня пока нет), а ссылкой на устройство деятельности в данном ее историческом срезе.

И, что важно, ссылка на устройство деятельности является для меня всегда первичной. Ибо подлинная действительность для меня — это историческая организация деятельности. А объекты и объектные

---

* См. [Щедровицкий, 1969]. *Примеч. ред.*

обоснования вторичны. Это всегда некоторый трюк, некоторое вспомогательное средство. Через объект я получаю возможность объединить деятельности, а затем перестроить их кооперацию. Ибо после того, как я построю объект, я могу разрушать грани между профессиональными точками зрения.

Натансон: Но это все-таки не ответ на мой вопрос. Я говорю о конфликте, как мне кажется, в рамках того, что у вас попадает в одну позицию. Вернемся к статистическому методу определения нормы. Я с ним не согласен, я отвергаю те основания, на которых он стоит. И тут дело не в том, что один — практик, другой — инженер. Спор идет в срезе теоретического представления. Здесь кооперироваться невозможно. Вы должны что-то заранее отбросить.

Нет, и я объясню почему. Можно сказать, например, что ребенок никогда не ошибается. И во всех опытах, которые мы проводили с детьми, мы всегда получали этому подтверждение. Также можно сказать, что и взрослые никогда не ошибаются. К. Д. Ушинский говорил, что у ребенка есть определенное «зеркальце» и он видит так, как задают его средства. И я думаю, что статистический метод тоже в каком-то смысле не ошибается. Были какие-то задачи — реальные и значимые, — которые потребовали такого метода, и только таким методом они могли быть решены.

Есть некоторая задача в системе деятельности, которая породила этот набор средств. И я берусь показать, что каждый метод создавался потому, что была задача, которую другие методы не решали. Но затем произошло то, против чего я и протестую. Это — частная задача, задающая определенную позицию и набор средств, а соответствующее ей частное и одностороннее представление языка было объявлено исчерпывающим, всеобъемлющим и единственно правильным, абсолютизированно. И на базе такой абсолютизации начали переносить методы на те задачи, которые хорошо и даже много лучше решались другими методами.

Это делается на основании выноса частного специфического метода и в*и*дения, определяемого частной задачей, на всю область языкознания. И когда вы доказываете, что это неприемлемо, то я целиком на вашей стороне. Но когда вы, показав на огромном материале, что это неприемлемо, что старые методы работают лучше, лишаете этот метод и того маленького кусочка, на котором он господствует, вы допускаете маленькую (по сравнению с ними), но ту же самую ошибку абсолютизации. Надо их маленький кусочек за ними оставить. И посмотреть, что из этого вырастет, когда это будет включено в объект.

Бахурина: А откуда следует, что нельзя, найдя новый метод на какой-то частной задаче, применить его к множеству других задач?

Это интересный вопрос, связанный, в частности, с проблемой применения средств математики. Задача и метод не могут и не должны быть связаны друг с другом непосредственно, хотя исторически они возникают именно так. В работе они могут быть связаны только через соответствующую *онтологическую картину* объекта. Каждый метод соотносится с определенным представлением объекта, и по поводу каждого метода так же, как и по поводу каждого языка, мы должны сказать: он действует, пока объект представлен вот таким образом. Если объект предстает иначе, то этот метод действовать не может.

Я опять воспользуюсь примером Э. А. Натансона. Лексикостатистический метод основывается на отрицании системы языка. Там происходит сведение системы речи-языка к системе социэтальных речений. Поэтому если считают, что проведение статистического анализа лексических употреблений характеризует или представляет систему языка, то это — ошибка… И оказывается, что сам этот метод можно применять только при условии, если отрицается различие речи и языка или утверждается, что язык есть не что иное, как фиксация того, что часто повторяется. Если вы отвергаете такое представление о речи-языке и о языке, то нельзя думать, что лексикостатистический метод представляет язык, иначе все суждения оказываются неверными.

Эту иллюстрацию я привожу, чтобы пояснить, что каждый метод может применяться для получения знаний только тогда, когда онтология, представление объекта соответствуют этому методу. Иначе говоря, методы зависят от строения объектов. Одни объекты требуют одних методов, другие других. Метод как измерение всегда дает некоторый результат, но этот результат может не соотноситься с объектом. И чтобы можно было признать результаты, полученные определенным методом как значимые, нужно показать, что данная методическая процедура соответствует устройству объекта.

Бахурина: Не совсем понятно, что значит «устройство объекта».

Это и есть онтологическая картина, задающая устройство объекта. Пока свет представлен как частица, применимы и значимы одни процедуры, когда начинают его представлять как волну, необходимо применять другие методы. Устройство объекта и задается онтологический картиной.

Бахурина: То есть это то, что в данный исторический момент объявили «устройством объекта»?

Когда я говорю об объекте, я всегда имею в виду онтологическую картину, которая репрезентирует объект.

Теперь о математике, которую я упомянул: вот, например, сейчас применяют методы теории множеств к исследованию речевых цепочек. При этом забывают, что эти методы применимы только к таким объектам, в которых отсутствуют связи, а речевые цепочки всегда имеют такие связи, это — аксиома. Поэтому заранее можно сказать, что какие бы практические результаты ни были получены таким путем, они будут псевдопрактическими, То есть с точки зрения познания природы речи-языка эти результаты незначимы, напрасно потраченное время, поскольку в онтологической картине речи-языка задана связность элементов и есть соответствующие модели. Поэтому применяющиеся методы должны исходить из связности элементов, а не из их независимости.

История показала, что большинство результатов корреляционного анализа оказываются ложными. Расцвет этих методов падает на 40-е годы, а сейчас полученные результаты подвергаются жесткой критике. Но это не оценка корреляционного метода как такового, а характеристика его в тех случаях, когда на него возлагают слишком большие надежды и осуществляют его на основе предпосылок, которые не соответствуют онтологической картине объекта. <…>

В системе научного знания каждый элемент имеет свое особое время. Одни меняются быстрее, а другие, как маховое колесо, поддерживающее устойчивость всей системы, меняются значительно медленнее. Онтология есть ядерное образование в системе научного знания, она меняется медленнее всего. Ибо она есть результат синтеза, или «снятия», какого-то набора эмпирических данных от ***1*** до ***n***. Если мы получаем ***n*** плюс первое измерение, которое не приводится к этому, то оно еще недостаточно весомо по сравнению со всей системой, с тем набором эмпирических данных, который «снят» в онтологической картине. Но когда таких измерений накапливается достаточно много, то происходит смена онтологической картины, причем, как правило, она происходит дискретно и революционно.

Очень интересна в этом плане полемика между волновой и корпускулярной теорией света или аристотелевой и галилеевой физикой. Накапливаются эмпирические факты, не укладывающиеся в старую онтологию. Сначала делают вид, что их нет, но они накапливаются в культуре. И когда их достаточно много, приходит большой и смелый мыслитель, который как бы возвращается к исходному пункту и начинает всю систему науки заново, делает так называемую «научную революцию».

Научная революция связана со сменой онтологии, сменой типа объекта, поскольку иначе организуется весь материал. Но, как правило, новая онтология должна включать все опровергающие элементы и объяснить старые. Очень интересно эти проблемы рассматриваются в школе Поппера–Лакатоса. <…>

Бахурина: Бывает ли, что часть старых фактов новая теория не объясняет?

Бывает, но это плохо сделанная работа. Ведь тем самым сразу создается ядро для дальнейших опровержений. А кто же хочет проделывать работу так, чтобы сразу против него была куча контрпримеров. Но, скажем, ряд вещей, который алхимия объясняла, химия не может объяснить.

Принцип одиннадцатый: операционализм.

Суть его состоит в том, что смысл знаковых выражений и содержание соответствующих этим знаковым выражениям знаний фиксирует не объект, а некоторую деятельность с объектом, то есть некоторые операции, примененные к объекту. Всякое свойство есть операция, примененная к объекту. Мы это обычно изображаем так (см. рис. 4).

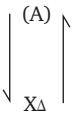


Рис. 4

Поэтому в каждом знании всегда заложено противоречие: по своему абстрактному содержанию это знание фиксирует операцию, примененную к объекту, а по своей второй компоненте значения каждое знание относится к объекту как таковому и тем самым снимает операциональное содержание, приписывая соответствующее свойство объекту. Так что по правой стрелке — *связи замещения*, свойство связано с *операцией*, а по левой — *связи отнесения*, это свойство объекта*.

Очень интересен вопрос: как развертывается операция, которую я зарисовал на схеме? В этом пункте логика и грамматика сходятся: это область так называемых логико-грамматических исследований.

---

* Это подробно описано мною в цикле сообщений «О строении атрибутивного знания» ([Щедровицкий, 1958–1960]). Более теоретичное объяснение дано в моей статье с В. М. Розиным о концепции лингвистической относительности Б. Л. Уорфа ([Щедровицкий, Розин, 1967].

Есть много разных типов сопоставлений. Вот пример (см. рис. 5).

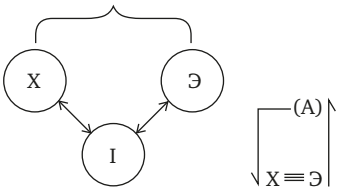


Рис. 5

Это схема операции для так называемых *атрибутивных свойств*. В объекте ***X*** потому выделяется определенное свойство, что он берется в отношении к другим объектам, и только так рождается свойство. Когда мы говорим «кислый», это значит, что вызвано определенное ощущение на языке, «горит» — что-то взаимодействует с чем-то [горючим] и т. д. Нет ни одного атрибутивного свойства, которое не содержало бы такой схемы сопоставления. В частности, Эйнштейн это показал для «времени». И природа содержания, а вместе с тем и смыслы развертываются в сложных структурах сопоставлений. Есть техника смыслового анализа, раскладывающего смысл на системы отношений, создаваемых сопоставлениями. Есть другие типы операций. Операции, предшествующие указанной, описаны в работах Л. Леви-Брюля по пралогическому мышлению[106]. Интересны в этом плане исследования по детской психологии и логике Л. С. Выготского, Н. Х. Швачкина, В. В. Сахарова. <…>

Принцип двенадцатый: отделение и схематизация смысла.

После того как некоторое знание образовано, оно еще дополнительно рефлексивно осознается. Это происходит в акте коммуникации. Если я передаю некоторое сообщение, то оно должно быть понято, то есть выявлен его смысл. Тот, кто получил сообщение, должен понимать смысл предметно, до операциональности содержания ему дела нет. И он, понимая, создает некоторую картину объекта, в которой противопоставленность объекта и операции сняты, он видит объект через операцию, а операцию через объект. В схеме смысла исчезает противопоставленность объекта и операции, операционализм снимается.

Кстати, в том и состояла слабость операционализма, как он был развит А. Эддингтоном, П. Бриджменом после работ А. Эйнштейна и итальянской школы, что они не учитывали этого механизма, задаваемого *пониманием*, механизма *смыслообразования*. Им казалось, что мышление исчерпывается только операциями. В то время как реальное мышление, поскольку оно осуществляется в связи с пониманием

и на базе понимания, имеет дело с вторичной обработкой содержаний, представлением их в виде смыслов. А смыслы интерпретированы на объекты и предстают в объектной форме. И наше мышление может осуществляться в виде движения в смыслах, а не только в виде осуществления операций, движения в смыслах по специфическим законам сознания. И это одна из сложнейших компонент мышления. А дальше мы этот смысл можем схематизировать, то есть задавать некоторое изображение объекта, соответствующего этому смыслу, и таким образом мы получаем *идеальные объекты*.

Вот пример, который понадобится и в дальнейшем. Известно умозаключение: «Сократ — человек, люди смертны, следовательно, Сократ смертен». Логики хотят понять, как же происходит движение мысли, и говорят, что оно происходит на базе логического смысла. А что это такое — неясно.

Но Лейбниц, а потом Эйлер фиксируют смысл в особой форме — в виде кругов[107]. Они рисуют точку — Сократ, меньший круг — люди, объемлющий круг — смертные*. И такие изображения, представляющие нам объемы классов и движение в них, есть не что иное, как схематизация понятого нами в умозаключении смысла. Вот пример перевода смысла в объект. И сейчас мы рисуем круги и думаем, что имеем дело с множествами как объектами.

Лейчик: Неясно, каким образом здесь схематизируются именно смыслы. Ведь схематизируются взаимоотношения между объемами.

После того, как схематизация произведена. Вы знаете, что это отношения между объемами… Но поставьте себя в положение до того, как Лейбниц или Эйлер нарисовали эти круги.

Ясно, как происходит умозаключение: вы умозаключаете и можете сказать, где правильный, а где неправильный силлогизм. И смысл четко вычленяется. Так, ребенок может в тексте задачи вычленить математический смысл или предметный смысл. Так же и здесь логик вычленяет логический смысл умозаключения. Но что это такое — он не знает.

И вы задаете вопрос, глядя на это ретроспективно. Вы имеете классы как объекты и можете перейти к схемам. Но им-то надо было двигаться наоборот. А что это за объект — надо было сконструировать, «увидеть». Кстати, интересный вопрос: как происходит схематизация смысла? Это одна из тем логического анализа.

---

* Между прочим, Лейбниц сделал это независимо от Эйлера. Как известно, Лейбниц очень мало при жизни опубликовал из своих работ, а на русском языке только в 1890-е годы стали известными основные его сочинения: «Рассуждения о метафизике», «Новая система природы», «Монадология» и др.

Принцип тринадцатый: конструктивное развертывание моделей и задание понятий на модели.

С того момента, как произведена схематизация смысла, он предстал в виде объекта особого рода — *идеального объекта*, и мы начинаем оперировать с ним как с объектом и должны задавать соответствующую логику.

Красивый пример — работа с числовым отрезком, то есть отрезком, на котором зафиксированы числа. Древние рассматривали отрезок как бревно и обсуждали, можно ли его резать. И было ясно, что раз мы бревно режем, то и отрезок можно резать. Но наступает момент, когда физически резать отрезок нельзя. Про полено нужно сказать, что оно дальше не делится…*

---

* Окончание лекции не сохранилось. *Примеч. ред.*

ПРИМЕЧАНИЯ РЕДАКТОРА

1 Имеется в виду Комиссия по логике и психологии мышления при Президиуме Общества психологов СССР (подробнее см.: Семенов И. Н. История и логика развития в России «Общества психологов» // Методология и история психологии. 2018. Вып. 2. С. 89–112).

2 Институт языка и мышления им. Н. Я. Марра был организован в 1931 г. на базе Яфетического института; в 1950 г. вместе с Институтом русского языка вошел в состав вновь созданного Института языкознания Академии наук СССР.

3 *…одиннадцатый тезис Маркса о Фейербахе…* — ср.: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» [Маркс, 1955, с. 4].

4 *…как говорится у Маркса* — источник не установлен.

5 *…это родилось в 1845 году* — вероятно, речь идет о работах К. Маркса 1845 года: «Тезисы о Фейербахе» и «Немецкая идеология».

6 *…как красиво писал Л. С. Выготский* — ср., например: «Исследование всякой новой области необходимо начинается с поисков и разработки метода. Можно высказать в виде общего положения мысль, что всякий принципиально новый подход к научным проблемам неизбежно приводит и к новым методам и способам исследования. Объект и метод исследования оказываются тесно связанными друг с другом. Поэтому исследование приобретает совершенно другой вид и течение тогда, когда оно связано с нахождением нового, адекватного новой проблеме метода; оно в этом случае коренным образом отличается от тех форм, при которых изучение просто применяет к новым областям разработанные и установленные в науке методы.
<…> Разработка проблемы и метода идет если не параллельно, то, во всяком случае, совместно продвигаясь вперед. Поиски метода становятся одной из важнейших задач исследования. Метод в таких случаях является одновременно предпосылкой и продуктом, орудием и результатом исследования. <…> Метод должен быть адекватен изучаемому предмету. Детская психология не знала, как мы утверждали выше, адекватного подхода к проблеме высших процессов. Это значит, что она не имела метода для их исследования. Очевидно, что своеобразие того процесса изменения поведения, который мы

называем культурным развитием, требует глубоко своеобразных методов и способов исследования. Знание своеобразия и сознательное отправление исследования от этого пункта является первым условием адекватности метода и проблемы, поэтому проблема метода есть начало и основа, альфа и омега всей истории культурного развития ребенка» (Выготский Л. С. История развития высших психических функций // Выготский Л. С. Сочинения в 6 т. Т. 3. Проблемы развития психики. М. : Педагогика, 1983. С. 41–42).

7 *Большая психологическая аудитория* — аудитория Института общей и педагогической психологии АН СССР (в настоящее время — Психологический институт Российской академии образования), расположенного по адресу: г. Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4.

8 *«Снимая»* — здесь и далее имеется в виду гегелевский термин *Aufhebung*, который означает одновременно отрицание чего-либо и его сохранение; на русский переводится как «снятие».

9 См.: Природа научного познания: логико-методологический аспект. Минск : БГУ, 1979.

10 *«Философия — служанка теологии»* — другой вариант перевода: «философия — служанка богословия» (лат. — *philosophia est ancilla theologiae*). В настоящее время авторство этого тезиса приписывается иногда итальянскому историку римско-католической церкви Цезарю Баронию (1538–1607), иногда — богослову Клименту Александрийскому (150–215). Однако похожие мысли высказывали богослов, кардинал католической церкви Пётр Дамиани (1007–1072): «Философия должна служить Священному Писанию, как служанка — своей госпоже»; богослов Фома Аквинский (1225–1274): «Эта наука (теология) может взять нечто от философских дисциплин, но не потому, что испытывает в этом необходимость, а лишь ради большей доходчивости преподаваемых ею положений. Ведь основоположения свои она заимствует не от других наук, но непосредственно от Бога через Откровение. Притом же она не следует другим наукам как высшим по отношению к ней, но прибегает к ним, как к подчиненным ей служанкам» (цит. по: Гайденко В. П., Смирнов Г. А. Схоластическая философия // История философии: Запад-Россия-Восток. Книга первая: Философия древности и средневековья. 3-е изд. М. : «Греко-лат. кабинет» Ю. А. Шичалина, 2000. С. 282).

11 *…тезис, который сформулировал Давид Гильберт, — «математика — сама себе философия»* — не дословно, но по смыслу Д. Гильберт высказывает эту позицию в своей работе «Основания геометрии» (см. [Гильберт, 1948, с. 391, 363–364]).

12 Ср.: «Это старая история. Сперва создают абстракции, отвлекая их от чувственных вещей, а затем желают познавать эти абстракции чувственно, желают видеть время и обонять пространство. Эмпирик до того втягивается в привычное ему эмпирическое познание, что воображает себя все еще находящимся в области чувственного познания даже тогда, когда он оперирует абстракциями. Мы знаем, что такое час, метр, но не знаем, что такое время и пространство!

Как будто время есть что-то иное, нежели совокупность часов, а пространство что-то иное, нежели совокупность кубических метров! Разумеется, обе эти формы существования материи без материи суть ничто, пустые представления, абстракции, существующие только в нашей голове» (Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 20. М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1961. С. 550).

13 См. работу П. Тейяра де Шардена «Феномен человека» (*Le Phénomène humain*, (1955)). Есть русский перевод.

14 *…добавил Гегель и сказал, что не надо трех слов…* — речь идет о принципе тождества (единства) логики, теории познания и онтологии, которую в своей философии реализовал Гегель. Сама же эта формулировка приписывается В. И. Ленину. Ср.: «Если Marx не оставил *“Логики”* (с большой буквы), то он оставил *логику* “Капитала”. В “Капитале” применена к одной науке логика, диалектика и теория познания [не надо трех слов: это одно и то же] материализма, взявшего все ценное у Гегеля и двинувшего сие ценное вперед» (Ленин В. И. Философские тетради // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 29. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1963. С. 301).

15 *…сборник — «Что такое марксистская онтология?»* — по-видимому, сборник с таким названием не был издан.

16 Точнее: «Новая стереометрия винных бочек». В этой работе Кеплер выводит формулу для вычисления объема бочки, а затем — и других «неправильных» тел вращения, используя впервые понятие бесконечно малых величин и принципы интегрального исчисления. См. рус. пер.: И. Кеплер. Новая стереометрия винных бочек / Перевод и предисловие Г. Н. Свешникова, вступительная статья М. Я. Выгодского. М.-Л. : ГТТИ, 1935.

17 *…как говорил Лем* — источник не установлен.

18 *М. К. Мамардашвили, с его «превращенными формами» и вообще к его концепции сознания* — см., например, статью Мамардашвили «Анализ сознания в работах Маркса» [Мамардашвили, 1968]. Есть несколько переизданий.

19 *…надо ли класть Бриану палец в рот или не надо* — неявная цитата из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок».

20 Речь, по-видимому, идет о повести Стругацких «Попытка к бегству».

21 Практически дословная цитата из первого тезиса Маркса из «Тезисов о Фейербахе». Ср.: «Главный недостаток всего предшествующего материализма — включая и фейербаховский — заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме *объекта*, или в форме *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность*, *практика*, не субъективно» [Маркс, 1955, с. 1].

22 *…папуасы у Миклухо-Маклая…* — источник не установлен.

23 *«Метапозиция» (в том смысле, в каком его вводил Давид Гильберт)* — источник не установлен.

24 *…подготовить книгу о системно-структурном подходе и применении его в педагогических исследованиях* — этот замысел не был реализован, однако в 1981 г. была опубликована статья Г. П. Щедровицкого «Принципы и общая схема методологической организации системно-структурных исследований и разработок» (см. [Щедровицкий, 1981]).

25 Второй советско-финский коллоквиум по логике проходил в г. Москве 3–7 декабря 1979 г.

26 Алгол (англ. *Algol* — от *algorithmic language* (алгоритмический язык)) — язык программирования, созданный в 1958 г.

27 *…конференция по бессознательному* — II Международный симпозиум, посвященный проблемам бессознательного, состоялся 1–5 октября 1979 г. в г. Тбилиси. В работе симпозиума приняли участие Р. Якобсон, Г. Поллок, Р. Роджерс, Н. Роллинс (США), Г. Аммон (ФРГ), С. Леклер, Л. Шерток, И. Бресс (Франция), Л. Гарай, Б. Буда (Венгрия), Т. Мейн (Англия), В. Иванов, С. Стоев (Болгария), К. Обуховский (Польша) А. С. Прангишвили, А. Е. Шерозия, Ф. В. Бассин, Е. В. Шорохова, П. Я. Гальперин, В. В. Давыдов, Т. В. Гамкрелидзе, В. М. Квачахия, Д. С. Адрианов, М. М. Кабанов, Д. И. Рамишвили, В. Г. Норакидзе, А. А. Леонтьев, В. С. Ротенберг, Вяч, Вс. Иванов, Н. С. Автономова, А. Д. Зурабашвили, Т. Н. Кечхуашвили, В. В. Григолава, Ш. А. Надирашвили, В. П. Зинченко (СССР) и др. Материалы симпозиума см.: Бессознательное: природа, функции, методы исследования. В 4 тт. Тбилиси : Мецниереба, 1978, 1985.

28 Игра-2 — по теме «Формирование коллектива и разработка программ для комплексных междисциплинарных и многопредметных, методологически организованных исследований ОДИ» проходила с 18 сентября 1979 г. до 4 мая 1980 г. в г. Москве.

29 Работа «Использование системно-структурной графики», по-видимому, не была опубликована и отсутствует в архиве.

30 *…дискуссии об «общем треугольнике» Локка* — речь идет о существовании «общей идеи треугольника» в отличие от эмпирически наблюдаемых треугольников. «<…> О каждой идее известно, что она есть то, что она есть, и о каждых двух отличных друг от друга идеях известно, что они не тождественны, то отсюда с необходимостью следует, что *первыми* должны стать известны такие самоочевидные истины, которые состоят из идей, появляющихся в уме *первыми*. А *первыми* являются в уме, это ясно, идеи отдельных вещей, от которых разум постепенно переходит к немногим общим идеям, причем эти последние берутся от привычных и знакомых нам чувственных предметов и утверждаются в уме вместе со своими общими названиями. Таким образом, *первыми* воспринимаются и различаются единичные идеи, и относительно них этим приобретается познание; за ними следуют менее общие, или видовые, идеи, которые всего ближе к единичным идеям, ибо отвлеченные идеи не так очевидны или легки для детей или для неопытного еще

ума, как идеи единичные. <…> Например, разве не нужны усилия и способности, чтобы составить *общую идею треугольника*? (А она еще не принадлежит к числу наиболее отвлеченных, широких и трудных идей.) Ибо она не должна быть идеей ни косоугольного, ни прямоугольного, ни равностороннего, ни равнобедренного, ни неравностороннего треугольников; она должна быть всеми ими и ни одним из них в одно и то же время» (Локк Дж. Опыт о человеческом разумении. Книга IV // Локк Дж. Сочинения в трех томах. Т. 2. М. : Мысль, 1985. С. 73–74). См. по этому поводу: [Beth, 1956/57, S. 361–380], а также — Новосёлов М. М. Логика абстракции (методологический анализ). Ч. 1. М. : [Ин-т философии РАН], 2000. С. 135–139.

31 *…в формуле Эйлера: «мы не спорим, мы вычисляем»* — источник не установлен.

32 См.: Клини С. К. Введение в метаматематику. Пер. с англ. А. С. Есенина-Вольпина. М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1957.

33 *…то, что понял Кун на 8 или 9 лет позднее…* — речь идет о книге Томаса Куна 1962 г. «Структура научных революций» (*The Structure of Scientific Revolutions*). Есть русский перевод.

34 *Комиссия по логике* — см. примеч. 1.

35 *…сборник «Может ли существовать марксистская онтология?»* — сборник с таким (или подобным) названием не издавался. См. также примеч. 15.

36 Основные представители Чикагской школы социологии Р. Э. Парк, Э. У. Бёрджесс, Дж. Г. Мид, Л. Вирт, Э. Фэрис, Р. Д. Маккензи и др., Гарвардской — П. Сорокин, Т. Парсонс, Дж. Хомманс, Р. Мертон и др.

37 См.: Toward a General Theory of Action / Ed. by T. Parsons, E. Shils. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1951. На русский язык переведена не была.

38 *Наполеон спросил Лапласа…* — существует несколько вариантов этой беседы Наполеона и Лапласа. Один из них приводит личный врач Наполеона со слов последнего: «<…> Я поздравил его [Лапласа] с выходом в свет его сочинения [“Небесная механика” — *ред.*] и спросил, почему слово “Бог”, беспрерывно выходящее из-под пера Лагранжа, у него не встречается вовсе. “Это потому, — ответил он, — что я в этой гипотезе не нуждался (*je n’ ai pas eu besoin de cette hypothèse*)”» (цит. по: Душенко К. В. В этой гипотезе я не нуждался // Душенко К. В. Цитата в пространстве культуры: Из истории цитат и крылатых слов. Сб. статей. (Сер.: Теория и история культуры). Москва, [ИНИОН РАН], 2019. С. 95).

39 *Галилеанцы* — имеются в виду последователи Г. Галилея.

40 Дословно такой цитаты у Декарта найти не удалось. Скорее всего, имеется в виду следующий фрагмент: «<…> Поскольку все науки являются не чем иным, как человеческой мудростью, которая всегда пребывает одной и той же, на какие бы различные

предметы она ни была направлена, и поскольку она перенимает от них различие не большее, чем свет солнца — от разнообразия вещей, которые он освещает, не нужно полагать умам какие-либо границы, ибо познание одной истины не удаляет нас от открытия другой, как это делает упражнение в одном искусстве, но, скорее, тому способствует. И право, мне кажется удивительным, что многие люди дотошнейшим образом исследуют свойства растений, движения звезд, превращения металлов и предметы дисциплин, подобных этим, но при всем том почти никто не думает о здравом смысле или об этой всеобщей мудрости, тогда как все другие вещи в конце концов следует ценить не столько ради них самих, сколько потому, что они что-то прибавляют к этой мудрости» (Декарт Р. Правила для руководства ума // Декарт Р. Сочинения в 2 т. Т. 1. М. : Мысль, 1989. С. 78).

41 Игра-2 — см. примеч. 28.

42 …*декартово выражение*… — см. примеч. 40.

43 Гипонимия — в родовидовых отношениях выражает частную сущность (род) по отношению к более общему понятию (виду).

44 …*на Всесоюзном съезде по кибернетике* — видимо, имеется в виду Всесоюзное совещание по вычислительной математике и вычислительной технике, проходившее в МГУ в ноябре 1959 года.

45 …*в моих лекциях 1966 года на философском факультете о понятии управления и деятельности управления* — возможно, речь идет о 7 лекциях на философском факультете МГУ в ноябре — декабре 1967 г. «Проблемы методологии управления социальными процессами» (арх. № 2426-01).

46 *Как говорил Бисмарк*… — это высказывание лишь приписывается (возможно — ошибочно) Бисмарку. Ср., например: «Дураки говорят, что они учатся на собственном опыте, я предпочитаю учиться на опыте других и избегать расплаты за свои ошибки».

47 Имеются в виду «Беседы и математические доказательства, касающиеся двух новых отраслей науки, относящихся к механике и местному движению» Г. Галилея.

48 …*«операторами культуры», как говорят в итальянской традиции* — в настоящее время «оператором культуры» (ит. — *operatore culturale*) в Италии называют, как правило, менеджера, руководителя проекта, организатора мероприятий в области культуры.

49 Сенежский семинар — семинар промышленного и оформительского искусства, который начал свою работу на базе Дома творчества художников «Сенеж» (г. Солнечногорск, Московская область) в 1964 г. В 1967 г. семинар был преобразован в Центральную учебно-экспериментальную студию художественного проектирования Союза художников СССР. Подробнее о деятельности студии см.: Глазычев В. Л. Опыт Сенежской студии // Кабинет ученого. Сборник: научные статьи, публикации, эссе. М. : Прогресс-Традиция, 2006. С. 179–192; Розенблюм Е. А. Художник в дизайне. Опыт

работы Центр. учеб.-эксперимент. студии худож. проектирования на Сенеже. М. : Искусство, 1974; Cubbin T. Soviet Critical Design. Senezh Studio and the Communist Surround. L., Bloomsbury Visual Arts, 2019.

50 *…принцип эволюции…, как он трактуется у Шардена* — основные идеи эволюции Т. де Шарден изложил в работе «Феномен человека» (*Le Phénomène humain* (1955)). Есть русский перевод.

51 *…если перефразировать Ельмслева…* — возможно, имеется в виду следующий фрагмент: «<…> Часто кажется, что, оставаясь в пределах внутренних технических приемов сравнительной лингвистики этого рода, мы изучаем сам язык, но это только иллюзия. В действительности мы изучаем disiecta membra, то есть разрозненные части языка, которые не позволяют нам охватить язык как целое. Мы изучаем физические и физиологические, психологические и логические, социологические и исторические проявления языка, но не сам язык» (Ельмслев Л. Пролегомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. I. М. : Иностр. лит-ра, 1960. С. 266).

52 *…сделанные Ч. Моррисом различения синтактики, семантики и прагматики* — См.: Morris Ch. W. Foundations of the Theory of Signs (1938) (рус. пер. см.: Моррис Ч. У. Основания теории знаков // Семиотика. Антология. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Академ. проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 45–97).

53 *langue, langage, parole* (фр.) — на русский язык обычно переводят как язык, языковая деятельность (феномен языка), речь соответственно. Подробнее см.: Золотухин Д. С. Терминологическая триада «langue–langage–parole» Фердинанда де Соссюра в работах разной степени аутентичности // Преподаватель XXI век. 2016. № 3–2. С. 329–334.

54 Возможно, имеется в виду статья: Смирнов В. А. Некоторые выводы из сравнения нормальных алгорифмов А. А. Маркова и логических схем алгоритмов А. А. Ляпунова // Проблемы методологии и логики наук. Ученые записки Томского университета. № 41. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1962. С. 126–143.

55 См.: Симпозиум по структурному изучению знаковых систем. Тезисы докладов. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1962 (редакторы сборника не указаны, однако Ю. Лотман не был даже участником симпозиума). Об истории проведения данного симпозиума и его результатах см.: Успенский Б. А. К проблеме генезиса тартуско-московской семиотической школы // Актуальные проблемы семиотики культуры. Труды по знаковым системам. [Вып.] XX. Тарту: [Тартуский гос. ун-т], 1987. С. 22–24.

56 «Ага-эффект», или «ага-переживание» (нем. *Aha-Erlebnis*), — термин, который впервые использовал немецкий психолог К. Бюлер для обозначения чувства, сопровождающего внезапное решение задачи. См., например: Bühler K. Tatsachen und Probleme zu einer Psychologie der Denkvorgänge: II Über Gedanken Zusammenhänge // Archiv für die gesamte Psychologie. 1908. Vol. 12. P. 24–92.

57 *Я — «ребенок» факультета* — Г. П. Щедровицкий учился на философском факультете МГУ в 1949–1953 гг.

58 *Метод «клеточки» Маркса* — речь идет о методе исследования органических объектов, использованного Марксом в «Капитале», где товарная форма стоимости была взята за исходную абстракцию, исходную единицу анализа как «форма экономической клеточки буржуазного общества» (Маркс. К. Капитал: Критика политической экономии. Том первый. Предисловие к первому изданию // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. М. : Гос. изд-во пол. лит-ры, 1960. С. 6. Подробнее см. [Зиновьев, 2002, с. 53–62].

59 Игра-50 по теме «Развитие региональных общественных систем и прикладные психологические и методологические службы» проходила в г. Красноярске 27 августа — 6 сентября 1986 г.

60 *МНТК «ГЕОС»* — Межотраслевой научно-технический комплекс «ГЕОС» был создан в 1986 г. для реализации государственной программы по созданию общесоюзной автоматизированной системы сбора, обработки и хранения геологической, геофизической и геохимической информации. В его работе принимали участие 57 организаций из 17 министерств и ведомств. Головной организацией выступал Всесоюзный научно-исследовательский, проектно-конструкторский и технологический институт геологических, геофизических и геохимических информационных систем (ВНИИгеоинформсистем).

61 Игра-35 по теме «Методология построения целевых комплексных программ НИР. Элементы программы для Нефтепрома» и Игра-36 по теме «Методология построения целевых комплексных программ НИР. Целевая программа освоения Прикаспия» проходили в г. Истре (Московская область) 11–17 ноября и 19–25 ноября 1984 г. соответственно.

62 НИИПИ — Научно-исследовательский и проектный институт градостроительства (г. Москва).

63 ЦНИИпроект — Центральный научно-исследовательский и проектно-экспериментальный институт по методологии, организации, экономике и автоматизации проектирования и инженерных изысканий (создан в 1963 г., ликвидирован в 1991 г.).

64 *…у Лема такой роман был…* — источник не установлен.

65 В г. Харькове 23–31 мая 1987 г. прошла Игра-54 на тему «Эксперименты и экспериментирование в вузовской подготовке специалистов нового типа».

66 *кентавр-системы* — идея «кентаврообразности» физических представлений макромира о микромире принадлежит физику М. А. Маркову (1908–1994); см.: Марков М. А. О природе физического знания // Вопросы философии. 1947. № 2. С. 140–176.

67 *…как он чудище убил и бочку портвейна отспорил* — имеется в виду герой песни В. С. Высоцкого «О диком вепре».

68 *…термин Гегеля «снятие»* — см. примеч. 8.

69 *Энгельс еще очень подробно объяснял…* — по-видимому, имеются в виду соответствующие фрагменты «Диалектики природы» Ф. Энгельса.

70 ВНИИТЭ — Всероссийский научно-исследовательский институт технической эстетики. Создан в 1962 г. Г. П. Щедровицкий работал во ВНИИТЭ в 1965–1969 гг.

71 См.: А. Ф. Лосев. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика (§ 2. Вероятностный характер художественной реальности и диалектическая логика). Есть несколько изданий.

72 *«Grundrisse…»* — речь идет об «Экономических рукописях 1857–1858 годов» К. Маркса — рукописях первого варианта «Капитала» К. Маркса. На языке оригинала эти рукописи впервые были полностью опубликованы в 1939–1941 гг. в двух томах под редакционным заглавием «Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie (Rohentwurf)». Полностью в русском переводе см.: Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов (первоначальный вариант «Капитала») // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 46. Ч. I, II. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1968–1969. Во «Введении» к этой работе Маркс излагает метод своего исследования в «Капитале» — метод восхождения от абстрактного к конкретному.

73 Ср.: «Главный недостаток всего предшествующего материализма — включая и фейербаховский — заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме *объекта,* или в форме *созерцания,* а не как *человеческая чувственная деятельность, практика,* не субъективно. Отсюда и произошло, что *деятельная* сторона, в противоположность материализму, развивалась идеализмом, но только абстрактно, так как идеализм, конечно, не знает действительной, чувственной деятельности как таковой» [Маркс, 1955, с. 1].

74 *«Краткий курс»* — имеется в виду учебник «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс» (сокращенно — «Краткий курс истории ВКП(б)»), написанный при участии И. В. Сталина, изданный впервые в 1938 г. и неоднократно переиздававшийся позднее.

75 *«Министерство правды»* — название учреждения из романа Дж. Оруэлла «1984» (1949).

76 См. примеч. 73.

77 *Мюнхгаузена, как его изображают Янковский и Захаров* — речь идет о телевизионном фильме «Тот самый Мюнхгаузен» (1979; режиссер М. А. Захаров, в роли Мюнхгаузена — О. И. Янковский).

78 *Коллингвуд был прав…* — ср.: «Психология <…>, рассматриваемая как наука о духе, не является наукой. Она то, чем была «френология» в начале девятнадцатого века и астрология и алхимия в средние века и в шестнадцатом столетии, — модное наукообразное мошенничество эпохи» (Коллингвуд Р. Дж. Автобиография // Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М. : Наука, 1980. С. 376).

79 *…игру можно провести…* — имеется в виду организационно-деятельностная игра (ОДИ). Подробнее об ОДИ см.: [Щедровицкий, Котельников, 1983].

80 *«перестройка»* — наименование комплекса идеологических, политических и экономических реформ, официально утвержденных на Пленуме ЦК КПСС в январе 1987 г. и опубликованных Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачёвым в его брошюре «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира» в том же году. Так же называют период истории СССР второй половины 80-х гг.

81 *ИПК* — институт повышения квалификации.

82 *ОГПУ* — Объединенное государственное политическое управление при Совете народных комиссаров СССР — орган государственной безопасности, существовавший с 1923 по 1934 г.

83 История школьника Павлика Морозова (1918–1932) из дер. Герасимовка Тавдинского района Уральской области в советское время обросла множеством мифов. Согласно официальной версии, Павлик Морозов «разоблачил своего отца, бывшего в то время (1930) председателем сельского совета, но подпавшего под влияние кулацкой родни. Рассказав представителю райкома партии о том, что его отец тайно продавал сосланным кулакам ложные документы, М[орозов] затем выступил на суде по делу своего отца и заклеймил его как предателя. Когда кулаки пытались сорвать хлебозаготовки и подбивали крестьян прятать хлеб, М[орозов] на общем собрании жителей Герасимовки обратился к крестьянам с призывом сдать хлеб государству и указал кулаков, прятавших и гноивших хлеб; вместе с крестьянами-бедняками участвовал в изъятии хлеба у кулаков. <…>. Кулаки решили расправиться с М[орозовым]. 3 сент. 1932 М[орозов] вместе со своим младшим братом был убит в лесу бандитами-кулаками. Убийцы были пойманы и по приговору суда расстреляны» (Большая Советская Энциклопедия. Второе издание. Т. 28. М. : Гос. научное изд-во «БСЭ», 1954. С. 310).
В действительности отец Павла — Трофим Сергеевич Морозов (тогда председатель Герасимовского сельсовета) — был осужден в начале 1932 г. на 10 лет за продажу спецпереселенцам (раскулаченным с Кубани) подложных справок об их мнимой принадлежности к этому сельсовету. Павел не «доносил» на отца и не «заклеймил его как предателя», а давал показания по этому делу как свидетель на суде, которые, по-видимому, не сыграли никакой роли в его решении. В силу возраста Павел не принимал участия в организации хлебозаготовок и агитации за них. В сентябре 1932 г. в лесу были найдены зверски убитыми братья Павел и Фёдор Морозовы. Уральский областной суд признал виновными в их убийстве родственников по линии отца и квалифицировал это убийство как контрреволюционный террористический акт, по сути, как месть за свидетельствование Павла на суде. Однако современные исследователи считают это дело политически и идеологически мотивированным, а доказательную базу недостаточной для обвинительного приговора. Подробнее см., например: Фёдоров Р. Ю., Фишер А. Н.

Павлик Морозов — без вины виноватый? // Родина. 2016. № 3. С. 117–120; Келли К. Товарищ Павлик: Взлет и падение советского мальчика-героя. М. : Новое лит. обозрение, 2009.

84 *…если пользоваться чеховскими словами…* — имеется в виду ставшая крылатой фраза из письма А. П. Чехова издателю А. С. Суворину от 7 января 1889 г.: «<…> Напишите, как этот молодой человек выдавливает из себя по каплям раба и как он, проснувшись в одно прекрасное утро, чувствует, что в его жилах течет уже не рабская кровь, а настоящая человеческая…»

85 *«пепел Клааса стучит в мое сердце»* — слова главного героя Тиля Уленшпигеля из книги «Легенда об Уленшпигеле» (1867) Шарля Де Костера (1827–1879), который мстит за своего отца Клааса, сожженного испанской инквизицией.

86 По-видимому, речь идет о курсе лекций Фихте «Мораль для ученых» (*Moral für Gelehrte*), прочитанных им в 1794–1795 гг. в Йенском университете. Первые 5 лекций курса были опубликованы в 1794 г. под заголовком «Несколько лекций о назначении ученого» (*Einige Vorlesungen über die Bestimmung des Gelehrten*). Рус. перевод см.: Фихте И. Г. Сочинения в двух томах. Т. II. СПб. : Мифрил, 1993. С. 7–64.

87 *вюрцбуржцы* — представители Вюрцбургской школы экспериментального исследования мышления (О. Кюльпе, К. Бюлер, Н. Ах, О. Зельц и др.).

88 *…красивый пример… приводил Миклухо-Маклай* — источник не определен.

89 Игра 1980 года — имеется в виду Игра-3 по теме «Дизайн-проектирование и дизайн-программирование систем: сравнительный анализ», которая прошла 16–23 августа 1980 г. в г. Новоуткинске (Свердловская область).

90 В статье 1987 г. Г. П. Щедровицкий так описывает роль М. Г. Мееровича в контексте появления схемы мыследеятельности: «<…> В процессе дискуссии в одной из игровых групп сложилась такая ситуация, когда один из участников общей работы в группе — М. Г. Мееровичдолжен был во что бы то ни стало показать, что у него как молодого, или “нового”, архитектора, несмотря на то, что он участвует в общей коммуникации и должен участвовать в общем действии, совершенно другое содержание мышления, нежели у остальных членов группы, которых он называл “старыми” архитекторами. И, чтобы зафиксировать и сделать этот момент наглядным, М. Г. Мееровичзарисовал на схеме, которая изображала расстановку позиций во время дискуссии и затем была названа *организационно-деятельностной*, рядом с каждым знаком позиции еще особую доску (или отдельный лист бумаги), на которой строились индивидуальные схемы содержания мышления, и наотрез отказался переносить какие-либо схемы со своей индивидуальной доски на общую доску группы и обратно — с общей доски на свою индивидуальную доску. В силу этого *индивидуальное мышление*, осуществляемое на индивидуальных досках (или листках бумаги), отделилось от *общегруппового процесса*

мысли-коммуникации и получило свое собственное схематическое (и потому материализованное) обозначение и выражение <…>» [Щедровицкий, 1987, с. 127–128].

91 *Карла Поппера с его Лондонским кружком* — по-видимому, имеется в виду кружок учеников Поппера, сложившийся в период его преподавания в Лондонской школе экономики (1946–1969).

92 *«метод есть форма самодвижения содержания мысли»* — ср.: «До сих пор философия еще не нашла своего метода. <…> Но раскрытие того, что единственно только и может быть истинным методом философской науки, составляет предмет самой логики, ибо метод есть осознание формы внутреннего самодвижения ее содержания» (Г. В. Ф. Гегель. Сочинения. Т. V. Наука логики. М. : Гос. соц.-эк. изд-во, 1937. С. 32–33).

93 *…семинар по системно-кибернетическому подходу в Риге* — имеется в виду межинститутский методологический семинар Академии наук Латвийской ССР «Прикладные аспекты гносеологии». Материалы докладов семинара по системно-кибернетическому подходу см.: Системно–кибернетические аспекты познания. [Сб. статей.] Рига, Зинатне, 1985.

94 *…социально-экологическую экспертизу Байкала* — см.: Дело о Байкале. Первая международная общественная экологическая экспертиза «Байкал». 15–31 октября 1988. Публикация материалов. Иркутск: Оттиск, 2000.

95 См.: М. Мамардашвили. Философия — это сознание вслух // Юность. 1988. № 12. С. 9–13.

96 *…эту работу Мамардашвили и Пятигорского* — вероятно, речь идет о статье: Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Три беседы о метатеории сознания: (Краткое введение в учение виджнянавады) // Труды по знаковым системам, 5. Тарту : Изд-во Тартуского ун-та, 1971. С. 345–376. (Учен. записки Тартуского ун-та. Вып. 289.).

97 *Маркс в своих ранних работах различал это как первую и вторую природу* — по-видимому, имеются в виду «Экономическо-философские рукописи 1844 года» К. Маркса. Однако ни в этой, ни в других ранних работах Маркс не использует термины «первой» и «второй природы» как таковые. Однако по смыслу ряд высказываний Маркса в этих рукописях близок к тому различению, которое здесь проводит Г. П. Щедровицкий. Ср.: «Родовая жизнь как у человека, так и у животного физически состоит в том, что человек (как и животное) живет неорганической природой, и чем универсальнее человек по сравнению с животным, тем универсальнее сфера той неорганической природы, которой он живет. Подобно тому как в теоретическом отношении растения, животные, камни, воздух, свет и т. д. являются частью человеческого сознания, отчасти в качестве объектов естествознания, отчасти в качестве объектов искусства, являются его духовной неорганической природой, духовной пищей, которую он предварительно должен приготовить, чтобы ее можно было вкусить и переварить, — так и в практическом отношении они составляют часть человеческой жизни и человеческой деятельности. Физически

человек живет только этими продуктами природы, будь то в форме пищи, отопления, одежды, жилища и т. д. Практически универсальность человека проявляется именно в той универсальности, которая всю природу превращает в его *неорганическое* тело [*Körper*], поскольку она служит, во-первых, непосредственным жизненным средством для человека, а во-вторых, материей, предметом и орудием его жизнедеятельности. Природа есть *неорганическое тело* [*Leib*] человека, а именно — природа в той мере, в какой сама она не есть человеческое тело [*Körper*]» [Маркс, 1974, с. 92].

В советских словарях природа как «неорганическое тело» человека по Марксу было представлено затем как «совокупность вещей», или «вторая природа». Ср.: «Познавая объективные закономерности природы, воздействуя на нее с помощью специально создаваемых орудий и средств труда, люди используют вещества и энергию природы для создания необходимых обществу материальных благ. Тем самым естественная среда обитания дополняется искусственной, которая представляет собой т. наз. “вторую природу”, то есть совокупность вещей, не находимых в природе в готовом виде и создаваемых в процессе общественного производства» (Философский словарь. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1963, с. 363).

98 *…оппозицию «природа-культура», принятую Леви-Стросом* — в своих исследованиях К. Леви-Строс оппозицию «культура–природа» трактует через наличие/отсутствие обработки, или метафорически — через противопоставление «сырого» и «приготовленного» (см.: К. Леви-Строс. Мифологики. В 4 т. Том 1. Сырое и приготовленное. М. ; СПб. : Университетская книга, 1999).

99 *…«мир» в старорусском смысле…* — имеется в виду слово «міръ», означавшее (по «Толковому словарю живого великорусского языка» В. И. Даля) до орфографической реформы 1917–1918 гг. «вселенная; земной шар, свет; все люди, весь свет, род человеческий; община, общество крестьян; сходка», в отличие от «миръ» — «отсутствие вражды, несогласия, войны; лад, согласие, единодушие, приязнь, дружба, доброжелательство; тишина, покой, спокойствие».

100 *…монах Филопон, который создал галилеевскую физику за тысячу лет до Галилея* — Влияние Филопона на науку Нового времени связывают главным образом с его идеей «движущей силы» (κινετική δύναμις; лат. *impetus*) и определением закономерностей движения тела в вакууме, которые он сформулировал в комментариях к «Физике» Аристотеля. (Подробнее см.: Рожанский И. Д. История естествознания в эпоху эллинизма и Римской империи. М. : Наука, 1988. С. 424–442; Richard Sorabji (ed.). Philoponus and the Rejection of Aristotelian Science. 2nd ed. (Bulletin of the Institute of Classical Studies, Supplement 103). London, 2010 (кроме статей по указанной теме здесь представлена обширная библиография)).

101 Источник автора не установлен. В современной литературе о Филопоне указывается, что точная дата его смерти и ее обстоятельства неизвестны (см. примеч. 100). Лишь спустя столетие после смерти Филопон был предан анафеме на VI Вселенском соборе (680–681 гг.) за ересь тритеизма (троебожия): «Итак да будут навсегда под

анафемою и отчужденными от святой и единосущной и поклоняемой Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа <…> Иоанн грамматик, по прозванию трудолюбивый (Филопон), или лучше попусту трудящийся (Матеопон), Конон и Евгений, — три трепроклятые распространители троебожия <…>» (Деяния Вселенских соборов. Т. 6. 3-е изд. Казань, 1908. С. 159–160).

102 См., например: Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб. : Академический проект, 2002.

103 «Принцип терпимости» (*Toleranzprinzip*) Карнап сформулировал в работе «Логический синтаксис языка»: «Наше отношение к требованиям такого рода [то есть исключать из логики какие-то виды предложений или способы вывода, как это делают Брауэр, Кауфманн, Виттгенштейн — *ред.*] могло бы быть в общем сформулировано через *принцип терпимости: мы хотим не устанавливать запреты, а принимать* [те или иные] *предположения* [*Festsetzungen treffen*]. <…> *В логике нет морали*. Каждый может строить свою логику, то есть свою языковую форму [*Sprachform*], как он хочет. Он только должен, если он хочет с нами ее обсуждать, четко указать, как он хочет это делать, дать синтаксические определения вместо философских рассуждений» (Carnap R. Logische Syntax der Sprache. Wien, Springer-Verlag, 1934. S. 44–45. — *Пер. ред.*).

Руководствуясь «принципом терпимости», то есть проводя линию синтаксического (языкового) конвенционализма, Карнап отрицает вообще любые вопросы о существовании объектов: «Существуют ли свойства, классы, числа, суждения? Для того чтобы яснее понять природу этих и близких к ним проблем, прежде всего необходимо признать фундаментальное различие между двумя видами вопросов, касающихся существования или реальности объектов. Если кто-либо хочет говорить на своем языке о новом виде объектов, он должен ввести систему новых способов речи, подчиненную новым правилам; мы назовем эту процедуру построением *языкового каркаса* для рассматриваемых новых объектов. А теперь мы должны различить два вида вопросов о существовании: первый — вопросы о существовании определенных объектов нового вида *в данном каркасе*; мы называем их *внутренними вопр*осами; и второй — вопросы, касающиеся существования или реальности *системы объектов в целом*, называемые *внешними вопросами*. <…>

От внутренних вопросов мы должны ясно отличать внешние вопросы, то есть философские вопросы, касающиеся существования или реальности всей системы новых объектов в целом. Многие философы рассматривают вопрос такого рода как онтологический вопрос, который должен быть поставлен, и ответ, на который должен быть получен *до* введения новых языковых форм. Это введение, как они считают, будет законным только в том случае, если оно будет оправдано онтологической интуицией, дающей утвердительный ответ на вопрос о реальности. В противоположность этому взгляду мы полагаем, что введение новых способов речи не нуждается в каком-либо теоретическом оправдании, потому что оно не предполагает какого-либо утверждения реальности. Мы можем все же говорить (как мы и делали) о «принятии новых объектов», поскольку эта форма речи

является обычной, но при этом следует иметь в виду, что эта фраза не значит для нас ничего больше, кроме принятия нового языкового каркаса, то есть новых языковых форм. Прежде всего она не должна интерпретироваться как относящаяся к допущению, вере или утверждению “реальности объектов”. Ничего этого здесь нет. Предложение, претендующее на утверждение реальности системы объектов, является псевдоутверждением, лишенным познавательного содержания» (Р. Карнап. Эмпиризм, семантика и онтология // Карнап Р. Значение и необходимость: Исследование по семантике и модальной логике. М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1959. С. 300, 310–311).

104 *…принцип истинности, как его формулировал Аристотель…* — Ср.: «<…> Истинно утверждение относительно того, что на деле связано, и отрицание относительно того, что на деле разъединено; а ложно то, что противоречит этому разграничению <…>» (Метафизика, 1027 b 20–22).

105 *Критерием истины по Марксу является общественно-историческая практика.* — Не дословно, но по смыслу Маркс пишет об этом в «Тезисах о Фейербахе». Ср.: «Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, — вовсе не вопрос теории, а *практический* вопрос. В практике должен доказать человек истинность, то есть действительность и мощь, посюсторонность своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть чисто *схоластический вопрос*» [Маркс, 1955, с. 1–2].

106 См., например: Леви-Брюль Л. Первобытное мышление (*La mentalité primitive* (1922)). Есть перевод на русский язык.

107 *Лейбниц, а потом Эйлер фиксируют смысл в особой форме — в виде кругов* — речь идет о кругах (диаграммах), с помощью которых можно изобразить отношения между подмножествами, в частности, родовидовые отношения.

ЛИТЕРАТУРА

Ссылки на публикации Г. П. Щедровицкого даются в хронологическом порядке (по дате первого издания), других авторов — по алфавиту.

Щедровицкий Г. П. [1957] «Языковое мышление» и его анализ // Вопросы языкознания. 1957. № 1. С. 56–68 (то же: Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М. : Школа культурной политики, 1995. С. 449–465.

Щедровицкий Г. П., Алексеев Н. Г. [1957] О возможных путях исследования мышления как деятельности // Доклады Академии педагогических наук РСФСР. М., 1957. № 3. С. 41–46.

Щедровицкий Г. П. [1958] О некоторых моментах в развитии понятий // Вопросы философии. 1958. № 6. С. 55–64 (то же: Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М. : Школа культурной политики, 1995. С. 577–589).

Щедровицкий Г. П. [1958–1960] О строении атрибутивного знания. Сообщения I–VI // Доклады Академии педагогических наук РСФСР. М., 1958. № 1. С. 63–66; № 4. С. 43–46; 1959. № 1. С. 67–72; № 2. С. 63–66; № 4. С. 71–76; 1960. № 6. С. 89–94 (то же: Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М. : Школа культурной политики, 1995. С. 590–630).

Щедровицкий Г. П., Ладенко И. С. [1959] О некоторых принципах генетического исследования мышления // Тезисы докладов на I съезде Общества психологов. 29 июня — 4 июля 1959 г. Вып. 1. М. : Изд-во Академии пед. наук РСФСР, 1959. С. 100–103.

Щедровицкий Г. П. [1960а] К анализу процессов решения задач // Доклады Академии педагогических наук РСФСР. М., 1960. № 5. С. 25–28 (то же: Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М. : Школа культурной политики, 1995. С. 667–672).

Щедровицкий Г. П. [1960б] [выступление по докладам] // О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков: [Материалы дискуссии] / Ин-т языкознания АН СССР М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1960. С. 75–77.

Щедровицкий Г. П., Алексеев Н. Г., Костеловский В. А. [1960–1961] Принцип «параллелизма формы и содержания мышления» и его значение для традиционных логических и психологических исследований.

Сообщения I–IV // Доклады Академии педагогических наук РСФСР. М., 1960. № 2. С. 75–80 (в соавторстве с Н. Г. Алексеевым); № 4. С. 77–82 (в соавторстве с Н. Г. Алексеевым); 1961. № 4. С. 95–100 (в соавторстве с В. А. Костеловским); № 5. С. 103–108 (то же: Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М. : Школа культурной политики, 1995. С. 1–33.

Щедровицкий Г. П. [1962] О различии исходных понятий «формальной» и «содержательной» логик // Методология и логика наук. Ученые записки Томского университета. № 41. Томск, 1962. С. 81–92 (то же: Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М. : Школа культурной политики, 1995. С. 34–49.

Щедровицкий Г. П., Якобсон С. Г. [1962] К анализу процессов решения простых арифметических задач. Сообщения I–V // Доклады Академии педагогических наук РСФСР. М., 1962. № 2. С. 35–40; № 3. С. 35–40; № 4. С. 35–38; № 5. С. 43–46; № 6. С. 43–46.

Якобсон С. Г., Щедровицкий Г. П. [1963] Логико-психологический анализ процессов решения простых арифметических задач // Тезисы докладов на II съезде Общества психологов. Вып. 2. Детская и педагогическая психология / Общ-во психологов при Акад. пед. наук РСФСР. М. : Изд-во АПН РСФСР, 1963. С. 178–180.

Щедровицкий Г. П. [1964а] О принципах анализа объективной структуры мыслительной деятельности на основе понятий содержательно-генетической логики // Вопросы психологии. 1964. № 2. С. 125–133 (то же: Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М. : Школа культурной политики, 1995. С. 466–473).

Щедровицкий Г. П. [1964б] Проблемы методологии системного исследования. [Серия «Философия».] М. : Знание, 1964 (то же: Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М. : Школа культурной политики, 1995. С. 155–196; пер. на англ.: Shchedrovitsky G. P. Methodological Problems of System Research / transl. by A. Rapoport // General Systems: Yearbook of the Society for General Systems Research / ed. by Bertalanffy, L. von and Rapoport, A. Vol. XI. 1966).

Щедровицкий Г. П., Садовский В. Н. [1964–1965] К характеристике основных направлений исследования знака в логике, психологии и языкознании. Сообщения I–III // Новые исследования в педагогических науках. [Вып.] 2. М. : Просвещение, 1964. С. 73–81; [Вып.] 4. 1965. С. 67–72; [Вып.] 5. 1965. С. 40–48 (то же: Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М. : Школа культурной политики, 1995. С. 515–539).

Щедровицкий Г. П. [1965а] Исследование мышления детей на материале решений арифметических задач // Развитие познавательных и волевых процессов у дошкольников. М. : Просвещение, 1965. С. 208–357 (то же: Щедровицкий Г. П. О методе исследования мышления. М. : Фонд «Институт развития им. Г. П. Щедровицкого», 2006. С. 423–559).

Щедровицкий Г. П. [1965б] О принципах классификации наиболее абстрактных направлений методологии структурно-системных исследований // Проблемы исследования систем и структур: Материалы к конференции / Акад. наук СССР. Науч. совет по филос. вопросам естествознания. Центр. бюро филос. (методологических) семинаров АН СССР. М., 1965. С. 15–23.

Щедровицкий Г. П. [1965в] Методологические замечания к проблеме типологической классификации языков // Лингвистическая типология и восточные языки. Материалы совещания. М. : Наука, 1965. С. 48–70.

Щедровицкий Г. П. [1966а] Заметки о мышлении по схемам двойного знания // Материалы к симпозиуму по логике науки / Совет по филос. вопросам естествознания при Президиуме АН УССР. Ин-т философии АН УСССР. Кафедра философии Одесского ун-та. Киев, 1966. С. 247–252 (то же: Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М. : Школа культурной политики, 1995. С. 474–476]; расширенный вариант под заголовком «Мышление по схемам многих знаний» см.: Вопросы методологии. 1991. № 3. С. 3–6; Методология: вчера, сегодня, завтра. Т. I. М. : [Школа культурной политики], 2005. С. 7–12).

Щедровицкий Г. П. [1966б] Об исходных принципах анализа проблемы обучения и развития в рамках теории деятельности // Обучение и развитие: Материалы к симпозиуму (июнь — июль 1966 г.) / Моск. отделение Общ-ва психологов при АПН РСФСР. М. : Просвещение, 1966. С. 89–119.

Щедровицкий Г. П. [1967] О методе семиотического исследования знаковых систем // Семиотика и восточные языки / Акад. наук СССР, Ин-т народов Азии. М. : Наука, 1967. С. 19–47.

Лефевр В. А., Щедровицкий Г. П., Юдин Э. Г. [1967] «Естественное» и «искусственное» в семиотических системах // Семиотика и восточные языки / Акад. наук СССР, Ин-т народов Азии. М. : Наука, 1967. С. 48–56 (то же: Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М. : Школа культурной политики, 1995. С. 50–56).

Щедровицкий Г. П., Розин В. М. [1967] Концепция лингвистической относительности Б. Л. Уорфа и проблемы исследования «языкового мышления» // Семиотика и восточные языки / Акад. наук СССР, Ин-т народов Азии. М. : Наука, 1967. С. 93–106.

Щедровицкий Г. П., Дубровский В. Я. [1967] Научное исследование в системе методологической работы // Проблемы исследования структуры науки (материалы к симпозиуму). Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 1967. С. 105–116.

Щедровицкий Г. П. [1969] Методологический смысл проблемы лингвистических универсалий // Языковые универсалии и лингвистическая типология. М. : Наука, 1969. С. 46–98.

Щедровицкий Г. П. [1972] Цели и продукты терминологической работы (Методологические заметки о процессах становления терминологической деятельности) // Актуальные проблемы лексикологии. Доклады III межвуз. конференции 3–7 мая 1971 года / Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т., 1972. С. 80–95.

Щедровицкий Г. П., Якобсон С. Г. [1973] Заметки к определению понятий «мышление» и «понимание» // Материалы Всесоюзного симпозиума по проблеме «Мышление и общение». [22–25 мая 1973 г.] / Общ-во психологов АПН СССР. Мин-во просвещения КазССР. Казахск. пед. ин-т им. Абая. Казахск. респ. отд-ние Общ-ва психологов. Алма-Ата, 1973. С. 28–32 (то же: Щедровицкий Г. П. Мышление. Понимание. Рефлексия. М. : Наследие ММК, 2005. С. 157–160).

Щедровицкий Г. П. [1974а] Смысл и значение // Проблемы семантики. М. : Наука, 1974. С. 76–111 (то же: Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М. : Школа культурной политики, 1995. С. 545–576; Щедровицкий Г. П. Мышление. Понимание. Рефлексия. М. : Наследие ММК, 2005. С. 187–216).

Щедровицкий Г. П. [1974б] Логико-психологический анализ процедур и способов решения простых арифметических задач // Психолого-педагогические проблемы обучения и развития. Ч. 2 / Мин-во нар. образования ТаджССР. Тадж. гос. ун-т им. В. И. Ленина. Душанбе : Дониш, 1974. С. 102–125.

Щедровицкий Г. П. [1974в] Системное движение и перспективы развития системно-структурной методологии. Обнинск, 1974.

Щедровицкий Г. П. [1975] Исходные представления и категориальные средства теории деятельности // Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектировании (теория и методология). М. : Стройиздат, 1975. С. 72–161 (то же: Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М. : Школа культурной политики, 1995. С. 233–280).

Щедровицкий Г. П. [1976] Проблемы построения системной теории сложного «популятивного» объекта // Системные исследования. Ежегодник. 1975. М. : Наука, 1976. С. 172–214 (то же: Щедровицкий Г. П. Мышление. Понимание. Рефлексия. М. : Наследие ММК, 2005. С. 245–284).

Щедровицкий Г. П. [1978] Методологический подход как средство объединения знаний из разных научных предметов // Всесоюзная конференция «Методологические аспекты взаимодействия общественных, естественных и технических наук в свете решений XXV съезда КПСС» (Тезисы докладов и выступлений). [Ч.] I–II. М. — Обнинск, 1978. С. 116–119.

Щедровицкий Г. П. [1981] Принципы и общая схема методологической организации системно-структурных исследований и разработок // Системные исследования: Методологические проблемы. Ежегодник 1981. М. : Наука, 1981. С. 193–227 (то же: Щедровицкий Г. П.

Избранные труды. М. : Школа культурной политики, 1995. С. 88–114; пер. на англ.: Shchedrovitsky G. P. Methodological Organization of Systems-structural Research and Development: Principles and General Framework // General Systems: Yearbook of the Society for the Advancement of General Systems Theory / ed. by Bertalanffy, L. von and Rapoport, A. Vol. XXVII. 1982; Shchedrovitsky G. P. Methodological Organization of Systems-structural Research and Development: Principles and General Scheme // Systems Research II: Methodological Problems (Advances in Systems Research, Vol. 2) / Ed.-in-Chief J. M. Gvishiani / USSR State Committee for Science and Technology. USSR Academy of Science. Institute for Systems Studies. Oxford; New York: Pergamon Press, 1985.).

Щедровицкий Г. П., Котельников С. И. [1983] Организационно-деятельностная игра как новая форма организации и метод развития коллективной мыследеятельности // Нововведения в организациях: Труды семинара. М. : ВНИИ системных исследований, 1983. С. 33–54 (то же: Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М. : Школа культурной политики, 1995. С. 115–142; Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 21: СМД методология в конфликтологии. М. : УРСС, 2004. С. 7–38).

Щедровицкий Г. П. [1984] Синтез знаний: проблемы и методы // На пути к теории научного знания. М. : Наука, 1984. С. 67–109 (то же: Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М. : Школа культурной политики, 1995. С. 634–666).

Щедровицкий Г. П. [1987] Схема мыследеятельности — системно-структурное строение, смысл и содержание // Системные исследования: Методологические проблемы. Ежегодник 1986. М. : Наука, 1987. С. 124–146 (то же: Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М. : Школа культурной политики, 1995. С. 281–298; в сокращении: Щедровицкий Г. П. Мышление. Понимание. Рефлексия. М. : Наследие ММК, 2005. С. 770–783; Щедровицкий Г. П. Организационно-деятельностная игра как средство деструктурирования предметных форм и способ выращивания новых форм соорганизации коллективной мыследеятельности // Щедровицкий Г. П. Организационно-деятельностная игра: Сборник текстов. / Из архива Г. П. Щедровицкого. Т. 9 (2). М. : Наследие ММК, 2005. С. 225–231).

Щедровицкий Г. П. [1994] Рефлексия в деятельности // Вопросы методологии. 1994. № 3–4. С. 76–121 (то же: Щедровицкий Г. П. Мышление. Понимание. Рефлексия. М. : Наследие ММК, 2005. С. 64–125; сокр. пер. Табачниковой С. В. на фр. яз: Chtchedrovitski G. *La réflexion dans le cadre de l'activité* // Tabatchnikova S. *Le Cercle de méthodologie de Moscou (1954–1989): Une pensée, une pratique*. Paris, EHESS, 2007. P. 243–268).

Щедровицкий Г. П. Избранные труды / Ред. и сост. Щедровицкий Л. П., Пископпель А. А. М. : Школа культурной политики, 1995.

Щедровицкий Г. П. [1996] Онтология и онтологическая работа // Вопросы методологии. 1996. № 3–4. С. 65–122.

Щедровицкий Г. П. [1997] Опыт логического анализа рассуждений («Аристарх Самосский») // Щедровицкий Г. П. Философия. Наука. Методология. М. : Школа культурной политики, 1997. С. 57–202 (то же: Щедровицкий Г. П. Опыт анализа отдельного текста, содержащего решение математической задачи // Щедровицкий Г. П. О методе исследования мышления. М. : Фонд «Институт развития им. Г. П. Щедровицкого», 2006. С. 286–359).

Щедровицкий Г. П. [1998] Механизмы работы семинаров Московского методологического кружка // Вопросы методологии. 1998. № 1–2. С. 115–133.

Щедровицкий Г. П. [1999а] Категории сложности изыскательских работ // Щедровицкий Г. П. Программирование научных исследований и разработок / Из архива Г. П. Щедровицкого. Т. 1. М., 1999. С. 9–186.

Щедровицкий Г. П. [1999б] Начала системно-структурного исследования взаимоотношений людей в малых группах: Курс лекций / Из архива Г. П. Щедровицкого. Т. 3. М., 1999.

Щедровицкий Г. П. [2000] Оргуправленческое мышление: идеология, методология, технология (курс лекций) / Из архива Г. П. Щедровицкого. Т. 4. ОРУ(1). М., 2000 (2003, 2-е изд.) (то же: 3-е изд., испр. и доп. / Ред. и сост. Давыдова Г. А., Русаков А. В. М. : Изд-во Студии Артемия Лебедева, 2014 (2015, 4-е изд.; 2018, 5-е изд.).

Щедровицкий Г. П. Я всегда был идеалистом… М. : Путь, 2001 (то же: 2-е изд., испр. и доп. / Ред. и сост. Давыдова Г. А., Русаков А. В. М. : ННФ «Институт развития им. Г. П. Щедровицкого», 2012.

Щедровицкий Г. П. [2003] Процессы и структуры в мышлении (курс лекций) / Из архива Г. П. Щедровицкого. Т. 6. М., 2003.

Щедровицкий Г. П. [2004] Психология и методология (1): Ситуация и условия возникновения концепции поэтапного формирования умственных действий / Из архива Г. П. Щедровицкого. Т. 2. Вып. 1. М. : Путь, 2004.

Щедровицкий Г. П. [2005] Мышление. Понимание. Рефлексия / Сост. и отв. ред. Пископпель А. А., Рокитянский В. Р., Щедровицкий Л. П. М. : Наследие ММК, 2005.

Щедровицкий Г. П. [2006] О методе исследования мышления / Сост. и отв. ред. Пископпель А. А., Рокитянский В. Р., Щедровицкий Л. П. М. : ННФ «Ин-т развития им. Г. П. Щедровицкого», 2006.

Щедровицкий Г. П. [2010] Идея деятельности и деятельностный подход // Георгий Петрович Щедровицкий. М. : РОССПЭН, 2010 (Философия России второй половины XX века). С. 440–541.

Щедровицкий Г. П. [2012] Я всегда был идеалистом… 2-е изд., испр. и доп. / Ред. и сост. Давыдова Г. А., Русаков А. В. М. : ННФ «Институт развития им. Г. П. Щедровицкого», 2012.

Акофф Р., Эмери Ф. [1974] О целеустремленных системах. М. : Советское радио, 1974.

Бородай Ю. М. [1966] Воображение и теория познания: К критике кантовского учения о продуктивной способности воображения. М. : Высшая школа, 1966.

Галилей Г. [1948] Диалог о двух главнейших системах мира птоломеевой и коперниковой. М., Л. : Гос. изд-во технико-теор. лит-ры, 1948.

Генисаретский О. И. [1970] Опыт методологического конструирования общественных систем // Моделирование социальных процессов. М. : Наука, 1970. С. 48–73.

Генисаретский О. И. [1965] Специфические черты объектов системного исследования // Проблемы исследования систем и структур: Материалы к конференции / Акад. наук СССР. Науч. совет по философским вопросам естествознания. Центр. бюро философских (методологических) семинаров АН СССР. М., 1965. С. 31–36.

Гильберт Д. [1948] Основания геометрии. М., Л. : Гос. изд-во технико-теор. лит-ры, 1948.

Горохов В. Г. [1982а] Методологический анализ системотехники. М. : Радио и связь, 1982.

Горохов В. Г. [1982б] Современные комплексные научно-технические дисциплины // Вопросы философии. 1982. № 7. С. 133–141.

Давыдов В. В. [1960] Анализ структуры мыслительного акта // Доклады Академии педагогических наук РСФСР. 1960. № 2.

Зиновьев А. А. [2002] Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса). М.: Ин-т философии РАН, 2002.

[Кантор Г.] [1914] Новые идеи в математике. Сб. № 6. Учение о множествах Георга Кантора. I. СПб., 1914.

Клини С. К. [1957] Введение в метаматематику. М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1957.

Комплексный подход к научному поиску: проблемы и перспективы: Крат. тез. к всесоюз. симпоз. (Свердловск, 28–30 нояб. 1979 г.). Ч. 2. Свердловск, 1979.

Куффиньяль Л. [1963] Кибернетика — искусство управления // Наука и человечество: Международный ежегодник. М. : Знание, 1963. С. 480–503.

Кучинский Я. [1970] «Доктор Фаустус» и рубежи немецкого опыта // Вопросы философии. 1970. № 12. С. 53–68.

Лейбниц Г. В. Монадология // Лейбниц Г. В. Сочинения в 4 т. Т. I. М. : Мысль, 1982. С. 413–429.

Лефевр В. А. [1973] Конфликтующие структуры. Изд. второе, перераб. и доп. М. : Советское радио, 1973.

Лефевр В. А. [1971] Системы, нарисованные на системах // Системный метод и современная наука. Вып. 1 / Новосиб. гос. ун-т, Ин-т истории, филологии и философии СО АН СССР. Новосибирск, 1971. С. 43–50.

Лефевр В. А., Дубовская В. И. [1965] «Способ решения» задачи как содержание обучения // Новые исследования в педагогических науках. [Вып.] 4. М. : Просвещение, 1965. С. 112–120.

Мамардашвили М. К. [1968] Анализ сознания в работах Маркса // Вопросы философии. 1968. № 6. С.14–25.

Маркс К. [1955] Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 3. М. : Гос. изд-во пол. лит-ры, 1955. С. 1–4.

Маркс К. [1974] Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 42. М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1974. С. 41–174.

Мирский Э. М. [1980] Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки. М. : Наука, 1980.

Пантина Н. С. [1966] Исследование строения детской деятельности (на материале действий с дидактическими игрушками) // Психология и педагогика игры дошкольника: (Материалы симпозиума) / Ин-т дошк. воспитания АПН РСФСР. М. : Просвещение, 1966. С. 231–254.

Пантина Н. С. [1965] Исследование умственного развития детей в процессе деятельности с дидактическими игрушками // Развитие познавательных и волевых процессов у дошкольников. М. : Просвещение, 1965. С. 160–207.

Педагогика и логика: [Сборник статей]. М. : Касталь, 1993.

Пономарев Я. А. [1960] Психология творческого мышления. М. : Изд-во АПН РСФСР, 1960.

Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектировании (теория и методология). М. : Стройиздат, 1975.

Роджерс Э., Агарвала-Роджерс Р. [1980] Коммуникации в организациях. М. : Экономика, 1980.

Розин В. М. [1967] Семиотический анализ знаковых средств математики // Семиотика и восточные языки. М. : Гл. ред. вост. лит-ры изд-ва Наука, 1967. С. 65–92.

Тезисы докладов на II съезде Общества психологов. Вып. 2. Детская и педагогическая психология / Общ-во психологов при Акад. пед. наук РСФСР. М. : Изд-во АПН РСФСР, 1963.

Томсон Д. [1958] Предвидимое будущее. М. : Изд-во иностр. литры, 1958.

Швачкин Н. Х. [1954а] Психологический анализ ранних суждений ребенка // Вопросы психологии речи и мышления: Труды Института психологии. М. : Изд-во АПН РСФСР, 1954. (Известия Академии педагогических наук РСФСР. Вып. 54). С. 111–135.

Швачкин Н. Х. [1954б] Экспериментальное изучение ранних обобщений ребенка // Вопросы психологии речи и мышления: Труды Института психологии. М. : Изд-во АПН РСФСР, 1954. (Известия Академии педагогических наук РСФСР. Вып. 54). С. 83–110.

Шеллинг Ф. В. Й. [1987] Система трансцендентального идеализма // Ф. В. Й. Шеллинг. Сочинения в 2 т. Т. 1. М. : Мысль, 1987. С. 227–489.

Щедровицкий П. Г. [2014] Деятельностные подходы в советской философии и психологии в 60–80-е гг. прошлого столетия // Проблемы и дискуссии в философии России второй половины XX в.: современный взгляд. М. : Политическая энциклопедия, 2014 (Философия России второй половины XX века). С. 266–276.

Юдин Э. Г. [1976] Деятельность как объяснительный принцип и как предмет научного изучения // Вопросы философии. 1976. № 5. С. 65–78.

Юдин Э. Г. [1978] Системный подход и принцип деятельности. М. : Наука, 1978.

Beth E.W. [1956/57] Über Lockes «allgemeines Dreieck» // Kant-Studien. Bd. 48. Heft. 3. 1956/57. S. 361–380.

Kroeber A. L., Kluckhohn C. [1963] Culture: A Critical Review of Concepts and Definitions. New York, 1963.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абеляр, Пьер (Abaillard, Pierre; 1079–1142) — французский теолог, философ, *272*, *550*

Акофф, Рассел Линкольн (Ackoff, Russell Lincoln; 1919–2009) — американский специалист в области организационного развития, системных исследований, *248*

Алексеев, Никита Глебович (1932–2003) — философ, психолог, методолог; участник Московского методологического кружка; соавтор Г. П. Щедровицкого, *258, 272, 282, 284, 353, 562*

Ампер, Андре-Мари (Ampère, André-Marie; 1775–1836) — французский физик, математик; один из основоположников электродинамики, *356*

Анисимов, Олег Сергеевич (род. 1945) — психолог, педагог, методолог, участник Московского методологического кружка, *89, 90, 128, 129, 155, 156, 162, 163, 165, 167, 183–185, 191*

Аристарх Самосский (Ἀρίσταρχος ὁ Σάμιος; ок. 310 — ок. 230 до н. э.) — древнегреческий астроном, математик, *321*

Аристотель, (Ἀριστοτέλης; 384–322 до н. э.) — древнегреческий философ, основатель логики, *22, 28, 39, 58, 128, 137, 168–170, 243, 272, 298, 299, 356, 432, 461, 535, 538, 544, 574, 576, 584, 595, 602*

Архимед (Ἀρχιμήδης; 287–212 до н. э.) — древнегреческий математик, инженер, *22, 28, 48, 68, 84, 147, 150*

Б

Балиашвили, Тенгиз Семёнович (?) — лингвист, *218*, *219*

Бардо, Брижит Анн-Мари (Bardot, Brigitte Anne-Marie; род. 1934) — французская актриса, *359*

Бах, Ричард Дэвид (Bach, Richard David; род. 1936) — американский писатель, публицист, *144*

Бергсон, Анри (Bergson, Henri; 1859–1941) — французский философ; лауреат Нобелевской премии по литературе, *291*, *511*

Бернштейн, Николай Александрович (1896–1966) — физиолог, психолог, невропатолог; создатель современной биомеханики и физиологии активности, *187*

Бестужев-Лада, Игорь Васильевич (1927–2015) — историк, социолог; специалист в области социального прогнозирования, *528*

Бет, Эверт Виллем (Beth, Evert Willem; 1908–1964) — нидерландский логик, философ, *245*

Богданов (Малиновский) Александр Александрович (1873–1928) — философ, социолог, экономист, политический деятель, литератор, ученый-естествоиспытатель, *170*

Богомолов, Никита (?) — участник Московского методологического кружка, *240*, *242–245*, *249*, *253*, *254*, 262, *265*, *269*, *270*, *279*, *280*, *281*, *284*, *289*, *290*

Больцано, Бернард Плацидус Иоганн Непомук (Bolzano, Bernard Placidus Johann Nepomuk; 1781–1848) — чешский философ, теолог, математик, логик, *159*

Бондаровская, Валентина Матвеевна (1937–?) — психолог, психотерапевт, *289*, *355*

Бор, Нильс Хенрик Давид (Bohr Niels Henrik David; 1885–1962) — датский физик; общественный деятель; один из создателей современной физики, *537*

Бородай, Юрий Мефодьевич (1934–2006) — философ, публицист, *246*

Бочаров, Вячеслав Александрович (1937–2012) — философ, логик, *216*

Брентано, Франц Клеменс Онератус Герман Йозеф (Brentano, Franz Clemens Honoratus Hermann Josef; 1838–1917) — немецкий философ, психолог, *159, 443*

Бриджмен, Перси Уильямс (Bridgman, Percy Williams; 1882–1961) — американский физик, методолог науки, *613*

Брянкин, Сергей Васильевич (?) — специалист по спортивной подготовке, методист, *29, 30–35, 38, 52, 53, 60, 66, 78, 80–82, 86, 88, 90, 93, 99, 134, 135*

Буряк, Александр Петрович (род. 1949) — архитектор, художник; специалист в области теории и истории архитектуры; участник Московского методологического кружка, *447*, *448*

Бэкон, Френсис (Bacon, Francis; 1561–1626) — английский философ, историк, политический деятель, *158, 453, 457*, *461*, *531*

В

Валлон, Анри (Wallon, Henri; 1879–1962) — французский психолог, психиатр; общественный и политический деятель, *522*

Ванюшин, Валерий Анатольевич (?) — математик; специалист в области геоинформатики; участник Московского методологического кружка, *509*, *517*

Вебер, Максимилиан (Макс) Карл Эмиль (Weber, Maximilian Carl Emil; 1864–1920) — немецкий социолог, философ, *249, 532*

Вернадский, Владимир Иванович (1863–1945) — минералог, кристаллограф, геолог, основоположник геохимии, биогеохимии, радиогеологии, учения о живом веществе и биосфере, *393*

Веселов, Александр Аронович (1949–2007) — участник Московского методологического кружка, *221*, *223*, *224*, *228*, *229*

Виндельбанд, Вильгельм (Windelband Wilhelm; 1848–1915) — немецкий философ; глава Баденской школы неокантианства, *260, 318*

Винер, Норберт (Wiener, Norbert; 1894–1964) — американский математик, основоположник кибернетики, *92, 354*
Вольф, Христиан фон (Wolff, Christian von; 1679–1754) — немецкий философ, математик, *32*
Выготский, Лев Семёнович (1896–1934) — психолог; основатель культурно-исторической школы, *18, 46, 117, 119, 126, 149, 155–157, 175, 188, 245, 246*, *288*, *328*, *342*, *416*, *422, 424*, *439*, *497*, *505*, *552*, *613*
Высоцкий, Владимир Семёнович (1938–1980) — поэт, актер, автор и исполнитель песен, *529*

Г

Галилей, Галилео (Galileo Galilei; 1564–1642) — итальянский физик, математик, астроном; один из основателей наук Нового времени, *62, 84, 141, 298–300, 334, 371, 457, 461, 477, 523, 531, 537, 586*
Гальперин, Пётр Яковлевич (1902–1988) — психолог; автор теории поэтапного формирования умственных действий, *135, 149, 314, 319, 336, 497, 551, 552*
Гамезо, Михаил Викторович (1915–2006) — психолог, специалист в области психосемиотики, *507*
Гегель, Георг Вильгельм Фридрих (Hegel, Georg Wilhelm Friedrich; 1770–1831) — немецкий философ, представитель немецкой классической философии, *36, 39, 58, 132, 146, 260, 301, 313, 318, 414, 431, 483, 492, 529, 541, 565, 575, 579, 583, 594*
Геллер, Игорь Ильич (род. 1960) — психолог; участник Московского методологического кружка, *545*
Генисаретский, Олег Игоревич (1942–2022) — философ, искусствовед; участник Московского методологического кружка, *34, 39, 270, 329, 436, 509, 512, 513, 525, 544, 564, 566, 598*
Герасимов, Михаил Михайлович (1907–1970) — археолог, антрополог, скульптор; автор метода пластической портретной реконструкции, *595, 596*
Гербарт, Иоганн Фридрих (Johann Friedrich Herbart; 1776–1841) — немецкий философ, психолог; основатель педагогики как научной дисциплины, *132*
Геродот (Ἡρόδοτος; ок. 484 — ок. 425 до н. э.) — древнегреческий историк, *62, 84*
Гильберт, Давид (Hilbert, David; 1862–1943) — немецкий математик, *81, 202, 252, 304*
Глазычев, Вячеслав Леонидович (1940–2012) — архитектор, искусствовед; переводчик; общественный деятель; участник Московского методологического кружка, *374*, *390*, *401*, *403*
Гнедовский, Михаил Борисович (род. 1956) — историк; специалист в области культурной политики; переводчик; участник Московского методологического кружка, *212, 213, 221, 225, 227, 228, 230, 231, 233, 237, 264, 271–273, 282, 283, 290–292*
Гоклениус, Рудольф (Goclenius, Rudolf; 1547–1628) — немецкий философ, *132*

Головняк, Владимир Витальевич (род. 1958) — инженер-физик; участник Московского методологического кружка, *498*, *499*, *500–505*, *511–516*, *519–526*

Голомшток, Игорь Наумович (1929–2017) — искусствовед, публицист, *366*

Громыко, Юрий Вячеславович (род. 1958) — философ, педагог, методолог; участник Московского методологического кружка, *511*, *513–518*, *520*, *522–524*, *526*, *527*

Грушин, Борис Андреевич (1929–2007) — философ, социолог, методолог; один из основателей Московского логического кружка; один из основателей отечественной социологии, *488*

Гумилёв, Лев Николаевич (1912–1992) — историк, этнолог, писатель, переводчик; автор пассионарной теории этногенеза, *288*

Гуссерль, Эдмунд Густав Альбрехт (Husserl Edmund Gustav Albrecht; 1859–1938) — немецкий философ; основатель феноменологии, *58, 159, 246, 437, 443, 533*

Д

Давыдов, Василий Васильевич (1930–1998) — психолог, педагог; один из основоположников теории развивающего обучения, *19, 33, 36, 38, 40, 260, 275, 322, 418*

Давыдова, Галина Алексеевна (род. 1932) — филолог, специалист по восточным языкам; жена Г. П. Щедровицкого, *543*, *546*, *549*

Данилова, Вера Леонидовна (род. 1951) — психолог, психотерапевт; участник Московского методологического кружка, *283*, *443*, *449*, *544*

Декарт, Рене (René Descartes; 1596–1650) — французский философ, математик; один из основоположников наук Нового времени, *132, 252, 265, 327, 360, 457, 461, 531, 542*

Демокрит, Абдерский (Δημόκριτος; ок. 460 — ок. 370 до н. э.) — древнегреческий философ, *22, 28, 48, 132, 147, 298, 541*

Дильтей, Вильгельм (Dilthey, Wilhelm; 1833–1911) — немецкий философ, литературовед, историк, *535*

Докучаев, Василий Васильевич (1846–1903) — геолог, почвовед; основоположник школы научного почвоведения, *537*

Дорогов, Алексей Александрович (1923–2003) — искусствовед, историк науки и техники, *384*, *385*, *396*

Дробницкий, Олег Григорьевич (1933–1973) — философ; специалист в области этики, *538*

Дубровский, Виталий Яковлевич (род. 1939) — инженер-психолог; методолог, участник Московского методологического кружка, *144, 198, 205, 208, 275, 329, 387, 392, 394*, *438*, *449*, *486*, *511–513*, *542*, *572*

Дубровский, Давид Израилевич (род. 1929) — философ, психолог; специалист по философии сознания, 511

Дункер, Карл (Duncker, Karl; 1903–1940) — немецкий психолог, исследователь мышления; представитель гештальтпсихологии, *256*, *259*, *261*, *262*, *316*, *336, 598*

Дюркгейм, Давид Эмиль (Durkheim, David Émile; 1858–1917) — французский социолог; один из основателей современной социологии, *425*

Е

Евдокс Книдский (Εὔδοξος ὁ Κνίδιος; ок. 408 — ок. 355 до н. э.) — древнегреческий математик, астроном, *22, 28, 48, 84*

Евклид (Εὐκλείδης; ок. 300 г. до н. э.) — древнегреческий математик, геометр, *22, 28, 48, 68, 84, 85, 127, 129, 334, 461*

Ельмслев, Луи (Hjelmslev, Louis; 1899–1965) — датский лингвист; основатель Копенгагенского лингвистического кружка; создатель глоссематики, *412*

Есенин-Вольпин, Александр Сергеевич (1924–2016) — математик, логик; переводчик; общественный деятель, *247*

Ж

Жане, Пьер Мария Феликс (Janet, Pierre-Marie-Félix; 1859–1947) — французский психолог, психиатр, *551, 552*

З

Запорожец, Александр Владимирович (1905–1981) — психолог; специалист по общей и детской психологии; ученик Л. С. Выготского (*см.*), *191*

Зельц, Отто (Selz, Otto; 1881–1943) — немецкий философ, психолог; представитель Вюрцбургской школы исследования мышления, *259*, *261*, *262*

Зильберман, Давид Беньяминович (1938–1977) — философ, индолог; переводчик; автор концепции модальной методологии; участник Московского методологического кружка, *509*, *534*

Зиновьев, Александр Александрович (1922–2006) — логик, философ, писатель; один из основателей Московского логического кружка, *536, 561, 562*

Зинченко, Владимир Петрович (1931–2014) — психолог; один из создателей инженерной психологии в СССР; сын П. И. Зинченко (*см.*), *569*

Зинченко (старший), Пётр Иванович (1903–1969) — психолог *149*

И

Иванов, Дмитрий Андреевич (род. 1952) — психолог, педагог; участник Московского методологического кружка, *509, 510, 521, 522, 527*

Ильенков, Эвальд Васильевич (1924–1979) — философ; специалист в области диалектической логики, истории философии; автор концепции культурно–исторического развития человека, *275*, *489*, *491*, *536*

Ильясов, Илья (Ислам) Имранович (род. 1937) — психолог, специалист в области педагогической психологии, *80, 81, 83, 85, 88, 91, 92, 106, 119, 128, 155, 157, 161, 166, 168, 174–178, 180, 185, 187, 189, 191, 192, 421–425*

К

Кант, Иммануил (Kant, Immanuel; 1724–1840) — немецкий философ; родоначальник немецкой классической философии, *16, 22, 33, 39, 40, 132, 148, 150, 151, 240, 246, 254, 317, 414, 457, 483, 487, 490, 536, 574, 581*

Кантор, Георг (Georg Ferdinand Ludwig Philipp Cantor; 1845–1918) — немецкий математик; создатель теории множеств, *49, 132, 298*

Кармен, Роман Лазаревич (наст. имя Эфраим Лейзорович Коренман; 1906–1978) — кинорежиссер, кинооператор, сценарист, педагог, публицист, *144*

Карнап, Рудольф (Carnap, Rudolf; 1891–1970) — немецкий и американский философ, логик, участник Венского кружка, *595*

Карнозова, Людмила Михайловна (род. 1951) — психолог; специалист в области восстановительного правосудия; участник Московского методологического кружка, *507*

Кассирер, Эрнст (Cassirer, Ernst; 1874–1945) — немецкий философ; представитель марбургской школы неокантианства, *507*

Кеплер, Иоганн (Kepler, Johannes; 1571–1630) — немецкий математик, астроном, *141*

Клакхон, Клайд Кей Мэйбен (Kluckhohn, Clyde Kay Maben; 1905–1960) — американский антрополог, этнограф, теоретик культуры, *425*, *563*

Клапаред, Эдуард (Claparède, Édouard; 1873–1940) — швейцарский врач, психолог, *363*

Клини (Клейни), Стивен Коул (Kleene, Stephen Cole; 1909–1994) — американский математик, логик, *247*

Коген, Герман (Cohen, Hermann; 1842–1918) — немецкий философ; представитель Марбургской школы неокантианства, *260*

Коллингвуд, Робин Джордж (Collingwood, Robin George; 1889–1943) — английский философ, историк, археолог, *539*

Кондильяк, Этьен Бонно де (Condillac, Étienne Bonnot de; 1715–1780) — французский философ, аббат, *414*

Кондорсе, Мари Жан Антуан Никола де (Condorcet, Marie Jean Antoine Nicolas de; 1743–1794) — французский философ, математик; политический деятель, *557*

Константинов, Федор Васильевич (1901–1991) — философ; специалист по марксистско-ленинской философии; академик АН СССР, *592*

Котельников, Сергей Иванович (род. 1943) — специалист в области социокультурных технологий, стратегического маркетинга, организационного проектирования; участник Московского методологического кружка, *103, 105, 106, 112, 289*

Коул, Майкл (Cole, Michael; род. 1938) — американский психолог; переводчик, *425*

Крёбер, Альфред Луис (Kroeber, Alfred Louis; 1876–1960) — американский антрополог, *425*, *563*

Кузнецов, Пётр Саввич (1899–1968) — лингвист; специалист в области исторической морфологии русского языка и русской диалектологии, *421*
Кун, Томас Сэмюэл (Kuhn, Thomas Samuel; 1922–1996) — американский историк и философ науки, *27, 246, 248*
Куффиньяль, Луи Пьер (Couffignal, Louis Pierre; 1902–1966) — французский математик, кибернетик, *324*
Кучинский, Януш Люциан (Kuczyński, Janusz Lucjan; 1930–2017) — польский философ; публицист; общественный деятель, *579*

Л

Лавуазье, Антуан Лоран де (Lavoisier, Antoine Laurent de; 1743–1794) — французский естествоиспытатель, химик; основатель современной химии, *132*
Ладенко, Иосаф Семёнович (1933–1996) — философ, логик; автор теории интеллектуальных систем; участник Московского методологического кружка, *250*, *334*
Лакан, Жак Мари Эмиль (Jacques Marie Émile Lacan; 1901–1981) — французский психиатр, психоаналитик, философ, *246*
Лакатос (Лакатош), Имре (Lakatos, Imre; 1922–1974) — венгерский философ, методолог науки, *246, 612*
Лаплас, Пьер-Симон де (de Laplace, Pierre-Simon; 1749–1827) — французский математик, астроном, *249*
Леви-Брюль, Люсьен (Lévy–Bruhl, Lucien; 1857–1939) — французский философ, антрополог, *613*
Левин, Курт Цадек (Lewin, Kurt Zadek; 1890–1947) — немецкий и американский психолог, *440*
Левинтов, Александр Евгеньевич (род. 1944) — географ; публицист; участник Московского методологического кружка, *484*, *485*, *488*, *490*, *491*, *494, 496*
Леви-Строс (Леви-Стросс), Клод (Lévi-Strauss, Claude; 1908–2009) — французский антрополог, *577*
Левкипп (Λεύκιππος; прим. V век до н. э.) — древнегреческий философ, *541*
Лейбниц, Готфрид Вильгельм фон (Leibniz, Gottfried Wilhelm von; 1646–1716) — немецкий философ, математик, политический и общественный деятель, *39, 132, 171, 172, 327, 614*
Лейчик, Владимир Моисеевич (1928–2013) — лингвист; специалист в области терминоведения, *577, 578, 580, 583, 586, 592–594, 596, 598–602, 608, 614*
Леклер, Серж (Leclaire, Serge; 1924–1994) — французский психиатр, психоаналитик, *246*
Лем, Станислав Герман (Lem, Stanisław Herman; 1921–2006) — польский писатель, публицист, *143, 518, 542*
Ленин, Владимир Ильич (1870–1924) — политический и государственный деятель, основатель и первый руководитель Союза Советских Социалистических Республик (СССР); публицист, 483, 599

Леонтьев, Алексей Николаевич (1903–1979) — психолог; автор одного из вариантов деятельностного подхода в психологии; ученик Л. С. Выготского (*см.*), *18, 126, 149, 155, 188, 416, 439, 497, 522, 557, 563*

Лефевр, Владимир Александрович (1936–2020) — российско-американский философ, методолог, психолог; автор теории рефлексивных игр; участник Московского методологического кружка, *91, 160, 264, 273, 287, 486, 509, 513*, *518*, *528*, *542*

Литвинов, Виктор Петрович (1938–2019) — филолог, лингвист; участник Московского методологического кружка, *442*, *443*, *449*, *450*

Локк, Джон (John Locke; 1632–1704) — английский философ, врач, педагог, государственный деятель, *58, 151, 245, 317, 486, 490, 496, 501, 559*

Ломов, Борис Федорович (1927–1989) — психолог, специалист в области теории и методологии психологии, *557*

Лосев, Алексей Федорович (1893–1988) — филолог, философ, переводчик; специалист по истории античной философии, *119, 535*

Лотман, Юрий Михайлович (1922–1993) — литературовед, культуролог; основатель Московско-тартуской семиотической школы, *424, 589, 590, 592*

М

Малиновский, Павел Владимирович (род. 1959) — методолог, науковед; участник Московского методологического кружка, *90, 91, 133, 135, 136, 212, 213, 220, 221, 224, 228, 243, 245–247, 275, 276*

Мамардашвили, Мераб Константинович (1930–1990) — философ; специалист в области философии языка и сознания, истории философии; один из основателей Московского логического кружка, *39, 143, 375, 488, 489, 492, 503, 572*

Маннгейм (Манхейм), Карл (Mannheim, Karl; 1893–1947) — английский социолог, философ, *540*

Маркс, Карл Генрих (Marx, Karl Heinrich; 1818–1883) — немецкий философ, критик политической экономии; политический и общественный деятель, *39, 40, 41, 58, 114, 119, 157, 158, 172, 303, 316–318, 351, 375, 441, 453, 487, 500, 510, 536–538, 540, 545, 561, 563, 575, 576, 579, 581, 583, 593, 594, 599, 600*

Марр, Николай Яковлевич (1864–1934) — востоковед, филолог, историк, этнограф, археолог; автор «нового учения о языке», *607*

Матюшкин, Алексей Михайлович (1927–2004) — психолог; специалист в области психологии мышления, проблемного обучения, *322*

Меерович, Марк Григорьевич (1956–2018) — архитектор, историк; участник Московского методологического кружка, *288*, *567*

Мейнонг, Алексиус (Meinong, Alexius; 1853–1920) — австрийский философ, *159*
Менчинская, Наталья Александровна (1905–1984) — психолог; специалист в области возрастной и педагогической психологии, *259*, *262*
Миклухо-Маклай, Николай Николаевич (1846–1888) — этнограф, антрополог, путешественник, *167, 560*
Михайлов, Феликс Трофимович (1930–2006) — философ, психолог, педагог, *275*
Монтегю, Ричард Меретт (Montague, Richard Merritt; 1930–1971) — американский математик, философ, *217*
Монтень, Мишель Экем де (de Montaigne, Michel Eyquem; 1533–1592) — французский писатель, философ, *546*
Моррис, Чарлз Уильям (Morris, Charles William; 1903–1979) — американский философ, специалист по знаковым системам; один из основателей семиотики, *420*
Москаева, Алина Семёновна (ум. 2012) — специалист в области методологии математики; участник Московского методологического кружка, *257, 329, 334, 353, 566*

Н

Натансон, Э. А. (?) — лингвист; специалист в области терминоведения, *579, 580–582, 594, 596, 601, 607–610*
Наумов, Сергей (?) — участник Московского методологического кружка, *221*, *223*, *225–229*, *231–233*, *235*, *240*, *242*, *250*, *256*, *257*, *270*, *288*, *289*
Наторп, Пауль Герхард (Natorp, Paul Gerhard; 1854–1924) — немецкий философ, педагог; один из основателей марбургской школы неокантианства, *318*
Нафтульев, Аркадий Ильич (1938–2008) — психолог; специалист в области педагогической и инженерной психологии, *361*
Неверкович, Сергей Дмитриевич (1939–2018) — спортивный педагог, методист, *440*
Нельсон, Джордж (Nelson, George; 1908–1986) — американский архитектор; специалист в области теории и практики промышленного дизайна, *374*
Непомнящая, Нинель Ионтелевна (род. 1931?) — психолог, специалист в области детской, возрастной и педагогической психологии, *353*, *513*
Ньютон, Исаак (Newton, Isaac; 1643–1727) — английский физик, математик, астроном; один из создателей классической физики и математического анализа, *49, 54, 150, 581, 582, 584*

О

Ойзерман, Теодор Ильич (1914–2017) — философ, специалист по истории немецкой классической философии, марксизма, теории познания; академик АН СССР; научный руководитель Э. В. Ильенкова, М. К. Мамардашвили (см.) и др., *603*
Орем, Николай (Nicole Oresme; ок. 1325 — 1382) — французский философ, математик, богослов; епископ, *474*

П

Пантина, Нелли Суреновна (?) — психолог, специалист в области детской и возрастной психологии, *353*

Папуш, Михаил Павлович (род. 1942) — музыковед, психотерапевт, переводчик; участник Московского методологического кружка, *591, 597, 598, 601, 604*

Парсонс, Толкотт (Parsons, Talcott; 1902–1979) — американский социолог, *249*

Паск, Эндрю Гордон Спиди (Pask, Andrew Gordon Speedie; 1928–1996) — английский инженер-кибернетик, *170*

Переверзев, Леонид Борисович (1930–2006) — музыковед; теоретик дизайна; публицист, *370–376, 378–389, 392*

Пиаже, Жан Вильям Фриц (Piaget, Jean William Fritz; 1896–1980) — швейцарский биолог, психолог; автор концепции генетической эпистемологии в психологии развития, *120*, *121, 363, 448, 505*

Пирс, Чарльз Сандерс (Peirce, Charles Sanders; 1839–1914) — американский философ, логик, математик, основатель семиотики, *246*

Писарский, Пётр Саввич (?) — участник Московского методологического кружка, *122*

Пифагор Самосский (Πυθαγόρας ὁ Σάμιος; ок. 570–490 до н. э.) — древнегреческий философ, математик, *132*

Платон (Πλάτων; 428/427–348/347 до н. э.) — древнегреческий философ, *127, 128, 133, 243, 245, 336, 337, 461, 526, 541, 583, 602*

Платонов, Георгий Васильевич (1918–2006) — философ; специалист по методологическим проблемам биологии, диалектики природы, *592*

Пойя (Полиа), Дьёрдь (Pólya, György; 1887–1985) — венгерский математик, специалист в области комбинаторики, теории чисел, теории вероятностей, *256, 265, 266*

Поливанова (Гивенталь), Светлана Борисовна (род. 1946) — математик, программист; участник Московского методологического кружка, *492, 493*

Попов, Сергей Валентинович, (род. 1957) — методолог; общественный деятель; участник Московского методологического кружка, *484*, *485*, *494*, *515*, *545*, *547*, *552*, *571*

Поппер, Карл Раймунд (Popper, Karl Raimund; 1902–1994) — британский философ науки, публицист, 27, *318*, *501*, *541, 546, 568, 612*

Пятигорский, Александр Моисеевич (1929–2009) — философ, востоковед, переводчик, *424, 572*

Р

Рац, Марк Владимирович (род. 1935) — инженер-геолог; публицист; участник Московского методологического кружка, *494*, *543*, *548*

Риккерт, Генрих (Rickert, Heinrich; 1863–1936) — немецкий философ, основатель баденской школы неокантианства, *260*, *425*

Розин, Вадим Маркович (род. 1937) — философ, методолог, культуролог; участник Московского методологического кружка, *259*, *284*, *329*, *334*, 353, *555*, *566*

Рубинштейн, Сергей Леонидович (1889–1960) — психолог, философ; один из создателей деятельностного подхода в психологии, *18, 126, 422*

С

Сагатовский, Валерий Николаевич (1933–2014) — философ, логик, *541*

Садовский, Вадим Николаевич (1934–2012) — философ; специалист в области философии науки и методологии системных исследований; участник Московского методологического кружка, *104*

Сазонов, Борис Васильевич (род. 1937) — философ, методолог, специалист по теории проектной деятельности, управления; участник Московского методологического кружка, *28, 33, 35, 43, 54, 55, 59, 65, 82, 202–209, 515, 555*

Семёнов, Игорь Никитович (род. 1945) — психолог; специалист в области акмеологии, рефлексивной психологии, участник Московского методологического кружка, *285*

Сиротский, Вячеслав Евгеньевич (1961–1996) — психолог; участник Московского методологического кружка, *490, 497, 524*

Смирнов, Владимир Александрович (1931–1996) — философ, логик, *219, 423*

Соссюр, Фердинанд де (Saussure, Ferdinand de; 1857–1913) — швейцарский лингвист, *277, 338, 341, 347, 421, 422, 559, 560*

Сохин, Феликс Алексеевич (1928–1989) — психолог, лингвист; специалист в области детской психологии, *422*

Спиноза, Бенедикт (Benedict de Spinoza; 1632–1677) — голландский философ, *129*

Стёпин, Вячеслав Семёнович (1934–2018) — философ; специалист в области теории познания, философии и методологии науки, *80*

Стругацкие, братья Аркадий Натанович (1925–1991) и Борис Натанович (1933–2012) — писатели-соавторы, сценаристы, переводчики, *156*

Т

Тейяр де Шарден, Пьер (Teilhard de Chardin, Pierre; 1881–1965) — французский теолог, философ, священник; один из создателей теории ноосферы, *99, 393*

Тихомиров, Олег Константинович (1933–2001) — психолог; специалист в области психологии мышления, *341*, *346*, *361*, *364*

Томсон, Джозеф Джон (Thomson, Joseph John; 1856–1940) — британский физик, первооткрыватель электрона, *490*

Тыщенко, Владимир Петрович (1930–2020) — философ; участник Московского методологического кружка, *547*

Тюков, Анатолий Александрович (род. 1946) — психолог; специалист в области педагогической психологии; участник Московского методологического кружка, *13, 27, 31, 32, 39, 52, 54, 55, 60, 61, 63–65, 86–92, 104, 105, 112, 120, 121, 137, 144, 156, 161–163, 166, 171, 259, 445, 446*

У

Уёмов, Авенир Иванович (1928–2012) — философ; специалист по логике, методологии науки и теории систем, *275*, *423*

Уорф, Бенджамин Ли (Whorf, Benjamin Lee; 1897–1941) — американский лингвист, специалист по языкам американских индейцев; автор гипотезы «лингвистической относительности», *421*

Ушинский, Константин Дмитриевич (1823–1870) — писатель, педагог; основоположник российской научной педагогики, *20, 609*

Ф

Фейербах, Людвиг Андреас фон (Feuerbach, Ludwig Andreas von; 1804–1872) — немецкий философ, *41, 318, 536, 575*

Филопон, Иоанн (Ἰωάννης ὁ Φιλόπονος; ок. 490–570) — философ; представитель Александрийской школы неоплатонизма, *586*

Фихте, Иоганн Готлиб (Fichte, Johann Gottlieb; 1762–1814) — немецкий философ; представитель немецкой классической философии, *36–39, 58, 115, 318, 492, 555, 556, 575, 581, 584*

Фреге, Фридрих Людвиг Готлоб (Frege, Friedrich Ludwig Gottlob; 1848–1925) — немецкий логик, математик, философ, *159*

Фрид, Ефим (?), *215, 220, 224, 225, 227, 231, 233, 252, 358*

Х

Хинтикка, Каарло Яакко Юхани (Hintikka, Kaarlo Jaakko Juhani; 1929–2015) — финский философ, математик, *216, 217, 219*

Хромченко, Матвей Соломонович (1932–2018) — журналист, публицист; биограф Г. П. Щедровицкого; участник Московского методологического кружка, *486, 490, 491, 492, 497, 498, 505, 507, 517, 527*

Ч

Чернов, Константин Львович (?) — спортивный педагог, методист, *45, 63, 75, 108, 110, 127, 134, 157, 167, 185, 192*

Ш

Швачкин, Николай Христофорович (?) — психолог, специалист по вопросам развития речи у детей, *420*, *613*

Шеллинг, Фридрих Вильгельм Йозеф фон (Schelling, Friedrich Wilhelm Joseph von; 1775–1854) — немецкий философ; представитель немецкой классической философии, *38, 39, 58, 259, 318, 440, 575, 584, 594*

Шехтер, Марк Семёнович (род. 1929) — психолог, специалист в области восприятия, *322*

Шилз, Эдвард Альберт (Shils, Edward Albert; 1911–1995) — американский социолог, *249*

Щ

Щедровицкий, Пётр Георгиевич (род. 1958) — философ, методолог; общественный деятель; участник Московского методологического кружка; сын Г. П. Щедровицкого, *212, 242, 260, 494, 506, 512, 515, 520, 521, 550, 552*

Э

Эддингтон, Артур Стэнли (Eddington, Arthur Stanley; 1882–1944) — английский астрофизик, *613*

Эйлер, Леонард (Euler, Leonhard; 1707–1783) — швейцарский математик, *245*, *316, 614*

Эйнштейн, Альберт (Einstein, Albert; 1879–1955) — немецкий физик, создатель теории относительности, *147, 151, 613*

Энгельс, Фридрих (Engels Friedrich; 1820–1895) — немецкий политический и общественный деятель, публицист; соратник и соавтор К. Маркса (*см.*), *40, 83, 172, 530, 592, 594, 599*

Ю

Юдин, Эрик Григорьевич (1930–1976) — философ, специалист в области методологии системных исследований; участник Московского методологического кружка, *424*, *509*, *513*

Я

Ягодин, Геннадий Алексеевич (1927–2015) — инженер-технолог; государственный и общественный деятель; в 1985–1989 гг. — министр высшего и среднего специального образования СССР, *527*

Якобсон, Софья Густавовна (?) — психолог, педагог, *286*, *352*

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

абстракция, 486
антиномия (*см. тж.* парадокс), 297, 299, 301, 302
  ситуация антиномии, 301, 302
артификация, 510, 519–521
ассимиляция и аккомодация (в деятельности), 395

В

верстак (верстаки), 30, 42, 43, 45, 56–60, 62, 67, 77, 135, 137, 166, 182–184, 187, 214, 215, 221–227, 229, 232, 235–237, 241, 247, 248, 257, 261–264, 276, 289, 558
  верстак методологии, 229
  верстак онтологической работы, 42
  верстак понимания, 90
  верстак проблематизации, 57
  деятельность (работа) на верстаке, 214, 215, 218, 219, 221–223, 227, 236, 237, 257, 262
  методологический верстак, 226
  предметный верстак, 225, 226, 229
  типология верстаков, 226
вещь (вещи) / предмет (предметы), 83–85, 238, 272, 358, 359, 366, 367, 372–380, 382, 384, 385, 389, 390, 398, 399, 402–407, 575–577, 580, 581
  люди и вещи, 366–369, 376–381, 384–392
  мир вещей, 373, 388, 389
  понятие вещи, 372, 575, 576
  преобразование вещей, 403–405
  системы вещей, 367, 402
  теория вещей, 402, 408
взаимопонимание, 243, 603, 604
  организация взаимопонимания, 603
внешнее и внутреннее, 113, 115, 118–121, 601, 602
  понятие внешнего, 112
восприятие, 120, 519
  восприятие у Канта, 151
  рефлексия и восприятие (*см.* рефлексия)
воспроизводство, 100
  воспроизводство деятельности, 76, 88, 102, 178, 179, 309, 325, 471, 563, 564
    воспроизводство деятельности и трансляция культуры, 339, 426
    механизм воспроизводства деятельности, 309
    схема воспроизводства деятельности (и трансляции культуры), 154, 155, 262, 325, 326, 344, 425, 445, 446, 449, 563
  воспроизводство методологического мышления и деятельности, 101–103
  категория воспроизводства, 564
время, 113, 114, 151

Г

герменевтика, 535, 538, 539
  логика и герменевтика (*см.* логика)
гносеология, 489

Д

действительность, 144
  действительность мышления, 245, 254, 255, 434, 438, 440, 444, 542
  идеальная действительность, 438, 439
деятельностно-природная система, 519, 525–527

деятельностный подход, 14, 16, 17, 20, 21, 32, 36–42, 45–47, 195, 201, 204, 205, 209–211, 232, 329, 340, 425, 464, 475, 507, 508, 512, 517, 520, 521, 544, 562
деятельностный подход в лингвистике, 277
идея деятельностного подхода, 465
принцип деятельностного подхода, 14, 43, 209, 210, 393
теоретико-деятельностный подход, 311, 329, 351
деятельность (деятельности), 14–17, 20, 21, 39–42, 44, 46–51, 56, 63, 68, 75, 76, 78, 82, 88, 95, 97, 103, 104, 110–114, 117, 119, 120, 126, 144, 146, 148, 152, 154, 156, 158, 164, 171, 174, 177–179, 187, 195–197, 199, 200, 202–204, 206, 207, 215, 227, 228, 235, 237–242, 244, 246–250, 253, 254, 259, 260, 263–265, 267, 268, 271, 273, 278, 279, 296, 297, 303–305, 307, 308, 312, 319, 320, 325–328, 330, 338–344, 346–348, 358, 359, 363, 364, 393–397, 399–407, 413, 414, 426–429, 434, 439–441, 445, 446, 470, 473, 474, 508–511, 522, 542, 562, 564, 566, 575–580, 583–587, 592, 598, 602, 608, 609
акт (акты) деятельности, 113, 114, 179, 204, 352, 359
схема акта деятельности, 352
воспроизводство деятельности (*см.* воспроизводство)
деятельность и вещи, 577
деятельность и действие, 563
деятельность и знания, 578–580, 585
деятельность и объект, 320
деятельность и рефлексия, 148, 525
деятельность над деятельностью, 329, 330, 342, 470
деятельность у Аристотеля, 168
идея деятельности, 260, 574, 583, 598
идея множественности деятельностей, 21
индивидуальная деятельность, 585
интеллектуальная деятельность, 121, 325, 340, 343, 346, 348, 364, 557
исследование интеллектуальной деятельности, 348
нормы интеллектуальной деятельности, 343, 346
онтологическая картина интеллектуальной деятельности, 340, 341
исследование деятельности, 348
история и деятельность (*см.* история)
категориальное определение деятельности, 396
категория деятельности, 312, 424, 511, 522, 563, 566
кооперирование деятельности, 722
кооперированная деятельность, 48, 158, 198, 307, 330, 605
механизм кооперированной деятельности, 307
методологическая деятельность, 95– 97, 256, 261
механизм деятельности, 170, 308, 343
мир деятельности, 385, 394
мыслительная деятельность, 25, 47, 68, 78, 117, 152, 154, 155, 215, 308, 323, 326, 334, 344, 462
мышление и деятельность (*см.* мышление)
объект (объекты) деятельности, 602, 20, 438, 575, 587, 601
онтология (онтологическая картина) деятельности, 133, 339, 428, 429
(методологическая) организация деятельности, 16, 35, 45, 63, 238, 239, 241, 242, 245, 248–250, 253, 257, 261, 267, 271, 273, 328, 330
социотехническая организация деятельности, 210, 342
структурно-функциональная организация деятельности, 227
формы организации деятельности, 81, 137, 158

организационная деятельность, 179, 330
организованность (организованности) деятельности, 51, 196, 201, 238, 395, 396, 398, 525, 579
понятие организованности, 329
принцип множественности существования организованностей в деятельности, 359
поведение и деятельность, 427
познавательная деятельность, 301, 302
понятие деятельности, 152, 426, 427, 563, 566
предмет деятельности, 17
представление о деятельности, 21, 259, 344, 427, 428
онтологические представления о деятельности, 348
структурные представления деятельности, 341, 342
принцип деятельности, 18, 36, 578
принцип множественности позиций (в деятельности), 602, 603
процессы деятельности, 240, 254, 340, 343, 358, 399–405
психологическая концепция деятельности, 448
речевая деятельность, 347
система (системы) деятельности, 238, 254, 471, 475, 605
ситуация и деятельность (*см.* ситуация)
структура (структуры) деятельности, 143, 144–146, 158, 198, 201, 227, 228, 395, 398, 399, 405, 580
теория деятельности, 102, 221, 310, 317, 324, 439, 563, 564, 566, 603
социотехническая деятельность, 469, 470
спортивная деятельность, 470, 471
средства деятельности, 214, 323
типы деятельности, 21, 205
универсум деятельности, 40
эволюция деятельности, 397
диалектика, 583
идея диалектики, 418, 582
дизайн, 373, 375, 377
объект и предмет дизайна, 377

Е

естественное и искусственное, 41, 172, 173, 180, 306, 342, 421, 475, 581

З

закон (законы)
естественнонаучные законы, 335, 354, 477
законы природы, 354, 441
понятие закона, 353
замещение
знаковое замещение, 315, 318, 319, 419
знаковое замещение и отнесение, 507
отношение замещения, 496, 506, 507, 559
отношения замещения и отнесения, 315, 320, 437, 558
понятие замещения, 317, 498
связи замещения, 499, 501, 504
связи замещения и отнесения, 507, 612
схемы замещения, 317
знак (знаки), 70, 71, 92, 118, 119, 149, 159, 245, 315, 318, 320, 399, 401, 404, 487, 495, 496, 501, 504–507, 558, 559
знаки в (процессах) деятельности, 399–401, 576
знак и объект, 159, 167, 504, 505
знаковая форма (*см.* форма)
знаковые схемы, 47, 74
оперирование со знаками, 318, 558
психология знака, 119
функции знаков, 506
знаковые системы, 399, 400

знание (знания), 16, 17, 64, 107, 114, 124, 125, 200, 203–205, 244, 277, 295, 301–303, 315–318, 328, 329, 343, 356, 360, 367–369, 457, 458, 469, 471–480, 549, 551, 560, 562, 580–582, 588–593, 595–601, 603–606, 612
атрибутивное знание, 499, 500, 504
внутренние и внешние знания, 204
деятельность по получению знаний, 302
знание и объект, 301, 343, 474, 588, 589, 592, 595, 598
знание как двухплоскостная структура, 114
знание (знания) об объекте, 15, 16, 301–303, 452, 455, 474, 539, 589, 590, 596, 598, 607
знания и коммуникация, 560, 613
знания и объект, 588, 589, 592, 595, 598, 606, 608, 612
истинное знание, 596, 597, 600
методологические знания, 277, 296
научное знание, 416, 469, 473, 476–480, 611
система научного знания, 611
объект знания, 124, 125, 474
объективное знание, 594–597
прикладные знания, 478, 479
проспективные и ретроспективные знания, 200, 201, 203
принцип двойного (множественного) знания, 588, 589
схема двойного (множественного) знания, 589
психологические знания, 346, 468
систематизация знаний, 64
структура знания, 316, 558
схема знания, 437, 502, 507, 549, 561, 612
схема многих знаний, 459
функции знаний в системах деятельности, 474, 475
значение, 442, 612
значение и смысл, 278, 279, 290
значение слова, 268

И

игра (организационно-деятельностная), 545, 551, 570
концепция игры, 505
идеализм, 536–538, 545, 546
немецкий классический идеализм, 574
трансцендентальный идеализм, 259
интеллект, 333, 341, 344, 346, 354, 360, 361, 364, 489
интеллект у Пиаже, 120
искусственный интеллект, 332
психологические исследования интеллекта, 346
интеллектуальные процессы, 190, 332, 335, 336, 338, 340–343, 345, 346, 348, 349, 351, 357, 358, 360, 364
исследование интеллектуальных процессов, 332–334, 364
модели интеллектуальных процессов, 336
описание интеллектуальных процессов, 351, 352
интенциональность, 320
интериоризация, 551, 552
искусство, 295, 346, 404
исследование, 39, 51, 62, 112–115, 131, 296, 348, 349, 361, 367–369, 455, 456, 509, 510, 514, 524
естественнонаучное исследование, 328, 335, 363
методологические исследования, 302, 303
научное исследование, 84, 111, 296, 297, 303, 356, 360, 453, 476, 478
методология научного исследования, 462
нормативно-деятельностное исследование, 363
понятие исследования, 111, 112
психологические исследования, 466–469
эмпирическое исследование, 219
истина
относительность истины, 594, 595, 600
принцип истины, 579
история, 99, 180, 491, 508, 540

история и деятельность, 508, 545, 548
история и пространство мышления и деятельности, 540, 548
пространство истории, 179, 180, 540, 544, 545

К

«Капитал» Маркса, 232, 233, 316, 561
категория (категории), 230, 493
естественно-научные категории, 457
категория процесса, 323, 329, 334
категория развития, 180
категория структуры, 323, 329, 337
системные категории, 511
кентавр-система, 527, 581
кибернетика, 170, 354
коммуникация, 72, 73, 86, 108, 110, 148, 223, 411–413, 416, 417, 420, 427, 429, 430, 433–436, 439, 440, 444
исследование коммуникации, 416–418
коммуникация и мышление, 428, 430
коммуникация и рефлексия, 148
мысль-коммуникация, 433, 439, 443, 507, 566
представления о коммуникации, 411–413, 416, 417, 444
текст (тексты) коммуникации, 72, 73, 86, 91
теория коммуникации, 413, 436, 444
единицы теории коммуникации, 436
схема коммуникации, 429, 550
трансляция и коммуникация, 108, 426, 427, 429
функции коммуникации, 413, 416
конфигуратор, 414, 600, 601
конфигурирование, 596–598, 600, 601, 607
кооперация, 330, 604, 608, 609
кооперация и организация, 265
схема (схемы) кооперации, 306, 603–607
формы кооперации, 608
культура, 119, 251, 422, 425–427, 431, 433, 435, 438, 441–444, 449, 519, 533, 564, 577
индивидуальная культура, 449
культура как идеальный объект, 425
мир культуры, 432, 433, 442
социальный мир и мир культуры, 564
понятие культуры, 425, 563
трансляция культуры, 326, 337, 339, 340, 425, 426, 429, 430, 449
культуротехника, 213, 214, 265

Л

лингвистика, 275, 277, 280, 305, 346, 347, 526, 600, 607
личность, 133, 328, 398, 432, 552, 586
логика, 218, 219, 272, 314, 419, 421, 423, 428, 514, 515, 565
аристотелевская логика, 419
логика и герменевтика, 538, 539, 544
логика и грамматика, 612
логика и методология, 565
логика и онтология, 127
логика и теория мышления, 565, 566
логика как наука, 313
«Наука логики» Гегеля, 313, 570
понятие логики, 127
содержательная логика, 272
содержательно-генетическая логика, 310, 311, 418, 419, 504
принцип содержательно-генетической логики, 237
формальная логика, 589
логос, 170, 432, 441

М

марксизм, 318, 510, 581
принципы марксизма, 510, 541
математика, 84, 128, 238, 245, 252, 298, 327, 611
древнегреческая математика, 418

основания математики, 250
материал, 41, 96, 97, 152, 169, 170, 173, 174, 176, 179, 181, 190, 219, 223–226, 233, 234, 270, 335, 336, 349
материал у Аристотеля, 169
организованность материала, 329, 398, 400
автономные организованности материала, 398
организованный и неорганизованный материал, 169
понятие материала, 270
содержательно-смысловой материал, 235, 236, 249, 250, 253
форма и материал (*см.* форма)
чистый материал, 173, 174
эмпирический материал, 370, 371, 391, 392, 408
материализм, 536, 537
вульгарный материализм, 488, 537
диалектический материализм, 40, 536, 545
диалектический материализм и натурализм, 592
материализм и идеализм, 536, 545
принцип материализма, 540, 542
метафизика (*см. тж.* онтология), 24, 31, 83, 124, 132, 414
метод, 222, 570, 609,
диалектический метод, 536
корреляционный метод, 611
лексикостатистический метод, 610
метод «клеточки», 500
метод (принцип) «молевого сплава» («сплавщика»), 34, 77, 492, 494, 595
метод и объект (предмет), 46, 273, 276, 278, 610
метод и методология, 570
метод определений, 406
методы предметизации, 449
методы теории множеств, 611
нормативный метод, 348
понятие метода, 570
понятие метода у Гегеля, 570
статистический метод, 582, 609
типологический метод, 205
методологическая организация (мышления и деятельности), 14, 21, 22, 35, 46, 61, 63, 80, 95, 208, 213, 214, 230, 267, 310, 329, 539, 543, 570, 571
методологическая организация деятельности, 253
методологическая организация мышления, 81, 109, 140, 166
схема методологической организации, 198
схема ортогональной организации (пространства) мышления и деятельности, 261, 535, 536, 544, 556
методологическая работа, 43–45, 60, 61, 63, 89, 93–95, 102, 112, 141, 143, 202, 206, 235, 237, 347, 250, 252, 253, 258, 262, 274, 277, 371, 459
пространство методологической работы, 42, 55, 64, 92, 105, 250
ситуация методологической работы, 252, 254
методологические дисциплины, 463
методологический подход, 59, 143, 276, 277, 301, 310, 313, 493, 539, 583
методологическое движение, 568
методологическое мышление, 28, 79, 82, 93–95, 98, 101, 102, 108, 122, 134, 143, 278, 459, 461–463, 493, 584–587, 589, 604
методологическое и философское мышление, 587
пространство методологического мышления, 97
развитие методологического мышления, 99, 134, 135, 463
реализация методологического мышления, 101
содержание методологического мышления, 81, 82
трансляция и воспроизводство методологического мышления и деятельности, 101, 104, 105

методология, 16, 80, 93–99, 132, 195, 214, 227, 229, 235, 250, 258, 267, 271, 272, 274, 275, 278, 296, 297, 302, 304, 313, 314, 331, 369, 460, 461, 463, 526–527, 532–534, 539, 540, 542, 544–546, 548, 549, 569–572, 583, 585, 587, 596, 608
идеология методологии, 100
логика и методология (*см.* логика)
метод и методология (*см.* метод)
методология и (организационно-деятельностная) игра, 570
методология и наука, 80, 93, 229, 296, 297, 313, 459–462, 529, 530, 587, 596
методология и практика, 570
методология и религия, 534
методология и теория, 101, 103, 112
методология и философия, 531, 587
методология науки, 296, 304, 321, 361, 460, 582
методология научного исследования, 462
общая методология, 571, 572
предмет методологии, 396, 302, 304
прикладная методология, 571
профессиональная методология, 463
развитие методологии, 98
системомыследеятельностная (СМД) методология, 528, 540, 542, 545, 549
основные направления развития системомыследеятельностной (СМД) методологии, 570, 571
теоретические основания системомыследеятельностной (СМД) методологии, 570, 571
смысл методологии, 313
структурная организация методологии, 571
схема методологии, 29, 571
формы организации методологии, 274, 275, 459
частные методологии, 463
мировоззрение, 530, 531
материалистическая организация мировоззрения, 545
научное мировоззрение, 546
религиозное мировоззрение, 532, 534
монада, 171–173
идея монадности, 171
«монадные» представления, 172
мораль, 547
Московский методологический кружок (ММК), 13, 258, 310, 411, 418, 484, 485, 488–492, 499, 501, 506, 507, 515, 518, 531, 535, 537, 548, 549, 561, 564, 566, 568
мыследействие, 448, 460, 462
объекты мыследействия, 464
мыследействование, 433, 434, 440, 446, 447
мир мыследействования, 433
мыследействование и чистое мышление, 445
мыследеятельность, 412, 413, 416–418, 432–434, 440, 445, 446, 456, 457, 459, 464, 517, 543, 566, 571–573
исследовательская мыследеятельность, 456
история мыследеятельности, 457, 461, 462
мир мыследеятельности, 432
мир мыследеятельности и мир природы, 544
объект (объекты) мыследеятельности, 456, 458
онтологическая картина мыследеятельности, 433, 435, 445
понятие мыследеятельности, 566
системы мыследеятельности, 573
типология систем мыследеятельности, 573
структуры мыследеятельности, 413, 440
сфера мыследеятельности, 460–463
схема мыследеятельности, 436, 507, 516, 572
онтологическая схема мыследеятельности, 445
мыслительная работа, 76, 165
пространство мыслительной работы, 22, 25, 77

мышление, 17, 18, 24, 25, 28, 35, 52, 53, 67, 68, 73, 79, 81–83, 87, 90, 93, 96, 100, 101, 115–122, 131, 151, 152, 154, 155, 157, 167, 171, 178, 185, 245, 272, 305–307, 309, 312–317, 320, 323, 324, 336, 337, 344, 418, 419, 423, 424, 427, 428, 430–432, 434, 437, 438, 440, 442, 444, 447, 452, 463, 483, 486, 488, 490, 492, 494–496, 499, 506, 507, 541, 544, 550, 554, 557–559, 566, 574, 584, 585, 587, 598, 613, 614
безóбразное мышление, 559
диалектическое мышление, 586, 594
техника диалектического мышления, 492
единица мышления, 315
исследование мышления, 312, 335, 338, 416
категория мышления, 120, 566
коллективное мышление, 444
методологическое мышление, 28, 79, 82, 93–95, 98, 101, 102, 108, 122, 134, 143, 278, 459, 461–463, 493, 584–587, 589, 604
механизмы мышления, 554
модальности мышления, 121, 184, 492
модель мышления, 598
морфология мышления, 308
мышление и действие, 448
мышление и деятельность, 151, 154, 215, 344, 413, 417, 430, 434, 439, 522, 534, 535, 538, 561, 562, 566, 584
связь мышления и деятельности, 117–119
соотношение мышления и деятельности, 430, 434, 439, 440
тайна взаимоотношений между мышлением и деятельностью, 137
мышление и коммуникация, 418, 419
мышление и отражение (*см.* отражение)
мышление и познание, 486–489, 492
мышление и понимание, 39, 89, 429, 539, 544, 613, 614
мышление и рефлексия, 49, 50, 52, 53, 55, 57, 61, 68, 148, 151–154, 168, 181, 187, 190, 191, 215, 244, 245, 267, 486
мышление и язык, 428
мышление как деятельность, 152, 424, 426, 430, 432, 438, 495, 558, 561, 562, 566, 584
мышление как оперирование (с объектами), 558, 562
мышление как субстанция, 542
мышление как явление культуры, 441
наука о мышлении, 490
научное мышление, 461, 462, 587
научное и методологическое мышление, 461, 462
онтологическая картина мышления, 26, 315
организация мышления, 165
научные формы организации мышления, 80
понятийная форма организации мышления, 136
предметные формы организации мышления, 79
религиозно-теологическая организация мышления, 84
теоретическая форма организации мышления, 101
философская форма организации мышления, 83, 84, 124
понятие мышления, 120, 155, 483, 557, 566
понятие содержательного мышления, 320
правильное мышление (*см. тж.* понятие правильности), 96
предметное мышление, 85
предметность мышления, 605
принцип тождества бытия и мышления (у Гегеля), 146, 237
продуктивность и репродуктивность мышления, 598
пространство мышления, 52, 116, 117

процесс (процессы) мышления, 21, 71, 72, 74, 78, 81, 84, 117, 157, 168, 323, 336, 338, 346
развитие мышления, 122, 136, 305, 326
рефлексивное мышление, 68
системное мышление, 491
содержательное мышление, 320
сфера мышления, 308, 309
теория мышления, 25, 28, 29, 35, 43, 44, 59, 62, 99, 100, 102, 129, 140, 189, 221, 314, 317, 321, 324, 416, 418, 503, 565, 566
типы мышления, 463
формальное мышление, 320
чистое мышление, 72, 73, 76, 78, 82, 85–87, 92, 432, 434, 435, 439, 440, 445
чистое мышление и коммуникация, 72–74, 82, 85, 86
чистое мышление и практически ориентированное мышление, 72, 92, 93, 433
чувственное отражение и мышление (*см.* отражение)
эволюция мышления, 309
языковое (речевое) мышление, 420, 421, 428

Н

натурализм, 33, 34, 36–38, 158, 574–576, 578, 592, 593
идея натурализма, 574
натуралистический подход, 14, 15, 38, 452, 454–458, 465, 555
натуралистический и деятельностный подход, 543, 544, 657
натурфилософия, 296, 304, 594
наука (науки), 78–81, 84, 93, 94, 133, 229, 251, 295–297, 301, 302, 304, 313, 321, 360, 361, 363, 364, 371, 416, 435, 451, 452, 454, 458, 460, 461, 465, 477–479, 527, 529–532, 534, 537, 538, 555, 559, 596, 611
естественные (натуральные) науки, 133, 158, 313, 356, 363, 418, 435, 441, 452, 454, 457, 458
«машины» науки, 473, 475, 476
методология и наука (*см.* методология)
методология науки (*см.* методология)
наука и образование, 213, 214
наука и практика, 478, 479
наука и философия, 128, 460, 530, 531
науки о деятельности и мышлении, 458, 527
прикладная наука, 480
развитие науки, 297, 301
советская наука, 260
фундаментальная наука, 480
норма (нормы), 327, 336, 339–341, 343, 347–351, 355, 358, 359, 362, 585, 586
норма (нормы) деятельности, 16, 17, 202, 235, 340, 344, 405, 471, 584, 585
нормы и цели, 345
понятие нормы, 585
реализация нормы (*см.* реализация)
нормативная конструкция (конструкции), 336, 343, 348, 349, 350
нормативно-деятельностный подход, 332, 348, 350, 351
идея нормативно-деятельностного подхода, 349
нормативное представление (представления), 324–327, 335, 348, 349
нормативные образования, 335, 337–339, 341
нормировка, 258, 260, 261
нравственность, 546, 547

О

объект (объекты), 15, 17, 19–21, 32, 33, 39–41, 70, 115, 118, 126, 138, 157, 158, 232, 234, 254, 260, 271, 273, 297, 301, 303, 315, 318–320, 361, 421, 435, 437, 452, 453, 455–458, 464, 474, 493, 495, 503, 558, 562, 575, 583, 586–598, 601–614
деятельностно-природный объект, 518, 521
онтология деятельностно-природных объектов, 518

знания и объект (*см.* знание)
идеальный объект (объекты), 118, 126, 199, 255, 371, 431–438, 441, 442, 448, 450, 614, 615
идеальные объекты науки, 364, 476, 477
идеальный объект и реальный объект, 503
мир идеальных объектов, 432–435, 438, 441
категория (схема) субъект–объект (*см.* субъект)
метод и объект (*см.* метод)
модели объектов, 361, 597, 598
натуральный объект, 158
научные объекты, 540
объект и предмет, 317, 421, 539, 540, 545, 605, 606
объект исследования, 455, 456
объекты оперирования, 215, 317, 437, 496, 558, 591
онтологическая картина объекта, 609, 611
онтологическая картина сложного объекта, 414
оперативный объект, 287
оперирование с объектами, 318, 320, 558, 562, 612
предметность объекта, 41
представление объекта, 15, 17, 19–21, 39–41, 304, 319, 414, 603
системное представление объекта, 234, 308
структурное представление объекта, 234
онтологические представления об объекте, 369
реальный объект (объекты), 255, 477, 486, 503
свойства объекта, 297, 612
атрибутивные свойства объекта, 613
структура объекта, 391
объективация, 255, 503
формальная объективация, 502, 503
онтологическая картина (*см. тж.* онтология), 24, 42, 74, 126–128, 131, 135, 180, 184, 219, 223, 224, 233, 234, 236, 248, 270, 312, 341, 365, 370, 413–418, 428, 436, 444
онтологическая картина интеллектуальной деятельности (*см.* интеллектуальная деятельность)
онтологическая картина мыследеятельности (*см.* мыследеятельность)
онтологическая картина мышления (*см.* мышление)
онтологическая работа, 24, 106, 124, 126, 128, 131, 132, 136, 138, 414, 435, 554, 610, 611
онтологическая работа и исследование, 38
предметная и онтологическая работа (*см.* предметная работа)
онтологическая схема (схемы), 215–218, 273, 369, 457
онтологические основания, 236, 248
онтологическое представление (представления), 124, 215–218, 248, 369, 414–416
онтология (онтологии), 42, 74, 83, 124, 126, 128, 131–134, 136–138, 150, 205, 234, 236, 248, 249, 276, 303, 312, 423, 424, 444, 490, 512–514, 610–612
логика и онтология (*см.* логика)
методологическая онтология, 304
онтологии и категории, 513
онтология деятельности (*см.* деятельность)
онтология и понятия, 126
онтология средств, 511–513
понятия и онтология (*см.* понятие)
формальная онтология, 230
оперативная система (системы), 285–289, 294
операции (мышления), 90, 317, 319–321, 334, 437, 448, 558, 559, 612, 613
алфавит операций, 316, 334
операции и действия, 448
операционализм, 612, 613
определение, 110, 272, 406

опыт
перенос опыта, 277, 285, 286
организационная деятельность, 179, 330
организационно-управленческая деятельность, 469, 470
понятие организационной деятельности, 330
организационное отношение, 172, 173, 176, 177, 179
организационный подход, 312
организационно-деятельностный подход, 311
организационно-психологический подход, 469
организация, 178, 179
понятие организации, 172, 329
проблема организации, 255
социотехническая организация, 209, 210
форма (формы) организации, 179–183, 189–191
математическая форма организации мышления, 84, 128
предметные формы организации мышления и деятельности, 78, 79
философская форма организации мышления, 83, 84, 124
отражение, 487
мышление и отражение, 440, 558, 560
принцип отражения, 537
традиционная концепция отражения, 504
чувственное отражение, 487, 495, 496, 558
чувственное отражение и мышление, 486–488, 494, 499, 559
ошибка, 355, 362–364
категория ошибки, 327

П

парадигматика, 129, 221, 279, 282, 288, 306
развитие парадигматики, 306
синтагматика и парадигматика (*см.* синтагматика)
система парадигматики, 306
парадигматические организованности, 306–308
развитие парадигматических организованностей, 308, 309
парадигматические системы, 305, 306, 308, 401
парадокс (*см. тж.* антиномия), 297, 302
ситуация парадокса, 301, 588, 598
подход (подходы), 29, 33, 195–200, 204–206, 209–212, 214, 226, 230, 231, 237, 242, 257, 274, 291, 454, 459
деятельностный подход, 14, 16, 17, 20, 21, 32, 36–42, 45–47, 195, 201, 204, 205, 209–211, 232, 329, 340, 425, 464, 475, 507, 508, 512, 517, 520, 521, 544, 562
диалектический подход, 414
исторический подход, 83
конструктивные элементы подхода, 200, 203, 235, 238, 263
материал подхода, 196, 198, 200–205
методологический подход, 59, 143, 276, 277, 301, 310, 313, 493, 539, 583
морфологический подход, 273
натуралистический подход, 14, 15, 38, 452, 454–458, 465, 555
научно-теоретический подход, 314, 325
нормативно-деятельностный подход, 332, 348, 350, 351
область (сфера) внедрения подхода, 196, 197, 199, 208, 209, 210
область извлечения подхода, 199, 200
область (сфера) осуществления подхода, 197, 199, 201
определение подхода, 230
организационный подход, 312
подход и предмет, 213, 223, 226, 235
подход и теория, 199, 203
подход как организованность деятельности, 195, 196
понятие подхода, 202, 257

проблема подхода, 257
синтаксический подход, 231
системный подход, 210, 232, 234, 329, 358, 489, 491, 512, 513, 583
системодеятельностный подход, 14, 170, 239, 329, 454, 458, 474
системомыследеятельностный (СМД) подход, 454, 483, 484, 486, 499, 500, 508, 517
способ и подход (*см.* способ)
структура подхода, 210, 257, 288
сфера разработки (создания) подхода, 197, 198, 201, 202, 204
сферы употребления подхода, 196
теоретико-деятельностный подход, 329
типологический подход, 205
эпистемологический подход, 15, 16, 38, 41, 474
позитивизм, 414, 546
познание, 484, 487–489, 496, 593, 594, 601
идея чистого познания, 435
мышление и познание (*см.* мышление)
познание объекта, 707
теория познания, 301, 303, 484, 507, 593
предмет теории познания, 301
понимание, 75, 76, 78, 87–90, 344, 345, 419, 613, 614
мышление и понимание (*см.* мышление)
понятие (понятия), 53, 56, 57, 109, 122–125, 128–131, 134–137, 139, 144, 222, 272, 275, 301, 369–373, 387, 576, 588, 602, 615
ансамбль (ансамбли) понятий, 130, 131, 134, 135
методологические понятия, 369
определение понятий, 93, 384, 384, 602
понятие выражения, 487, 498
понятие как единица рефлексии, 56, 125, 129, 135, 137
понятие морфологии, 169, 329
понятие правильности (*см. тж.* правильное мышление), 96, 97
понятие практики, 99, 524
понятие прикладной дисциплины, 469, 479
понятие скорости, 299, 301
понятие функции, 268
понятие эволюции, 393
понятия и онтология, 126–128
процессы образования понятий, 336
соорганизация понятий, 125, 128, 131
структура понятий, 125
правило, 287, 288
предмет (предметы), 18–20, 24, 29, 46, 47, 62, 125, 146, 147, 212, 213, 223–230, 235, 317, 330, 415, 539, 540, 606
научный предмет (предметы), 46, 62, 64, 111, 312, 451, 452, 458, 461, 476
схема научного предмета, 230, 501, 530
нормативно-деятельностный предмет (предметы), 82, 86, 327, 328, 348–350, 355
объект и предмет (*см.* объект)
подход и предмет (*см.* подход)
понятие предмета, 46, 61, 132, 212, 606
предмет и «машина», 46, 47, 63
предмет и предметность, 212
предмет и ситуация, 227, 228, 270
предмет практики, 476, 477
учебные предметы, 100
предметная работа, 166, 226, 227, 230
предметная и онтологическая работа, 414, 415
предметный мир, 366–369, 373, 393, 396, 402, 406, 407
теория предметного мира, 401, 402
прикладная дисциплина, 469, 479, 480
принцип, 177, 274
природа, 97, 393, 395, 441, 453, 456, 458, 576, 581
«вторая природа», 41, 238, 576

материал природы, 456, 457, 464, 465, 576
мир природы и мир деятельности и мышления, 536, 544
объект природы, 457, 487
понятие природы, 453
природа и культура, 577
проблема, 282, 283
проектирование, 82
производство, 172, 179, 565
категория производства, 564
пространство, 30, 54, 67, 85, 142, 150, 240
категория пространства, 47, 48, 83
понятие пространства, 22, 47–49, 56, 57, 61, 83, 150, 544
пространство у Канта, 240
противоречие, 299, 301
процесс (процессы)
категория процесса, 260, 323, 334, 337,
категории процесс и структура, 329
процессы-материал (процессы-носители), 148, 149, 167, 169, 183, 187
психика, 557
психологизм, 185, 440, 441, 483, 494, 540, 541, 557, 560
психология, 119, 126–128, 185, 191, 260, 336, 341, 342, 346, 415, 416, 422, 423, 425, 427, 440, 441, 466–469, 497, 498, 539, 540, 557
методологические основания психологии, 517, 519, 520
научный подход в психологии, 364
психология и философия, 126, 128
психология спорта, 466–468

Р

распредмечивание, 78, 79, 146
распредмечивание мышления, 79
реализация
принцип реализации, 328
процесс (процессы) реализации, 339, 349, 350
реализация нормы, 196, 325, 341, 347, 348
рефлексивное представление, 17–19, 21, 35, 39
рефлексия, 17, 19, 21, 26, 27, 41, 49–52, 55, 56, 109, 113, 115, 125, 137, 138, 147, 148, 150–156, 158, 160, 162–164, 166–168, 173, 174, 179–181, 187, 189–192, 226, 244, 320, 344, 462, 521, 522, 525, 526
интенциональные отношения рефлексии, 150
механизм рефлексии, 183, 184, 191
мышление и рефлексия, 49, 50, 52, 53, 55, 57, 61, 68, 148, 151–154, 168, 181, 187, 190, 191, 215, 244, 245, 267, 486
организованная рефлексия, 149, 151, 152, 168, 169, 173, 174, 189, 190
основной парадокс рефлексии, 112, 113, 115
понятие рефлексии, 109, 124, 139, 140, 192
проспективная рефлексия, 50, 207
пространство рефлексии, 42, 43, 49, 50, 52, 53, 56, 61, 76, 85, 135, 141, 147, 157, 163, 241
понятие пространства рефлексии, 141
пространство методологической рефлексии, 22–24, 42, 52, 55, 79, 98, 102, 103, 115, 142, 147
ретроспективная рефлексия, 50
рефлексивное представление, 17–19, 21, 35, 39
рефлексия и восприятие, 151
рефлексия и исследование, 50, 51
рефлексия как интенциональность, 168, 171
рефлексия как материал-носитель, 190
рефлексия как отражение, 439, 487, 504
формы организации рефлексии, 147–149, 151, 174, 179, 188, 189, 191

чистая рефлексия, 148, 149, 152, 166, 168, 169, 173, 174, 178–182, 187, 189, 190
понятие чистой рефлексии, 148, 175
речь
речь и язык, 421, 422, 610
речь-мысль, 430

С

самоопределение, 556
синтагматика, 129, 284
синтагматика и парадигматика, 106, 129, 215, 278, 282, 288
синтагматические системы, 401
система
категория системы, 142, 233, 234, 329, 345, 463, 512
понятие системы, 233, 239, 307, 308, 317
слойное представление системы, 173, 174
системный подход, 210, 232, 234, 329, 358, 489, 491, 512, 513, 583
структурно-системный подход, 210, 291
системодеятельностный подход, 14, 170, 239, 329, 454, 458, 474
системомыследеятельностный (СМД) подход, 454, 483, 484, 486, 499, 500, 508, 517
ситуация (ситуации), 204, 229, 239–241, 244, 247, 254, 285
организация ситуации, 238, 239, 241, 243
понятие ситуации, 228, 428
предмет и ситуация (*см.* предмет)
ситуация и деятельность, 242, 284
смысл, 613, 614
содержание
объективное содержание, 117, 118, 242, 317, 437
форма и содержание (*см.* форма)
сознание, 19, 50, 51, 69, 76, 118, 144, 160–163, 167, 171, 186, 187, 262, 320, 440, 443, 495, 496, 498, 590, 601, 614
механизм (работы) сознания, 50, 54, 113, 160, 162, 163, 167, 181, 186, 187, 206, 215, 320, 363, 456, 601
табло сознания, 161, 430, 431, 590
социотехническое отношение, 173, 179, 329
понятие социотехнического отношения, 329, 330
спорт, 466–471, 473–475
физкультура и спорт, 466–468, 471, 472, 475, 478
способ (способы), 259, 284—290
способ (способы) деятельности, 221, 266
способ и подход (способы и подходы), 212, 213, 214, 219, 222, 226, 227, 260–266, 278–283, 292
определение подхода и способа, 212, 222
способ (способы) решения задач, 266, 324, 337, 338
понятие способа решения, 259
средства
арсенал средств, 214, 235–238, 257, 258, 262, 263, 265, 269, 401
«кладовая» средств, 30, 214, 218, 219, 221, 222, 229, 232–237, 253, 257, 262, 263, 265, 269
средства деятельности, 214, 323, 342, 473
структура
категория структуры, 260, 317, 323, 337, 339, 345
субъект
категория (схема) субъект–объект (*S*—*O*), 317, 318, 453, 454, 456, 487, 488, 550, 551, 555–557
субъект познания, 455
субъективация, 551–553
существование, 245, 541
проблема существования, 260
реальное существование, 244–246, 254, 355
схема (схемы), 47

схема «квадрата», 494, 495, 498, 499, 501, 503, 504, 506, 507, 513, 515–521, 525, 557, 558, 560
сциентизм, 18, 213, 356, 360, 416, 572

Т

теория, 26, 34, 63–65, 100–104, 109, 110–112, 126, 141
методология и теория (*см.* методология)
научная теория, 199
подход и теория (*см.* подход)
понятие теории, 63, 109, 112, 123, 124, 130
теория и практика, 26, 63, 110, 567
философская теория, 126, 128
теория деятельности, 102, 221, 310, 317, 324, 439, 563, 564, 566, 603
понятие теории деятельности, 310
понятия теории деятельности, 344
психологическая теория деятельности, 416, 439, 564
теория мышления, 25, 28, 29, 35, 43, 44, 59, 62, 99, 100, 102, 129, 140, 189, 221, 314, 317, 321, 324, 416, 418, 503, 565, 566
логика и теория мышления (*см.* логика)
построение теории мышления, 14, 19, 22, 24, 25, 28–30, 32, 44, 46, 59, 61, 62, 98, 100, 103, 123, 129, 136, 140–142, 314
топика, 535, 544

Ф

феноменология, 146, 159, 246, 443, 574, 578
идея феноменологии, 574
философия, 16, 80, 84, 126, 128, 132, 134, 531, 572, 587
возникновение философии, 127
методология и философия (*см.* методология)
наука и философия (*см.* наука)
психология и философия (*см.* психология)
«неклассическая ситуация» в современной философии, 39
немецкая классическая философия, 119, 432, 433, 536, 538, 541, 555
форма, 172
знаковая форма, 57, 117, 118, 124, 125, 176, 295, 318, 319, 399, 404, 419, 420, 437, 442, 558, 559, 562
знаковая форма знания, 474
функции знаковой формы, 419
превращенные формы, 156
форма и материал, 168–170, 173, 175, 176, 179, 270
форма и содержание, 279, 404
понятия формы и содержания, 403, 404

Х, Ц, Э

характеристика, 275
цель (цели), 45, 63, 65, 248, 352, 397
нормы и цели (*см.* норма)
понятие цели, 354
эксперимент, 365, 524, 525

МИФ Саморазвитие

ДОБИВАТЬСЯ ЦЕЛЕЙ

ИСКАТЬ СВОЕ ПРИЗВАНИЕ

ВОПЛОЩАТЬ МЕЧТЫ

Узнавай первым о новых книгах, скидках и подарках из нашей рассылки
mif.to/letter

Все книги по саморазвитию на одной странице:
mif.to/samorazvitie

#mifbooks

Научное издание

Щедровицкий Георгий Петрович

УЧЕНИЕ ГЕОРГИЯ ЩЕДРОВИЦКОГО

в 10 томах

Том I. Подход

Книга первая

На перекрестке мысли: введение в системомыследеятельностный подход

Руководитель редакционной группы *Ирина Миронова*
Ответственные редакторы *Галина Кучина, Юлия Потемкина*
Дизайн макета и обложки *Ксения Мазурова*
Верстка *Екатерина Матусовская*
Корректоры *Надежда Болотина, Дарья Ращупкина*

ООО «Манн, Иванов и Фербер»
123104, Россия, г. Москва, Б. Козихинский пер., д. 7, стр. 2

mann-ivanov-ferber.ru
vk.com/mifbooks

16+

Методология — суть любых методик. Любые задачи можно решать по общей схеме и единым принципам, и разработкой этих принципов занимался под руководством Георгия Петровича Щедровицкого Московский методологический кружок, созданный в 1958 году.
В итоге был сформулирован системомыследеятельностный подход — новая схема совместного решения сложных задач, в том числе в условиях, когда информации недостаточно. С 1979 года на основе этого подхода стали проводиться организационно-деятельностные игры (ОДИ), ставшие инструментом обучения групповому взаимодействию в любой практической области.
Эта книга знакомит читателя с главными понятиями методологии Георгия Петровича Щедровицкого, и с нее стоит начинать более глубокое изучение его наследия.

***

У меня есть строго определенная цель и задача: построить теорию мышления. При этом я говорю: «задать программу», «выделить основные связки и области проблем»... Поскольку я-то не могу построить теорию мышления. Это очень большая, кропотливая работа, и жизни на это не хватит. Поэтому я предпочитаю построить программу для этой работы...

Г. П. Щедровицкий

9 785002 146123

МИФ mann-ivanov-ferber.ru @mifbooks